

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

P Law 147.2

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

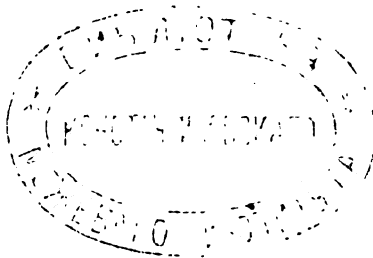
4689

Отд. XVIII № 12586 Ш.Р.

БЕСѢДА

78470

XI

МОСКВА

1872.

НИГА XI-я.—НОЯБРЬ. 1872 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

Объ изданіи журнала «БЕСѢДА» въ 1873 году.

ОТДѢЛЪ I.

	Стр.
I.—ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ЮЖНО-РУССКАГО НАРОДНАГО ПѢСЕННАГО ТВОРЧЕСТВА.—Н. П. Костомарова	5
II.—Изъ «L'ANNÉE TERRIBLE». (Виктора Гюго). Разстрѣліаніе. Стихотвореніе.—В. П. Буренина.	55
III.—НАШИ МОНАСТЫРИ (Заключеніе).	59
IV.—ВОЗРОЖДЕНІЕ БЕЛЬГИИ ВЪ 1830 ГОДУ (По новымъ изслѣдованіямъ).	83
V.—ОЧЕРКИ ИСТОРИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ АМЕРИКИ.—А. С. Третьякова	124
VI.—БОГАТЫРИ. Романъ въ трехъ частяхъ (Изъ времени императора Павла). Часть 3-я, гл. V—IX (Окончаніе).—Н. А. Часова	185
VII.—БЕЗНАБАЗАННОСТЬ НАШИХЪ БАНЕРОТЦВЪ.—В. Сафонова.	253
VIII.—ИСТОРИЯ ОДНОГО ЧЕСТНАГО БУРЖУА.—Романъ Андре Лео (Переводъ съ рукописи). Часть 2-я, гл. VII—VIII	271
IX.—ВРЕМЯ ЛЮДОВИКА XIV НА ЗАПАДѢ, ВРЕМЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО НА ВОСТОКѢ ЕВРОПЫ.—С. М. Соловьева.	327
X.—ОЧЕРКИ НОВѢЙШЕЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Манчини и его романъ «Обрученные» (Окончаніе).—С. Н.—ко.	341
XI.—НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ВОЕННОЙ ПОВИННОСТИ.—М. П. Погодина	372
XII.—ИЗЪ РОБЕРТА ПРУТЦА. Стихотвореніе.—А. Н. Плещеева.	398

ОТДѢЛЪ II.

XIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Изъ исторіи вятскаго земства.—Н. П. Колюпанова.—Общество распространенія св. Писанія въ Россіи.—И. П. Кириллова.—РУССКАЯ ЗЕМЛЯ: Жегули и Усолье на Волгѣ (Наброски путемъ-дорогой). Д. Н. Садовникова	1
XIV.—НОВЫЯ КНИГИ: Исторія русской и всеобщей словесности. Сост. В. И. Межовъ. Сиб. 1872.—Исторія сербско-хорватской литературы. Соч. В. Ягича. Перев. съ сербо-хорватскаго (Древній періодъ). Базань. 1871.—Исторія русской женщины въ послѣдовательномъ развитіи ея литературныхъ типовъ. Публ. лекцій, читан. въ Орлѣ. Н. А. Чудинова. Воронежъ. 1871.—А. В.	64
Иностранная литература: Ueber nationale Erziehung. Vom Verfasser der «Briefe über berliner Erziehung». Leipzig. 1872.—La Pologne et la Russie dans la Slavie.	

БЕСѢДА

• 1872

" ВЕСЕДА "

" 1872 "

ВЕСЕДА

ЖУРНАЛЬ

УЧЕНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ГОДЪ ВТОРЫЙ

Книга XI. — Ноябрь.

МОСКВА.

И. Г. Соловьевъ, Страстной буль- | 1-я Мѣщанская, домъ Ковлова—
варь—главная контора журнала. | контора редакціи журнала.

ОДЕССА.

Контора **Мосягина и К^о**,
Дерибасовская улица, д. Вагнера.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

А. Ф. Вазуновъ, Невскій проспектъ—
главная контора журнала.

△
P. 112 v. 11 (1872 no. 11)
v

65 + 2

МОСКВА.

Типография А. И. Мамонтова и К^о.,
Большая Дмитровка, д. № 7.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

ЮЖНО-РУССКАГО НАРОДНАГО ПѢСЕННАГО ТВОРЧЕСТВА.

СИМВОЛИКА ЖИВОТНЫХЪ.

а. ПТИЦЫ И НАСѢКОМЫЯ.

Павлинь (по-малорос. *пава*) иногда изображаетъ женщину ¹⁾. Чаще въ пѣсняхъ встрѣчается не сама эта птица, а перья ея; изъ нихъ дѣвица дѣлаетъ себѣ вѣнокъ (павяный вѣнокъ): такъ въ одной очень распространенной колядкѣ, которую поютъ дѣвицамъ ²⁾. Въ галицкой колядкѣ павяный вѣнокъ срываютъ съ дѣвицы вѣтры ³⁾. Дѣвица ищетъ свой вѣнокъ и на берегу рѣки встрѣчаетъ рыболововъ, которые, на вопросъ дѣвицы: не видали-ль они ея вѣнга, спрашиваютъ ее: что имъ будетъ, когда они поймутъ ея вѣнокъ. Дѣвица обѣщаетъ одному золотой перстень, другому платокъ, а третьему саму себя ⁴⁾. Въ иной колядкѣ поется, что

¹⁾ Прилетѣла пава,
Прибѣжала мила.

²⁾ А въ ліску, въ ліску, на жовтім піску,
Тамъ пава ходить, пір'ячко ронить;
Марьечка ходить, пір'ячко збіра,
Пір'ячко збіра, въ рукавець склада,
Зъ рукавця бере, віночокъ плете.

³⁾ Пошла дівчина рано по воду,
Та схопилися буйні вітрове,
Буйні вітрове, шайні дождове,
Та схопили павяний вінокъ,
Занесли его въ тихий Дунаецъ.

⁴⁾ Та надійшли тудя три рыболови.
«Помай Бігъ, май Бігъ, три рыболове,

въ Угорской землѣ пива заборонена павлинымъ перомъ¹⁾. Образы эти, конечно, древни: павлиныя перья издавна были естественнымъ украшеніемъ, вещью обычною въ домашнемъ обиходѣ. Поэтому-то и казакъ, прощаясь съ родными и желая сказать, что онъ никогда не возвратится домой, говоритъ, что когда павлиное перо потонетъ, тогда родные дождутся его²⁾. Здѣсь павлиное перо приведено, конечно, какъ предметъ часто попадающійся на глаза. Должно думать, что павлиное перо встарину было дѣвичьимъ украшеніемъ преимущественно въ зимнее время, когда не было ни зелени, ни цвѣтовъ на вѣнки, и можетъ-быть отъ того-то павлиныя перья играютъ роль въ колядкѣ, одной изъ самыхъ распространенныхъ пѣсенъ исключительно зимняго времени. Затѣмъ оно стало символомъ убранства и довольства и въ послѣднемъ смыслѣ изображается нива, забороненная павлинымъ перомъ.

Птухъ (по-малор. *півень, півникъ*, древн. *куръ*. Въ зап. Малор. польское: *когутъ*) и *курица* (по-малор. *курка, курочка, куріпочка, квочка*—насѣдка) не имѣютъ опредѣленнаго символическаго образа. Въ веснянкахъ дѣвица сопоставляетъ съ кучею куръ молодцовъ, собравшихся на улицѣ, а своего милаго, котораго

Три риболови, панськи сьнове,
Чи не стрічали павляний вінокъ?
—Бодай здорова, кгречна панночко,—
Хоть и стрічали, коли не знали:
А щожъ намъ буде за переимецъ?—
«Едному буде хустка шовкова,
Хустка шовкова зъ білою ши;
Другому буде золотий перстень,
Золотий перстень зъ білого палця;
Третому буде сама молода,
Сама молода та якъ ягода».

(Чт. 1864. 1. 83—86)

- 1) Угорська земля пречъ поерана,
Пречъ поерана и посіяна,
Павлянимъ перцемъ заволочена,
Ясними мечи обгороджена,
Обгороджена одъ злои тучи.

(Чт. 1864. 1. 8).

- 2) Тоді я, нене, приїду до васъ,
Якъ павине пір'є на спідъ потоне,
А глиновий камінь на верхъ виплине.

(Макс. Сб. У. Д. 107.)

при ней нѣтъ, съ пѣтухомъ, и просить пѣтушка дать ей взаймы крыльевъ, чтобы полетѣть и узнать, гдѣ ея чернобровый ¹⁾). Въ веснянкахъ съ насѣдкою сравнивается мать, а съ цыплятами—молодцы, и послѣднимъ придаются разные насмѣшливые признаки ²⁾). Пѣтухъ и курица въ одной веселой пѣснѣ изображаютъ мужа и жену ³⁾). Иногда пѣтухъ—вѣстникъ несчастья: его пѣніе извѣщаетъ мать о смерти сына ⁴⁾). Женщина жалуется, что пѣтухъ разбудилъ ее, и проклинаетъ его ⁵⁾).оборотъ этотъ тѣмъ замѣчательнѣе, что онъ древнѣй: подобный есть въ великорусскихъ пѣсняхъ.

Въ галицкихъ пѣсняхъ есть легендарное преданіе о томъ, что когда русскій Богъ воскресъ, то его увидала первая жидовская дѣвочка и сказала своему отцу; но старый жидъ отвѣчалъ ей, что еслибъ она не была его дочь, онъ бы за такія слова при-

1) Всі курочки до-купочки, півень ходить різно;

Усі хлопці на улиці, а мій ходить пізно.

Курашечко, чубашечко, позичь мині крилець,

Ой полину, одвідаю, де мій чорнобривець.

2) Ой сиділа квочка та коло кілочка;

Та вивела квочка четверо дітокъ:

Иваська, Петруська, Василька, Миколку;

У того Иваська та криві ноги,

У того Петруська кучерява голова,

У того Василька великі зуби,

У того Миколаки білі руки.

Кривими ногами жарь загібати,

Кучерявою головою пічъ вимітати,

Великими зубами коріння глотати,

Білими риками листи писати.

3) На улиці півничокъ громаде,

Ой вінъ свою куріночку проваде:

«Иди, иди, куріночко, до дому,

Та не давай пір'ячка ні кому».

—Хиба жъ би я; півничку, безъ ума,

Щобъ я свое пір'ячко давала.

4) Злетівъ півень на ворота,

Баже: кукуріку!

Не сподівайсь свого сина,

Матінко, до віку.

5) Бодай той когутъ знідівъ,

Що мене рано збудивъ!

казалъ бросить ее въ Дунай: пусть жареный пѣтухъ, что лежить передъ нимъ на тарелкѣ, полетитъ, тогда онъ повѣритъ, что русскій Богъ возсталъ изъ мертвыхъ. Вдругъ пѣтухъ полетѣлъ, и жидъ остолбенѣлъ ¹⁾).

Галка—отчасти женскій символъ. Соколъ представляется молодцомъ ей подъ пару ²⁾). Предостерегаютъ галку, чтобъ она не летала въ вишневый садъ: тамъ соколъ караулитъ ее, сидя на яворѣ; пусть дѣвица не ходитъ рано за водою: тамъ стережетъ ее казакъ ³⁾). Эта пѣсня какъ будто изображаетъ древнее умыканье дѣвицъ у воды. Въ свадебныхъ пѣсняхъ, какъ мы уже указывали, говоря о кукушкѣ, галки означаютъ свадебныхъ друзей. Не рѣдко и одиночно дѣвица сравнивается съ галкою ⁴⁾). Но галка не исключительно изображаетъ только женскій полъ; есть пѣсня, въ которой галки сопоставляются съ казаками ⁵⁾).

1) Ой дівча, дівча жидівча,
Ой кобись то такъ не моя дітина,
Я казавъ би ти въ Дунай кинути,
Втоди руський Богъ изъ мертвихъ уставъ,
Боли тотъ каплунъ передъ мя злетитъ,
Передъ мя злетитъ, красно запіе.
Есть передъ жидомъ тарель точений,
Тарель точений, каплунъ печений;
А каплунъ злетівъ, та й на облокъ сівъ,
Брасенько запівъ, а жидъ остовпівъ.

2) Чорна галочка невеличечка,
На що сокола перемовила?
Ой не я ёго перемовила:
Перемовило пір'я чорнее.
Ой дівчинонько молоденькая,
На що Грицика перемовила?
Перемовило личко білее,
Личко білее, слово вірнее.

3) Чорная галочко, не лети въ вишневий садъ:
Стереже тебе сокілъ, на явороньку сидючи.
Молода дівчино, не йди рано по воду:
Стереже тебе козаченько, на коннеу сидючи,
На тебе шильно поглядаючи.

4) Чорна галочка невеличка по дороженьци скаче;
Дурна дівча неразумная за козаченькомъ плаче.

5) Ой галочки, чернопірочки, круту гору вкрили,
Пішли наши козаченьки, жалю наробили.

Въ одной сиротской пѣснѣ одинокій молодець въ чужой сторонѣ какъ бы сопоставляетъ самъ себя съ галкою, которая сидитъ на соснѣ, качаемой вѣтромъ ¹⁾.

Галка—вѣстница. Она кличетъ новобрачную на посадъ, напоминая ей, что уже наступило время ²⁾. Казаки посылаютъ галку на Донъ ѣсть рыбу и принести имъ вѣсть отъ кошевого, но галка отказывается ³⁾. Но подобное порученіе даетъ галкѣ дѣвица: она посылаетъ ее на Донъ ѣсть рыбу и принести ей вѣсточку отъ милаго, и галка исполняетъ порученіе и приноситъ желанную вѣсть ⁴⁾. Молодець, не зная, гдѣ его милая, спрашиваетъ объ этомъ галку, и она сообщаетъ ему то, что ему нужно знать ⁵⁾. Другой молодець поручаетъ галкѣ сообщить его роднымъ, что онъ остался сиротою, что у него люди отбили

Ой галочки, чернопірочки, піднімітесь у гору;
Молоденькі козаченькі, вернітесь до дому.
Ой раді бъ ми піднятися,— туманъ налягає;
Ой раді бъ ми вернутися,— отаманъ не пускає.

- 1) Вилітала галка зъ зеленого гайка,
Сіла-пала галка на зеленій сосні,
На тоненькій гілці, на самій вершинці.
«Не хитайся сосно, міні жити тошно!
Не ламайся, гілко, міні жити тошно!
Гірко сиротині жити на чужині!»
- 2) Ой летіла галочка черезъ садъ,
Та крикнула галочка на весь садъ:
Ой часъ тобі, Марьечко, на посадъ.
- 3) Ой полети, полети, чорная галка, на Дінъ риби істи,
Та принеси, принеси, чорная галко, одъ кошового вісти.
Та вжежъ міні не літати на Дінъ риби істи,
Та вжежъ миві не носити одъ кошового вісти.
- 4) Ой полети, полети, чорная галко, на Дінъ риби істи,
Та принеси, принеси, чорная галко, одъ милого вісти.
Полетіла чорна галка, та й не барилася,
Та принесла таку звістку, щобъ не журилася.
- 5) Галочко моя, галочка чорненька,
Скажи міні, галочко, де моя миленька?
А твоя миленька въ лузі надъ водою
Умивається горячою слізою,
Утирається зільямъ кропивою.

дѣвицу ¹⁾. Въ пѣснѣ о сотникѣ Харькѣ галка приноситъ его женѣ роковую вѣсть объ его смерти ²⁾.

Соколы и орелъ — символы мужественной красоты, отваги, удалства; во многомъ оба эти образа сходны между собою до того, что даже существуетъ въ народной поэзіи соколъ-орелъ, какъ бы одна двойственная птица ³⁾; но, всматриваясь глубже въ значеніе того и другого образа, можно, однако, найти между ними отличіе. Орелъ заключаетъ въ себѣ болѣе суровости и мрачности: такъ, между прочимъ, орлы представляются терзающими тѣло убитаго казака, между тѣмъ какъ о соколахъ нѣтъ ничего подобнаго.

Соколы — символическій образъ богатыря. «Не видали ли вы моего сына-сокола?» спрашиваетъ мать казака у его товарищей. «Не тотъ ли твой сынъ, что семь полковъ сбиль, а за восьмымъ полкомъ сложилъ голову?» съ своей стороны спрашиваютъ у ней казаки ⁴⁾. Мать, лаская сыновей своихъ, называетъ ихъ соколами ⁵⁾. Въ колядкѣ поется: люди говорятъ: это соколъ летитъ, а тестъ скажетъ: это мой зять идетъ ⁶⁾. Также дѣвица называетъ молодца яснымъ соколомъ ⁷⁾ и употребляетъ это

¹⁾ Ой летіла чорна галка та по надъ водою;

Накажи ти мому роду, що я сиротою,

Сиротою невеликою недавно остався,

Черезъ тую молоду дівчину, що я величався,

Величався, не сміявся, думавъ—моя буде;

Розраили добрі люде,— дівчини не буде.

²⁾ Ой летіла черезъ тиі будинки та чорненська галка;

Ой зосталася сотничка Харчика, якъ прибудная ярка.

(Метл. 527).

³⁾ Ой піду я лужкомъ, бережкомъ,

Чи не зострінуся зъ орломъ-соколомъ.

Соколоньку ясний, ой, ти орле мій,

Чи не плаче, чи не тужить дівчина по мині?

⁴⁾ «Чи не бачили мого сина-сокола?»

—Чи не то твій синъ, що сімъ полківъ убивъ.

За восьмимъ полкомъ головку схиливъ?

(Укр. Дум. 148).

⁵⁾ Сини мои, сини, ясні соколоньки.

Тимъ же я васъ не женила, що ви молоденьки.

⁶⁾ Люде кажуть: се сокілъ летить;

Тестенько скаже: се мій зять иде.

⁷⁾ Соколоньку ясний, молодець ти красний!

имя въ ласкательномъ смыслѣ, обращаясь къ своему милому ¹⁾. Молодецъ-соколъ принадлежитъ къ огню дѣвицы и просить у ней руку ²⁾. Съ соколами сравниваются казаки, которые въ одной пѣснѣ приѣзжаютъ ко вдовѣ съ извѣстіемъ о смерти ея мужа ³⁾. Молодецъ, желающій жениться, сравниваетъ себя съ соколомъ ⁴⁾, ищущимъ пары, а о дѣвицѣ, которая была разборчива насчетъ молодцовъ и изъ всѣхъ наконецъ избрала себѣ одного милаго, поется, что она перебирала соколами, всѣхъ пустила въ поле, а себѣ оставила одного ⁵⁾. Тотъ же образъ прирученія, который мы приводили выше, говоря о голубѣ, относится и къ соколу ⁶⁾. Упустить сокола — на пѣсенномъ языкѣ значитъ упустить жениха ⁷⁾. Новобрачный вступаетъ за брачный столъ соко-

1) Ой якъ підешъ, милий, на нічъ, заграй хочъ въ сопіаку;
А я вийду, послухаю, чи ти тамъ сокіаку.

2) Чи не той то соколонько,
Що зъ орломъ літає,
До виконця підлітає:
Ой стуку, стуку!
Подай, серце, руку!

3) Налетіли соколи изъ чужої сторони,
Сіли-пали соколи въ удівоньки на дворі,
Крилетками увесь двір укрили,
Ніженьками у сінечки вступили,
Оченьками всю світлоньку збудили.

4) Сивий соколонько по полю літає,
По своихъ роскошахъ пароньки шугає;
А я молодъ въ світі гадаю,
Що я собі пароньки не маю.

(Мет. л. 45).

5) Ой ти, дівонько-перебіронько,
Тожъ то си перебираешъ:
Вже всі соколи впустила въ поле,
Но одного не пускаешъ,—
Того сокола дрібненька мова
Золоті крильці хороши.

(Чт. 1863. 4. 191).

6) Сокілъ, мати, сокілъ, мати, сокілъ прилітає!
Давай, донько, принадоньку,— нехай прививає.
Козакъ, мати, козакъ, мати, козакъ прибуває!
Давай, донько, принадоньку,— нехай прививає.

7) Упустила соколонька, та вже не піймаю.
Розсердила миленького, та вже не вблагаю.

ломъ ¹⁾). Какъ соколъ, перелетѣвъ черезъ четыре лѣса, сѣлъ на орѣшникѣ и горделиво хвалится передъ лѣсомъ своею быстротою и ловкостью; такъ женихъ, проѣхавъ села, остановился на избранномъ имъ тестевомъ дворѣ ²⁾). Когда молодцу говорятъ, чтобъ онъ подождалъ жениться до осени, онъ сопоставляетъ трудность ожиданія съ трудностью летѣть соколу подъ небо; но ему говорятъ, что какъ ни далеко до неба, а соколу все-таки надобно долетать, — и казаку надобно ожидать, какъ ни кажется ему долго ³⁾).

Образъ печальнаго сокола, которому трудно или вовсе нельзя вить гнѣзда, сопоставляется съ затруднительнымъ положеніемъ молодца, напр. казака, отъѣзжающаго въ походъ ⁴⁾, или рекрутовъ ⁵⁾).

¹⁾ Ой зять намъ ся стелить
По подвирью хмелемъ,
По сінехъ василькомъ,
А къ хаті барвінкомъ,
А за столомъ-столомъ
Сивесенькимъ соколомъ.

(Чт. 1866. з. 63³).

²⁾ Линувъ соколонько черезъ три ліси.
Черезъ три ліси, черезъ чотири,
На пятимъ лісі павъ на орішьє,
Павъ на орішьє, зъ лісомъ говорить:
Ой лісу, лісу, чомъ ти не шумишь?
Чомъ ти не шумишь, чомъ тихо стоишь?
Черезъ тебе лину, крильцемъ не тину,
Крильцемъ не тину, перцемъ не рухну.
Іхавъ Івасько черезъ три сели,
Черезъ три сели, черезъ чотири,
На патуъ селі зостановився,
Зостановився въ тестенька на дворі.

(Гилъ т. 87).

³⁾ Ой високо соколові до неба літати,
Ой далеко козакові до осени ждати;
Хочъ високо, невисоко, — треба долітати;
Хочъ далеко, недалеко, — треба дожидати.

⁴⁾ Зажурився сивий соколонько:
Бідна мое головонька,
Що я рано зъ вирія вийшовъ:
Нігде сісти гнѣзда звити,
Малихъ дітей респлодити;
Що по горахъ сніги стоять,
А по долинахъ ріки протикають и пр.

⁵⁾ Ой зажурився сивий соколонько,

Есть въ пѣснѣ такой образъ: соколъ купается съ орломъ и спрашиваетъ его: не бывалъ ли онъ на его родинѣ, не печалится ли о немъ милая, а орелъ сообщаетъ ему, что печалится и плачетъ ¹⁾. Здѣсь или два казака въ аллегорическомъ образѣ сокола и орла, или же орелъ—дѣйствительно птица, а соколъ—казака.

Аллегорическій образъ сокола послужилъ предметомъ для цѣлой думы обь «ясномъ соколяти, бездольномъ дитяти», относящейся, безъ сомнѣнія, къ разряду пѣсенныхъ народныхъ произведеній о невольникахъ въ Турецкой землѣ. Дума эта рассказываетъ, что соколы, прилетѣвшіе изъ чужой стороны, свили себѣ гнѣздо щерлатнее (скарлатное), снесли яйцо жемчужное и вывели дитя, которое названо бездольнымъ, то-есть несчастнымъ, потому что ему суждено претерпѣть неволю ²⁾. Когда старый соколъ полетѣлъ искать живности, стрѣлки изъ Царьграда взяли соколенка, завезли его въ Царьградъ и отдали лицу, которое въ думѣ, по извѣстному намъ варианту, названо Иваномъ Богословцемъ ³⁾.

Що нигде сісти гнізда звити;
Изівью гніздечко хочъ зъ травини,
Роспуцу дігоньки по всій Украині;
Ой самъ полину поле черезъ поле,
Поле черезъ поле, за синее море!
На битій дорозі рекрути ступають;
Ой вийшла мати сина пізнавати.

1) Ой на морі на синьому,

Соколъ зъ орломъ купается,

Соколъ въ орла питається;

«Ой чи не бувъ, орле, въ мой стороні,

Ой чи не журиться моя мила обо мні?

Ой журиться, побивається,

Слізюньками умивається.

2) Вилинули соколи изъ чужої сторони,

Сіли-пали въ лісі, на привоздобному дереві орісі,

И звили собі гніздо драгоцінное, щерлатнее,

И знесли вони собі яйце жемчужнее.

И вивели вони собі дитя бездольное.

3) И полетівъ старий соколъ на чужу украину живности доставати;

Вінъ живности не доставъ,

А тільки безрідне та бездольне'ясне соколи, свое рідне дитя,

утерявъ.

И шли стрільці булахівці (?) изъ Царегорода,

Щерлатнее гніздо усмотріли,

Этому имени едва ли нужно придавать важное значеніе, такъ какъ, вѣроятно, робзарь замѣнилъ имъ что-то другое, взявши его изъ существующей думы объ Иванѣ Богуславцѣ, о которой мы будемъ говорить впоследствии на своемъ мѣстѣ. Овладевъ-шій соколенкомъ наложилъ на ноги ему серебряныя пута, а на глаза жемчужную повязку ¹⁾, какъ дѣйствительно поступали встарину знатные любители соколиной охоты съ любимыми птицами. Старый соколъ, возвратившись домой, узнаетъ отъ сизокрылаго орла о плѣнѣ своего соколенка и проситъ совѣта, какъ ему повидать свое дитя. Орелъ даетъ ему совѣтъ полетѣть въ Царьградъ и постараться прежде сказать своему дитяти *правду*, чтобъ онъ не прельщался ни серебряными путами, ни жемчугомъ, ни тѣмъ, что ему въ Царьградѣ хорошо жить, — пусть онъ поступитъ по-казацки. Какъ будетъ его господинъ гулять по Царьграду и носить его на рукахъ, онъ пусть какъ будто въ изнуреніи склонитъ свою голову; господинъ смилосердуется надъ нимъ и велитъ своимъ слугамъ снять съ ногъ молодого сокола пута, а съ глазъ жемчугъ, выпустить за Царьградъ на высокій валъ, чтобы тамъ овѣяло его вѣтромъ и соколенокъ сталъ бы здоровъ ²⁾. Дума не описываетъ, какъ старый соколъ исполнилъ

Оріхъ дерево изрубляи,
И бездольне, безрідне ясне соколя собі забрала,
Та въ Цареградъ ёго заношили,
Та Ивану Богословцеві на утіху ему отдавали.

1) Срібрени пути ему на ноги накладае,
И жемчугомъ глаза *) ему закривае,
И по Цареградї онъ похожае,
Свое серце звеселяе
И душу свою яснимъ соколямъ утішае.

2) А старий соколъ зъ чужої україни прибуває,
Сизокрилого орла на своєї україні стрічає:
«Ой, здоровъ, здоровъ, сизокрилий орле!
Якъ ти тутъ живешъ, проживаешъ,
На своїй україні пролітаешъ?
Чи чувъ ти, прочувъ, чи бачивъ, пробачивъ,
Чи мое дитя бездольне, безрідне, ясне соколя, на моїй ук-
раїні хочъ мало ще гуляє?»
—Э гей, ні, ясний соколе, твого дитяти на сїй україні немає,
А твое дитя бездольне, безрідне, ясне соколя,

*) Новѣйшій анахронизмъ.

совѣтъ своего друга—орла, но по смыслу рѣчи видно, что онъ сдѣлалъ именно такъ, какъ говорилъ орелъ, и это ему вполнѣ удалось. Господинъ, у котораго находился соколенокъ, приказалъ своимъ слугамъ поступить съ цлѣвникомъ такъ, какъ предсказалъ орелъ старому соколу. Его слуги, исполняя повелѣніе

У вірі бусурманській,
У каторзі турецькій,
У городі Цареградї пробуває,
У Івана Богословця на ёго втіхи проживає.—
То старий сокілъ до орла сизокрилого словами промовляє:
«Якъ же мині свое дитя бездольне, безрідне, ясне сокола,
у вічи увидіти,

Свое сердце звеселити?—

Сизокрилий орелъ до ёго словами промовляє,
Вить-го (будто) гірко плаче-ридає:
«Ти не знаєшъ, старий соколе, що робити.
Полети ти на Царьгородъ городъ, жалібненько заквили,
Своимъ голосомъ віру бусурманську, каторгу турецьку звесели,
А своему дитяти бездольному, безрідному, ясному соколаті,
всю правду скажи:

Нехай вінъ на сребрені пути не ззирає,
На жемчугъ не поглядає,
Що ему тамъ хороше жити,
Е що їсти, е що пити,
Та нехай воно собі козацький звичай знає:
Якъ Іванъ Богословець буде по Царьграді городі гуляти
И его на рукахъ носити,
Свое сердце утішати,
То воно собі такъ безпечно головоньку свою нехай склоняє;
То Іванъ Богословець буде велике милосердне мати,
Буде зъ своихъ рукъ слугамъ отдавати
И слугамъ своимъ промовляти:
Ой ви слуги мои дорогі
Возьміть срібні пути дитяті бездольному, безрідному, ясному соколаті, зъ нігъ скидайте

И жемчугъ зъ головоньки зъ очей здіймайте,
Та за Царіградъ городъ виходжайте,
Та на високий валъ его викидайте,
Чи не буде тихий вітеръ повівати,
Чи не буде дитя безріднее, бездольнее, ясне сокола
здоровья собі мати.

господина, вышли за городъ Цареградъ и погинули соколенка на високомъ валу ¹⁾). Это аллегорія отпуска на волю невольника. Старый соколъ уже дожидался сына и, какъ пришла пора, спустился на землю, подхватилъ на крылья своего соколенка и унесъ на высоту далеко ²⁾). Затѣмъ онъ дѣлаетъ дитяти вопросъ: что лучше—проживать ли въ Царьградъ или метаться по бѣлому свѣту, и самъ же отвѣчаетъ, что послѣднее лучше перваго ³⁾). Дума оканчивается тѣмъ, что старый соколъ пролетаетъ надъ Царьградомъ, издаетъ жалобный голосъ и изрекаетъ проклятіе на Царьградъ за то, что хотя въ немъ много серебра и золота, изобиліе яствъ и питья, но нѣтъ отрады человѣку ⁴⁾). Дума эта въ дошедшемъ до насъ образѣ, конечно, принадлежитъ казачьимъ временамъ и притомъ, сколько намъ кажется, цвѣтущему періоду поэтическаго творчества казацкой пѣсенности; но основа аллегорическаго изображенія символа очень древняя, и мы полагаемъ, что ранѣе, чѣмъ народное творчество изобразило аллегорически событіе изъ своей человѣческой жизни посред-

1) Го воли тее зачували

За Цареградъ городъ вихождали,
Дитя бездольне, безрідне, яснесокола, на високий валъ викидали.

2) А старий сокілъ свои крила на землю спускае,

И свое дитя бездольне, безрідне, яснесокола на крила хапае,
Та підъ високу висоту підношае.

3) До свого дитяти бездольного, безрідного, ясного соколяти,
промовляє:

А що мое дитя, яснесокола, чи лучше въ Царіграді у Івана
Богословця проживати,

Чи лучше по білому світу ганяти?

Ой же лучше, дитя мое бездольне, безрідне, яснесокола, по
білому світу гуляти,

Ніжъ у Івана Богословця у городі Царіграді, у вірі бусурмансь-
кій, у каторзі турецькій пробувати.

4) Го старий сокілъ ясний черезъ Царьградъ городъ перелітае,
То вінъ жалібненько кивить, проклинае,

Царьградъ городъ кляне, проклинае:

Хочъ ти, Цареградъ городъ, на все не жаденъ,

На срібло та золото,

У тобі хороше живи, а въ чимъ людямъ ходити,

Есть що істи й пити,

Но тільки чоловікові нема одрадоги!

ствомъ событія изъ жизни символа, послѣднее уже существовало само по себѣ безъ аллегоріи, по крайней мѣрѣ въ приблизительно сходныхъ чертахъ. Насъ побуждаетъ допускать это предположеніе, болѣе или менѣе примѣнительное ко всякимъ подобнымъ аллегоріямъ, то, что всегда символы, кромѣ сопоставительной стороны съ человѣческими дѣйствіями, имѣютъ еще и миѳическую сторону: дѣйствуютъ и мыслятъ какъ разумныя существа; сами по себѣ они подлежатъ собственной исторіи, которая, хотя и потускнѣвшими отъ времени чертами, все еще нерѣдко выказывается.

Соколы сообщаютъ вѣсти. Молодецъ видитъ двухъ летающихъ соколовъ и спрашиваетъ ихъ, не были ли они на его родинѣ и не тоскуютъ ли о немъ родители ¹⁾); а жена чумака хочетъ узнать отъ сокола, что дѣлаютъ чумаки, и соколъ объявляетъ ей, что чумаки проигралъ въ кости своихъ воловъ ²⁾). Новобрачная посылаетъ сокола къ отцу сказать ему, чтобъ онъ встрѣтилъ ее, когда она будетъ возвращаться съ вѣнчанія ³⁾).

Въ свадебныхъ пѣсняхъ также сирота посылаетъ сокола за умершимъ отцомъ на небо ⁴⁾).

1) Изъ-за гори два сокола лине;
Мои жъ ви та оба сокола,
Чи не були у моєи стороні?
Чи не тужать отецъ мати по мині?
Плачуть, плачуть, розбиваються,
Слізюньками умиваються,
Хустиною утираються;
Стара мати на ліжечку,
Праву ручку на серденьку держить.

2) Соколоньку, скажи всю правдоньку!
Катерино, та ти жъ наша пані,
Скажу тобі всю правду й неправду,
Скажу тобі всі чумацьки злости:
Програвъ чумацькі сїри воли въ кости.

3) Лети, лети, соколоньку, до батька мого,
Нехай же вінъ столи тесові застілає,
Нехай свічи восковні замигає,
Нехай мене молодую ожидає.

(Метл. 170).

4) Пішлю сокола повище неба,
Мині батенька треба;
Чорну галочку на Украиньчю

Соколы возвѣщаютъ судьбу. Женщина, которая тяготится бракомъ съ немилымъ, слышитъ голосъ сокола, сидящаго на тополи (любимое дерево сокола, такъ какъ и въ веснянкахъ представляются соколы на тополѣ, а потомъ въ сопоставленіи оказываются молодцами), и понимаетъ, что это онъ о ней поетъ ¹⁾).

Древнее мифологическое значеніе сокола не разъ проглядываетъ въ пѣсняхъ. Можно съ вѣроятностію полагать, что въ глубочайшей древности у арійскихъ племенъ эта птица уже стала опредѣленнымъ мифическимъ образомъ. У древнихъ индійцевъ птица изображала солнце и этою птицею былъ соколъ (Mannhardt. Die gattegaset. 29). Съ развѣтвленіемъ племени образы видоизмѣнялись, хотя основа древняя оставалась: такимъ образомъ, у германцевъ мѣсто сокола во многомъ занималъ лебедь. У древнихъ персовъ соколъ былъ мифическою птицею: онъ помѣщается на одномъ изъ двухъ всемірныхъ деревъ, именно на деревѣ, изъ котораго происходятъ сѣмена всѣхъ деревьевъ въ мірѣ. Соколъ пребываетъ на этомъ деревѣ и разноситъ съ него сѣмена, передавая дождю для оплодотворенія (Windischmann Zoroastrische Studien 166 — 167). У насъ на подобномъ деревѣ, стоящемъ также, какъ и у персовъ, посреди моря, сидятъ голуби; но мифическій характеръ сокола проявляется въ другихъ образахъ: такъ, напримеръ, приведенное нами летаніе сокола къ небу и на небо намекаетъ на символическое отношеніе этой птицы къ небу. Еще ярче высказывается оно въ галицкой щедровкѣ, гдѣ соколъ-орелъ высоко сидитъ и далеко видитъ. Садись, говорятъ ему, на синемъ морѣ, — тамъ плыветъ корабль, въ которомъ трое воротъ: въ однихъ воротахъ свѣтитъ мѣсяць, въ другихъ — всходитъ солнце, въ третьихъ — самъ Богъ ходитъ съ ключами и

По свою всю роднючку.

Ні сокола зъ неба, ні батенька зъ раю!

(Метл. 150).

- ¹⁾ Иду мило, иду другу,
А нікого не здібую.
Ино сокілъ на тополі
Піе пісню лхій долі.
Ой соколе, соколочку,
Не смуги ми головочку.
Бо вже мене засмучено.
Що зъ нелюбомъ излучено.

Чт. 1863. 4. 247).

отпираетъ рай, выпускаетъ души ¹⁾). Здѣсь синее море не что иное, какъ небо, которое въ первобытныхъ мифологическихъ выраженіяхъ изображалось моремъ. Въ одной галицкой колядкѣ есть очень замѣчательный мифическій соколъ: онъ сидитъ на яворѣ и вьетъ гнѣздо, онъ обкладываетъ его терномъ, кладетъ въ средину калину, а на вершину золото. Лѣсной (охотникъ) молодець хочетъ стрѣлять въ него изъ лука, но соколъ проситъ не стрѣлять его: онъ будетъ молодцу полезенъ; когда молодець будетъ жениться, соколъ переведетъ его (черезъ воду) и возьметъ на свои крылья его невѣсту ²⁾). Древность этого образа,

1) Ой вірле, вірле, сивий соколе!

Високо сидишь, далеко видишь.

Сідай ти собі на синімъ морі,

На синімъ морі корабель на волі.

Въ тімъ кораблейку трое воротци:

Въ першихъ воротейкахъ місячокъ світить,

Въ другихъ воротейкахъ соненько сходить,

Въ третіхъ воротейкахъ самъ Господь ходить,

Самъ Господь ходить, ключи тримає,

Ключи тримає, рай відмикає,

Рай відмикає, души выпускає,

Ено еднѣи не допускає,

Що вітця, матеръ не заць не має,

Старшаго брата позневажала,

Старшу сестройку споличковала.

(Чт. 1864. 1. 158.)

2) Стоитъ ми, стоитъ зеленый явіръ,

Повійний, повійний вітре,

Прихвали явіръ до землі!

На тімъ яворі сивъ соколъ сидить,

Сивъ соколъ сидить, гніздечко вівать,

Обкладає го острымъ тернічкомъ,

Острымъ тернічкомъ, сухимъ бильечкомъ,

А въ срединку—цвітъ та калинку,

А на вершечку—щирое золото.

Туда милага гладка стеженька,

До сивъ сокола наміряючи;

Надійшовъ нею гайний молодець,

Золотимъ лукомъ потрясаючи,

Ясновъ шабельковъ вививаючи,

Та явъ сокола стрілковъ стріляти,

Стрілковъ стріляти, шаблевъ рубати.

котораго сущность состоитъ въ томъ, что птица, представленная разумнымъ существомъ, помогаетъ человѣку въ добываніи красавицы, несомнѣнно доказывается похожими образами не только у славянъ, но и у другихъ одноплеменныхъ народовъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательное сходство представляетъ древне-нѣмецкая былина о св. Освальдѣ, англійскомъ королѣ (дѣйствительно существовавшемъ въ VII столѣтіи и принявшемъ христіанство нортумберландскомъ королѣ), который посредствомъ ворона сначала завелъ сношенія съ красавицею, на которой хотѣлъ жениться, а потомъ, при помощи ворона, и досталъ ее, преодолевъ большія затрудненія. Въ довершеніе сходства съ нашею колядкою, Освальдъ, послѣ перваго подвига ворона, оскорбилъ его, а воронъ потомъ опять-таки пригодился ему; такъ и нашъ молодецъ хочетъ убить сокола, который можетъ ему пригодиться впоследствии (Uhlands Schriften III. Alte hoch-und nieder deutsche Volkslieder. Abhandl. 111—117). Что у насъ соколъ, а у нѣмецевъ воронъ, это не должно насъ смущать, такъ какъ вообще образы видоизмѣняются при неизмѣнности основанія; впрочемъ въ другомъ средневѣкомъ поэтическомъ произведеніи—шотландской балладѣ—соколъ (Gochauk-Taubenfalke) переноситъ красавицѣ вѣсти и письма отъ своего господина.

Такъ же замѣчательна по своей странности другая колядка, гдѣ соколъ, сидя на калинѣ, говоритъ дѣвицѣ: «прекрасная дѣвица, иди за меня замужь! У меня есть три бѣлыхъ города (здѣсь городъ въ древнемъ, болѣе обширномъ смыслѣ загородья, огороженнаго пространства): въ первомъ городѣ мы сами будемъ жить, въ другомъ городѣ—яровая пшеница, въ третьемъ—зеленое вино (виноградъ)». Но дѣвица догадалась, что это обманъ,

Сивъ сокілъ каже: «не стріляй мене,
 Не стріляй мене, не рубай мене!
 Боли ти будешъ ой женитися,
 Я тобі стану та въ пригодоньці:
 Срібними підківками вибразкуючи,
 Ясновь шабельковъ вививаючи,
 Сивовъ шапочковъ насуваючи,
 Рясними суконцями потрясаючи.
 Тебе молодого самъ перепроваджу,
 Твою княгиню на крильці возьму,
 А твои гроши возьму на ноши».

(Грм. 1864. 1. 68).

и сказала ему: «еслибъ у тебя были три бѣлыхъ города, не сидѣлъ бы ты на калинѣ, а сидѣлъ бы ты въ бѣломъ городѣ, влевалъ бы ты яровую пшеницу, а не мелкій песокъ, пилъ бы ты зеленое вино, а не луговую воду» ¹⁾. Этотъ соколъ такое же разумное существо, какъ и первый, но хочетъ добыть красавицу не для молодца, а для себя. Быть-можетъ это молодецъ—чародѣй, превратившійся въ сокола, какъ это бываетъ въ сказкахъ, но вѣроятно же какое-нибудь мифологическое существо, о которомъ существовала исторія, подобная греческимъ похождениямъ Зевса. Въ нѣмецкой мифологiи боги принимали образъ сокола (Simcock Myth., 30). Съ соколомъ галицкой колядки, повидимому, находится въ соотношенiи веснянка, въ которой молодая ключница велитъ сторожу замкнуть «жарты» (шутки) четырьмя замками, чтобы не залеталъ сизый соколъ и не выносилъ дѣвичьей красы ²⁾.

- ¹⁾ Ой при лужейку, при бережейку,
(припѣвъ: калино, гей калино,
Чомъ тебе вода підмила?)
Тамтади лежить здавна стежейка,
На калинойці сивъ соколойко,
А товъ стежейковъ иде дівойка.
«Бігъ помагай, Бігъ, сивъ соколойко.—
—Бодай здорова, красна дівойко.
Красна дівойко, подь ти за мене!
Ой маю же я три гради біли:
Въ однимъ градойку сами будеме,
Въ другимъ градойку яра пшеничка,
Въ третімъ градойку зелене вино.—
«Ой жеби ти мавъ три гради біли,
Не сидівъ би ти на калинойці,
Лемъ би ти сидівъ у граду білишъ;
Ой жеби ти мавъ три гради біли,
Не дзѣбавъ би ти на лузі пісокъ,
Лемъ би ти дзѣбавъ яру пшеничку;
Ой жеби ти мавъ три гради біли,
Не пивъ би ти си лугову воду.
Лемъ би ти си пивъ зелене вино».

(Чт. 1881. 1. 73).

- ²⁾ Молодая ключница по замкахъ ходила,
Молодого сторожа за руку водила.
Стороже, жарты замкни въ чотири замки,

Орелъ (обыкновенно *сизий*, какъ соколъ—*сивий*), какъ мы уже сказали,—мужескій символъ. Мать называетъ сыновей своихъ сизыми орлами ¹⁾, а дѣвица своего возлюбленнаго сизокрилымъ орломъ ²⁾. Въ думѣ объ Ивасѣ Коновченкѣ, отрицательнымъ способомъ сравненія, казакъ, поражающій татаръ ³⁾, уподобляется орлу, гонящему ястребовъ, а въ думѣ о невольникахъ плѣнники сравниваются съ орлами ⁴⁾. Такое же сравненіе встрѣчается и въ другихъ пѣсняхъ, гдѣ изображается молодець въ неволѣ ⁵⁾. Казакъ молодець—орелъ, а дѣвица—орлица ⁶⁾. Молодецъ между своими товарищами, какъ между орлами ⁷⁾.

Щоби не залітавъ сивий соколонько,
Щоби не виносивъ паненьскои краси.

(Чт. 1866. з. 681).

- ¹⁾ Сии мои, сизі орли, ще й соловейки,
Тимже я васъ не женила, що ви молоденьки.

Или:

Подай, сине, подай орле, хочъ правую руку.

- ²⁾ Куди ідешъ одъїжаешъ, сизокрилий орле,
А хто жъ мене молодую безъ тебе пригорне?

- ³⁾ Не сизий орелъ яструбівъ ганяе,
Вдовиченко Коновченко на воронімъ коні розъїжае,
Мечемъ своимъ якъ блискавка сяе,
Трохъ татаръ яничаръ зъ коней збивае.

(Укр. Дум. 85).

- ⁴⁾ У святу неділю не сизі орли заклетали,
Якъ же бідні невольники у тяжкій неволі заплакали.

(Укр. Дум. 10).

- ⁵⁾ Въ славнімъ місті Жаботині,
На високімъ замку,
Сидить орелъ у кайданахъ
За Гандзю коханку.

Или:

Ой крикнули орли, изъ-за моря летючи;
Заплакали бурлаченьки, въ неволі сидючи.

- ⁶⁾ Ой дівчина орлица
До казака горнеться,
А козакъ якъ орелъ....

Или:

Пригорнулась, прилягла,
Вже орлица до орла.

- ⁷⁾ Ой виїду я за ворота, стану міжъ орлами;
Чи не виїде дівчинонька зъ чорними бровами.

Летаніе орла—символь быстроты. 1) Молодецъ хотѣлъ бы, чтобъ у него были орлиныя крылья, леталъ бы онъ къ дѣвицамъ 2) или къ своей возлюбленной 3). Въ одной пѣснѣ орелъ спорить въ быстротѣ съ конемъ 4): образъ, вѣроятно, очень старинный, такъ какъ онъ встрѣчается въ великорусской поэзіи. Одинъ изъ любимыхъ образовъ въ народной поэзіи—летаніе орла надъ моремъ—сопоставляется съ разными положеніями и ощущеніями молодца 5). Орлы, пьющіе воду изъ криницы—образъ, означающій овладѣніе дѣвицею другими 6).

Орлы, товарищи казаковъ, сопровождаютъ ихъ въ походы въ степяхъ 7). Орелъ—свидѣтель казацкой смерти въ степи; онъ и пожираетъ его тѣло. Въ думѣ о трехъ братьяхъ, бѣжавшихъ изъ Азова, орлы-чернокрыльцы лѣзутъ къ умираю-

1) Кину перомъ, лину орломъ, конемъ поверну,
Та до своего та гетьмана таки прибуду.

2) Хотівъ би я орломъ бутн, та бистро літати,
Літавъ би я що вечора дівчати розглядати.

3) Колибъ я мавъ орловні крила,
Полинувъ би, де моя мила.

4) Закладався орелъ зъ конемъ
А за тні криниченьки:
Ой чи скорішь ти добіжишь,
Мині крильця повтинаешъ?
Ой кінъ біжить, земля дріжить,
Орелъ летить, перо дзвинить;
Ой кінъ біжить все ярами,
Орелъ летить все лугами.

5) Летівъ орелъ по надъ моремъ: ой дай, море, пити;
Ой якъ тяжко убогому багату любити!
Летівъ орелъ по надъ моремъ, на воду схилився;
Иде козакъ изъ чужини, тяжко зажурился.
Десь мій милий чернобривий тяжко зажурился.

Или:

Летівъ орелъ по надъ моремъ, та й летючи крикнувъ:
Тяжко жити на чужині, що я не привикнувъ.
Летівъ орелъ по надъ моремъ, то по високости;
Плаче козакъ старесенький по своїй молодости.

6) Та вже зъ тои криниченьки орли воду пьютъ;
Та вже мою дівчиноньку заміжъ отдають.

7) Та Савуръ могила, та Савуръ могила, сивий орелъ пролітае,
Иде вісько славне запорізьке, та якъ мавъ процвітае.

щему, но еще живому казаку: онъ просить ихъ помедлить, пока онъ испустить духъ.... По смерти его орлы сядились у головы его, наступали на его черныя кудри, выдирали изъ лба глаза, обирали бѣлое тѣло около желтыхъ костей. Это были похороны казацкіе ¹⁾). Въ другой думѣ изнемогающій отъ ранъ казакъ силится подняться, достать ружье и послать подарокъ чернокрыльцамъ-орламъ, которые какъ будто приняли на себя обязанность присматривать за умирающимъ казакомъ ²⁾). Въ одной пѣснѣ изображается, какъ орелъ оторвалъ отъ казацкаго трупа руку, и эта рука проговорила къ нему: ахъ, еслибъ это знали отецъ и мать, они бы похоронили бѣлое тѣло ³⁾). Есть пѣсня, гдѣ ка-

¹⁾ Стали орли чорнокрильці налітати,
Стали въ головкахъ козацькихъ сидати:
Ставъ козакъ словами промовляти:
«Орли мои чорнопіри, гості невеселі,
Заждїть мнї малюю часинку:
Якъ буде чорная хмара наступати,
Буде дрібний дощикъ накрапати,
Буде козацька душа зъ білимъ тіломъ розлучати».
То не чорная хмара наступала,
То душа козацька зъ білимъ тіломъ розлучала.
Стали орли чорнокрильці налітати,
Въ головкахъ козацькихъ сидати,
На чорні кудри наступати,
Изъ лоба очи видирати,
Коло жовтої кості тіло козацьке оббирати:
То жъ вони похорони козацьки одправляли.

²⁾ Орли чорнокрильці,
Козакови дозірці,
Налітають,
Козацькую душу доглядають.
То вже козакъ молодий отця й веньку споминає:
«Поможи мнї, отцева й матчина молитва,
На колінцяхъ стати,
Семишядну пицаль достати,
По три мірці пороху підсипати,
По три пульки свинцовихъ набивати,
Орламъ чорнокрильцямъ.
Козацькими довірцямъ,
Великий подарунокъ давати».

³⁾ Десь усявся сизоперий орелъ,
Та взявъ руку зъ козацького трупу.

Закъ, умирая въ степи, просить орла дать знать его матери и сказать, что ея сынъ женился на королевнѣ—могилѣ, которую выслужилъ у крымскаго хана благодѣтеля ¹⁾). Орелъ приносить горестныя вѣсти роднымъ убитаго казака. Вотъ идетъ вдова съ ребенкомъ и сѣла отдыхать; орелъ сидитъ надъ водою и извѣщаетъ ее, что знаетъ ея мужа: три раза на день кормится имъ, щиплетъ его бѣлое тѣло, разноситъ желтыя кости по горахъ, долинамъ и ущельямъ ²⁾). Такія вѣсти орлы не

Та понієь руку у чистее поле,
Та й ставъ руку бити, побивати;
Стала рука до орла промовляти:
Колибъ сее отецъ и мати знали,
Вона бъ сее тіло поховали!

- ¹⁾ Вінъ до его промовляє:
«Сизий орле, побратаймось;
Якъ ти брате, орле, будешъ
Зъ лоба очи видирати,
Дай же мой неньці знати;
Якъ у тебе моя мати
Буде про мене питати,—
Скажи: служитъ вінъ у хана
У крымського добродія,
Та вслуживъ королевоньку—
Въ чистімъ полі могилоньку!»

(Укр. пѣсн. Макс. 132).

Или:

Ой ще козакъ не конає;
Орелъ въ очи заглядає,
На кучері наступає,
Вінъ до ёго доглядає:
«Ой, орлоньку, соволоньку!
Лети жъ въ мою стороньку;
Дай же знати родиноньці
И рідной матионьці».

(Чт. 1868. 2. 100—101).

- ²⁾ Та йшла вдова долиною
Изъ малюю дитиною;
Сіла вдова оддыхати,
Плаче вдова и ридає,
Що пана въ нем не має.
Сидить орелъ надъ водою,
Розмовляє зъ удовою:

только переносятъ людямъ, но сообщаютъ ихъ птицамъ. Такъ, на примѣръ, орелъ купается съ соколомъ и на вопросъ сокола, не видалъ ли онъ чумаковъ, рассказываетъ, какъ орда ихъ изрубила, а частію взяла въ плѣнь ¹⁾). Потомъ орелъ полетѣлъ туда, гдѣ случилось бѣдствіе, и въ заключеніе обращается къ матери: а ты, мать, сидишь дома, не знаешь, не вѣдаешь, что сдѣлалось съ сынами ²⁾).

Осиротѣвшій казакъ обращается къ орлу съ вопросомъ, что ему дѣлать. Отецъ и мать померли;—не съ кѣмъ жить. Зачѣмъ спрашиваешь, когда самъ знаешь? говоритъ ему орелъ. Не ходи

«Не плачь, вдово, не журися,
Ой я твого пана знаю,
Трейчи на день попасъ маю,
И снідаю й обідаю,
Полудную й вечеряю,
Біле тіло вищипую,
Жовті кості розношую
Ой по горахъ, по долинахъ,
По широкнхъ байрачинахъ».

(Метл. 283).

¹⁾ Ой на морі, на синьому,
Сокиль зь орломъ купається,
Сокиль орла питається:
«Чи не бувъ, орле, на Вкраїні,
Чи не бачивъ, орле, чумачні?»—
— Всіхъ чумаківъ орда взяла,
Котрихъ старихъ порубала,
А молодихъ въ полонъ взяла.

²⁾ Надъ річкою Самаркою
Горять огні тернові,
Варять каші яловні.
Туди орелъ прилітає,
Чумачию одвідає:
Боторі порубані,
Боторі въ полонъ взяті.
Оттуть же имъ прихилице,
Сира земля приимище!
А ти, мати, дома сидишь,
И не знаешь, не відаешь,
Що зь синочками зробилось!

въ ту сторону, гдѣ у тебя нѣтъ родныхъ ¹⁾). Однако не послушался казакъ орла. Казакъ въ чужой сторонѣ, въ степи. Онъ безпокоится: кто присмотритъ за нимъ, когда онъ будетъ умирать въ степи. Орелъ говоритъ ему: есть, братъ, много насъ, сизокрылыхъ орловъ; будемъ, братъ, присматривать за тобою при смерти, будемъ поминать тебя твоимъ же тѣломъ, похоронимъ кости твои въ терновыхъ кустахъ ²⁾).

Иногда, однако, являются болѣе дружелюбныя отношенія казака къ орлу. Встрѣчаетъ казакъ орла, сидящаго на камнѣ, и спрашиваетъ его, что дѣлается у него дома, тоскуетъ ли о немъ милая. Орелъ сообщаетъ ему, что его милая даже заболѣла отъ тоски по немъ ³⁾). Тогда, по одному варианту ⁴⁾), извѣщаетъ невѣстку о скоромъ прибытіи мужа мать послѣдняго, а по другому собственно не говорится кто, но по смыслу можно заключить, что это исполняетъ тотъ же орелъ ⁵⁾). Казакъ, разлучаясь съ возлюбленною, обѣщаетъ ей пересылать письма посредствомъ сизыхъ орловъ ⁶⁾). Въ веснянкахъ орелъ является также птицею

¹⁾ Скажи мнѣ, орле, що мнѣ робити:

Померъ отець, мати, ні пра кому жити!

— На що ти питаєшъ.

Що самъ добре знаєшъ?

Не йди въ ту сторону, де роду не маєшъ.

²⁾ Е въ мене, брате, много сизокрилого орла,

Будемъ твоей смерти, брате, доглядати:

Будемъ твоимъ тѣломъ та тебе поминати,

Твои жовті кості по тернахъ ховати.

(Метл. 447).

³⁾ Въ чистімъ полі біля камінь лежить,

Ой на тімъ камні сизъ орелъ сидить,

Ой сидить же вінъ та розмишляє,

Иде козакъ дорогою, та орла питає:

«Ой чи бувъ, орле, въ моїй стороні,

Ой чи тужить моя мила по мнѣ?»—

— Ой тужить, тужить на ліжку лежить,

Правою рученькою за серце держить.

(Метл. 212. Срав. варианты галицкій. Чт. 1863. 4. 186).

⁴⁾ Чт. 1863. 4. 185.

⁵⁾ Ой уставай, мила, несучи тобі вість:

Ой прийде до тебе миленький гість.

⁶⁾ А самъ поїду, а самъ поїду въ велику дорогу,

Буду писати й пересилати сизими орлами.

(Баллад. 117).

дружелюбною человѣку: онъ заохочиваетъ дѣвиць къ играмъ, а самъ общаетъ полетѣть и принести зеленое лѣто, хрещатый барвинокъ, старымъ людямъ посѣвы, мужамъ орать, женщинамъ жать, а дѣвочкамъ гулять ¹⁾). Здѣсь орелъ является мифическою птицею. Намъ кажется, что древняя мифическая птица солнца и животворной силы разбилась на разные образы и между прочимъ на сокола и орла. На востокѣ ясно древнее значеніе сокола; въ Греціи соколъ, сколько извѣстно, не имѣлъ значенія, за то мифическою птицею Зевса былъ—орелъ. У насъ это значеніе имѣетъ, между прочимъ, соколъ-орелъ; такъ какъ въ шѣсенномъ языкѣ не рѣдко это одна птица съ двойнымъ названіемъ, то и естественно, что однѣ и тѣ же мифическія черты есть и въ соколѣ и орлѣ. Въ веснянкѣ орелъ, приносящій лѣто и устанавлиющій занятія людей, есть тотъ же восточный соколъ, разсѣвающій животворныя сѣмена, и тотъ же греческій орелъ, спутникъ Зевса. Въ такомъ же смыслѣ, вѣроятно, надобно понимать странную въ настоящее время веснянку, гдѣ поется, что орелъ изоралъ поле и насѣялъ пшеницы и ячменя ²⁾); а также и одну петровочную пѣсню, гдѣ говорится объ ораніи орлами и о засѣяніи поля жемчугомъ въ видѣ начала къ то-

1) Грайте, дівочки, безъ орла,
Поки я принесу, принесу
Зеленое літечко, літечко,
Хрещатий барвінокъ, барвінокъ.
Старимъ дідамъ сіяньня, сіяньня,
Чоловікамъ оранья, оранья,
Молодицямъ гречку жати, гречку жати,
Вамъ, дівочкамъ, погулять, погулять,
Вамъ, молодимъ, погулять, погулять.

2) Орелъ поле изоравъ
И пшениці насіавъ,
Дівочкамъ на коровай,
Молодицямъ на пиво,
Парубочкамъ на диво.
Орелъ полé изоравъ
И ячміню насіавъ,
Парубочкамъ на коровай,
Молодицямъ на пиво,
Чоловікамъ на диво.

му, что не имѣть съ этимъ началомъ связи ¹⁾). Быть-можетъ, въ мнѣическому міровоззрѣнію относится, по своему основанію, колядка, гдѣ повѣствуется, что орлы строили церковь, и одинъ изъ нихъ давалъ приказанія власть бѣлый камень, на камень дубовое сырое дерево, на верхъ его бѣлое желѣзо, а на самой вершинѣ поставить золотой крестъ. Въ этой церкви самъ Богъ—священникъ, а дьяками—ангелы; сами собою загораются свѣчи, сами собою читаются книги, само собою отправляется богослуженіе ²⁾).

Воронъ (малор. *воронъ, крукъ, крячокъ, явранъ*, съ эпитетомъ *черный*)—птица съ неизмѣнно-мрачнымъ значеніемъ. Онъ пожираетъ трущъ убитаго казака ³⁾ и приноситъ матери роковую вѣсть ⁴⁾).

1) Ой Петре, Павле, Иване!

Та зьорімо поле орлами,
Та засіємо жемчугами,
Та поставимъ стовпи золоті,
Та повісимъ коври шовкові.

2) Муровали ея (церковь) три вірлюньки,

Іно одинъ не муровавъ,
Но имъ тільки розказовавъ:
«Кладіть на спідъ біле камінья,
По каміню сиру дубину,
А по дубині та клениноньку,
По кленинонці яворинноньку,
Підъ самий верхъ біле залізо,
На самий верхъ золотий крестъ».
А въ тій церковці самъ Богъ попомъ,
А дачата—анголата,
Самі ся свічі посвітили,
Самі ся книги почитали,
Самі ся служби повідправляли.

(Чт. 1864. 1. 31).

3) Летить воронъ зъ чужихъ сторонъ,
Вінь на личку усідає,
Очи зъ лоба видирає...

Или:

Черный воронъ прилітає, тіло обзідає,
Тіло обзідає, вістки покидає...

4) А я твого сына знаю,
Зъ лоба очи видираю.
Иди, стара, до домоньку,
Возьми піску въ білу ручку;
Посій ійго въ городочку;
Боли той пісокъ изіде,
Тоді синъ до тебе прийде.

Его крикъ — плачь ¹⁾, горе ²⁾ и предвѣщаніе смерти ³⁾. Такое же мрачное значеніе въ народной поэзіи имѣеть *филинъ* (*пугачъ*), подобно тому, какъ въ народныхъ вѣрованіяхъ онъ — предвѣстникъ несчастья или смерти. Въ одной пѣснѣ, гдѣ описывается болѣзнь; а потомъ смерть чумака въ дорогѣ, этому несчастью предшествуетъ повторяющійся крикъ филина на холмѣ (на могилѣ ⁴⁾). Въ пѣснѣ, въ которой изображено казачество, тоскующее о минувшемъ (въ пѣснѣ однако не чисто-народной, а соединенной съ другою, болѣе распространенною), также является кричащій филинъ ⁵⁾.

Народное міровоззрѣніе причисляетъ къ птицамъ въ извѣстномъ смыслѣ и насѣкомыхъ, какъ летающихъ тварей. Изъ нихъ, впрочемъ, въ народной поэзіи встрѣчаются только *пчелы*, *комаръ* и *жукъ*. Пчелы означаютъ слезы. Казаку приснился

- ¹⁾ Летитъ воронъ зъ чужихъ сторонъ, жалібненько криче;
Не одинъ отецъ, мати за синомъ заплаче.

Или:

Ой, кряче, кряче чорненкий воронъ
Та на широкій дозині;
Ой плаче, плаче молодой козаче
По несчастливій годині.

Или:

Летитъ воронъ по надъ моремъ, та й жалібно криче,
Сидитъ козакъ бия моря, та сидючи плаче.

- ²⁾ Летитъ воронъ, чорний воронъ, ніжки підобгавши;
Тяжко мши въ світі жити, рідни не мавши.
³⁾ Ой у полі чорний воронъ криче.
Ой тожъ вінъ мою голову баче.

Или:

Нехай плаче, нехай плаче, та вже не виплаче;
Бо надъ спнимъ, надъ нечаємъ чорний воронъ криче.

- ⁴⁾ Сидитъ пугачъ на могилі, та якъ пугу, такъ пугу!
Дотягайте, славні чумаченьки, до темного луку.
Ой ради бъ ми поспішати, та чумака занедужавъ.
Та правою рученькою за серденько вхопився и пр.

- ⁵⁾ Ой сівъ пугачъ на могилу
Та й крикнувъ вінъ: пугу!
Чи не дасть Бігъ козаченькамъ хочъ теперъ потугу!
Що день ждемъ, що нічъ ждемо
Поживи не маємъ;
Давно була Хмельниченька, уже не згадаємъ!

сонъ, что на его дворѣ сѣли пчелы. Ему объясняетъ ворожея, что это—слезы ¹⁾ и потомъ онъ узнаетъ, что его жена родила младенца и умерла. Въ другихъ пѣсняхъ пчелы также сопоставляются съ плачемъ и слезами ²⁾. Вѣроятно, также въ сближеніи съ этимъ печальнымъ значеніемъ пчелъ, женщина, терпящая нужду, говоритъ, что мать дала за нею въ приданое только пчелъ, которыя разлетѣлись ³⁾. Но пчелиный рой сопоставляется и не съ одними печальными явленіями. Такъ, въ свадебныхъ пѣсняхъ пчелиный рой—какъ бы символъ благополучія новорожденных ⁴⁾, и съ самою невѣстою, обруженною друзьями, сопоставляется пчелиный рой ⁵⁾. Согласно съ этимъ значеніемъ въ колядкахъ представляется, что пчелиная матка собираетъ пчелъ ройтись и носить медъ хозяину, а воскъ на свѣчи Богу ⁶⁾.

Комаръ составляетъ предметъ шутливыхъ пѣсень. Въ одной, очень распространенной, пѣснѣ описывается смерть и погребеніе комара. При этомъ играютъ роль мухи. По однимъ вариантамъ комаръ женился на мухѣ, потомъ слѣдуетъ его смерть, и старыя мухи отправляютъ ему погребеніе ⁷⁾. По другимъ—не

¹⁾ А що пчїлоньки. то слїзоньки.

²⁾ На верхъ сосни пчолї вьются,
Въ молодой слези льются.

³⁾ Та дала мя моя мамка за високї гори,
Не дала ми бїльше ничогъ, лише однї бджолї;
А бджолї ся разлетїли, лишъ я ся лишла,
А теперьсь мя моя мамко на вїки втопила.
(Чт. 1863. 4. 329).

⁴⁾ Вився рїй, вився:
На садокъ полетївъ
На Василькову (вмя жениха) сосну.

⁵⁾ Не гуди, рою,
По надъ головою;
То не рїй гуде,
То Маруся до дому їде.

⁶⁾ Ой шумить гуде. дїбровою їде,
Пчїлонька мати пчїлочокъ веде,
Ой пчїлочки мои, дїточки мои,
Ой десь ми будемъ при саду мати.
Рой ройти, медокъ носити,
Медокъ-солодокъ пану господарю,
А жовтий воскъ—Богу на свїчу.

⁷⁾ Ой щось за гукъ учинився,
Що комаръ та на мусї оженився,

говорится о бракосочетаніи комара, а описывается его смерть, сожалѣніе мухи (очевидно его подруги) и погребеніе 1). Пѣсня оканчивается родомъ эпитафіи 2), которая въ галицкомъ варіантѣ подробнѣе и произносится отъ лица покойника. 3).

Та взявъ собі жинку молодичку!
 Якъ полетівъ комарочокъ у лісочокъ,
 Та й сівъ комарочокъ на дубочокъ.
 Ой сівъ комарочокъ на дубочку,
 Прихиливши головоньку якъ листочку.
 Де ся взяли буйни вітри,
 Та звалили комарика та на мості,
 Розбивъ, поламавъ свои кості.
 Де ся взяли старні мухи,
 Взяли того комарика підъ руки,
 Наіхали гости зъ Прилуки,
 Вони тому комарику труну будували,
 Чорними суцями труну оббивали,
 Край шляху, при дорозі поховали.

- 1) Гувнуло, стукнуло въ лісі,
 Комаръ зъ дубу повалився,
 Розтовкъ собі головище
 На дубове коренище.
 Вилітала муха зъ хати,
 Комарушка жаловати:
 «Ой комарю, мій комарю,
 То ми ти жаль не по малу!
 Поховали ёго въ лісі,
 Ай у лісі, при орісі
 (Или: при дубовімъ копарисі).
- 2) Ой що се лежить за покійникъ,
 Чи панъ, чи гетманъ, чи полковникъ?
 Ой се лежить козачище,
 Се старого віська товарище.
- 3) Насадьте ми петрушоньки,
 Зеленой марушоньки,
 Тоту будуть дѣвки рвати,
 Комарушка шановоти.
 Ай тутъ ёго лежить тіло;
 Не одного оно іло,
 А тутъ лежить ёго сало,
 Не одного смаровало;
 А тутъ лежить ёго труба,

Другая насмѣшливая пѣсня изъ веснянокъ описываетъ, какъ молодцы поймали комара и дѣлили его между собою (см. выше). *Жукъ* въ шуточныхъ пѣсняхъ—символь молодца ¹⁾.

В. ЧЕТВЕРОНОГИЯ.

Изъ домашнихъ четвероногихъ животныхъ въ народной поэзиі занимаетъ первое мѣсто *конь*. Это—вѣрный другъ, товарищ молодца, существо умное и любящее. Мать говоритъ сыну, который жалуется, что ему не съ кѣмъ бесѣдовать, что она купить ему коня.—пусть онъ съ нимъ разговариваетъ въ темную ночь ²⁾. И дѣйствительно, разговоръ казака съ своимъ конемъ—одна изъ обычныхъ формъ въ пѣсняхъ. Вотъ влюбленный казакъ спрашиваетъ у своего коня совѣта, что ему дѣлать: писать ли къ милой письмо, или самому къ ней поѣхать ³⁾. Въ другой пѣснѣ казакъ спрашиваетъ у своего коня, гдѣ милая, и конь указываетъ ему ея мѣстопробываніе ⁴⁾. Видя, что хозяинъ печаленъ, конь хочетъ узнать отъ него причину печали, и молодецъ сообщаетъ ему, что люди говорятъ, что дѣвица уже

Которая пала съ дуба.
Ой ду-ду-ду, ду-ду, ду-ду,
Комарушка не забуду.

(Чт. 1866. 3. 365).

- 1) По дорогѣ жукъ, жукъ, по дорогѣ чорний,
Подивися, дівчино, який я моторний.
- 2) Куплю тобі, сянку, коня вороного,
Прийде темна нічка—говори до ёго.
- 3) По садочку хожу,
Коня въ рукахъ вожу,
До коника стиха промовляю:
Порадь мене, що я молоденький,
Чи мині листи писати,
До милої слати,
Чи самому сісти поїхати?
- 4) «Сивий коню, сивий коню, сива твоя грива!
Скажи мині, сивий коню, де моя дівчина?»—
— Ой тамъ гора, тамъ другая, гей тамъ долинонька,
Меже тими гороньками твоя дівчинонька.

(Чт. 1863. . 302).

не принадлежить ему ¹⁾). Съ своей стороны, замѣчая, что конь его грустенъ, казакъ спрашиваетъ, не тяжелъ ли онъ коню и не тяжела ли для коня казацкая сбруя. Конь отвѣчаетъ ему, что тяжело для него безпутство казака, такъ какъ онъ, казакъ, гуляетъ до полуночи въ шинкѣ, а его конь, вызывая господина изъ шинка, въ это время копытами выбьетъ въ землѣ яму по колѣна ²⁾). Конь остерегаетъ казака отъ порока. Хозяинъ сообщаетъ коню свое намѣреніе бѣжать съ чужою женою, а конь представляетъ ему безнравственность этого поступка ³⁾). Въ другой пѣснѣ молодець, огорченный измѣною женщины, въ досадѣ проклинаетъ коней своихъ за то, что когда онъ ѣздилъ къ невѣрной, они не заржали, не дали ему знать о ея невѣрности. «Ты самъ негодный, отвѣчаютъ ему кони, зачѣмъ не женишься, бѣды не знаешь, молодымъ хочешь казаться» ⁴⁾).

Вдучи на свиданіе къ дѣвицѣ, казакъ проситъ коня заржать, чтобъ его возлюбленная услышала, и конь раздѣляетъ радость

¹⁾ «Ой чого ти, козаченьку, плачешъ;

Либонь же ти вечеряти хочешъ?»—

— Ой вжешъ мині, коню, вечера не мила.

Люде кажуть: вже не твоя дівчина.

²⁾ «Ой чого ти, мій коню, нудишъ?

Чи я тобі, мій коню, важокъ.

Ой чи моя козацкая зброя?»—

— Ні ти мині, мій пане, не важокъ,

А ні твоя козацкая зброя?

А тимъ я смутненький, що ти молоденький:

Буди погадаешъ, туди й погасаешъ,

Нігде того шинка не минаешъ,

До півночи въ шинкарки гуляєшъ,

А я сиром землі по коліна вибью,

Поки свого пана изъ шинка не вивзу.

³⁾ «Ой коню мій, коню, порадь же ти мене,

Хочу іхати тобою прічъ и зъ чужою женою».—

— Ой пане, мій пане, молодий розумъ маешъ,

Що свою жону покидаешъ, изъ чужою прічъ гадаешъ.

(Метл. 287).

⁴⁾ «Ой коні жъ мои, вороненькіі, бодай жъ ви поздихали!

Ой якъ я їздавъ до невѣриці, чому жъ ви не заржали?»—

—Ти самъ негідникъ, ти самъ обридникъ, що жінки не маешъ,

Жінки не маешъ, біди не знаешъ, молодимъ ся тримаешъ.

(Чт. 1862. 4. 262).

своего хозяина; казакъ дѣлаетъ огликъ, а конь ржетъ; дѣвица услышала ¹⁾)

Конь — товарищъ казака въ битвахъ. — Насъ — говорить конь казаку, — стерегутъ съ боковъ, встрѣчаютъ спереди, а сзади погоня бѣжитъ. — «Не смущайся, мой вороной конь, — отвѣчаетъ ему казакъ, — мы сторожу обминемъ, отъ погони уйдемъ, со встрѣчными побьемся». — Закидана дорога валежникомъ, — говоритъ конь казаку. Казакъ ему отвѣчаетъ: «а ты у меня, конь вороной, перескочишь этотъ мелкій валежникъ» ²⁾). Конь оказываетъ казаку услуги. Вотъ казакъ соблазняется деньгами, хочетъ продать коня и говорить ему объ этомъ: «Не продавай меня, — говоритъ конь, — помнишь ли, какъ мы убѣгали отъ турокъ и татаръ, какъ за нами пули орали землю, а стрѣлы летали какъ снѣгъ?» ³⁾) — Конь чувствуетъ удачу и несчастія хозяина. Прощаясь съ родными, казакъ говоритъ имъ, что грустить нечего: онъ воротится, потому что конь его заигралъ подъ нимъ ⁴⁾). Казаку

¹⁾ Ой заржи, вороний коню, на круту гору идучи;
Нехай заче моя мила, свідати готуючи.

Конничокъ заржавъ, казакъ засвиславъ, дівчина почула

²⁾ «Изъ боківъ та сторожають,
А зъ переду зъустрічають,
А сзаду погоня біжить». —
— Не журися, коню вороненький,
Ми відъ погоні втечемо,
А сторожу та обминемо,
А зъ устрічею та побьемося,
Ой низомъ, кониченьку, низомъ! —
«Закидана дороженька хмизомъ».

— А ти въ мене, кінъ вороненький,

Перескочишь той хмизъ та дрібненький! —

³⁾ — Коню мій коню, я тебе продамъ,
Я жъ тебе продамъ за сто червонихъ! —
«Пане мій, пане, не продавай мене,
Не продавай мене, спогадай мене:
Якъ ми зъ тобою зъ віська втікали,
За нами гнались турки, татари,
За нами пулі землю зъорали,
За нами стріли, якъ снѣгъ, літали».

(Метл. 337).

⁴⁾ Ой не плачте, не журитесь, въ тугу не вдавайтесь;
Загравъ мій кінъ вороненький, назадъ сподівайтесь.

(Макс. пьск. 140).

*

весело на душѣ, когда конь его играетъ, потому что казакъ, по этой примѣтѣ, надѣется себѣ благополучія; казакъ просить своего коня заиграть подъ нимъ — разбить его тоску ¹⁾. Конь спотыкается, останавливается, когда предчувствуетъ горе. Въ пѣснѣ о Берестеческой битвѣ у коня Хмельницкаго, когда джура (оруженосецъ) сталъ сѣдлатъ этого коня, задрожали ноги ²⁾. Въ пѣснѣ о сотникѣ Харькѣ казаки говорятъ своему атаману, чтобъ онъ не печаллся, а Харько отвѣчаетъ: «какъ же мнѣ, молодцы, не печалиться, когда мой буланый конь подо мною и ржетъ, и останавливается» ³⁾: это послужило предзнаменованіемъ гибели Харька ⁴⁾, — и другой его конь, вороной, ржетъ въ конюшнѣ, чувствуя, что господина его нѣтъ на свѣтѣ. Но болѣе всего проявляется сердечная связь между казакомъ и его конемъ тамъ, гдѣ конь — свидѣтель смерти своего хозяина. Казакъ поитъ своего коня, а конь не пьетъ и ржетъ, чувствуетъ несчастье: ржаніе, болѣею частью, дурное предзнаменованіе... И этотъ казакъ умеръ, а умирая, завѣщавъ, чтобы конь его шелъ за его тѣломъ; конь заржетъ надъ нимъ, и услышатъ родители, скажутъ: «вѣрно, нашего сына Ивана нѣтъ на свѣтѣ, когда вороной конь подаетъ голосъ» ⁵⁾. Въ одномъ изъ вариан-

1) Заграй, коню, заграй підо мною,
Розбий тугу по темному лугу.

2) Якъ ставъ джура, якъ ставъ малий коника сідлати,
Стали підъ тимъ кониченькомъ ніженьки дрижати.

3) Іхавъ сотникъ черезъ Уланигъ, на сідельце схилився;
За нимъ, за нимъ сімъ сотъ козаківъ: стій, батько, не журися!
«Ой якъ мині, пані молодці, ой якъ не журиться,
Коли підо мною буланый кінь и рже и становиться».

4) Ой заржавъ же вороний коникъ въ стані, на помості;
Та вже вбито Харька сотника
Въ Морозовці на мості.

(Макс. 122).

5) Ой у полі криниченька, тамъ водица прибуває;
Ой тамъ молодий козакъ кониченька наповає;
Ой кінь и рже, води не пье — пригодоньку чує...
Отамане, товаришу, чини мою волю,
Виведь коня, винесь зброю за тѣломъ за мною;
Ой нехай зарже кінь вороний, стоячи надо мною,
Ой щобъ зачули отець-мати, сидючи въ кімнати.
Ой десь нашего спна Ивана на світі не має,
Що коничокъ вороненький голосокъ подаває!

товъ пѣсни о Харькѣ, когда этого сотника стали умерщвлять, его конь закричалъ жалобно ¹⁾). Есть цѣлый рядъ пѣсень, въ которыхъ, при всѣхъ разнообразіяхъ, проводится одинъ и тотъ же основной мотивъ разговора умирающаго въ степи или уже мертваго казака съ своимъ конемъ. Казакъ лежитъ въ полѣ смертельно раненый; надъ нимъ стоитъ конь, и казакъ посылаетъ коня извѣстить родныхъ или жену; всегда почти при этомъ смерть изображается въ видѣ брака съ могилою. Вотъ подъ яворомъ лежитъ убитый казакъ; надъ казакѣмъ стоитъ конь, не отходить отъ тѣла; ужъ онъ пробилъ въ землѣ яму по колѣна. Убитому казаку жаль коня: не стой надо мною, — говоритъ онъ ему, — вижу твою привязанность ²⁾). Встань, мой господинъ-хозяинъ, — говоритъ въ другой подобной пѣснѣ конь, — хоть приподними ко мнѣ голову свою, укажи мнѣ дорогу ³⁾). — Кому ты меня отдаешь — турку ли, татарину? спрашиваетъ конь убитаго хозяина, который на это отвѣчаетъ ему: «тебя турокъ не поймаетъ, а татаринъ не осѣдлаетъ» ⁴⁾). Вслѣдъ затѣмъ убитый казакъ посылаетъ коня къ матери: она будетъ коню подглядывать сѣна, подсыпать овса, поить водою и сквозь слезы спрашивать про сына ⁵⁾), и

¹⁾ Ой якъ стали Харька, якъ стали сотника изъ свѣта згубляти,
Ой и ставъ же ёго коникъ, коникъ вороненький, жалібенько
крячати.

(Метл. 527).

²⁾ Надъ нимъ коникъ зажурився,
По коліна въ землю вбився.
«Не стій коню, надо мною,
Бо я вижу щирість твою».

³⁾ Ой устань, пане хозяине,
Ой хочъ поведи головку до мене,
Прокажи шляхъ-дорожку мині.

⁴⁾ «Ой кому мене вручаешъ,
Кому мене покидаешъ:
Чи турчину, чи татарину» —
— Тебе турчинъ не піймае,
А татаринъ не осѣдае.

⁵⁾ Буде тебе за поводи брати,
Буде тобі сѣна підвидати,
Буде тобі вівса підсипати,
И скрізь слѣзи про мене питати;
Та не кажи, коню, що я вбився,
А кажи, коню, що я оженився.

(Максим. 153).

тутъ конь долженъ сказать ей о томъ, что сынъ ея женился. Не удивительно, что, при такомъ важномъ значеніи коня, красота его является въ гиперболическихъ образахъ; такъ, въ колядкѣ, которая поется молодцу, прославляется его конь. Нѣтъ у короля такого коня; у этого коня глаза — какъ звѣзды, уши золотыя, грива серебряная, а хвостъ шелковый ¹⁾. Въ другой колядкѣ поется, что отъ молодца убѣжалъ конь, и молодець предлагаетъ тому, кто поймаетъ коня, чашу золота и двѣ чаши серебра ²⁾. Ему не пришлось платить, потому что коня поймала дѣвица, которую онъ взялъ себѣ женою ³⁾.

За конемъ, такіе же близкіе, хотя въ меньшей степени, друзья человѣка—*воли* (волы). Подобно тому, какъ конь предчувствуетъ бѣду на своего хозяина, и волы не пасутся и не пьютъ воды, чуя скорую кончину своего хозяина-чумака ⁴⁾. Умирая «въ дорогѣ», чумаки обращаются къ своимъ воламъ съ нѣжнымъ участіемъ: кто-то будетъ надъ ними господи-

1) Нема въ короля такого коня,
А въ того коня звiздовi очи,
А въ того коня золотi ушки,
А въ того коня сiбiнная грива,
А въ того коня шовковий хвостикъ.
Звiздовi очи далеко видять,
Золотi ушки далеко чують,
Сiбiнная грива грудь покривае,
Шовковий хвостикъ слiдъ замiтае.

2) Ой хто мого коня изловить,
Тому буде чаша золота,
Чаша золота и двi чаши сiбiбла.

3) Ишла дiвчина рано по воду,
Взяла коника за поводочки,
Повела коня у ставницю,
А молодого у свiтлицю.
Золото мое и сiбiбло мое,
А ти моя красная панна.

4) Чому сь воли мои не пасуться, та не хочуть води пити?
Лучче було хозяйновати, нiжъ по дорогахъ ходити...
Занедужавъ чумаченько, задумавъ умерти,
Та нiкому чумаковi доглядити смерти.

Или:

Воли ревуть, води не пьють, пригодоньку чують.
Бодай же ви, сiри воли, та до Криму не сходили,

номъ ¹⁾). Волю, какъ конь надъ убитымъ казакомъ, стоятъ жалобно ревуть надъ могилою чумака, своего хозяина ²⁾).

Ораніе земли волами сопоставляется съ теченіемъ человѣческой жизни. Волю не орять (правильнѣе дурно орять); лѣто проходить напрасно ³⁾).

Вообще волю и коровы—образъ зажиточности и благополучія, что вполне естественно въ поэзіи земледѣльческаго народа. Дѣвица, желая сказать богатому молодцу, что онъ богатъ, а она бѣдна, за то красива, говоритъ, что у него волю и коровы, а у нея только черныя брови ⁴⁾, и самъ молодецъ, сравнивая двухъ дѣвицъ—одну богатую, другую бѣдную, но красивую, характеризуетъ первую тѣмъ, что у ней волю и коровы ⁵⁾. Хвастливый молодецъ, величаясь своимъ богатствомъ и называя себя иронически бѣднякомъ, говоритъ, что у него семь сотъ воловъ, а мелкому скоту числа нѣтъ ⁶⁾. Съ иронією, въ противоположномъ смыслѣ, сведровъ, попрекая невѣстку ея бѣдностью, говоритъ, чтобъ она подоила коровъ, которыхъ пригнала съ собою ⁷⁾).

Въ колядкахъ хозяину поютъ, что Богъ ему далъ три рода счастья и одинъ изъ этихъ родовъ счастья—волю и коровы, остальные два—здоровье и хлѣбъ ⁸⁾).

Що ви мене, молодого, на вікъ засмутили!

Померъ, померъ чумаченько...

- 1) Воли мои половні, хто надъ вами паномъ буде,
Ой якъ мене, чумака Макара, на світі не буде?
- 2) Померъ, померъ чумакъ Макаръ, сидючи на возі,
Похавали чумака Макара въ стегу при дорозі;
Стоять воли сірі, половні, ревуть, ремигають.
- 3) Воли мои половні, чому не орете?
Літа мои молоді, чому марно идете?
- 4) Багачу, багачу, я тебе давно бачу:
Що въ тебе, багачу, воли та корови,
А въ мене, багачу, та чорні брови.
- 5) Одна мила далекая, а другая близька,
А у тои далекои воли та корови,
А у сєи близьенькои та чорні брови.
- 6) Бо я хлопець убогий—
Сімъ сотъ волівъ въ оборі,
Ялівнику безъ ліку!
- 7) Та встань, невістко, та встань, небого,
Та подій ті корови,
Що ихъ навела, що нагнала до моеи обори.
- 8) Ой вижди, вижди, пане господарю,

Овцы вмѣстѣ съ *козами* служатъ иногда какъ бы добавочнымъ къ воламъ и коровамъ признакомъ благоденствія, напр. въ нѣкоторыхъ колядкахъ и въ той пѣснѣ, которую ми привели выше, гдѣ дѣвица говоритъ богачу о волахъ и коровахъ, слѣдуютъ слова: у тебя, богачъ, козы и овцы, а у меня ласковыя слова ¹⁾. Съ овцою, отбившеюся отъ стада, сравнивается одинокая сирота ²⁾, несчастная женщина, лишившаяся мужа, и лихая доля ³⁾.

Съ *козломъ* и *козою* въ народной поэзіи соединяются остатки языческой старины. Древнее весеннее жертвоприношеніе козла, подробно описанное въ извѣстіяхъ о литовскомъ язычествѣ и существовавшее у славянъ, отражается и до сихъ поръ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малорусскаго края есть обычай водить козла,—обычай, потерявшій свои прежнія принадлежности и состоящій только въ томъ, что на масленицѣ дѣвицы бѣгаютъ по селу и поютъ пѣсни о козлѣ или козѣ съ припѣвами: «ой лелю-ладо» ⁴⁾, и «ой діду-ладо»; припѣвы эти исключительно принадлежатъ веснянкамъ, такъ что пѣсни о козлѣ—самыя раннія веснянки и открываютъ собою великое древнее народное торжество весны, котораго признаками служатъ всѣ вообще веснянки и весеннія игры. Изъ одной пѣсни, гдѣ вмѣсто козла—коза, видно, что обычай водить козла или козу и, вѣроятно, жертвоприношеніе, которое за тѣмъ слѣдовало, соединялись съ надеждою или прори-

Кличе тебе Господь на порадонокъ,
Даруе тобі три доля-счастья:
Першая доля—счастья-здоровья,
Другая доля—воли и корови,
Третяя доля—жито-шениця.

- ¹⁾ У тебе, багачу, кози й овечки,
А у мене, багачу, ласкові словечки.
- ²⁾ Ходить, бродить по улиці якъ прибудна вівця;
Ни съ кимъ стати промовити вірного словця.
- ³⁾ Ой у полі, при дорозі тамъ вівця пасеться,
Ой тамъ моя лиха доля шляхомъ волочеться.
- ⁴⁾ Та вскочивъ козелъ въ огородъ, въ огородъ.
Ой лелю-ладо, въ огородъ;
Та поївъ козелъ лукъ-чосникъ,
Ой лелю-ладо, лукъ-чосникъ!
И білую петрушку, петрушку,
Ой лелю-ладо, петрушку!
И чорную чернушку, чернушку,
Ой лелю-ладо, чернушку!

цаніемъ урожая въ грядущее лѣто ¹⁾). Другая пѣсня довольно явно указываетъ на самое жертвоприношеніе, которое должно-быть совершалось при посредствѣ старика ²⁾). Это имѣеть, какъ видно, прямое соотношеніе съ извѣстною великорусскою пѣснію о томъ, какъ хотять козла зарѣзать: сидитъ старикъ, держитъ ножъ, а возлѣ него котелъ стоитъ.

Изъ прочихъ домашнихъ животныхъ въ пѣсняхъ является *котъ* — спутникъ младенческой жизни, преимущественно упоминаемый въ колыбельныхъ пѣсняхъ. Приглашаютъ кота укачивать ребенка ³⁾; котъ приноситъ сонъ дѣтямъ ⁴⁾; запрещаетъ

1) Го-го козо, го-го сіра,
Ой росходися, розвеселися,
При своєму дворі, при господарі.
Де коза ходитъ, тамъ жито родить.

Де коза тупь-тупь,
Тамъ жита сімъ купъ:
Де коза рогомъ, рогомъ,
Тамъ жито стогомъ, стогомъ;
Де коза хвостомъ, хвостомъ,
Тамъ жито ростомъ, ростомъ.

2) На горі коза зъ козенятами,
Въ долині вовчокъ зъ вовченятами;
Вискочивъ вовчокъ, та за козу чокъ-чокъ,
А вовченята за козенята;
Вискочивъ заяць—ставъ козу лаять:
Дурная козо, нерозумная,
Своимъ діточкамъ не господиня,
Своихъ діточокъ не покормила;
Вхопила бь серпокъ, побігла въ лісокъ,
Нажала бь травяці овсяний снопокъ,
Своихъ діточокъ та й накормила,
Въ чистімъ озері та напоила.
Не ходи, козо, у тее сельце,
А въ тому сельці все люде стрільці;
Устрелять козу въ правее ухо,
Скрізь полотенце въ щирое сердце.—
—Ой я не боюсь тихъ людей стрільцівъ.
А тільки боюсь старого діда:
Устрелить козу въ правее ребро.

3) Иди, коте, до хати,
Мое дитя колихати.

4) Ой кіть-воркіть ходитъ по горі,

ють ему мурлыкать, чтобы не разбудить дитяти ¹⁾; дѣлаются намеки на его шаловливость и плутоватость ²⁾. Онъ просить ѣсть ³⁾, лазить всюду и испытываетъ неприятности ⁴⁾; посылаетъ кошечку за водою, кошечка падаетъ въ воду, а онъ вытягиваетъ ее за хвостъ и пр. ⁵⁾. Кроме того котъ—символь волокиты, проказника по любовнымъ дѣламъ. Это проглядываетъ даже въ колыбельныхъ пѣсняхъ ⁶⁾. Въ другихъ—большею частью шуточного тона—это ясныѣ. Дѣвица пригласила къ себѣ въ сѣни молодца; мать изъ хаты спрашиваетъ: кто тамъ ходитъ въ сѣняхъ. Дочь отвѣчаетъ, что это котъ ловить мышей ⁷⁾. Въ другой пѣснѣ дѣвица выпускаетъ отъ себя милаго въ образѣ

Та носить сонъ въ рукаві,
Чужимъ діткамъ продае,
А нашому такъ дае.

1) Ой ти, котє, не гуди,
Мое дитя не збуди.

2) Люли-люли, коточокъ,
Угравъ бабинъ клубочокъ,
Та й заховався у куточокъ.

3) Ой коте, котку,
Та не сяди въ кутку.
Не проси папки,
Подбиваю лапки.
Ой ну, мовчи, коте,
Дитина спати хоче!

4) Ой коте-котку,
Не лизь на колодку...
Упавъ кітъ изъ труби,
Одбивъ собі груди.

5) Пославъ кітъ кицю.
Та упала киця у криницю;
Пішовъ котикъ ратовати.
За хвість кицю витягати.

6) Ой ти коте-коточокъ,
Та не ходи въ садочокъ,
Не полохай дівочокъ,
Нехай зовьють віночокъ.

7) Донько моя, Марусенько, хто по сніняхъ ходить?
Мати моя, матусенько, котокъ мишки ловить.

кота ¹⁾. Въ третьей—мужь подстерегаетъ, въ образѣ кота, молодца, который ухаживаетъ за его женою ²⁾.

Изъ дикихъ звѣрей въ пѣсняхъ встрѣчаются—куница, соболь, ласочка, олень, туръ, волкъ и медвѣдь.

Куница и *соболь*—символизуютъ молодца и дѣвицу ³⁾. О превращеніи въ куницу чужой жены, убѣжавшей съ женатамъ мо-

¹⁾ Я, молода, уставала,
Віконечко одчиняла,
Сірого кота впускала.
Возьму котика въ припілѣ,
Ой винесу я на двірѣ,
Та й пушу кота за двірѣ,
Щобъ батенько не чувавъ,
Люде не вбачили.
Що ми зъ имъ гуляли.

(*Лавр. 27*).

²⁾ Ой що жъ то за котикъ, що дві лапи має.
Вінъ до мого сала часто заглядає.
Ой вінъ ходить по підъ-стіньню, підмовляє мою жінку.
Мужикъ уважає, що ему сала не стає,
—Пусти мене, пане, пусти мя, воспане!
Буду молитъ Бога, пока життя стане,
Маю на молебень дати, въ твої жінки не бувати.—

³⁾ Та наказувала куночка
Свому чорному соболю:
«Ой бувай; та соболоньку,
Та у мене та въ суботоньку».—
—Ой радъ би я та бувати,
Тебе, куночку, видати,
Та у тебе лози густні,
А річеньки бистрі.—
«А я лозоньки порублю,
Бистри річеньки впириу».—
— Ой бувай, бувай казаченьку
У мене у суботоньку».—
—Ой радъ би я бувати,
Тебе, дівочку, видати,
Та у тебе двори новні,
Ще й замочки кріпкі,
Ще й батенко сердитий —
«А я замочки одімкну,
Ворітечки одчиню,
Свого батенька вблагаю».

лодцомъ, превратившимся въ камень, см. выше о камнѣ. Соболю—ласкательное прозвище молодца ¹⁾. Въ одной карпатской болядкѣ мы встрѣчаемъ *бобровъ*, какъ предметъ богатства для хозяина ²⁾.

Ласочка является въ одной карпатской болядкѣ въ чрезвычайно странномъ образѣ. Дѣвица отправляется за водою и видитъ дивнаго звѣря—ласочку, которая оказывается не ласочкою, а Божьей Матерью ³⁾. Можно предположить, что здѣсь была какая-то мифологическая исторія о появленіи въ видѣ животнаго женскаго существа, внезапно потомъ принявшаго свой собственный видъ—одинъ изъ обыкновенныхъ образовъ миѣческаго міра, оставшійся во многихъ сказкахъ: Божія Матерь замѣнила что-то иное.

Олень и *туръ* встрѣчаются преимущественно только въ галицкихъ пѣсняхъ. Понятіе объ этихъ звѣряхъ сбилось до того, что образовался одинъ звѣрь—туръ-олень. Въ одной болядкѣ поется, что хозяйка (газдина) посылаетъ слугъ поймать и убить ту-

¹⁾ Козаченьку, мій собою,
Візьми мене и зъ собою.

Или:

Не вижду, козаче, не вижду, собою,
Не буду стояти въ вечері зъ тобою.

²⁾ Ой тамъ за дворомъ, за чистоколомъ,
Ой дай, Боже!
Стоить ми, стоять, зелений явіръ,
А въ тимъ яворі три користоньки:
Одна ми користь—въ верху гніздонько.
Въ верху гніздонько, сивъ соколонько;
Друга ми користь—въ середині,
А въ середині, въ борти пчолоньки;
Третя ми користь—у коріненька,
У коріненька чорній бобри.

(Чт. 1864. 1. 52).

³⁾ Ой пішла жъ она зъ двома ведерці:
Въ едно начерла, зъ другимъ ся вергла.
Вергла ся борзо до матіочки:
Виділа жъ бо я дивное звіря,
Дивное звіря—ластівляточку;
Не е бо тото ластівляточка,
Але е жъ тото Божая Мати!

(Чт. 1864. 1. 90).

ра-олея и повѣситъ его шкуру и рога въ ея покоѣ ¹⁾). Здѣсь ясно воспоминаніе о древней охотѣ на этихъ звѣрей, о которой не разъ говорится въ нашихъ старинныхъ лѣтописяхъ и сочиненіяхъ. Затѣмъ эти звѣри представляются въ чрезвычайно-мифической оболочкѣ. Такъ въ одной колядкѣ, напимѣрь, черный туръ говоритъ молодцу, который промахнулся, что онъ убьетъ его послѣ, въ воскресенье, и чрезъ то добудетъ такую славу, что достанетъ себѣ дѣвицу ²⁾). Въ другой колядкѣ на одномъ изъ ро-

¹⁾ Стоитъ ми, стоить, світлонька нова,...

Ой дай Боже!

А въ тій світлонці гей газдиненька,

В' на собі ходить, зъ ч'лядью говорить.

Зъ ч'лядью говорятъ, въ кватирку ся дивить,

Дивится, дивить, въ чистое поле;

Ой висмотріла дивное звірє.

Дивное звірє, тура-олея,

На головці жъ му та девять рижківъ.

Ой крикнула жъ в'на на свои слуги:

«Служенки жъ мои найвірнійши!»

Беригъ же собі шовкові сіти,

Други застрійте ясніи стрілы,

Чей спимаєте дивное звірє,

Дивное звірє, тура-олея.

Якъ поймаєте, відъ разу вбьете,

Відъ разу вбьете, роги зщибете,

Роги зщибете, щубу здоймете,

Ой принесете, та й повісите,

Та повісите въ новій світлонці,

Въ новій світлонці, чомъ на стінонці,

Все жъ того буде гей газдиненьці.

(Чт. 1864. 1. 48—49).

²⁾ Якъ надибали чорного тура,

Чорного тура, грубого звіря,

И сніпокъ стрілокъ не достріляе,

И сивъ конячокъ изъ нігъ спадае.

Гордий молодець зъ страху вмлівае,

А чорний туръ такъ промовляє:

«Не біяся мене, не забьешъ ти мене.

Поїдешъ же ти въ неділю рано,

Тогда жъ ти мене та й постріляшъ,

А за славоньку павну доставешъ».

(Чт. 1864. 1. 63).

говъ тура-олена поставленъ теремъ, а въ этомъ теремѣ красная дѣвица ¹⁾); далѣе описывается, что она шинокъ держитъ и за неплатежъ денегъ беретъ съ трехъ молодцовъ—коня, саблю и шубу. Кажется, все, что относится къ этой дѣвицѣ и молодцамъ, составляетъ особую пѣсню, не имѣющую связи съ рогами тура и приставленную къ пѣснѣ о турѣ случайно. Но вообще тотъ образъ, что на рогахъ у тура или оленя происходятъ сцены человѣческой жизни, вѣроятно, былъ присущъ народной поэзіи и основался на забытомъ теперь мифологическомъ представленіи; на это указываетъ другая колыдка, въ которой поется, что отъ вѣтра высохъ Дунай и заросъ зельемъ; по этому зелью пасется олень; на немъ пятьдесятъ роговъ и тарелка; на тарелкѣ золотой стільчикъ; на стільчикѣ молодецъ играетъ на гусяхъ и поетъ ²⁾).

Волки встрѣчаются въ казацкихъ пѣсняхъ въ мрачныхъ образахъ. Волки растаскиваютъ кости умершаго казака ³⁾). Казакъ, ожидающій смерти въ степи, называетъ волковъ и лисицъ своими братьями и сестрами ⁴⁾). Волкъ—образъ страха вообще: мать, предостерегая своего сына отъ всякаго рода опасностей, иносказательно говоритъ, чтобъ онъ не ходилъ въ темный

¹⁾ Дивнее звіря тура-олена,
Що на головці девять ріжчиківъ,
А на десятихъ теремъ збудованъ,
А въ тімъ термі гречна панночка.
(*Чт.* 1864. 1. 84).

²⁾ Ой за гори-долу вітеръ повіває,
Дунай висихає, зільемъ заростає,
Зільемъ трепетьомъ, вшелякимъ листомъ;
Дивное звірьє спасує зільє,
Спасує зільє сивий оленецъ,
На тімъ оленці п'ятдесятъ ріжківъ,
П'ятдесятъ ріжківъ, едень тарелець,
На тімъ тарельці золотий стільчикъ,
На тімъ стільчику гречний молодець
На гуслі грає, красно співає.
(*Рус. Дністр.* 58).

³⁾ Вовки сіроманці набігали,
Козацьки кости розношали
По байракахъ, по долинахъ,
По козацькихъ прикметахъ.

⁴⁾ Ой у полі вовки та лисиці,
Ой тожъ мои брати и сестриці.

(*Метл.* 232).

лѣсъ, гдѣ его можетъ съѣсть волкъ ¹⁾). Вообще, погибель выражается символическимъ образомъ съѣденія волкомъ. Дѣвица, которая хочетъ выразить мысль, что ей не жаль, еслибъ она лишилась немилаго, и жаль было бы, еслибъ погибъ ея милый, представляетъ это такимъ образомъ, будто того и другаго съѣли волки ²⁾).

В. ПРЕСМЫКАЮЩИЯСЯ И РЫБЫ.

Змѣя (по-мал. *змѣя, гадюка*)—образъ злой женщины. Злая мать, которая подстрекнула казака убить жену, называется гадиною ³⁾. Гадина служитъ для отравы или для чаръ, по народному выраженію ⁴⁾. Гнетомый горемъ молодець сравниваетъ тоску съ гадиною, вьющеюся около его сердца ⁵⁾. Но змѣя является и въ болѣе привѣтливомъ образѣ. Молодець увидалъ змѣю подъ бѣлымъ камнемъ и хотѣлъ изрубить ее. «Не руби меня», сказала ему змѣя. «Я пригожусь тебѣ, какъ ты будешь жениться: я намощу тебѣ перстневые мосты, поставлю золотые столбы, повѣшу шелковые ковры. Какъ будешь везти свою дѣвицу, мосты зазвенятъ, столбы заблестятъ, ковры заколыхаются, за-

1) Не йди, синку, въ темний лісъ,
Ой тамъ тебе вовкъ изыіть.

2) Вовки завили, милого зыіли,
А я журюся, піду утоплюся.
Вовки завили, нелюба зыіли,
Я не журюся, та веселюся.

Или:

Вовчокъ все істи просить;
Ой не іжъ, вовчокъ, мого батенька,
А изыіжъ, вовчокъ, мого свекорка.

(Метл. 313).

3) Прилізла къ ему чорна гадина,
То не гадина—то мати его!...
Ой ти, мати моя, чорна гадина.

4) На каміні гадинонька,
На гадину сонце пече,
Изъ гадини ропа тече.

Підставъ дівко, коновочку
Підо гадючу головочку.

5) Чогось мині, братці, горілка не пьеться?
Туга коло серця якъ гадина вьеться.

горятя восковыя свѣчи»¹⁾ Подобныя столбы и ковры встрѣчаются въ другой пѣснѣ купальской, гдѣ говорится объ ораніи поля орлами и о засѣваніи жемчугомъ.

Рыба въ народной поэзіи—символь раздолья, простора, веселаго житя. Изъ разныхъ породъ рыбъ преимущественно является въ пѣсняхъ щука, имѣющая иногда значеніе видоваго названія рыбы—щука-рыба. За щукою окунь иногда является какъ бы парюю къ щукѣ. Молодецъ противопоставляетъ щукѣ, ведущей раздольное житье въ водѣ, свое бездолье²⁾. Дѣвица хочетъ гулять, какъ рыба по Дунаю³⁾;—какъ щука-рыба съ окунями, такъ она съ молодцами⁴⁾. Дѣвица желала бы жить съ милымъ, какъ рыба съ водою⁵⁾, да и мать любитъ дочь, какъ рыба воду⁶⁾. Одиночество противопоставляется рыбѣ, у которой всегда есть своя пара⁷⁾, а житейскія трудности и

1) У полі, въ полі та біль камінь лежить,
А підъ тымъ камнемъ та змія лежить;
Ой тая змія та промовила:
«Не рубай мене, не січи мене!
Буду я тобі въ великій пригоді:
Ой якъ ти будешь та женитися,
Помощу мости все перстневні,
Поставлю стовпи все золотні,
Повішу коври все шовковні.
Ой якъ ти будешь дівочку везти,
Забрязчать мости все перстневні,
Засяють стовпи все золотні,
Замають коври все шовковні,
Засяють свічи все восковні».

2) Щука рыба въ морі гуляе до волі.
А я одинъ сиротина, та не маю долі.

3) Щука рыба по Дунаю,
А я молода погуляю.

4) Щука рыба зъ окунцями,
Я молода зъ молодцями!

5) Ой коби ти такъ за мною, якъ я за тобою,
Жили бъ, жили, мое серце, якъ рыба зъ водою.
(Чт. 1864. д. 338.)

6) Кохалася мати мною, якъ рыба водою.

7) Щука рыба грае, собі пару мае,
А я, бідний сиротина, пароньки не маю.

Или:

Щука рыба грае, собі пару мае,
А я стою та гадаю, що пари не маю.

бѣды сопоставляются съ плаваніемъ рыбы противъ воды ¹⁾, съ пребываніемъ рыбы въ мутной водѣ ²⁾ или вовсе безъ воды ³⁾. Рыба, подобно птицѣ, посылается вѣстницею ⁴⁾. Есть одна галицкая пѣсня, показывающая, какъ будто на вѣрованіе, что утопленники превращаются въ рыбъ. Бѣдная вдова, гнетомая панщиною, бросаетъ въ озеро свое дитя и говоритъ: ты будешь въ озерѣ какъ рыбка плавать, а я до смерти плакать подъ Маковицею (мѣсто происшествія) ⁵⁾.

Здѣсь мы оканчиваемъ наше обозрѣніе символики природы. Безъ сомнѣнія, оно очень недостаточно; богатство южно-русской пѣсенности велико и далеко не все нами исчерпано.

Въ мифологическому періоду народной жизни слѣдуетъ отнести и олицетвореніе *доли*, которое встрѣчается въ южно-русскихъ пѣсняхъ. Доля—мифическое существо, дѣйствующее на жизнь человѣка, дающее счастье и несчастье.

У каждаго—своя доля. Она для него прирожденная, «родимая» ⁶⁾. Она дается родителями и преимущественно матерью. Такъ сирота, осужденный служить у чужихъ людей, вспоминаетъ родителей и жалуется на мать, что она, родивъ его, не

1) Ой якъ тяжко та рибоньці проти води пливти,
А ще тяжче, кохавшися, не мати користи.

2) Ой якъ гірко рибоньці,
Въ коломутній водиці,
Оттакъ міні, сиротиньці,
Въ чужій сторононьці.

(Чт. 1868. 3. 189).

3) Якъ трудно та нудно
Білій рибоньці безъ води, безъ води,
Такъ трудно, такъ нудно,
Молодому козакові безъ жони.

(Чт. 1863. 4. 321).

4) Пливи, пливи, щука риба, уплинь за водою,
Скажи мому миленькому, що я сиротою.

(Мет. л. 57).

5) Утопять ты, мати, не будешь ся знати,
Будешь тамъ въ озері на віки плавати.
Ти будешь въ озері якъ рыбка плавати,
Я підъ Маковицевъ до смерти плакати.

(Чт. 1866. 3. 700)

6) Ой я твоя доля родима,
Та не вельми щаслива.

удѣлила ему счастливой доли ¹⁾). Но по другому представленію дитя само добываетъ себѣ долю; такъ дѣвица пеняетъ на мать, зачѣмъ не разбудила ее, — другія встали раньше и взяли себѣ по доброй долѣ, а она опоздала, и ей досталась лихая доля ²⁾). Въ одной свадебной пѣснѣ какъ будто языческія представленія сталкиваются съ христіанскими; являются двѣ доли разомъ: одна — дается невѣстѣ Богомъ, а другая — родителемъ ³⁾).

Несчастіе представляется по отношенію къ доли двумя различными образами: или существованіемъ у человѣка лихой доли, или отсутствіемъ доли.

Несчастливая женщина приписываетъ свое горе тому, что мать ей дала при рожденіи лихую долю ⁴⁾). Нѣтъ возможности отвязаться отъ ней: лихой доли ни продать, ни промѣнять; люди поумнѣли, не хотятъ покупать ⁵⁾). Несчастливая проситъ ее потеряться въ полѣ, утопиться въ водѣ, заблудиться въ лѣсу, просвятиться въ

1) Білий свіжокъ випадає,
Бурлакъ ніжки підгинає,
Отця-неньку споминає:
Мати моя старенькая!
На що мене породила,
Счастя-долі не вділила,
Розбесчастнаго пустила.

2) Сама, мати, провинила,
Мене рано не збудила:
Чужі дочки рано встали,
Та по добрій долі взяли,
А я, мати, спізнилася,
Лиха доля судилася.

3) Ой славенъ, славенъ Марусинъ посадь,
По всіх віконцяхъ ангелі сидять,
Ангелі сидять, доленьку судять,
А надъ дверьми самъ Господь стоить,
Самъ Господь стоить, книжечку читає,
Бнижечку читає, доленьку роздає.
Марусю дитятко, чия доля ліпша?
Ой чи божая, чи батенькова?

4) Породила мене мати у святу неділю;
Дала мині лиху долю; де ні покину!

5) Лиху долю ні продати и ні промінати:
Теперь люди поразуміли — не йдуть купувати

церкви—все напрасно: лихая доля вездѣ уцѣпляется за нее ¹⁾. Эта лихая доля иначе называется бѣда (бѣда), которая, по выраженію пѣсни, одинакова отъ Кіева до Кракова ²⁾; она неотвязно слѣдуетъ за казакомъ, съ нимъ родилась, съ нимъ вѣнчалась она ³⁾.

Впрочемъ несчастная доля не всегда слѣдуетъ тѣнью за человекомъ; иногда она вдаль отъ него, а между тѣмъ управляетъ его жизнію на зло ему. Такъ, дѣвица слышитъ голосъ своей доли изъ-за моря, какъ она пророчитъ ей несчастное замужство ⁴⁾.

Но существуетъ другое представленіе: человекъ несчастенъ

- ¹⁾ «Та піди, доле, піди, несчастная, въ полі загубися,
А за мною, та за молодою, та не волочися».
—Хочь я піду, молода дівчино, въ полі загублюся,
А якъ підешь пшениці жати, я за тебе вцеплюся.—
«Та піди, доле, піди, несчастная, въ лісі заблудися,
А за мною, та за молодою, та не волочися!»
—Хочь я піду, молода дівчино, въ лісі заблудюся,
А якъ підешь калини ломати, я за тебе вцеплюся.—
«Та піди, доле, піди, несчастная, въ воді утопися,
А за мною, та за молодою, та й не волочися».
—Хочь я піду, молода дівчино, въ воді утоплюся,
А якъ вийдешь рано води брати, я за тебе вцеплюся.—
«Та піди доле, піди, несчастная, въ церкві присвятися,
А за мною, та за молодою, та й не волочися».
—Хочь я піду, молода дівчино, въ церкві присвячуся.
А якъ прийдешь молитися Богу, я за тебе вцеплюся.
- ²⁾ А хто бѣди не знае
Нехай мене спитає;
А я въ бѣди обідавъ
А я бѣду одвідавъ:
Одъ Кіева до Кракова,
Всюди бѣда однакова!
- ³⁾ Ой піду жъ я, піду, та зъ сѣго краю піду,
Ой покину я та у сімъ краю бѣду.
Ой оглянусь я за крутою горою,
Ажъ иде бѣда слѣдочкомъ за мною...
Ой чого ти, бѣдо, за мною вцепилася?
—Я зъ тобою, безталанний, зъ тобою родилася,
Ой чого жъ ти, бѣдо, за мною ввязалася?
Я зъ тобою, безталанний, зъ тобою вѣнчалася.
- ⁴⁾ Ой дівчино зъумилася
Де доленька поділася.

оттого, что у него нѣтъ доли, никакой доли. Такимъ образомъ, доля имѣетъ здѣсь значеніе существа добраго, приносящаго счастье. Несчастливая женщина приписываетъ свои бѣдствія тому, что мать умышленно не дала ей доли, купала ее и проклинала, желая, чтобы дочь ея не имѣла доли ¹⁾. Въ этомъ смыслѣ несчастье называется недоля, бездолье, а несчастная женщина — бездольница ²⁾. Человѣкъ не только не имѣетъ доли отъ младенчества, но и теряетъ ее; доля уходитъ отъ него, отступается, пропадаетъ... Образы потери и исканія доли обычны и любимы въ народной поэзій. «Гдѣ ты моя доля?» восклицаетъ женщина; «заблудилась ли ты въ лѣсу, опоздала въ полѣ, или ты была на пиру, пила медь-горѣлку? Зачѣмъ меня забыла» ³⁾. Устарѣвшая несчастная женщина хочетъ запрягать воловъ или лошадей и догонять убѣжавшую долю. Она догоняетъ ее на калиновомъ мосту (то-есть воспоминаетъ о молодыхъ лѣтахъ) и проситъ долю придти къ ней въ гости. Доля не возвращается: «было-бъ тебѣ, — говоритъ она, — меня прежде уважать, каждый день вечеромъ стлать постель» ⁴⁾. Чаще всего пропавшая

Обізветься ні доля
 Ажъ на тімъ то боці моря:
 «Ой я твоя родима,
 Та не дуже щаслива...
 Ой ти підешъ, дівко, заміжъ,
 Тоді будешъ постіль стлати,
 Та не будешъ па ій спати,
 Край кровати стоятимешъ,
 Матінку споминатимешъ:
 Породила мене мати,
 Та не вмiла прикопати
 Та малою дитиною...»

¹⁾ Буваючи кляла, щобъ долі не мала.

²⁾ Ой дежъ наша бездольница
 На чужій стороні?

³⁾ Изъ за гори вітеръ віе,
 Моя доля въ гості йде.
 Чи ти, доле, въ лісі заблудилась,
 Чи у полі опізнилась,
 Чи въ беседі була,
 Медь-горілку пила, —
 Де ти, доле, була,
 Що мене забула?

⁴⁾ Ой запряжу сірі воли, воронні вони,

доля—за моремъ или въ морѣ. Казакъ, возвращаясь съ Дону, садится надъ водою, проклинаетъ долю, а доля отгливается къ нему изъ-за моря (см. символіку моря). Въ другой пѣснѣ казакъ идетъ искать долю и спрашиваетъ старика, гдѣ ему искать своей доли: въ Сѣчѣ ли, въ Самарѣ, или въ чистомъ полѣ. Старикъ говоритъ, что его доля выплываетъ на другой берегъ моря ¹⁾. Въ одной пѣснѣ, о которой мы упоминали уже, говоря о символическомъ значеніи моря, дочь проситъ мать дозволить ей купаться въ морѣ и искать въ немъ своей доли. Есть повторяемый нѣсколько разъ въ пѣсняхъ образъ, какъ человѣкъ ловитъ свою долю въ морѣ или въ рѣкѣ неводомъ, какъ рыбу, и не можетъ поймать. Казакъ ходилъ искать доли въ лѣсу и не нашелъ, но встрѣтилъ рыболововъ, которыхъ просилъ закинуть неводъ въ воду и поймать его долю. Рыболовы исполнили его желаніе, но поймали вмѣсто доли рыбу ²⁾.

Ой поїду доганяти счастливою доли.

Ой дїгнала свою долю на калиновімъ мості.

«Вернись, вернись, моя доля, хочь до мене въ гости».

—Не вернуся я до тебе, не буду у тебе.

Було бь мене шанувати, буболь поважати,

Було бь мині що-вечіра білу постіль стлати!

¹⁾ Пішовъ козакъ дорогою доленьки шукати,

Гей та зострівъ вінъ старого діда,

Ставъ ёго питати:

«Скажи мині, старий діду,

Де шукати доли?

Гей чи въ Січи, чи въ Самарі,

Чи въ чистому полі?»—

—Ой ні въ Січи, ні въ Самарі.

Ні въ чистому полі:

Гей вирнае твоя доля

По тімъ боці моря!

²⁾ Ой піду я гаємъ,

Гаємъ зелененькимъ,

Доленьки шукати.

Не знайшовъ я доли,

Знайшовъ рыболовці.

Гей ви, рыболовці,

Та рідні братці!

Закидайте невідъ,

Та на білу річку,

Та піймайте долю

То же дѣлаетъ женщина ¹⁾). Съ этимъ сближеніемъ доли съ водою состоитъ въ связи также любимый народною поэзією образъ, какъ дѣвица потерявшая невинность, посылаетъ свою долю за водою ²⁾).

О потопленіи и сгорѣніи доли упоминалось выше, при изложеніи символики воды и огня. Такимъ образомъ доля, будучи тѣсно связана съ существомъ человѣческой личности, представляется подверженною уничтоженію, прежде самого человѣка.

Говоря о долѣ, мы считаемъ нужнымъ упомянуть о пѣснѣ, вѣроятно уже не древней, въ которой выразилась философія народа. Доля представляется уже существомъ, принадлежащимъ не каждому лицу исключительно, но всѣмъ вообще людямъ: это уже какая-то фортуна; она, какъ послѣдняя, слѣпа, помогаетъ злымъ, негоднымъ людямъ, а добрыхъ заставляетъ терпѣть нужду: все имъ не удастся, за что они ни возьмутся. Тѣ, къ которымъ милостива лукавая доля, живутъ въ свѣтѣ спустя рукава; живутъ хорошо люди безъ ума, но плохо съ умомъ, но безъ доли ³⁾). Эта пѣсня распространена, но она очевидно сочиненная. Словомъ «доля» иногда въ переносномъ смыслѣ называетъ жена своего мужа или мужъ жену.

И. Костокаровъ.

Мині молодому.

Не знайшовъ я долю,

А піймали рибку.

¹⁾ Ой піду я доломъ по надъ синімъ моремъ

Доленьки шукати, доленьки шукати.

Не найшла я долі, найшла риболови.

Ой ви, риболочки, ви риболови!

Закиньте невідъ відъ Дніпра до моря,

Чи не впливе къ вамъ щасливая доля!

Невідъ закидали, й долі не піймали.

(Метл. 306.)

²⁾ Ой у полі надъ водою сіяла дівка долю,

Ой сіяла, говорила: пливи, доле, за водою!

³⁾ Ой доля людська доля есть сліпая,

Часто служить злимъ, негіднимъ, и злимъ допомає,

Добрі жъ терпять нужду, по жиру товчуться,

И все не въ ладъ имъ приходить, за що ні візьмуть ся;

До кого жъ у світі ласкова ся доля лукава,

То той живе въ світі спустивши рукава;

Безъ розуму въ світі люди живуть гарно,

А зъ розумомъ безъ долі вікъ проводять марно.

ИЗЪ „L'ANNEE TERRIBLE“

(В. Г ю г о.)

I .

РАСТРЪЛЯННЫЕ.

Безумно-страшная война!
Во слѣдъ побѣдѣ—казнь. Пощада
Молчить и всюду месть слышна:
«Избить всѣхъ недовольныхъ надо».
Погибло мужество: оно
Лежитъ во прахѣ, сражено
Презрѣнной подлости рукою.
Смерть воцарилася. Бругомъ
Убійства. О, народъ! судьбою
Ты преданъ, ты пониже челомъ,
Какъ колось, сломленный грозою....
Вотъ привели толпу къ стѣнѣ
Растрѣливать. Одинъ, съ солдатомъ
Прощаяся, убійцу братомъ
Зоветь; другая шепчетъ: «миѣ
Не страшно умирать. Убили
Вы мужа,—я его жена;
Несчастье вмѣстѣ мы дѣлили,
Насъ тяготила цѣль одна;
Былъ правъ онъ или нѣтъ—не знаю,
Но онъ погибъ—и умираю
Я съ радостью во слѣдъ за нимъ....»
Раздался залпъ ружейный. Дымъ
Разсѣялся: лежитъ рядъ труновъ
Близъ окровавленныхъ уступовъ

Разбитой бомбами стѣны.
 Вотъ двадцать дѣвушекъ, толпою
 Безмолвною окружены,
 Идутъ по улицѣ. Красою
 И юностью блестятъ онѣ
 И пѣснь поютъ.... И въ тишинѣ
 Толпа смущенная внимаетъ
 Той пѣсни: ихъ ведутъ на казнь,
 И въ часъ предсмертный наполняетъ
 Имъ сердце радость—не боязнь!
 Трескъ выстрѣловъ, глухой повсюду.
 Растрѣянныхъ за грудой груду
 Блудутъ въ телѣги и потомъ
 Въ могилу общую бросаютъ.
 Рыданій не слышать кругомъ:
 Безъ жалобъ люди умираютъ,
 Какъ будто бросить этотъ свѣтъ,
 Гдѣ бѣднякамъ пощады нѣтъ,
 Они желаютъ; будто рады,
 Что смерть избавитъ ихъ отъ мукъ.
 Я видѣлъ: дѣдъ сѣдой и внукъ
 Стояли вмѣстѣ у ограды
 И ждали пули роковой.
 Старикъ съ поднятой головой
 Смотрѣлъ вокругъ и выражалось
 Въ немъ лишь презрѣнье; а дитя
 Кричало палачамъ шутя:
 «Стрѣляй скорѣ!»—и смѣялось.
 Въ презрѣннн этомъ, въ смѣхѣ этомъ
 Признание смерти: къ ней съ привѣтомъ
 Они идутъ. Жить или нѣтъ—
 Имъ все равно. Во цвѣтѣ лѣтъ,
 Подъ солнцемъ золотистымъ мая,
 Когда все жаждетъ чувства слить
 Съ красой природы, что, лаская,
 Зоветъ насъ жить, зоветъ любить,—
 Тѣ дѣвушки должны бы розы
 Срывать для брачнаго вѣнка,
 Лелѣя въ сердцѣ счастья грѣзы;
 Ребенокъ тотъ среди лужка

Играть бы долженъ и смѣяться,
 А сердце дѣда-старика
 Любовью къ внуку согрѣваться.
 Ихъ души, радостью полны,
 Могли бы цвѣсть, какъ садъ весною,
 Когда, лучемъ озарены,
 Сверкаютъ свѣтлою росою
 Листы деревъ и ароматъ
 Цвѣты узорные струять
 И пѣсню соловей заводить....
 И что-жь? Во дни любви, во дни
 Расцвѣта юности, подходитъ
 Къ нимъ быстро смерть. О, какъ они
 Должны бы вздрогнуть отъ боязни
 Предъ ужасомъ кровавой казни,—
 Какъ трепетать, молить рыдать,
 Какія вопли устремлять
 Ко Франціи, ко всѣмъ, кто видитъ
 Позоръ убійствъ и ненавидитъ
 Гражданской Эвмениды ликъ!
 Въ единый стонъ, въ ужасный крикъ
 Должны бы слиться ихъ моленья....
 Но, нѣтъ! они молчатъ, молчатъ,
 Встрѣчаютъ смерть безъ удивленья,
 Безъ содраганія глядятъ
 Въ могилу темную: давно имъ
 Знакомъ тотъ призракъ роковой,
 Который бѣдняковъ пѣкою
 Даритъ желаннымъ подъ землей.
 Приди же смерть!...

Оставшись съ нами

Пришлось бы задохнуться имъ,—
 И съ равнодушіемъ нѣмымъ
 Они идутъ къ могильной ямѣ,
 Чтобъ сохранить на вѣкъ себя
 Отъ насъ.... и мы, душой скорбя
 О жертвахъ гибнущихъ несчастья,
 Во слѣдъ имъ шлемъ свое участие.
 Къ чему оно? До этихъ дней
 Не помогли мы имъ, голоднымъ.

Не согрѣвали ихъ дѣтей,
 Дрожавшихъ въ рублищѣ холодномъ;
 Мы не подумали о томъ,
 Что нужно ихъ учить, что надо
 Дать средства честнымъ жить трудомъ.
 Теперь, когда они, какъ стадо
 Звѣрей голодныхъ, вопль поднявъ,
 На жизнь потребовали правъ,
 Кривавой казнью заглушили
 Тотъ вопль отчаянный....

И вотъ

Толпа ихъ къ роковой могилѣ
 Безмолвно-гордая идетъ.
 Нѣтъ жалобы, нѣтъ сожалѣнья
 Въ окаменѣвшихъ ихъ сердцахъ:
 Во взорѣ—горькое презрѣнье,
 Улыбка блещетъ на устахъ,
 Какъ будто смерть—ихъ назначенье!...
 О, люди, братья! Тайный страхъ
 Ужель вамъ души не тревожить?
 Нѣтъ, человѣчество не можетъ,
 Не смѣетъ далѣе идти
 На этомъ роковомъ пути!
 Устроимъ такъ, чтобъ немущій
 Жизнь полюбилъ. Пусть будетъ онъ
 Отъ рабства, нищеты гнетущей
 Довольствомъ честнымъ огражденъ;
 Тогда порядокъ и законъ
 Не будутъ съ бѣднымъ въ вѣчномъ спорѣ:
 Онъ свято станетъ ихъ хранить.
 Подумаемъ объ этомъ. Горе
 Такому обществу, гдѣ жить
 Устали люди, гдѣ смѣются
 Они предъ смертью. Жертвы скрылъ
 Предъ нами вѣчный мракъ могилъ,
 Но могутъ вновь они проснуться
 Для мщенья, если мы живымъ
 Ихъ братьямъ жизнь не облегчимъ!

В. Вуревичъ.

НАШИ МОНАСТЫРИ *).

ХІІІ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Не отъ одного человѣка намъ случалось слышать, что будто бы во время не очень дальней войны, которая хоть и кончилась счастливо, но все-таки была убыточною, правительство наше предлагало настоятелю Московской лавры пожертвовать часть богатствъ ея отечеству, нуждавшемуся тогда въ деньгахъ. Настоятель на это отвѣчалъ: «Преподобный Сергій всегда помогалъ достояніемъ своей обители нашему отечеству, когда оно подвергалось крайней опасности. И потому, если и въ настоящее время отечество находится въ такомъ положеніи, что не можетъ обойтись безъ помощи Святителя, то Преподобный готовъ помочь ему». Недовольно ли было правительство этимъ уклончивымъ отвѣтомъ, или не захотѣло признать положеніе отечества крайне опаснымъ, безнадежнымъ, но вспоможенія не послѣдовало.

Не ручаемся вполнѣ за строго-историческую вѣрность этого разсказа, но не можемъ не замѣтить, что *Преподобный Сергій* дѣйствительно не одинъ разъ оказывалъ отечеству посobie въ крайнихъ его обстоятельствахъ. Когда великій князь Дмитрій Донской, отправляясь съ войскомъ навстрѣчу Мамаю, явился въ обитель получить благословеніе отъ Преподобнаго, то послѣдній не ограничился одними благожеланіями, одними общаніями молиться о томъ, чтобы Господь подалъ на *враговъ по-*

*) См. «Весѣду», №№ 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 10.

блду и одолнїе. Обитель не была тогда богата, писала, какъ мы видѣли, книги на березовой корѣ, освѣщала церковь лучиною во время богослуженія; братія вечеромъ не знала, удастся ли ей поутру утолить чѣмъ-либо свой голодъ. Но въ числѣ ея были два мужа, сильныхъ крѣпостію мышцъ своихъ,—Ослябъ и Пересвѣтъ. Преподобный благословилъ ихъ *на брань* съ врагами отечества, которое никогда не забудетъ объ ихъ заслугахъ, объ ихъ геройской смерти въ битвѣ на Куликовскомъ полѣ. Въ бѣдственные времена междуцарствія обитель св. Сергія не только жертвовала отечеству своимъ достояніемъ, воодушевляла слабыхъ, но и пріобрѣла извѣстность своими геройскими подвигами. Тогда, какъ Москва позволила укрѣпиться въ своихъ стѣнахъ полякамъ, братія святой обители, осѣняя себя крестомъ и дѣйствуя оружіемъ, не позволила чужеземцамъ проникнуть въ свои стѣны. Послѣ, потому ли, что воинственное настроеніе сдѣлалось чуждымъ для монашествующихъ, или потому, что для выигрыша сраженій оказались нужными войска дисциплинированныя, спеціально для этого подготовленныя, обитель уже не посылала своихъ Ослябей и Пересвѣтовъ на сраженія; равнымъ образомъ, по отдаленности своей отъ границъ, не имѣла нужды защищать свои стѣны отъ непріятеля, но вмѣсто этого помогала отечеству своими сокровищами. Мы уже говорили о томъ, сколько Петръ Великій бралъ денегъ изъ ея сундуковъ во время своего царствованія. Приведенныхъ примѣровъ достаточно для доказательства, что Троицкая Сергіева лавра, въ былыя, по крайней мѣрѣ, времена, помогала отечеству въ его нуждахъ. Не станемъ говорить о болѣе новыхъ ея подвигахъ по этой части, равно какъ и о томъ, въ какой степени ей подражали другіе монастыри. Но, по возможности, пересмотрѣвши доходы, которые монашествующая братія получаетъ отъ правительства и деньгами, и угодыми, и сообразивши о тѣхъ пожертвованіяхъ и приношеніяхъ мірянъ, изъ которыхъ составились и составляютъ громадныя монастырскія богатства, мы осмѣливаемся сказать: не наступило ли время, когда наши святые обители могутъ доказать, что онѣ сами собою, безъ всякихъ побужденій и понужденій *отъ-инуду* (отвнѣ), готовы жертвовать своими матеріальными выгодами на пользу отечества? Не время ли, скажемъ прямо, добровольно отказаться отъ того вспоможенія, которое доставляетъ имъ правительство, и употребить это вспоможеніе на пользу болѣе нуждающейся *братіи о Христвѣ*?

Но развѣ отечество, спросить насъ, находится въ столь опасномъ положеніи, что нуждается, напр., въ деньгахъ, получаемыхъ изъ казны монастырями? Разумѣется, что нѣтъ; но ему можно оказывать услугу не только въ то время, когда оно все подвергается опасности, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда благотворитель облегчаетъ или предупреждаетъ нужды и лишенія частныхъ членовъ его. Затѣмъ осмѣливаемся прибавить, что, напр., спасти жизнь утопающаго, вылечить больнаго, близкаго къ смерти, помочь разорившемуся отъ наводненія или пожара и пр. и пр. есть прекрасный, христіанскій подвигъ, но гораздо лучше, по нашему мнѣнію, поступить тотъ, кто сумѣетъ предупредить эти несчастія, научить людей быть такъ благоразумными и осторожными, чтобъ они и сами умѣли себя спасать отъ потопленія и болѣзней, или чтобъ какъ можно рѣже подвергались имъ, а также пожарамъ, наводненіямъ и пр. Если на предметъ, которымъ мы занимаемся, смотрѣть съ этой точки зрѣнія, то, какъ намъ кажется, для монашествующей братіи наступило время показать, что она принимаетъ участіе въ дѣлахъ отечества не однѣми молитвами, а и пожертвованіями своими. Конечно, отечество наше не находится въ опасности; мы наслаждаемся миромъ; даже едва ли близка война; такимъ образомъ помогать ему деньгами на поддержаніе не существующей войны не настоятъ надобности; хотя, съ другой стороны, не можемъ не сказать, что 437.000 рублей, не выдаваясь на монастыри, съ пользою могли бы употребиться на мирныя потребности—очень настоятельныя. Но все-таки все вообще отечество не очень облегчится уменьшеніемъ своего расхода на такую сумму.

Зато есть сословіе, которое нуждается въ большой помощи; есть такъ-называемый мужикъ—крестьянскій нашъ людъ, который нѣсколько столѣтій, какъ мы видѣли, обогащаетъ монастыри. Пусть они теперь отплатятъ ему своею благодарностію. Крестьяне въ настоящее время получили такъ много новыхъ правъ, что ихъ положеніе, по крайней мѣрѣ въ теоріи, по законодательству, совершенно измѣнилось; они уже теперь не безотвѣтныя рабы, а люди свободные, которые имѣютъ политическое значеніе и могутъ и посредствомъ и непосредственно вліять на другія, даже привилегированныя сословія. Но у нихъ недостаетъ самаго важнѣйшаго права, самой первой человѣческой привилегіи—именно такъ-называемаго образованія, умственнаго развитія. И теперь отъ недостатка его уже много вред-

ныхъ послѣдствій, но со временемъ они еще болѣе усилятся и увеличатся, повліяють не на одно крестьянство, но могутъ грозить серьезною опасностію самому отечеству. И теперь уже волостное и вообще сельское управленіе отъ непониманія избирателями своихъ правъ и обязанностей попадаетъ въ руки кулаковъ и міроѣдовъ. И теперь крестьяне — избиратели гласныхъ въ земскія собранія и самые гласные изъ нихъ не похожи ли, — извините за сравненіе, — на стадо барановъ, которые безсознательно, но и робко идутъ за какимъ-либо передовымъ козломъ, а сзади подгоняются вкнутомъ даже не настоящаго пастуха, нанятаго владѣльцемъ ихъ, а какого-либо мальчишки. И теперь не только посредники, но и мировые судьи по мѣстамъ, по причинѣ невѣжества массъ, развѣ не напоминаютъ блаженной памяти управляющихъ, бурмистровъ, старинныхъ становыхъ и исправниковъ? И теперь, когда участь всѣхъ уголовныхъ преступниковъ зависитъ отъ *да* и *нѣтъ*, произносимыхъ присяжными засѣдателями, много бываетъ прискорбныхъ ошибокъ единственно отъ умственной неразвитости произносящихъ *да* или *нѣтъ*. Но надо принять во вниманіе, что у зла, когда причина его не уничтожается и даже мало ослабляется, есть своего рода прогрессъ, отъ котораго оно растетъ и разрастается. Что же будетъ, если народныя массы останутся въ томъ же невѣжествѣ, умственно застоѣ, въ которомъ теперь находятся? И нынѣ крестьяне составляютъ едва ли не большинство присяжныхъ засѣдателей, а со временемъ число ихъ увеличится (мы говоримъ не о столицахъ и губернскихъ, а объ уѣздныхъ городахъ), потому что такъ-называемыя благородныя сословія находятъ неудобнымъ для своего комфорта, даже оскорбительнымъ для своего барскаго величія просидѣть нѣсколько часовъ, а иногда и дней въ окружномъ судѣ подъ надзоромъ судебного пристава, — посидѣть съ мѣщанами, мужиками и часто видѣть, что эти неучи говорятъ: *да* или *нѣтъ*, когда ихъ благородія, высокоблагородія, высокородія и даже превосходительства думали бы произнести *нѣтъ* или *да*. Точно такимъ же образомъ въ числѣ гласныхъ земскихъ собраній будетъ со временемъ большинство крестьянъ или ихъ избранниковъ, потому что поземельная собственность мало-помалу ускользаетъ изъ рукъ нашихъ старинныхъ помѣщиковъ. О крестьянскомъ управленіи нечего и говорить. А развѣ можно ожидать и порядка, и благоденствія тамъ, гдѣ и приговоръ судовъ, и земскія дѣла, и сельское управленіе будутъ въ рукахъ

необразованной, невѣжественной массы, или, лучше, ея бессовѣстныхъ вожаковъ? И потому не правду ли мы сказали, что въ недалекомъ будущемъ даже отечеству всему грозитъ серьезная опасность, если народная образованность будетъ двигаться съ тою же медленностію, которая большею частію теперь въ ея ходѣ замѣчается? Всѣ усилія тѣхъ, кто любятъ отечество, должны быть направлены къ тому, чтобы распространить умственное развитіе между народными массами.

Къ сожалѣнію, казна наша не въ состояніи своими средствами поднять народное образованіе на ту степень, на которой желательно было бы его видѣть. У нея постоянные дефициты; она постоянно прибѣгаетъ къ займамъ, чтобы удовлетворить тѣмъ расходамъ, которые считаются неизбѣжными, которые уменьшить и особенно отмѣнить признается невыполнимымъ. Только въ послѣднее время она нашла возможность внести въ свой бюджетъ нѣсколько сотъ тысячъ рублей на народное образованіе, но и тутъ едва ли не половина идетъ на инспектуру за нимъ. Земскіе дѣятели, за нѣкоторыми, впрочемъ очень почетными, исключениями, заняты или своими собственными окладами, или тѣми расходами, которые могутъ приносить проценты въ настоящее, а не въ будущее время, или удовлетвореніемъ тѣхъ потребностей, которыя предписаны свыше. Чтобы поднять народное образованіе, остается дѣйствовать частнымъ людямъ или корпораціямъ. И какъ бы хорошо, какъ бы справедливо и благородно было, какъ бы всѣхъ изумило и порадовало, еслибы монашествующая братія показала въ этомъ случаѣ примѣръ!

Чтобы доказать предыдущую мысль, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній. Прежде всего мы думаемъ назвать жалованьемъ, пенсіономъ, пособіемъ или наградою всякія деньги, которыя даетъ какое бы то ни было гражданское общество частному лицу или даже корпораціямъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ лицъ, — даетъ или за оказываемыя, или за оказанныя услуги государству. Но 1) гражданское общество награждаетъ и жалуетъ свои деньги только за услуги, которыя оказываются ему, какъ политическому, мірскому обществу, или, такъ-сказать, за *мірскія услуги*. Если, съ одной стороны, *кесарю* нужно воздавать *кесарево*, то, съ другой, кесарь и долженъ, и имѣетъ право награждать и жаловать за тѣ только услуги, которыя оказываются ему, какъ кесарю. А награды за то, что принадлежитъ *Богови*, надобно предоставить самому Богу. 2) Гражданское общество даетъ жалованье, пособія и пр. для

того, чтобы получатели, обеспеченные въ матеріальномъ существованіи, могли оказывать услуги ему, или для того, чтобъ оказавшій уже услуги, но по слабости здоровья или старости не имѣющій возможности добывать себѣ насущный хлѣбъ, не былъ доведенъ до крайняго, безвыходнаго положенія. И потому-то благородные, безкорыстные и достаточные люди служатъ отечеству, не желая получить отъ него никакого жалованья. Примѣровъ тому много за границую, но и у насъ они не безызвѣстны. Давно намъ какъ-то случилось читать статью, въ которой перечислено, сколько по разнымъ министерствамъ служить людей безъ жалованья; причемъ замѣчено, что такихъ чиновниковъ болѣе всего было по министерствамъ двора и иностранныхъ дѣлъ. Кромѣ того, служившіе прежде и продолжающіе служить нынѣ по старому городскому положенію не получали и не получаютъ жалованья.

Высказавши эти два замѣчанія, мы осмѣливаемся предложить монашествующимъ слѣдующій вопросъ: принятые ими при постриженіи обѣты относятся ли къ обязанностямъ гражданина, или къ обязанностямъ *человѣка не отъ міра сего*, — *человѣка*, вполне посвятившаго себя, какъ говорятъ, только Богу и спасенію своей души въ будущей жизни? Отвѣтъ на этотъ вопросъ слишкомъ ясенъ и простъ. Извѣстно, что монашествующій общается пребывать въ постничествѣ, въ молитвѣ, въ дѣвствѣ, отказывается отъ міра, отъ всего, *яже въ мірѣ*, отъ своего отца и матери, кормившей его своею кровію; онъ уже причисляетъ себя не къ человѣческому обществу, а къ *ангельскому чину*. И потому признаемся, что мы никакъ не понимаемъ, сообразно ли хоть съ какимъ-либо нравственнымъ, гражданскимъ или религіознымъ закономъ получать, подобно чиновнику, жалованье за то, что дали обѣтъ поститься, молиться, дѣвствовать, отказались отъ міра, родныхъ, родителей; притомъ все это сдѣлали единственно для спасенія своей души, въ другой жизни, нигдѣмъ къ тому не приневоливаемые, по своей доброй волѣ? Отвѣтъ слишкомъ ясенъ и на этотъ вопросъ. И потому просимъ извинить насъ, если жалованье, получаемое изъ казны монашествующими, назовемъ аномаліей, дѣломъ, такъ-сказать, противоестественнымъ, даже профанаціей священныхъ обѣтовъ

Но *нужда чего не дѣлаетъ*? Вѣдь и монашествующіе хоть и дали обѣтъ *алкати, жаждати и нагъствовати*, имѣютъ тѣло, которое подобно нашему требуетъ и пищи, и одежды. И потому понятно было бы, еслибъ они пользовались *пособіями отъ казны*

какъ единственнымъ средствомъ для поддержанія своего физическаго существованія. Но въ нашей статьѣ, полагаемъ, достаточно доказано, что жалованье, получаемое многими монастырями, составляетъ ничтожную часть ихъ доходовъ, что и безъ него они будутъ богаты, богаты болѣе, нежели сколько бы изъ приличія слѣдовало быть богатыми корпораціямъ людей, давшихъ объѣтъ нищеты и нелюбостыжанія. Въ самомъ дѣлѣ, что такое а) 9.259 рублей для Московской, б) 8.543 р. для Кіевской и в) 4.970 руб. для Петербургской лавръ при ихъ сотняхъ тысячъ дохода? Что значить а) 2.774 руб. для Соловецкаго, б) 951 р. для Митрофанова, в) 3.064 р. для Юрьева, г) 2.161 р. для Троицко-Сергіевой пустыни, д) 1.738 р. для Валаамскаго, е) 1.328 р. для Задонскаго-Богородицкаго монастырей, при ихъ доходахъ, которые проще считать сотнями, а не десятками тысячъ рублей? Что значить а) 2.794 р. для Воскресенскаго - Новоіерусалимскаго, б) 1.921 р. для Боровскаго-Пафнутіева, в) 1.449 р. для Суздальскаго-Спасо-Евфиміева, г) 1.289 р. для Волоколамскаго-Іосифова, д) 811 р. для Угрѣшскаго и пр., когда эти доходы состоятъ изъ многихъ десятковъ тысячъ рублей?

Намъ скажутъ, что мы намѣренно беремъ въ примѣръ только слишкомъ богатые монастыри, а сколько-де есть бѣдныхъ святыхъ обителей, которыя безъ жалованья не въ состояніи будутъ содержать себя и должны быть закрыты? О закрытіи монастырей станемъ говорить ниже, а теперь только скажемъ, что существованіе развѣ самаго ничтожнаго количества монастырей зависитъ отъ правительственнаго пособія. Мы это надѣемся доказать примѣромъ 200 заштатныхъ мужскихъ и женскихъ монастырей. Изъ нихъ около 30 получаютъ ежегодное денежное пособіе отъ казны: а) три отъ 571 р. до 800 р., б) пять по 400 р., в) шесть по 320 р., г) одинъ 280 р., д) шесть отъ 100 до 200 р., е) четыре по 85 р. и ж) три 18—19 р. Остальные затѣмъ, слишкомъ 170 монастырей, никакихъ денегъ отъ правительства не получаютъ, а между тѣмъ не только всѣ существуютъ, не закрываются, но, вообще говоря, едва ли находятся въ худшемъ положеніи, нежели штатные. Такое заключеніе основываемъ на слѣдующемъ соображеніи, руководствуясь въ этомъ случаѣ отчетомъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода за 1870 г. Не утверждаемъ того, чтобы число братіи было во всѣхъ случаяхъ пропорціонально богатству монастырей, но нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что чѣмъ богаче монастырь, тѣмъ болѣе бываетъ охотниковъ поступить въ

его братство, и самъ онъ тѣмъ большому количеству людей можетъ дать пріютъ въ своихъ стѣнахъ. Напротивъ, бѣдные монастыри и не привлекаютъ, и не могутъ содержать большаго количества народа. И потому если мы наши монастыри раздѣлимъ на двѣ крупныя чети и неравныя части и отыщемъ среднія числа братіи, въ нихъ помѣщающейся, то по этимъ числамъ мы можемъ догадываться о томъ, которой группы монастыри должны считаться болѣе богатыми. Но въ 1869 г. въ 61-мъ архіерейскомъ домѣ и въ мужскихъ монастыряхъ было 6.231 чело-вѣкъ монаховъ и послушниковъ; въ вычисленіе не вошли монастыри Архангельской и Кіевской епархій и Александроневской лавры, потому что число братіи этихъ монастырей въ таблицу отчета подъ № 1 не вошло. Изъ 6.231 исключивъ 427 монаховъ, принадлежащихъ 61-му архіерейскому дому, и остатокъ 5.804 раздѣливъ на 213—на число штатныхъ монастырей (за исключеніемъ кіевскихъ, архангельскихъ и лавры), получимъ въ частномъ числѣ 27, потомъ 4.493 — число монаховъ и послушниковъ—раздѣливъ на 147 заштатныхъ монастырей (кромѣ кіевскихъ и архангельскихъ), имѣемъ частное 30. Такимъ образомъ среднее число братіи заштатныхъ монастырей больше, нежели то же число въ штатныхъ монастыряхъ. И потому нѣтъ повода думать, чтобы первые монастыри были бѣднѣ послѣднихъ. Кромѣ того извѣстно, что многіе заштатные монастыри поспорятъ своими богатствами и доходами съ штатными; къ таковымъ относятся напр. пустыни: Саровская, Оптиная, Давидова, Петропавловская, Нилова, Флорищева, Югская или монастыри: Коренной, Перервинскій, Покровскій, Срѣтенскій и пр. и пр. И въ женскихъ штатныхъ и заштатныхъ монастыряхъ среднія числа монахинь и послушницъ имѣютъ такое же отношеніе между собою, какъ и въ мужскихъ. Итакъ, если изъ 204 заштатныхъ монастырей болѣе нежели 170 существуютъ безъ всякаго денежнаго вспоможенія отъ казны, а 13 при очень маломъ, даже ничтожномъ пособіи, многіе же изъ нихъ не только существуютъ, но и благоденствуютъ въ мірскомъ значеніи слова, и всѣ вообще не могутъ считаться бѣднѣ штатныхъ, то мы вовсе не видимъ никакого повода думать, что и всѣ вообще штатные монастыри принуждены будутъ закрыться, какъ скоро деньги, получаемыя ими отъ казны, употребить на народное образованіе.

Между тѣмъ нельзя не замѣтить, что всѣ вообще денежные

пособіи, получаемыя монастырями изъ казны подъ разными наименованіями, совершенно не нужны для поддержанія ихъ матеріальнаго существованія, принесли бы очень много пользы бѣдному крестьянскому люду по части грамотности. Положимъ, что они употребятся на жалованье учителямъ сельскихъ народныхъ школъ по 100 р. въ годъ каждому учителю. Конечно, жалованье не велико; но и нынѣ слишкомъ многіе учителя получаютъ даже менѣе 100 р.; притомъ къ 100 р. волость или большая деревня, прибавивъ 100 или даже 50 р., доставить учителю или учительницѣ безбѣдное уже содержаніе, особенно при готовой квартирѣ. Такимъ образомъ на 437.000 р., получаемыхъ теперь монастырями изъ казны, можно было бы имѣть 4.370 учителей или учительницъ, по 83 учителя на каждую изъ 53 епархій. И если у каждаго учителя и учительницы станеть обучаться круглымъ числомъ по 40 человѣкъ, то на деньги, уступленныя монастырями, ежегодно стануть получать начатки образованія 174.800 крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, почти по 3.000 человѣкъ на каждую епархію. Но такъ какъ, за исключеніемъ небольшого количества монастырей, пользующихся извѣстностію по цѣлой Россіи, прочіе обогащаются приношеніями мѣстныхъ, *одноепархіальныхъ* жителей, то справедливость требуетъ, чтобы монастыри пожертвовали свое жалованье на пользу своихъ земляковъ—крестьянъ. Въ такомъ случаѣ, конечно, многія епархіи получаютъ очень незначительное пособие: напр. а) кавказская только на двухъ учителей и то по 80 руб., б) оренбургская на шесть по 100 р., в) камчатская, енисейская и уфимская—каждая на семь, г) тульская на 18 учителей и пр. За то нѣкоторыя епархіи можно было бы назвать счастливыми. Такимъ образомъ на предполагаемое нами монастырское пожертвованіе могли бы обучаться въ епархіяхъ: а) Московской 19.280 дѣтей у 482 учителей, б) Волынской 12.680 дѣтей у 317 учителей, в) Кіевской 11.680 дѣтей у 292 учителей, г) Новгородской 10.600 дѣтей у 265 учителей, д) Черниговской 5.960 дѣтей у 149 учителей, е) Тверской 4.520 дѣтей у 113 учителей, ж) Ярославской 4.440 дѣтей у 111 учителей и пр. Это вычисленіе всего интереснѣе приложить къ западнымъ заднѣпровскимъ епархіямъ. Давно уже пишутъ, что тамъ православію грозитъ опасность отъ католицизма, а государству отъ полонизма, и что однимъ изъ лучшихъ, если не единственнымъ, средствомъ противъ этой опасности есть народ-

ное образованіе. Монастыри въ этихъ семи епархіяхъ (Волинской, Киевской, Литовской, Минской, Могилевской, Подольской и Полоцкой) получаютъ отъ казны 151.508 руб. На такую сумму можно было бы обучать грамотности 60.600 дѣтей у 1.515 учителей. Сколько же приносится пользы монастырями означенныхъ епархій теперь, когда они тратятъ на себя полтораста тысячъ руб., выдаваемыхъ имъ правительствомъ,—дѣло мудреное для ариметическихъ вычисленій, но польза отъ обученія 60.600 мальчиковъ и дѣвочекъ, право, слишкомъ ясна и осязательна и въ церковномъ и въ политическомъ отношеніи.

Впрочемъ благотѣльное вліяніе на умственное образованіе народныхъ массъ монастыри не только могутъ, но и должны еще увеличить, не ограничиваясь однимъ пожертвованіемъ денегъ, получаемыхъ ими отъ казны. Этого требуютъ и челоуѣколюбіе и благодарность, которыми имъ всего приличнѣе отличиться и рекомендовать себя предъ людьми. Они изъ своихъ доходовъ могутъ отдѣлить на благотворительность громадныя суммы. Разсчитаемъ сначала, сколько дѣтей крестьянскихъ могутъ получить начатки образованія на миллионъ рублей. При 100 рубляхъ каждому учителю жалованья, эта сумма достаточна будетъ для 10.000 учителей и учительницъ, и потому всѣхъ учениковъ можетъ набраться до 400.000 челоуѣкъ. А еслибы монастыри были такъ добры, что пожертвовали бы не одинъ, а два или, лучше, два съ половиною миллиона, тогда на ихъ деньги ежегодно обучался бы грамотности цѣлый миллионъ крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ.

Но все — просвѣщеніе, да просвѣщеніе! А развѣ у насъ страдающее челоуѣчество не имѣетъ нужды въ удовлетвореніи другихъ, не менѣе насущныхъ, потребностей? Мы согласны, что имѣетъ, и потому пусть монастыри одну часть своихъ пожертвованій назначаютъ на народное образованіе, а другую на пособіе нуждающимся въ разныхъ отношеніяхъ. Одно только скажемъ, что, при такого рода пожертвованіяхъ, міряне стали бы смотрѣть на наши монастыри какъ на *дѣйствительно святыхъ обителѣ*, и монашествующая братія не только бы приобрѣла полное и заслуженное уваженіе въ *свѣтѣ мірѣ*, но и могла бы надѣяться найти и *на томъ свѣтѣ* пристанище въ *тѣхъ обителѣхъ многихъ*, которыя уготованы въ царствіи небесномъ. На страшномъ судѣ Правосудный Судія, обращаясь къ праведникамъ, не скажетъ: идите и наслаждайтесь уготованнымъ для

вась блаженствомъ, потому что вы устраивали на землѣ великолѣпные храмы, украшали изображенія Мои и святыхъ угодниковъ серебромъ, золотомъ и драгоценными каменьями, что изъ святыхъ сосудовъ и одеждъ составили нѣчто въ родѣ сокровищницъ, которымъ удивлялись люди и пр., — нѣтъ, Онъ имъ скажетъ: идите и наслаждайтесь, потому что помогали алчущимъ и жаждущимъ, посѣщали больныхъ, узниковъ и т. п. Не хотимъ говорить, что Онъ скажетъ, если громадные богатства монастырскія станутъ употребляться по-прежнему, наибольшею частію, на украшеніе обитателей, на успокоеніе и услажденіе одной братіи; но не трудно угадать, что скажутъ и уже поговариваютъ здѣсь и міряне, и даже бѣлое духовенство.

Представимъ себѣ, что въ давнія времена, по какимъ бы то ни было побужденіямъ, гражданское общество общалось выдавать какой-нибудь корпораціи болѣе или менѣе значительное вспоможеніе. Корпорація отъ этого вспоможенія, а еще болѣе отъ пожертвованій лицъ частныхъ разбогатѣла, тратила огромныя суммы на украшеніе своихъ мѣстопребываній, а нѣкоторые ея отдѣлы въ своихъ сундукахъ собрали богатые капиталы, въ своихъ кладовыхъ неоцѣненные драгоценности, получали, при небольшомъ количествѣ членовъ своихъ, не только десятки, но и сотни тысячъ рублей. Между тѣмъ; проходили десятки, можетъ-быть и сотни лѣтъ; общество исполняло дачное обѣщаніе и продолжало дѣлать приношенія, но въ немъ появились настоятельныя нужды, которымъ оно своими средствами не въ состояніи было удовлетворить. Какъ бы елѣдовало поступить въ такомъ положеніи честнымъ, благороднымъ и безкорыстнымъ членамъ корпораціи? По нашему мнѣнію, они должны были бы сказать обществу: «благодаримъ тебя за твое къ намъ долготѣнее благоволеніе, за твои щедрыя пожертвованія, — мы, при помощи ихъ, хорошо устроились; деньги, которыя ты намъ выдавало въ видѣ жалованья, мы просимъ тебя употребить на вспоможеніе нуждающимся, которыхъ у тебя такъ много. вмѣстѣ съ тѣмъ позволь намъ отъ избытковъ, которые мы и наши предшественники нажили и продолжаемъ наживать отъ твоихъ щедротъ, — позволь употребить на вспоможеніе тѣмъ же нуждающимся». Но еслибы корпорація по-прежнему продолжала принимать пособіе отъ общества и пожертвованія отъ частныхъ лицъ, сосредоточивала все свое вниманіе на однихъ своихъ интересахъ, не думая объ участи своихъ благодѣте-

лей, или для облегченія ихъ дѣлая только кое-что, то честные, благородные и безкорыстные люди не имѣли ли бы права сказать имъ: «не стыдно ли вамъ, богатымъ, вполне уже обезпеченнымъ людямъ, получать еще отъ общества пособіе, въ которомъ вы вовсе не нуждаетесь, а которое, между тѣмъ, можетъ быть обращено на вспоможеніе дѣйствительно нуждающимся? Не стыдно ли вамъ оставаться равнодушными къ бѣдственному положенію того общества, которое и въ лицѣ своихъ предковъ, и само собою обогатило, да и теперь еще продолжаетъ обогащать васъ?» Конечно, женатые члены корпораціи могли бы сказать обществу: «правда, мы видимъ всѣ затрудненія и сожалѣемъ о жалкомъ положеніи многихъ твоихъ членовъ. Но, извините, у насъ есть семейства, о будущемъ благосостояніи которыхъ мы должны подумать». Ну, а если члены корпораціи не только не женатые люди, но и не имѣютъ права быть женатыми, даже только подъ условіемъ безбрачной жизни могутъ поступать въ составъ ея; если даже сама корпорація можетъ и не существовать, и общество отъ этого не разстроится,—тогда какъ угодно, а слова: *не стыдно ли, не стыдно ли*, могутъ повторяться съ большею смѣлостью и справедливостью. Ну, а если еще члены корпораціи, по какимъ бы то ни было побужденіямъ, дали торжественнѣйшее обѣщаніе быть нелюбостыжательными, проводить жизнь свою въ бѣдности и разнаго рода лишеніяхъ, и, собственно вслѣдствіе этого, между прочимъ, обѣщанія, имѣли и имѣютъ значеніе въ обществѣ,—ну, тогда они, продолжая одни пользоваться своими богатствами, нарушая этимъ свои торжественные обѣты, не отказываясь отъ пособія изъ общественной казны и отказывая въ пособіи нуждающимся,—тогда они могутъ заслужить упреки, для выраженія которыхъ слова: *не стыдно ли вамъ*,—будутъ уже слабы.

Обратимся теперь къ той корпораціи, о богатствахъ которой написана наша немалая статья. Мы не смѣемъ употреблять слова: *не стыдно ли*,—на это уполномочены люди, пользующіеся авторитетомъ. Мы осмѣливаемся только высказать, что многимъ безпристрастнымъ лицамъ давно уже кажется страннымъ, почему это наши монастыри сами не откажутся отъ казеннаго пособія, и почему тоже сами, *motu proprio*, по собственной инициативѣ, не вызовутся жертвовать своими капиталами и доходами въ пользу бѣднаго народа, ихъ обогатившаго и продолжающаго обогащать? Мы уже знаемъ, что наибольшая часть монастырей по-

лучаетъ отъ этого бѣдняка и добряка тысячами, очень многіе десятками тысячъ, а нѣкоторые сотнями тысячъ рублей. Что же значить для всѣхъ этихъ, если для народнаго образованія или на другія благотворенія жертвуются первыми сотни, вторыми тысячи, а третьими десятки тысячъ рублей?

Здѣсь естественно рождается вопросъ: чрезъ такія усиленныя пожертвованія не истощится ли казна монастырей, не разорятся ли они, не дойдетъ дѣло до того, что многіе изъ нихъ нужно будетъ закрыть по причинѣ недостатка въ матеріальныхъ средствахъ къ содержанію братіи?

Въ отвѣтъ на эти вопросы прежде всего замѣтимъ, что не было ни одного года, начиная съ 1835, въ который бы въ мужскихъ штатныхъ монастыряхъ находилось положенное штатомъ количество монаховъ. Въ нѣкоторые годы недоставало не только четвертой, а уже третьей части монаховъ; напр. въ 1836 году изъ 4.623 штатомъ положенныхъ монаховъ недоставало 1.800 человѣкъ, почти двухъ пятыхъ частей, а въ 1837 г. изъ 4.572 недоставало 1.683, почти три осмыхъ частей. Возьмемъ отдѣльные монастыри и епархіи по отчету об.-пр. св. Сн. за 1870 годъ. Изъ него узнаемъ, что было: а) 17 монаховъ вмѣсто 33 въ Воскресенскомъ-Новоіерусалимскомъ, б) 21 вмѣсто 33 въ Донскомъ, в) по 22 вмѣсто 33 въ Новоспасскомъ и Спасо-Яковлевскомъ монастыряхъ; затѣмъ: а) 24 вмѣсто 62 въ Тобольской, б) 47 вмѣсто 116 въ Псковской, в) 47 вмѣсто 91 въ Иркутской, г) 26 вмѣсто 64 въ Полоцкой, д) 8 вмѣсто 63 въ Енисейской, е) 4 вмѣсто 23 въ Камчатской, ж) 39 вмѣсто 57 въ Симбирской, з) 77 вмѣсто 129 въ Тверской, и) 74 вмѣсто 131 въ Ярославской, і) 112 вмѣсто 173 во Владимірской епархіяхъ. Послѣ этого естественно ожидать, что есть не малое количество и штатныхъ, и заштатныхъ монастырей, которые не обилуютъ монашествующею братіей; напр, было: а) 5 въ Петровскомъ-Николаевскомъ (Саратов. епар.), б) по 4 въ двухъ заштатныхъ Иркутской и Томской епархій, в) 8 и среднимъ числомъ по 4 въ штатныхъ Енисейскомъ-Спасскомъ и Туруханскомъ-Троицкомъ и г) пять въ трехъ заштатныхъ монастыряхъ Полоцкой епархіи. А вотъ въ заштатномъ монастырѣ Рижской епархіи нѣтъ ни одного монаха, и въ немъ живутъ только четыре послушника. Женскіе монастыри гораздо болѣе населены, нежели мужскіе, но и въ нихъ по мѣстамъ замѣтна скудость въ монашествующихъ; напр., было: а) 183 монахини вмѣсто 253 во Владимірской, б) 45 вмѣсто 87

въ Петербургской, в) 8 вмѣсто 14 въ Минской епархіяхъ. Затѣмъ было: а) 5 монахинь въ Черниговскомъ заштатномъ, б) 8 въ двухъ монастыряхъ минскихъ, по 4 среднимъ числомъ въ каждомъ, наконецъ в) двѣ монахини въ двухъ томскихъ монастыряхъ. Такое оскуднѣе въ монашествующихъ происходитъ не отъ того, что монастыри бѣдствуютъ, что братія въ нихъ умираетъ отъ жажды и голода. Ужь вѣрно, никто не подумаетъ, что Воскресенскій и Донской монастыри бѣдны, а между тѣмъ въ 1869 г. недоставало въ первомъ половины, а во второмъ трети штатомъ положенныхъ монаховъ. Недостатокъ въ монашествующихъ происходитъ отъ того, что въ русскомъ народѣ очень мало охотниковъ надѣвать на себя черную рясу. И потому имѣемъ право заключить, что, по крайней мѣрѣ, четвертая, а можетъ быть и третья часть мужскихъ монастырей оказывается излишнею.

Положимъ даже, что монастыри, пожертвовавъ на народное образованіе или на какія-либо благотворительныя учрежденія всѣ деньги, выдаваемые имъ изъ казны, и кромѣ того большую или меньшую часть своихъ доходовъ, сдѣлаются бѣдными,—по крайней мѣрѣ, перестанутъ быть богатыми,—въ такомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, монашествующая братія и ея поклонники и защитники должны не скорбѣть, а радоваться. Мы такъ выражаемся—вовсе не шутя. Представимъ себѣ, что, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, монахи какого-либо монастыря были поставлены въ самыя близкія отношенія къ хорошенькимъ женщинамъ и дѣвицамъ и чрезъ то постоянно нарушали данный ими обѣтъ дѣвства и цѣломудрія. Еслибы какой-либо ревнитель истиннаго иночества устроилъ жизнь ихъ съ такою обстановкою, при которой подобное нарушеніе сдѣлалось бы или невозможнымъ, или крайне затруднительнымъ, то не слѣдовало ли бы сказать: «вотъ это благоразумно поступлено; такая обстановка и нужна для монаха; спасибо ревнителю!» Но мы уже много разъ говорили, что монашествующіе даютъ обѣтъ: и *алкати*, и *жаждати*, и *нагствовати*, и терпѣть всякую нищету; а богатые доходы, ими получаемые, приучаютъ ихъ къ роскоши, не умѣстной даже для мірянъ. Поэтому не должны ли они быть благодарными къ тѣмъ распоряженіямъ, вслѣдствіе которыхъ устраняются существенные поводы, служащіе не къ умерщвленію, а къ утучненію плоти,—не къ тому, чтобы *алкати*, *жаждати*, *нагствовати*, а чтобы *пресыщатися* до излишества, щеголять своею

одеждою даже предъ мірянками? Мы скажемъ болѣе этого. Для сохраненія себя въ дѣвствѣ и цѣломудріи монашествующимъ предписано удаляться отъ женскаго пола, не христосоваться даже съ своими матерями. Почему бы не брать подобныхъ мѣръ къ тому, чтобы во святыхъ обителяхъ представлялось какъ можно болѣе случавъ и алкать, и жаждать, и нагствовать? Всякое обстоятельство, которое такъ или иначе пробуждаетъ плотскія страсти и вождельнія, монахи называютъ *искушеніемъ, соблазномъ*, а мірянъ, которые бываютъ причиною такихъ искушеній и соблазновъ, — *искусителями и соблазнителями*. Почему же бы не называть искушеніемъ, дьявольскимъ наводненіемъ богатства, при помощи котораго такъ легко и почти неизбѣжно нарушаются обѣты постничества и нищеты? Почему бы не называть соблазнителями тѣхъ, которые вносятъ богатяя приношенія на иночествующую братію и тѣмъ препятствуютъ ей *алкати, жаждати и нагствовать*? Скажутъ, что обѣтъ дѣвства и цѣломудрія есть самый важный для монаховъ. Въ важности его мы не сомнѣваемся, но думаемъ, что обѣтъ постничества не ниже, а едва ли не выше его. Физиологія очень хорошо доказала, что роскошная жизнь не считается средствомъ сохранить цѣломудріе. Потому постригаемый на *первый* вопросъ постригающаго отвѣчаетъ, что онъ желаетъ *постническаго житія*; а въ отвѣтъ на пятый вопросъ клянется *пребывать въ постничествѣ до послѣдняго своего издыханія*. Тогда какъ объ обѣтахъ дѣвства и цѣломудрія говорится уже въ шестомъ вопросѣ, притомъ безъ прибавленія словъ: *до смерти, или до послѣдняго издыханія*. Конечно, еслибы къ постнической жизни монахъ былъ приневоливаемъ, — ну, тогда бы позволительно было ему позаботиться о своемъ довольствѣ и негодовать на тѣхъ, которые повергаютъ его въ нищету. Но постригаемый клянется, что онъ поступаетъ въ монашество *вольною своею мыслию*, а не отъ *нужды и насилія*. Можно даже прибавить, что монашествующіе должны бы радоваться скудости своего содержанія. *И егда*, говоритъ игумень постригаемому, *сія вся постраждеши* (въ числѣ этихъ страданій поставлено: *и алкати, и жаждати, и нагствовать*), — *радуйся, яко мзда твоа многа на небесѣхъ*.

Если монашествующія лица найдутъ слова наши не убѣдительными, то просимъ ихъ вспомнить, чѣмъ были при св. Феодосіи Печерскомъ и Сергіи Радонежскомъ ихъ обители. Тамъ, какъ мы выше видѣли, вечеромъ иногда не знали, чѣмъ завтра будутъ

питаться, не имѣли ладана для богослуженія, вмѣсто свѣчь зажигали въ церкви лучину и пр.; и что же? Разрушились ли отъ того святыя обители?—Напротивъ, мы осмѣливаемся сказать, что еслибы въ нихъ при преподобныхъ Θεодосіи и Сергіи царствовали такія же роскошь и богатства, какъ теперь, то, по всей вѣроятности, въ нынѣшнее время никто изъ богомольцевъ не подумалъ бы заглянуть туда, не только сдѣлать какое-либо пожертвованіе. Потому, почему не припомнить, что, по словамъ Василія Великаго (въ 73 сл. на евангеліе отъ Матѳея), древніе монахи не только самихъ себя трудами своими питали, но многихъ странниковъ угощали и больныхъ принимали, успокоивали, кормили и служили имъ,—что монахи, жившіе подъ начальствомъ св. Серапіона въ нитрійскихъ пустыняхъ, тоже своими трудами не только себя содержали, но посылали множество хлѣба, одежды и пр. въ Александрію для раздачи бѣднымъ,—что преподобный Сергій строилъ сѣни для одного изъ своихъ монаховъ изъ-за куска гнилаго хлѣба,—что и у насъ въ Соловецкомъ монастырѣ, какъ выше сказано, братія усердно занимается разнообразнѣйшими работами. Неужели братія прочихъ нынѣшнихъ монастырей отъ изнеможенія, отъ изнуренія, отъ умерщвленія плоти, отъ дряхлости и болѣзней такъ слаба, что всякая работа, по русской пословицѣ, *будетъ у нея изъ рукъ валиться*? Неужели только она одна, не платя никакихъ податей, не зная никакихъ государственныхъ и общественныхъ повинностей, отказавшись отъ своихъ родныхъ, не въ состояніи будетъ себя содержать своими трудами, когда нашъ крестьянинъ, ея благодѣтель, обремененный множествомъ податей, оброковъ, разныхъ повинностей, и себя содержитъ, и цѣлую семью кормитъ, да еще дѣлаетъ приношенія и въ святыя обители, и въ церковь Божию? Конечно, монашествующіе, питаея своими трудами, не будутъ имѣть столько лишнихъ денегъ, чтобъ удивлять и перещеголять мірянъ и даже мірянокъ роскошью своей одежды и проч., но объ этомъ, по нашему мнѣнію, сѣтовать не слѣдуетъ. Мы думаемъ, что роскошь въ одеждѣ, напр. рясы и подрясники изъ дорогихъ шелковыхъ, шерстяныхъ и даже хотъ бумажныхъ матерій, пояса, вышитые шелкомъ или золотомъ и т. п., или лишніе не только пуды, но и фунты въ вѣсѣ тѣла, могутъ назваться не украшеніемъ, а безобразіемъ въ тѣхъ людяхъ, которые дали обѣтъ *алкати, жаждати и наставовати*. Надобно же, наконецъ, отнять у мірянъ поводы къ глаумленію надъ

этими недостатками, или, лучше сказать, *излишками* монашесствующей братіи. А съ другой стороны, въ утѣшеніе ея скажемъ, что преподобный Θεодосій, нося одежду съ заплатами и будучи по виѣшнему виду настоящимъ нищимъ, между тѣмъ былъ уважаемъ великимъ княземъ Изяславомъ; что къ преподобному Сергію, который для полученія куска гнилаго хлѣба строилъ сѣли у одного изъ братій, Дмитрій Донской, отправляясь на ветрѣчу Мамаю, явился самъ, чтобы принять благословеніе и просить его помочь своими совѣтами и молитвами. Ну, а нынѣ, осмѣливаемся спросить, пользуются ли такимъ же уваженіемъ, какъ преподобные Θεодосій и Сергіи, даже у лицъ, которые вовсе не такъ высоко поставлены, какъ Изяславъ и Дмитрій Донской. — пользуются ли нынѣшніе настоятели монастырей въ своихъ шелковыхъ рясахъ и цвѣтныхъ подрясникахъ?... Да, или нѣтъ?

Но напрасно мы опасаемся, что монашесствующая братія станетъ нищенствовать, алкать, голодать и нагствовать, какъ скоро откажется отъ казеннаго вспоможенія, будетъ употреблять не только половину, но и большую часть своихъ доходовъ на пособіе народному образованію или на другія благотворенія. Русскій народъ никогда не оставитъ благочестивыхъ подвижниковъ и своихъ благодѣтелей въ нищетѣ и наготѣ. Если теперь замѣчается уменьшеніе богомольцевъ и приношеній въ монастыряхъ, то это происходитъ не отъ ослабленія религіознаго чувства въ народѣ, а отъ другой причины. *Русскій человекъ своимъ умомъ-разумомъ началъ смекать*, что дѣлаемые имъ пожертвованія идутъ не на богоугодныя дѣла, а на что-то другое. Но когда онъ увидитъ, что эти жертвованія обращаются братіею въ пользу его же самого, то монастыри не будутъ имѣть недостатка въ средствахъ не только содержать себя въ приличномъ видѣ, но и благодѣтельствовать бѣднымъ, немощнымъ, слабымъ и проч., — умѣй только братія распоряжаться своими богатствами на пользу общественную.

Но этому умѣнью должно предшествовать желаніе, — и мы хотимъ предложить вопросъ: захочетъ ли монашесствующая братія *сама собою*, motu proprio, не только отказаться отъ пособія, получаемого ею изъ общественной казны, но и особенно согласиться на значительное пожертвованіе своихъ доходовъ на тѣ или другія благотворительныя дѣла? Мы, признаться, не рѣшаемся давать на это положительный отвѣтъ, основываясь на старинныхъ и недавнихъ фактахъ Въ самомъ дѣлѣ, до 1764 г.

монастырямъ и архіерейскимъ домамъ было что пожертвовать и на училища, и на дѣла благотворительности изъ громаднѣйшихъ своихъ доходовъ. Были и внѣшнія побужденія къ тому: земскіе люди жаловались на *лежачую казну* монастырей и архіереевъ; цари безцеремонно брали изъ нея *деньги мноія* на ратное дѣло; общество и правительство очень не двусмысленно, такъ-сказать, *добирались* до монастырскихъ имѣній; монашествующей братіи слѣдовало бы подумать о томъ, чтобъ упорядочить управление поземельною населенною собственностію и чтобы позадобрить мірянъ благоразумнымъ употребленіемъ своихъ богатствъ. И что же? Въ это-то самое время *мы* подвязывали шелковые чулки пряжками въ 10.000 рублей, застегивали нижнее платье серебряными и золотыми запонками, получали для ежедневнаго употребленія по бутылкѣ кагору, по полуштофу водки, по ковшу пива и меду. Перейдемъ къ болѣе близкимъ временамъ. Мы выше видѣли, что правительство заштатнымъ монастырямъ ежегодно выдавало по 85 руб. 71 коп. подъ названіемъ *милостынной дачи* или, попросту сказать, милостыни. Конечно, на полученіе милостыни можно согласиться, но только настоящимъ нищимъ; если кто изъ нихъ поразбогатѣетъ, то благородство требуетъ отказаться отъ милостыни. Между тѣмъ до 1869 года милостынную дачу, милостынное подаваніе получали и отъ нихъ не отказывались, — не говоримъ о небогатыхъ монастыряхъ, — Коренной, Перервинскій и Покровскій монастыри, Саровская, Нилова и Давидова пустыни, — тѣ бѣдняки, которыхъ доходы простирались до сотни или до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей. И потому, не находя различія между братіей прежнихъ и нынѣшнихъ, или штатныхъ и заштатныхъ монастырей, мы имѣемъ право думать, что едва ли они, *motu proprio*, *сами собою* захотятъ отказаться отъ своихъ тысячъ, предоставляя ихъ на общественныя нужды. Правда, мы говорили и повторяемъ съ удовольствіемъ, что въ послѣднее время было много пожертвованій отъ монастырей на духовно-учебныя заведенія и на благотворительныя учрежденія въ пользу духовенства. Но не надобно забывать, что и въ прошедшее, и въ началъ нынѣшняго царствованія доходы монастырей были, можетъ-быть, огромнѣе, нежели нынѣ, а духовно-учебныя заведенія находились большею частію въ самомъ жалкомъ положеніи. И что же? Вызывалась ли сама монашествующая братія помогать имъ своими капиталами? Нѣтъ: *ей и на умъ не приходило это*. Даже ректоры семинарій, состоявшіе вмѣстѣ съ

тѣмъ настоятелями богатыхъ монастырей, наибольшую частію не только не думали помогать изъ монастырскихъ сокровищницъ бѣднымъ семинаристамъ, но не стыдились, при огромныхъ своихъ доходахъ, пользоваться казенною прислугою, казеннымъ освѣщеніемъ, казенными припасами, не имѣя на то никакого права, и такимъ образомъ упитывали себя на счетъ казеннокоштныхъ семинаристовъ, которые и безъ того не могли быть ни сытно накормлены, ни прилично одѣты. Но вотъ литература мало-по-малу заговорила о громадности монастырскихъ доходовъ и капиталовъ, стала выражать не одно желаніе, а почти-что требованіе, чтобы часть ихъ употреблялась на духовныя заведенія,—заговорило о томъ же и общество; говоръ дошелъ и до правительства. Тогда-то только изъ монастырскихъ сундуковъ стали выниматься деньги на духовное просвѣщеніе. Но и тутъ они открывались, за немногими исключеніями, не по собственной инициативѣ монастырей, а по предложеніямъ, по настоятельнымъ требованіямъ епархіальнаго начальства, или даже по внушеніямъ и предписаніямъ изъ Петербурга, а иногда даже потому, что никакъ нельзя или стыдно было отказаться. А гдѣ недоставало понужденій или предложеній свыше, тамъ святые обители устранили себя отъ участія въ пособіяхъ духовному просвѣщенію. Такъ, напр., когда въ 1866 году приходскія церкви обязались ежегодно вносить на духовно-учебныя заведенія: а) 32.472 руб. въ Рязанской, б) 31.870 руб. въ Костромской, в) 16.116 руб. въ Орловской, г) 14.000 руб. въ Екатеринбургской губерніяхъ,—въ этомъ дѣлѣ монастыри не приняли участія; по крайней мѣрѣ въ отчетѣ об.-пр. св. Синод. за 1866 г. о немъ не сказано ни слова. Послѣ, какъ намъ извѣстно, монастыри рязанскіе стали жертвовать небольшія суммы, но о монастыряхъ прочихъ трехъ епархій мы ничего не знаемъ. Одинъ изъ рязанскихъ монастырей вздумалъ оказать свое вниманіе и къ народному образованію, устроивъ у себя школу для деревенскихъ мальчиковъ. Но, къ сожалѣнію, можно сказать, что онъ, давая одною рукою пособіе на духовно-учебныя заведенія, какъ будто бы другою хотѣлъ вознаградить свою потерю и показалъ небывалый, кажется, у насъ примѣръ. Не знаемъ хорошо, самъ ли онъ выхлопоталъ, или только принялъ отъ уѣзднаго земства (Егорьевскаго уѣзда) деньги на содержаніе устроенной имъ народной школы. Тутъ трудно рѣшить, чему болѣе нужно удивляться,—тому ли, что земство, при томъ

не очень отличающееся своимъ вниманіемъ къ народному образованію, даетъ монастырю деньги на содержаніе сельской школы,—или тому, что монастырь, при томъ богатый, принимаетъ подобное пособіе? Завести школу для крестьянскихъ дѣтей—дѣло хорошее, но брать для ея поддержанія деньги изъ чужаго кармана—мы не назовемъ хорошимъ дѣломъ.

Но всѣмъ этимъ причинамъ мы думаемъ, что едва ли и нынѣ монастыри сами собою предложатъ на народное образованіе и другія благотворительныя учрежденія свое жалованье, свои капиталы и доходы. Тутъ намъ представляется только два благоприятныхъ случая: или примѣръ нѣсколькихъ монастырей, отъ которыхъ, можетъ-быть, не захочется отставать и другимъ, или давленіе *свыше и отъ-инуду*. Примѣровъ можно ожидать, по нашему мнѣнію, преимущественно отъ общежительныхъ монастырей, гдѣ братія и настоятели ихъ получаютъ все свое содержаніе изъ общей монастырской казны и незнакомы съ такъ-называемыми поручными доходами. Между же общежительными монастырями едва ли не первое мѣсто нужно въ этомъ отношеніи уступить Соловецкому монастырю. И потому-то мы осмѣливаемся обратиться къ братіи его съ покорнѣйшею просьбою не въ свое имя, а во имя добраго и набожнаго крестьянина, который такъ нуждается въ умственномъ образованіи и для своего благоденствія, и для пользы отечества:

«Святые отцы! Во всякомъ дѣлѣ, въ которомъ участвовать приглашаются многія лица, нужно, чтобы кто-нибудь показалъ примѣръ. Въ дѣлѣ благотворительности для русскаго народа едва ли не вы одни можете быть передовыми людьми среди монашествующихъ. Братія наибольшей части прочихъ монастырей не приучала себя къ дѣятельной, трудовой жизни. Вы же, люди труда, лучше другихъ понимаете, какъ для нашего труженика-крестьянина полезно хоть какое-либо умственное развитіе; вы по собственному опыту знаете, какъ у умнаго человѣка *всякое дѣло, по пословицѣ, въ рукахъ кипитъ*. Вы не будете никогда ни голодать, ни алкать, потому что вы едва ли не единственные монахи въ Россіи, которые въ состояніи своими трудами не только кормить себя, но и имѣть избытки отъ заработанныхъ вами денегъ. Покажите небывалый примѣръ того, что самъ монастырь отказывается отъ пособія, которое даетъ ему казна, и предлагаетъ употребить на народное образованіе не только это пособіе, но и значительную часть своихъ доходовъ.

Братія прочихъ монастырей *стыдно будетъ* не послѣдовать вашему примѣру. Если вы въ отдаленномъ углу нашего отечества, при самыхъ неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, покажете возможность поддерживать свою физическую жизнь собственными трудами, то чего не можете сдѣлать братія другихъ монастырей, находящихся въ лучшемъ климатѣ и пользующихся лучшею землею?»

Но на прошеніе, даже покорнѣйшее, челоуѣва вполнѣ неизвѣстнаго не любятъ обращать вниманіе. И потому мы намѣрены взглянуть на рассматриваемый предметъ съ другой стороны. Желая побудить мірянъ къ чему-либо, духовныя лица, особенно монашествующія, любятъ указывать на то, что они называютъ *знаменіями временъ*. Почему же мірянамъ въ бесѣдахъ даже съ монашествующими не указывать на знаменія времени? А эти знаменія нынѣ никакъ не могутъ называться благопріятными для монашествующей братіи. Выше уже было сказано, что, по замѣчанію самихъ монашествующихъ, приношенія въ монастыри стали уменьшаться, а мы съ своей стороны объяснили это не ослабленіемъ благочестія въ русскомъ народѣ, а тѣмъ, что онъ смекаетъ умомъ объ употребленіи жертвуемыхъ имъ денегъ не на *Божіа дѣла*. И въ литературѣ, и особенно въ частныхъ разговорахъ, чуть ли не во всѣхъ слояхъ общества стали высказываться такія мысли о монашествѣ, которыя уже никакъ не могутъ послужить въ честь и пользу его. Мы здѣсь хотимъ указать на то, что Диксону удалось слышать въ Россіи и преимущественно въ Петербургѣ въ образованномъ, высшемъ кругу общества. «Всѣ лица высшихъ сословій въ Россіи говорятъ о черномъ духовенствѣ, какъ о корпораціи бесполезныхъ, праздныхъ, невѣжественныхъ, порочныхъ людей...» *Прочь ихъ совершенно*,—вотъ что самымъ рѣшительнымъ тономъ говорятъ молодые и либеральные русскіе. Такъ говорятъ не одни порицатели и насмѣшники, которые объявили войну всѣмъ религиознымъ идеямъ и церковнымъ учрежденіямъ,—нѣтъ, слишкомъ часто такъ говорятъ люди, которые любятъ свою церковь, помогаютъ своимъ приходскимъ священникамъ и которые желали бы, чтобъ отечество ихъ стояло въ первомъ ряду христіанскихъ государствъ. Они говорятъ: въ Россіи десять тысячъ монаховъ могли бы заняться земледѣліемъ или поступить въ военную службу. Затѣмъ и въ литературѣ и въ частныхъ бесѣдахъ слишкомъ ясно начали поговаривать о томъ, почему огром-

ные доходы монастырей или бесполезно запираются въ монастырскихъ сундукахъ, или еще бесполезнѣе истрачиваются на такіе предметы, безъ которыхъ братія не только могла бы, но и должна бы обходиться, — о томъ, почему общество не обратитъ вниманія на это бесполезное или накопленіе, или затрачиваніе денегъ, подаваемыхъ во имя Божіе. Одну изъ такого рода жалобъ мы слышали въ октябрѣ 1871 г. въ Москвѣ. Остановившись на Никольской улицѣ противъ Заиконоспасскаго монастыря, мы вступили въ разговоръ съ однимъ весьма почтеннымъ купцомъ. Разказавши намъ о томъ, что монастыри Заиконоспасскій и Богоявленскій предоставили арендаторамъ построить на ихъ землѣ громадныя зданія, что и теперь уже монастыри эти получаютъ отъ лавокъ и домовъ своихъ огромныя выгоды, а современемъ, по окончаніи аренднаго срока, станутъ получать до 70.000 рублей каждый и болѣе, — почтенный купецъ прибавилъ: неужели правительство не обратитъ вниманія на это? Мы ему отвѣчали, что дѣйствительно въ Москвѣ есть очень много нуждающихся людей, которымъ бы монастыри могли помочь; напр., почему бы имъ не устроить богадѣленъ? — «Ну, получили мы въ отвѣтъ, — объ этомъ нечего говорить; пусть они хоть духовнымъ-то своимъ училищамъ помогутъ». Если такъ поговариваютъ теперь купцы, то что же заговорятъ, когда по окончаніи арендныхъ сроковъ монастыри Богоявленскій, Воскресенскій-Новоіерусалимскій, можетъ-быть, и Заиконоспасскій и проч. станутъ получать отъ однихъ своихъ домовъ по 50—70 или 80 тысячъ рублей въ годъ?

Подобнымъ говоромъ монастырямъ не слѣдуетъ пренебрегать. Въдъ въ былое время сѣтованія земскихъ людей о лежачей казнѣ монастырей довели дѣло мало-по-малу до того, что населенныя имѣнія были отобраны у монастырей. Если и теперь міряне очень вопіють насчетъ богатствъ монастырскихъ, печатно заявляютъ, что эти богатства тратятся не на дѣла Божія, а не рѣдко на служеніе, можетъ-быть, и мамонѣ, или тщеславію, или роскоши и пр.; если говорятъ, что давно бы пора дать имъ благоприличное назначеніе, — то, разумѣется, пренебрегать воплемъ мірянъ, не обращать вниманія на ихъ желанія неблаго-разумно. Въ былое время среди монашества встрѣчалось много лицъ изъ важныхъ дворянскихъ фамилій, напр. изъ Патрикеевыхъ, Дашковыхъ и пр., нынѣ же этого нѣтъ; изрѣдка, очень изрѣдка какой-либо дворянинъ надѣнетъ черную рясу. И пото-

му монашеству мудроно заглушить или сдѣлать неслышнымъ вопль мірянъ. — Его уже услышали и, какъ кажется, начали дѣйствовать, не испрашивая согласія у обитателей монастырей, а рѣшая все или въ Петербургѣ, или въ епархіальныхъ городахъ.

Мы уже видѣли, какъ монастыри, такъ-сказать, *невольною волею привлечены были* къ пожертвованіямъ на духовно-учебныя заведенія. Но этимъ не ограничились *невольнo-добровольныя* пожертвованія. Есть уже распоряженіе, чтобы новые женскіе монастыри не иначе открывались, какъ устроивши у себя какое-либо благотворительное учрежденіе. Другимъ распоряженіемъ постановлено обратить всѣ монастыри въ общежительныя, исключая тѣхъ, которыми завѣдываютъ архіереи. Черезъ это такъ-называемые поручные доходы монашествующихъ уничтожаются. Но вотъ случай, касающійся прямо монастырскихъ доходовъ.

1) Въ 1865 году три митрополита и 32 архіерея предложили усилить жалованье консисторскихъ чиновниковъ изъ экономическихъ монастырскихъ суммъ на 28.467 руб. (Докл. Записка об.-пр. св. Синод. за вторую половину 1865 г., стр. 63). 2) Не знаемъ, вслѣдствіе ли этого предложенія, или независимо отъ него, только въ 1867 г. изъ денегъ, выдаваемыхъ казною на содержаніе монастырей и архіерейскихъ домовъ, отчислено 34.255 рублей на консисторію. 3) Такъ-называемое милостынное подаваніе въ 85 руб. 71 коп., которое получали заштатные монастыри отъ правительства, уже взято у нихъ и, какъ кажется, безъ совѣта съ ними. 4) Когда понадобилось устроить женское духовное училище въ Симферополѣ и не доставало денегъ для этого, то курсунскій женскій монастырь, получающій дохода до 8.000 руб., перечисленъ былъ изъ Херсонской въ Таврическую епархію, — и признано возможнымъ изъ 8.000 руб. удѣлять на содержаніе училища ежегодно по 3.480 руб. (Докл. Зап. об.-прок. св. Синод. за 2-ю половину 1865 г., стр. 42). 5) Въ 1869 г., при открытіи женскаго Знаменскаго монастыря въ селѣ Званковѣ, Новгородской губерніи, на проценты съ денежнаго капитала въ 98.279 р., завѣщаннаго г-жою Державиной, приказано монастырю содержать училище для 30 бѣдныхъ дѣвицъ духовнаго званія. Если такимъ образомъ внѣ монастырей очень явно обнаруживается желаніе дать доходамъ и капиталамъ ихъ болѣе законное и благоприличное употребленіе, и мало-по-малу это желаніе приводится въ исполненіе, то не лучше ли самимъ мо-

настырямъ предложить и казенное содержаніе, и часть своихъ доходовъ и капиталовъ на народное образованіе или на другія какія-либо благотворительныя учрежденія, въ пользу того русскаго мужика, который своими грошами и пятаками, своимъ нрядевоиъ обогатилъ, обогащаетъ и будетъ обогащать святыя обители?

ВОЗРОЖДЕНИЕ БЕЛЬГИИ ВЪ 1830 ГОДУ.

По новымъ изслѣдованіямъ.

La révolution belge de 1830, d'après des documents inédits, par Théodore Juste, membre de l'academ. royale de Belgique. Bruxelles. 1872. 2 vol.

Въ ряду многочисленныхъ революціонныхъ движеній, отличающихся въ такой степени настоящее столѣтіе, одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ то, необычайно счастливое по своимъ послѣдствіямъ, дружное возстаніе бельгійскаго народа, которое даровало ему независимость и сложило для него одну изъ самыхъ либеральныхъ государственныхъ формъ современности. Исторія постепеннаго развитія революціонныхъ идей въ Бельгіи, втайнѣ созрѣвавшихъ въ массѣ до той поры, когда, окрѣпнувъ, онѣ мигомъ охватили всѣ умы, представляетъ многосторонній интересъ. Бельгійская революція, являясь однимъ изъ многочисленныхъ отраженій іюльскаго переворота во Франціи и въ то же время связанная своими первыми проявленіями съ отголоскомъ либеральныхъ вспышекъ, охватывавшихъ въ двадцатыхъ годахъ всю Европу, отъ Пиренейскаго полуострова до береговъ Невы, — дополняетъ собою любонитную картину народныхъ движеній въ это, еще близкое отъ насъ, время. Но кромѣ этого интереса, обусловливаемого общностью основныхъ явленій въ европейской жизни, оно представляетъ много поучительнаго и глубоко-важнаго въ другомъ отношеніи. Не столько приковываетъ вниманіе наблюдателя то естественное обстоятельство, что болѣе пылкіе и энергическіе жители южныхъ голландскихъ

провинцій, разнившіеся во всемъ съ своими сѣверными соотечественниками, порвали, наконецъ, искусственную связь, соединявшую ихъ, — гораздо поразительнѣе то зрѣлище, которое представляетъ борьба цѣлаго народа, безъ различія партій и оттѣнковъ, противъ правительства одушевленного вначалѣ самыми благими желаніями, но упорно и ревниво стоящаго за несокрушимость своего авторитета, слишкомъ пристрастнаго къ одной части населенія въ ущербъ другой, все болѣе и болѣе вступающаго на путь реакціи, куда его увлекаютъ необдуманные совѣтчики, и мало-по-малу возстановляющаго противъ себя преданный ему народъ до озлобленія, до отчаянія. Есть что-то фатальное, почти трагическое въ томъ ослѣпленіи, съ которымъ Вильгельмъ I, не сознавая того, работалъ надъ разрушеніемъ государства, блага котораго хотѣлъ онъ достигнуть. Событія, приведшія къ этой катастрофѣ, на столько уже отошли отъ насъ, что мы имѣемъ возможность относиться и къ дѣламъ и къ лицамъ съ полнымъ безпристрастіемъ. Въ тому же горячая любовь бельгійцевъ ко всему, что напоминаетъ имъ ихъ славное освобожденіе, та любовь, которая такъ трогательно выразилась въ погребеніи среди Брюсселя, на одной изъ лучшихъ площадей, тѣлѣ героевъ, павшихъ на баррикадахъ, надъ чьей общею могилой возвышается величавая статуя отечества *), за которое они пали, — эта любовь сумѣла сберечь малѣйшія воспоминанія о славной эпохѣ, рассказы участниковъ въ возстаніи, подлинныя памфлеты, прокламаціи и газетныя статьи, подготовлявшія его, переписку его главнѣйшихъ дѣятелей, дипломатическіе документы. Такимъ путемъ образовалась, наконецъ, цѣлая литература о революціи 1830 года; новѣйшимъ, наиболѣе обстоятельнымъ и основаннымъ на многихъ, только-что добытыхъ, документахъ, сочиненіемъ объ этой эпохѣ является вышедшее недавно въ Брюсселѣ подъ заглавіемъ: «Бельгійская революція 1830 г.»,

*) Это мѣсто (place des Martyrs) производитъ необыкновенное впечатлѣніе. Среди глубокой тишины, хотя въ нѣсколькихъ шагахъ отъ шумной улицы, красуется этотъ рѣдкій въ своемъ родѣ монументъ. Внизу углубленія, гдѣ похоронены *мученики* (martyrs), выложеннаго плитами, видны вырѣзанныя имена ихъ, и старикъ-нивалидъ стережетъ эту національную святыню; а изъ глубины пещеры возвышается колоссальная статуя Бельгіи, окруженная съ четырехъ сторонъ ангелами, оплакивающими погибель павшихъ. Все кругомъ какъ будто притаилось, окружая почтеніемъ народный памятникъ, около котораго не въ рѣдкость встрѣтить глубоко задумавшагося прохожаго.

изслѣдованіе Теодора Жюста, члена бельгійской академіи, извѣстнаго уже многими работами по исторіи Бельгіи и Нидерландовъ (ему принадлежатъ, напр., *Histoire du royaume des Pays-Bas. 1813—1830*, — *Histoire du congrès national de Belgique*, — *Le comte d'Egmont et le comte de Hornes* и друг.). Основываясь преимущественно на разъясненныхъ Жюстомъ историческихъ данныхъ о ходѣ революціи, мы постараемся представить далѣе очеркъ главнѣйшихъ ея моментовъ.

I.

Трудно встрѣтить другую страну, которая испытала бы такъ много измѣненій судьбы, вынесла бы столько чужеземныхъ властителей и пережила столько государственныхъ формъ, какъ низменное побережье Сѣвернаго моря и прилегающая къ нему гористая полоса, заселенная валлонами, мелкой отраслью французскаго племени. То раздробленная на мелкія владѣнія, то соединенная въ одно государство; то деспотически управляемая тиранами чисто-восточнаго закала, то надежный оплотъ свободы; то австрійское, то испанское владѣніе, то Генеральные Штаты, то созданное Наполеономъ Голландское королевство и рядомъ съ нимъ нѣсколько новыхъ французскихъ департаментовъ; то новое королевство 1815 года, распадающееся, наконецъ, на этотъ разъ прочнѣе, чѣмъ когда-либо, на два отдѣльных государства, — вотъ это поистинѣ калейдоскопическое смѣшеніе народностей, принциповъ и формъ, которое представляетъ исторія Нидерландовъ и Бельгіи вплоть до того времени, которое будетъ предметомъ нашего очерка. Подобная измѣнчивость судьбы не могла не отразиться на народномъ характерѣ; не привыкнувъ къ прочнымъ формамъ быта, не выработавъ осязательнаго идеала свободы, народъ какъ будто сжился съ мыслью о неизбѣжности колебаній и переворотовъ въ его жизни и дружно сбрасывалъ съ себя ветхую чешую, когда начиналъ чувствовать, что она его давитъ и заглушаетъ всѣ естественнѣйшія его стремленія. Въ то же время, часто нависавшій надъ нимъ тяжелымъ бременемъ, гнетъ иностраннаго владычества поддерживалъ въ немъ постоянно инстинктивное стремленіе къ волѣ, къ освобожденію; частыя войны, театромъ которыхъ, вслѣдствіе особенностей своего территоріальнаго положенія, дѣлалась Бельгія, закаляли

мужество и воинственность ея жителей, тогда какъ смѣлыя заморскія предпріятія голландской торговли развивали предпримчивость, рѣшительность, которыя служатъ всегда признакомъ независимости характера.

Таковы были общія черты, свойственныя почти въ одинаковой степени населенію обѣихъ сопредѣльныхъ между собою странъ, много разъ сближаемыхъ одна съ другою теченіемъ ихъ исторіи. Но если отъ этихъ элементарныхъ точекъ соприкосновенія мы обратимся къ сравненію болѣе подробному, болѣе пытливому всѣхъ оттѣнковъ умственного склада, обоихъ народовъ, мы встрѣтимся съ цѣлымъ рядомъ поразительныхъ противорѣчій. Прежде всего разность религій всегда способствовала разобщенію жителей голландскихъ областей съ бельгійцами. Ревностные католики, послѣдніе не могли уживаться съ голландскимъ протестантизмомъ, отмѣченнымъ не меньшею исключительностью, фанатическою нетерпимостью и страстнымъ прозелитизмомъ, чѣмъ тѣ недуги, которыми страдала сама католическая церковь. Эта религіозная рознь становилась выше и сильнѣе розни національной, которая также была немаловажною причиною разобщенія. Она сближала между собою французовъ съ фламандцами и отдаляла ихъ отъ голландцевъ, съ языкомъ которыхъ фламандское нарѣчіе имѣетъ такое значительное коренное сродство. Но кромѣ религіи и національности многое иное способствовало установленію грани между обоими народами. Путешественнику и теперь, несмотря на сглаживающее вліяніе цивилизаціи, легко прослѣдить всю разницу жизни по ту и по сю сторону Антверпена. На югѣ—преобладаніе болѣе живаго, подвижнаго темперамента, какъ будто передающагося отъ одной расы къ другой, тогда какъ на сѣверѣ—господство упорнаго, болѣе систематическаго и консервативнаго, чѣмъ волнующагося и безпокойнаго, духа; на югѣ—широкое развитіе общественной, народной жизни, на сѣверѣ—преобладаніе семейственности, отъ спокойнаго круга которой чловѣкъ отрывается лишь для участія въ самоуправленіи или для торговыхъ предпріятій; наконецъ, въ обѣихъ сравниваемыхъ странахъ иныя симпатіи, иныя воспоминанія, у каждой память о независимости, о самостоятельности, у каждой свои счеты, свои основанія быть злопамятною по отношенію къ своей сосѣдкѣ.

Изъ такихъ-то противоположныхъ другъ другу, даже прямо враждебныхъ, элементовъ, по рѣшенію вѣнскаго конгресса, было

составлено новое Голландское королевство 1815 года; печальной памяти Священный Союз задумалъ этимъ соединеніемъ въ одно цѣлое тѣхъ областей приморскихъ и прирейнскихъ, которыя служили вѣчнымъ предметомъ завоевательныхъ плановъ Франціи и Германіи, не только положить предѣлъ всякимъ дальнѣйшимъ посягательствамъ, но и воздвигнуть, какъ въ то время напыщенно выражались, надежный оплотъ европейскаго спокойствія. Эта чисто - механическая конструкція государства вполне соотвѣтствовала обычнымъ приемамъ Союза. Народъ не спрашивали, хочетъ ли онъ жить нераздѣльною жизнью съ другимъ племенемъ; легко обходясь безъ подобнаго вопроса, который унизилъ бы достоинство стражей европейскаго спокойствія, отдѣлили на бумагѣ при общемъ передѣлѣ земель нѣсколько провинцій, дали имъ общее имя, общаго главу и повелѣли быть тутъ королевству. Понятно, сколько прочности можно было ожидать отъ такого незаконнорожденнаго организма.

Съ первой же минуты, когда они увидѣли себя аннектированными Голландіею, жители бельгійскихъ областей должны были почувствовать тайное раздраженіе, мало общавшее добра для будущаго согласнаго житія. Новое государство было составлено столь неискусно, что тѣ области его, которымъ давалось первенствующее значеніе, т. е. провинціи сѣверныя, чисто-голландскія, и по протяженію и по числу жителей уступали южнымъ, бельгійскимъ. Изъ слишкомъ пяти-милліоннаго населенія всего королевства только два милліона приходилось на Голландію собственно, тогда какъ валлоновъ и фламандцевъ насчитывалось до 3.210.000. Какъ бы ни была велика подобная несоразмѣрность, какъ бы ни было сильно различіе составныхъ національныхъ элементовъ, согласіе и благоденствіе были бы возможны, еслибъ они поддерживались истинно-свободными учрежденіями, еслибы равноправность всѣхъ національностей строго и неуклонно соблюдалась, еслибы, наконецъ, во главѣ государства стояли люди, благоразуміе и оытность которыхъ умѣли бы отгадывать настоящія потребности народа и опираться на общественное мнѣніе, ища въ немъ поддержки въ своемъ трудномъ дѣлѣ. Но далеко не такими условіями было обставлено новое государство.

Управленіе имъ мудрость членовъ конгресса ввѣрила одному изъ потомковъ Оранскаго дома, Вильгельму Нассаускому. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ выборомъ руководило хорошее знаніе ка-

честь того лица, которому ввѣрялся «оплотъ европейскаго спокойствія». Вильгельмъ I былъ человѣкъ далеко не дурной; воспитанный въ старой школѣ полнаго поклоненія авторитету власти, онъ по-своему, и въ особенности въ началѣ своего царствованія (фактъ, такъ часто повторявшійся), расположенъ былъ заботиться не только о спокойствіи страны, но и объ ея просвѣщеніи, объ оживленіи ея торговли и промышленности, поднятіи кредита и т. д. Все это должно было исходить свыше, какъ изъ щедраго рога изобилія; все черезъ него и ничто помимо его. Отъ крупныхъ государственныхъ дѣлъ до мелочей все сходилось въ одинъ центръ; король хотѣлъ все знать, все слышать, всѣмъ распоряжаться. Подобно другому меценату, вгусы котораго однако исключительно обращены были къ искусству, — королю Людовику I Баварскому, — Вильгельмъ не гнушался входить въ закулисныя, семейныя, частныя дѣла своихъ подданныхъ; онъ любилъ выставлять себя отцомъ ихъ, ходилъ инкогнито, въ простой одеждѣ, по улицамъ и площадямъ Гаги или Брюсселя, вмѣшиваясь въ толпу и вслушиваясь въ ея рѣчи. Въ извѣстные дни недѣли онъ давалъ особыя аудіенціи для всѣхъ, кому нужно было видѣть его; на этихъ аудіенціяхъ къ нему могъ обращаться прямо первый встрѣчный и излагать ему всякое дѣло, всякую нужду. Но, устанавливая такія непосредственныя отношенія подданныхъ къ себѣ, король не выносилъ никакихъ учрежденій, которыя бы служили посредствующими между ними звеньями, и въ особенности такихъ, которыя могли заявить притязаніе быть его соправителями. — Какъ въ каждомъ благоустроенномъ государствѣ, и въ Голландіи было свое министерство, но оно не имѣло никакой связи съ составомъ и направленіемъ Генеральныхъ Штатовъ и представляло лишь собраніе высшихъ чиновниковъ, слѣпыхъ исполнителей воли и предначертаній Вильгельма, смѣняемыхъ, когда ихъ усердіе оказывалось недостаточнымъ. Такимъ образомъ, они были отвѣтственны лишь передъ королемъ, который всею силою души ненавидѣлъ принципъ отвѣтственности министровъ передъ народными представителями. Что касается до Генеральныхъ Штатовъ, ставшихъ отнынѣ общимъ парламентомъ для голландскихъ и бельгійскихъ провинцій, то права, имъ предоставленныя, были на сколько возможно сокращены, упрощены въ пользу королевской прерогативы. Вильгельмъ сожалѣлъ, что нельзя было ограничить назначеніе

парламента правомъ разрѣшать или отвергать налоги и вотиловать требуемые кредиты. Въ соотвѣтствіе этому искалѣченному парламентаризму, допущенному только въ угоду современнымъ требованіямъ, какъ равно и въ уваженіе къ парламентарнымъ привычкамъ голландцевъ, новое королевство не хотѣло знать вполнѣ свободной печати. Номинально она была свободна, но много административныхъ распоряженій и разъясненій закона, появившихся вскорѣ по наущенію великихъ державъ-охранительницъ (на конференціи представителей Австріи, Россіи, Пруссіи и Англіи, происходившей въ Парижѣ 29 августа 1816 года, королю голландскому была поставлена на видъ разнужданная свобода печати въ его странѣ и потребованы были мѣры противъ нея *), или по собственному побужденію правительства, сдѣлали свободу печати довольно обманчивою и призрачною льготой. Вся государственная мудрость, руководившая политикой короля, была сосредоточена въ такъ-называемомъ основномъ законѣ (*loi fondamentale*), оригинальномъ созданіи самого Вильгельма I, представляющемъ странное смѣшеніе либерализма съ абсолютистскими теоріями. На это созданіе рубъ своихъ, освященное согласіемъ великихъ державъ, король любилъ ссылаться во всѣхъ случаяхъ, когда недовольное общественное мнѣніе требовало отъ него реформъ. Казалось, что этотъ основной законъ былъ въ его глазахъ какимъ-то высокосвященнымъ документомъ, заповѣдною скрижалью, въ которой нельзя измѣнить ни одного слова, ни одной буквы,—тогда какъ на дѣлѣ не отиѣненная еще статья закона допускала измѣненія въ немъ, но требовала для того созванія особой сессіи Генеральныхъ Штатовъ. Стало-быть, и здѣсь ключъ былъ въ рукахъ правительства; оно и могло бы созвать для такой цѣли парламентъ, да—не созывало.

Итакъ, въ Вѣнѣ не ошиблись, выбравъ нассаускаго принца правителемъ «европейскаго оплота». Онъ стоялъ на самомъ гребнѣ того вала (*boulevard*), который союзники воздвигли для устрашенія мятежной Франціи, и высоко держалъ знамя консерватизма и смиренномудрія. Опираясь во всѣхъ своихъ начинаніяхъ на вполнѣ сочувствовавшего ему во всемъ младшаго сына, принца Фридриха, король встрѣчалъ въ своемъ наслѣдникѣ, принцѣ Оранскомъ (впослѣдствіи Вильгельмъ II), сильномъ

*) *La réolut. belge, etc. Tome 1-er, p. 23.*

своими связями съ русскимъ дворомъ (онъ былъ женатъ на великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ), болѣе или менѣе открытаго порицателя своей политики. Молодой принцъ, бывшій адъютантомъ Веллингтона, со славой дравшійся въ Испаніи и одинъ изъ виновниковъ побѣды при Ватерлоо, доходилъ и самъ, путемъ догадокъ и наблюденій, до сознанія ошибочности мѣръ отца, видя, какъ растетъ и крѣпнетъ оппозиція, какъ сильно недовольство бельгійцевъ; чего не видѣлъ онъ самъ, на то ему указывали нѣкоторые изъ недовольныхъ, съ которыми онъ, и по естественному влеченію къ ихъ образу мыслей, и, быть-можетъ, вслѣдствіе тайныхъ честолюбивыхъ цѣлей, сблизался подъ рукой и игралъ въ популярность. Мы не ошибемся, если скажемъ, что кромѣ многихъ пылкихъ и благородныхъ побужденій, объясняемыхъ его молодостью, принцемъ руководило желаніе выйти изъ-подъ опеки отца и завоевать себѣ самостоятельное положеніе. Опираясь на свои бельгійскія связи, онъ задумалъ-было при помощи своего бывшего полководца, Веллингтона, игравшаго уже значительную роль въ европейской дипломатіи, добиться разрѣшенія жить постоянно въ Брюсселѣ, имѣть тамъ свой дворъ и тѣмъ поддерживать въ бельгійцахъ удовлетворенное сознаніе нѣкоторой самостоятельности. Но Веллингтонъ отвѣчалъ на это искательство упорнымъ отказомъ. Съ недалковидностью плохого государственнаго человѣка, онъ отрицалъ малѣйшую тѣнь антагонизма между югомъ и сѣверомъ Голландскаго королевства и укорялъ принца въ желаніи расторгнуть столь прочную связь народовъ. Эта неудача еще болѣе возстановила принца противъ отцовскихъ порядковъ, въ которыхъ онъ чувствовалъ себя прикованнымъ. Неясныя и по сию пору покрытыя загадочнымъ мракомъ свѣдѣнія о какомъ-то волненіи, возбужденномъ въ пограничныхъ съ Бельгіей французскихъ гарнизонахъ, о сношеніяхъ принца съ вождями французской оппозиціи (объ этомъ съ увѣренностью говорить и Гервинусъ въ *Исторіи XIX вѣка*), намекаютъ на то, что принцъ Оранскій отъ одной честолюбивой затѣи бросился къ другой, болѣе смѣлой, и, въ виду дряхлости Людовика XVIII, не прочь былъ бы, опираясь на военное возстаніе во Франціи, стать ея королемъ. Но и этому плану не суждено было исполниться. Предувѣдомленный кѣмъ-то о прикосновенности сына къ волненіямъ во французскихъ войскахъ, Вильгельмъ съ особою рѣзкостью захотѣлъ смирить его. Принцъ, отрицая всякое уча-

стіе въ агитаціи, съ гордостью требоваль удовлетворенія за несправедливое обвиненіе, хотѣль искать управы въ Россіи, но внушеніе, сдѣланное ему въ Варшавѣ императоромъ Александромъ, остановило его порывъ и показало невозможность дальнѣйшей борьбы. Легко воспламеняющійся нравъ его долженъ былъ смириться; пришлось отказаться отъ слишкомъ широкихъ замысловъ и довольствоваться возможностью, рано ли, поздно ли, стать вице-королемъ или намѣстникомъ Бельгіи. Впавъ въ немилость у отца, возбудивъ въ немъ сильную ревность изъ-за власти, которую онъ такъ нераздѣльно присвоиваль себѣ, отвергая всякое соперничество, — принцъ Оранскій принялся снова кокетничать съ бельгійской оппозиціей. Но, быть-можетъ, разгадавъ уже всю непрочность и честолюбивую подкладку либерализма его, бельгійцы, не порывая съ нимъ, не сближались, а напротивъ становились какъ-то сдержаннѣе и недовѣрчивѣе.

Мы знакомы теперь съ театромъ дальнѣйшихъ событій и главными ихъ дѣятелями. Мы видѣли правителя, порывающагося быть Гарунъ-аль-Рашидомъ на меттерниховскій ладъ, — сына его, въ которомъ влопочуть еще не уходившіяся силы молодости, — безгласное министерство, забитую печать, стѣсненный парламентъ, страну, составленную изъ насильственно согнанныхъ племенъ. Посмотримъ, какъ въ эту среду противорѣчій и крайностей проникли первыя сѣмена революціонныхъ идей.

II.

Если, какъ мы видѣли, въ самихъ условіяхъ состава Голландскаго королевства заключается уже источникъ антагонизма между двумя, искони противоположными, территоріальными полосами, то правительство сдѣлало съ первыхъ же поръ все возможное для усиленія антагонизма и превращенія его въ открытую ненависть. Вѣрный своимъ симпатіямъ ко всему голландскому, король, вначалѣ высказывавшійся за полное уравненіе правъ національностей, а также, быть-можетъ, дѣйствуя подъ вліяніемъ господствующаго въ иныхъ странахъ и по сю пору мнѣнія, будто одно единство языка и народности можетъ упрочить государственный бытъ, — началъ постепенно прибѣ-

гать къ разнаго рода запретительнымъ мѣрамъ и ограниченіямъ, которыя должны были доставить во всемъ превосходство голландцамъ. Не обративъ вниманія на численный перевѣсъ населенія южныхъ провинцій, знаменитый основной законъ далъ съверху одинаковое число депутатовъ въ Генеральныхъ Штатахъ съ югомъ. Въ распредѣленіи должностей, начиная отъ министерскихъ портфелей до мелкихъ административныхъ постовъ, бельгійцы оставались постоянно въ ничтожномъ меньшинствѣ. Въ арміи процентъ генераловъ и высшихъ сановниковъ бельгійскаго происхожденія былъ еще меньше. Мало-по-малу главнѣйшія центральныя учрежденія въ королевствѣ, высшія просвѣтительныя, военныя, торговыя и финансовыя силы—все было перетянуто въ Голландію: тамъ были академіи, военныя школы, оружейные заводы, банки,—все истекало изъ голландскихъ рукъ и должно было приниматься въ Бельгіи съ благодарностью. Но этого еще мало было для нивелирующаго духа, который проявлялъ король. Онъ обратилъ вниманіе на важный вопросъ о правахъ различныхъ нарѣчій быть принятыми въ официальныхъ сношеніяхъ, школахъ и т. д. *). Ему непріятно было, что французскій языкъ былъ, по заведенному какъ-то случайно обычаю, органомъ преній въ высшей палатѣ парламента, и что во второй палатѣ его ораторы могли, какъ понынѣ въ Швейцаріи, произносить свои рѣчи на одномъ изъ мѣстныхъ языковъ, резюмируя, если нужно, сущность рѣчи на другомъ языкѣ для непонимающихъ. Французскій языкъ напоминалъ ему о недавнемъ господствѣ Франціи надъ подаренными ему провинціями, которыхъ онъ всегда подозрѣвалъ въ желаніи вернуться подъ французское владычество. Поэтому онъ рѣшился дать огромный перевѣсъ фламандскому языку и цѣлымъ рядомъ распоряженій ограничилъ официальное употребленіе французскаго языка тремя провинціями: Льежской, Намюрской и Монской (Найнаут); въ Лимбургѣ, восточной и западной Фландріи и Антверпенѣ позволено было съ 1819 до 1823 года употреблять

*) Этотъ вопросъ представлялъ и до нашихъ дней камень преткновенія для полнаго успокоенія умовъ даже въ возрожденной Бельгіи. Несправедливость, прежде сдѣланную голландцами, повторили въ новомъ королевствѣ относительно фламандцевъ, навязывая имъ официальный французскій языкъ. Въ настоящее время этотъ противоестественный порядокъ вещей начинаетъ значительно уступать мѣсто равноправности языковъ, и къ чести французовъ нужно сказать, что это движеніе идетъ отъ нихъ.

по желанію тотъ или другой языкъ въ официальныхъ сношеніяхъ, послѣ же 1823 года должно было употреблять «національный, т. е. мѣстный» языкъ, иначе фламандскій. Боролю дѣла не было до того, что всѣ эти провинціи—съ населеніемъ смѣшаннымъ, гдѣ не можетъ быть рѣчи объ одномъ національномъ языкѣ; онъ пошелъ даже дальше этого и черезъ нѣсколько лѣтъ распространилъ дѣйствіе своего декрета и на совершенно французскій Брюссель и Лувенъ съ ихъ округами. Послѣ льготнаго времени всѣ чиновники, оказавшіеся не знающими «національнаго языка», должны были быть немедленно удаляемы; въ университетахъ вмѣсто французскаго языка предписано употреблять латинскій; въ арміи признанъ лишь фламандскій языкъ, на которомъ также стали отнынѣ издаваться всѣ законы и административныя распоряженія.

Сильное неудовольствіе встрѣтили эти, ничѣмъ не оправдаваемые, мѣры въ Бельгіи; печать ея, несмотря на строгій за нею присмотръ, сдѣлалась отзвукомъ этого неудовольствія. Представители Бельгіи на Генеральныхъ Штатахъ силой обстоятельствъ поставлены были въ оппозицію противъ правительства, которое хотѣло заглушить всякую самобытность на ихъ родинѣ. Но многія другія мѣры, принятія вскорѣ какъ для поправленія государственныхъ финансовъ, такъ и для ограниченія слишкомъ неудобнаго самоуправленія, дали этой оппозиціи еще болѣе широкій кругъ дѣйствій. Правительство, душой котораго былъ министръ фанъ-Мааненъ, искусно умѣвшій направлять всѣ дѣйствія короля къ реакціи и потому ненавистный бельгійцамъ, задумалъ, во-первыхъ, вмѣсто ежегоднаго представленія бюджета принудить палаты согласиться на утвержденіе бюджета въ общихъ чертахъ на *десять* лѣтъ впередъ. Затѣмъ, придуманъ былъ налогъ съ помола и съ убиваемаго скота, подобный тому, который въ наше время возбудилъ столько беспорядковъ и сопротивленія въ Италіи. Право охоты желательно было предоставить крупнымъ собственникамъ, возвращаясь такимъ образомъ вспять ко временамъ феодализма. Наконецъ, въ вопросѣ о тарифѣ столкновеніе экономическихъ интересовъ Голландіи и Бельгіи давало обильную нищу разногласіямъ и нападкамъ. Голландцы стояли за свободную торговлю и за низкія пошлины съ ввозимыхъ товаровъ. Въ Бельгіи же, вслѣдствіе тогдашняго шаткаго экономическаго ея положенія, считали всякое фритредерство величайшимъ вредомъ для мѣстной торговли и промышленности. Проектъ

закона, устанавливавшего шахшим пошлины съ иностранныхъ товаровъ въ шесть процентовъ, возбудилъ жаркія пренія въ парламентѣ. Не объ однѣхъ лишь финансовыхъ частностяхъ вопроса говорено было тутъ, но выступилъ на первый планъ вопросъ объ отношеніяхъ сѣвера къ югу. Пятьдесятъ пять депутатовъ отъ Голландіи стойко, какъ одинъ человекъ, стали на защиту законопроекта, тогда какъ пятьдесятъ одинъ южный депутатъ высказались противъ него. Въ рѣчахъ избраннѣйшихъ вождей обѣихъ сторонъ изобилуютъ политическіе намеки. Бельгійцы, ссылаясь на соединяющую ихъ съ сѣверомъ связь, закликаютъ своихъ противниковъ «не совершать братоубійства», не приносятъ чужихъ интересовъ въ жертву своимъ теоріямъ.

Увѣщанія эти оказались напрасны, законъ прошелъ обѣ палаты и принятіе его окончательно возстановило обѣ главныя партіи на Генеральныхъ Штатахъ. Отнынѣ онѣ стояли другъ противъ друга, какъ два враждебныя лагеря, постоянно насторожѣ, вѣчно на-готовѣ ринуться въ бой. Дѣйствительно, мѣра несправедливостей переполнялась; посягая сначала на духовное достоиніе народа, правительство налагало теперь руку и на матеріальныя богатства. Отовсюду виднѣлось это безжалостное и себялюбивое давленіе господствующей національности.

Тяжело отозвались народу принятія Генеральными Штатами новые налоги. Налогъ съ помола поднялъ значительно цѣну хлѣба, и бельгійскіе крестьяне терпѣли нужду точно въ голодный годъ, тогда какъ въ Голландіи, гдѣ хлѣбъ идетъ въ пищу въ гораздо меньшемъ количествѣ и замѣняется картофелемъ и другими растительными блюдами, тягость отъ новаго налога чувствовалась въ несравненно слабѣйшей степеніи. Тагъ уже чисто-физическія причины, уже недомоганіе отъ постоянного голода примѣшивались къ другимъ причинамъ недовольства народа новымъ порядкомъ вещей; а при зависимости человѣческой природы отъ подобной *матеріальной* причины, голодъ являлся надежнымъ пособникомъ оппозиціи. Но дальнѣйшія мѣры правительства дали ей неожиданно новаго союзника въ католическомъ духовенствѣ. Король Вильгельмъ всегда считалъ австрійскаго императора Юсіфа II образцомъ политическаго мудреца и всегда тщился подражать ему, въ особенности въ отношеніяхъ къ церкви и духовенству. Ревностный протестантъ и крайне нерасположенный ко всему католическому, онъ считалъ себя въ правѣ, въ качествѣ верховнаго властителя страны,

направлять движеніе католицизма по своему усмотрѣнію, если уже нужно было терпѣть въ государствѣ эту религію. Справедливо видя неподготовленность молодыхъ богослововъ къ священническому званію и отсталость епархіальныхъ семинарій отъ современныхъ требованій и состоянія науки, онъ задумалъ своими средствами положить этому предѣлъ и регулировать по возможности замѣщеніе священническихъ вакансій людьми вполне образованными. Для этого декретомъ 14 іюня 1825 года онъ учредилъ въ Лувэнѣ особую коллегію на государственныя средства и далъ ей названіе коллегіи философской (*collège philosophique*). Въ ней будущіе священнослужители должны были получать отнынѣ основательное образованіе, прежде чѣмъ поступать въ семинаріи при архіепископскихъ кафедрахъ. Въ то же время былъ обнародованъ другой, не менѣе важный декретъ, который прямо посягалъ на вліяніе католическаго духовенства на народное просвѣщеніе вообще. Всѣ школы въ государствѣ, за исключеніемъ лишь духовныхъ, были отнынѣ подчинены вѣдѣнію министерства, которое одно могло впредь давать разрѣшеніе на открытіе новыхъ заведеній; школы, существовавшія безъ разрѣшенія (т. е. именно тѣ, въ которыхъ и властвовали монашескіе ордена), должны были къ извѣстному сроку быть закрыты.

Эта реформа, какъ либеральна ни казалась она королю и его министрамъ, не только никого не удовлетворила, но, раздраживъ донельзя клерикаловъ, поставила ихъ въ ряды враговъ правительства. Въ глазахъ же либераловъ предпринятая мѣра не соотвѣтствовала своему назначенію. Если хотѣли дѣйствительно замѣнить схоластику духовныхъ школъ живымъ и современнымъ преподаваніемъ философскихъ наукъ, то можно было ожидать, что наравнѣ съ новою коллегіей разрѣшено будетъ подготовляться къ священническому званію въ университетахъ. Но оказалось совсѣмъ напротивъ; придуманы были повѣрочныя испытанія и притомъ изъ нѣкоторыхъ такихъ предметовъ, которые не преподаются ни въ университетахъ, ни въ лицеяхъ. Стало-быть, не было и слѣда свободы образованія, а вмѣсто одной принудительной системы являлась другая. Но если такъ рассуждали почти всѣ либералы (нѣкоторые изъ числа стариковъ, увлеченныхъ въ свое время реформами Іосифа II и слывшихъ подъ названіемъ іозефистовъ, ликовали, видя раздавленнымъ господство поповъ), то клерикальная партія была внѣ себя. Она не могла перенести притязаній правительства подчинить пригото-

леніе будущихъ пастырей свѣтскому надзору, отнять у духовенства вліяніе на народныя школы, она считала такія посползновенія чуть не ересью. Архіепископъ мехельнскій отклонилъ отъ себя предложенное ему званіе попечителя философской коллегіи. Она туго наполнялась, тогда какъ молодые люди отправлялись за границу и предпочитали получать тамъ духовное образованіе. Когда король новою запретительною мѣрой закрылъ для подобныхъ лицъ доступъ въ коллегіи и университеты бельгійскіе, раздраженіе еще болѣе усилилось. Братство «христіанскихъ школъ» (*frères des écoles chrétiennes*), сначала лишенное права имѣть свои школы, а потомъ и совершенно запрещенное и распущенное, расходясь по королевству, распространяло неудовольствіе повсюду. Разладъ между церковью и государствомъ достигнулъ сильныхъ размѣровъ. Нѣкоторые болѣе дальновидные люди при видѣ его уже предвѣщали революцію въ недалекомъ будущемъ. Одинъ изъ нихъ, графъ фанъ-деръ-Дюинъ, метко характеризовалъ ошибку, сдѣланную правительствомъ: «Есть, говорилъ онъ, особый родъ либерализма деспотическаго, который мы часто встрѣчаемъ въ исторіи. Никогда однако онъ не принималъ столь поразительной формы, какъ въ данное время. Какъ взятъ просвѣщать (такъ говорили тогда) насильно людей, которые знать не хотятъ вашего особаго просвѣщенія, которые даже находятъ его опаснымъ и считаютъ, что оно наноситъ имъ немало оскорбленій! Итакъ, мы забыли вполне одно изъ основаній права: *nemini beneficium obtruditur*. И это въ самомъ лучшемъ смыслѣ слова, въ интересахъ нравственности и истинной религіи. Не говорю уже, что въ отношеніи политическомъ это была злосчастнѣйшая выдумка!»

Учрежденіе философской коллегіи не только повело за собой цѣлый рядъ брошюръ и памфлетовъ и съ клерикальной и съ правительственной стороны, но и къ жаркимъ преніямъ въ палатахъ. Всѣ три главные оттѣнка мнѣнія о данномъ вопросѣ выражены были отчетливо и ярко. Министры, одинъ за другимъ, произнесли пространныя рѣчи въ защиту правительственной политики,—и, странное дѣло, та доля оппозиціи, которая носила имя іозефистовъ, сочувственно отозвалась о сдѣланной реформѣ. Впрочемъ это было послѣднее проявленіе такого согласія. Сверхъ соотвѣтствія принципамъ этой фракціи, ее нѣсколько примирило съ правительствомъ присутствіе въ кабинетѣ одного изъ ея бывшихъ членовъ, министра внутреннихъ дѣлъ Фаль-Гоб-

бельшроя, человѣка просвѣщеннаго и бельгійца родомъ. Онъ искренно заботился о поднятіи нравственнаго и умственнаго уровня своей родины, и вожди оппозиціи не могли никогда забыть этого. Они сами стремились къ тому же, стараясь собственными усиліями побѣдить то равнодушіе или даже полное небреженіе своими политическими интересами, до котораго доведенъ былъ бельгійскій народъ. Такъ двѣнадцать избранныхъ членовъ оппозиціи (въ числѣ ихъ мы находимъ молодого ученаго Бетлѣ, впоследствии знаменитаго статистика, котораго недавно чествовали на петербургскомъ конгрессѣ) составили общество съ цѣлью всѣми средствами распространять въ народѣ здравыя религіозныя начала, отучая его отъ фанатизма, показать ему необходимость вѣротерпимости и дружественныхъ отношеній между различными исповѣданіями въ государствѣ, разъяснить наконецъ народу его права и льготы и сущность управляющихъ имъ законовъ. Въ ряду этихъ достойныхъ агитаторовъ выдавался уже въ эту пору знаменитый вскорѣ вождь всей бельгійской оппозиціи, Людовикъ де-Поттеръ. Приобрѣвъ, благодаря значительному состоянію, громадныя знанія, проведя много лѣтъ въ путешествіяхъ, которыя такъ способствуютъ расширенію кругозора и развитію многосторонности ума, одаренный великой энергіей, не знающій недомолвокъ и боязливой осторожности, но бросающійся прямо въ бой со всею силой своего краснорѣчія и остроумія, де-Поттеръ быстро выдвинутъ былъ общественнымъ мнѣніемъ во главу всего движенія. Въ ту пору всю Европу волновали греческія событія; возстаніе эллиновъ за независимость поработенной родины оживляло повсюду сердца либераловъ, наполняя ихъ надеждами, — оно горячо было встрѣчено и въ Бельгіи, гдѣ упомянутые двѣнадцать человѣкъ (*les douze*) успѣли составить комитетъ для пособія возставшимъ.

Нѣсколько озабоченное отпоромъ, встрѣченнымъ его недавними реформами, правительство задумало въ эту пору примириться съ клерикалами и съ этою цѣлью вступило въ переговоры съ Римомъ о заключеніи новаго конкордата. Заключеніе его, конечно, оттолкнуло отъ кабинета начинавшую-было, какъ мы видѣли, сближаться съ нимъ оппозицію, и вотъ, чтобъ однимъ ударомъ попасть въ двѣ цѣли, правительство, сдѣлавъ умышленную неосторожность, устроило такъ, что въ руки де-Поттера попалъ секретный циркуляръ, разсланный къ губернаторамъ,

которымъ давались инструкціи, парализовавшія конкордаты. Напечатанный въ оппозиціонныхъ газетахъ, циркуляръ этотъ показалъ во всей его неприглядности жалкое колебаніе правительства, не имѣющаго очевидно никакой опредѣленной программы дѣйствій. Такимъ образомъ и клерикалы и либералы, увидѣвши себя въ однихъ и тѣхъ же рядахъ, становились въ одинаково недоброжелательныя отношенія къ министерству. Отъ этого былъ одинъ шагъ къ сближенію, и этотъ шагъ, благодаря смѣлому маневру молодого редактора льжской газеты «Mathieu Laensberg» (впослѣдствіи переименованной въ «Le politique»), Поля Дево, былъ сдѣланъ, приблизивъ наступленіе революціи, одною изъ характеристическихъ особенностей которой и служить это рѣдкое сближеніе либераловъ съ клерикалами, много пособившее ея успѣху. Въ своей газетѣ Дево мало-по-малу искусно подготовилъ планъ этой коалиціи, сумѣвъ повести дѣло такъ, что сразу нашелъ сочувственный отзвукъ въ органахъ клерикальной партіи. Собратья Дево, либералы, съ неудовольствіемъ смотрѣли на его замыслы и вступили съ нимъ въ сильную полемику, негодуя на его самовольныя дѣйствія, могиція бросить тѣнь на настроеніе всей партіи. Но и это неудовольствіе скоро исчезло, и тѣ самыя газеты, которыя незадолго передъ тѣмъ протестовали противъ связей съ ультрамонтанами, стали высказывать противоположныя мнѣнія. И это не удивительно, потому что клерикалы, понявъ необходимость уступить требованіямъ времени, чтобъ успѣшнѣе бороться противъ общаго врага, согласились поддерживать либеральную партію въ требованіи всѣхъ льготъ, которыхъ она домогалась: свободы печати, сходокъ, ассоціацій и т. д.

Правительство, или лучше сказать король, въ которомъ сосредочивалась вся политическая мудрость, очевидно, не предвидѣлъ такого ненормальнаго союза; это было выше его сообразительности, и въ разговорѣ съ однимъ изъ передовыхъ бельгійскихъ депутатовъ, Ле-Гономъ (Le-Hon), буквально переданномъ послѣднимъ въ своихъ запискахъ, онъ горько жаловался на непонятную агитацію, смѣнившую прежде затишье; онъ удивлялся чрезмѣрной требовательности оппозиціи, въ особенности же указывалъ на то, что положеніе печати въ Голландіи гораздо лучше положенія ея во Франціи, что въ первой нѣтъ ни предвѣрительной цензуры, ни газетныхъ залоговъ и т. д. Смѣлый собесѣдникъ короля отвѣчалъ на это напоминаніемъ различныхъ

декретовъ, которыми эта свобода, провозглашенная въ принципѣ и съ виду не отиѣненная, была всячески стѣснена; онъ напомнилъ королю, что свобода эта призрачна, когда самое невинное обсужденіе мѣстныхъ вопросовъ ведетъ за собой преслѣдованіе; что суды и административные органы выказываютъ неограниченное рвеніе въ процессахъ печати; что министръ юстиціи (ненавистный всѣмъ фанъ-Мааненъ), терпя лютое рвеніе прокуроровъ, даетъ тѣмъ народу основаніе думать, что все правительство солидарно съ такимъ образомъ дѣйствій и одобряетъ его. Въ то время, какъ вся страна требовала отиѣны двухъ наиболѣе реакціонныхъ декретовъ, стѣснившихъ положеніе печати, процессы, оканчивавшіеся постоянно обвинительными приговорами, сыпались какъ дождь. Въ засѣданіи Генеральныхъ Штатовъ 1828 года молодой депутатъ отъ Мاستрихта, Шарль де-Брукеръ, выражая мнѣніе всей страны, сказалъ: «съ каждымъ днемъ становится все очевиднѣе, что въ Нидерландахъ хотѣтъ во что бы то ни стало убить печать. Уже два раза, господа, я говорилъ вамъ о сохраненіи этой драгоценнѣйшей доли нашей свободы; вѣрьте, что я не ограничусь однѣми только рѣчами безъ отзыва. Я еще увѣренъ, что общій голосъ будетъ услышанъ лучшимъ изъ королей; но если, сверхъ ожиданія, слабодушные или лукавые совѣтчики его помѣшаютъ выраженію нашихъ нуждъ дойти до трона,—я не забуду своей присяги. Вся страна желаетъ быть освобожденной отъ всякихъ исключительныхъ законовъ, и она должна быть свободна отъ нихъ. Ихъ отиѣна будетъ лучшимъ правомъ великодушнаго государя на славу въ потомствѣ». Но правительство вовсе не было расположено къ великодушію; напротивъ, мѣсяць спустя фанъ-Мааненъ извѣщалъ циркулярно прокуроровъ: «его величество приказалъ мнѣ предложить прокурорскому надзору бдительнѣйшимъ образомъ слѣдить за содержаніемъ періодическихъ изданій, а вмѣстѣ съ тѣмъ напомнить ему его обязанность немедленно прилагать на дѣлѣ государственные законы противъ всѣхъ оказавшихся въ этомъ отношеніи преступными». Вскорѣ крайне несправедливый процессъ противъ редактора газеты «Courrier des Pays-Bas», возмущивъ снова общественное мнѣніе, напомнилъ ему, что жестокіе декреты еще не отиѣнены. Въ анонимной статьѣ, появившейся по поводу этого процесса въ названной газетѣ, авторъ указалъ на то, что правительство, постоянно боявшееся (подражая и въ этомъ французскому) иезуи-

товъ, прикрывалось до сихъ поръ этою необходимостью преслѣдованій опаснаго ордена, чтобъ удобнѣ избѣгать удовлетворенія либеральныхъ требованій. «Какъ только мы хотимъ заняться своими дѣлами, такъ тотчасъ кричатъ намъ: аих *jésuites*, и мы снова поставлены внѣ всякаго права. Развѣ человѣка, если только онъ носитъ званіе іезуита, уже вслѣдствіе этого должно преслѣдовать, судить, заключать въ тюрьму, пытаться? Развѣ всѣ его дѣйствія стали преступными, всѣ его слова нелѣпостью?... Мнѣ пришла въ голову мысль, — переставимъ слова: до сихъ поръ преслѣдовали іезуитовъ, — будемъ презирать и преслѣдовать людей, преданныхъ настоящему министерству! Пусть всякій, кто не сможетъ ясно доказать своими дѣлами, что онъ не преданъ никакому министру, будетъ отверженъ народомъ и пусть на него падетъ бремя непопулярности со всѣми тяжкими ея послѣдствіями!»...

Мы видимъ, до какого рѣшительнаго тона, до какихъ дѣйствій безъ оглядки дошла уже оппозиція. Она сжигала свои корабли и прямо шла къ цѣли. Когда статья, изъ которой мы сдѣлали выписку, была обжалована прокуроромъ, де-Поттеръ, который и былъ ея авторомъ, не задумался раскрыть анонимъ и принять на себя всю отвѣтственность. Онъ немедленно былъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ уже находился редакторъ «*Courrier des Pays-Bas*». Несмотря на блестящую защиту, де-Поттеръ былъ вскорѣ приговоренъ къ 18-ти-мѣсячному тюремному заключенію и 1.000 флориновъ пени. И передъ судомъ обвиненный повторилъ такія же мысли, какія высказывалъ въ статьѣ, заявивъ, что не положитъ пера, пока не будутъ удовлетворены всѣ требованія бельгійцевъ. Приговоръ былъ встрѣченъ свистами. Отъ зданія суда до тюрьмы тысячи народа бѣжали, крича: *Да здравствуетъ де-Поттеръ! Долой фанъ-Маанена!* Замѣтивъ, что въ домѣ послѣдняго окна ярко освѣщены, толпа разбила ихъ градомъ камней.

Раздраженіе было тѣмъ сильнѣе, какъ говорить Жюсть, что въ массѣ ходили слухи, что министерство намѣрено уничтожить всякую гласность. Но народъ уже вкусилъ отъ тѣхъ немногихъ благъ, которыя доставила ему конституція. Давши столько, нельзя уже было идти назадъ, и неукротимая газета де-Поттера и его друзей громко провозгласила это: «Слишкомъ поздно идти назадъ. Вы позволили, чтобы наше юношество воспиталось въ либеральномъ духѣ. Вы создали учрежденіе, въ ко-

торомъ оно слышитъ постоянно напоминанія объ основномъ законѣ, гарантирующемъ всѣ права человѣка; вы допустили созданіе народной трибуны; вы позволили всѣмъ читать. Мало того, вы платили писакамъ, приказывая имъ писать о нашей свободѣ, съ тѣмъ непрѣннымъ условіемъ, чтобы рядомъ съ хвалами ей была всегда и хвала вамъ. Поздно возвращаться вспять.... Бросьте въ тюрьму сто писателей, все это будетъ ничтожно. Въмѣсто нихъ явятся другіе; попрежнему все будетъ печататься, хоть даже изо дня въ день, хотя даже и тогда, когда анонимный памфлетъ замѣнитъ подписанную полнымъ именемъ газету

..... Теперь ваши суды постановляютъ приговоры, и палаты утверждаютъ ваши бюджеты; черезъ три года, пожалуй, даже и раньше, у васъ не будетъ болѣе ни приговоровъ, ни бюджетовъ» *).

Вызовъ, дѣлаемый подобными манифестациями, раздражилъ умы въ Голландіи гораздо болѣе, чѣмъ само правительство. Въ то время, какъ послѣднее заявило, въ видѣ уступки, о своемъ намѣреніи отмѣнить временныя постановленія, голландскіе депутаты на Генеральныхъ Штатахъ упорно отвергали всякое предложеніе, всякій проектъ, представляемый ихъ бельгійскими собратьями; такъ они высказались противъ резолюціи, предложенной де-Брукеромъ въ интересахъ скорѣйшей эмансипаціи печати, противъ проекта введенія судовъ присяжныхъ и т. д. Правительство съ полнымъ довѣріемъ опиралось на поддержку общественнаго мнѣнія, но оно не могло не видѣть, что съ каждымъ днемъ оно теряло почву въ Бельгіи. Обнаружились уже первые результаты единенія либераловъ и католиковъ. По всей странѣ началось лихорадочное движеніе; всѣ, кто только могъ, сельскія общины, города, приходы, ассоціаціи—все подавало королю петиціи о необходимости либеральныхъ реформъ; священники и проповѣдники-монахи съ каедръ провозглашали необходимость этого призыва страны къ ея государю. Очевидно, что употребленныхъ до той поры средствъ для успокоенія умовъ оказывалось мало, и нужно было прибѣгнуть къ другимъ. Коалиція либерально-католическая создалась подъ влияніемъ агитаціи печати,—на поприщѣ печати же нужно было бороться со зломъ. Въ эту-то минуту подвернулся ловкій авантюристъ, предложившій

*) La revolut. belge etc., tome 1-er, p. 117.

свои услуги и свое продажное перо и выступившій немедленно въ бой. Это былъ нѣкій Либри-Баньяно, отнынѣ редакторъ оффиціозной газеты «Le National». Расположеніе короля къ этому человѣку и дружескія связи съ нимъ останутся вѣчнымъ пятномъ на добромъ имени Вильгельма I. Либри-Баньяно, выдававшій себя за аристократа, пострадавшаго во французскую революцію, былъ просто бѣжавшій клейменный каторжникъ, спасшійся въ Бельгію и вмѣсто торговыхъ спекуляцій, которыми онъ занимался во Франціи, разжившійся литературнымъ мошенничествомъ. Въ своемъ журналѣ онъ систематически позорилъ оппозицію, издѣвался надъ нею, клеветалъ на нее, и все это подъ личиной самаго отталкивающаго, дѣланнаго, кваснаго патріотизма, не примиряющаго, но еще болѣе возбуждающаго. И этому-то человѣку, ловко сумѣвшему подѣйствовать на короля своими шарлатанскими обѣщаніями скрѣпить расшатывающееся государственное единство, король щедро платилъ за работу. Оппозиціонныя газеты случайно довѣдались и потомъ предали гласности, что Либри-Баньяно получилъ изъ государственныхъ денегъ, и именно изъ капитала, предназначеннаго на поддержку промышленности, два раза по 30.000 флориновъ и разъ 100.000, якобы изъ собственныхъ суммъ короля. Вся эта щедрость, однако, пропала даромъ. Противъ газетчика, съ его пріемами «Сѣверной Пчелы» и другихъ газетъ въ томъ же родѣ, стояли люди съ великими дарованіями, обширною популярностью. Де-Поттеръ, сидя въ тюрьмѣ, не оставался въ бездѣйствіи. Напротивъ, оттуда онъ продолжалъ будить народные умы брошюрами, газетными статьями, требуя свободы для всѣхъ, безъ привилегій, безъ ограниченій,—и его слова получали громовый отзвукъ въ народѣ. Вильгельмъ I, объѣзжая бельгійскія провинціи, не скрылъ настоящаго своего отношенія къ роковому разладу и, въ отвѣтной рѣчи къ одной бельгійской депутаціи, выразилъ убѣжденіе, что вся агитація есть не что иное, какъ слѣдствіе происковъ нѣсколькихъ лицъ, преслѣдующихъ свои личные интересы. «Такое поведеніе подло» (*c'est une conduite infâme*), вскричалъ король. Отвѣтомъ на это было учрежденіе тайнаго братства или ордена *des infâmes*, быстро разросшагося; молодые люди считали за честь быть членами его. Они выбили медаль, считавшуюся отличительнымъ признакомъ братства; на одной сторонѣ былъ девизъ: *Fidèle jusqu'à l'infamie*, на другой: *Rex. Infamia nobilitat.*

III.

Несмотря на столь далеко уже ушедшее революціонное движеніе, никто еще (въ этомъ признавался потомъ самъ де-Поттеръ) тогда не думалъ о революціи. Всѣ говорили только объ удовлетвореніи народныхъ требованій, народнаго неудовольствія (*redressement des griefs*, какъ обыкновенно выражались); всѣ надѣялись, что съ усиленіемъ агитаціи падеть, наконецъ, ненавистное министерство, умоливетъ газетчикъ-клеветникъ, — что король, много разъ показавшій заботами объ экономическомъ положеніи страны, способенъ и на миролюбивыя отношенія съ бельгійцами, уступить, наконецъ, ихъ требованіямъ. Новый, довольно либеральный, законъ о печати, внесенный въ 1828 году, дѣйствительно, какъ бы указывалъ на уступчивость; но и при немъ продолжались прежніе пристрастные приговоры судовъ, и при немъ совершались дѣйствія незаконныя. Король расположенъ былъ поступиться частичкой своихъ правъ, но ничуть не хотѣлъ спускаться до сдѣлокъ. Одинъ изъ партизановъ самостоятельности Бельгіи, де-Герлашъ, пользовавшійся расположеніемъ короля, испросилъ себѣ особую аудіенцію, гдѣ откровенно убѣждалъ его покинуть опасный путь, по которому онъ идетъ; но въ отвѣтъ онъ услышалъ гордыя рѣчи, пресыщенные ссылками на основной законъ: «Мое правительство, сказалъ король, есть монархія, умѣряемая конституціей, а не республика съ королемъ во главѣ, получающимъ полномочіе отъ народныхъ представителей. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о присяжныхъ, ни объ отвѣтственности министровъ, ни о народномъ господствѣ, ни о прочихъ новостяхъ, которыя я не желаю вводить въ ущербъ себѣ. Права главы государства и палаты отчетливо опредѣлены въ конституціи, и всѣ теоріи, противныя тому, суть ученія противоконституціонныя, сепаратистскія, революціонныя. Я — король Нидерландовъ; я знаю мои права, я знаю мой долгъ; я всѣми силами сохранию ту конституцію, которой я присягалъ».

Эти слова, произнесенныя въ частномъ разговорѣ, могли не произвести общаго впечатлѣнія, но мысли, въ нихъ выраженыя, были вскорѣ оповѣщены всей странѣ въ королевскомъ посланіи, которымъ открылась сессія Генеральныхъ Штатовъ въ

1829 году. Поводомъ къ посланію былъ новый законъ о печати, появившійся, такимъ образомъ, черезъ годъ послѣ прежняго либеральнаго и прямо противоположный ему. Объясняя причины строгости, королевское посланіе отвѣчаетъ категорическимъ поп *ressimus* на всѣ народныя требованія; мало того, оно возвѣщаетъ твердую рѣшимость правительства энергически преслѣдовать всякое враждебное движеніе и набрасываетъ, въ общихъ чертахъ, цѣлую охранительную программу. Разосланное по всѣмъ административнымъ мѣстамъ, посланіе это должно было быть сообщено всѣмъ казеннымъ чиновникамъ, которые черезъ двое сутокъ обязаны были дать письменное заявленіе, что во всемъ сочувствуютъ началамъ, въ немъ высказаннымъ. Это неслыханное распоряженіе, возбудившее ропотъ даже въ высшей администраціи провинцій, должно было произвести еще сильнѣйшую бурю негодованія. Только-что въ палатѣ окончились пренія о бюджетѣ и предложеніе правительства составлять бюджетъ на десять лѣтъ впередъ было отвергнуто, — какъ появилось неожиданное распоряженіе, лишившее шестерыхъ депутатовъ, бывшихъ чиновниковъ, ихъ пенсіи за то, что, подавъ голосъ противъ бюджета, они «выказали ненависть къ принципамъ правительства»; другія лица были лишены придворныхъ званій и подверглись невыгоднымъ переводамъ и перемѣщеніямъ по службѣ. Оппозиція отвѣчала на это организаціей народныхъ пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ королевскаго гнѣва. Семнадцать газетъ одновременно помѣстили воззваніе объ этомъ, а де-Поттеръ предложилъ учредить патриотическую конфедерацию, которая бы, существуя постоянно, оказывала помощь лицамъ, пострадавшимъ въ борьбѣ противъ правительства. Это переполнило мѣру терпѣнія министерства. Противъ де-Поттера, Тилеманса (министерскаго чиновника, оказавшагося въ перепискѣ съ де-Поттеромъ по дѣлу о конфедерации) и издателя газеты, гдѣ помѣщена была статья, начатъ былъ новый процессъ. Вся Бельгія, въ которой имя де-Поттера приобрѣло громкую популярность, съ замираніемъ ждала результата. Болѣе умѣренные совѣтчики короля представляли ему, что осторожность въ данномъ случаѣ будетъ вполне благоразумна, что время сдѣлать еще нѣсколько уступокъ, — но всѣ эти убѣжденія были тщетны. 30 апрѣля 1830 года былъ произнесенъ приговоръ; читая его, президентъ, по словамъ современниковъ, былъ взволнованъ и блѣденъ какъ смерть. Де-Поттеръ и его товарищи

были приговорены къ изгнанію, первый на восемь лѣтъ, остальные на семь и на пять, съ тѣмъ, чтобы по возвращеніи они столько же времени находились подъ полицейскимъ надзоромъ. Сильное волненіе на улицахъ, возбужденное вѣстью объ этомъ приговорѣ, было съ трудомъ усмирено полиціею. Король же принималъ вскорѣ въ Брюсселѣ членовъ суда и выразилъ имъ свою благодарность. Онъ даже склоненъ былъ повеликодушничать и, по отѣздѣ изъ Бельгии, сдѣлалъ нѣсколько распоряженій, возвращавшихъ нѣкоторую свободу употребленію французскаго языка.

Среди этого взаимнаго раздраженія, когда кризисъ и безъ того наступалъ неизбѣжно, какъ бомба упала вѣсть объ іюльскихъ дняхъ въ Парижѣ, и революціоннымъ духомъ повѣяло на взволнованные умы. Пока еще ничто не двигалось. Стояло обманчивое затишье, предвѣщая грозу. Король снова посѣтилъ Брюссель, надѣялся найти населеніе умиротвореннымъ, но сообщенія полиціи, что въ театрѣ готовится враждебная демонстрація, и открытыя предостереженія, сдѣланныя ему наиболѣе преданными трону лицами, засвидѣтельствовавшими, что настроеніе умовъ не такъ хорошо, какъ прежде, убѣдили его въ противномъ. Во время разговора съ однимъ изъ такихъ лицъ, особенно мрачно представившимъ положеніе дѣлъ и настаивавшимъ на необходимости перемѣнить политику, король, какъ бы разсѣянно слушая, съ нетерпѣніемъ смотрѣлъ на часы, а черезъ часъ его уже не было въ Брюсселѣ. Нечего и говорить, что это бѣгство, это невольное сознаніе неумѣлости совладать съ трудностями критической минуты, окончательно уронили популярность Вильгельма. Открытое письмо, адресованное ему изъ изгнанія де-Поттеромъ и обошедшее всѣ газеты, въ которомъ резюмированы были еще разъ съ обычнымъ мастерствомъ народныя желанія и указано, какъ на поучительный примѣръ, на паденіе французскаго правительства, укрѣпило оппозицію въ ея намѣреніяхъ.

Де-Поттеръ съ товарищами по изгнанію надѣялся на поддержку революціоннаго движенія въ Бельгии со стороны французскихъ демократовъ, надѣялся даже на пособіе правительства; въ то же время другія лица были отправлены въ качествѣ эмиссаровъ въ Англію и Германію. Но изъ связей съ французскимъ движеніемъ вовсе не слѣдовало, чтобы вожди бельгийцевъ имѣли въ виду приготовить сліянiе съ Франціей. Хотя тайные

Французскіе агенты и волновали народъ, устраивая демонстраціи съ возгласами: *Да здравствуетъ Франція*, распространяя брошюры и воззванія, но эта пропаганда имѣла очень слабый успѣхъ. «Бельгійцы, выразился одинъ изъ вождей народа, не хотятъ, чтобы родина ихъ была голландской или французской колоніей; они хотятъ быть бельгійскими гражданами, стоящими на одинаковыхъ правахъ съ жителями Амстердама или Гаги». Какъ видимъ, цѣль движенія представлялась отнынѣ въ нѣсколько уже измѣненномъ видѣ. Имѣлось въ виду какъ бы только личное соединеніе съ Голландіей при посредствѣ одного и того же государя, но съ полною автономіей Бельгіи, какъ самостоятельнаго цѣлаго. Идея о полномъ отдѣленіи отъ Голландіи должна была возникнуть позже и порождена была уже успѣхомъ возстанія.

Въ роскошномъ паркѣ, занимающемъ центръ Брюсселя и разстилающемся передъ самымъ дворцомъ, дѣлались приготовленія къ роскошной иллюминаціи въ день рожденія короля, 24-го августа. Эти безтактныя приготовленія повели лишь къ тому, что этотъ день былъ избранъ началомъ возстанія: на перекресткахъ появились объявленія слѣдующаго содержанія: «23 августа фейервергъ, 24 иллюминація, 25 революція». Иллюминацію поспѣшили отменить.

Въ ночь на 25 августа началось глухое волненіе. Бучи народа образовывались повсюду; во многихъ мѣстахъ видны были импровизованные ораторы, произносившіе зажигательныя рѣчи, возстановляя противъ правительства, которому приписывали всевозможныя вины, даже вздорожаніе припасовъ. Всѣ фракціи оппозиціи были въ дѣлѣ, а къ нимъ, благодаря общей суматохѣ, примѣшивались и другія темныя лица, работавшія въ своихъ видахъ. Въ одномъ мѣстѣ провозглашали славу Франціи, въ другомъ наклеивали листы, на которыхъ стояло просто: *Долой короля! Да здравствуетъ де-Поттерг!* Окончательный толчокъ должна была дать знаменитая опера Обера: «Нѣмая въ Портучи», которой, по странному совпаденію обстоятельствъ, суждено было играть роль возбудительницы двухъ возстаній — бельгійскаго и польскаго. Послѣ четвертаго акта оперы, во время представленія которой всѣ сцены возмущенія были покрываемы громовыми рукоплесканіями, толпа бросилась на площадь, занятую народомъ, и слилась съ нимъ въ крикахъ, провозглашавшихъ свободу. Кто-то крикнулъ: *Пойдемъ къ Либри!* — и всѣ

ринулись къ тому дому, гдѣ жилъ присяжный поноситель бельгійскаго народа. Толпа взломала дверь книжной лавки, также принадлежавшей разностороннему шарлатану, разрушила все до основанія, но не нашла Либри. По довольно достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, этотъ смѣльчакъ на бумагѣ оказался на дѣлѣ трусомъ и выскочилъ черезъ окно на сосѣдній дворъ, хотя самъ увѣрялъ потомъ печатно, что за три дня до возстанія уѣхалъ изъ Брюсселя.

Власти, правившія Брюсселемъ, были застигнуты врасплохъ; къ тому же между военными начальниками существовали перекоры изъ-за старшинства и всевластія. Тѣ, которые понуждали къ употребленію въ дѣло войска, встрѣчали въ генералахъ полную бездѣятельность. Толпа, наводнявшая собой всѣ окрестныя улицы, разрушивъ и разграбивъ домъ Либри, бросилась къ дому королевскаго прокурора, дѣятельности котораго приписывали всѣ преслѣдованія оппозиціи. Мостовую взломали и камни полетѣли въ окна: но двери были крѣпки, окна нижняго этажа слишкомъ высоки, чтобы влѣзть въ нихъ, и злобѣ толпы не было предѣловъ. Но лишь только помянули среди ея имя фанъ-Маанена, отсутствовавшаго, правда, но имѣвшаго свой домъ въ Брюсселѣ, какъ все мигомъ ринулось къ этому дому, уничтожило въ немъ все, что только было, не унося ничего; бумаги министра и мебель были сожжены на площади, и затѣмъ, когда пришло кому-то въ голову зажечь и самый домъ, огонь былъ подложенъ и вскорѣ весь домъ охватило пламенемъ.

Войска, какія были въ наличности (а гарнизонъ Брюсселя былъ очень слабъ), оставленные безъ приказаній, дѣйствовали наобумъ. Къ тому же они не обнаруживали желанія идти противъ народа; они допустили разрушеніе дома Либри и улыбались при крикахъ: *да здравствуютъ бельгийцы*. Генерала Вотье, наконецъ появившагося на мѣстѣ волненія, толпа принудила слѣзть съ лошади. Впрочемъ, какъ всегда бываетъ въ подобные дни, несмотря на запрещеніе солдатамъ стрѣлять, перестрѣлка скоро завязалась и пять человекъ изъ народа было убито и много ранено.

Въ виду безпорядковъ, грозившихъ продлиться до безконечности, благодаря нерѣшительности властей, ожидавшихъ подкрѣпленія изъ ближайшихъ городовъ вмѣсто того, чтобы сдѣлать попытку къ примиренію, нѣсколько гражданъ явилось къ губернатору съ настоятельнымъ совѣтомъ объ организаціи изъ

самихъ гражданъ полиціи для охраненія спокойствія. Черезъ нѣсколько часовъ триста человекъ уже было набрано и въ ожиданіи остальнаго комплектованія они завладѣли оружіемъ въ одной казармѣ. Народъ сначала противился тому и только послѣ перестрѣлки, стоившей жизни нѣкоторымъ, милиція могла, вооружившись, занять различные посты города. Въ вечеру этого дня численность ея уже достигла до 2.000 человекъ. Съ командующимъ войскомъ была заключена какъ бы конвенція, что они не будутъ введены изъ лагеря въ городъ и что милиція беретъ на себя сохраненіе порядка. Въ одной изъ залъ правительственнаго дома импровизовалось засѣданіе довѣренныхъ лицъ отъ населенія, при чемъ, несмотря на протестъ губернатора, всѣ согласились въ необходимости избрать депутацію, которая бы, немедленно отправившись въ Гагу, довела до свѣдѣнія короля о всемъ случившемся, изобразивъ положеніе города и страны въ правдивомъ свѣтѣ и настоявъ на реформахъ. Прокламація, возвѣстившая бруссельцамъ объ отъѣздѣ депутаціи, значительно успокоила умы, и городъ на время принялъ прежній видъ.

Вѣсти изъ Брюсселя, за которыми одновременно послѣдовали извѣстія о волненіяхъ въ другихъ бельгійскихъ городахъ, и въ особенности въ Льежѣ *), глубоко потрясли короля: онъ заплакалъ. Совѣтники же его, и въ особенности же фанъ-Мааненъ, имѣвшій столько причинъ негодовать на бельгійцевъ, настаивалъ на необходимости крутаго подавленія беспорядковъ. Лишь благодаря примиряющему мнѣнію принца Оранскаго, и въ настоящемъ случаѣ высказывавшагося за уступки, было принято иное рѣшеніе. Оба принца должны были немедленно отправиться въ Брюссель и лично способствовать его умиротворенію, на всякій же случай данъ приказъ всѣмъ войскамъ двинуться усиленными переходами къ Брюсселю.

Въ эту-то пору прибыла въ Гагу депутація отъ бруссельцевъ. Король сначала отнесся полу-пренебрежительно къ ней, отрицая законность полномочій, данныхъ ей мятежнымъ народомъ, но спокойныя и твердыя убѣжденія, употребленныя однимъ изъ депутатовъ, Жандебьеномъ, доказавшимъ, что въ бурное время не только можно, даже должно отступать отъ правила, если это

*) Мы позволяемъ себѣ возстановить въ русскомъ языкѣ коренное французское названіе Льежа. Странно называть чисто-французскій городъ по-нѣмецки Дюлтихомъ.

отступленіе принесеть успокоеніе умовъ и предотвратитъ кровопролитіе.—эти убѣжденія побудили Вильгельма измѣнить тонъ и выслушать адресъ брюссельцевъ. На существенныя требованія онъ не далъ прямого отвѣта, но указалъ на чрезвычайную сессію Генеральныхъ Штатовъ, предстоявшую черезъ нѣсколько дней, какъ на законную возможность предложить и обсудить измѣненія въ основномъ законѣ. Онъ не защищалъ ни фанъ-Маанена, ни другихъ министровъ, когда депутаты обвиняли ихъ въ возбужденіи народнаго неудовольствія и требовали ихъ удаленія,—но въ то же время заявилъ, что не приметъ никакого рѣшенія до тѣхъ поръ, пока это можетъ имѣть видъ послѣдствія принужденія, что онъ слишкомъ дорожить достоинствомъ королевской власти, чтобы дать хотя поводъ думать, что онъ сдѣлалъ уступки, находясь въ положеніи чловѣка, которому приставили пистолетъ къ горлу. Прощаясь съ депутаціей, онъ со слезами на глазахъ сказалъ, что не хочетъ кровопролитія, что мысль о немъ его возмущаетъ, но что онъ не хочетъ быть посмѣшищемъ всей Европы, уступивъ угрозамъ и жалобамъ, измышленнымъ нѣсколькими нарушителями общаго спокойствія.

Тѣмъ временемъ оба принца во главѣ войска подошли къ Брюсселю и, остановившись въ одномъ переходѣ отъ него, провозгласили особою прокламаціей, обнародованною въ городѣ, о своемъ желаніи вступить въ него съ войсками для охраны спокойствія, и о томъ, что они простираютъ свои объятія всѣмъ, кто захочетъ присоединиться къ нимъ, но требуютъ, чтобы тотчасъ же всѣ знамена и прочія эмблемы, принятыя мятежнымъ движеніемъ и носящія цвѣта не національныя, были удалены.—Прокламація эта, несмотря на довольно умѣренный тонъ ея, раздражила народъ, увидавшій во вступленіи войскъ начало кровавой отместки; тотчасъ же понеслись отовсюду крики: «къ оружію!» и всѣ важныя пункты города покрылись баррикадами, построенными съ сказочною быстротой, такъ какъ всѣ—и взрослые, и дѣти и женщины—съ отвагой принялись за дѣло. Начались новые переговоры съ принцами. Изъ города отправились новые депутаты, на этотъ разъ изъ высшихъ сферъ и близко знакомые принцу Оранскому, совѣтуя ему положиться лучше на защиту его безопасности самими гражданами и оставить войска внѣ города. Долго длились совѣщанія, при чемъ младшій братъ принца и генералы настаивали на неуступчивости. Наконецъ благоразуміе взяло верхъ, принцъ Оранскій взялъ назадъ свое

воззваніе и 1-е сентября было назначено для въѣзда его въ Брюссель. Городская милиція была выстроена вдоль всего его пути. Принятый ея начальниками, онъ неѣхалъ вдоль ея рядовъ; народъ, увидя его, кричалъ: *да здравствуетъ принцъ! Да здравствуетъ свобода!* Онъ отвѣчалъ на это другимъ возгласомъ, высоко поднявъ шляпу и надѣясь, что толпа сольется съ нимъ въ патріотическомъ крикѣ: «да, сказалъ онъ, да здравствуетъ свобода, но также и да здравствуетъ король!» Слова эти глухо прозвучали; кругомъ все молчало. — Подвигаясь дальше и видя, что настроеніе умовъ было далеко не такое, какого онъ ожидалъ, онъ желалъ уже сократить шествіе и направился въ сторону дворца. Но народъ громкими криками потребовалъ, чтобъ онъ шелъ къ городской ратушѣ. Пришлось исполнить и это желаніе. Его принялъ бургомистръ, отвѣчая которому принцъ снова повторилъ увѣренія въ благорасположеніи короля къ бельгійцамъ; но и здѣсь слабые крики въ честь короля были заглушены другими, возглашавшими славу свободѣ и требовавшими отставки фанъ-Маанена. Лошадь принца, испугавшись шума, закусила удила и ранила одного изъ присутствовавшихъ. Толпа зароптала. Принцъ поспѣшно пробормоталъ, что дастъ пенсію несчастному, что велитъ застрѣлить лошадь; — и двинулся-было далѣе, какъ вдругъ, уступивъ ли непонятному въ такомъ испытанномъ храбрѣ паническому страху, или подчиняясь другимъ соображеніямъ, онъ внезапно пришпорилъ лошадь и во весь опоръ умчался во дворецъ.

На другой же день явилось воззваніе принца, который созывалъ особое совѣщательное собраніе изъ представителей населенія, для изложенія въ опредѣленной формѣ тѣхъ мѣръ, которыя они считаютъ необходимыми для успокоенія народа. Совѣщанія эти привели къ тому результату, что полное отдѣленіе южныхъ провинцій отъ сѣверныхъ было выставлено первымъ и настоятельнѣйшимъ залогомъ мира; въ томъ же духѣ высказались и тѣ изъ членовъ Генеральныхъ Штатовъ, которые находились въ ту пору въ Брюсселѣ. Пренія комиссіи часто прерывались зловѣщими криками народа, стоявшаго на площади. Узнавъ уже о возвращеніи депутаціи, ѣздившей къ королю, онъ кричалъ теперь: *долой голландцевъ, долой предателей!* Наконецъ начальники милиціи нашлись вынужденными заявить принцу, что они не могутъ долѣе отвѣчать за его безопасность и просятъ его оставить городъ; другія лица, изъ числа руково-

дившихъ возстаніемъ, убѣждали принца остаться, но стать во главѣ его,—и этотъ планъ, какъ увѣряютъ современники, имѣвшій тогда много вѣроятій успѣха, быть-можетъ очень улыбался честолюбію принца, но помня столкновение свое съ отцомъ, ревнивымъ ко власти, онъ не увлекся и рѣшился оставить городъ. Новая прокламація извѣстила жителей, что онъ отправляется въ Гагу, чтобы лично предстательствовать предъ королемъ о нуждахъ Бельгій, теперь уже ясныхъ для него.

Волнуемое различными извѣстіями, часто ложными, о намѣреніяхъ голландцевъ, о движеніяхъ войскъ и т. д., настроеніе умовъ въ Брюсселѣ не могло успокоиться такимъ увѣреніемъ. Прокламація, присланная изъ Гаги и составленная королемъ немедленно по возвращеніи принца Оранскаго, не заключала въ себѣ никакихъ положительныхъ обѣщаній, говорила много объ анархіи и заблужденіяхъ, о возможности удовлетворить лишь законныя желанія и т. д. Въ виду всего этого нужно было озаботиться организаціей городской защиты и охраны спокойствія, которое легко могло быть нарушено. Взять въ свои руки управленіе движеніемъ предложили бельгійскимъ депутатамъ Генеральныхъ Штатовъ, которые должны были составить временное правительство. Но эти лица устрашилися такого рѣшенія, которое въ ихъ глазахъ было равнозначуще объявленію войны голландцамъ; мало того, противно общему мнѣнію, не допускавшему, чтобы при данныхъ обстоятельствахъ бельгійскіе депутаты могли участвовать въ парламентарныхъ работахъ въ Гагѣ, они выразили желаніе отправиться туда къ открытію чрезвычайной сессіи и, несмотря на сильное неудовольствіе и разладъ съ болѣе радикальными членами оппозиціи и послѣдователями де-Поттера, руководившаго и издали дѣлами, они настояли на своемъ.—Пришлось составить правительство изъ новыхъ элементовъ; оно получило названіе комиссіи общественной безопасности и приняло немедленно власть въ свои руки.

Подвергаемые на своемъ пути всевозможнымъ оскорбленіямъ со стороны голландской черни, осыпанные бранью въ голландскихъ газетахъ, бельгійскіе депутаты прибыли наконецъ въ Гагу. 13 сентября открылась та сессія, отъ рѣшенія которой повидимому зависѣлъ исходъ всего кризиса. Тронная рѣчь, произнесенная королемъ, снова повторила прежнія, довольно уже двумысленныя отъ частаго повторенія, увѣренія въ готовности къ уступкамъ, остающимся въ предѣлахъ законности, но по-

вторила и выраженія твердой рѣшимости дать отпоръ дурнымъ страстямъ и насилію. Заявляя, какъ будто въ примирительномъ духѣ, о предстоящемъ Генеральнымъ Штатамъ пересмотрѣ основнаго закона, король въ то же время испрашивалъ разрѣшенія для созыва милиціи въ видахъ усмиренія возстанія. Словомъ, какъ замѣчаютъ многіе историки этого времени, даже наиболѣе преданные голландскимъ интересамъ, правительство не сумѣло понять, что при данныхъ условіяхъ, при не совсѣмъ еще созрѣвшей революціи, при не угасшей еще окончательно преданности династіи, оно могло еще все поправить, открыто, чисто-сердечно пойдя на встрѣчу народнымъ желаніямъ. Оно не сдѣлало этого и само подготовило себѣ гибель. Правда, что король наконецъ рѣшился удалить фанъ-Маанена, но когда извѣстіе о томъ, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, пришло въ Брюссель, уже было поздно.—Силы возставшихъ прибывали пока со всѣхъ сторонъ. Одинъ за другимъ поднялись города, одолѣли мало-сильные гарнизоны и вошли въ сношенія съ возставшею столицей. Такъ какъ всѣ сознавали, что въ ней должна произойти роковая борьба, которая будетъ имѣть рѣшающее значеніе для судьбы всей Бельгіи, въ Брюссель были посланы подкрѣпленія. Талантливый публицистъ, радикалъ по убѣжденіямъ, впоследствии одинъ изъ лучшихъ министровъ новаго Бельгійскаго королевства, Шарль Рожье сталъ во главѣ трехсотъ волонтеровъ изъ Льэжа и его окрестностей и повелъ ихъ въ Брюссель. Въ столицѣ, гдѣ отрядъ его былъ встрѣченъ съ радостью и присоединенъ къ милиціи, Рожье вскорѣ приобрѣлъ громадное вліяніе. Его живая натура не могла выносить медленности и осторожности комитета общественной безопасности, и эта нетерпѣливость вполне согласовалась съ настроеніемъ многихъ гражданъ. Въ видѣ отпора господствующему направленію, они основали центральный союзъ (*Réunion centrale*), вступившій въ соперничество съ комитетомъ общественной безопасности и быстро привлекшій на свою сторону всѣ симпатіи. Впрочемъ сами обстоятельства уже способствовали тому.

Молча согласившіеся выждать, повременить до той поры, когда выскажутся Генеральные Штаты, брюссельцы съ негодованіемъ прочли тронную рѣчь, никого не удовлетворившую. Экземпляры ея были снесены на площадь и тамъ сожжены. Тотчасъ же въ комитетъ безопасности создано были тридцать два представителя населенія, уже участвовавшіе въ подобныхъ со-

вѣщаніяхъ; они рѣшили немедленно отправить въ Гагу гонцовъ къ бельгійскимъ депутатамъ, требуя ихъ немедленнаго возвращенія. Пространный адресъ, который мотивировалъ необходимость этого поступка, выставлялъ въ мрачныхъ, но правдивыхъ краскахъ положеніе дѣлъ. «Прокламація короля, ваше отсутствіе, рѣчь произнесенная его величествомъ къ Генеральнымъ Штатамъ—все предсказываетъ намъ зловѣщую будущность, сказано было въ адресѣ. Всюду войска занимаютъ наши крѣпости или окружаютъ города, выказывая приемы, предвѣщающіе войну; они готовы, повидимому, прибѣгнуть къ насилію, а не къ праву. Въ то время, какъ вы, подчинивъ въ себѣ всѣ стремленія одному лишь узкому чувству законности, прибѣгаете къ средствамъ убѣжденія, чтобы поддержать наше дѣло, ряды войска грозно растутъ, а тронная рѣчь предлагаетъ вамъ не распускать его, но оставить въ полномъ составѣ. Развѣ мы враги полюбовнаго соглашенія? Развѣ мы мятежники, которыхъ нужно во что бы то ни стало пригнуть подъ ярмо?» — Этотъ адресъ казался не достаточно рѣзкимъ членамъ центральнаго союза; они тоже требовали возврата депутатовъ, но хотѣли, чтобы немедленно были приняты мѣры къ усиленію средствъ обороны. Полная организація и вооруженіе городской милиціи, устройство вольныхъ отрядовъ по деревнямъ, избраніе одного начальника всѣхъ народныхъ войскъ, наблюденіе за поступленіемъ всѣхъ суммъ государственныхъ въ національную кассу и т. д. — вотъ что представилось наиболѣе настоятельнымъ центральному союзу.

Словомъ, въ рядахъ возставшихъ начинался уже разладъ. Трое наиболѣе вліятельные изъ вождей: фанъ-де-Вейеръ, графъ Меродъ и Жандебьенъ, добившись наконецъ рѣшенія, что народъ хотя и не нападетъ на войска, но что онъ, въ случаѣ ихъ наступательнаго движенія, отвѣтитъ на силу силой и призветъ на помощь всю страну, — согласились между собой тайнѣ организовать изъ себя временное правительство, которое бы, въ случаѣ опасности, могло выступить явно и руководить обороной, которой недоставало единства. Рѣшено было послать за де-Поттеромъ и вызвать его скорѣе назадъ.

Комитетъ безопасности доживалъ послѣднія минуты. Одно изъ его боязливыхъ воззваній окончательно возмутило партію дѣйствія. Толпы народа, крича: *оружія! оружія! впередъ!*—кинулись къ ратушѣ, гдѣ засѣдалъ комитетъ, требуя себѣ оружія. Милиція пыталась остановить это движеніе, но у нея выхватыва-

вали ружья, а когда одинъ изъ ея постовъ былъ вынужденъ стрѣлять, волненіе еще болѣе усилилось. Рожье, нѣсколько разъ говорившій къ народу, едва могъ сдерживать его и предотвратить полную распущенность. Толпа стугилась наконецъ на одной площади и тамъ провела ночь. На другой день до полуторы тысячъ человѣкъ, дружно бросившись на ратушу, снова завладѣли ею и, разогнавъ членовъ комитета, окончательно лишили его власти. Но на смѣну этой власти не было другой. Народъ, завладѣвшій всѣмъ, не имѣлъ надежныхъ руководителей. Рожье, друзья его и лѣжскіе волонтеры, на которыхъ хотѣлъ было опереться народъ, стояли въ сторонѣ: они не того хотѣли. Анархія была болѣе чѣмъ когда-либо пагубна, потому что въ эту самую пору у воротъ Брюсселя показалась армія принца Фридриха.

IV.

Какъ можно было предвидѣть, Генеральные Штаты не принесли никакого облегченія затрудненіямъ минуты. Бельгійскіе депутаты были поставлены въ самое тяжелое положеніе; часто полиція должна была защищать ихъ отъ ненависти черни. Въ такомъ положеніи нечего было и думать о возвратѣ въ Брюссель. Отъѣзду этому, который имѣлъ бы видъ окончательнаго разрыва, народъ не далъ бы состояться. Поэтому гонцамъ отъ инсургентовъ не пришлось ничего добиться; напротивъ, депутаты съ трудомъ дали имъ возможность безопасно выбраться изъ Гаги.— Когда настали пренія объ адресѣ въ отвѣтъ на тронную рѣчь, повторилось то же, что бывало уже столько разъ при преніяхъ особой важности: бельгійцы, несмотря на свое краснорѣчіе, на патріотическія увѣщанія, на изображеніе предстоящихъ опасностей, не убѣдили голландскихъ депутатовъ и, благодаря этому, адресъ, высказавшійся впрочемъ за допущеніе въ принципѣ административнаго дѣленія государства, много говорилъ объ усмиреніи, подавленіи, о готовности на всякія жертвы и т. д. И при всемъ томъ многіе депутаты находили такую редакцію слишкомъ умѣренной, слишкомъ мягкой.—Король отвѣчалъ выраженіемъ полнаго своего удовольствія и надеждой на восстановленіе спокойствія, а въ то же время предписалъ войскамъ войти въ Брюссель.

Послѣ августовскихъ дней, служившихъ прологомъ возстанія, наступили знаменитые и кровавые *сентябрскіе дни*, которымъ суждено было послужить кризисомъ всей борьбы.

Аванпосты королевской арміи постепенно придвигались къ городу. Когда уже они достигли его воротъ, командующій ими принцъ Фридрихъ рѣшилъ немедленно дѣйствовать, считая быстроту и рѣшительность въ настоящемъ случаѣ наиболѣе дѣйствительными средствами. Отъ природы человѣкъ суровый, рѣзкій и храбрый, къ тому же воспитавшійся въ рядахъ прусской арміи, принцъ не расположенъ былъ къ долгимъ переговорамъ и проволочкамъ. Онъ помнилъ только, что передъ нимъ мятежный городъ, что ему поручено его усмирить, войти въ него; онъ думалъ, что большая часть жителей, и въ особенности буржуа, негодуя на всевластіе толпы, поможетъ ему въ дѣлѣ усмиренія, — и на основаніи всѣхъ подобныхъ соображеній онъ предпослалъ своему вступленію прокламацію, въ которой возвѣщалъ, что вступаетъ въ городъ для укрощенія безпорядковъ, что всякое препятствіе тому будетъ немедленно подавлено, зачинщики наказаны, такъ какъ-де дѣло революціи вовсе не общее дѣло всего населенія, что городская милиція будетъ обезоружена, національные цвѣта отовсюду удалены, муниципальная власть сдѣлана отвѣтственною за малѣйшее отступленіе отъ предписываемаго порядка, и войска размѣщены по казармамъ или въ палаткахъ на площадяхъ.

Несмотря на начинавшуюся-было анархію, въ городѣ тотчасъ же какъ бы проснулись другіе инстинкты. Хотя сила милиціи была уже уничтожена ея насильственнымъ обезоруженіемъ, въ виду опасности пришлось озаботиться скорѣйшимъ наборомъ войска. Кликнуть былъ кличъ волонтерамъ, которыхъ вскорѣ набралось 1.200 человѣкъ, и избранъ былъ начальникъ ихъ. Но что могла сдѣлать эта горсть людей противъ десяти-тысячнаго отряда принца Фридриха? Самая мысль объ отпорѣ могла бы показаться смѣлою, — но брюссельцы не отступили ни шагу отъ своего намѣренія. Они не оставались въ бездѣйствіи. Пока число волонтеровъ возрастало, повсюду, гдѣ дороги не были заняты войсками, были разсланы эмиссары за помощью. Одинъ изъ нихъ, молодой журналистъ, привелъ вскорѣ съ собою изъ Лувэна четыреста охотниковъ, пламенно рвавшихся въ бой. Священникъ напутствовалъ ихъ патріотическою рѣчью, благословляя ихъ дѣло; изъ другихъ городовъ и селъ также прибы-

вали охотники. Принцъ, разъ назначивъ день своего вступленія въ Брюссель, какъ строгій формалистъ, ждалъ этого дня, быть-можетъ, думая, что даетъ жителямъ время одуматься и явиться съ поклонною головой. Но своею проволочкой онъ только содѣйствовалъ успѣху народнаго дѣла: силы брюссельцевъ росли, а передовые отряды, предводимые извѣстнымъ уже Рожье, нападали на гораздо сильнѣйшіе разѣзды и передовые посты голландцевъ и въ жаркой перестрѣлкѣ постоянно одерживали верхъ.

Въ арміи догадались наконецъ о своей ошибкѣ; новая прокламація послана была въ городъ, но не принята и обратно отослана съ сдержаннымъ отвѣтомъ. На совѣтѣ, тотчасъ же собравшемся, возникли-было робкія предложенія примиренія, но противоположное настроеніе взяло верхъ; впрочемъ, для предотвращенія кровопролитія, были въ послѣдній разъ посланы депутаты въ главную квартиру принца. Но ихъ и не допустили до него, объявивъ военноплѣнными, и немедленно умчали ихъ въ Антверпенъ. Рано утромъ 23 сентября отрядъ въ 7.000 человекъ съ 16 орудіями, отбросивъ горсть охотниковъ, защищавшихъ Шарбекскія ворота, вступилъ въ городъ. Нѣсколько залповъ картечью очистило путь ему вплоть до парка. Здѣсь ждала войска первая баррикада, съ которой тотчасъ же началась перестрѣлка. Но со стороны инсургентовъ открытъ былъ убійственный огонь не только съ баррикады, но и изъ окошекъ всѣхъ окрестныхъ домовъ, такъ что вскорѣ вся прислуга при орудіяхъ была почти перебита и начальникъ отряда смертельно раненъ. То же произошло и въ другомъ мѣстѣ; перекрестный огонь дѣлалъ свое дѣло. Главныя дѣйствія голландцевъ были однако сосредоточены въ rue de Flandre. «Гусары, рассказываетъ Жюсть, изъ которыхъ состоялъ отрядъ полковника Бальверена, въ сопровожденіи значительныхъ пѣхотныхъ силъ, прошли всѣмъ Фландрскимъ предмѣстьемъ, не встрѣтивъ никакого отпора; но лишь только вступили они въ rue de Flandre, какъ встрѣтили бѣглый огонь съ баррикадъ; въ то же время изъ оконъ отовсюду сыпались на нихъ градомъ камни, вывороченные изъ мостовой. мебель, чугунныя вещи. Гусары принуждены были податься назадъ и этимъ движеніемъ смяли пѣхоту. Вскорѣ и пѣхота и конница очистили улицу, оставивъ 40 убитыхъ и 30 плѣнныхъ. Инсургенты лишились лишь девяти убитыхъ».

Эта удача оживила всѣхъ въ городѣ. По словамъ очевидцевъ,

вся физиономія его перемѣнилась. Послѣ нѣкоторой паники въ населеніи настала лихорадочная дѣятельность. Отовсюду видны были дѣти, женщины, старики, помогавшіе строить баррикады, взламывавшіе мостовую. Барабанный бой сзывалъ къ оружію, Набатъ гудѣлъ, не умолкая. На баррикадахъ продолжали храбро драться, въ особенности на той, которая, находясь близъ парка, первая подверглась нападенію. Начальника тутъ не было, защитники сошлись случайно, отовсюду, большею частью крестьяне и рабочіе, поспѣшившіе изъ провинціи на выручку народнаго дѣла. Въ рядахъ этихъ храбрецовъ, боровшихся съ лучшими силами голландской арміи, уже успѣли выказаться наиболѣе отчаянные смѣльчаки; въ особенности быструю популярность приобрѣлъ простой оружейникъ изъ Лъэжа, Шарлье, по прозванію *деревянная нога*, служившій канониромъ на баррикадѣ. Не мало радости принесли вѣсти изъ Лувэна, сообщавшія, что тамошніе горожане успѣшно отразили два раза начатую атаку королевскихъ войскъ.

Наступила ночь, и, какъ справедливо удивляется этому историкъ бельгійской революціи, не только прекращенъ былъ съ обѣихъ сторонъ огонь, но всѣ посты были покинуты, ни одного часоваго не оставлено, всѣ разошлись молча. Во время этого молчаливаго перемирія, объясняемаго развѣ лишь особенностями темперамента боровшихся, происходили тайныя сношенія принца съ вождями города. Укрощеніе выходило не такъ легко, какъ казалось главнокомандующему; благоразумные граждане не встрѣчали его съ распростертыми объятіями, — напротивъ, предстояло очевидно брать каждую улицу, каждый домъ приступомъ.

Принцъ рѣшился снизить до переговоровъ, обѣщая клятвенно не арестовывать парламентаровъ. Его собственныя условія были довольно умѣренны и вообще онъ начиналъ уже выказывать податливость, какъ прибытіе начальника его штаба повернуло все дѣло; повѣривъ ему на слово, что инсургенты едва держатся и не замедлятъ сами сдаться, Фидрихъ самъ прервалъ переговоры и на другое утро борьба снова началась. Такія же сцены, такіе же результаты сопровождали ее и въ этотъ день, какъ и наканунѣ. Войска продолжали занимать тѣ части, которыми имъ удалось овладѣть, но дѣлать передвиженія они уже не могли, встрѣчая всюду перекрестный огонь инсургентовъ. Тогда они прибѣгли къ бомбардировкѣ, и съ высотъ, сзади дворца наслѣднаго принца, понеслись на городъ бомбы и ракеты. Вспыхнулъ пожаръ, съ трудомъ остановленный.

Въ эту-то пору Рожье съ двумя другими близкими ему людьми нашли нужнымъ взять въ свои руки правленіе. Они видѣли, что такая бойня безъ плана, безъ руководителя—дѣло очень рискованное, что для руководства защитой, какъ равно и для внутренняго порядка, необходима какая-нибудь центральная власть. Всѣ переговоры съ голландцами тотчасъ же были прекращены, рѣшено защищаться до послѣдней капли крови, и всѣ вооруженныя силы города, усилившіяся за это время массой охотниковъ, высланныхъ двадцатью окрестными общинами и тремястами волонтеровъ, приведенныхъ бельгійскими патриотами, жившими въ изгнаніи во Франціи и поспѣшившими теперь принять участіе въ революціи, — всѣ вооруженныя силы были ввѣрены хорошо извѣстному Рожье воину, полуиспанцу, полу-фламандцу, донъ-Жуану фанъ-Галену, смѣльчаку, доказавшему свою храбрость въ разныхъ революціонныхъ попыткахъ на югѣ. Прокламація, вывѣшенная 25 сентября, возвѣстила жителямъ о составившемся правительствѣ, объявившемъ при этомъ, что беретъ власть въ свои руки единственно изъ любви къ родинѣ и удалится отъ дѣлъ, какъ только возможно будетъ передать ихъ въ руки новой, свободно составленной, администраціи. Въ другой прокламаціи, которую читали народу ночью при барабанномъ боѣ и вызывали его къ усиленію борьбы, употреблена была лукавая уловка. Народу сказали, что противникъ, для скорѣйшаго одолѣнія города, распространяетъ въ рядахъ солдатъ обѣщанія дать имъ дома на разграбленіе. «Два часа грабежа, и всѣ ваши усилія будутъ вознаграждены», будто бы говорить онъ.... Это извѣстіе подлило масла въ огонь. Если до тѣхъ поръ единодушіе было изумительно, то отнынѣ желаніе спасти свое достояніе довело это единодушіе до героизма. Новое правительство, объявивъ, что бельгійскіе патриоты принимаютъ на себя обезпечить судьбу вдовъ и дѣтей, павшихъ за отечество, и постановивъ, что тѣла этихъ героевъ будутъ погребены на одной изъ площадей города и памятникъ на вѣки передастъ потомству объ ихъ славныхъ дѣлахъ (что, какъ мы сказали, и было исполнено), содѣйствовало поднятію самоотверженнаго настроенія.

Новому начальнику волонтеровъ предстояло трудное дѣло. Правительство предписало ему, во что бы то ни стало, овладѣть паркомъ. Несмотря на величайшую опасность такого предпріятія, усиливаемую тѣмъ, что во власти непріятели находились окрест-

ные дома, выйдя изъ которыхъ. онъ могъ отрѣзать инсургентамъ отступленіе, фанъ-Галенъ двинулся въ паркъ и проникъ уже въ него, когда долженъ былъ уступить превосходнымъ силамъ. Но это не отняло ни у кого бодрости; напротивъ, мысль, что они переходятъ изъ обороны въ наступательное движеніе, какъ-то оживила духъ всего отряда. На другой день временное правительство, усилившееся присоединеніемъ трехъ новыхъ членовъ и избраніемъ секретарей и завѣдующаго казначействомъ, окончательно организовалось и первымъ дѣйствіемъ его послѣ этого было воззваніе къ солдатамъ бельгійской національности, призывавшее ихъ въ ряды народа и освобождавшее отъ всякой присяги, принесенной ими королю.

Въ этотъ день борьба завязалась упорнѣе чѣмъ когда-либо. Фанъ-Галенъ составилъ цѣлый планъ обороны, искусно воспользовавшись всѣми средствами, находившимися подъ рукой, размѣстивъ въ наиболѣе важныхъ пунктахъ тѣ немногія орудія, которыя находились во власти инсургентовъ. Три раза густыя силы непріятельской пѣхоты бросались съ отчаянною храбростію въ атаку противъ баррикадъ, стремясь также завладѣть и домами, изъ которыхъ каждый, нанося имъ величайшій уронъ, представлялъ небольшую крѣпость. Но три раза напоръ голландцевъ былъ отраженъ. Шарль-Деревянная нога дѣйствовалъ молодецки съ своимъ орудіемъ; застрѣльщики, отряды, ходившіе на приступъ парка, летучіе отряды, обезпечивавшіе фланги инсургентовъ и тревожившіе то и дѣло непріятеля, — всѣ выказали необыкновенную храбрость. Самъ фанъ-Галенъ удивляется тому, что было тогда сдѣлано. Боровшіеся не были вовсе дисциплинированы, собрались вмѣстѣ случайно, не имѣли настоящихъ начальниковъ; изъ бывшихъ военныхъ, которые могли бы помочь совѣтами или руководить дѣйствіями, было въ числѣ ихъ лишь нѣсколько человекъ. Одушевленіе и патриотизмъ какъ будто восполняли недостатокъ школы. Мало-по-малу бельгійцы овладѣли всѣми домами rue Royale, тянущейся вдоль парка, оттѣснили непріятельскихъ стрѣлковъ отъ его рѣшетки, выгнали непріятеля со дворовъ и изъ садовъ, прилегающихъ къ дворцамъ, и принудили его, сосредоточившись, отступить въ глубину парка. Наступившая ночь снова прервала битву, которой, къ счастью, не суждено было возобновиться.

Когда, на другое утро, баррикады открыли снова огонь по тому направленію, куда отошли голландскія войска, на выстрѣлы

эти никто не отвѣчалъ. Армія ночью выступила изъ Брюсселя. Уже цѣлые сутки въ главномъ штабѣ ея господствовало сильное смущеніе. Четырехдневная борьба, съ сильными потерями и безъ малѣйшаго успѣха, доказывала невозможность одолѣть городъ. Сначала рѣшено было вызвать подкрѣпленія, послано было за герцогомъ саксенъ-веймарскимъ, генераломъ голландской службы, въ которомъ надѣялись найти искуснаго вождя, такъ какъ принцъ Фридрихъ окончателно упалъ духомъ подъ тяжестью падавшей на него отвѣтственности. Но исходъ послѣдняго дня схватокъ рѣшиль иначе; въ ночь рѣшено было отступление, и герцогъ веймарскій засталъ уже армію далеко за Брюсселемъ, гдѣ она стала лагеремъ.

Послѣ тяжкихъ испытаній, послѣ борьбы на жизнь или на смерть, поддерживаемой такъ долго и съ такими усиліями, понятенъ тотъ опяняющій восторгъ, который овладѣлъ всѣмъ населеніемъ Брюсселя. Отовсюду были слышны крики: *побѣда*, на улицахъ обнимались, въ церквахъ шли молебствія, колокола гудѣли отъ благовѣста, всѣ притаившіеся въ домахъ и подвалахъ выходили на свѣтъ Божій съ радостными лицами. Въ эту пору вѣзжалъ въ Брюссель де-Поттеръ, спѣшившій возвратиться изъ изгнанія на родину. Весь его путь отъ границы до Брюсселя былъ триумфальнымъ шествіемъ. Еслибъ онъ захотѣлъ, говорить очевидецъ, народъ на себѣ бы его привезъ въ столицу. Въ Брюсселѣ онъ долженъ былъ выйти къ народу, привѣтствовавшему его оглушительными рукоплесканіями и криками; немедленно онъ примкнулъ къ временному правительству, отнынѣ полному властителю страны.

Что было сдѣлано самими обстоятельствами, что нельзя было болѣе измѣнить, то послѣшили санкціонировать Генеральные Штаты, все еще находившіеся въ сборѣ. Несмотря на то, что и въ эту минуту сѣверяне выказывали ту же твердую рѣшимость не уступать, которая такъ была имъ къ лицу въ дни ихъ власти, Штаты торжественно провозгласили полное отдѣленіе южныхъ провинцій отъ сѣвера. Современники подтверждаютъ, что самъ король потребовалъ такого формальнаго заявленія. Дѣйствуя такъ, онъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду возможность удержать за собою и впредь Бельгію,—словомъ, онъ какъ бы соглашался на осуществленіе того плана, изъ-за котораго нѣкогда разошелся съ принцемъ Оранскимъ. Для удержанія за собою хотя нѣкоторой власти въ бельгійскихъ областяхъ, король

послалъ принца въ Антверпенъ, еще находившійся въ голландскихъ рукахъ, и далъ ему полномочіе временно управлять на отдѣльныхъ правахъ провинціями, сохраняющими спокойствіе, и содѣйствовать скорѣйшему возстановленію мира и въ мятежныхъ частяхъ Бельгіи. Принцъ Оранскій, выказавъ и здѣсь бѣольшую широту взглядовъ, чѣмъ его отецъ, обнародовалъ изъ Антверпена прокламацію, гдѣ возвѣщалъ объ организаціи особаго министерства, составленнаго только изъ бельгійцевъ, о замѣщеніи всѣхъ правительственныхъ мѣстъ лицами бельгійскаго происхожденія, признаніи за обоими языками права на официальное употребленіе, полной амнистіи и т. д. Агенты принца были посланы въ Брюссель. Въ дѣло вмѣшался даже русскій дипломатъ, дѣйствовавшій, впрочемъ, какъ видно, не по внушенію своего правительства, а вслѣдствіе дружескихъ связей съ голландскихъ королевскимъ домомъ. Это былъ князь Козловскій, занимавшій прежде мѣсто посланника въ Вюртембергѣ и впавшій въ немилость при русскомъ дворѣ вслѣдствіе навѣтовъ Меттерниха, донесшаго объ участіи этого дипломата во введеніи конституціи въ Вюртембергѣ *); со времени своей немилости князь Козловскій жилъ постоянно въ Гентѣ и теперь вышелъ изъ бездѣйствія, чтобы содѣйствовать осуществленію замысловъ принца Оранскаго. Но, за немногими исключеніями, въ Брюсселѣ онъ не имѣлъ никакого успѣха и на него даже смотрѣли подозрительно. Члены временнаго правительства имѣли свой, твердо рѣшенный, планъ дѣйствій, о которомъ они уже возвѣстили странѣ прокламаціей. Эта прокламація, появившаяся 4-го октября, не только провозгласила отдѣленіе Бельгіи отъ Голландіи, но и объявила ее совершенно независимымъ государствомъ. Для обсужденія же способовъ дальнѣйшаго устройства ея судьбы, она созывала національный конгрессъ изъ представителей населенія всѣхъ провинцій, которые и могли только рѣшить, какую форму правленія избрать и кого облечь властью. На увѣщанія князя Козловскаго и прочихъ благожелателей королевскаго дома члены правительства отвѣчали категорическимъ указаніемъ на это право конгресса. На дальнѣйшія вкрадчивыя воззванія принца Оранскаго, гдѣ, признавая конгрессъ, онъ какъ бы самъ предлагалъ себя въ вожди народа, оно отвѣтило

*) Эти свѣдѣнія о немъ были тогда же сообщены временному правительству Фанъ-Галеномъ.

рѣшительно и рѣзко. Въ то же время дѣйствія принца показали еще разъ подозрительными королю. Онъ, очевидно, выходилъ изъ предѣловъ, данныхъ ему инструкціей, и замышлялъ что-то недоброе, — и новое распоряженіе Вильгельма I отняло у наслѣдника его всѣ полномочія относительно управленія югомъ. Отовсюду разбитому и скомпрометтированному, принцу оставалось только спастись скорымъ отъѣздомъ отъ унижительной роли. Онъ покинулъ Антверпенъ и выѣхалъ въ Англію, въ ту Англію, на которую и отецъ его возлагалъ еще большія надежды, ожидая помощи при усмиреніи внутренняго голландскаго погрома. Но у министерства Веллингтона было въ ту пору не мало своихъ затрудненій, оно тоже боялось раздражить оппозицію, тогда какъ прочія державы, гарантировавшія цѣлость Голландскаго королевства, были еще болѣе поглощены борьбой съ революціонными движеніями у себя. Такимъ стеченіемъ благоприятныхъ условій значительно облегчались дѣйствія временнаго правительства. Оно уже успѣло издать цѣлый рядъ либеральныхъ постановленій, отмѣнившихъ старыя голландскіе порядки и даровавшихъ Бельгіи всѣ льготы, которыя выработала по сию пору свобода. Въ то же время шли дѣятельныя приготовленія къ организаціи національнаго конгресса, тѣмъ болѣе успѣшныя, что мало-по-малу освобождались изъ-подъ власти голландцевъ и тѣ части Бельгіи, въ которыхъ еще оставлены были королевскія войска. Прискорбнымъ эпилогомъ революціонной борьбы были событія въ Антверпенѣ. Войска, по отъѣздѣ принца Оранскаго, стянуты были въ цитадель, чѣмъ воспользовались революціонныя отряды, пробившіе себѣ рядомъ удачныхъ стычекъ съ голландцами путь къ Антверпену. Но въ цитадели не остались спокойными зрителями этого нашествія. Напротивъ, комендантъ нашелъ необходимымъ наказать жителей города, давшихъ доступъ мятежному отряду. По городу открыта была бомбардировка, длившаяся цѣлыхъ восемь часовъ, не принесшая никому ровно никакой пользы и являющаяся грубою и безцѣльною отместкой, предпринятою въ такую пору, когда ничего уже нельзя было спасти.

Отнынѣ вся задача пересозданія и возрожденія страны принадлежала конгрессу, который не замедлилъ собраться. Известно, что послѣ долгаго обсужденія бельгійская корона предложена была имъ кобургскому принцу, впоследствии Леопольду I, королю бельгійцевъ. Не безъ нѣкотораго разочарованія смотрѣли

на это иные изъ участниковъ въ борьбѣ. Де-Поттеръ мечталъ о республикѣ и старался склонить товарищей своихъ къ ея провозглашенію. Но мысль, что республику нельзя навязать народу, быть-можетъ, не желающему ея вовсе, остановила ихъ. Впрочемъ, будущее должно было значительно примирить съ дѣйствительностью. Избранный конгрессомъ, нѣмецкій принцъ оказался достойнымъ избранія, и при немъ страна могла свободно развить всѣ тѣ богатыя силы, которыми надѣлила ея природа и которыя сдѣлали изъ Бельгии одно изъ передовыхъ государствъ современности.

О ЧЕРКИ

ИСТОРИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ АМЕРИКИ.

«Американцамъ вѣрены важнѣйшіе интересы чело-
вѣческаго рода. Пусть же помнятъ они, что на нихъ
возложена также отвѣтственность, какой не было ни
у одного народа въ исторіи».

Джемсъ Мадисонъ, одинъ изъ составителей консти-
туціи Соединенныхъ Штатовъ.

«Новому Свѣту» или «Америкѣ», въ смыслѣ культурнаго типа, всего сто лѣтъ. Старому Свѣту нѣсколько тысячелѣтій. Но не въ долгоденствіи сила. Сравнимъ исторію обоихъ материковъ при трехъ послѣднихъ поколѣніяхъ, начиная съ 1775 года, когда возникли Соединенные Штаты.

Первое поколѣніе въ обоихъ полушаріяхъ начало великою революціей. Идеи, подъ знаменемъ которыхъ два Свѣта «пустились въ открытое море будущаго», какъ говорилъ Джефферсонъ, были однѣ и тѣ же. Но послѣдствія были далеко не одинаковы. Въ Америкѣ возникла могущественная держава, основанная на весьма разумныхъ началахъ, Европа же окончила ужасами конвента и войнами Наполеона I, которыя разрушили почти всѣ старыя государства; тамъ новыя идеи воплотились въ цѣлой націи, здѣсь же раскрылась бездна между ними и жизнью—и имъ пришлось витать въ области утопій.

Второе поколѣніе самое несчастное. Въ Америкѣ его характеризуетъ господство плантаторовъ, въ Европѣ—Священный Союзъ; тамъ первыя усилія враговъ рабства, аболиціонистовъ, потерпѣли неудачу,—здѣсь іюльская революція обманула возложенныя на нее надежды. Впрочемъ есть значительная разница между обоими материками даже въ эту эпоху: Въ Европѣ переворотъ

1830 года былъ *первою* серьезною попыткой къ борьбѣ съ идеями Священнаго Союза, а въ Америкѣ именно въ это время произошло *возрожденіе* аболиціонизма въ небывалыхъ размѣрахъ. Оно было такъ могущественно и прочно, что въ 1835 году успѣхъ новой идеи былъ очевиденъ.

При третьемъ поколѣніи Старый и Новый Свѣтъ едва ли не разошлись между собой болѣе, чѣмъ когда-либо. Въ Америкѣ—непрерывная и мужественная борьба лучшихъ силъ противъ зла, съ самаго начала закрывшагося въ ея свѣжій организмъ, и съ каждымъ днемъ побѣды аболиціонистовъ становятся все болѣе блистательными. Здѣсь третье поколѣніе хотѣло завѣщать четвертому наслѣдіе, вполне очищенное отъ долговъ. Поразительно, какъ хватило у него бодрости завершить ужасною войною тяжелую 25-лѣтнюю борьбу! Но еще поразительнѣе исходъ междоусобія. Несмотря на свои гигантскіе размѣры, гражданская война не разрушила республики, а напротивъ укрѣпила ее. Лучшія силы націи одержали безпримѣрную побѣду. Онѣ «крестили кровью и желѣзомъ» тѣ самыя идеи, которыя, не найдя пріюта на своей родинѣ, въ Новомъ Свѣтѣ блеснули зарей лучшаго будущаго.

А что пережила Европа за это время? Новое судорожное усиленіе въ 1848 году. Новая вспышка, которая оказалась фальшфейеромъ. За нею—вторая реакція, которая хотя была приличнѣе первой, но чувствовалась сильнѣй, ибо идеи, витавшія въ области утопій, спустились ближе къ жизни. А на престолѣ Франціи,—той Франціи, которая породила эти идеи и долго выносила на своихъ плечахъ,—возсѣдалъ бонапартизмъ со всеми ковами первой имперіи, но безъ ея славы и принциповъ.

Затѣмъ мы были свидѣтелями войны, которая своими ужасами стала въ ряду самыхъ кровавыхъ подвиговъ человечества. Въ то самое время (около 1865 года), когда въ Америкѣ прекращалась *единственная* серьезная война, вынужденная защитой идей мира и цивилизаціи, предъ нами возникла воинственная нація изъ «народа философовъ и поэтовъ» и вступила на свой побѣдоносный путь.

Итакъ, большая разница между Новымъ и Старымъ Свѣтомъ, если сравнить исторію трехъ послѣднихъ поколѣній. А между тѣмъ, странно сказать, Америка—родная дочь Европы и физически и духовно. Европа заселила ея дѣвственную землю избыткомъ своего населенія. Она снабдила ее своею цивилизаціей.

И эта историческая роль не прекращается. А что такое пресловутыя идеи, легшія въ основу культурнаго типа Новаго Свѣта? Ихъ возвѣстили Божественный Учитель Стараго Свѣта. Имъ всегда поглнялся, ими одушевленъ понинѣ разумъ Европы. На нихъ покоится все гордое зданіе его философіи и поэзіи, науки и искусства. Стало-быть, все дѣло только въ томъ, что, вѣроятно, и къ идеямъ примѣнимы слова: нельзя быть пророкомъ въ своей землѣ.

Мы страдаемъ вовсе не отъ недостатка идеаловъ, а отъ не признанія ихъ правъ въ жизни. Мы далеко опередили американцевъ въ теоріи, но еще дальше отстали отъ нихъ въ дѣйствительности. Мы болѣе способны *ставить* разумные вопросы, чѣмъ *рѣшать* ихъ разумно. Въ мірѣ не было болѣе колоссальнаго разлада между словомъ и дѣломъ, замыслами и жизнью. И нигдѣ онъ не проявлялся такъ блистательно, какъ у величайшаго мыслителя Стараго Свѣта. Кантъ, съ его «теоретическимъ и практическимъ разумомъ», это—Европа съ ея идеалами и дѣйствительностію.

По нашему мнѣнію, лучшее утѣшеніе для Европы—глубокое сочувствіе, съ которымъ она всегда слѣдитъ за судьбами Америки. Новый Свѣтъ все еще сохраняетъ то чарующее вліяніе надъ Старымъ, которымъ онъ пользовался въ эпоху Возрожденія. Мы все еще видимъ въ немъ страну чудесъ, небывалыхъ подвиговъ человѣчества. Для насъ онъ все еще обѣтованная земля, гдѣ воплощаются идеалы, въ девятнадцать вѣковъ не нашедшіе пріюта въ европейской исторіи. И, быть-можетъ, никогда мы такъ не нуждались въ убѣжденіи, что тамъ, на новомъ мѣстѣ, найдутъ разумный исходъ общественныя и философскія задачи, передъ которыми блѣднѣетъ наша блестящая цивилизація.

Конечно, этому убѣжденію обязаны своей извѣстностью многіе писатели, обогатившіе въ послѣднее время литературу американскаго вопроса. Они принадлежатъ всѣмъ образованнымъ націямъ. Мы встрѣчаемъ здѣсь даже самихъ американцевъ, которые доселѣ менѣе всѣхъ занимались изученіемъ своей исторіи. Недавно одинъ изъ нихъ—почтенный писатель, уже лѣтъ сорокъ работающій въ наукѣ—выступилъ съ весьма серьезною задачей. Мы говоримъ о *Дренеръ*, который пытается философски уяснить судьбы своего отечества.

Исторія Соединенныхъ Штатовъ никогда еще не освѣщалась

съ философской точки зрѣнія, притомъ выдержанной такъ смѣло. Сверхъ того, Дреперъ отчасти выражаетъ современное общественное мнѣніе въ Америкѣ. Его взглядъ на судьбы Новаго Свѣта вдвойнѣ интересенъ для насъ. Мы рѣшились познакомить читателей съ главными чертами историческаго развитія Соединенныхъ Штатовъ, руководясь сочиненіями Дрепера. Наша услуга ограничится уясненіемъ автора, мысли котораго разбросаны въ разныхъ сочиненіяхъ, а изложеніе страдаетъ эпизодами и повтореніями. Сверхъ того, нѣкоторые вопросы вышли изъ-подъ его пера не совсѣмъ отчетливо. Иногда встрѣчаются и умышленныя недомолвки, такъ какъ Дреперъ писалъ для своихъ соотечественниковъ, знакомыхъ съ фактами своей исторіи. Мы старались устранить подобные пробѣлы, посоветовавшись съ авторитетными писателями объ Америкѣ.

Имѣя дѣло съ сочиненіями, построенными на философскихъ основаніяхъ, необходимо предварительно ознакомиться съ методомъ и міровоззрѣніемъ автора. Этому посвящается первая глава нашихъ очерковъ.

I.

О философскомъ взглядѣ на исторію Америки.

Дреперъ подходитъ къ типу современнаго ученаго. Въ немъ замѣтенъ научный энциклопедизмъ Гумбольдта. Дреперъ—собственно естествоиспытатель *). Въ нью-йоркскомъ университетѣ онъ занимаетъ кафедру химіи и физиологіи. Но онъ также историкъ, снискавшій европейскую извѣстность обширнымъ сочиненіемъ: «*Объ умственномъ развитіи Европы*» **). Великое междоусобіе въ отечествѣ глубоко поразило его. Оно дало ему «новый, самый сильный поводъ» исполнить давно задуманный планъ изученія исторіи Соединенныхъ Штатовъ. Въ 1865 году, два года спустя послѣ изданія: «Умственнаго развитія Европы», появилось «Гражданское развитіе Америки». Это—литературная обработка четырехъ публичныхъ лекцій, прочитанныхъ профессоромъ по просьбѣ нью-йоркскаго историческаго общества. Цѣль

*) Капитальное сочиненіе Дрепера, *Физиологія человека*, переведено на русскій языкъ (пер. Дедюлина и Сорокина, 3 части, 1867 г.).

***) Это сочиненіе также переведено на русскій языкъ (2 тома, 1868 г.).

книги—примѣнить къ Америкѣ методъ, съ помощью котораго добыты выводы, освѣщающіе «Умственное развитіе Европы». Какъ патріотъ, Дреперъ надѣялся также помочь преобразованіямъ въ періодъ которыхъ вступило его отечество послѣ междоусобія. Ему хотѣлось «угадать будущія стремленія республики и извлечь изъ научныхъ наблюденій правила для управленія націей».

Въ 1870 году Дреперъ выступилъ съ новымъ капитальнымъ трудомъ—съ трехтомною «Исторіей американской междоусобной войны». Это—классическое сочиненіе по вопросу объ американскомъ междоусобіи. Авторъ былъ заваленъ массой матеріаловъ, которые «обнаруживаютъ тайную исторію этихъ событій съ такой откровенностью, какой не встрѣтишь при изученіи политическихъ событій Европы». Много документовъ и свѣдѣній доставлено самими дѣятелями этой достопамятной эпохи, какъ военными, такъ и гражданскими.

Дреперу хотѣлось сначала уяснить *причины* великаго перелома въ его отечествѣ. Онѣ весьма сложны и затруднительны для изученія. Онѣ глубоко коренятся столько же въ естественныхъ, сколько и въ историческихъ условіяхъ Америки. Потребовалось отдѣльное сочиненіе для ихъ изслѣдованія. Первый томъ «Исторіи междоусобной войны» представляетъ законченное цѣлое, съ особымъ заглавіемъ: «Природа и жизнь Америки и ихъ отношеніе къ происхожденію войны». Эта книга *) не похожа на обыкновенныя историческія изслѣдованія. Она написана по тому же философскому методу, котораго всегда придерживался авторъ. Но онъ примѣненъ здѣсь къ исторіи Новаго Свѣта болѣе широко и обдуманно, чѣмъ въ «Гражданскомъ развитіи Америки».

Дреперъ принадлежитъ къ тому направленію, въ которомъ выдаются имена Конта и Бокля, Милля и Лацаруса. Это—*философская* школа въ исторической наукѣ, которая нынѣ оспариваетъ первенство у школы *критической* **). Ея идея—господство непреложныхъ законовъ, которымъ равно подчинена и жизнь природы,

*) Она уже переведена на русскій языкъ (Сиб. 1872 г.). Къ сожалѣнію, трудно пользоваться переводомъ. Это—одинъ изъ образцовъ небрежности, съ которой такъ много фабрикуется у насъ изданій, похожихъ на спекуляцію.

**) Во избѣжаніе недоразумѣній, замѣтимъ, что мы имѣли случай подробнѣе высказаться объ этомъ предметѣ въ статьяхъ о «Современныхъ задачахъ исторической науки», помѣщенныхъ въ журналѣ «Бесѣда» за 1871 годъ (№№ 10 и 11).

и жизнь человѣка. Если эти законы положены предвѣчно въ основу мірозданія, то между царствомъ матеріи и царствомъ духа самый тѣсный и неразрывный союзъ. Мы не поймемъ человѣка, если не изучимъ окружающей его природы.

Идея философской школы въ исторіи, конечно, различно доказывается и примѣняется у разныхъ ученыхъ. Обращаемся къ Дреперу.

По его убѣжденію, «*вѣчный, неизмѣнный законъ управляетъ міромъ даже тамъ, гдѣ, повидимому, дѣйствуетъ одинъ произволъ личности*». Воровство и насиліе по большей части совершаются жителями рѣчныхъ береговъ. До 25-тилѣтняго возраста преобладаютъ преступленія противъ собственности, т. е. хитрость, это орудіе слабости; потомъ—преступленія противъ личности или насиліе. У женщинъ (напр. во Франціи) преступность менѣе, чѣмъ у мужчинъ, въ пропорціи 23 : 100. Ихъ стремленіе къ преступленіямъ противъ личности менѣе, чѣмъ противъ собственности, въ пропорціи 16 : 26. Эти же самыя числа выражаютъ отношеніе ихъ физической силы къ физической силѣ мужчинъ.

Мы взяли одинъ изъ множества примѣровъ. Правда, Дреперъ не разъ замѣчаетъ категорически, что онъ «далекъ отъ отрицанія свободной воли въ человѣкѣ». Но въ его сочиненіяхъ нѣтъ доказательствъ въ ея пользу. «Есть сила, говоритъ онъ, которая всегда оставляетъ ее въ тѣни, въ подчиненіи».

Предвѣчный законъ покоится въ основаніи мірозданія. Онъ положенъ до появленія человѣка. Онъ правитъ его жизнью, принимая форму разныхъ силъ природы. «Видимый повелитель этихъ силъ на дѣлѣ находится въ тѣсной зависимости отъ физическихъ дѣятелей. Развитіе нашего ума опредѣляется климатическими условіями». Великіе люди всегда рождались въ умѣренномъ поясѣ сѣвернаго полушарія, который можно назвать *историческимъ* по преимуществу. Большею частью этотъ поясъ принадлежитъ Европѣ. Только треть его приходится на долю Америки и четверть—Азіи, кромѣ Китая, гдѣ онъ равняется американской пропорціи.

Благодаря гольфштруму, изотермы, образующія историческій поясъ, идутъ въ Европѣ въ видѣ развернутаго вѣера, изъ одного фокуса у Каспійскаго моря. Въ Америкѣ это—дугообразныя полосы, вогнутыя къ сѣверу. Въ Азіи онѣ еще ближе примыкаютъ другъ къ другу, въ видѣ почти прямыхъ параллельныхъ

линій. Осью историческаго пояса, въ нѣсколько градусовъ ширины, служить *январская изотерма 41°*. Въ южномъ полушаріи она почти исключительно проходить по океану и, стало-быть, способна произвести только великихъ рыбъ.

Вся сила вліянія природы на человѣка—въ *климатъ*. Хотя Дреперъ придаетъ этому слову обширный смыслъ среды вообще, однако всего чаще онъ отождествляетъ его съ понятіемъ тепла. Впрочемъ, въ авторѣ и здѣсь замѣтна извѣстная уступчивость, которая вообще служитъ отличіемъ Дрепера отъ другихъ писателей его направленія. Онъ признаетъ, что *человѣкъ*, особенно при средствахъ цивилизаціи, *можетъ ослаблять и измѣнять дѣйствіе природы*. Мы создаемъ искусственный климатъ. Оттого въ Америкѣ переселенцы не обратились въ индѣйцевъ и весьма медленно отклоняются отъ своего первоначальнаго вида. Такъ какъ женщины болѣе мужчинъ подчинены искусственному климату, то немудрено, что въ образованномъ классѣ Соединенныхъ Штатовъ сѣверянка гораздо болѣе похожа на южанку, чѣмъ сѣверянинъ на южанина. Вообще, чѣмъ богаче цивилизація, тѣмъ болѣе искусственный климатъ беретъ верхъ надъ естественнымъ. Здѣсь можно видѣть задатокъ будущаго умственнаго единства между націями. «Вотъ, говоритъ Дреперъ, истинная причина страстнаго стремленія къ политическому единству, которое замѣтно теперь у многихъ народовъ!»

Мало того. Дреперъ горячій поклонникъ *идей*. Онѣ, по его словамъ, «увлекаютъ человѣчество впередъ, хотя природа подготавливаетъ путь, по которому оно должно слѣдовать.... Идея можетъ потрясти человѣчество до основанія. Въ сущности идеи управляютъ міромъ». Это увлеченіе идеями, нарушающее цѣльность міровоззрѣнія автора, объясняется его благоговѣніемъ къ нашему разуму, къ наукѣ. Подобно Боклю, Дреперъ упорно и одушевленно доказываетъ *превосходство этой силы въ человѣкѣ передъ нравственной*. Въ его глазахъ, въ первой—вся тайна прогресса, вся будущность человѣчества; во второй—застой и задержка цивилизаціи. Ниже мы встрѣтимся еще разъ съ воззрѣніемъ автора на идеи.

Указанною восторженностью автора объясняется одинъ изъ важныхъ его недостатковъ. Дреперъ способенъ увлекаться своими собственными выводами точно такъ же, какъ и идеями вообще. Иногда онъ дѣлаетъ блестящее, но поспѣшное и одностороннее заключеніе. И оно уже ложится у него въ основу разнородныхъ

изслѣдованій. Отсюда проистекають порой натяжки, порой софизмы.

Такъ, вообще вѣрная и благородная идея могущества знанія привела его къ важному заблужденію, вслѣдствіе ея неудачнаго приложенія. Дреперъ замѣтилъ, что въ Китаѣ высоко почитаютъ ученость и ею измѣряютъ правительственное достоинство человѣка. Стало-быть, Китай—образецъ, поучительный примѣръ для всего міра. «Онъ нашелъ средство, при которомъ болѣе трети всего человѣчества цѣлые вѣка живетъ въ счастіи, довольствѣ и мирѣ. Онъ давно исполнилъ то, чего мы стремимся достигнуть теперь на гораздо меньшемъ пространствѣ».

Точно также Дрепера поразила средневѣковая цивилизація арабовъ—и онъ вноситъ благоговѣніе передъ нею и магометанствомъ туда, куда наука не можетъ допустить его. Такъ какъ арабы выдѣлывали изъ хлопка писчую бумагу и матерію, то изобрѣтеніе печатнаго станка и буквъ лишилось своего значенія, а причиной невольничества и междоусобія въ Америкѣ оказались мавры, въ качествѣ прародителей англійскихъ машинъ. Послѣ этого немудрено, что Галилей и Ньютонъ также превратились въ своихъ «прямыхъ предковъ», въ испанскихъ магометанъ.

Врядъ ли освѣтится сумрачная область исторіи, если наука будетъ прямо перескакивать отъ явленія къ его отдаленнымъ причинамъ, минуя ближайшія.

Укажемъ на третій примѣръ увлеченій Дрепера, который беремъ изъ его взгляда на судьбы Америки. Остановимся на немъ внимательнѣе, такъ какъ онъ особенно важенъ для нашей задачи.

Дреперъ признаетъ прогрессъ и горячо отстаиваетъ его, какъ въ теоріи, такъ и въ жизни. Онъ видитъ въ немъ непреложный законъ вселенной. «Движеніе, говоритъ онъ, не только средство, но и цѣль». Но этотъ законъ въ одинъ мигъ разрушилъ бы вселенную, еслибы не уравновѣшивался закономъ устойчивости и постепенности. Въ природѣ это—законъ тяготѣнія, въ обществѣ—консерватизмъ. «Нѣтъ истиннаго прогресса безъ порядка и истиннаго порядка безъ прогресса».

Насколько эти два начала развиты въ Соединенныхъ Штатахъ?

Нѣтъ страны, гдѣ было бы столько условій прогресса. Здѣсь почти всѣ климаты и почвы. Здѣсь множество человѣческихъ

породъ и обществъ, которымъ непрерывныя волны эмиграціи мѣшаютъ принять спокойный видъ. Здѣсь самыя разнообразныя занятія. Даже земледѣліе теряетъ характеръ осѣдлости. Истощивъ почву, американецъ легко мѣняетъ ее на дѣвственную землю запада. «Мы, говоритъ Дреперъ, не такіе домо-сѣды, какъ европейцы. Дѣти оставляютъ отца безъ сопротивленія, ибо онъ самъ предвидитъ это заранѣе». Подвижности способствуютъ хорошія средства сообщенія. Въ Сѣверной Америкѣ путешествіе въ нѣсколько тысячъ миль — пустое дѣло даже для рабочаго. Общество представляетъ видъ измѣнчивой, волнующейся массы. «Не даромъ, замѣчаетъ Дреперъ, иностранцы — путешественники утверждаютъ, что мы кочевое племя».

То же должно сказать объ Америкѣ и въ умственномъ отношеніи. Здѣсь безпокойная, подвижная демократія, которая быстро создаетъ множество новыхъ идей и учрежденій. Это доказывается уже языкомъ, въ которомъ постоянно увеличивается запасъ новыхъ словъ и оборотовъ, преобразующихъ англійскую рѣчь. Здѣсь всеобщее образованіе, небывалое развитіе грамотности и текущей литературы, въ особенности журналистики. «Въ Америкѣ газеты стали жизненною потребностью. Онѣ появились даже въ деревняхъ. Положительно вездѣ можно пользоваться дешевымъ чтеніемъ. Количество бумаги, употребляемой здѣсь на печать и письмо, болѣе, чѣмъ въ Англии и Франціи, взятыхъ вмѣстѣ». А печать, съ присоединеніемъ телеграфовъ и почтъ, крайне развитыхъ въ Америкѣ,—это умственные желѣзные пути. Они быстро разносятъ по необозримому пространству массу разнообразныхъ свѣдѣній. Оттого-то «какъ ни громадны различія въ понятіяхъ и воззрѣніяхъ Старога Свѣта, ихъ гораздо больше въ Новомъ».

Итакъ, прогрессъ слишкомъ хорошо обезпеченъ въ Америкѣ. *Ей скорѣе слѣдуетъ опасаться крайности движенія, чѣмъ застоя.* Именно это опасеніе тревожитъ Дрепера. «Условія, говоритъ онъ, вызвавшія братоубійственную рѣзню, могутъ оказать свое роковое вліяніе въ другихъ мѣстахъ республики, и еще въ болѣе ужасныхъ размѣрахъ. Чего можно ожидать отъ вражды между обитателями Великаго Бассейна, побережья Тихаго океана и колумбійскаго Сѣверозапада—этой американской Германіи? Вѣдь державная республика вмѣщаетъ въ своихъ предѣлахъ свою Персію и Индію, свою Палестину и Татарію!...

Впикнувъ въ крайнюю затруднительность политическаго положенія республики, можно придти въ отчаяніе, можно подумать, что тутъ не поможетъ никакая политика».

Если самъ Дреперъ не отчаявается, то лишь потому, что вѣрнѣе въ жизненную силу научныхъ истинъ. Онъ убѣжденъ, что американцы послѣдуютъ идеѣ государственности и централизаціи, которую онъ выводитъ изъ изученія человѣка и природы. Чтобъ уяснить читателю свои понятія о централизаціи и формахъ, въ которыхъ желательно видѣть ея воплощеніе въ Америкѣ, Дреперъ прибѣгаетъ къ историческимъ примѣрамъ. «Начала, говорить онъ, руководившія политикой Рима въ эпоху его процвѣтанія, примѣнимы и въ Америкѣ». Затѣмъ исторія церкви, и особенно папства, «должна служить американцу маякомъ, который спасаетъ его отъ заблужденія». Здѣсь онъ увидитъ «неизбѣжный ходъ развитія всѣхъ прочныхъ человѣческихъ обществъ»,—т. е. *переходъ отъ демократіи къ аристократіи и монархіи*. Высшею степенью политическаго развитія былъ папскій Римъ. Соединеннымъ Штатамъ не мѣшало бы также примѣнить къ своимъ конгрессамъ отношенія папы къ соборамъ. «Папская власть созывала соборы, когда они нужны были для ея цѣлей. Она то отказывалась признавать ихъ, то соглашалась на ихъ дальнѣйшее существованіе».

Впрочемъ Америка должна заимствовать у Европы только *форму* общежитія, а не идею, которою она всегда была одушевлена. «Подобно тому, какъ въ нашемъ тѣлѣ есть только органы ума,—въ обществахъ умственное развитіе всегда руководило прогрессомъ, и отъ него зависѣла нравственность. Последняя можетъ управлять обществомъ только на низшей, дѣтской ступени его развитія. Рано или поздно, она столкнется съ разумомъ и будетъ разбита. Въ томъ и великая ошибка папства, что оно основалось на однообразномъ и неподвижномъ психическомъ состояніи человѣка». Если Европа доселѣ не освободилась отъ этого «мервящаго гнета», то истиннымъ пристанищемъ разума должна быть Америка, гдѣ нѣтъ его. Она и идетъ этимъ путемъ къ своему величію и единству. «*Ея политическая система основана на принципѣ образованія народнаго ума*».

Но каковъ долженъ быть характеръ всеобщаго образованія? Вотъ собственныя слова Дрепера:

«Прежде всего необходимо снабжать школы хорошо образованными и способными учителями. Нормальныя школы для приго-

товленія учителей должны составлять существенную часть благоустроенной системы народнаго просвѣщенія». Второй основной вопросъ состоитъ въ *содержаніи* преподаванія. «Прежде въ Америкѣ было неясное понятіе (оно, къ несчастію, и теперь еще господствуетъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ), что воспитаніе ума гораздо важнѣе свойства преподаваемыхъ знаній. Но нынѣ нужно поставить за правило для всѣхъ школъ, отъ первоначальныхъ до университетовъ, что воспитаніе должно сообщать наличныя знанія нашего времени». *Дреперъ рѣшительный противникъ системы классическаго образованія* *).

За исключеніемъ мысли о необходимости народнаго образованія, взглядъ на задачи Америки—лучшій примѣръ увлеченій

*) Въ виду споровъ у насъ о системахъ образованія, приводимъ мнѣніе Дрепера о классицизмѣ въ его собственныхъ словахъ:

«Въ Америкѣ, особенно въ высшихъ школахъ, это золотое правило (что воспитаніе должно сообщать наличныя знанія нашего вѣка) упущено изъ виду. Такъ-называемое классическое обученіе занимаетъ столько времени, что изъ преподаванія исключаются гораздо болѣе важные предметы. Таковы плоды заимствованія у англичанъ. Эта система—остатокъ образа мыслей, господствовавшаго въ Англіи въ XVI вѣкѣ. Для того времени она была довольно хороша, но теперь слишкомъ устарѣла.

«Безполезное господство классицизма долго поддерживалось указаннымъ мнѣніемъ, будто онъ развиваетъ умъ. Другою поддержкой служитъ предположеніе, что онъ сообщаетъ мудрость прошлыхъ временъ. Но величайшіе представители знанія—не древніе, а новые языки. Если и есть достойные вниманія факты, которые приобрѣтались бы исключительно знаніемъ латинскаго и греческаго языковъ, то, во всякомъ случаѣ, ихъ очень мало. А какую пользу можно ожидать для развитія юноши, если онъ ежедневно будетъ переводить по нѣскольку хорошихъ изреченій съ латинскаго и греческаго на ломаный англійскій языкъ? Что же касается жизненной подготовки, необходимой для борьбы съ противникомъ, для пониманія людей, для выработки характера, то каждому умному человѣку не трудно доказать, что гораздо больше можно приобрѣсти черезъ шахматную игру, чѣмъ черезъ переводы всѣхъ на свѣтѣ классиковъ.

«Все сказанное въ особенности относится къ воспитанію духовенства. Въ Америкѣ въ немъ сильно преобладаетъ классицизмъ. Большею частью именно поэтому классицизму такъ покровительствуютъ въ высшихъ школахъ. Иначе онъ давно былъ бы изгнанъ оттуда или непремѣнно отошелъ бы на задній планъ. Вліяніе духовенства на развитіе классицизма доказываютъ щедрыя приношенія, которыми многіе набожные патріоты поддерживаютъ классическія кафедры». А между тѣмъ священнику нужнѣе, чѣмъ кому-либо, новая система образованія. «Богословскія школы довольствуются знаніемъ, приличнымъ развѣ прошлому вѣку; онѣ отвергаютъ постоянное и значительное развитіе новѣйшей науки. А эта-то наука и ея приложения руководятъ теперь судьбой цивилизаціи».

Дрепера. Онъ противорѣчитъ фактамъ и основывается на шаткой утопіи. Мы разберемъ его въ послѣдней главѣ нашихъ очерковъ.

Мы желаемъ, чтобы наши замѣчанія доказали читателю только затруднительность новаго направленія въ исторической наукѣ. Философская школа еще очень молода, а задачи ея обширны и многосторонни. Она долго еще будетъ впадать въ мелкія погрѣшности, но онѣ врядъ ли заглушатъ всеобщую потребность въ ней. Важно уже то, что она быстро успѣла одержать нѣкоторыя побѣды и въ наукѣ, и въ обществѣ. Къ нимъ мы относимъ тотъ яркій свѣтъ, который проливаютъ на судьбы Америки сочиненія Дрепера. Слѣдующія главы нашего труда посвящаются законамъ развитія Америки, открытымъ при этомъ свѣтѣ.

II.

Природа Соединенныхъ Штатовъ.

Правильно, безъ перерывовъ въ твореніи, возросъ материкъ Сѣверной Америки среди безпредѣльной пустыни первобытнаго океана. Неизмѣримое время пошло на созданіе его 400 тысячъ кв. миль. Лишь по нѣскольгу дюймовъ въ столѣтіе накоплялась земля у древняго зародыша материка. Этимъ ядромъ Америки была сѣрая масса кристалловъ на сѣверо-востокъ *), обезображенная разгуломъ нестройныхъ силъ вселенной. На ней не было признаковъ органической жизни. Мрачныя скалы одиноко слушали плескъ морскаго прибоя у своихъ подножій.

Земля нарастала въ юго-западномъ направленіи. Каждый шагъ на этомъ пути обозначался пробужденіемъ жизни среди однообразія дремлющей природы. Возникали небывалыя геологическія породы. Измѣнялся климатъ; первоначально убійственно знойный повсюду. Смѣна физическихъ явленій производила органическій міръ, каждый разъ налагая на него свой неизгладимый отпечатокъ.

Этотъ міръ также возрасталъ тихо и непрерывно. Въ теченіе шести многовѣковыхъ періодовъ, открытыхъ геологіей, каждый типъ существъ правильно вытекалъ изъ прежняго и по-

*) Нынѣ—Лабрадоръ, Канада и восточная часть земель Компаніи Гудсонова залива.

рождадь слѣдующій. Послѣдній, *современный*, геологическій періодъ можно назвать царствомъ птицъ, насѣкомыхъ (особенно умнѣйшихъ изъ нихъ, пчель и муравьевъ) и, наконецъ, челоуѣка. Творчество не прекратилось во вселенной и понынѣ *).

Обращаемся къ нынѣшней природѣ Соединенныхъ Штатовъ. Это—огромная равнина. Вообще вся мѣстность вогнута относительно неба, тогда какъ Азія и Еврона выпуклы. Всѣ рѣки на ней стремятся въ центральную впадину. Дреперъ такъ увлеченъ этимъ явленіемъ, что готовъ приписать ему земныя и объединительныя стремленія своей республики, въ противоположность идеализму и разбросанности племенъ Старога Свѣта.

Великую равнину Сѣверной Америки должно назвать *долиной Миссисипи*, ибо этотъ великанъ среди рѣкъ господствуетъ надъ нею. Ея географическій, а въ будущемъ, вѣроятно, и политическій, центръ обозначается сляніемъ главныхъ водныхъ жилъ—Миссисипи, Миссури и Огіо. Долина Миссисипи, равная почти всей западной Европѣ, замѣнута на востокъ цѣпью Аллегановъ, а на западъ громадами Скалистыхъ горъ.

Она отличается рѣдкимъ разнообразіемъ природы. На дальнемъ сѣверѣ чуть не полярная растительность, на югѣ—роскошная флора тропиковъ. Ея верхняя оконечность покрыта группой величайшихъ озеръ, вмѣщающихъ въ себѣ половину прѣсной воды всего земнаго шара. А на крайнемъ западѣ, у подошвы Скалистыхъ горъ, неимовѣрная сухость.

За горными рамами долины Миссисипи, этого центра республики, разстилаются земли, придающія природѣ Соединенныхъ Штатовъ еще болѣе разнообразія. Чтобъ уловить общія черты этого разнообразія, представимъ себѣ путешественника, проѣхавшаго отъ Атлантическаго океана до Тихаго, вдоль 40° сѣверной широты.

Вотъ *атлантическій берегъ*, образованный восточнымъ склономъ Аллегановъ. Это—зерно республики, поприще Вашингтона и междоусобія 1860-хъ годовъ. Здѣсь горы идутъ близко отъ берега. Онѣ невысоки и весьма однообразны по очертанію.

*) Всѣ эти свѣдѣнія—результатъ геологическихъ изслѣдованій, которыми гордится Америка. Мы обязаны ими какъ частнымъ усиліямъ ученыхъ, такъ и просвѣщенному вниманію конгресса и властей въ отдѣльныхъ штатахъ.

Поэтому, здѣсь рѣки малы и быстры, а климатъ ровный, но нездоровый. Это побережье, съ его богатыми и просвѣщенными городами, не что иное, какъ низменность, усѣянная болотами и топями, среди которыхъ гнѣздится лихорадка.

Впрочемъ, *Аллеяны* уже здѣсь покрыты роскошною растительностью и большими деревьями. А ихъ западные склоны, вплоть до Миссисипи и великихъ озеръ, — одна изъ самыхъ красивыхъ и богатыхъ мѣстностей республики. Здѣсь родина дѣвственныхъ лѣсовъ — этой славы Новаго Свѣта. Еще не такъ давно здѣсь шумѣлъ темный боръ. Надъ огромными соснами смѣло выдвигались гигантскіе кинарисы. Подъ ихъ сѣнью росли роскошные кустарники азалій и рододендроновъ, перевитыхъ ползучими растеніями. И теперь много лѣсовъ сохраняется во всей этой полосѣ, отъ Мексиканскаго залива до озеръ, особенно въ штатахъ Тенесси и Кентукки. Широкая Огіо доселѣ часто совсѣмъ скрывается въ ихъ чащѣ. Но топоръ переселенца быстро уничтожаетъ первобытную красу Америки. Зато обнажается благодарная, плодородная земля; цвѣтутъ пашни и плантаціи; возникаютъ обширные центры цивилизаціи.

Область дремучихъ лѣсовъ окаймлена на западѣ и югѣ столь же славными *преріями* или *саваннами*. Онѣ составляютъ второе отличіе Сѣверной Америки. Это — цѣлый океанъ высокой, нѣжной травы, украшенной пахучими цвѣтами. Мѣстами разбросаны, словно опущенныя сѣгомъ, соляныя скалы, которыя лизутъ безчисленныя стада дикаго скота. Преріи разстилаются по всему теченію Миссисипи, но особенно распространены на югѣ по обѣимъ ея сторонамъ. Впрочемъ, подобно лѣсамъ сѣвера, онѣ уступаютъ здѣсь культурѣ, которая превращаетъ ихъ въ тропическія плантаціи.

Совсѣмъ иной видъ представляетъ долина Миссисипи на сѣверо-западъ отъ этой рѣки и отъ Миссури. Здѣсь тянется *Большая западно-американская пустыня*, нынѣ штаты Небраска и Канзасъ. Ея восточная окраина еще не лишена жизни. Въ оврагахъ попадаются ивовыя чащи и розовые кусты. По холмамъ бродят олени и антилопы. Всюду блистаютъ, какъ серебро, листики шалфея, когда вѣтеръ повертываетъ ихъ къ солнцу. На берегахъ рѣкъ разстилаются дубовыя рощи и хлопчатникъ. Но чѣмъ дальше на западъ, тѣмъ печальнѣе природа. Сначала встрѣчается кактусъ, приверженецъ сухости. Потомъ идутъ мелкія душистыя растенія съ остренькими листьями. Наконецъ,

настаетъ царство безводныхъ солончаговъ и песку, сложеннаго вѣтромъ въ большіе холмы. Чѣмъ выше подымаешься по склонамъ Скалистыхъ горъ, тѣмъ пустыннѣе и непривѣтливѣе страна. Словно пожаръ спалилъ ее. На ней лежитъ пепельный отпечатокъ, наводящій уныніе. Путника обольщаютъ голые холмы, которые принимаютъ, въ его усталыхъ глазахъ, причудливый видъ куполовъ и минаретовъ.

Здѣсь живутъ дикія собаки, совы, да гремучія змѣи. Индѣйцы, съ длинными пиками и луками, рыскаютъ на дикихъ коняхъ по безводнымъ пескамъ. Вечеркомъ они располагаются живописными группами вокругъ костра, гдѣ, за отсутствіемъ дерева, тлѣетъ сушеный пометъ животныхъ. Передъ ними вѣчно бѣлѣетъ снѣжная линія Скалистыхъ горъ, съ знаменитымъ Южнымъ Проходомъ, у сѣвернаго истока Небраски, на высотѣ 8.000 футовъ. Здѣсь, говоритъ Дреперъ, «истинно-романическая картина. Куда ни взглянешь, повсюду горы, каскады, причудливыя скалы. Песокъ носится въ воздухѣ, взвиваясь столбами. Столько величія въ этой дикой картинѣ, что даже грубые охотники приходятъ въ умиленіе при видѣ ея».

Между Скалистыми горами и Тихимъ океаномъ тянутся обширныя плоскогорья, напоминающія Азію. Они прорѣзаны у океана, двумя хребтами горъ, самыми высокими во всей Сѣверной Америкѣ: то Сіерра-Невада съ Каскаднымъ Кряжемъ и Береговя Альпы. Каскадный Кряжъ, полный прелестныхъ видовъ, соперничаетъ своими снѣжными вершинами съ высочайшими горами въ свѣтѣ. Эту исполинскую стѣну въ силахъ прорвать только широкая Колумбія или Орегонъ, протекающая здѣсь по странѣ самыхъ крупныхъ сосенъ. Вообще *берегъ Тихаго океана*, изборожденный горными громадами, — одна изъ лучшихъ мѣстностей материка. Онъ напоминаетъ влажный, пріятный климатъ Испаніи и Ирландіи.

Не то встрѣчаемъ мы за Сіеррой-Невадой. Здѣсь господствуетъ центральное плоскогорье, по имени *Великій Бассейнъ*. Это — прославленная мормонами соляная пустыня Ута. Здѣсь не перепадаетъ дождей: горныя рамы отнимаютъ влагу у вѣтровъ. Рѣкъ немного, да и тѣ малы. Отрѣзанныя отъ океана, онѣ столь же внезапно возникаютъ, какъ и исчезаютъ среди знойныхъ пустынь и солончаговъ. Зато много озеръ, подверженныхъ сильнымъ испареніямъ. Имъ некуда изливаться — и соль застаивается въ нихъ огромными пластами. Здѣшняя су-

хость неимовѣрна. Въ палящій зной человекъ рѣдко потѣетъ даже при сильномъ движеніи. Мясо буйвола не гниетъ на воздухѣ. Трава сама превращается въ сѣно, не лишаясь своихъ питательныхъ свойствъ. Кактусы и артемизін еще болѣе придаютъ странѣ пустынный, бесплодный видъ.

Въ долинѣ Миссисипи дѣятельность человекъ уже поражаетъ своимъ величіемъ. Отчего же не простить Дреперу патриотическаго увлеченія надеждами на будущность плоскогорій за Скалистымъ хребтомъ? По его мнѣнію, черезъ нѣсколько лѣтъ область рѣки Колумбіи будетъ кишѣть стадами и табунами. Могучая водная сила Орегона будетъ выдѣлывать бумажныя матеріи на весь свѣтъ. А на берегахъ Тихаго океана возродится древняя цивилизація Перу, съ ея роскошными садами и нивами, каналами и водопроводами. Въ Санъ-Франциско стекутся всѣ богатства Азіи, и, благодаря великому желѣзному пути между океанами, отсюда разовьется южная торговля.

И «менѣе, чѣмъ въ три поколѣнія, долина Миссисипи непременно станетъ центромъ человѣческаго могущества»....

Гораздо важнѣе тѣ законы, которые вытекаютъ изъ изученія описанной природы. Они оказываютъ рѣшительное вліяніе какъ на произведенія земли, такъ и на ея обитателей. Къ нимъ мы и обращаемся теперь.

III.

Законы природы и человекъ.

Мы уже знаемъ, что, по воззрѣнію Дрепера, въ жизни природы и человекъ первая роль принадлежитъ климату. Его могущество распространяется на все. Самое блистательное доказательство этой истины хранится въ земной корѣ. Геологи насчитываютъ 50.000 видовъ растеній и полмилліона видовъ животныхъ, исчезнувшихъ въ безконечный періодъ созданія нашей планеты. Это явленіе связано съ разительною перемѣной климата, которая умерщвляла' однѣ формы органической жизни и порождала другія. Подобный примѣръ былъ на нашихъ глазахъ. Въ 1835 году въ южныхъ штатахъ была такая жестокая зима, что вдругъ пропали тропическія растенія, процвѣтавшія тамъ болѣе полстолятія.

Въ извѣстныхъ предѣлахъ измѣненій климата организмъ можетъ сохраняться. Но вообще онъ подвергается превращеніямъ, приноравливаясь къ новой средѣ. Мансъ — тропическая трава, тучная, плодовая, вышиной до двухъ саженой. Таковой видъ онъ и сохраняетъ у Мексиканскаго залива. Но на берегу Тихаго океана онъ сильно вытягивается, тощаетъ; на жиденькомъ стеблѣ качается слабое, бѣдное зерно. А у Атлантическаго океана, выше 40° с. ш., онъ малъ, жалокъ на видъ, зато нигдѣ нѣтъ такого жирнаго и дорогаго зерна, какъ здѣсь. Подобная же судьба сахарнаго тростника, хотя онъ менѣе податливъ на превращенія. Время его созрѣванія—16 мѣсяцевъ въ Венецуелѣ—уже доведено до 10 мѣсяцевъ въ Луизианѣ.

Всего болѣе способенъ къ акклиматизаціи хлопчатникъ,—это своего распространенія, это—голичный злакъ. Безъ всякаго затрудненія, онъ — многолѣтнее дерево. На крайнемъ сѣверномъ предѣлѣ онъ—главное сокровище Америки. У себя на родинѣ, подѣ тропиками, хлопчатникъ превращается изъ дерева въ растеніе и обратно. Притомъ любопытно, что, подобно маису, высшее количество волокна онъ даетъ не на родинѣ, а въ умѣренномъ поясѣ. Еще поучительнѣе примѣръ мелкихъ злаковъ: пшеницы, ржи и т. п. Они привезены въ Америку изъ Европы; но родина ихъ—Азія. Оттого они гораздо лучше принимаются на берегахъ Тихаго океана, чѣмъ у Атлантики. Пшеница нигдѣ на свѣтѣ не достигаетъ такого развитія, какъ въ Калифорніи. Вообще нынѣ трудно перенести какое-нибудь растеніе изъ Европы въ восточные штаты. На родинѣ оно привыкло къ постепенному развитію, къ весеннему прозябанію. На берегу Атлантики его ожидаетъ почти внезапная смѣна зимы на знойное и влажное лѣто.

Подобные же примѣры доставляетъ намъ человѣчество. Климатъ вліяетъ на насъ гораздо сильнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Отъ него зависятъ не только наши физиологическія особенности, но также нашъ умственный и общественный бытъ.

Теперь уже трудно сомнѣваться въ причинахъ измѣненій цвѣта кожи и строенія черепа. Факты обильны и поразительны. На сѣверѣ Европы еврей бѣлъ и рыжъ; въ Палестинѣ онъ смуглъ; на Малабарѣ почти черенъ. Тѣ же превращенія изъ бѣлыхъ въ темныхъ постигаютъ всѣхъ насъ, кавказцевъ, по мѣрѣ нашего удаленія отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Мало того. Припомнимъ исторію, мы замѣтимъ, что на западѣ Европы у насъ

постепенно исчезаетъ свѣтлый цвѣтъ волосъ и глазъ. Это потому, что цивилизація, смягчая холодъ, искусственно создаетъ здѣсь южный климатъ.

Въ Америкѣ первобытные обитатели блистательно подтверждаютъ разсматриваемый законъ. Эскимосы на сѣверѣ и жители Огненной Земли—бѣлы. У индѣйцевъ кожа тѣмъ темнѣе, чѣмъ ближе къ знойному поясу. Это явленіе обрисовывается рѣзче у Тихаго океана, чѣмъ у Атлантики, такъ какъ въ области перваго климатъ гораздо жарче, чѣмъ въ области втораго. Индѣйцы къ востоку отъ Скалистыхъ горъ подходятъ къ кавказскому типу, на западъ отъ нихъ—къ африканскому. У послѣднихъ оливковая кожа, толстыя губы и плоскій носъ; только волосы у нихъ мягкіе и некурчавые.

Индѣйцы представляютъ еще одинъ любопытный примѣръ. У тѣхъ, которые живутъ на Андскомъ плоскогорьѣ, на высотѣ 10.000 футовъ, туловище особенно длинно. У нихъ сильно развиты легкія, даже по объему. На высотахъ воздухъ разрѣженъ. Поэтому, горцы должны дышать гораздо сильнѣе жителей долинъ.

Строеніе черепа точно также зависитъ отъ климата. Степень его совершенства совпадаетъ съ переходами отъ крайнихъ поясовъ къ умѣренному. Сильный зной или холодъ порождаетъ низшій, безобразный типъ, съ ничтожнымъ лицевымъ угломъ. Исслѣдованіе причинъ этого явленія приводитъ къ новому доказательству въ пользу могущества климата. Неопровержимый фактъ, что не черепъ измѣняетъ видъ мозга, а наоборотъ. Стало-быть, климатъ прежде всего дѣйствуетъ на нашъ мозгъ. Дреперъ поясняетъ многими примѣрами мысль, что «наши занятія, образъ мыслей, а поэтому и чувства зависятъ отъ климата».

Мы уже познакомили читателя съ «историческимъ поясомъ», осью котораго служить январская изотерма 41°. Эта знаменитая линія тепла имѣетъ еще другое значеніе. Она—граница между протестантствомъ и католичествомъ. «Къ югу отъ нея, говоритъ Дреперъ, человѣку необходима обрядность, къ сѣверу—онъ довольствуется болѣе простой и строгою формой богопочитанія». Извѣстный французскій публицистъ, Боденъ, писавшій триста лѣтъ тому назадъ, былъ правъ. Онъ утверждалъ, что правительство должно соответствовать климату: на сѣверѣ нужна сила, въ срединѣ—разумъ, а на югѣ—суевѣріе.

Взглянемъ теперь на Соединенные Штаты съ точки зрѣнія

климатическаго вліянія. Мы видѣли, сколько разнообразія въ ихъ природѣ. По словамъ Дрепера, нужно много лѣтъ и кропотливаго труда ученыхъ, чтобы составить подробную климатическую карту этого сложнаго материка. За Скалистыми горами азіатскій климатъ, въ южныхъ штатахъ—почти тропическій, въ сѣверныхъ—умѣренный. Въ каждой изъ этихъ трехъ климатическихъ областей свои подраздѣленія и свой характеръ.

Южные штаты представляютъ наименѣе разнообразія. Хотя, напримѣръ, Техасъ далеко не похожъ на Флориду, все же здѣсь климатъ довольно ровень. Оттого здѣсь повсюду однородность занятій жителей—обработка хлопка. Вызванное ею невольничество еще болѣе сплотило населеніе. Вліяніе климата ясно отразилось здѣсь и на характерѣ обитателей. Онъ однороденъ, какъ однородны занятія, интересы и стремленія южанъ. Всѣ они одинаково мыслятъ и поступаютъ. Всѣ они какъ бы составляютъ одну родную семью. Поразительная сила этого единства у рабовладѣльцевъ блистательно обнаружилась въ междоусобную войну.

Сѣверные штаты, напротивъ, весьма разнообразны по климату. Проѣхавъ отъ Атлантики до Скалистыхъ горъ, мы испытаемъ четыре климата: сначала умѣренный и влажный воздухъ, потомъ рѣзкіе переходы между временами года, далѣе средняя температура и сухость, наконецъ, зной и полная засуха. Вашингтонъ и Южный Проходъ—это два контраста, это—50 дюймовъ дождя въ годъ и полное отсутствіе влаги, даже росы. Согласно съ этимъ, какое разнообразіе въ занятіяхъ и жизни человѣка на однѣхъ и тѣхъ же параллеляхъ! У береговъ Атлантики преобладаетъ торговля и промышленность, далѣе—обширная область лѣснаго промысла и земледѣлія, у рѣки Миссисипи—скотоводство, за нею—горное дѣло.

Подобныя же смѣны предметовъ труда, только въ обратномъ порядкѣ,—при спускѣ съ Скалистыхъ горъ къ Тихому океану. Сверхъ того, здѣсь мы вступаемъ въ страну, весьма капризную по климату. Сравнительно съ нею, сѣверные штаты—настоящее однообразіе. Великій Бассейнъ—собраніе самыхъ рѣзкихъ и внезапныхъ перемѣнъ въ атмосферѣ. Здѣсь почти другъ подлѣ друга несносный зной и вѣчные снѣга, голыя песчаныя пустыни и непроходимыя болота. Здѣсь могутъ привиться и тропическія, и полярныя растенія. Изучивъ вліяніе климата, Дреперъ снова такъ пророчитъ о судьбѣ Великаго Бассейна:

«На этихъ безконечныхъ равнинахъ и бассейнахъ, на этихъ горныхъ вершинахъ и крутыхъ скатахъ разовьются новыя породы. Изъ такихъ точно странъ Азіи перешли къ намъ наши домашнія животныя, растенія и плоды. Здѣсь мы находимъ американскую Аравію и Персію, американскую Палестину и Татарію. На разстояніи сотенъ тысячъ квадратныхъ миль разстиляется чисто-азиатская природа. На берегахъ она вдругъ превращается въ европейскую. Европа и Азія встрѣчаются лицомъ къ лицу. И человѣкъ, среди этого разнообразія природы, подвергнется превращеніямъ. Такъ какъ при одинаковыхъ условіяхъ онъ является въ одинаковомъ видѣ, то идеи и обычаи Старога Свѣта возродятся здѣсь. Искусства Востока, живописный оріентализмъ Аравіи вновь появятся въ нашихъ внутреннихъ песчаныхъ пустыняхъ. Персидскія поэмы раздадутся въ тѣнистыхъ долинахъ Соноры, а религіозныя стремленія Палестины отразятся въ Новой Мексикѣ».

Но все это въ далекомъ будущемъ. Нынѣ же важнѣе всего другое вліяніе климата въ Новомъ Свѣтѣ. Мы говоримъ о контрастѣ между сѣверными и южными штатами. Онъ такъ силенъ, что породилъ кровавую борьбу и доселѣ составляетъ главный предметъ размышленій ученыхъ и политиковъ республики. Какъ ни разнообразенъ климатъ на обширномъ сѣверѣ, онъ не разбивается его на отдѣльныя, рѣзко очерченныя группы. Различіе между востокомъ и западомъ сравнительно невелико. По температурѣ между Нью-Йоркомъ и Небраской разница всего въ 4°. Несомнѣнно, что, при обыкновенныхъ условіяхъ, между населеніемъ востока и запада установится полная гармонія въ стремленіяхъ и образѣ мыслей.

Совсѣмъ иное отношеніе между сѣверомъ и югомъ. Здѣсь разница въ температурѣ на 33°. А при этихъ условіяхъ, гдѣ бы они ни были, слагаются два противоположныхъ типа народнаго характера и общежитія.

«На сѣверѣ, говоритъ Дреперъ, смѣна зимы и лѣта налагаетъ на человѣка различныя обязанности. Лѣтомъ работаютъ больше на воздухѣ, зимой сидятъ дома. На югѣ работа непрерывна, хотя и однообразна. Сѣверянинъ долженъ сегодня исполнить свой дневной урокъ; южанинъ можетъ отложить его на завтра. Оттого первый—трудолюбивъ и предусмотрителенъ, второй—лѣнивъ и безпеченъ. Лишенный работы въ холодъ, сѣверянинъ предается размышленіямъ о будущемъ: онъ привы-

гаетъ поступать обдуманно и медленно. Южанинъ склоненъ поступать необдуманно, не взвѣсивая послѣдствій. Первый остороженъ, второй пылокъ. Зима съ ея невзгодами доставляетъ сѣверянину величайшее счастье,—внушаетъ ему привязанность къ семьѣ, къ домашнему очагу. При войнѣ это—его слабая струна: захватите его домъ—и онъ побѣжденъ. А южанину мало горя отъ этого. Часть года не получая дани съ природы, сѣверянинъ старается обезпечить себя. Съ другой стороны, онъ довольствуется немногими мыслями, которыя за то обсуждаются съ различныхъ сторонъ. Онъ можетъ страстно привязаться къ одной идеѣ и преслѣдовать ее съ фанатизмомъ. Южанинъ, проводя жизнь подъ открытымъ небомъ, принимаетъ множество идей, но вѣчно мѣняетъ ихъ. Онъ легкомысленъ и незнакомъ съ преданностью. Въ жизни разумъ сѣверянина одолеваетъ восторженность южанина. Оба они равно храбры; но первый побѣдитъ втораго, благодаря своему трудолюбію и выносливости. Чтобы убѣдить того, кто живетъ въ домѣ, нужно обратиться къ его уму. Что же касается человѣка, живущаго подъ открытымъ небомъ,—довольно подѣйствовать на его чувства».

Всѣ эти черты замѣтны въ типахъ сѣверянина и южанина Соединенныхъ Штатовъ. Ниже мы взглянемъ въ нихъ пристальнѣе. Мы представимъ характеристику двухъ враждебныхъ населеній республики. Тогда еще болѣе уяснится законъ климатическаго вліянія.

IV.

Обитатели Америки.—Законы переселенія.

Мы видѣли, что въ Америкѣ человѣкъ появился въ послѣдній геологическій періодъ. Онъ родился такъ же таинственно и развивался такъ же непрерывно, какъ земное поприще его жизни. Мало осталось слѣдовъ его первобытнаго существованія. Мы должны довольствоваться одною научною догадкой.

Развитіе человѣка шло, вѣроятно, изъ Южной, густо-населенной Америки, черезъ Среднюю, на сѣверъ. При открытіи сѣвернаго материка европейцами центръ населенія лежалъ въ Мексикѣ. Здѣсь обитало до пятнадцати милліоновъ людей, достигшихъ высокой цивилизаціи. Подлѣ нихъ расселя-

лись дикіе, кочевые индѣйцы. Сравнительно съ мексиканцами, это племя было незначительно. На постройку одного дворца ацтековъ потребовалось больше народа, чѣмъ все население къ востоку отъ Миссисипи. Тогда не насчитывалось и полумилліона всѣхъ индѣйцевъ. За ними, далѣе на сѣверѣ, шла безлюдная пустыня. Но на ней часто попадались земляныя работы—нѣмые свидѣтели жизни невѣдомыхъ, давно исчезнувшихъ племенъ.

Мы мало понимаемъ нынѣшнихъ мексиканцевъ. Или еще не сложился ихъ національный типъ, или господствующій тамъ хаосъ прикрываетъ разложеніе, историческую смерть. Мексика служитъ загадкой для ученыхъ и тревожитъ политиковъ великой сосѣдней республики. Но индѣйцы—рѣшенный вопросъ въ судьбахъ человѣчества. Они погибнуть, какъ ихъ древніе сосѣди на сѣверѣ. Только на память о нихъ не останется и земляныхъ холмовъ.

Это племя лишено даже задатковъ цивилизаціи. У него нѣтъ ни металлическихъ орудій, ни лошади. Ему знакомы только охота, да рыболовство. Рѣдко гдѣ-нибудь индѣйка, это единственное домашнее животное, вспашетъ землю острыми раковинами или буйволловыми рогами. Индѣйцы полунаги, живутъ въ жалкихъ вигвамахъ, не умѣютъ управляться съ огнемъ и безплодно проливаютъ свою кровь въ вѣчныхъ усобицахъ. Они терпятъ голодъ, стужу, всѣ лишенія безпомощнаго животнаго. У нихъ сильная смертность. Появленіе европейцевъ довершило бѣдствія индѣйцевъ. Кто не чувствуетъ пятна, наложеннаго на Европу и христіанство безчеловѣчіемъ первыхъ переселенцевъ въ Америкѣ? Не такъ давно корыстолюбивый плантаторъ Соединенныхъ Штатовъ попытался поработить уцѣлѣвшихъ индѣйцевъ. Но послѣдній подвигъ европейцевъ не удался. Гордый индѣецъ оказался плохимъ рабочимъ. Сверхъ того, онъ постоянно мстилъ своимъ господамъ и возмущалъ даже негра, этого примѣрнаго раба.

Мы коснулись появленія европейцевъ въ Америкѣ. Собственно они составляютъ націю Соединенныхъ Штатовъ. Никогда въ исторіи вопросъ о переселеніи не имѣлъ такого важнаго значенія. Приступая къ этнографическому очерку заатлантической республики, необходимо оцѣнить законы колонизаціи. Они столь же непреложны, какъ климатическій законъ, который главнымъ образомъ и управляетъ ими.

Прежде всего должно указать на законъ соотвѣтствія климатовъ въ странахъ, между которыми происходитъ переселеніе. Человѣкъ, какъ и всякій организмъ, старается приспособиться къ новой средѣ (акклиматизоваться). Чѣмъ болѣе сходства между его новымъ пріютомъ и родиной, тѣмъ легче удастся ему это. Только въ такомъ случаѣ колонизація успѣшна, и колонисты, въ теченіе многихъ поколѣній, мало отклоняются отъ своего первоначальнаго типа. Противный результатъ получается при значительной разницѣ въ климатахъ.

Примѣръ Соединенныхъ Штатовъ поясняетъ обѣ стороны вопроса.

Взгляните на судьбу негровъ здѣсь. Въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ употреблялись сильныя мѣры къ увеличенію ихъ числа. Ихъ и привозили изъ Африки, и «разводили» въ Виргиніи. Но они распложились гораздо медленнѣе, чѣмъ бѣлое племя. Пропорція такова, что еслибъ она сохранилась, въ концѣ нынѣшняго вѣка было бы 90 милліоновъ бѣлыхъ и только девять милліоновъ цвѣтныхъ. Говоримъ *цветныхъ*, ибо собственно черныхъ набралось бы очень мало. Негрская кровь разбѣдается европейскою. Въ 1850 году мулаты (помѣсь бѣлыхъ съ черными) составляли одну девятую негровъ, въ 1860-мъ—уже одну восьмую.

Есть нѣсколько причинъ медленнаго развитія чернаго племени въ республикѣ; но самая существенная коренится въ климатическомъ законѣ. Черное племя расселено по экватору теплоты, который не соотвѣтствуетъ географическому экватору. Онъ проходитъ по Гвинее и южной границѣ Сахары, по оконечностямъ Остъ-Индіи, по Зондскимъ островамъ и, наконецъ, черезъ Панамскій перешеекъ. Въ Африкѣ и на островахъ Тихаго океана вездѣ по этой линіи встрѣчается типъ негра, хотя не въ одинаковой чистотѣ. Вполнѣ онъ проявляется въ Африкѣ, и именно какъ слѣдствіе отступленія водъ Средиземнаго моря съ песковъ Сахары. Но въ Америкѣ его вовсе нѣтъ, такъ какъ негрскій поясъ, который тянется въ Африкѣ на четыре тысячи миль, проходитъ здѣсь по перешейку шириной всего въ пятьдесятъ миль. А центральная Америка, по своему физическому строенію, противоположна центральной Африкѣ. Караибское море и Мексиканскій заливъ замѣняютъ пески Сахары и полныя мiazмовъ равнины Судана.

Совсѣмъ другая судьба бѣлыхъ переселенцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Они принадлежатъ главнымъ образомъ Великобританіи и Германіи. А изотермы этихъ странъ соотвѣтствуютъ

изотермамъ республики, особенно сѣверныхъ штатовъ. Оттого переселенцамъ легко приспособиться къ новой средѣ *) Здѣсь они здравствуютъ, энергично работаютъ и быстро распложаются. «Годовое приращеніе населенія въ Соединенныхъ Штатахъ, говоритъ Дреперъ, приблизительно втрое больше, чѣмъ въ Пруссіи, въ четыре раза больше, чѣмъ въ Россіи, въ шесть разъ больше Великобританіи, въ девять—Австріи, въ десять—Франціи». Притомъ американцы, въ теченіе многихъ поколѣній, весьма мало отклонились отъ европейскаго типа, да и то скорѣе въ умственномъ и общественномъ отношеніи, чѣмъ въ физическомъ.

Впрочемъ, южные штаты и здѣсь замѣтно отличаются отъ сѣверныхъ. Въ нихъ даже бѣлый терпитъ болѣе превращеній и распложается медленнѣе, ибо ихъ климатъ отступаетъ отъ европейскаго. Укажемъ на любопытный фактъ глубокаго вліянія климата въ этомъ случаѣ. Въ южныхъ штатахъ на десять тысячъ 18-лѣтнихъ бѣлыхъ умираетъ половина ранѣе 37-лѣтняго возраста, а въ сѣверныхъ—эта цифра смертности достигается не ранѣе 43-лѣтняго возраста. Въ возрастѣ до 37 лѣтъ на югѣ умираетъ на 1.500 человекъ болѣе, чѣмъ на сѣверѣ; съ 37 по 50 лѣтъ смертность сильнѣе на сѣверѣ, но лишь на 400 человекъ.

Такимъ образомъ, въ Соединенныхъ Штатахъ населеніе возрастаетъ по направленію къ сѣверу, и особенно къ сѣверо-западу. Дреперъ убѣжденъ, что, слѣдуя его густотѣ, и политическій центръ республики будетъ подвигаться на сѣверо-западъ.

Разсмотрѣнный законъ переселенія касается болѣе физическихъ, чѣмъ духовныхъ условій быта. Укажемъ на другой законъ, который руководитъ умственнымъ движеніемъ. Дреперъ находитъ его у знаменитаго флорентинца эпохи Возрожденія. Макиавелли замѣчаетъ, что въ каждомъ обширномъ обществѣ три разряда людей, отличающихся другъ отъ друга по степени умственнаго развитія. Высшій разрядъ состоитъ изъ немногихъ лицъ, которыя самостоятельно понимаютъ вещи и даже открываютъ новыя точки зрѣнія. Средній, болѣе обширный, живетъ чужимъ умомъ, понимаетъ лишь то, что объяснить ему. Нынѣ онъ главнымъ образомъ руководитъ

*) Говоримъ сравнительно. Само собой разумѣется, что и здѣсь переселенцы сильно мрутъ, пока не придутъ въ соотвѣтствіе съ новою средой. Въ 1830 году на каждый милліонъ населенія въ республикѣ родившихся было вдвое больше, чѣмъ во Франціи; но цифра достигшихъ 26-лѣтняго возраста меньше той же цифры во Франціи, а 46-лѣтнихъ даже вдвое меньше.

ся свободною журналистикой. Низшій, безчисленный разрядъ вовсе ничего не беретъ въ толкъ.

Весь вопросъ состоитъ въ томъ, который изъ этихъ разрядовъ высылаетъ переселенцевъ? Онъ равно важенъ для обѣихъ странъ, между которыми происходитъ колонизація. Онъ рѣшается историческими примѣрами.

Относительно переселеній новое время существенно отличается отъ древняго міра. Это—два противоположныхъ типа. Прежде переселялись племена, теперь отдѣльныя личности. Стало-быть, въ древности перекочевывало цѣлое общество, со всѣми тремя разрядами, на которые оно дѣлится умственно. Въ новое время является подборъ. Конечно, за исключеніемъ особенныхъ причинъ, выселеніе идетъ изъ низшаго, третьяго разряда. Здѣсь, на днѣ общества, всего сильнѣе отражаются всѣ соціальныя невзгоды, весь домашній гнетъ. Здѣсь легко развивается позывъ бѣжать на чужбину за счастіемъ. Послѣдствія личнаго переселенія понятны. Родина эмигрантовъ нисколько не страдаетъ, облегчаясь отъ бремени тупоумныхъ бѣдняковъ. А умственные успѣхи ихъ новаго отечества будутъ медленны и поверхностны.

Процессъ личнаго переселенія сосредоточивается въ Великобританіи. Эта страна такая же всемірная метрополія, какою были нѣкогда Финикія и Греція. Она заселила Сѣверную Америку, Западную и Восточную Индію, Южную Африку, Австралію и Новую-Зеландію. Въ полстолѣтія, по прекращеніи наполеоновскихъ войнъ, она выслала во всѣ эти страны до пяти милліоновъ своихъ сыновъ. Но, между тѣмъ, какъ Финикія и Греція слабѣли, внутренняя сила Великобританіи не только не пострадала, но еще возвысилась. «Ничто не побуждало выселяться изъ нея того, кто предпочитаетъ спокойную жизнь ученаго или ищетъ быстрого отличія въ обществѣ. Переселенцу предстояла трудная борьба съ природой. Истребляй лѣса, вызывай плодородіе земли, заводи города и торговлю! А на родинѣ была старинная и прочная аристократія, установленная церковь съ обширными доходами, законъ первородства. Признанному таланту легко было достигнуть знаменитости». Оттого выходцы изъ Великобританіи принадлежали преимущественно ко второму и особенно третьему разряду общества.

Противоположный примѣръ представляетъ Испанія. Послѣ Колумба, жажда золота и приключеній овладѣла всѣми слоями испанскаго общества. Она преодолевала даже фамильную гор-

дость хидалго. Въ Новый Свѣтъ, въ этотъ рай чувственныхъ наслажденій и неисчерпаемаго богатства, перекочевало множество людей перваго разряда, вліятельныхъ лицъ военнаго, гражданскаго и духовнаго званія. Какъ же отразилось на родинѣ это безумное увлеченіе? «Гдѣ, спрашиваетъ Дреперъ, вся эта предприимчивость, энергія, умъ, которые ставили испанцевъ во главу европейскихъ націй? Утрачены въ пустыняхъ Америки, потоплены въ крови индѣйцевъ. Замѣнила ли Испанія утраченную умственную аристократію? Выселеніе лучшихъ и мужественнѣйшихъ гражданъ породило ея невозвратное паденіе. Обитатели Мексики и Перу были отомщены. Испанія—страна неизлечимо-поврѣжденная».

Подобный же примѣръ, но еще болѣе интересный для насъ, встрѣчаемъ мы въ самихъ Соединенныхъ Штатахъ. Мы уже видѣли, что въ этой юной республикѣ все въ броженіи, въ первоначальномъ процессѣ. Здѣсь же и любопытный образецъ внутренняго переселенія, которое совершается притомъ непрерывно и упорно. Западные штаты заселяются почти исключительно выходцами изъ восточныхъ. Трудно найти болѣе очевидный фактъ. Цифры прямо доказываютъ, что на востокѣ населеніе неподвижно. Напоминая римскій обычай «священной весны», оно высылаетъ свой приплодъ на западъ, гдѣ число жителей возрастаетъ безпримѣрно. Штатъ Вермонтъ подалъ, въ 1860 году, почти такую же перепись, какъ и въ 1850-мъ; а въ Иллинойсѣ, за это же десятилѣтіе, населеніе удвоилось, и этотъ штатъ, вмѣстѣ съ сосѣдними, вскорѣ сталъ житницей Европы. Вообще старые штаты уступили новымъ уже четверть своихъ обитателей. Въ 1850 году въ послѣднихъ изъ четырехъ милліоновъ бѣлыхъ большинство родилось не на мѣстѣ. Конечно, согласно съ законами переселенія и климата, масса выходцевъ съ востока рѣдѣетъ по мѣрѣ удаленія къ западу и распредѣляется по параллелямъ широты.

Западные штаты заселены выходцами изъ всѣхъ трехъ разрядовъ общества. Правда, по этой причинѣ они сразу достигаютъ той степени умственнаго развитія, на которой стоятъ восточные штаты. Но послѣдніе много теряютъ, лишаясь извѣстнаго количества своего разума, которое не замѣняется наплывомъ невѣждъ изъ Европы. Дреперъ принужденъ указать на печальное для его отечества послѣдствіе этого факта,—на «умственный застой или замедленіе того развитія, котораго иначе могли бы

достигнуть Соединенные Штаты». Вотъ любопытное признаніе американскаго историка по этому поводу.

«Справедливо замѣчаніе, что наше матеріальное благосостояніе подвигается неравномѣрно съ умственнымъ развитіемъ.... Наша журналистика, критика, наше воспитаніе свидѣтельству ютъ о гнетѣ, который тяготѣетъ надъ нами. Да, мы въ такомъ положеніи, что дѣйствительно не можемъ выгодно воспользо ваться обладаемымъ знаніемъ. Вотъ примѣры. Въ Виргиніи план таторъ разводитъ табакъ на землѣ до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не истощитъ ея. Какое ему дѣло до земледѣльческой химіи, со всѣми ея великими открытіями? Положимъ, на удобреніе испор ченной земли требуется по пятисотъ долларовъ на акръ; а онъ можетъ купить на западѣ дѣвственную почву всего по доллару съ четвертью за акръ.... То же и въ дѣлѣ воспитанія. Многіе весьма умные люди отзываются о немъ съ презрѣніемъ, не замѣчая скрытаго гнета, который подавляетъ его. Низкое состояніе нашего воспитанія нынѣ неизбежно. Размноженіемъ школъ не поправишь зла. Онѣ будутъ только соперничать между собой въ нищетѣ. Въ ближайшее время въ нашихъ школахъ будетъ поверхностное обученіе, которое, по свидѣтельству европейской статистики, не уменьшаетъ, а скорѣе увеличиваетъ безнрав ственность. Мы должны пройти чрезъ временное зло, чтобъ оконча тельно достигнуть блага».

Разсматриваемый законъ переселенія долженъ еще сильнѣе отразиться за Скалистыми горами. По словамъ Дрепера, здѣсь «минеральное и земледѣльческое богатство такъ обширно, запросъ на трудъ такъ великъ, вознагражденіе за него такъ высоко, самъ онъ такъ производительнъ,—что все это не можетъ не подѣй ствовать на неподвижныя азіатскія племена. Китайскіе выходцы въ Калифорніи—только предвѣстники будущаго». Въ 1860 году ихъ было уже до 35.000. Но изъ Китая, Индіи и Японіи при дутъ подонки общества, лишніе люди изъ третьяго разряда. Они задержатъ умственное развитіе Великаго Бассейна. Мало того. Они принесутъ съ собой не европейскую, а болѣе низкую цивилизацію Востока. Въ Утѣ уже укоренилась система много женства. И нѣкоторые политики уже «видятъ въ ея распростра неніи рѣшеніе страшнаго задачи смѣшенія племенъ Тихаго океана. Какъ сарацины арабизовали сѣверъ Африки въ немного лѣтъ, такъ, по ихъ мнѣнію, возможно обамериканитъ эти племена».

Ограничимся главными законами переселенія, указанными въ

этой главѣ. Ихъ достаточно для пониманія національныхъ чертъ, объясняющихъ судьбу Соединенныхъ Штатовъ.

У.

Образованіе американской національности.

Подъ вліяніемъ законовъ климата и переселенія, въ Сѣверной Америкѣ образовалась новая національность. Хотя въ ней очевидны фамилыя черты европейскихъ націй, тѣмъ не менѣе это—своеобразный типъ. Онъ запечатлѣнъ особымъ характеромъ и особою формой общежитія. Онъ самъ окрестилъ себя новымъ именемъ *американца* или *янки*. Вглядимся въ этотъ типъ. Процессъ его образованія прежде всего послужитъ къ его уясненію.

Мы видѣли, что съ самаго начала туземцевъ не насчитывалось и полмилліона. Сверхъ того, ихъ ослабляла раздробленность. Почти полсотни племенъ вѣчно враждовали между собой. У нихъ не было прочнаго политическаго устройства. Глава племени не отличался ни личными достоинствами, ни знатностью происхожденія. Его только терпѣли, какъ необходимое зло. Жизнь не обуздывалась закономъ. Всякое стѣсненіе и повиновеніе считалось излишнимъ и несноснымъ. Лишь ничтожныя задатки гражданственности замѣчались къ востоку отъ Миссисипи. Здѣсь зарождались мирныя стремленія и союзы племенъ, какъ у германцевъ съ III вѣка по Р. Х. На югѣ, подъ вліяніемъ климата, возникалъ аристократизмъ. Первые миссіонеры рассказываютъ, что здѣсь индѣйцы были гораздо образованнѣе, чѣмъ у великихъ озеръ и въ Новой-Англіи. У нихъ избы были хорошо выстроены и красиво убраны. Общественныя событія праздновались съ большою церемоніей. Сановники одѣвались въ бѣлое платье. Слуги шли за ними съ опахалами изъ бѣлыхъ перьевъ.

Ясно, что въ типѣ американца не могла отразиться ни одна черта туземнаго племени. Индѣйцы не могли оставить не только умственныхъ, но и физическихъ слѣдовъ. Многоженство, грязная жизнь мужчинъ и женщинъ, спавшихъ вповалку въ дымномъ вигвамѣ, частый голодъ, при которомъ убивали старыхъ и больныхъ, обычай класть въ могилу живаго ребенка вмѣстѣ съ умершею матерью—все это и безъ войны губило индѣйцевъ.

А затѣмъ пришли европейцы, изъ которыхъ первые, испанцы, прославились охотой за краснокожими съ дѣвками и гончими собаками.

Итакъ, національность американцевъ—плодъ переселеній. Въ теченіе четырехъ вѣковъ, въ Сѣверную Америку стремились выходцы изъ всѣхъ странъ Европы. Съ каждымъ годомъ ихъ прибывало все болѣе и болѣе. Такъ въ 1784—1819 годахъ явилось 250.000 выходцевъ, а въ 1819—1855 годахъ уже четыре съ четвертью милліона. Весьма трудно среди этой «смѣси племенъ, нарѣчій, состояній» прослѣдить черты разсматриваемаго типа до ихъ первоначальнаго источника. Къ счастью, задача облегчается рѣшительнымъ преобладаніемъ одного племени, что доказывается уже господствомъ одного языка, какъ національнаго. Поэтому ограничимся немногими словами о всѣхъ выходцахъ, кромѣ великобританскихъ.

Эта часть переселенцевъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ шведовъ, голландцевъ, нѣмцевъ, испанцевъ и французовъ. Отъ шведовъ не осталось никакихъ слѣдовъ. Голландцы представляютъ любопытный примѣръ устойчивости духовнаго типа. Они легко слились съ англичанами физически; но верхній слой ихъ общества сохранилъ свои особенности, благодаря обширнымъ земельнымъ владѣніямъ. «Эти семьи, говоритъ Дреперъ, удержавшія свои старыя имена, и понынѣ образуютъ въ Нью-Йоркѣ мѣстную аристократію, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Это—ядро, вокругъ котораго сосредоточивается все, достойное уваженія въ обществѣ. Голландцы неизмѣнно отстаивали интересы религіи, порядка, образованія. Они вполне посвятили себя подвигамъ патріотизма и благотворительности».

Но вліяніе голландцевъ все-таки мѣстное, не глубокое. Гораздо важнѣе нѣмцы. Вообще сочувствуя этой націи, Дреперъ приписываетъ ей не только количественное (послѣ Великобританіи, всего болѣе высылаетъ эмигрантовъ Германія), но и качественное значеніе. Лучшіе изъ нѣмцевъ приносили съ собой идеи, которыя ставили ихъ на одинаковый уровень образованія съ американцами. Правда, такихъ было очень мало. Масса была бѣдна и груба. Но она отличалась «терпѣніемъ, трудолюбіемъ, духомъ свободы и независимости».

Впрочемъ, вопросъ о нѣмецкой эмиграціи такъ важенъ, что просимъ позволенія у читателей привести здѣсь мнѣніе компетентнаго судьи. Оно принадлежитъ Фридриху Ваппу, одному

изъ талантливыхъ писателей современной Германіи. Каппъ—самъ старшій эмигрантъ въ Америкѣ. Онъ сохранилъ горячую любовь къ покинутой родинѣ и нынѣ занимается исторіей своихъ соплеменниковъ въ Америкѣ. Приводимая нами выписка относится къ одному изъ послѣднихъ сочиненій этого автора, извѣстнаго своей «Исторіей невольничества въ Соединенныхъ Штатахъ».

«Правда, масса переселенцевъ изъ низшаго класса народа не могла быть представительницей отечественной цивилизаціи. Она скорѣе олицетворяла нѣмецкую нужду, нѣмецкій партикуляризмъ, сбродъ нѣмецкихъ нарѣчій и самыхъ вѣшнихъ привычекъ,—словомъ грубый, свѣжій матеріалъ. Но она принесла съ собою богатый запасъ физическаго и нравственнаго здоровья и прежде всего терпѣніе, бодрость духа, умѣренность и осѣдлость,—элементы, чуждые англо-саксонскому племени (!) и образующіе истинную закваску народовъ съ великою будущностью». Въ этихъ словахъ очевидна патріотическая натяжка. Важнѣе указанія Каппа на могущественное вліяніе американской среды на нѣмцевъ. «Въ борьбѣ съ природой, съ неограниченнымъ соперничествомъ, въ германцѣ пробудилось не менѣе, чѣмъ въ англо-саксонцѣ, чувство самостоятельности, инициативы. Избавившись отъ политическаго и общественнаго гнета, томившаго его на родинѣ, нѣмецъ, это подобіе забитаго животнаго, становится самостоятельнымъ человѣкомъ. Онъ способствуетъ образованію новой великой національности. Но собственно *нѣмецкая душа давно умерла*, и лишь кое-гдѣ еще проглядываетъ нѣмецкій типъ *)».

Обращаемся къ испанскимъ и французскимъ выходцамъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Хотя испанцы—первые, по времени, поселенцы, однако они немного выше шведовъ и голландцевъ, по значенію. Для исторіи важно только ихъ порабощеніе Мексики, которое отразилось въ обоихъ полушаріяхъ. Въ Новомъ Свѣтѣ оно разрушило туземную цивилизацію и помогло истребленію индѣйцевъ; въ Старомъ—оно потрясло вѣковую систему торговли и денежнаго рынка. Но въ Соединенныхъ Штатахъ испанцы не могли основать ничего прочнаго. Ими руководила вспышка страсти, подо-

*) Fr. Kapp: Geschichte der deutschen Einwanderung in Amerika. I Bd. Leipzig. 1868.

грѣтой Франціей. Ихъ увлекала дивная природа, да рассказы туземцевъ о фонтанахъ неувядаемой юности, о волшебныхъ рѣкахъ, текущихъ по золотоноснымъ долинамъ. Оттого испанцы не пошли дальше мексиканскаго архипелага и Флориды. Цѣлью ихъ изслѣдованій прибрежья залива была добыча сокровищъ. Они никогда не думали серьезно о прочномъ заселеніи страны— и на ней не запечатлѣлись ихъ слѣды.

Совсѣмъ другой видъ представляютъ поселенія французовъ. Въ нихъ отразились и блестящія дарованія, и недостатки этой націи. Больше другихъ народовъ, съ рѣдкою проницательностью и быстротой, овладѣли французы главными пунктами территории. Казалось, эти ловкіе и энергическіе люди навсегда останутся хозяевами въ новомъ великомъ государствѣ. Но они скоро сошли на второй плацъ. Геніальный французскій порывъ, натискъ, сдѣлалъ свое дѣло; французскій недостатокъ стойкости, выдержки, разрушилъ его.

Испанцевъ завлекала романтическая фантазія, французовъ— весьма прозаичная, но выгодная ловля трески, которая, по неспособности переплыть гольфштромъ, огромною массою скопляется у Нью-Фаундленда. Съ этого острова французская колонизація быстро проникла въ глубь материка. Она захватила Канаду и всю Миссисипи, до устья. Впереди шли, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, миссіонеры. Индѣйцы безпощадно убивали ихъ, сдирали съ живыхъ кожу, жгли на смолѣ, обваривали кипяткомъ. Но какъ только погибалъ одинъ проповѣдникъ, тотчасъ же другой занималъ его мѣсто. За миссіонерами потянулись бодрые купцы и промышленники, назвавшіе долину Миссисипи *Луизианой*, въ честь своего короля Лудовика XIV. Но поразительная энергія французской колонизаціи не увѣнчалась прочнымъ успѣхомъ. Знаменитые подвижничествомъ миссіонеры не просвѣтили индѣйцевъ христіанствомъ, тогда какъ испанскіе іезуиты въ Южной Америкѣ окрестили 1.600.000 дикарей изъ 1.700.000. Причина ясна: въ Южной Америкѣ дикари жили сплоченно, а въ Сѣверной они были разсѣяны крошечными поселеніями по громадному материгу, среди дѣвственной природы.

Значеніе французской колонизаціи сводится къ географическому изслѣдованію длинной полосы земли по рѣкамъ св. Лаврентія и Миссисипи. Она погибла въ неравной борьбѣ съ британскими выходцами. Послѣдніе побѣдоносно пробили цѣпь

(Миссисипи) съ двумя замками (Канада и Луизиана), которую французы хотѣли сковать ихъ въ узкихъ предѣлахъ между Алеганами и Атлантикой. Въ 1763 году французы принуждены были уступить Канаду англичанамъ, а Луизиану—испанцамъ. Послѣднюю Наполеонъ I успѣлъ отнять у Испаніи, но лишь для того, чтобы продать ее Соединеннымъ Штатамъ за 15 милліоновъ долларовъ, изъ опасенія, какъ бы англичане не завладѣли ею.

VI.

Значеніе британской колонизаціи.—Характеристика американской національности.

Въ созданіи національности американцевъ первое мѣсто принадлежитъ выходцамъ изъ Великобританіи. Въ ихъ рукахъ вся будущность Соединенныхъ Штатовъ. Ихъ физическій и духовный типъ послужилъ связью разноплеменнымъ переселенцамъ. Онъ превратилъ ихъ въ *американцевъ*, которые говорятъ англійскою рѣчью и носятъ на себѣ ясный отпечатокъ англосаксонскаго племени.

Британцевъ привлекъ въ Америку табакъ. Сначала онъ цѣнился такъ высоко, что игралъ роль ходячей монеты. Если основатели Рима похищали себѣ женъ у сабинцевъ, то основатели Соединенныхъ Штатовъ покупали ихъ цѣной табака. За невзрачную соотечественницу они платили 120, за пригожую—150 фунтовъ драгоцѣнной травы, которая тогда была открыта на островѣ Табаго и введена въ моду извѣстнымъ Вальтеромъ Ралеемъ. Этотъ старѣйшій слой британской колонизаціи осѣлся въ Виргиніи, которая почитается зерномъ *южныхъ* штатовъ. Вслѣдъ за тѣмъ новые выходцы изъ Англій основали Массачузетъ—зерно *сѣверныхъ* штатовъ.

Передъ нами замѣчательный примѣръ образованія общественныхъ типовъ. Ихъ зарожденіе обыкновенно скрыто въ сумеркахъ исторіи, въ неясныхъ намекахъ преданія и религіи. Здѣсь же историческое творчество совершается наглядно. Мы уже знаемъ главное различіе въ климатѣ Соединенныхъ Штатовъ, который дѣлитъ ихъ на сѣверные и южные. Мы встрѣтили различіе въ бытѣ индѣйцевъ, населявшихъ ту и другую

часть этой обширной земли. Тотъ же законъ управлялъ свропейскою колонизаціей при первомъ ея появленіи. На югъ шли исповѣдники католической и англиканской церкви, на сѣверъ— протестантскіе раскольники, въ особенности пуритане. Въ XVII вѣкѣ, во время междоусобныхъ войнъ въ Англіи, приверженцы королевской власти стремились на югъ, царубійцы—на сѣверъ. «Рычагомъ южно-американской колонизаціи, говорить Дреперъ, сдѣлался аристократизмъ, который искалъ матеріальныхъ выгодъ въ табачной промышленности и въ спекуляціяхъ землей. А колонизацію сѣвера, съ ея пуританскимъ ученіемъ, вдохновилъ отвлеченный принципъ—свобода мысли, идея республики и прогресса».

Упорныхъ, горныхъ демократовъ сѣвера не могло коснуться влияние вѣковыхъ предразсудковъ и учреждений Англіи, отъ которыхъ они бѣжали. А на югѣ тотчасъ же прокрались стремленія страны лордовъ. Среди англійскихъ вельможъ составилось общество, въ родѣ Остъ-Индской Компаніи, получившее отъ короны владѣтельные права на весь югъ, отъ Атлантическаго до Тихаго океана. Оно могло учреждать новыя государства и возводить въ дворянство своихъ подданныхъ. Знаменитый философъ Локкъ сочинилъ ему конституцію заморскаго государства, основанную, конечно, на аристократическихъ началахъ. Правда, этотъ старый, англійскій, аристократизмъ рухнулъ здѣсь, но онъ расчищалъ почву для новаго, американскаго, аристократизма на югѣ.

Различіе, легшее въ основаніе двухъ обществъ, тотчасъ же отразилось во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ и создало два противоположныхъ типа.

И сѣверные, и южные колонисты одинаково стремились къ распространенію своихъ земель и своего вліянія, но дѣйствовали различно. Сѣверные начали съ того, что быстро приняли мѣры къ объединенію. Оно дало имъ возможность порвать французскую цѣпь, отдѣлявшую ихъ отъ Миссисипи. Тогда-то естественное стремленіе сѣверныхъ колоній къ распространенію на западъ проявилось съ полною силой. Именно въ 1787 году явился замѣчательный законъ, въ главномъ сохранившійся доселѣ. Онъ былъ великою программой, по которой совершалось территоріальное развитіе и устройство республики *). Его вы-

*) Изъ него многое вошло въ конституцію Соединенныхъ Штатовъ,—между

звала уступка Виргиніей Союзу огромной земли, изъ которой образовались штаты: Огіо, Индіана, Иллинойсъ, Мичиганъ и Висконсинъ. Назовемъ его закономъ *территорій*.

Доселѣ всякая новая земля, заселенная гражданами Соединенныхъ Штатовъ, проходитъ черезъ степенъ *территоріи*, прежде чѣмъ станетъ штатомъ. Территорія управляется губернаторомъ и тремя судьями, по назначенію конгресса. Эти лица выбираютъ изъ законодательства старыхъ штатовъ тѣ постановленія, которыя считаютъ пригодными. Но всѣ распоряженія губернатора поступаютъ подъ контроль гражданъ, какъ только число ихъ достигаетъ пяти тысячъ. Тогда они избираютъ генеральное собраніе, которое служитъ мѣстной законодательной властью и посылаетъ въ конгрессъ депутата съ совѣщательнымъ голосомъ, какъ ходатая за интересы территоріи. Союзъ доставляетъ территоріи много благодѣтельныхъ правъ. Онъ вводитъ свободу совѣсти и мысли, личную неприкосновенность (*Habeas-Corpus-Act*), судъ присяжныхъ. Онъ обезпечиваетъ ненарушимость контрактовъ, свободное плаваніе по рѣкамъ и содержаніе школъ. За все это территорія навсегда подчиняется верховной власти конгресса, который безконтрольно отводитъ въ ней земли новымъ поселенцамъ. Она участвуетъ въ общихъ налогахъ Союза. Она можетъ образовать не менѣе трехъ и не болѣе пяти территоріальныхъ штатовъ. Когда въ одномъ изъ послѣднихъ будетъ 60.000 жителей, онъ посылаетъ въ конгрессъ депутатовъ и формально становится новымъ *штатомъ* Союза. «Всякое рабство или кабала воспрещается въ предѣлахъ территоріи».

Понятно, что при такомъ либеральномъ и разумномъ устройствѣ, заселеніе сѣверо-западныхъ штатовъ изъ восточныхъ шло успѣшно, какъ мы уже видѣли. Но должно замѣтить, что, при всемъ томъ, оно было сравнительно медленно. Причиной этого было основаніе большихъ городовъ, которое задерживало свойственную колонизаціи силу расширенія. Имѣло вліяніе также и разнообразіе занятій сѣвернаго населенія. Хлѣбопашество, разработка копей, рыбная ловля, мануфактуры,

прочимъ, знаменитое обезпеченіе правъ и собственности частныхъ лицъ, котораго нѣтъ ни въ одной конституціи въ мірѣ. Оно состоитъ въ томъ, что «впредь *никогда* не будутъ изданы законы, которые нарушали бы или ослабляли частные договоры, заключенные съ вѣдомъ и довѣрія сторонъ, безъ обмана».

машинное производство, торговля—все было въ рукахъ сѣверянъ. Впрочемъ, если народонаселеніе распространялось медленно, за то оно развивалось основательно. Подвигаясь впередъ, оно не оставляло за собой опустошенныхъ полей. Собственно говоря, оно не расселялось, а наростало. Разъ занятая земля оставалась въ прочномъ владѣніи. Не пропадало ни клочка земли.

Совсѣмъ иначе поступали южныя колоніи при своемъ распространеніи на юго-западъ. Здѣсь заселеніе ближайшихъ пустырей шло быстро. Кромѣ табака и хлопка, здѣсь матеріальное развитіе колонистовъ основывалось на приобрѣтеніи обширныхъ земель. Это явленіе объясняется экономическимъ положеніемъ страны. вмѣсто разнообразія промысловъ, замѣченнаго на сѣверѣ, мы встрѣчаемъ на югѣ сосредоточеніе всѣхъ силъ на одной формѣ производства. Плантаціи, съ ихъ рабскимъ трудомъ, были такъ прибыльны, что подавляли всякія другія занятія. Онѣ развивали потребность въ свѣжей землѣ и въ сельскомъ бытѣ. Населеніе не стремилось къ сосредоточенію въ извѣстныхъ пунктахъ. Городовъ было здѣсь гораздо меньше, чѣмъ на сѣверѣ, и они не отличались многочисленностью. Естественно также, что здѣсь мало дорожили землей. Между тѣмъ какъ на сѣверѣ не пропадало ни клочка земли, на югѣ мы встрѣчаемъ множество «старыхъ полей». Такъ называются бывшія плантаціи, которыя, по истощеніи почвы, возвращались природѣ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Такимъ образомъ, распространеніе южной колонизаціи происходило вовсе не отъ избытка населенія. Слѣдствіемъ его была убыль въ числѣ жителей старыхъ штатовъ.

Изъ британской колонизаціи быстро сложились два общественныхъ типа, противоположныхъ другъ другу. На югѣ царствовала патріархальность. Основой быта послужили семья и село. Плантадоры жили среди своихъ обширныхъ полей отдѣльными родами, изъ коихъ каждый былъ словно самостоятельное государство. Въ нихъ развивалось чувство независимости и семейной гордости, которая спасала ихъ и отъ смѣшенія съ неграми, и отъ прилива европейской эмиграціи. «Разбросанная жизнь въ плантаціяхъ, говоритъ Дреперъ, содѣйствовала образованію тѣсныхъ кружковъ, среди которыхъ заключались всѣ браки. Оттого часто встрѣтишь замѣчаніе, что на югѣ всѣ сродни другъ другу. Черты лицъ бѣлокожихъ становились здѣсь, съ теченіемъ времени, все болѣе рѣзкими и исключительными. Эту односторонность населенія усиливало однообразіе интере-

совъ. Здѣсь общественная мысль всегда была направлена въ одну сторону, а рабство представляло общую политическую связь... Общество находилось въ состояніи покоя. Плантаторы были очень гостепріимны и горды. Весьма немногимъ изъ нихъ, самымъ богатымъ, удалось побывать за границей. Не зная искусственныхъ потребностей образованнаго міра, они довольствовались своимъ жребіемъ, воображая, въ простотѣ своего сердца, что нѣтъ ничего лучше на свѣтѣ. Молодежь не гнушалась сельской обстановкой и не стремилась въ города, чтобы тамъ поскорѣе нажиться».

«У насъ нѣтъ городовъ, говоритъ южный писатель Вайтъ, но за то у насъ хорошее сельское населеніе. Оно воспитано въ уединеніи, умѣетъ наслаждаться благами жизни, оставаясь, однако, вѣрнымъ своимъ общественнымъ нравамъ. У насъ богатство не сосредоточено въ рукахъ крупныхъ фирмъ, но за то довольство распространено между частными лицами. Механическія приспособленія мало намъ извѣстны. Мы находимъ себѣ работу болѣе выгодную, чѣмъ строить машины. Торговли у насъ нѣтъ, хотя торговля цѣли все-таки достигаются. Есть у насъ и рабы, которые живутъ подъ родительскимъ попеченіемъ, есть и господа, у которыхъ довольно досуга, чтобы совершенствоваться умственно и нравственно, изучать философію и политику».

На сѣверѣ совсѣмъ другой общественный типъ. Здѣсь господствуетъ столичный бытъ Европы, — эта высшая ступень цивилизации, со всѣми ея достоинствами и недостатками. Онъ только развивается здѣсь свободнѣе и шире, чѣмъ въ Старомъ Свѣтѣ. Семьи почти пѣтъ. Вся жизнь—какое-то общественное учрежденіе. Нѣтъ и сословныхъ различій. Печать гордости, свободы и самостоятельности лежитъ на самомъ жалкомъ нищемъ. Жизнь летитъ быстро, словно на парахъ. Паръ и машины, дѣйствительно, овладѣли человѣкомъ и сообщили ему лихорадочную дѣятельность. «На сѣверѣ, говоритъ Дреперъ, все населеніе находилось въ непрерывной дѣятельности. Оно не отдыхало ни въ физическомъ, ни въ умственномъ отношеніи. По всѣмъ направленіямъ возникали великолѣпные города. По всей странѣ были проведены каналы, желѣзныя дороги и телеграфы. Гдѣ только возможно было судоходство, были заведены рѣчные пароходы. Банковыя, мануфактурныя и коммерческія общества нерѣдко сосредоточивали въ своихъ рукахъ милліоны. Появились

всякаго рода ассоціаціи, съ благотворительными, религіозными и педагогическими цѣлями. Церквей, госпиталей, школъ, было въ изобиліи. По заграничной торговлѣ Сѣвероамериканскіе Штаты соперничали съ самыми могущественными государствами Европы».

Но въ этой быстрой, величественной жизни рѣзко выступают и недостатки высшей цивилизаціи. Югъ, съ своими опорами, землей и покорнымъ негромъ, представляетъ прочное зданіе. Сѣверъ, кажется, можетъ рухнуть отъ малѣйшаго потрясенія. А взрыва жди ежеминутно. Здѣсь между богатствомъ и нищетой бездна, не прикрытая патріархальностью отношеній. Здѣсь, по словамъ Дрепера, «семейныя узы были ослаблены. Дѣти покидали свой родной кровъ, чуть только становились способными заботиться сами о себѣ. Жизнь становилась какимъ-то бивуакомъ. Богатство сдѣлалось всеобщимъ идоломъ. Такъ какъ всѣ были равны и только богатство доставляло преимущества, то оно и стало единственною мѣркой людей. Повсемѣстно проявлялось непреодолимое стремленіе къ раздробленію собственности».

Ниже (въ XIV и XV главахъ) мы встрѣтимся съ взаимными обвиненіями сѣверянъ и южанъ. Отбросивъ преувеличенія, внушенные враждой, читатель найдетъ въ нихъ нѣсколько вѣрныхъ чертъ, которыя дорисуютъ ему два общественныхъ типа въ Соединенныхъ Штатахъ. Теперь же укажемъ на вытекающее отсюда умственное различіе между сѣверомъ и югомъ.

На сѣверѣ пуритане, замѣчая усиленіе національной церкви въ Англіи, старались основать, для борьбы съ нею, собственную, независимую литературу. Отсюда дѣятельное учрежденіе школъ, академій, университетовъ и сильное покровительство домашнему образованію. Здѣсь явился первый университетъ, первая типографія, первая газета. Югъ во всемъ этомъ отсталъ отъ сѣвера. А когда и здѣсь зародилось образованіе, оно приняло совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ тамъ. Пуритане, по необходимости, должны были обратить особенное вниманіе на изученіе богословія, къ которому присоединялись также классическіе языки. Заботясь о благосостояніи своей церкви, они поставляли главною цѣлію своихъ университетовъ приготовленіе способныхъ и ученыхъ пасторовъ. Напротивъ, южане, придерживаясь епископальной церкви, вовсе не заботились о своемъ духовенствѣ, которое доставляла имъ Англія. Воспитаніе юношества точно также находилось здѣсь подъ вліяніемъ Англіи. Между тѣмъ

какъ сѣверный учитель приготовлялся дома, южный воспитывался въ Оксфордѣ и Кембриджѣ. И въ то время, какъ на сѣверѣ преобладало богословіе, на югѣ главнымъ занятіемъ образованныхъ людей были медицина и законовѣдніе. Последнее обстоятельство имѣло большое политическое значеніе. Южане, какъ люди болѣе свѣтскіе и дѣловые, съ болѣе широкимъ умственнымъ развитіемъ, чѣмъ сѣверяне, пользовались сильнымъ вліяніемъ на общественныя дѣла въ эпоху революціи. И въ первыя времена республики президенты выбирались преимущественно изъ нихъ. Управление страной долго было въ рукахъ искусныхъ адвокатовъ невольничества.

Въ заключеніе познакомимъ читателя со взглядомъ Дрепера на два общественные типа, которые мы пытались характеризовать. Онъ видитъ въ нихъ плодъ этнографическихъ, и особенно физическихъ, условій страны. Въ его глазахъ они такъ разительно отличны другъ отъ друга, что онъ обозначаетъ особыми названіями сущность того и другаго. Сѣверъ—воплощеніе идеи *индивидуализма*. Здѣсь крайнее развитіе личности, которая находится въ вѣчной борьбѣ за свое существованіе. Она носится шуйлиной въ вихрѣ такихъ же стремленій милліоновъ другихъ личностей. Оттого жизнь на сѣверѣ—непрерывная цѣль общественныхъ интересовъ. То же и въ политикѣ. Тамъ эти общественныя связи приняли форму всеобщаго стремленія къ единству, къ централизаціи. Югъ—воплощеніе идеи *независимости*. Здѣсь каждая семья живетъ уединенно, замкнуто. Человѣкъ чувствуетъ себя прикованнымъ только къ себѣ самому или къ своимъ роднымъ. Онъ ничѣмъ не обязанъ чужимъ и не понимаетъ общественныхъ интересовъ. Въ политикѣ эта независимость, отчужденность отъ всѣхъ выразилась въ отступничествѣ (сепаратизмѣ). Южане вѣчно мечтаютъ о такихъ широкихъ правахъ своего отдѣльнаго штата, при которыхъ онъ сталъ бы независимымъ государствомъ. Имъ дѣла нѣтъ до остальныхъ штатовъ, до цѣлаго политическаго тѣла.

Дреперъ видитъ недостатки и въ идеѣ индивидуализма, и въ идеѣ независимости, но онъ рѣшительно отдаетъ преимущество первой. «Пожалуй, говоритъ онъ, можно усомниться, въ состояніи ли общество, основанное на равной свободѣ всѣхъ, и даже женщинъ, достигнуть надлежащей прочности и держаться на одинаковомъ нравственномъ уровнѣ съ обществами, въ которыхъ семейное начало служитъ существеннымъ элементомъ.

Но невозможно отрицать, что *подобныя общества способны достигать самую могущественную развитію*.... Наука развиваетъ индивидуализмъ, побуждаетъ каждаго къ самосовершенствованію, научаетъ собственными силами создавать свое благосостояніе. Во всей Европѣ народный прогрессъ сталъ истинно-изумительнымъ съ тѣхъ поръ, какъ пали всѣ преграды, искусно созданныя старымъ порядкомъ вещей, и каждый началъ думать и работать самъ за себя. Индивидуализму же обязаны и Соединенные Штаты своимъ нынѣшнимъ развитіемъ».

Дреперъ съ любовью слѣдитъ повсюду за индивидуализмомъ. Онъ посвящаетъ цѣлую главу его распространенію въ Англіи, откуда переселенцы принесли его уже развитымъ. Дреперъ видитъ весь смыслъ исторіи Великобританіи въ развитіи индивидуализма. «Пока, говоритъ онъ, этотъ принципъ не вошелъ въ силу, нація была чужда прогресса. Какъ только преданность королю и церкви, которая сначала управляла жизнью народа, уступила мѣсто индивидуализму, какъ только каждый человѣкъ получилъ возможность свободно двигаться на своемъ пути,—развитіе пошло быстрыми шагами. Всѣ позднѣйшія революціи Англіи служили выраженіемъ того же самаго принципа, равно какъ и религиозная революція (т. е. реформація)».

VI.

Послѣдній колониальный періодъ.—Идея независимости.—
Франклинъ.

Мы видѣли важнѣйшіе законы, которые управляютъ дѣятельностью человѣка вообще и переселеніями въ особенности. При ихъ свѣтѣ, мы познакомились съ физическими и этнографическими свойствами Сѣверной Америки и съ двумя общественными типами Соединенныхъ Штатовъ. Все это служить къ раскрытію смысла историческаго развитія великой республики. Намъ остается намѣтить, въ краткихъ очеркахъ, главные событія въ жизни Соединенныхъ Штатовъ, отъ ихъ основанія до междоусобной войны.

Эта задача сравнительно легка. Трудно впасть въ ошибку при оцѣнкѣ и группировкѣ событій исторіи Соединенныхъ Штатовъ. Они, такъ-сказать, сами собой нанизываются на одну великую

идею, которая, какъ плодъ физическихъ и этнографическихъ условій страны, сопровождаетъ каждый шагъ республики. Эта идея—соперничество между Сѣверомъ и Югомъ, борьба между принципами свободы и единства съ одной стороны, рабства и отступничества—съ другой.

Какъ рано и серьезно началась вражда между Сѣверомъ и Югомъ, доказываетъ вопросъ о Миссисипи. Приобрѣтеніе этой рѣки имѣло такое же рѣшительное значеніе для южныхъ штатовъ, какъ законъ территорій 1787 года—для сѣверныхъ. Теперь всякому понятно, что безъ Миссисипи сѣвероамериканская республика не достигла бы своего величія. Но при основаніи Соединенныхъ Штатовъ весьма многіе думали совсѣмъ иначе. Тогда съ презрѣніемъ относились къ «заднимъ выселкамъ» (back-settlements), т. е. къ скуднымъ колоніямъ за Аллеганями. Такой представитель общественнаго мнѣнія, какъ Вашингтонъ, считалъ владѣніе рѣкой Миссисипи скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ. Онъ боялся, какъ бы оно не повело къ отдѣленію западныхъ колоній отъ старыхъ приатлантическихъ штатовъ. Онъ заботился только объ этомъ побережьи и не мечталъ объ основаніи огромной материковой республики. Но южные штаты, откуда прежде всего выдвигались выселки по направленію къ Миссисипи, требовали приобрѣтенія этой рѣки. Когда, въ 1785 году, приступили къ переговорамъ съ Испаніей о свободномъ плаваніи по Миссисипи, Сѣверъ соглашался на торговый договоръ, выгодный только для него, да для Мадрида. Югъ счелъ это вызовомъ къ открытой враждѣ и выставялъ себя жертвой алчности сѣверянъ. Вопросъ о Миссисипи былъ оконченъ тѣмъ, что французы приобрѣли ее у испанцевъ и продали Соединеннымъ Штатамъ.

Это великое событіе въ исторіи республики совершилось только потому, что тогда президентомъ былъ южанинъ, знаменитый Джефферсонъ. Онъ преодолѣлъ всѣ препятствія, которыя все еще ставили сѣверяне. Но этотъ успѣхъ не могъ подавить въ душѣ южанъ враждебнаго чувства къ своекорыстнымъ сѣверянамъ. Послѣдніе, въ свою очередь, уже тогда глубоко ненавидѣли южанъ. «Народные принципы», писалъ Адамсъ еще въ 1776 году, «противорѣчатъ стремленіямъ южныхъ бароновъ, а также своекорыстнымъ поклонникамъ маммона, — этой аристократіи, которая опирается не на талантъ, знанія и нравственное достоинство, а на земельныя владѣнія и рабство».

Мы указали на вопросъ о Миссисипи только съ тѣмъ, чтобы уловить въ зародышѣ историческую силу, которая всегда управляла судьбами Соединенныхъ Штатовъ. Но эта сила развилась позже. Сначала же возобладала ея соперница—идея согласія и единства. Иначе и быть не могло. Слабымъ британскимъ колоніямъ прежде всего нужно было бороться за существованіе съ индѣйцами, голландцами и особенно французами. Для этого было необходимо сосредоточеніе силъ, объединеніе. Общій врагъ толкалъ сѣверные и южные штаты въ объятія другъ къ другу. Уже въ 1643 году появился зародышъ союза, и конечно, на сѣверѣ. Массачузетъ, вмѣстѣ съ Коннектекутомъ, Плимутомъ и Нью-Гавеномъ—образовали «соединенныя колоніи *Новой Англїи*». Этотъ союзъ былъ весьма непроченъ. Каждая колонія сохраняла почти всѣ свои прежнія права. Не было даже президента или главы исполнительной власти.

Но не прошло и полтора ста лѣтъ, какъ зародышъ союза вполне созрѣлъ. Этому содѣйствовало развитіе тѣхъ же условий, которыя вызвали его. Съ одной стороны, все усиливались французы; съ другой — возникъ новый опасный врагъ. То была сама митрополія. Вообще Англія обращалась съ своими колоніями самымъ гнуснымъ образомъ. Она запрещала устройство въ нихъ фабрикъ, вывозъ въ Америку орудій производства, даже переселеніе ремесленниковъ. Тамъ существовала обширная партія, которая ненавидѣла колоніи и страшилась ихъ. Ея воззрѣнія лучше всего высказались позднѣе, по поводу завоеванія Канады (1763 года). «Канаду, заявляла она, слѣдуетъ возвратить французамъ. Французы помѣшаютъ развитію колоній, которыя иначе, пожалуй, растянутся безгранично внутрь страны и разовьются всесторонне. Онѣ могутъ образовать многочисленное, сильное, независимое населеніе, которое прекратитъ свои сношенія съ Англіей и, живя собственнымъ трудомъ и промышленностью, совсѣмъ забудетъ о своей митрополїи». Даже позже, когда возникли Соединенные Штаты, политическіе умники въ Англіи не стыдились восклицать: «Еслибы не вытѣснили французовъ изъ Канады, никогда не было бы этой американской революціи! Вмѣсто того, чтобы бунтовать, американцы нашли бы себѣ другое занятіе».

Подобныя мнѣнія всего лучше доказывали поселенцамъ необходимость приготовиться къ отчаянной борьбѣ съ врагами, т. е. усилиться посредствомъ объединенія. За эту идею всегда ратовалъ *Франклинъ* (1706—1790).

Этотъ знаменитый человѣкъ, поразившій Европу своимъ благородствомъ, былъ типичнымъ представителемъ послѣдняго періода *колоніальной*, зависимой жизни штатовъ. Онъ родился въ Бостонѣ, въ пуританскомъ семействѣ. Франклинъ былъ первообразомъ американскаго ученаго. Его увлекали естественныя науки, и именно съ ихъ прикладной стороны. Онъ считалъ науку и разумъ достояніемъ всѣхъ, не исключая нищихъ и невѣждъ. «Ясный и простой, безъ ученыхъ прикрасъ, слогъ его книги объ электричествѣ», говоритъ Гомфри-Деви, «столь же поразителенъ, какъ теорія, изложенная въ ней». Франклинъ былъ также первымъ примѣромъ американскаго политика. Цѣлью его жизни была защита существованія и правъ соотечественниковъ. Въ немъ воплощались задачи послѣдняго поколѣнія зависимыхъ колонистовъ, т. е. борьба съ сильнѣйшимъ врагомъ, съ французами, и первыя попытки къ объединенію. Франклинъ постоянно доказывалъ, что земля между Аллеганями и Миссисипи менѣе, чѣмъ чрезъ столѣтіе, станетъ богатымъ и могучимъ государствомъ. Онъ требовалъ немедленно отнять ее у французовъ. Когда обнаружались гнусныя побужденія англичанъ, указанные выше, Франклинъ писалъ: «Совершенно справедливо, что число поселенцевъ увеличивается у насъ съ неимоверною быстротой. Оно удваивается каждыя 25 лѣтъ естественнымъ приращеніемъ, независимо отъ эмиграціи. Столѣтіе спустя, число англичанъ въ Америкѣ, вѣроятно, превзойдетъ народонаселеніе самой Англіи. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что колонисты станутъ бесполезны и даже опасны для своей митрополіи. Напротивъ. Они возвысятъ спросъ на ея мануфактурныя произведенія, поднимутъ ея торговлю и морскую силу».

Колоніи поняли необходимость объединенія, чтобъ отстаить свою будущность, которой стала враждебна сама митрополія. Выразителемъ этой потребности былъ Франклинъ. Онъ начерталъ первый планъ «Союза всѣхъ колоній, необходимаго для ихъ сохраненія». Конечно, близорукое правительство Англіи отвергло его: оно усмотрѣло въ немъ «слишкомъ демократическое направленіе». Тогда-то Франклинъ, стоявшій прежде за представительство колоній въ лондонскомъ парламентѣ, превратился въ горячаго адвоката за отдѣленіе, за *независимость* штатовъ. «А немного найдется людей, по словамъ Дрепера, которые болѣе него способствовали достиженію этого результата».

Серьезная борьба съ митрополіей не замедлила разразиться.

Въ колоніяхъ возсталъ общій голось противъ права Англіи облагать ихъ налогами. Но, чтобы этотъ протестъ получилъ практическое значеніе, нужно было окончательно соединить свои силы. И вотъ, въ 1777 году конгрессъ всѣхъ колоній составилъ проектъ «Статей конфедераціи». Въ немъ, правда, центральная власть была усилена, въ сравненіи съ Союзомъ 1643 года, но за штатами оставлено еще слишкомъ много значенія. То была уступка мелкимъ штатамъ, которые опасались, какъ бы большіе не поглотили ихъ, и, дорожа своей свободой, уже видѣли приближеніе призрака монархизма. Самая форма циркуляра, которымъ конгрессъ предлагалъ Статьи на обсужденіе штатовъ,—форма просительная, заискивающая,—объясняетъ нежеланіе народа подчиниться этой неизбѣжной мѣрѣ. Статьи конфедераціи были приняты въ 1781 году. Колонисты составили тѣсный Союзъ, подъ именемъ *Конфедераціи Соединенныхъ Штатовъ Америки*. Цѣль его—взаимная защита и сохраненіе свободы каждаго штата.

Конечно, этотъ Союзъ не могъ быть прочнымъ. «Правительство, которое ничего не могло сдѣлать безъ единодушнаго согласія всѣхъ членовъ государства», говоритъ Банкрофтъ, «было лишено жизненной силы. Американцамъ еще предстояло придти къ сознанію, что для утвержденія общей свободы каждому въ частности должно пожертвовать долей собственной свободы».

Слабость власти Конфедераціи обнаружилась тотчасъ же по окончаніи войны за независимость. Союза какъ будто и не существовало. Ревнивые къ своей свободѣ, штаты почти вовсе не признавали его. Они относились къ собственному правительству съ такимъ же недоувѣріемъ, съ такою же враждебностью, какая обнаружилась въ ихъ борьбѣ съ англійскимъ королемъ и парламентомъ. Они не дали ему права раскладки налоговъ, въ которомъ отказывали и королю. Не было ни общаго судопроизводства, ни единой, постоянной арміи. Даже друзья отгадывали заключеніе съ ними торговыхъ и другихъ сдѣлокъ, видя шаткость новаго Союза.

Лучшіе политики и патріоты, отчаяваясь въ будущемъ, одинъ за другимъ вышли изъ конгресса Конфедераціи. Тогда штаты лишили эту тѣнь правительства послѣднихъ слѣдовъ власти. Пользуясь этимъ, англичане не отдавали, согласно съ условіями мира, тѣхъ земель на западѣ, въ которыхъ они укрѣпились. Внутри Союза начались волненія. Принципы, за которые успѣшно

стояли малые штаты въ борьбѣ съ большими, обратились въ орудіе демагоговъ. Послѣдніе подбивали народъ требовать раздѣла собственности и общаго владѣнія ею, «такъ какъ всѣ принимали участіе въ спасеніи ея отъ англичанъ». Въ Массачузетѣ вспыхнуло возстаніе Шей, цѣлью котораго было уничтоженіе всякой собственности и отмяна долговъ.

Тогда-то у Вашингтона вырвалось горькое признаніе, что, какъ онъ ни старался ослабить мѣстныя привязанности и различія штатовъ, соединяя ихъ подъ однимъ общимъ именемъ *американцевъ*, ему никогда не удавалось побороть предрасудки своихъ соотечественниковъ. «Если, писалъ онъ въ 1784 году, не произойдетъ никакой перемѣны въ нынѣшней системѣ и штаты не предоставятъ конгрессу надлежащей власти; если будетъ продолжаться неразумная зависть, существующая нынѣ между штатами и конгрессомъ, а также во взаимныхъ сношеніяхъ между штатами; если штаты не откажутся отъ мысли о своей непогрѣшимости и полнѣйшей независимости, — то паденіе націи неизбѣжно. Это ясно какъ $2 \times 2 = 4$. И я того мнѣнія, что не стоило возставать противъ Великобританіи, не стоило завоевывать мира и свободы, если мы неспособны побѣдить собственные предрасудки.... Страхъ довѣрить конгрессу, въ его нынѣшнемъ составѣ, власть, достаточную для общаго блага, равняется крайнему общественному безсмыслию и безумію».

VIII.

Первое поколѣніе американцевъ (1775 — 1805).—Идея единства.—
Федералисты и демократы.—Вашингтонъ и Джефферсонъ.

Слова Вашингтона обрисовываютъ возрѣнія одной изъ двухъ партій въ штатахъ, отважно боровшихся тогда между собой. То были *федералисты и демократы*.

Главное различіе между ними состояло во взглядѣ на союзную власть. Первые желали сильной централизаціи; вторые стояли за державныя права каждаго отдѣльнаго штата. Второстепенная разница заключалась въ общихъ понятіяхъ о личной свободѣ. Федералисты—поборники консерватизма, порядка, подчиненія личности государству. Демократы — горячіе привержен-

цы идей, французской революціи: во всякой власти они видѣли лишь временное зло.

Лучшими олицетвореніями этихъ воззрѣній были благороднѣйшіе бойцы за независимость своего отечества—холодный, расчетливый политикъ, Вашингтонъ, и восторженный «другъ человѣчества», Джефферсонъ. Первый, во главѣ федералистовъ, сочувствовалъ Англии; второй, съ своими демократами, поклонялся Франціи. Въ то время приверженцы той и другой партіи были разбѣяны по всеѣмъ штатамъ. Впрочемъ, федералисты уже на столько преобладали на Сѣверѣ, а демократы на Югѣ, что, при назначеніи Вашингтона вождемъ революціонной арміи, Адамсъ говоритъ о «сѣверной и южной партіяхъ».

Требованія времени громко говорили въ пользу федералистовъ. Ими руководила самая геніальная и популярная личность. Ихъ поддерживалъ американскій Аристидъ—Франклинъ. Поэтому первый періодъ исторіи Соединенныхъ Штатовъ ознаменованъ ихъ побѣдой. Душа Сѣвера, Массачузетъ, и въ этомъ дѣлѣ, какъ всегда, шелъ впереди другихъ штатовъ. Онъ первый объявилъ «Статьи Конфедераціи» не ведущими къ цѣли. Къ нему присоединились другіе патріотическіе голоса,—и въ 1787 году, въ Филадельфіи, собрался чрезвычайный съѣздъ для пересмотра устава конфедераціи. Въ предсѣдатели единогласно былъ избранъ Вашингтонъ.

Въ новой исторіи англо-саксонская нація воздвигла, на правомъ основаніи, три памятника побѣды свободы надъ тиранніей, отдѣленные другъ отъ друга столѣтіями. Въ 1588 году уничтожена Непобѣдимая Армада испанскаго деспота. Въ 1688-мъ послѣдовала революція, послужившая послѣднимъ основаніемъ политической свободы Великобританіи. Въ 1788-мъ вступила въ жизнь *конституція Соединенныхъ Штатовъ*, дѣйствующая понынѣ.

Замѣчательный государственный мужъ Америки, Вебстеръ, такъ опредѣляетъ сущность этой конституціи: «Это—не договоръ между нѣсколькими штатами, какъ независимыми государствами, а право, основанное на согласіи народа и непосредственно съ нимъ связанное. Все, изданное конгрессомъ, составляетъ непреложный органическій законъ. А высшее безапелляціонное толкованіе этого законодательства принадлежитъ верховному суду Союза. Всякая попытка отдѣльнаго штата отвергнуть или обезсилить постановленіе конгресса или верховнаго суда равняется нарушенію конституціи или мятежу. Всякая попытка на-

рушить Союзъ признается такимъ же государственнымъ преступленіемъ. Стало-быть, произвольное отдѣленіе какого-либо штата немислимо безъ революціи».

Итакъ, существенная разница между конфедераціей и конституціей въ томъ, что первая дѣйствовала на отдѣльные штаты, а вторая—на каждаго члена государства непосредственно. Первая была союзомъ *штатовъ*, вторая есть *народное* правительство. По мѣткому выраженію Вебстера, «конституція это—централизованная организація народа». Такъ, по словамъ Дрепера, «революціонная война освятила здѣсь идею національности».

Есть преданіе о пророчествѣ Вашингтона. Онъ уже поднялъ руку, чтобы подписать конституцію, какъ вдругъ остановился и сказалъ, съ задумчивымъ, озабоченнымъ видомъ: «Если штаты отвергнутъ этотъ превосходный уставъ, то ужь никогда нельзя будетъ *мирно* создать новый. Слѣдующая конституція будетъ написана кровью».

Въ силу необходимости, конституція 1788 года сразу пустила глубокіе корни. Напрасно такіе штаты, какъ Южная Королина, въ теченіе многихъ лѣтъ упорно отстаивали свои мѣстныя права и усиливались ограничить общее правительство. Напрасно тамъ и сямъ поднимались крики о стремленіи къ монархіи и деспотизму. Конституція не поддавалась. Всмотрѣвшись въ разные законы съ 1775 по 1805 годъ, мы увидимъ, что всѣ они стремились къ утверженію національнаго единства.

Лучшимъ доказательствомъ того сочувствія, которымъ доселѣ пользуется эта идея у американскихъ патріотовъ и мыслителей, служатъ слѣдующія слова Дрепера: «Конфедерація превратилась въ союзъ, который, стремясь къ дальнѣйшему объединенію, мало-по-малу вызвалъ централизацію. Каждому мыслящему чловѣку необходимо обратить вниманіе на эту неизбѣжную послѣдовательность». Впрочемъ, нашъ авторъ спѣшитъ оговориться: «Хотя правительственная власть всегда слѣдуетъ по одному пути развитія, характеръ ея легко опредѣляется народомъ. У невѣжественнаго, скотскаго народа центральная власть, конечно, будетъ расточительной и деспотическою. Напротивъ, умственно-развитый народъ обставитъ ее согласно своимъ требованіямъ. Вѣроятно, нѣтъ ничего непріятнѣе для американцевъ, какъ мнѣніе, что всѣ ихъ учрежденія неизбѣжно клонятся къ утверженію централизаціи. Оно одинаково обидно какъ для сѣверянина, такъ и для южанина. Но, тѣмъ не менѣе, оно совершенно справедливо».

Дреперъ положительно увлеченъ этой идеей. Въ послѣдней главѣ мы разберемъ это увлеченіе. Теперь замѣтимъ только, что идея централизаціи, со всѣми ея послѣдствіями, принадлежитъ Европѣ и составляетъ основное различіе между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ. Въ послѣднее время она нѣсколько измѣнила свой видъ. Теперь у насъ считается аксіомой мысль о политической централизаціи, въ связи съ административною децентрализаціей. Но даже въ Европѣ требуется большая осторожность и свобода отъ увлеченій при опредѣленіи границъ между двумя враждебными понятіями, мудроно связанными въ этой аксіомѣ. А Дреперъ, вѣжеться, совсѣмъ упускаетъ изъ виду существенную разницу между условіями политическаго быта въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, закрѣпленную исторіей.

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. При рѣшеніи важныхъ политическихъ вопросовъ нужно осторожно относиться къ американскимъ книгамъ. Гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ будетъ непременно слишкомъ перегибать ихъ въ ту или другую сторону, смотря потому, къ какой политической партіи принадлежитъ онъ.

Возвращаемся къ нашему предмету.

Теперь ясно значеніе перваго поколѣнія американцевъ (1775—1805). Его задачей было созданіе *свободной націи и единого іосударства* изъ разрозненныхъ колоній. Образцовымъ представителемъ этой задачи былъ незабвенный Вашингтонъ. Изъ-за нихъ онъ вынесъ тяжелую борьбу, испыталъ много клеветъ и самую черную неблагодарность. При всей его терпѣливости и скромности, онъ воссаликнулъ однажды: «Мнѣ никогда и въ голову не приходило, чтобы мои труды на пользу національной политики привели къ обвиненіямъ, которыя приличны какому-нибудь Нерону». За то тѣ же враги и клеветники три раза умоляли его взять власть въ свои руки. А его политическій противникъ, знаменитый Джефферсонъ, говорилъ съ энтузіазмомъ: «Это—единственный человекъ въ Соединенныхъ Штатахъ, обладающій *всеобщимъ* довѣріемъ. Всѣ другіе считаются только вождями партій». Источникъ столь рѣдкаго общественнаго величія простаго гражданина указанъ нами. «Съ своего назначенія вождемъ революціонной арміи до кончины», говоритъ Дреперъ, «Вашингтонъ былъ средоточіемъ американской жизни. Онъ успѣшно руководилъ освобожденіемъ своего народа отъ чуждаго владычества и его политическимъ устройствомъ. А эти

два великія событія въ сущности поглощали всѣ интересы поколѣнія, къ которому принадлежалъ Вашингтонъ».

Тогда, говоритъ нашъ историкъ, «еще не было ни времени, ни удобнаго случая для литературныхъ и научныхъ работъ. Изобрѣтательный геній націи еще дремалъ. Только къ концу жизни Вашингтона онъ заявилъ себя изобрѣтеніемъ машины Уитнея (Eli Whitney) для очистки хлопка отъ сѣмени».

Замѣтимъ для полноты пониманія дѣла, что это мнѣніе вѣрно только въ общемъ, но не въ частностяхъ. Въ наукѣ уже блистало имя Франклина, получившее европейскую извѣстность. Американская литература тогда также достигла своеобразности, которая обратила на нее вниманіе Старога Свѣта. Употребляя слово «американская литература», мы держимся мнѣнія Неймана. Вотъ его основательная характеристика этого явленія:

«Американская литература, точно такъ же, какъ и политическая исторія, естественно дѣлится на три періода: литература колоній, революціи и Соединенныхъ Штатовъ. Писатели перваго періода принадлежать преимущественно пуританской школѣ Новой-Англіи. Это—священники, ученые педанты, трудолюбивые и остроумные. Среди нихъ встрѣчается много людей свободныхъ мыслей, которымъ Америка обязана своими первыми учеными трудами и учрежденіями. Они составили старѣйшія лѣтописи и произвели на свѣтъ хитрыя риноплетства, которыя не трогаютъ читателя, ибо въ нихъ только и рѣчи, что о Богѣ и добродѣтели, о христіанствѣ и библейскихъ разсказахъ. Но иногда попадаются усердные наблюдатели природы, оказавшіе неизгладимую услугу изученію Америки. Грубость и сила, большое прилежаніе и страсть къ собиранію матеріаловъ, нерѣдко увлекательное краснорѣчіе—вотъ черты перваго, колониальнаго періода литературы. На его рубежѣ стоитъ Франклинъ, провозвѣстникъ утонченнаго литературнаго вкуса, глубокаго и всеобщаго образованія.

«Время революціи совмѣщало въ себѣ главныя условія, порождающія національныхъ писателей. Явились великія событія, съ ихъ счастливыми и важными слѣдствіями, направленныя къ одной цѣли. Въ воззрѣніяхъ американцевъ обнаружилось величіе, въ чувствахъ—глубина, въ дѣйствіяхъ—сила и послѣдовательность. Сами писатели исполнены національныхъ стремленій. Они со всѣхъ сторонъ связаны съ жизнью. И ихъ сочиненія, какъ они ни слабы въ художественномъ отношеніи, никогда не

утратятъ поучительности и прелести. Содержаніе ихъ чисто американское: они заимствованы изъ народной жизни и текущихъ событій. Здѣсь книги, и даже художественныя произведенія—не роскошь, не остроумныя игрушки. Они тѣсно связаны съ правами, чувствами и думами массъ, съ современными дѣлами. Литература этого періода начинается изслѣдованіями о государственныхъ и законодательныхъ отношеніяхъ къ митрополю. Они-то впервые обратили вниманіе Стараго Свѣта на Америку. Новыя воззрѣнія на человѣческія права и правительство, совсѣмъ иное пониманіе гражданскихъ и религіозныхъ отношеній, въ особенности сильный, логическій и мужественный языкъ, возбудили всеобщее изумленіе и благоговѣніе. Новый духъ, духъ независимости, овладѣлъ народомъ и литературой. Сила разумѣнія возрасла въ двадцать разъ, знанія—во сто разъ противъ прежняго. Только искусства и теперь не было. Не было также и писателей, которые создали бы своими гениальными трудами новые законы и правила, согласно съ измѣнившимися обстоятельствами».

IX.

Второе поколѣніе (1805—1835).—Хлопчато-бумажная мануфактура.—Причины развитія невольничества.

Второе поколѣніе (1805—1835) было свидѣтелемъ возрастанія невольничества, которому суждено было серьезно поколебать молодой американскій Союзъ. Вотъ сущность исторіи этого великаго зла.

Негры появились въ Сѣверной Америкѣ еще на зарѣ XVI вѣка, благодаря испанцамъ; но въ англійскія колоніи они были привезены лишь въ 1620 году. Съ самаго начала торговля ими была осуждена общественнымъ мнѣніемъ, какъ занятіе безнравственное. Нѣкоторыя колоніи протестовали противъ нея. Первый конгрессъ (1789 г.) дозволилъ ее только до 1808 года, когда она и была прекращена; а конгрессъ 1820 года объявилъ ее пиратствомъ.

Между тѣмъ, черное населеніе въ Америкѣ быстро возросло. Въ 1790 году насчитывалось около 700.000 негровъ, въ 1830-мъ два милліона, а въ 1860-мъ—четыре. Было двѣ

причины этого важнаго явленія—экономическая и политическая.

Экономическая причина зависѣла отъ свойствъ почвы южныхъ штатовъ. Изъ трехъ главныхъ произведеній, доставляемыхъ ею: хлопка, табака и риса, она всего болѣе была благопріятна хлопку. Въ теченіе первой половины нынѣшняго столѣтія вывозъ риса оставался въ одномъ и томъ же размѣрѣ (около 2½ милл. долларовъ), вывозъ табака перешелъ съ 6 на 9 милліоновъ, а хлопка—съ 7 на 112. И этотъ плодовитый хлопокъ далеко не истощаетъ почвы въ такой степени, какъ табакъ. Ясно, что южная промышленность должна была сосредоточиться на обработкѣ этого продукта. Хлопокъ, впервые разведенный въ Виргиніи въ 1621 году, былъ вывезенъ, въ 1860 году, въ количествѣ 4¼ милліоновъ тюковъ (въ тюкѣ около 10 пудовъ), цѣной почти на милліардъ рублей. Но, несмотря на столь быстрое развитіе производства хлопка, потребность въ немъ развивалась еще скорѣе. Трудъ мѣстныхъ работниковъ не могъ возвысить приращеніе хлопка болѣе, чѣмъ на 30% въ десятилѣтіе, а спросъ за это же время возросъ уже на 100%. Стало-быть, потребовалось чрезвычайное увеличеніе рабочей силы.

Но какъ достигнуть этого? Казалось, сама судьба желала помочь южанамъ въ разрѣшеніи важной экономической задачи.

Спросъ на хлопокъ возрасталъ, главнымъ образомъ, благодаря Англіи. Тамъ во второй половинѣ прошлаго вѣка произошла рѣдкій экономической переворотъ. Былъ изобрѣтенъ рядъ машинъ, породившихъ современное фабричное производство. Благодаря имъ, хлопчато-бумажная мануфактура менѣе, чѣмъ въ столѣтіе, достигла неимовѣрнаго развитія. Это—истинное чудо новѣйшей исторіи. Оно такъ любопытно и имѣетъ такое важное значеніе въ современной культурѣ, что стѣдуетъ остановиться на исторіи этой промышленности.

Бумажныя издѣлія возникли на Востокѣ задолго до нашей эры. Особенно славились произведенія Индіи, доселѣ не утратившія своего значенія. Индусы издавна развили искусство пряденія и тканья до невѣроятнаго совершенства. Ихъ работа такъ тонка, что ее называютъ «работой насѣкомыхъ или волшебницъ», «тканьемъ вѣтра», «тѣнью товара». Есть цѣлыя одежды, которыя можно продернуть сквозь узкое кольцо. Есть нити, которыхъ нельзя ощутить пальцемъ. Одна ткань, раз-

ложенная по травѣ для бѣленія, стала совсѣмъ невидимой, когда на нее пала роса. Индусъ можетъ растаянуть зерно хлопчатника въ нитку 40 аршинъ длины, а фунтъ—больше, чѣмъ на 150 верстъ. И все это онъ дѣлаеть, до сихъ поръ, при помощи самыхъ простыхъ машинъ. Хотя изобрѣтенная имъ самопрялка была значительнымъ усовершенствованіемъ старой прялки и веретена, все-таки это—одна изъ первобытныхъ машинъ. Магометане распространили въ Китаѣ бумажную мануфактуру индусовъ, несмотря на то, что тамъ правительство задерживало ея развитіе въ пользу шелка.

Не менѣе индусовъ важны арабы въ исторіи бумажной промышленности. Они принесли ее въ Европу, что доказывается многими восточными словами, вошедшими въ наши языки. *cotton* (хлопчатая бумага)—слово арабское; *muslin* (*muslin*) названъ по имени Мосула, города на Тигрѣ, гдѣ былъ главный пунктъ этой мануфактуры; слово *каленкоръ* (*calico*) происходитъ отъ Калькутты въ Индіи; названіе рубашки (*chemise*)—также арабское. Съ X вѣка бумажная мануфактура систематически вводится въ Испаніи маврами, которые скоро всѣ стали носить бумажную одежду.

Мало-по-малу и христіанское населеніе Европы начало перенимать отъ арабовъ новую отрасль промышленности. Въ Англіи она появилась не ранѣе конца XVI вѣка, да и то случайно. Спасаясь отъ кровавыхъ гоненій Филиппа Испанскаго, много рабочихъ переселилось изъ Антверпена въ Манчестеръ. Между ними были бумажные фабриканты, которые и заведи здѣсь новую промышленность. Несмотря на то, что англійское правительство, напоминая Китаю, стѣсняло ее въ пользу шерсти, она такъ утвердилась, что уже около половины XVIII вѣка возникла значительная бумажная торговля съ Левантомъ и фабриканты не успѣвали исполнять заказовъ. Ручной работы оказалось недостаточно. Нужно было прибѣгнуть къ машинамъ.

Появилось изобрѣтеніе Уайетта (*Wyatt*) для пряжи парой колесъ различной скорости. За нимъ послѣдовали: машина Пауля для расчески шерсти, важное усовершенствованіе Аркрайта, тонкопрядильныя машины Гаргривса и Брамптона, и много другихъ превосходныхъ изобрѣтеній. Все это произвело переворотъ въ системѣ промышленности. Возникли фабрики. Онѣ были вызваны частью примѣненіемъ воды къ движенію ма-

шинъ, частью сбереженіемъ расходовъ при сосредоточенной работѣ, вмѣсто прежняго производства, разбитаго на отдѣльныя зданія, далеко отстоящія другъ отъ друга. Усовершенствованіе бумажной мануфактуры было довершено изобрѣтеніемъ паровой машины. Первый патентъ на нее Уаттъ взялъ въ 1769 году,—тогда же, когда Аркрайтъ получилъ патентъ на свои придильные колеса. Впрочемъ, паровая машина была введена въ мануфактуру не раньше 1790 году.

Въ то же самое время много другихъ счастливыхъ обстоятельствъ способствовало развитію бумажной промышленности. Такъ весьма важно было открытіе Бертолета, состоящаго въ бѣленіи посредствомъ хлора, примѣненномъ къ хлопку Уаттомъ. До этого требовалось около восьми мѣсяцевъ и большое пространство земли, чтобы выбѣлить кусокъ ткани дѣйствіемъ воздуха и солнца. Такъ какъ земля была очень дорога подлѣ большихъ городовъ, то англичане отсылали свои ткани для выбѣлки въ Голландію. Хлоръ же выбѣливаетъ въ нѣсколько часовъ и чрезвычайно чисто. И, кромѣ того, химики принесли еще много пользы этой мануфактурѣ. Однимъ изъ главныхъ изобрѣтеній въ Европѣ была набивка миткаля цилиндрами, введенная Беллемъ въ 1785 году. Затѣмъ весьма важно было улучшеніе средствъ передвиженія. Разношники, лошади и тележки были замѣнены въ прошломъ вѣкѣ каналами, а въ нынѣшнемъ—пароходами и желѣзными дорогами.

Вотъ причины необыкновенно высокаго и быстрого развитія бумажной промышленности въ послѣднее время. Ткацкое искусство достигло теперь такого совершенства, что поразительныя ткани Индіи уже не обращаютъ на себя вниманія. На всемірной выставкѣ въ Лондонѣ былъ образчикъ матеріи, въ которой изъ фунта хлопчатника вышла нитка болѣе, чѣмъ въ полторы тысячи верстѣ. А чтобы указать размѣры бумажнаго производства, приведемъ слѣдующія слова Дрепера:

«Уже въ 1833 году годовая цѣнность его равнялась 150 милліонамъ долларовъ, а число людей, достающихъ пропитаніе имъ, 1½ милліонамъ. Длина выпряденной нитки доходила до 5.000 милліоновъ миль. Этого достаточно, чтобы больше, чѣмъ 200 разъ, обвить земную окружность и 51 разъ достигнуть отъ земли до солнца. Эта нитка могла бы 8½ разъ окружить земную орбиту. Ежегодный вывозъ выработанной хлопчатобумажной ткани составилъ бы поясъ для земнаго шара, обвив-

шись 11 разъ около экватора. Доходы рабочихъ и купцовъ съ одного этого производства національной промышленности равнялись двумъ третямъ всего общественнаго дохода Англїи. Въ довершеніе чуда, эту мануфактуру создалъ геній немногихъ смиренныхъ механиковъ. Она возрасла изъ незначительности до нынѣшняго великолѣпія немного больше, чѣмъ въ полстолѣтія, и увеличивается съ такою быстротой, что трудно вычислить, чѣмъ она будетъ впослѣдствіи».

Изобрѣтеніе машинъ, произведшее такой глубокой переворотъ въ экономической жизни Европы, столь же сильно отразилось и въ Америкѣ. «Можжевеловая водка, изобрѣтеная Уитнеемъ въ 1795 году», говоритъ Дреперъ, «по политическимъ послѣдствіямъ, не уступаетъ величайшимъ открытіямъ Европы. Ея непосредственнымъ результатомъ было обширное развитіе обработки хлопка и возрастающая цѣнность невольничьяго труда. Добываемая здѣсь хлопчатая бумага равнялась въ 1856 году семи восьмымъ количества, производимаго въ цѣломъ свѣтѣ». По мнѣнію Дрепера, Англїя побѣдила Наполеона I не войсками и людьми, а «дѣтями Уатта», т. е. машинами. Въ Америкѣ англійскія машины привели къ развитію невольничества, а стало-быть и къ междоусобной войнѣ.

Вотъ какъ произошелъ этотъ политическій переворотъ отъ экономическихъ причинъ.

Прядильныя и ткацкія фабрики начали работать такъ быстро, что англичане, не шутя, задумали одѣвать весь родъ человѣческій. Но имъ недоставало сыраго матеріала, и именно самаго важнаго—хлопка. Хлопокъ добывался тогда въ разныхъ странахъ въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Изъ Соединенныхъ Штатовъ, при введеніи въ нихъ конституціи, еще не было вывезено ни одного фунта. Здѣсь все шло на домашнее потребленіе. У каждой хорошей хозяйки была своя прялка и при каждой плантаціи былъ свой первобытный ткацкій станокъ. Да плантаторы и не могли производить много уже потому, что, кромѣ недостатка рабочей силы, они не умѣли отдѣлять хлопка отъ сѣмени. Они прибѣгали для этого къ самому первобытному, крайне медленному способу посредствомъ ручной работы. Но вотъ, въ 1793 году массачузетецъ Уитней придумалъ прекрасную хлопко-очистительную машину, которая доставляла весьма быструю и дешевую работу. Въ слѣдующемъ же году около полутора милліоновъ фунтовъ хлопка было впервые вывезено изъ Америки въ Англїю.

Этимъ была рѣшена участь южныхъ штатовъ. Они сами под- писали себѣ приговоръ. Судьба давала имъ возможность пере- бить у Англіи мысль объ одѣваніи всего міра, воспользовав- шись ея же изобрѣтеніями. Стоило выписать ея прядильныя, ткацкія и паровыя машины—и обрабатывать хлопокъ на мѣстѣ его производства. Тогда хлопчато-бумажныя фабрики Англіи лопнули бы. Но американскіе плантаторы не довѣряли маши- намъ и подсмѣивались надъ ними, какъ надъ «химерами, не стоящими вниманія». Они рѣшились оставаться при своемъ сырѣѣ, т. е. въ экономическомъ рабствѣ у Англіи. Последняя пользовалась главными барышами отъ ихъ хлопка и стала по дорогой цѣнѣ одѣвать ихъ въ произведеніе ихъ же рукъ.

Итакъ, въ экономическихъ понятіяхъ плантаторы не пошли дальше пресловутаго древняго міра, который предпочиталъ раб- ство всякимъ машинамъ. Имъ пришлось прибѣгнуть къ тому же самому средству. Все ихъ вниманіе было устремлено на раз- витіе невольничества. Вотъ почему торговля неграми, исчеза- вшая въ концѣ прошлаго вѣка, возродилась въ поколѣніе 1805— 1835 годовъ. Корыстолюбивая Англія всячески поощряла ее, какъ бы насмѣхаясь надъ негодованіемъ общественнаго мнѣнія въ Европѣ и въ сѣверныхъ штатахъ Америки. Кромѣ этого источника развитія рабства въ южныхъ штатахъ, тогда же явился и другой—переселеніе негровъ изъ штатовъ, гдѣ ихъ трудъ приносилъ менѣе дохода, чѣмъ на югѣ. Въ 1800—1850 годахъ въ семи главныхъ по производству хлопка штатахъ ко- личество рабовъ возрасло на 775%, тогда какъ въ остальныхъ рабовладѣльческихъ штатахъ оно увеличилось только на 65%.

Такъ плантаторы неподвижно засѣли на рабствѣ, въ то время, какъ на Сѣверѣ совершался быстрый и глубокой прогрессъ, бла- годаря машинамъ, на которыя никто еще и никогда не обра- щалъ столько вниманія. Впослѣдствіи сѣверяне доказали южа- намъ всю важность машинъ: во время междоусобной войны они привели ихъ въ ужасъ, подвергнувъ блокадѣ ихъ земли на про- странствѣ 3.000 миль.

Мы замѣтили, что другая причина развитія рабства на югѣ была *политическая*. По конституціи 1788 года, число депута- товъ въ палатѣ сообразовалось съ количествомъ населенія въ штатахъ. Почти каждая сотня тысячъ жителей высылала одного депутата. Тою же конституціей было постановлено, что *три пя- тыхъ рабовъ причисляются къ Союзу съ правами свободныхъ*

гражданъ, т. е. съ правомъ высылать депутатовъ въ конгрессъ. Черезъ это рабскій трудъ приобрѣлъ важное политическое значеніе. Понятно, что плантаторы должны были заботиться объ увеличеніи числа рабовъ, чтобъ имѣть въ палатѣ побольше подвластныхъ имъ голосовъ и тѣмъ вѣрнѣе заправлять всею республикой.

Политическая же причина, устранявшая машины, привела Югъ и къ другому промаху въ экономическомъ отношеніи.

Хорошій хозяинъ дорожитъ своею землею. Онъ не отстанеть отъ такой прекрасной почвы, каковую представляли для хлопка южные штаты. А плантаторы старались покидать свои старыя плантаціи, далеко не истощивъ почвы и вовсе не думая объ уходѣ за нею. Имъ хотѣлось поскорѣ заселить рабами примыкавшія къ нимъ западныя территоріи. Дѣло въ томъ, что, по конституціи, территорія, при извѣстной степени населенности, обращалась въ штатъ, а каждый штатъ высылалъ въ конгрессъ двухъ сенаторовъ. *Чѣмъ болѣе будетъ штатовъ у плантаторовъ, тѣмъ вѣрнѣе они будутъ заправлять сенатомъ.* Этимъ объясняется тотъ фактъ, что съ эпохой развитія невольничества совпадаетъ приобрѣтеніе французской Луизианы, испанской Флориды и, наконецъ, Техаса.

Вотъ какимъ путемъ южные штаты достигли господства въ это время! Въ полстолѣтіе, отъ начала независимости до 1837 года, они сорокъ лѣтъ управляли республикой. Тогда они еще находили полную поддержку и на сѣверѣ, гдѣ партія демократовъ сходилась во всѣхъ воззрѣніяхъ съ плантаторами. «Эти двѣ партіи, говоритъ Дреперъ, дѣлили между собой выгоды политической побѣды. И дошло до того, что еслибы не разразилась междоусобная война, то, пожалуй, послѣдовало бы возобновленіе африканской торговли неграми».

Х.

Начало борьбы идей свободы и рабства.—Появленіе аболіціонизма.

То же второе поколѣніе свободныхъ колонистовъ, на глазахъ у котораго развивалось рабство, видѣло и начало организациі борьбы съ нимъ.

Въ предшествовавшій періодъ эта борьба была ничтожна. Прав-

да, въ безнравственности рабства немногіе сомнѣвались съ самаго начала. Уже давно Франклинъ печаталъ книги противъ этого зла, которыя выдерживали много изданій. Въ 1774 году въ Пенсильваніи возникло первое общество освобожденія невольниковъ, послужившее образцомъ английскому. Это направленіе обнаружилось во многихъ колониальныхъ конгрессахъ, въ Статьяхъ конфедераціи и въ Объявленіи независимости. Всѣ герои революціи были врагами невольничества. Южанинъ Джефферсонъ восклицалъ пророчески по поводу рабства: «У меня дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, когда я подумаю о Божеской справедливости. Не нашьетъ-ли она, со временемъ, на нашу землю замѣшательствъ, междоусобной войны и полнаго разрушенія?» Общественное мнѣніе такъ сильно было настроено противъ рабства, что въ конституціи пришлось замѣнить это постыдное названіе словомъ «принудительный трудъ». Рабовладѣльцы издавна условились публично называть рабство *особымъ учрежденіемъ*, *peculiar institution*.

Но въ первое поколѣніе американцевъ идея свободы жила только въ умахъ. На практикѣ она ограничивалась отдѣльными попытками, которыя вообще терпѣли неудачу. Лишь съ большимъ трудомъ согласился конгрессъ, въ 1787 году, не допускать рабства въ сѣверо-западныхъ территорияхъ, изъ которыхъ возникли потомъ штаты: Огіо, Мичиганъ, Индіана, Иллинойсъ, Висконсинъ и Iowa. Но за эту уступку южные штаты провели въ конгрессѣ, въ 1793 году, драконовскій законъ о бѣглыхъ рабахъ. Онъ давалъ право плантатору преслѣдовать въ свободныхъ штатахъ своихъ невольниковъ и уводить ихъ домой, а лицъ, мѣшавшихъ его поискамъ, подвергать штрафу въ 500 долларовъ. Лишь послѣ долгихъ преній удалось сѣверянамъ, въ 1788 году, провести законъ о запрещеніи ввоза негровъ; но южане настояли, чтобъ эта мѣра началась только черезъ 20 лѣтъ. Уже существующее, «домашнее», рабство оставалось на прежнихъ основаніяхъ. Притомъ южные штаты даже выторговали постановленіе конгресса о томъ, что онъ не будетъ издавать законовъ, клонящихся къ освобожденію негровъ. Только на этомъ условіи они уступили Союзу земли, изъ которыхъ образовались штаты: Тенесси, Алабама и Миссисипи.

Съ такимъ же трудомъ проводилась тогда противорабская идея и въ отдѣльныхъ штатахъ. Сѣверянамъ пришлось много испытать, прежде чѣмъ имъ удалось почти совсѣмъ уничтожить у

*

себя невольничество, вскорѣ послѣ войны за независимость. Лучшимъ примѣромъ служить Массачузетъ, самый образованный и энергическій изъ всѣхъ штатовъ,—этотъ «умственный руководитель всей націи», по выраженію Дрепера. Здѣсь въ теченіе многихъ лѣтъ, начиная съ 1766 года, шла постоянная борьба противъ рабства. Въ законодательную палату штата изъ года въ годъ вносились проекты его уничтоженія. Все безуспѣшно. Лишь въ 1780 году былъ проведенъ билль, по которому «всѣ люди рождаются свободными и равными и обладаютъ извѣстными естественными, существенными и незыблемыми, правами». Но и здѣсь ничего не было сказано прямо о рабахъ. Этотъ законъ давалъ только возможность неграмъ утверждать, что они свободны. Конечно, ихъ адвокаты, въ отдѣльныхъ случаяхъ, удачно толковали его. Обыкновенно они доказывали, что рабство лишено всякаго законнаго основанія, и рабовладѣлецъ терялъ свою живую собственность, конечно, безъ всякаго вознагражденія. Такимъ образомъ, въ Массачузетѣ рабство исчезало постепенно и незамѣтно, безъ прямыхъ постановленій объ его отиѣнѣ. Сюда можно примѣнить слова, сказанныя, въ 1785 году, однимъ лордомъ о крѣпостномъ правѣ въ Англіи: «По закону, крѣпостные могутъ быть и понынѣ, но на дѣлѣ перемѣна въ нравахъ и обычаяхъ прекратила ихъ существованіе». Только привозъ новыхъ негровъ въ Массачузетъ былъ формально запрещенъ закономъ 1788 года, подѣ страхомъ пени въ 350 р. сер. за каждаго невольника и 1.300 р. за каждый корабль съ неграми.

Исторія уничтоженія рабства въ Массачузетѣ поучительна еще въ одномъ отношеніи. Она выясняетъ отношенія духовенства и религіозныхъ людей къ этому высоко-нравственному вопросу. Вотъ любопытное признаніе самого Дрепера: «Противорабскія идеи въ Массачузетѣ нельзя признать слѣдствіемъ пуританизма, какъ это часто утверждаютъ. Напротивъ, они возникли вопреки ему.... Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, усвоились ложныя понятія о пуританизмѣ. Онъ никогда не раздѣлялъ идеи о всеобщей любви, всеобщей свободѣ.... Пуританинъ Новой-Англіи не видѣлъ ничего дурнаго въ привозѣ военноплѣнныхъ индѣйцевъ, въ покупкѣ африканскихъ негровъ, въ закрѣпощеніи дѣтей рабовъ, рожденныхъ въ самой Америкѣ. Придерживаясь буквы, пуританинъ приводилъ извѣстныя мѣста изъ св. Писанія въ оправданіе рабства, точно такъ же какъ поль-

зовался онъ ими, сожигая колдуновъ и вѣшая ввакеровъ.... Массачузетцы превозносили своихъ пуританскихъ предковъ, но отказались слѣдовать ихъ ученію.... Въ Новой-Англіи, точно такъ же какъ въ Великобританіи и Франціи, истина была признана прежде всего не духовенствомъ, какъ слѣдовало ожидать. По мѣрѣ того, какъ исчезалъ фанатизмъ пуританъ, образованные и дѣловые люди постепенно стали здраво смотрѣть на вещи. И рабство уничтожилось незамѣтно, въ силу постепеннаго развитія общественнаго сознанія, вслѣдствіе *исподствующаго духа времени*».

Обращаемъ особенное вниманіе на это замѣчаніе Дрепера. Оно бросаетъ совершенно новый свѣтъ на отношенія духовенства къ невольничеству. Оно идетъ въ разрѣзъ съ общепринятымъ мнѣніемъ, принятымъ Каппомъ, Шельхеромъ и другими историками невольничества. Къ сожалѣнію, не имѣя подъ руками документовъ, мы должны оставить мнѣніе Дрепера на его отвѣтственности.

Подобно массачузетскому духовенству поступало англійское правительство, съ тою только разницею, что имъ руководилъ не слѣпой фанатизмъ и невѣжество, а безнравственная, своекорыстная политика. Англія брала двойные барыши съ этого гнуснаго дѣла. Кромѣ того, что рабскій трудъ выгодно доставлялъ ей хлопокъ, она прямо обогащалась цѣной свободы несчастныхъ негровъ. Она выхлопотала, въ 1713 году, безсмертный, по своей безнравственности, договоръ «ассиенто», какъ дополненіе утрехтскаго мира. Онъ предоставлялъ ей, на 30 лѣтъ, исключительное право за ничтожную пошлину ввозить ежегодно въ Вестъ-Индію 5.000 негровъ изъ Африки. Понятно, что въ своей благородной борьбѣ съ рабствомъ массачузетцы встрѣтили главное сопротивленіе со стороны англійскихъ губернаторовъ.

Но, по долгу справедливости, должно сказать, что Англія же, въ лицѣ наиболѣе образованныхъ изъ своихъ гражданъ, подала лучший примѣръ челоуѣколюбія. Съ безсмертными именами такихъ филантроповъ, какъ Уильберфорсъ и Кларксонъ, связанъ починъ въ серьезномъ развитіи противорабской идеи. Энергическимъ усиліямъ этихъ свѣтскихъ проповѣдниковъ христіанской любви должно приписать уничтоженіе англійской торговли неграми, въ 1807 году, и освобожденіе всѣхъ рабовъ въ британскихъ колоніяхъ, въ 1833 году. Если Франція предупредила Англію, безусловно уничтоживъ рабство въ своихъ владѣніяхъ

въ 1794 году *), за то въ Англіи не пострадали рабовладѣльцы, получившіе изъ національнаго банка огромную сумму въ вознагражденіе за утрату своей живой собственности. Другимъ слѣдствіемъ дѣятельности англійскихъ филантроповъ было развитіе въ Соединенныхъ Штатахъ идеи «освобожденія» рабовъ, извѣстной подъ именемъ *аболиціонизма*.

Какъ мы видѣли, первое общество аболиціонистовъ въ Америкѣ появилось въ Филадельфіи, въ 1774 году, подъ предсѣдательствомъ Франклина. Вскорѣ возникла цѣлая сѣть этихъ обществъ въ сѣверныхъ штатахъ. Первоначально они имѣли значительный успѣхъ. У нихъ было много друзей даже на югѣ, особенно въ Виргиніи. Но потомъ рабовладѣльцы, съ своей стороны, достигли извѣстной организаціи и открыли фанатическую пропаганду въ пользу «особаго учрежденія». Вотъ ихъ основные доводы, по мѣткимъ словамъ одного судьи Новой-Англіи: «1) Черные происходятъ отъ Хама и потому подлежатъ рабству. 2) Они привозятся изъ языческихъ странъ въ земли, гдѣ проповѣдывается Евангеліе. 3) Африканцы ведутъ междоусобныя войны, и наши корабли привозятъ законныхъ плѣнниковъ, взятыхъ во время этихъ войнъ. 4) У Авраама были рабы, какъ купленные на его собственные деньги, такъ и рожденные въ его домѣ».

Сначала американскіе аболиціонисты преслѣдовали мысль о переселеніи негровъ обратно въ Африку. Она возникла еще передъ войной за независимость. Ея практическое примѣненіе началось съ 1816 года, когда было основано «Общество африканской колонизаціи». Средоточіемъ колонизаціи была *Монровія* **), которой суждено было потомъ сдѣлаться столицей знаменитой республики черныхъ, Либеріи. Туда было переселено, въ теченіе сорока лѣтъ, около 10.000 негровъ. Этимъ-то планомъ аболиціонистовъ и объясняется первоначальное сочувствіе къ нимъ многихъ южанъ. Онъ давалъ возможность плантаторамъ удалять освобожденныхъ рабовъ, пока они еще не возмутили своихъ, менѣе счастливыхъ, собратій. Но это сочувствіе тотчасъ же

*) Наполеонъ I возстановилъ рабство во французскихъ колоніяхъ. Снова и окончательно оно было уничтожено республикой 1848 года. Рабовладѣльцы получили денежное вознагражденіе.

**) Такъ названа она въ честь президента *Монрое*,—того самаго, которому принадлежитъ знаменитое ученіе о невиѣстательствѣ Европы въ дѣла Америки. Читатель познакомится съ значеніемъ этого ученія изъ послѣдней главы нашихъ очерковъ.

прекратилось, какъ только плантаторамъ стали удаваться попытки снова закрѣпить своихъ освобожденныхъ рабовъ. Между тѣмъ, и аболиціонисты должны были отказаться отъ своихъ колонизаціонныхъ плановъ, которые оказывали мало вліянія на торговлю неграми и на домашнее рабство въ Америкѣ.

Теперь, покинувъ практическую почву, аболиціонисты сосредоточили свои силы на пропагандѣ своей идеи всевозможными способами. Этотъ путь оказался самымъ дѣйствительнымъ. Этой безпримѣрной, по энергіи и безкорыстію, проповѣди Сѣверъ обязанъ своими блестящими побѣдами надъ Югомъ. Рѣдко въ исторіи чисто-идеальная дѣятельность приносила столь очевидные и важные практическіе плоды. Вскорѣ всѣ почтовые конторы были до того переполнены газетами, памфлетами, письмами и эпиграммами противъ рабства, что въ 1835 году президентъ обратилъ вниманіе конгресса на это обстоятельство. Такіе законы, какъ постановленіе 1793 года о бѣглыхъ рабахъ, стали мертвою буквой: на Сѣверѣ никто не исполнялъ ихъ, опираясь на общественное настроеніе.

Благороднѣйшимъ обрачикомъ аболиціонистовъ служить кванкеръ *ВенIAMинъ Ленди* (Benjamin Lundy), рожденный въ Нью-Джерсеѣ, къ 1789 году. Онъ явился въ Огіо сѣдельникомъ и основалъ тамъ сначала «Человѣколюбивое Общество», потомъ журналъ «Геній всеобщаго освобожденія». Конечно, Ленди принужденъ былъ пренебречь своими сѣдлами и раззорился. Тогда онъ бросилъ жену и дѣтей, которыхъ распредѣлили между собой его друзья, и обратился въ странствующаго книжнаго торговца. Съ сумкой за плечами, Ленди прошелъ пѣшкомъ полторы тысячи верстъ, распространяя повсюду свой «Геній». Искрестивъ вдоль и поперекъ Соединенные Штаты, онъ заходилъ въ Канаду и даже былъ два раза въ Гаити. Однажды, на возвратномъ пути оттуда, его чуть не убилъ одинъ негроторговецъ въ Балтиморѣ. Ленди, при помощи своего сѣдельнаго мастерства, пробрался даже въ Мексику, чтобъ основать тамъ колонію свободныхъ негровъ. Затѣмъ онъ снова взялся за свой журналъ, обративъ и его въ странствующее изданіе: сегодня онъ печаталъ его въ Филадельфіи, завтра въ Балтиморѣ или Вашингтонѣ. Наконецъ, его постигло большое несчастіе. Во время безпорядковъ въ Филадельфіи, сгорѣло его имущество и всѣ бумаги. Ленди ушелъ въ Иллинойсъ, гдѣ снова принялся за свой «Геній». Онъ умеръ слишкомъ рано для человѣчества, всего на 50-мъ

году отъ рожденія. Въ Балтиморѣ Ленди подружился съ Ллойдомъ *Гаррисономъ*, который точно также посвятилъ свою жизнь противорабской идеѣ и издавалъ журналъ въ ея духѣ. Они начали вмѣстѣ издавать «Геній». Но Гаррисонъ такъ сильно задѣлъ негроторговцевъ, что они уперли его въ тюрьму и оштрафовали. Полтора мѣсяца сидѣлъ несчастный въ заточеніи, пока не выкупилъ его одинъ нью-йоркскій купецъ.

Подобные дѣятели быстро проводили въ жизнь идею освобожденія. Аболиціонисты стали увлекать даже бѣдняковъ изъ бѣлаго населенія на югѣ, не сочувствовавшихъ плантаторамъ. Какъ горячо и безусловно были преданы своему призванію эти безсмертные проповѣдники свободы, видно изъ крайностей, въ которыя впадали они въ порывѣ увлеченія. Однажды аболиціонисты пытались произвести возстаніе негровъ въ Виргиніи. Въ 1859 году «гаррисониане» объявили на своемъ съѣздѣ: «Лучше потопить всю Америку со всѣми ея обитателями, соединивъ Атлантическій океанъ съ Тихимъ, чѣмъ терпѣть Союзъ въ его обычной формѣ» (т. е. съ рабствомъ).

А. Трачевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БОГАТЫРИ

Романъ въ трехъ частяхъ.

(Изъ времени императора Павла).

Часть третья *.

У.

Утромъ, въ длинной и узкой комнатѣ, судя по запаху кле-
емъ, только-что выкрашенной голубою краскою, князь Борисъ,
засучивъ рукава длиннаго, чернаго сюртука, убиралъ книги;
на полу, подлѣ шкафа, стоялъ раскрытый дорожный сундукъ,
откуда князь и бралъ переплетенные въ сафьянъ, въ бумагу и
въ пергаменъ томы и томики; иногда онъ, раскрывъ книгу, на-
чиналъ читать и, зачитавшись, забывалъ о своемъ главномъ за-
нятїи; два окна комнаты выходили въ садъ, съ полуобиты-
ми вѣтромъ деревьями, узенькими аллеями, усыпанными жел-
тыми сухими листьями, и лужками съ зеленью, напоминающею
румянецъ чахоточной красавицы. Столъ, стулья, диванъ, жел-
тая масляная картина въ черной рамѣ, распятїе въ углу—напо-
минали обстановку подворьевъ католическихъ патеровъ въ го-
родахъ средней руки; на столѣ лежала развернутая книга; князь
отряхнувъ пыль съ сюртука, затворилъ шкафъ, сундукъ и,
пройдясь раза два по комнатѣ, всталъ противъ окна, сложивъ
на груди руки. День былъ сѣрый; моросилъ дождичекъ; но по
лицу князя не трудно было замѣтить, что онъ глядитъ не видя
ничего и весь погруженъ внутрь себя; блѣдное, исхудавшее,
длинное лицо его обличало усталость, нравственное насилїе,
учиненное надъ собою; князь напоминалъ человѣка, только-что
сдѣлавшаго переходъ не по силамъ. Сильное утомленїе вид-

*) См. «Вестда, №№ 2, 3, 4, 5, 8, 9 и 10.

но было и въ темноглазыхъ глазахъ, и въ полураскрытыхъ устахъ молодого человѣка, несмотря на поминутныя усилія его приобдираться, побороть свое нравственное состояніе.

Въ дверь постучался кто-то; князь, какъ пойманный не за урокомъ школьникъ, вздрогнулъ, оправилъ свои свѣтлыя волосы и, повернувшись къ двери, произнесъ: «entré». Въ комнату вошелъ молодой человѣкъ, служитель церкви, судя по черной, длинной сутанѣ съ маленькими, шелковыми пуговками; кудрявые, остриженные коротко, черные какъ смоль волосы, бойкіе, темные зрачки глазъ и плохой французскій выговоръ отличали въ немъ сразу итальянца; подпершись въ бока руками, обтянутыми узкими рукавами сюртука, молодой человѣкъ взглянулъ на сундукъ, улыбнулся и спросилъ:

— Ну, какъ вы? Уложились?

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ, опустившись въ кресла, князь. — Усталъ.

— Да, это скучное занятіе, отвѣчалъ богословъ, придвигая стулъ къ креслу князя. — Не хотите ли сходить къ обѣднѣ?

На дворѣ ударилъ маленькій колоколь, съ теноровымъ, гнусливымъ звукомъ, похожимъ на смиренный тонъ голоса, какой находятъ, почему-то, необходимымъ употреблять нѣкоторые изъ благочестивыхъ людей, говоря о предметахъ священныхъ и возвышенныхъ.

— Пойдемте, отвѣчалъ князь. — Хотѣлъ отвѣтить матери, но опоздалъ на почту, не успѣлъ дописать письма, провозившись съ книгами.

— Они уже Теплицѣ?

— Въ Теплицѣ... Сестра помолвлена за одного моего сверстника, Катенева. Такъ, вотъ, надобно ихъ поздравить, говорилъ князь, потирая лобъ съ тонкими голубыми жилами, выступающими сквозь нѣжную кожу блѣднаго, измученнаго лица.

Богослова немного передернуло.

— Онъ не нашъ, не римско-католикъ, разумѣется? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, къ сожалѣнію, отвѣчалъ князь.

— Жаль... А ваша мама, княгиня, все еще груститъ? спросилъ, снисходительно разсмѣявшись, молодой богословъ.

— Но, какъ вы хотите, чтобъ она не грустила? началъ, вдругъ вспыхнувъ, князь. — Я, при моемъ, могу сказать, глубокомъ, зрѣломъ убѣжденіи, не могу еще радикально, признаюсь

вамъ, излечить боль. Привычка, вы мнѣ возразите. Да, привычка, я согласенъ; но не легко все-таки, трудно человѣку, *mon cher*, разставаться съ нѣкоторыми привычками.

— Oh... Mais sans doute... Кто говорить вамъ, что легко? Но въ этомъ и есть подвигъ. Евангеліе потому и призываетъ насъ чаще всего бороться, противостоятъ этимъ привязанностямъ, заговорилъ одушевленно молодой богословъ.—Развѣ въ одномъ сознаниі, что ты не бесполезенъ, нѣтъ уже щедрого вознагражденія за эти, вѣдь если вдуматься, право ничтожныя, утраты? прибавилъ онъ съ снисходительною улыбкою человѣка, незнакомаго съ бременемъ, удручающимъ молодаго собрата.

— Я вѣдь и нахожу... Но путнику, покидающему навсегда родимый кровъ, простиительно оглянуться разъ, другой на исчезающее за горою жилие, гдѣ онъ провелъ лучшіе, первые годы свои, отвѣчалъ князь съ намернувшими на глазахъ слезами.

— Но васъ ждетъ кровъ, вашъ родной, кровъ матери отъ вѣка—единой, истинной, римской церкви, произнесъ, въ тонъ замирающему гнусливому колоколу, молодой богословъ.

Князь вздохнулъ и сталъ перелистывать книгу, лежащую на столѣ.

— Что, вы прочли уже? спросилъ собесѣдникъ, указавъ на книгу.

— Нѣтъ, еще читаю... Удивительное сердце и потомъ необыкновенная ясность доводовъ, отвѣчалъ князь.

— Не правда ли? продолжалъ богословъ. Онъ рано умеръ, лѣтъ тридцати; я зналъ его, и признаюсь, такой зрѣлости сужденій и ясности, съ которою онъ объяснялъ запутаннѣйшія, темныя мѣста, я не встрѣчалъ ни у кого почти.

— *C'est vrai*. И потомъ съ нимъ бесѣдуешь, читая его творенія, будто съ другомъ, поддѣвалъ собесѣднику и князь уже сладкимъ голосомъ, хотя въ синихъ глазахъ его теплилось не-притворное, искреннее чувство.

Молодой богословъ крѣпко пожалъ ему руку, проговоривъ: «я радъ, что вы полюбили его». Подмигнувъ слабую струну молодаго князя, чувствительность и мягкое сердце, готовое разогрѣться отъ перваго сочувственнаго слова, намекъ, новые отцы и братья повели съ нимъ сладкіе разговоры о сочувствіи душъ, о какомъ-то «тайнобрачіи сердець» и выбирали для него такое же туманное чтеніе; оторванному отъ общества, отъ людей, князю казался этотъ мистическій бредъ, искажающій

ясное, простое до художественности, евангельское слово, неисчерпаемую глубину премудрости, плодомъ ума, вознесеннаго горѣ, въ недосыгаемую высь на крыльяхъ святости. Этимъ родомъ духовной литературы завалены были книжныя лавки въ концѣ прошедшаго и началѣ нашего столѣтій; эти поддѣлки подъ вдохновенную рѣчь шли тогда межъ чувствительными, но не особенно дальнзоркими, читателями и въ свѣтской литературѣ за поэзію; высокопарный слогъ, дикія сравненія, напускной жаръ, выражающійся неистовыми возгласами и поминутными знаками восклицанія, еще не такъ давно, принимались большинствомъ за несомнѣнный признакъ генія. Благочестивое пу-стозвонство, нагнавшее наконецъ тоску на всѣхъ безъ исклю-ченія, отбило въ обществѣ охоту къ чтенію и дѣльныхъ книгъ духовнаго содержанія; точно такую же услугу истинной поэзіи оказало и стихоплетство.

Тоскливый колоколь, точно разсердившись на лѣнливыхъ бого-мольцевъ, сдѣлалъ нѣсколько спѣшныхъ ударовъ и умолкъ; мо-лодые люди вышли въ длинный и мрачный корридоръ съ дверями по обѣимъ сторонамъ, ведущими въ мирныя кельи от-цовъ и братіи; длинный сакристинъ, бѣжавшій съ кадиломъ, съ ручкою, поклонился и почтительно уступилъ дорогу; къ князю и богослову въ корридоръ присоединилось еще трое мо-лодыхъ людей; пройдя межъ памятниковъ аллеей, усыпанною су-хими листьями, молодые богословы вошли въ небольшую церковь.

Это былъ іезуитскій монастырь въ Савоіи, превращенный въ разсадникъ преподавателей и миссіонеровъ. При входѣ въ храмъ, ихъ обогналъ толстый, краснощекій аббатъ-настоятель, бѣлоку-рый съ просѣдью, но свѣжій человекъ лѣтъ шестидесяти; мо-лодые люди дали ему дорогу.

Французъ-аббатъ О., un grand semeur (великій сѣятель), какъ называли его іезуиты, былъ человекъ средняго роста, съ высокимъ лбомъ, голубыми глазами и какъ будто обод-ряющею, хотя нѣсколько насмѣшливою, улыбкою на широкомъ свѣжемъ лицѣ; поклонники аббата находили выраженіе лица его возвышеннымъ и вдохновеннымъ; хотя нужно было имѣть очень небольшой даръ наблюдательности для того, чтобы замѣ-тить, что эта вдохновенность, возвышенность—все, исключая развѣ насмѣшки, отгвняющей улыбку, было притворно и надѣто какъ маска. Но легче было разувѣрить магометанина въ святости великаго пророка, чѣмъ убѣдить многочисленныхъ поклонниковъ и поклонницъ вдохновеннаго аббата въ томъ, что аббатъ, какъ

и всё смертные, имѣть нѣкоторыя слабости и пороки; они не вѣрили даже, что отъ него воняетъ страшно рапэ, которое великій сѣятель нюхалъ поминутно и щедро сѣялъ вокругъ себя, даже на собесѣдницъ и собесѣдниковъ. Аббатъ бывалъ въ Россіи и былъ любимцемъ свѣтскихъ дамъ; сѣзжаться на его проповѣди было въ модѣ нѣкоторое время; но сѣяніе успѣшнѣе еще, чѣмъ съ каедры, шло у него въ гостиныхъ, на обѣдахъ втроемъ, на *soirées intimes*, въ будуарахъ; веселый, острякъ, обладавшій французскимъ стариннымъ *bon sens*, онъ дѣйствовалъ несравненно успѣшнѣе, чѣмъ сухіе, уснащивавшіе рѣчь свою текстами и соборными постановленіями, обратители. Іезуиты это знали хорошо и посылали аббата, имѣвшаго громадный кругъ знакомства всюду, туда, гдѣ уловъ былъ побогаче и повыгоднѣе. Въ Савоіи онъ поселился на нѣсколько мѣсяцевъ, чтобъ отдохнуть, какъ объяснялъ самъ, но врядъ ли съ этою только цѣлью, какъ обличала поминутная переписка, отправляемая ежедневно съ особыми курьерами; дѣла ордена были плохи; аббатъ, подобно Суворову, несмотря на гоненія, бралъ крѣпость за крѣпостью и, оставляя въ завоеванныхъ мѣстахъ свои гарнизоны, шелъ съ авангардомъ далѣе. Съ княземъ Борисомъ и его семьею онъ познакомился въ Венеціи чрезъ монсиньора; съ первыхъ же дней Борисъ привязался къ умному, прикрывавшему хитрость веселостью и маскою добродушія, сѣятелю.

— Вѣдь это, право, не такъ страшно, какъ вамъ кажется, говорилъ, понюхивая свой рапэ аббатъ, толкуя съ нерѣшительнымъ княземъ о его переходѣ въ римско-католичество. — Напримѣръ, изъ іезуитовъ люди сдѣлали себѣ какое-то страшилище; іезуитъ — хитрецъ, интриганъ, злодѣй, толковалъ аббатъ, смѣясь своимъ добродушнѣйшимъ смѣхомъ. — Но, вѣдь, *mon cher prince*, нельзя смотрѣть мыслящему человѣку вѣкъ свой на вещи глазами большинства, всегда пугливаго и близорукаго. Покорись мнѣнію большинства апостолы, они не были бы апостолами.

Привыкшій разгадывать сразу человѣка, какъ всё умные, бывалые люди, аббатъ прикомандировалъ къ князю молодаго итальянца, котораго видѣлъ читатель сейчасъ, великаго мастера вдохновляться, вполонину искренно, вполонину притворно; итальянецъ былъ похожъ на тѣхъ лгуновъ, которые, начавъ лгать по привычкѣ, увлекаются, наконецъ, до того, что на-

чинають сами вѣрить въ сообщаемыя небылицы. Впечатлительная, привязчивая, искренняя душа князя размягчилась, какъ воскъ, подъ лучами полупритворной дружбы, скоро завязавшейся между молодыми «искателями истины», какъ называли они себя. Для окончательной, нетрудной, побѣды надъ русскимъ, полученнымъ баричемъ, іезуиты увезли его въ глушь, въ Савою, оторвавъ отъ семьи и отъ возможныхъ встрѣчь съ людьми, въ родѣ бакалавра, котораго примѣтили въ Венеціи отцы,—и дѣло увѣнчалось успѣхомъ. Князь Борисъ не только перешелъ въ католичество, но и поступилъ въ члены ордена, заявивъ при поступленіи желаніе быть миссіонеромъ; іезуиты обѣщали отправить его въ Америку.

Тяжело, грустно сдѣлалось князю, когда, произнеся свое согласіе, онъ очутился въ длинной, голубой комнатѣ упраздненной обители; это случилось, какъ нарочно, осенью, когда завывающій около стѣнъ и развалившихся капеллъ вѣтеръ увеличивалъ сходство стараго монастыря съ кладбищемъ, позабытымъ, не посѣщаемымъ людьми, утратившими давно перечень зарытыхъ на немъ покойниковъ. За общею трапезой, въ бесѣдахъ съ братіею, съ аббатомъ, онъ оживалъ, но, оставшись одинъ, тосковалъ, плакалъ. Такъ мечется молодой жаворонокъ, попавшій съ воли въ тѣсную, неумолимо-прочную, снабженную и кормомъ, и водою, но скучную до-нельзя, до тоски, снаружи раззолоченную клетку. «Я отщепенецъ, перебѣщикъ», размышлялъ князь, лежа въ потемкахъ на своемъ диванѣ. «Да; перебѣщикъ.... Но во имя чего?—Во имя истины.... Я перешелъ по убѣжденію.... Совѣсть не упрекнетъ меня», оправдывался самъ передъ собою молодой отшельникъ. Совѣсть не упрекаетъ, можетъ-быть, и молодую мать, въ темную ночь подбросившую къ чужому, незнакомому крыльцу младенца.... Но зачѣмъ же нагибается она надъ нимъ, цѣлуетъ, плачетъ, пытливо заглядывая въ улыбающееся личико, стараясь разсмотрѣть, нѣтъ ли въ этой улыбкѣ укора ей, упрека? «Виноватъ не я, а отступившіе отъ истины мои соотчичи», продолжалъ утѣшать себя князь; а между тѣмъ воображеніе переносило его домой, въ дѣтство, и видѣлась ему всемогущая въ домѣ, старикъ-дьяконъ, съ такимъ благоговѣйнымъ смиреніемъ произносившій: «молимся Ти; услыши и помилуй». «Однако, я не могъ молиться», размышлялъ князь. «А теперь молюсь отъ сердца. А миссіонерство, дѣятельность?.. Принести первый лучъ животворнаго свѣта въ страну, гдѣ царствовалъ мракъ

невѣдѣнія?.. Развѣ для этого одного не стоить вытерпѣть и боль, и стоны сердца? Я не ребенокъ; я человекъ мыслящій. Мать, сестра?... Но не сказалъ ли Онъ, сама любовь: вотъ моя мать, вотъ мои братья, сестры, указавъ на шедшихъ по стопамъ Его?»

Князь похудѣлъ, постарѣлъ; иногда, бродя одинъ по горамъ, окружавшимъ монастырь, или расхаживая, съ заложенными назадъ руками, межъ памятниковъ, по аллеямъ монастырскаго сада, онъ похожъ былъ на помѣшавшагося; братія, аббатъ, даже молодой другъ его, итальянецъ, по переходѣ, сдѣлались далеко не такъ внимательны къ нему, какъ прежде; такъ, напримѣръ, разъ, послѣ перехода, пошелъ онъ, по обыкновенію, вечеромъ, побесѣдовать къ аббату; великій сѣтатель заставилъ его ждать себя съ часъ, въ приемной, увѣшанной потемнѣвшими, плохими картинами, изображающими различныя мученія и флагелляціи (бичеванія), и, выйдя, спросилъ, выразивъ удивленіе на вдохновенномъ лицѣ своемъ: «что вамъ угодно, братъ Антоній?» (князь получилъ при переходѣ это имя). Посѣтитель объяснилъ, что пришелъ такъ, побесѣдовать. Аббатъ смѣрилъ его своими ясными, свѣтло-голубыми глазами, понюхалъ рапэ и, помолчавъ, какъ бы для того, чтобы дать молодому богослову время сообразить все неприличіе своего поступка, произнесъ: «вы зашли бы къ кому-нибудь изъ братьевъ.... Я, вѣдь, занятъ, любезный другъ; письма, потомъ мои ученые труды требуютъ времени. Я очень радъ вамъ всегда, но.... Надобно дѣйствовать, любезный собратъ», прибавилъ онъ, наконецъ, улыбнувшись и хлопнувъ по плечу князя. «Нельзя же все бесѣдовать». Князь вышелъ, обданный какъ варомъ, и съ тѣхъ поръ пересталъ ходить на бесѣду къ «великому сѣтателю». Молодые братья тоже были не особенно ласковы; за глаза они передразнивали его и называли «пойманнымъ снигиремъ»; къ счастью, не замѣчалъ этихъ насмѣшекъ молодой новобранецъ.

Значительная сумма, добытая продажей части имѣнія, была переведена, по совѣту сѣтателя, очаровавшаго княгиню, на одного изъ бапкировъ, занимавшихся денежными дѣлами ордена.

При семинаріи была небольшая школа для крестьянскихъ, мѣстныхъ дѣтей, и князю предложили, для развлеченія, взять на себя уроки чистописанія; князь согласился, и три раза въ недѣлю смиренно разлиневывалъ мальчикамъ и дѣвочкамъ тетради и выводилъ своимъ, красивымъ, почеркомъ различныя правоученія, въ родѣ: «одна добродѣтель даетъ истинное счастье; трудъ полезен, праздность губительна».

— Ну, что же, мой молодой другъ, привыкаете ли вы къ новому образу жизни? спросилъ разъ, по окончаніи вечерни, князя аббать-святель.

Шедшіе отъ вечерни братья поглядывали, при этомъ, съ подобострастною улыбкой, то на аббата, то на князя, будто желая сказать: «видите, какъ благосклоненъ къ вамъ, внимателенъ и милостивъ святой отецъ. Вы должны цѣнить это».

— Да; привыкаю, ешпенесе, хотя иногда и грущу.... Миѣ жаль очень мать и сестру мою, отвѣчалъ князь.

— Вы ихъ увидите, и скоро.... Я вамъ даю слово, отвѣчалъ аббать и заговорилъ съ отцомъ-казначеемъ.

Князь, воротясь къ себѣ, думалъ: «Ужь не готовить ли миѣ сюрпризъ аббать? Мать я увижу; я увѣренъ, она будетъ подлѣ меня; но сестра... До меня ли ей... Пьеръ пишетъ, что долженъ проводить войска.... Вѣроятно, сестра съ отцомъ поѣдетъ вслѣдъ за нимъ въ Россію».

Такъ проходили день за днемъ; князь работалъ много, подъ руководствомъ друга-богослова, готовясь къ священству; несмотря на это, тоска подчасъ сильно одолавала его.... «Назадъ», приходило ему нѣсколько разъ въ голову; но показаться флюгеромъ, повертывающимся по направленію перваго, поднявшагося внутри, на душѣ, вѣтра,—пугало князя больше обвиненій въ ренегатствѣ, больше разлуки навсегда съ отечествомъ, не особенно, правда, и любимымъ имъ, человѣкомъ, въ которомъ съ дѣтства вытравлена была естественная любовь къ родному западными наставниками. Князь даже не отдавалъ себѣ отчета, о чемъ грустить, чего жалѣть; на Россію онъ смотрѣлъ какъ на страну съ великими залогами пожалуй, если (*sine qua non*) она окатоличится, но пока страну дикую, варварскую. «Что-жь въ ней любить, исключая родныхъ, да двухъ-трехъ прекрасныхъ людей, которые могутъ быть всюду? Они хороши вовсе не потому, что русскіе», размышлялъ князь. Любить народъ?... Но онъ не зналъ его и считалъ чуть не звѣремъ. Въ то время на народъ смотрѣло барство съ высоты своихъ балконовъ и террасъ, уставленныхъ сомнительными антиками. Что-жь удивляться этому незнанію народа въ князѣ, если еще интеллигенція нашего времени благосклонно называетъ простонародье «младшимъ братомъ», чуть не младенцемъ. Изученіе пѣсенъ, эпоса, дѣльные и высокопарные, пустые толки объ изученіи былинъ, быта, о сближеніи и пламенной любви къ народу подвинули, покуда, слыш-

комъ мало насъ въ народовѣдѣніи. Мы изучаемъ народъ, это правда, но какъ флору, ни на минуту не переставая любоваться, точно чиномъ, своимъ образованіемъ, не допускающимъ до униженія признать, что этотъ «тысячелѣтній малолѣтогъ» во многомъ врядъ ли не попытѣе и мудрѣ насъ, и что намъ самимъ можно у него кое-чему поучиться.

«Я счастливъ», писалъ князь по-французски, слогомъ многочисленныхъ переписокъ съ друзьями и наставниками перешедшихъ, — «счастливъ, какъ человѣкъ, достигшій, наконецъ, цѣли продолжительнаго путешествія; но еще, какъ бываетъ въ первыя минуты пріѣзда, я не усѣлся, не устроился какъ слѣдуетъ; все еще бродятъ въ головѣ впечатлѣнія ночлеговъ, дороги, мелькнувшихъ ненадолго мѣстностей, гдѣ суждено мнѣ было встрѣтить столько любви и вниманія. Откровенно скажу, васъ и сестры мнѣ только не достааетъ для полнаго моего счастья. Аббать вамъ кланяется; онъ очень занятъ, но общалъ писать вамъ на дняхъ. Такого яснаго ума, при благодушій и простотѣ, я не встрѣчалъ доселѣ; на дняхъ онъ спрашивалъ: скоро ли вы пріѣдете? Попросите Nadine, чтобъ она не считала меня за эгоиста. Я знаю, что она не отпуститъ васъ прежде свадьбы, но я вѣдь и не жду васъ раньше, какъ черезъ годъ, полтора. За то какъ свѣтелъ будетъ для меня день, въ который я поцѣлую вашу руку! Прощайте. Помолитесь обо мнѣ; я молюсь о васъ... Молюсь.... Еслибы вы знали, какъ мнѣ сладко писать, произносить это святое слово!... Поймите же, чѣмъ я обязанъ G. и D., дорогому аббату, а вмѣстѣ съ ними и покойному другу нашему, маркизу.... Я прежде не понималъ его.... Сестра не знала его; мнѣ самому объяснилъ этого замѣчательнаго, несчастнѣйшаго человѣка аббать O., рассказавъ подробно жизнь его».

G. и D. были іезуиты, изъ которыхъ одного читатель видѣлъ въ Раздолѣ. Князь началъ вести дневникъ; выдержки изъ него напечатаны не такъ давно за границую, отдѣльною брошюрой; сѣвось наружно-спокойную, плавную, мѣстами теплую рѣчь дневника просвѣчиваетъ, точно фольга, подложенная подъ филигранный окладъ образа, глубокая грусть и гнетъ, будто придавившій умъ мыслителя; мѣстами блещутъ на страницахъ исповѣди, точно слезы, живыя воспоминанія дѣтства, родины, юности. Такъ перебираетъ одинокій ссыльный старыя вещицы, напоминающія ему друзей, семью и невозвратные дни, только теперь, по утратѣ, сдѣлавшагося ему дорогимъ и милымъ, прошлаго.

Это была одна из легких побѣдъ отцовъ; да можно сомнѣваться даже, бывали ли трудныя, хотя о нѣкоторыхъ и говорятъ хвастливо отцы въ примѣчаніяхъ къ посмертнымъ изданіямъ мемуаровъ своихъ жертвъ: «это была побѣда нелегкая!» Въ бібліотекахъ русскихъ баръ того времени такъ же трудно было встрѣтить апостоль, біблію, какъ въ сундукѣ у старовѣра сочиненія Вольтера или Дидро. Зная наизусть всѣ изреченія Мирабо и Робеспьера, люди, въ родѣ князя Бориса, слышали апостольскія посланія только отъ дьячка, у обѣдни. Баккалавръ пробовадь, выражаясь его собственнымъ тяжеловатымъ слогомъ, «питать эту пищу духъ ученика», но ученигъ, увлеченный вскорѣ общимъ потокомъ новаго направленія, бросилъ эту питательную и простую пищу, принявшись за пикантные соте и венегреты, приготовленные модною, умственною кухней.

Слѣпая вѣра въ одинъ личный, собственный умъ скоро заставила его чуть не съ насмѣшкою смотрѣть на преданіе, юродствомъ называть смиреніе предъ величавымъ теченіемъ судебъ, совершающихся не по человѣческой, а чьей-то другой, высшей волѣ; все мѣряя однимъ аршиномъ разума, онъ и не могъ видѣть далеко, не могъ уразумѣть въ событіяхъ явленій духа и силы высшей, зиждущей втайнѣ, предуставленной отъ вѣка; такая дальнорзоркость пріобрѣтается одною вѣрою. Не было бы Распятія, еслибы человѣчество прозрѣвало, предусмотрѣнный отъ вѣка, планъ Зодчаго; личный умъ человѣческій, творя, лишь назидаетъ на основаніи, положенномъ разъ навсегда, на вѣки; люди, какъ ни гордись они, только строители тайнъ, отвѣтственные исполнители предначертаній, данныхъ Зодчимъ. Безъ этого сознанія творчество одинокаго человѣческаго разума будетъ похоже на работу поденщика, нанятаго на одинъ часъ, а между тѣмъ вздумавшаго выводить зданіе по-своему. Ему говорятъ: «не успѣешь».—«Я уговорю другихъ», защищается поденщикъ, не разсуждая, что другой, пожалуй, примется класть опять по-своему; ибо нельзя подчинить свою мысль мысли другаго, не убѣдившись, что чужая мысль и выше и разумнѣе моей собственной. Зодчій, имѣя въ виду, незримыя рабочими, цѣль и назначенье зданія, глядитъ на бессмысленныя хлопоты, разрушаетъ назданное не по плану и ведетъ съ новыми людьми свой величавый храмъ, задуманный отъ вѣка. Старая истина; но человѣку, всегда поклоннику новизны, всего труднѣе согласиться съ старою истиной. Недавно однако, въ наше вре-

мя, явилась мысль, что существует неразрывная связь между преданіемъ, отдаленною стариною и новыми событіями; но удивительно, почувявъ эту связь, мыслитель не рѣшается, будто стыдится, объяснить ее существованіемъ плана, начертаннаго вѣчнымъ разумомъ. «Буда-жь дѣвать мнѣ свой, мой личный разумъ, если я сознаю, что работаю по чужому предназначенію?» И вотъ, въ силу этой ребяческой гордости, рабочій, отворачиваясь отъ лежащаго передъ его глазами чертежа, спускается добровольно на жалкую ступень поденщика, не разумѣющаго мысли зодчаго, отказывается отъ соучастія въ разумнѣи.

Баккалавръ указывалъ на эту опасную размолвку разума съ вѣковымъ опытомъ и другими органами познанія шестнадцатилѣтнему ученику, но гдѣ же было устоять умному ребенку противъ ослѣпительнаго блеска мысли, вырвавшейся на широкій просторъ и громившей безъ пощады все старое. Онъ бросилъ оксфордскія лекціи подъ столъ и обложился произведеніями новыхъ философовъ, проповѣдывавшихъ невѣріе или, какъ они называли, «полную свободу мысли». Первые дни этого освобожденія были для него слаще перваго свиданія любовника съ любимую женщиной. «Какъ это я не догадывался прежде?» думалъ князь. Любуясь, точно Чичиковъ подбородкомъ, своимъ, очищеннымъ отъ предразсудковъ, образомъ мыслей, юноша блаженствовалъ. «Такъ, такъ; ясно какъ день», рѣшалъ онъ, читая появляющіяся то и дѣло въ печати подтвержденія своихъ новыхъ догадокъ и выводовъ изъ предположеній, пожалованныхъ въ достоинство аксіомъ и неопровержимыхъ истинъ. Иногда отворачивался онъ съ содроганіемъ отъ крови, проливаемой ревнителями свободы. «Но вѣдь кровь проливалась и въ противномъ лагерѣ», утѣшалъ онъ тотчасъ же себя, не замѣчая, впопыхахъ, что чуть-чуть не вносилъ этимъ оправданіемъ въ сводъ обновленныхъ своихъ понятій отмѣненное давно по безобразію: «око за око и зубъ за зубъ». — «Но это не месть, — это защита или печальная необходимость устранить препятствія», успокаивали его нетерпѣливые поклонники новаго умственнаго движенія. «Истина устранила руку апостола, поднявшаго ножъ на гонителей, и крестнымъ путемъ, путемъ самопожертвованія искони совершала свое шествіе», говорилъ, правда припоминалось князю, баккалавръ. Но на такое возраженіе отвѣчалъ князь, вмѣстѣ съ противниками и друзьями

свободомыслія: «такъ могъ поступать Христосъ, а не мы, слабые люди». Признаніе этой собственной слабости не мѣшало, и не мѣшаетъ, однако, друзьямъ свободомыслія считать первую пришедшую имъ въ голову мысль, фантазію чуть не закономъ для общества, для человѣчества.

Іезуиты сначала не упрекали его въ невѣріи, не доказывали бытія Божія; они подманили его другимъ кормомъ. «Вы—умный, образованный юноша, со средствами денежными и ничего не дѣлаете», говорили они. — «Мнѣ противно кровопролитіе; я поэтому не могу примкнуть къ республиканцамъ, хотя имъ сочувствую», оправдывался князь. Отцы начали доказывать, что орденъ служить той же истинѣ, той же свободѣ, но идетъ къ этому не кровавымъ путемъ, а мирнымъ, постепеннымъ. Юноша задумался. «Вѣдь между нами и юнымъ лагеремъ одно недоразумѣніе; и онъ и мы идемъ къ одному и тому же свѣту», подпѣвали іезуиты молодому, незрѣлому мыслителю. Тутъ, словно изъ земли выросъ итальянецъ, молодой богословъ, съ пламенною рѣчью о миссіонерствѣ, о свѣтѣ, который несутъ миссіонеры въ непроходимыя дебри и лѣса, въ среду, утопающую въ невѣжествѣ, и т. д. Князь растаялъ, и черезъ мѣсяць колотилъ себя въ грудь передъ подареннымъ ему аббатомъ мраморнымъ распятіемъ. Всего бы ближе было идти ему въ свою, приходскую церковь, увѣровавъ, но отцы-іезуиты доказали ему, что схизма и отвратила его отъ вѣры. Да; ближе была ему своя, русская церковь, но онъ не зналъ ея; чертежъ, набросанный когда-то бакалавромъ, стерся, поблѣднѣлъ въ его памяти; іезуиты рисовали ему по-своему русскую церковь, русскихъ поповъ, и князь отвернулся отъ картины, гдѣ намѣренно выставлены были на первый планъ одни недуги и слабости. Князь, не размысливъ, разсердясь на чтеца, швырнулъ въ печь святцы, какъ это дѣлаютъ многіе изъ нашихъ ревнителей чистоты нравовъ русскаго духовенства. Мать соглашалась съ сыномъ по слабости къ нему и тоже по незнанію своему; отецъ погоревалъ, но подумалъ: «я человѣкъ темный; онъ ученъ; стало-быть, тамъ вѣрнѣе, лучше духовенство, если онъ, въ самомъ дѣлѣ, увѣровалъ». Князя и княгиню огорчало одно,—это желаніе, явившееся у сына сдѣлаться священникомъ; это было громовымъ ударомъ для нихъ, аристократовъ, видѣвшихъ въ Борисѣ единственную, послѣднюю отрасль своего княжескаго фамильнаго древа. Грусть, посѣщавшая князя послѣ перехода, могла бы

навести его на многое; но онъ легкомысленно объяснялъ себѣ ее простою привычкою къ старому и писалъ матери: «я, послѣ вѣчности, уважаю больше всего время».

Такъ совершился переходъ молодого Тунгусова въ католичество,—явленіе, къ несчастію, не одиночное въ то время на Руси; другіе перешли, можетъ-быть, при другихъ условіяхъ: не обвиняя никого изъ нихъ голословно, мы не можемъ, однако, не грустить, не сожалѣть объ ушедшихъ изъ семьи братьяхъ. Переселенцы плохо приростали къ чуждой почвѣ; большинство ихъ обманывало себя, повторяя сердцемъ старое, свое, и лепеча устами, выученный твердо, новый символъ.

VI.

Было первое января; Петербургъ встрепенулся, ожилъ, задвигался, точно муравейникъ, разрытый посохомъ прохожаго; было часовъ девять утра: кареты четверками цугомъ, съ форрейторами, покригивавшими протяжное: «поди», съ трехаршинными напудренными гайдугами на высокихъ запяткахъ, еще не появлялись на улицахъ и около дворца; но сани, возки и небольшія визави съ переряженнымъ въ ливрею солдатомъ-сторожемъ, пѣшеходы уже сновали, несмотря на раннее утро, взадъ и впередъ; мундиры, шляпы, съ плюмажами и безъ плюмажей, выскакивали изъ возковъ и вбѣгали на подъѣзды различныхъ милостивцевъ, фаворитовъ, ихъ сіятельствъ, ихъ превосходительствъ и, просто, Ивановъ Максимовичей, Марій Петровенъ, не превосходительныхъ, но вліятельныхъ; одни обнимались, лобызали другъ друга, другіе кланялись милостивцамъ, ловили руку, пѣловали въ плечо, плакали отъ прилива чувствъ благодарности, признательности, или просто почтенія, уваженія къ заслугамъ и высокимъ душевнымъ свойствамъ отца и благодѣтеля, благодѣтельница... Человѣкъ, непосвященный въ таинства столичной жизни, могъ расслодѣть отъ восторга, подумать: «вотъ трогательное зрѣлище.... Взгляните, какое дружелюбіе, почтеніе къ старшимъ, преданность подчиненныхъ къ начальникамъ и истинно-отеческія отношенія начальниковъ къ подчиненнымъ! И говорятъ еще, что люди не исполняютъ заповѣди: «возлюби ближняго твоего, яко самъ себя».

А это что же?» Не донесись до слуха человѣка непосвященнаго двухъ-трехъ словъ, произносимыхъ иногда на украшенныхъ коврами подъѣздахъ великихъ міра сего, выражений въ родѣ: «и руки не подалъ, свинья. А? Каковъ? А давно ли чуть не ползалъ передо мною»; или: «что, протобестія, заискивать? Дай срокъ, я проберу тебя еще не такъ; ты у меня по стрункѣ будешь ходить, забудешь гордыбачить». Не донесись, я говорю, вотъ этихъ словъ, непосвященный въ таинства жизни сталъ бы всѣхъ увѣрять, что царствіе Божіе на земли давнымъ-давно осуществилось; а говорятъ, что его нѣтъ, одни невѣжды, да завистники, или же люди не бывавшіе никогда въ сѣверной Пальмирѣ.

Въ ярко окрашенной мѣдянкою, небольшой комнатѣ, несмотря на высокаторжественный день новаго года, за столомъ, накрытымъ зеленымъ сукномъ, возсѣдалъ необыкновенно угрюмый, лысый и косой военный генералъ, лѣтъ шестидесяти; около него по бокамъ, точно архангелы, сидѣли двое: одинъ— статскій, невысокаго роста, въ золотыхъ очкахъ на ястребиномъ, тонкомъ носѣ, худой, въ бѣломъ галстукѣ, который онъ поминутно оправлялъ и поддергивалъ, хотя галстукъ какъ нельзя лучше сидѣлъ на тоненькой, украшенной орденомъ, шеѣ; другой архангелъ былъ военный, полковникъ, судя по мундиру, упитанный, красивый молодой человѣкъ; этотъ поминутно зѣвалъ, закрывая слегка ротъ пухлою, украшенною двумя брилліантовыми перстнями, рукою. На столѣ горѣла лампа, такъ какъ солнце не удостоило, несмотря на высокаторжественный день, выглянуть изъ-за тумана, закутавшаго на этотъ разъ Пальмиру такъ ловко, что разъѣзжающіе экипажи поздравителей то и дѣло сталкивались и задѣвали другъ друга.

— Неужели и сегодня весь день просидимъ? спросилъ красивый, обратясь къ угрюмому.

— Какъ Богъ дастъ, отвѣчалъ угрюмый, надѣвъ большіе серебряныя очки и уткнувъ носъ въ лежащую на столѣ предъ нимъ бумагу.

Статскій поправилъ замысловатый бантъ своего галстука и, вытянувъ шею, произнесъ: «для разъясненія нѣкоторыхъ недоразумѣній не худо бы намъ потребовать, отъ канцлера, копии послѣднихъ депешъ нашего посланника въ Неаполѣ». Угрюмый генералъ углубился еще сосредоточеннѣе въ чтеніе бумаги.

— Какъ вы полагаете, ваше превосходительство? спросилъ

чиновникъ, пощупавъ орденъ и, по дорогѣ, вышитые концы галстука.

— На сей разъ полагать мнѣ нечего, ваше превосходительство: эти депеши у меня давно въ портфель, отвѣчалъ угрюмый генералъ, не отрывая глазъ отъ бумаги.

Чиновникъ заморгалъ и принялся протирать носовымъ, батистовымъ платкомъ золотыя очки свои, какъ бы для того, чтобы впредь, обращаясь съ вопросами, быть осмотрительнѣе и прозорливѣе; красивый зѣвнулъ во всеуслышаніе и развалился въ креслахъ; за окнами раздался гдѣ-то звонъ къ обѣднѣ; угрюмый набожно перекрестился; убравъ бумагу въ столъ, онъ развернулъ толстое дѣло въ сѣрой оберткѣ, лежавшее тутъ же на столѣ, заложилъ въ немъ одно мѣсто пустымъ конвертомъ и, снявъ очки, принялся глядѣть на выбѣленный, вѣроятно недавно, потолокъ комнаты. Воцарилось молчаніе: по лицамъ и по направленнымъ врознь взорамъ собесѣдниковъ нетрудно было замѣтить, что они давно ужасно другъ другу надоѣли; всѣхъ дружелюбнѣе было лицо упитаннаго полковника, но и онъ, небрежно развалиясь въ креслахъ, то игралъ золотою цѣпочкою, блестящею на бѣломъ жилетѣ, то смотрѣлъ на часы, разсматривалъ подробно брилліанты на своихъ перстняхъ для того, чтобы какъ-нибудь сократить время.:

— Да что, Катерина Ивановна пріѣхала? спросилъ онъ, обратясь къ угрюмому.

— Пріѣхала, отвѣчалъ, остановивъ свой взоръ на изразцовой печкѣ, угрюмый.

— Долго она здѣсь пробудеть?

— Объ этомъ вы ее спросите, отвѣчалъ угрюмый, не сводя глазъ съ печи.

Въ угрюмомъ генералѣ было что-то деревянное; зачесанныя съ висковъ сѣдыя пряди рѣденькихъ волосъ, съ наивною цѣлью прикрыть лоснящуюся, широкую лысину, были точно приклеены; небольшая, торчащая на затылкѣ коса тоже плохо шевелилась и не гнулась, будто вырѣзанная искусно изъ дерева; свѣтлозеленые, косые зрачки генерала не смотрѣли никогда на того, съ кѣмъ онъ говорилъ, а если какъ-нибудь, невзначай, встрѣчались со взоромъ собесѣдника, то тотчасъ боязливо сворачивали, куда ни на есть, въ сторону: застегнутый до горла, по сезону, мундиръ, съ краснымъ отложнымъ воротникомъ, былъ сшитъ неловко, но, какъ видно, крѣпко и, судя

по фасону, въ полковой швальнѣ; высунувшійся напередъ широкой носъ, худощавое, съ впадинами и возвышеніями лицо, выдающіяся, угловатая скулы—тоже были деревянные, до того твердые, что челобѣку, намѣревающемуся кинуться въ объятія генерала, весьма легко могло придти въ голову: «какъ бы, однакожь, мнѣ объ него не ушибиться». Только одиѣ большія уши и отвисшія губы, которыми поминутно шевелилъ генераль и укладывалъ на различный манеръ, были сдѣланы природою изъ какого-то очень мягкаго матеріала; губы, необыкновенно подвижныя и мягкія, напоминали животныхъ изъ породы слизняковъ.

— Скоро ли они тамъ? произнесъ генераль, сложивъ, по окончаніи вопроса, губы на новый, вѣроятно болѣе удобный, манеръ.

— Девятаго три четверти, замѣтилъ упитанный, взглянувъ на карманные часы и переложивъ иначе ноги въ щегольскихъ, коротенькихъ ботфортахъ.

Опять водворилась тишина.

— Господи, да не яростію обличиши мя, произнесъ неожиданно угрюмый, зѣвнувъ и перекрестивъ нѣсколько разъ ротъ, плохо гнущеюся, рукою.

— Митрополитъ, чай, служить, скромно замѣтилъ статскій, все время молча поправлявшій узелъ галстука.

Угрюмый не отвѣтилъ ничего; упитанный, нагнувшись, сталъ разсматривать печатку, прицѣпленную къ часамъ вмѣсто брелока.

— Привезъ, ваше превосходительство, произнесъ, вытянувшись, молодой, похожій на галку, низенькій адъютантъ, появившійся неожиданно въ дверяхъ.

— А.... Ладно.... Введи сюда, отвѣчалъ угрюмый. Да; постоя.... Отправилъ рапортъ?

— Отправилъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ адъютантъ, придерживая, замотавшуюся сзади при быстромъ поворотѣ, шагу.

— Съ кѣмъ? Съ Аксентьевымъ?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— То-то.... Введи, отвѣчалъ генераль.

Упитанный бросилъ брелокъ и развалился, стараясь переимѣнить выраженіе безопасности въ лицѣ на строго должностное, что плохо удалось ему; статскій пощупалъ галстукъ и, поню-

хавъ табаку, поглядѣлъ на дверь взоромъ охотника, замѣтившаго подъ кустомъ притаившагося зайца; угрюмый надѣлъ очки и развернулъ толстое дѣло.

Дверь отворилась и въ комнату вошелъ Катеневъ въ мундирѣ, но безъ шпаги; поклонившись засѣдающимъ, онъ подошелъ къ столу.

— Поближе не угодно ли? замѣтилъ красивый.

Катеневъ подвинулся.

— Вотъ ты сказалъ прошедшій разъ, началъ угрюмый, уставившись на орденъ статскаго, что нѣсколько сконфузило послѣдняго и заставило пощупать галстукъ и крестъ,—ты сказалъ, что прибылъ на эскадру двѣнадцатаго числа, а между тѣмъ оказывается, что австрійскій корветъ пришелъ къ эскадрѣ осьмагаго. Какъ же это такъ? спросилъ генераль, переведя свой взоръ съ ордена на потолокъ комнаты и накрывъ верхнюю губою нижнюю.

— Я могъ забыть, ваше превосходительство.... Мнѣ казалось, отвѣчалъ Катеневъ, что....

— Тутъ не должно казаться, а слѣдуетъ отвѣчать съ точностію, перебилъ угрюмый. А чего не помнишь, отвѣчать: «не припомню».

Катеневъ промолчалъ.

— Кромѣ приказанія передать письмо контрадмиралу Пустошкину тебѣ дана была нѣкая, словесно... инструкція чрезъ господина статскаго совѣтника Фукса. Въ чемъ она состояла? спросилъ угрюмый, обратясь къ печкѣ.

— Дана была; но сообщать ее мнѣ строго запрещено фельдмаршаломъ кому-либо, ваше превосходительство, отвѣчалъ Катеневъ вѣжливо, но спокойно и рѣшительнымъ тономъ,—по долгу присяги. Все, что я могу сообщить, мнѣ кажется, не преступая приказанія фельдмаршала, это то, что она относилась исключительно до фортификаціонныхъ работъ, порученныхъ частію моему наблюденію, подъ руководствомъ генерала Лагоца.

Угрюмый генераль глухо разсмѣялся, при чемъ лицо его не пошевелилось; можно было подуматъ, что смѣялся кто-нибудь за него въ сосѣдней комнатѣ.

— А сообщать отцу чертежи могъ? спросилъ онъ, все-таки обращаясь не къ Катеневу, а къ печкѣ.

— Это была моя неосторожность, ваше превосходительство; но я этихъ укрѣпленій не сообщалъ, а посылалъ чертежи осадъ уже оконченныхъ въ Верхней Италіи, отвѣчалъ Катеневъ.

— Такъ, продолжалъ угрюмый.— Долгъ присяги, ты говоришь.... Да кому ты присягалъ?

— Моему государю, ваше превосходительство. Началь Катеневъ.— Одному ему я и могу сообщить секретное порученіе.

— Прытокъ, замѣтилъ генераль, погладивъ свой деревянный подбородокъ.

Всѣ замолчали; Катеневъ переминался съ ноги на ногу; угрюмый, почесавъ у себя за ухомъ, написалъ что-то карандашомъ твердымъ почеркомъ на поляхъ дѣла.

— Дайте ему прочесть и подписать показаніе, произнесъ онъ, обратясь къ статскому.

Статскій вынулъ изъ лежащаго предъ нимъ щегольского портфеля бумагу и передалъ Катеневу.

— Прочти.... Вѣрно ли написано? началъ угрюмый, поглядѣвъ изподлобья на допрашиваемаго и потомъ отведя косые глаза на окно.— Если вѣрно, то подпиши.

Катеневъ сталъ читать про себя бумагу; угрюмый пошепталъ что-то сначала красивому полковнику, потомъ статскому и вполголоса произнесъ: «надо написать докладъ.... Прямо на-бѣло можете». Статскій досталъ изъ портфеля листъ бумаги и началъ писать, осторожно выводя каждую букву; Катеневъ, окончивъ чтеніе, доложилъ, что написано все вѣрно.

— Подпиши.... Чинъ, имя, отчество, фамилію, произнесъ, уставясь въ дѣло, угрюмый.

Катеневъ взялъ перо.

— Вотъ здѣсь начинайте.... Тутъ не упишете.... Поручикъ такой-то, объяснилъ очень любезно упитанный, указавъ изящнымъ пальцемъ своимъ, гдѣ надо начинать подписываться.

Катеневъ подписалъ; угрюмый позвонилъ, продолжая глядѣть въ дѣло; вошелъ жандармъ:

— Позови адъютанта, произнесъ угрюмый.

Въ ту же минуту явился адъютантъ.

— Отвези его обратно на гауптвахту, произнесъ генераль, отмѣчая опять что-то карандашомъ на полѣ толстаго дѣла.

Катеневъ поклонился и вышелъ въ сопровожденіи адъютанта изъ комнаты.

— Готово? спросилъ угрюмый.

— Готово, ваше превосходительство, отвѣчалъ статскій, любуясь написанною четкимъ, круглымъ почеркомъ бумагою.

Угрюмый прочиталъ новорожденную бумагу, переложилъ иначе

губы, подписалъ и, поднявшись со стула, какъ поднимаются искусно сдѣланные автоматы, произнесъ, глядя на карнизъ комнаты: «засѣданіе кончено».

Всѣ встали и, молча раскланявшись, разѣхались; сонный жандармъ потушилъ лампу, подвинулъ къ столу кресла и заперъ на ключъ комнату.

— И праздника нѣтъ.... Жисть! сердито замѣтилъ онъ, выйдя въ переднюю и обратясь къ товарищу-солдату, прибравшему на засаленномъ столѣ разсыльные, тоже засаленныя, книги.

Товарищъ, вмѣсто отвѣта, снялъ съ гвоздя шапку и ушелъ.

Сани парю, съ Катеневымъ и адъютантомъ, пролетѣвъ двѣтри оживленныя улицы, остановились опять у дома казенной наружности, выкрашеннаго грязно-желтою краскою; по деревянному помосту гауптвахты, между составленными въ возы ружьями, шагаль часовой, скрипя громадными калошами и поѣживаясь отъ мороза въ своей волчьей шубѣ; адъютантъ сдалъ плѣнника дежурному офицеру и уѣхалъ; заключенный вошелъ опять въ свою комнату съ окномъ, въ которомъ краснѣла кирпичная стѣна съ небольшимъ кусочкомъ небосклона; сбросивъ на кровать епанчу, поручикъ постоялъ противъ накаленной жарко печки, съ синими кувшинчиками и цвѣтками на изразцахъ, надоѣвшими ему до тошноты, и, сѣвъ на единственный стулъ у столика, принялся припоминать подписанныя только-что показанія; онъ давно понималъ, что взять по дѣлу объ осадѣ Анконы и за то, что пересылалъ изрѣдка отцу чертежи расположенія союзной арміи, какъ-то попавшіеся вѣнскимъ чиновникамъ, какъ объяснилъ ему упитанный полковникъ; но по какому поводу поднято дѣло объ Анконѣ, онъ не понималъ, какъ ни ломалъ голову.

Не желая пользоваться правомъ романистовъ—какъ можно долѣе оставлять въ неизвѣстности читателя, для возбужденія такъ-называемаго интереса, я въ короткихъ словахъ объясню причины поднятія дѣла. Осада Анконы, подготовленная, можно сказать, совершенно русскими, окончилась тѣмъ, что австрійцы, какъ мы сказали выше (именно генераль Фрѣлихъ), не посоветовавшись съ командующимъ русскою эскадрою, заключили капитуляцію съ осажденными; французскій гарнизонъ, вышедшій съ барабаннымъ боемъ и развернутыми знаменами изъ крѣпости, былъ весь отпущенъ австрійцами; на крѣпости былъ

поднять одинъ австрійскій флагъ, а наши часовые, явившіеся для занятія постовъ, были безъ церемоніи выгнаны союзниками изъ крѣпости. Государь страшно разгнѣвался, получивъ донесеніе объ этомъ отъ адмирала Ушакова; отнесшись, однакожь, къ дѣлу съ свойственнымъ ему безпристрастіемъ, онъ приказалъ произвести строгое разслѣдованіе — не подали ли русскіе какого-либо повода къ поступку союзниковъ; первое, что кинулось въ глаза слѣдователямъ, отправленнымъ въ Вѣну, это посылка къ Лагоцу офицера до полученія отвѣта, на письмо о Лагоцѣ Суворова, отъ императора Франца; этотъ поступокъ фельдмаршала былъ возведенъ, его иностранными и своими, недоброжелателями чуть не на степень государственной измѣны; поручикъ, посланный для устройства насыпей, попалъ въ герои поэмы, сочиненной завистниками фельдмаршала; чертежи давно совершившихся осадъ, отправляемые старому артиллеристу-отцу, тоже пришиты были къ дѣлу и прилетены, хотя довольно бездарно, къ главному сюжету творенія. Слышавъ отъ Милорадовича о взятіи Анконы, но не зная подробностей прискорбной размолвки между союзниками, поручикъ объяснялъ свое «взятіе» единственно неосторожною пересылкою плановъ отцу и, можетъ-быть, какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ, которое забылось имъ при разнообразіи и многочисленности встрѣчъ и знакомствъ во время почти годоваго похода; припоминая письма, замѣтки, чертежи въ своемъ арестованномъ портфель (послѣднихъ онъ теперь боялся, какъ огня), придираясь къ каждому слову своему, чужому, онъ ничего не находилъ даже намекающаго на измѣну, на преступленіе. «Развѣ вотъ пѣсня импровизатора; я ее записалъ, но тамъ говорится о защитѣ родины, — защитѣ, которой, главнымъ образомъ, содѣйствовали мы, наше правительство», размышлялъ поручикъ, убѣждаясь съ каждымъ днемъ сильнѣе, что совѣсть его чиста. Несмотря на это усноконтельное убѣжденіе, по временамъ, на него нападалъ страхъ за свою участь. «Развѣ не страдали невинно люди?» думалъ онъ. «Развѣ клевета не способна истолковать вкривь и вкось самое невиннѣйшее выраженіе?» При этомъ вспоминалось ему слышанное отъ кого-то изреченіе императрицы Екатерины, что за любое слово, объяснивъ его по-своему, можно казнить писателя. Неизвѣстность, знаетъ ли маркиза объ его арестѣ, гдѣ она и какъ объясняетъ себѣ его молчаніе, какъ глядитъ княгиня на его арестъ, — увеличивала душев-

ную тревогу, переходившую по временамъ въ тупое равнодушіе ко всему, если можно назвать этимъ словомъ состояніе души заключеннаго, на всю жизнь, человѣка. Порою онъ принимался молиться; молился жарко, со слезами. Подчасъ, какъ туча, набѣгало сомнѣніе: «да, полно, есть ли Промысль? Не жалкая ли букашка-человѣкъ, величающій себя цѣлымъ, отдѣльнымъ міромъ? Не ничтожная ли, беззащитная былинка онъ, смѣняемая черезъ годъ другимъ растеніемъ? И какое дѣло кому, что ее скосили, вырвали съ корнемъ? Мѣсто ея не будетъ пусто—заростетъ; и развѣ чудакъ, влюбленный, влекомый къ этому мѣсту дорогимъ воспоминаніемъ, вспомнить, что она росла когда-то тутъ, была нѣмою свидѣтельницей его пролетѣвшаго счастья». Но тотчасъ же онъ чуть не краснѣлъ отъ стыда и упрекалъ себя въ неблагодарности, пробѣжавъ мысленно прошедшее. «Нѣтъ, кто-то обо мнѣ всегда заботился», размышлялъ онъ, начиная сознавать, что и самая любовь къ кузинѣ дана ему не даромъ, а имѣетъ и имѣла для него тоже воспитательное значеніе; такъ онъ припоминалъ, что, встрѣтившись съ нею тринадцатилѣтнимъ ребенкомъ (она была его старше нѣсколькими мѣсяцами), онъ уже не разставался съ образомъ дѣвушки, жилъ мысленно постоянно съ нею; замышлялъ ли какую-нибудь продѣлку, злую насмѣшку надъ старикомъ-учителемъ въ корпусѣ, припоминалась ему она, и онъ краснѣлъ, оставлялъ злую продѣлку. «И потомъ», припоминалъ поручикъ, «гдѣ бы я ни былъ, всюду она была подлѣ меня, стояла кроткимъ ангеломъ-хранителемъ: смѣялся ли я съ товарищами надъ церковнымъ обрядомъ, передразнивая священника, я вспоминалъ, какъ бы она взглянула на это, и слово насмѣшки замирало на устахъ, и я молился втихомолку отъ товарищей. А почему мнѣ сразу показалась грязною, циничною среда мошенниковъ и игроковъ, куда чуть-чуть не завели меня Б. и Г., и собственная распущенность и неопытность?—Да потому опять, что въ сердцѣ и въ воображеніи стоялъ ея прекрасный образъ, своею дѣвственною красотой сразу обличая грязь и безобразіе жалкаго общества, въ которое попалъ я». И вспоминалъ онъ, какъ онъ уносилъ съ собою ея замѣчанія, слова, вмѣстѣ съ звуками милаго голоса, и хранилъ ихъ вмѣстѣ съ цвѣткомъ, подареннымъ ею же на память. «Да, полюби я другую, легкую, свѣтскую женщину,—я знаю себя,—изъ меня вышелъ бы щеголь, фать, «антишамбристъ», какъ говоритъ фельдмаршалъ; стараясь угождать ей, нравиться, я сталъ бы

воспитывать въ себѣ остроуміе, способность осмѣивать святыню», думалъ узникъ. «А у меня была-таки къ этому наклонность». Онъ вспомнилъ письмо ея съ попавшимися ей случайно словами евангелія: «я вамъ благовѣствую радость», вспомнилъ тогдашнее мрачное, не безопасное настроеніе свое, и теперь только созналъ, какъ былъ спасителемъ ему тогда этотъ лучъ свѣта и тепла, ударившій въ окно, открытое рукою той же любимой женщины. А этотъ примѣръ покорности, терпѣнья, это богатырство, не поколебавшееся даже передъ неотвратимою гибелью?... Всякъ говоритъ: «безъ воли Божіей волосъ съ главы не упадетъ»; да всякъ ли въ это вѣруеть? Да, это богатырство: такъ твердо выстоять подъ тучей стрѣль, наносимыхъ судьбою, съ однимъ щитомъ—твердою вѣрою, что Тотъ, кто душу положилъ за міръ, за челоуѣчество, не допуститъ погубить свое созданіе; это неизмѣримо выше, чѣмъ идти подъ картечь и ядра: здѣсь одинъ мигъ—и нѣтъ меня, а тамъ цѣлая жизнь впереди, жизнь полная оскорбленій, безысходной тоски, цѣлая цѣпь, сѣтъ положеній, одно другаго невыносимѣйшихъ. А князь Александръ Васильевичъ съ его заботливостью обо мнѣ?.. Теперь я знаю, для чего онъ посылалъ меня къ Лагоцу, —чтобы видѣть ограбленный республиканцами народъ, чтобы слышать изъ устъ бывшаго, яраго республиканца обличеніе республикѣ. «Вѣдь я, пріѣхавъ къ арміи, смѣялся надъ смиреніемъ Сергѣева, котораго теперь цѣню и уважаю несказанно, выше всѣхъ проповѣдниковъ свободомыслія; теперь мнѣ братъ родной—солдатъ, а я вѣдь прежде называлъ его животнымъ, а не разумнымъ существомъ, съ высоты своего пресловутаго свободомыслія. Да, все мнѣ было послано не даромъ, къ пользѣ моей, и не ничтожная былинка—челоуѣкъ, а существо, о которомъ кто-то непрестанно печется и заботится».

Въ такомъ раздумьѣ проводилъ дни, а иногда и ночи одинокій плѣнникъ, то лежа на своей койкѣ, то расхаживая изъ угла въ уголь по комнатѣ съ кирпичною стѣною въ окнѣ и съ печью, украшенною синими кувшинчиками съ невозможными цвѣтами; ровно въ часъ, ежедневно, солдатъ приносилъ ему обѣдъ; къ прибору не давались ножикъ и вилка; эта благоразумная, но плохо успокоивающая предосторожность усиливала подозрѣніе заключеннаго, что онъ взятъ далеко не по шуточному дѣлу. Сначала не давали и свѣчъ: комната по вечерамъ освѣщалась свѣтомъ корридорнаго фонаря, мерцавшимъ сквозь дверное окошечко; потомъ стала выдаваться сальная свѣчка. Черезъ два, три дня,

а иногда черезъ недѣлю, двѣ, его возили въ зеленую, уже знакомую читателямъ, комнату; эти выѣзды были праздниками для заключеннаго; воздухъ, встрѣча съ людьми нѣсколько освѣжали его, несмотря на печальную необходимость отвѣчать на вопросы, неизвѣстно къ чему клонившіеся. Русская пословица: «скоро сказка сказывается, но не скоро дѣло дѣлается», по всей вѣроятности, создана человѣкомъ, находившимся подъ судомъ или, по крайней мѣрѣ, имѣвшимъ тяжбу въ судахъ и палатахъ описываемаго времени. Свѣдѣнія, разъясненія, справки, по недостатку желѣзныхъ дорогъ и телеграфа, получались не скоро, несмотря на усердіе курьеровъ и фельдъегерей, не жалѣвшихъ ни кулаковъ своихъ, ни ямщицкой шеи; куча возникшихъ, такъ-называемыхъ «прикосновенныхъ», обстоятельствъ усложняла и запутывала простое дѣло поручика до того, что сами разслѣдователи не безъ труда доискивались подчасъ, какъ то или другое вяжется съ главною, не мудреною темою. О маркизѣ не было помина при допросахъ, что нѣсколько успокоивало заключеннаго. Общее впечатлѣніе, производимое на него вопросами слѣдователей, было, несмотря на это, тяжелое: онъ убѣждался день ото дня болѣе и болѣе, что онъ, поручикъ, послѣднее, незначительное лицо сложной картины, созданной не однимъ, а цѣлымъ обществомъ скромныхъ, но изобрѣтательныхъ художниковъ. Прошли январь, февраль, мартъ; апрѣль приближался къ концу, пустивъ потоки по кирпичной красной стѣнѣ и ожививъ ключокъ небосклона, синѣвшаго въ огнѣ; запахло весной; адъютантскія сани, носившія къ допросу, смѣнились дрожками, а заключенный все сидѣлъ въ пропитанной какимъ-то особымъ, казеннымъ запахомъ комнатѣ гауптвахты.

Однажды, въ концѣ апрѣля, утромъ сидѣлъ онъ подлѣ окна, на неизмѣнномъ кожаномъ стулѣ и читалъ присланныя въ первый разъ дежурнымъ офицеромъ «Петербургскія Вѣдомости»; заключенный такъ обрадовался имъ, что перечелъ безъ пропуска, раза три, все, начиная отъ производствъ и вексельнаго курса до объявленія о продающейся «дѣвкѣ, двадцати лѣтъ, здороваго тѣлосложенія». Въ извѣстіяхъ изъ-за границы говорилось много о «Буонапарте», начинавшемъ затмѣвать блескомъ своимъ всѣ другія свѣтила республики. Положивъ газету, Катеневъ началъ-было кормить въ форточку остаткомъ булки голубей, слетавшихся каждое утро на карнизъ окошка завтракать, какъ дверь отворилась и въ комнату вошелъ человѣкъ лѣтъ тридцати въ флигель-адъютантскомуиірѣ. комъ

— Поручикъ Катеневъ? обратился къ нему вошедшій.

— Точно такъ, отвѣчалъ поручикъ.

— Не угодно ли вамъ послѣдовать за мною.

Катеневъ застегнулъ мундиръ, взялъ шляпу и, накинувъ епанчу, отправился вслѣдъ за флигель-адъютантомъ, думая, что его везутъ въ комиссію; выйдя на крыльцо, арестованный и его новый спутникъ сѣли въ линейку, спинами другъ къ другу, изобразивъ собою двуглаваго орла, и щегольская сѣрая пара съ пристяжною, согнувшеюся въ три погибели, понеслась по петербургскимъ улицамъ; спустя нѣсколько времени поручикъ замѣтилъ, что ѣдетъ вовсе не тѣми улицами, какими обыкновенно возятъ его къ допросамъ.

Тогдашній Петербургъ не совсѣмъ былъ похожъ на нынѣшній: Невскій былъ обсаженъ деревьями; только-что отстроенный Михайловскій дворецъ изумлялъ всѣхъ своею оригинальною архитектурою, надписью на фронтонѣ: «дому Твоему подобають святыня и долгота дней» и краснымъ колеромъ, которымъ былъ покрытъ; частные дома тоже окрашены были разнообразнѣйшими колерами, начиная съ ярко-желтаго до розоваго и зеленаго; переодѣтое въ французскіе кафтаны, треуголки, высшее мужское народонаселеніе, солдаты съ косами, въ мундирахъ à la Frederic le grand, тоже привносили много своеобразія городу; только суровая красавица Нева, такъ же, какъ нынче, отразивъ фасады дворцовъ и будто не плѣвившись гордою ихъ красотою, задумчиво текла къ широкому простору своего роднаго моря.

У Катенева замерло сердце, когда линейка подлетѣла къ одному изъ боковыхъ дворцовыхъ подъѣздовъ.

— Не угодно ли? произнесъ флигель-адъютантъ, уступая ему дорогу.

Катеневъ вошелъ въ переднюю; кто-то снялъ съ него епанчу; спутникъ повелъ его по лѣстницѣ, покрытой ковромъ, потомъ свѣтлымъ корридормъ и ввелъ въ длинную комнату съ затворенными дверями въ концѣ; при входѣ два рослые гвардейца, въ павловскихъ высокихъ биверахъ кокошниками, оставили ружья, увидя флигель-адъютанта (такъ отдавалась честь во дворцѣ, вмѣсто обычнаго вскидыванья ружья). Дежурный офицеръ поднялся тоже со стула и взглянулъ на португею поручика, мотавшуюся безъ шпаги; у окна стояли деревянный генералъ и полковникъ, допрашивавшіе Катенева; поручикъ покло-

нился имъ; полковникъ ласково прошепталъ: «здравствуйте»; генераль кивнулъ, поглядѣвъ изъ-подъ щетинистыхъ бровей на плѣнника, и отвернулся.

— Подождите здѣсь, произнесъ флигель-адъютантъ, обратясь къ Катеневу.

Осторожно отворивъ дверь въ концѣ пріемной, онъ ушелъ, вѣроятно, докладывать.

Поручикъ всталъ у одного изъ оконъ, поглядывая на затворившуюся за флигель-адъютантомъ дверь; минутъ черезъ пять, показавшихся ему чуть не сутками, дверь отворилась и вышедшій флигель-адъютантъ произнесъ: «пожалуйте къ государю».

Катеневъ пошелъ, творя мысленно молитву; войдя въ полурастворенную дверь, онъ остановился. Государь стоялъ посреди комнаты, заложивъ одну руку за бортъ мундира.

— Ты поручикъ Катеневъ? спросилъ онъ.

— Точно такъ, ваше величество, отвѣчалъ, стараясь осилить нервную дрожь, поручикъ.

— Ты былъ подъ Ангоною?

Катеневъ отвѣчалъ: «былъ, государь».

— Какая инструкція тебѣ дана была фельдмаршаломъ?

Катеневъ отвѣчалъ, что фельдмаршалъ, приказавъ ему, по указаніямъ Лагоца и лейтенанта Ратманова, устраивать полевые укрѣпленія, не велѣлъ, впредь до распоряженія, сообщать объ этомъ никому; на вопросы же австрійскихъ офицеровъ: «зачѣмъ прибылъ въ Анкону», говорить, что присланъ съ депешами къ контръ-адмиралу, командовавшему русскою эскадрою».

— И ты исполнилъ это? спросилъ государь.

— Исполнилъ, ваше величество.

— Когда ты арестованъ?

Катеневъ отвѣтилъ; государь слегка пожалъ плечами, смѣривъ съ головы до ногъ поручика.

— Струсилъ? спросилъ онъ, улыбнувшись и подходя къ столу, чтобы взять шляпу и трость.

— Въ первыя минуты, государь, отвѣчалъ уже ободрясь поручикъ.— Но меня поддерживала и поддерживаетъ вѣра, что правда будетъ моею лучшею защитницей предъ вашимъ величествомъ.

— Гдѣ ты разстался съ фельдмаршаломъ?

— Въ Краковѣ, государь.

— Ужь онъ былъ боленъ?

— Тогда онъ только-что слегъ....

— Такъ всегда храни вѣренную тебѣ тайну, произнесъ, надѣвая перчатку, государь и, выходя изъ кабинета, прибавилъ: «поздравляю тебя капитаномъ».

Выйдя въ приемную, императоръ остановился и, обратясь къ флигель-адъютанту, произнесъ:

— Возвратить ему шпагу. *Ce n'est pas la un de vos jeunes gens, qui vivent sous les jupons; voila un jeune homme, qui sait porter les culottes **), проговорилъ онъ, указавъ головою на новаго капитана.

Катеневъ преклонилъ, по обычаю, колѣно и поцѣловалъ руку; государь вышелъ и тотчасъ уѣхалъ куда-то; флигель-адъютантъ побѣждалъ доставать шпагу; красивый полковникъ со слезами на глазахъ кинулся обнимать освобожденнаго; генералъ тоже пробормоталъ что-то въ родѣ привѣтствія, но, будто испугавшись, какъ бы не подмѣтили, что онъ не деревянный и способенъ чувствовать, тотчасъ перевелъ свои косые зрачки въ противоположный уголъ комнаты. Полковникъ былъ въ восторгѣ и разъ десять принимался жать руку еще не пришедшему въ себя Катеневу... Русскому трудно превратиться въ холоднаго полицейскаго, жандарма; даже при живѣйшемъ, его собственномъ желаніи остаться вѣрнымъ своей должности, онъ непременно измѣнитъ себѣ; нѣтъ, нѣтъ, а шевельнется, непременно, человекъ подъ мундиромъ секретнаго чиновника.

Флигель-адъютантъ подалъ шпагу и, давъ записку на гауптвахту, простился съ Катеневымъ.

— Да, не хотите ли взять мои дрожки? спросилъ онъ, возвратясь.—Я дежурный; мнѣ пока ѣхать некуда.

Катеневъ поблагодарилъ и вышелъ: кучеръ подалъ экипажъ; сѣвъ на дрожки, новый капитанъ вздохнулъ всею грудью; ему хотѣлось не то плакать, не то смѣяться; такіе внезапные переходы отъ горя къ радости, отъ злополучія къ благополучію и наоборотъ—были не рѣдкостью въ то время; одинъ изъ современниковъ, служившій въ *troupe dorée*, какъ называли конную гвардію, рассказываетъ, что тогда необходимо было имѣть въ карманѣ тысячу, другую рублей, выѣзжая изъ

*) Этотъ не изъ числа вашей молодежи, привыкшей жить подъ юбками; вотъ молодой человекъ, который умѣетъ носить штаны.

дому, такъ какъ за обѣдомъ трудно было съ достовѣрностью сказать, гдѣ будешь ужинать. Положеніе случайныхъ людей, людей «въ фаворѣ», по тогдашнему выраженію, весьма похоже было на положеніе музыкантовъ въ роговомъ оркестрѣ: взявъ свою ноту, музыкантъ смолкалъ и даже уходилъ изъ хора, предоставляя другимъ, по очереди, доигрывать мелодію; разница между тогдашнимъ придворнымъ и рожечникомъ была впрочемъ та, что рожечникъ зналъ впередъ число тактовъ, послѣ которыхъ надо замолчать, тогда какъ *fermato* придворнаго было для него самого, большею частію, сюрпризомъ. Отпустивъ флигель-адъютантскія дрожки, освобожденный отдалъ дежурному офицеру записку и, уложивъ наскоро свой мѣшокъ, отправился, на приведенномъ солдатомъ извозицѣ, на постоялый, откуда выѣхалъ, слишкомъ годъ тому назадъ, на боевые подвиги. Имъ овладѣло какое-то восторженное настроеніе; голосъ государя стоялъ въ ушахъ: «такъ всегда храни вѣренную тебѣ тайну». — «Стало-быть, оцѣнилъ онъ, призналъ, что я дѣйствовалъ какъ вѣрнопопданный, честно исполнилъ долгъ, служилъ ему, какъ умѣлъ, вѣрой и правдою», думалъ молодой воинъ. «Эти слова дороже мнѣ чиновъ и орденовъ». Слезы поминутно навертывались у него; его всего охватило то чувство, которое охватываетъ нашъ народъ при видѣ царя, — чувство безкорыстное, честное, создавшее слова: «надѣжа-государь, царь-батюшка», — чувство необъясненное, смутное пока, но въ которомъ лежитъ неодолима правда, сила... «Въ огонь и въ воду за него», думалъ юноша; и онъ пошелъ бы, въ эти минуты, безтрепетно въ огонь и въ воду. И сталъ онъ провѣрять свое душевное восторженное настроеніе, допрашивая самъ себя: ужъ не пожалованіе ли новымъ чиномъ, не радость ли свободѣ такъ разогрѣли его? Но онъ припоминалъ, что то же самое испытывалъ не онъ одинъ, а и другіе кадеты, когда государь посѣщалъ корпусъ, — испытывали, несмотря на то, что дрожали, ожидая на плацу, подъ дѣтскимъ ружьемъ, приѣзда строгаго и вспыльчиваго государя. «Нѣтъ, это не то; это не капитанскій чинъ, не чувство освобожденнаго узника говорятъ во мнѣ», думалъ Катеневъ, припоминая, какъ принимало его то же мощное чувство, когда онъ, бывъ ѣздовымъ, ѣхалъ съ своимъ орудіемъ мимо государя на маневрахъ, гдѣ участвовали и кадеты. И рядомъ съ этимъ вспомнилось ему, какъ онъ, послѣ смотра, никому не рассказавъ о томъ, что чувствовалъ, боясь

насмѣшекъ. хотя порывался разсказать; но онъ былъ уже тогда въ выпускномъ, старшемъ классѣ и почитывалъ Рейналя украдкою отъ ротнаго.

— Сюда, что-ль, ваше благородіе, тебѣ? спросилъ извощикъ, остановивъ свою тощую пару у воротъ постоялаго.

Катеневъ очнулся, разсчитался съ нимъ и, взявъ мѣшокъ, отправился отыскивать дворника; отворивъ дверь въ избу, причемъ его обдало тепломъ и сильнымъ запахомъ печенаго хлѣба, онъ увидалъ хозяина, разсчитывавшагося съ какимъ-то мужикомъ, въ верблюжемъ, гороховомъ кафтанѣ; увидавъ гостя, хозяинъ положилъ счеты на столъ и произнесъ, обычное тогда у крѣпостныхъ: «пожалуйте ручку». Совершивъ этотъ вступительный обрядъ, хозяинъ повелъ капитана въ свѣтелку, знакомую уже читателю, выгналъ двухъ курицъ, расхаживавшихъ по столу, усѣянному хлѣбными крошками, и сообщилъ, что «Аванасій пріѣхалъ съ мѣсяцъ изъ нѣмецкины, и вотъ, съ часъ назадъ, ушелъ на графскій дворъ узнать, пріѣхалъ ли фельдмаршалъ».

— Онъ тебя ждалъ, сударь, прибавилъ хозяинъ, прибирая въ избѣ.—Ты, знать, шелъ за арміей?

— Да... Что, нѣтъ вѣстей отъ батюшки? спросилъ Катеневъ.

— Вчера уѣхалъ, вотъ только, нашъ мужичокъ, барышникъ; двухъ жеребятъ приводилъ, такъ сказывалъ, всѣ слава Богу, отвѣчалъ хозяинъ.—Маменька ѣдила, говорить, на богомолье.... Какъ онъ называлъ монастырь? Забылъ... На Покрова Пресвятой Богородицы, говорить, уѣхала; а Тимошей Игнатьичъ прихворнулъ-было, недѣли съ двѣ лежалъ,—извѣстно, дѣло не молодое, а теперь, говорить, ничего, оправился.

Подъ графскимъ дворомъ хозяинъ разумѣлъ домъ графа Дмитрія Ивановича Хвостова, племянника фельдмаршала.

— А о князѣ Тунгусовѣ не говорилъ Аванасій?... Воротились они?

— Это о какомъ князѣ?... О Раздольевскомъ? спросилъ хозяинъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, прибавилъ: «тамъ еще за границей, на водахъ, на нѣвакихъ, на теплыхъ, говорилъ управляющій мнѣ Раздольевскій, пріѣзжалъ деньги вносить въ опекунскій... Все продаютъ, говорить, и пустоши, и лѣсъ... Имѣніе низовое, богатое, слышь, продали... Да, заграница-то она, сударь, бока-те промоетъ хоть кому. Ты чай ее узналъ теперь... И что имъ это далось? Жили бы да жили у себя въ помѣстьяхъ; прежніе бары не ѣдили, а гляди, какіе здоровые были безъ заграницы, толковалъ мужикъ».

— А не ждуть ихъ? Не говорилъ управляющій?

— Этого не говорилъ; неча, отвѣчалъ хозяинъ.

— Скоро ли вернется Аванасій? спросилъ поручикъ, мучимый вопросами: «знають ли мать, маркиза, отецъ о его заключеніи; какъ они смотрять на этотъ арестъ; потрясла, вѣроятно, всѣхъ ихъ страшная вѣсть?»...

— Да, надо быть скоро. Къ обѣднѣ развѣ зашелъ. Все ходитъ онъ въ Казанскій.... Хотѣлъ скоро придти. «Только, говорить, узнаю, когда ждуть фельдмаршала», отвѣчалъ хозяинъ, почесывая спину.—Тебѣ самоваръ не поставить ли?

Но освобожденный не слыхалъ вопроса; взявъ шляпу, онъ вышелъ на улицу и побрелъ, самъ не зная куда; ему не сидѣлось на мѣстѣ; сердце усиленно билось; расходившіеся, потрясенные нервы требовали движенія; душевная тревога, поднятая вопросами о маркизѣ, о своихъ, мѣшала наслаждаться свободою; ясный апрѣльскій день, съ оттепелью, жаркіе солнечные лучи увеличивали волненіе. Вспомнивъ слова хозяина, что Аванасій бываетъ у обѣдни въ Казанскомъ соборѣ, онъ повернулъ въ переулокъ, чтобы направиться къ Невскому; съ крыльца углового высокаго дома сходили двое, жарко споря и поминутно перерывая другъ друга.

— Позвольте.... Вы осуждаете неоконченное произведеніе, говорилъ высокій старикъ въ длинномъ сѣромъ сюртукѣ и маленькой треуголкѣ, съ портфелемъ въ рукѣ.

— Я осуждаю не планъ, я говорю о частностяхъ, отвѣчалъ спутникъ, оправивъ фризую шинель и загораживая дорогу сѣрому сюртуку.—Поэтъ заставляетъ созданное имъ лицо молиться, пишетъ молитву... Кончено его произведеніе или нѣтъ,—я вправѣ судить: сердцемъ или одною головою написана молитва.

— Да, однакожь.... началъ-было сѣрый сюртукъ, садясь въ карету четвернею съ форрейторомъ, подѣхавшую къ крыльцу.

Но фризая шинель воззрилась въ идущаго офицера; Катенька остановился.

— Гаврило Даниловичъ.... Вы? вскрикнулъ онъ, кинувшись обнимать фризую шинель.

— Кто же? Другаго, я думаю, такого нѣтъ во всемъ Петербургѣ, отвѣчалъ, расцѣловавшись съ бывшимъ ученикомъ и размѣявшись бакалавръ.

Старикъ крикнулъ изъ окна кареты: «прощайте Заозерскій», и уѣхалъ.

— Кто это? Лицо знакомое, спросилъ Катеневъ.

— Державинъ, отвѣчалъ бакалавръ.—Давно ли ты освобожденъ? Я порывался къ тебѣ, но хотъ говорить: «толцые и отверзется»,—не отверзли. Ахъ, какъ я радъ!... Но куда-нибудь намъ надо уединиться.... Давно ли ты освобожденъ?

— Сегодня утромъ, отвѣчалъ молодой капитанъ.—Но скажите прежде всего, имѣете вы извѣстія о семействѣ князя? Гдѣ они?

— Имѣю... Въ Теплицѣ, но на дняхъ старикъ съ дочерью будутъ въ Петербургѣ. Княгиня и князь Борисъ.... упомянувъ о послѣднемъ, бакалавръ нахмурился.—Ты слышалъ?

— Ничего не слышалъ.

— Перешелъ въ католичество, продолжалъ бакалавръ.—Я подозрѣваю, не перешла ли и ея сiятельство, но объ этомъ..... Это мое больное мѣсто и я не стану беречь его теперь, на радостяхъ. Какъ же ты?

— Вы не знаете, здорова Nadine? Знала она объ арестѣ? Вѣдь я помолвленъ.

— Знаю все.... Она въ томъ убѣжденіи, что ты свободенъ, но что потребованъ для слѣдствія и писать тебѣ, до времени, не велѣно... Я увѣдомлялъ, будто бы отъ тебя, ее часто, чуть не ежедневно, и она,—вотъ я покажу тебѣ письма,—покойна; сколько можно, все сдѣлано, чтобы не встревожить ее.

Катеневъ бросился опять цѣловать бакалавра, причемъ чуть не столкнулъ съ троттуара мимо шедшую пожилую даму.

— Будетъ; но поѣдемъ хоть ко мнѣ, говорилъ бакалавръ, надергивая свалившуюся-было опять шинель.

— Заѣдемте на мою квартиру. Ахъ, какъ мнѣ грустно за Бориса.... Поѣдемте ко мнѣ.... Мнѣ хочется узнать о своихъ отъ Аѳанася.

— Онъ былъ у меня... Поѣдемъ... Твоимъ написано то же самое... Будь покоенъ, говорилъ бакалавръ, садясь на извошчичью линейку.

У Катенева отлегло отъ сердца; черезъ полчаса старые знакомцы сидѣли за самоваромъ въ свѣтелѣхъ постоялаго. Катеневъ разсказалъ, что былъ у государя.

— Э, братъ, Петруша.... Это не французская пудра.... Жизнь, братъ, не парикмахеръ,—поприпудрила тебя, замѣтилъ бакалавръ, указавъ два, три серебряные волоса на головѣ бывшего воспитанника.—Чего, я думаю, ты не передумалъ и не перечувствовалъ, добавилъ Гаврило Даниловичъ сквозь навевшіяся слезы.

— Да, признаюсь, тяжело было подчасъ... Главное, мучила неизвѣстность, отвѣчалъ въ раздумьи Катеневъ;—но вотъ что странно, не чувствую я озлобленія противъ невѣдомыхъ враговъ, да еще, подивитесь, мягче, добрѣе я какъ-то сталъ.... Вотъ хотъ бы давеча, выходя отъ государя, такъ я полюбилъ его, такъ отдался, что потребуй онъ отъ меня жизни,—не задумался бы умереть. Я никому этого не скажу, не говорилъ; вамъ только рассказываю, зная, что вы не назовете это холопствомъ или низостью. Я самъ не могу себѣ отдать отчета въ этомъ чувствѣ.

Баккалавръ внимательно слушалъ эту восторженную рѣчь, наливая себѣ чашку чаю.

— Этого чувства не стыдись. У кого оно вытекаетъ изъ низости, тотъ жизни не отдастъ, у того вѣдь и чувства-то нѣтъ,—у того пародія на чувство, а пожалуй и притворство одно, говорилъ ученый съ нѣкоторою робостью, похожею на робость силача съ мускулистыми руками, берущаго хрупкую, изящную вещицу, которая того гляди изломается. —Я, братъ, теперь боюсь объяснять, мѣрять умомъ однимъ подобныя тонкія вещи.... Ты знаешь, я виноватъ одинъ въ томъ, что Борисъ, руководимый любознательностію, пытливостью, превратившеюся у него въ мученіе, въ страсть, въ запой, ушелъ—страхъ выговорить—въ іезуиты.

— Вы? Какъ же это, когда?... началъ-было Катеневъ.

— Я.... Я одинъ; я воспиталъ, зажегъ и безъ того пылкую душу его любовью къ истинѣ,—это услуга; но я пришпоривалъ его раннюю пытливость, тогда какъ ее надо было сдерживать. Ты зѣвалъ, слушая мои лекціи, а Борисъ не спалъ ночи, заставляя мозгъ переваривать пищу, слишкомъ сильную для ребенка.... Я давалъ ему мясо, когда слѣдовало давать молоко.... Я самъ былъ молодъ, я увлекся; меня увлекла самого талантливая натура ученика.... Я вспомнить не могу теперь безъ слезъ этого лихорадочнаго, пристальнаго взгляда его темноголубыхъ глазъ, устремленнаго на меня съ такой любовью, окончилъ баккалавръ сквозь слезы, поватившіяся изъ глазъ.

— Но.... Не преувеличиваете ли вы, Гаврило Даниловичъ?... Не иностранные ли университеты, люди, съ которыми встрѣчался онъ за границею... началъ Катеневъ, остановившись противъ задумавшагося собесѣдника.

— Нѣтъ.... Я началъ учить его не помолясь.... Миѣ надо

было съ вами просто ходить въ церковь, а я приваясь пичкать васъ философіею религіи, вздоромъ. Какъ правъ былъ раздольевскій священникъ, замѣтивъ мнѣ однажды: «разсуждайте съ ними поменьше о молитвѣ, а приучайте лучше ихъ молиться»... Я гордо тогда смѣрялъ сельскаго попа, вздумавшаго учить меня, бакалавра академіи, философа, и продолжалъ вамъ объяснить чуть не Апокалипсисъ; и вотъ страдаю, плачусь, смотря на горькій плодъ, привитой мною не во-время къ вѣткѣ.

— Но Nadine? возразилъ Катеневъ.

— Ее спасла природа, спасло то, что она была дѣвушка: женское, неиспорченное сердце отыщетъ, въ кучѣ мусора, бирь—и вышвырнетъ самое ненужное и вредное.... Припоминая теперь свои глубокомысленныя, жаркія проповѣди вамъ, я изумляюсь вѣрности природнаго чутья, которымъ угадывала, что въ нихъ правда, что туманъ, если не ложь,—угадывала это сразу, дѣвушка.... Ты чаще спалъ, и я благодарю за это Бога, окончилъ улыбнувшись бакалавръ.—Теперь я, не шутя, жалѣю, что не свелъ Бориса съ масонами; теперь я вижу, что они полезны для нашего высшаго общества, такъ точно, какъ полезны «задостойники» и «херувимскія», какого-нибудь Сарти, на мотивы изъ Моцарта, для молитвеннаго настроенія, офранцузившихъ свой слухъ, религіозныхъ баръ и барынь. Но это чувство-то самоотверженія ты береги, началъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Имъ была и будетъ еще велика, славна Россія....

Катеневъ сидѣлъ, боясь проронить слова; теперь только онъ оцѣнилъ, узналъ, увидѣлъ, какое любящее, нѣжное сердце хранилось и хранится подъ неуклюжею корою чудака-учителя.

— Здравствуйте, Петръ Тимоѳеичъ. Слава Богу.... Мнѣ графъ Дмитрій Ивановичъ сказалъ, что вы выпущены. Слава Богу, говорилъ вбѣжавшій Аѳанасій.—Ручку пожалуйте; здравствуйте, Гаврило Данилычъ.... Я къ вамъ вчера заходилъ, да не засталъ.

— Я ночевалъ у Державина, отвѣчалъ бакалавръ.

— Что, не слышать о фельдмаршалѣ? спросилъ Катеневъ.

— Везуть.... Не нынче, завтра будетъ. Плохъ, говорятъ.... Ёдутъ шагомъ, отвѣчалъ Аѳанасій.—Графъ говоритъ, врядъ ли доvezутъ живаго.

Катеневъ поблѣднѣлъ.

— Я не говорилъ тебѣ... началъ бакалавръ.—Говорятъ, нѣтъ никакой надежды. Пойдемъ въ Казанскій отслужить молебенъ, прибавилъ онъ, накидывая свой фризъ.

— Вотъ это дѣло... И меня возьмите. Да папенькѣ напишите. Я ужь вралъ, вралъ имъ въ письмахъ.... Да еще пишуто, ровно курица набродила. Вотъ и Гаврило Даниловичъ писали...

— Я, братъ, вралъ не въ однихъ письмахъ, а ежедневно вру, больше твоего несравненно, съострилъ улыбаясь баккалавръ. Сегодня вотъ чуть не цѣлую ночь философствовалъ у Гаврилы Романовича.... Пойдемте-ка, чѣмъ врать, лучше отслужимъ благодарственный молебень и за фельдмаршала помолимся.

Катеневъ взялъ шляпу, и всѣ трое вышли изъ воротъ постоялаго. Аонасій рассказалъ, что онъ жилъ въ Кобринѣ у фельдмаршала и что фельдмаршалъ писалъ о Катеневѣ въ Петербургъ кому-то нѣсколько разъ.

— Наконецъ ужь я не вытерпѣлъ, уѣхалъ, окончилъ свой рассказъ старикъ.—Пытались вотъ вмѣстѣ съ Гавриломъ Даниловичемъ пробраться къ вамъ, да не пустили, даже денегъ не позволили передать; эдакіе жестокіе!

VII.

Подъ бременемъ семидесятилѣтней жизни, съ болью отъ тяжкихъ ударовъ, достигающихъ, подобно молніямъ, чаще до того, кто стоитъ на вышинѣ величія и славы, съ полуразбитымъ, въ жизненной борьбѣ, сердцемъ, тащился, увѣчанный лаврами, старый русскій богатырь, въ высокой каретѣ, по вязкому, мѣстами снѣжному апрѣльскому пути, изъ славнаго похода своего къ столицѣ. Удары ударами, а эти мелкія жизненные дрязги, этотъ хламъ, невольно накопившійся на душѣ, какъ въ одинокомъ углу сряги куча гвоздей, подковъ, старыхъ подошвъ, зачѣмъ-то подымаемыхъ чудакомъ съ грязной улицы.... Прожить семьдесятъ лѣтъ—не поле перейти; чего-чего не наберетъ и не накопитъ человекъ въ своемъ сердечномъ ларцѣ; какого хлама не найдется въ немъ подъ конецъ жизненнаго пути, рядомъ съ вещами дивной красоты, цѣны несмѣтной. «Это зачѣмъ я спряталъ? Эту обузу зачѣмъ хранилъ и берегъ?» думаетъ онъ, перебирая скарбъ, накопившійся на сердцѣ. И благо тому, кто, догадавшись во-время, броситъ ненужное, лишь помогающее разводиться моли, тряпье и оставитъ себѣ только то, что нетлѣнно, дорого и стоить вѣчнаго храненія. Но кромѣ тяжелой думы о

себѣ, была у генія-богатыря другая дума—о Россіи. «Царь гнѣвнъ. Что это? Немилость лишь къ нему, къ провинившемуся подданному, къ Суворову, или же поворотъ убѣжденій на другую, новую дорогу?» Такой вопросъ на краю могилы, когда нѣтъ времени ни оправдаться, ни исправить ошибку свою, предложенъ былъ судьбою больному, истомленному отъ тяжкихъ, почти нечеловѣческихъ трудовъ, на многолюдѣ одному, какъ всякій геній, старцу. Давно ли раздавались, неслись на встрѣчу ему всюду восторженные клики, лигованья толпы, его благословляющей, привѣтствующей его славныя побѣды? И вдругъ очутиться, сразу, послѣ такого праздника, среди безмолвія, загадочной, зловѣще-мертвой тишины, наставшей отчего?... Отъ недовольства Руси его службою ей? Отъ козней клеветы, внушеній зависти?... «Бороться?..» Но борець напрасно расправляетъ старыя мышцы, — силъ больше нѣтъ, въ изнеможеніи падаетъ рука богатыря, когда-то мощная, неодолимая.

Въ такомъ настроеніи духа ѣхалъ фельдмаршалъ, лежа въ каретѣ, а ударъ за ударомъ, знай, летѣли на встрѣчу ему, вмѣсто привѣтствій и «добро пожаловать»; зависть работала. Всего больнѣй ему было за государя. «У ногъ его, у ногъ готовъ молить прощенія», говорилъ старецъ. Его устами говорило не опасенье за себя: чего ему было бояться за день-два до смерти, — душа его болѣла за государя; его устами говорило желанье примирить съ собою честнаго, безбожно разлученнаго клеветниками съ поданнымъ государя, — съ тѣмъ поданнымъ, который больше всего на свѣтѣ, послѣ Бога, любилъ «отца-царя, да мать-Россію».

И думы, одна тяжеле другой, неслись вереницей, будто тучи, недавно несшіяся подъ стопами вождя—тамъ, на сѣдыхъ вершинахъ грозныхъ Альповъ.

Такъ вотъ на что потраченъ этотъ жаръ, еще недавно разгоравшійся широкимъ полымемъ отъ искры—мысли о побѣдѣ, о славѣ родины. Онъ обманулъ меня; блудящій огонекъ казался мнѣ, всю жизнь казался путеводнымъ свѣточемъ. А эти тысячи убитыхъ, тысячи жизней, отданныхъ безъ ропота, съ кроткою слезой о своихъ, о матери, женѣ да дѣтяхъ? Страшный канунъ вѣчности!... Не для того ли ужъ нужно было подняться всей этой бурѣ, чтобъ язвами и болью дать способъ челоуѣку искупить здѣсь, на землѣ, грѣхъ вольный и невольный, вѣдѣнія и невѣдѣнія? Ибо послѣ раскатовъ грома и вздымающихся волнъ всегда сіяетъ солнце, море тихо, лазурь небесъ шлетъ на землю тепло и воздухъ полонъ благоуханія.

Карета ѣхала, порой увязая колесами по ступицы въ колеяхъ грязной, мѣстами еще снѣжной дороги; назади тащились тарантасъ князя Горчакова и коляска придворнаго врача, отправленнаго императоромъ. По ночамъ не ѣхали; фельдмаршала выносили изъ кареты и укладывали на станціяхъ, на неизмѣнномъ его сѣнѣ; больной почти не говорилъ, ночи мало спалъ и, сидя, молился часто до свѣта.

— Не встану. Слышу я, докторъ. Не утѣшай. Пора, отвѣчалъ онъ врачу на увѣренія.

— Богъ дастъ, поправитесь, и скоро, ваша свѣтлость.

Иногда, точно умирающій гладиаторъ, вдругъ подымался онъ съ своего жесткаго ложа. «Туда, въ Парижъ, въ сердце революціи», шептали хладѣющія уста. Тамъ корень всему злу; тамъ разнуздавшаяся воля создаетъ новый Римъ языческій». И назначалъ онъ путь чудо-богатырямъ, но больной мозгъ отказывался работать, и сѣдая голова стараго воеводы опускалась на походную подушку. Начинался бредъ: осады, битвы, синіе мундиры, шишаки, трехцвѣтные знамена, будто въ перепутанной панорамѣ летѣли мимо. «Надо»... Но бессильна человѣческая воля предъ волею Того, кому отъ вѣка вѣдомы судьбы народовъ; безмолвенъ каменьщикъ предъ зодчимъ, видящимъ прежде свершенія имъ предначертаннос зданье. «Мысль, русская мысль нужна теперъ», говорилъ фельдмаршалъ, когда бредъ проходилъ; «пиши по-французски, только думай по-русски». Что же дѣлала русская мысль описываемаго времени? Откликалась ли она на богатырскій зовъ вожатая?— Она откликалась, раскатомъ грома, въ пламенномъ стихѣ поэта. Но это были первые аккорды, увертюра къ ея желанному возрожденію. Определить составъ этихъ электрическихъ искръ, орудіемъ науки разложить ихъ, сыскать причину ихъ бытія было дѣло русскаго мыслителя.... Но русскій мыслитель боялся, какъ огня, самобытности. «Пожалуй, назовутъ отсталымъ, азіатцемъ, заговори я объ отцахъ церкви, да о смиреніи; поклонникомъ рабства, деспотизма назовутъ», думали русскіе академики, и русская мысль пряталась, туманно, робко высказываясь гдѣ-нибудь, какъ мы уже говорили, на Сѣнной, за самоваромъ чудака, оригинала, бакалавра. Поэтъ пѣлъ врознь, вразладъ съ русскою академическою мыслию. Богатырями мысли были не «первые, а послѣдніе», какъ будто въ подтвержденіе евангельскаго слова-были, въ которомъ искони вѣнчалось и вѣнчается все загнанное и забитое. Дабы ве-

сти, повелѣвать, заставить понимать, любить себя, русскій геніальный воевода и долженъ былъ снизойдти внизъ, къ этимъ послѣднимъ, разставшись съ первыми, долженъ былъ воплотить нравственный и умственный образъ, созданный богатыремъ-народомъ,—образъ, доселѣ неразгаданный учеными; только бѣжавъ изъ стана передовыхъ, промѣнявшихъ свои народные приемы ума на чужіе, иностранные, и вернувшись къ послѣднимъ, къ низшимъ, богатымъ вѣковымъ, дѣднымъ наслѣдіемъ, онъ могъ поднять за собою родной народъ до высоты невиданной міромъ любви, восторга и самопожертвованія.

Не знаменіе ли это? Не прообразование ли грядущаго мысленнаго вождя, который тоже, облекшись въ старинную мысленную броню, поведетъ родной народъ на бой духовный, тяжелый бой съ сильнымъ противникомъ, вооружавшимся столѣтія? Уже туда, смотрите, встарину, къ живому, вѣчному ключу народной мудрости кинулось новое наше поколѣнье; чего-то ищетъ оно около старыхъ, родныхъ развалинъ, допрашиваетъ ихъ.... Но вѣковые камни нѣмы, пока не отнесетъ сердцемъ къ старинѣ, къ нимъ вопрошающій. «Тудá, въ прошедшее», кто-то зоветъ русскихъ ратаевъ мысли; спасаютъ памятники народного творчества, точно отцовское имущество во время внезапнаго пожара; всѣ смотрятъ съ упованіемъ не на потомковъ, а на пращуровъ; не отъ грядущаго ждуть обновленія мысли, возрожденія, а отъ прошедшаго, отъ смолкнувшей, прежде думали мы, навсегда тысячелѣтней были. И уже не «впередъ», а «стой, осмотрись; никакъ мы позабыли что-то»—нерѣшительно, но ясно произносятъ мыслящіе люди; уже хватились многіе, а скоро хватятся и всѣ, весь длинный поѣздъ молодыхъ, богатыхъ силой и надеждами переселенцевъ, что позабыли взять они съ собою пращурную казну, забравъ второпяхъ, вмѣсто богатыхъ аксамитовъ, мѣшковъ съ бурмицкимъ жемчужнымъ зерномъ, самоцвѣтовъ-камней старорусской воды,—забравъ новокупленную рухлядь, всякій хламъ, который только тяготитъ, обременяетъ путниковъ. Да; мы еще въ дорогѣ.... Въ дорогѣ еще Русь. Не потому ли всѣмъ, отъ ямщика до русскаго поэта,—всѣмъ слышится что-то свое, родное въ яркомъ звонѣ вѣщуна-колокольца, въ неустойчивомъ бѣгѣ, разметающей гривы и ремни, удалой тройки? Да; русская, родная наша мысль еще въ дорогѣ. Тамъ, впереди, на синей полосѣ-каймѣ необозримой дали, словно видать родныя кресты, главы, золотые кресты?... Брось лишній хламъ; укладывай, не покидай дѣдовскихъ

кованныхъ ларцовъ, переселенцы; не вѣрь, будто они и пусты, и не нужны. Верхомъ грузи этимъ своимъ старьемъ телѣги, и тогда, съ Богомъ, въ путь, тогда «впередъ» съ молитвою и богатырскою пѣсней.

Замышляемый-было въ Петербургѣ торжественный въѣздъ и приемъ фельдмаршала были отмѣнены, и модель предполагаемаго монумента, гдѣ онъ, въ образѣ Геркулеса, билъ многоглавую гидру, была перенесена на чердакъ академіи художествъ. Блевета работала, не сознавая, что дѣлаетъ полезное, доброе, дѣло; послѣ тяжелыхъ утратъ, понесенныхъ нами и храбрымъ неприятелемъ, цинично, неприлично было бы торжество и ликование въ христіанской странѣ; одни язычники производили въ чинъ полубоговъ знаменитыхъ своихъ полководцевъ, возили ихъ на колесницахъ, съ пригованными сзади плѣнными; въ христіанской странѣ послѣ побѣдъ—мѣсто молитвъ, благодарственнымъ молебнамъ за дарованье «мира мірови», да панихидамъ по убиеннымъ друзьямъ и недругамъ; если война есть лишь необходимое покуда зло, то нельзя возводить христіанскому народу ее въ средство къ прославленію отечества; поэтому, торжество, приготовляемое-было Петербургомъ, могло напомнить потомству Грибоѣдовскаго Скалозуба съ его восторженнымъ восклицаніемъ: «довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ: изъ службы выключать однихъ, другіе, —смотришь, —перевиты». Богъ спасъ и здѣсь, какъ и вездѣ спасалъ, Суворова; торжество не состоялось, и карета фельдмаршала, двадцатаго апрѣля, вечеромъ, незамѣтно проѣхавъ по петербургскимъ улицамъ къ Николѣ Морскому, остановилась у подъѣзда огромнаго дома графа Дмитрія Ивановича Хвостова, извѣстнаго страстью читать всѣмъ и каждому свои стихи, племянника Суворова; выбѣжали люди на крыльцо, и больной на рукахъ былъ внесень въ лѣстницу; графъ, человекъ лѣтъ тридцати, кинулся цѣловать руки утомленному старцу.

— Государь, дядюшка, говорилъ онъ сквозь хлынувшія слезы.—Вы ли это?

— Я, другъ мой, я, отвѣчалъ слабымъ голосомъ Суворовъ.— Вотъ всѣмъ вамъ поученіе, какая гиль и пустошь—человѣческая слава.

Больного уложили на любимое имъ сѣно; комната была жарко натоплена, но онъ велѣлъ еще протопить, замѣтивъ хозяйину: «а здѣсь у тебя, Митя, холодно».

Черезъ часъ зналъ весь Петербургъ о прїѣздѣ Суворова, но экипажей останавливалось весьма немного на устланной соломой мостовой, противъ подъѣзда графскаго дома; государь тотчасъ прислалъ узнать о положеніи больного и потомъ присылалъ ежедневно.

Туго, по-петербургски, распускались почки на тощихъ березкахъ садика, примыкавшаго къ дому; быстро развивалась болѣзнь; въ прїемной все озабоченіе толковали межъ собою врачи и навѣщавшіе; день ото дня тише и тише дѣлалось въ домѣ и, наконецъ, шестаго мая, Катеневъ, по обыкновенію, подъѣхавъ часу въ девятомъ къ крыльцу, увидалъ въ окнахъ свѣчи; сердце у него замерло; изъ отворенныхъ дверей передней несло ладаномъ.

— Когда? спросилъ Катеневъ слугъ.

— Вчера, сударь, утромъ, отвѣчалъ одинъ изъ людей.

Катеневъ наганунѣ хлопоталъ объ отпускѣ и не былъ у Хвостовыхъ. Въ прїемной толпилось человекъ пять-шесть военныхъ; обойщики обтягивали стѣны чернымъ сукномъ; тѣло покойнаго лежало на столѣ въ сосѣдней гостиной. Катеневъ помолился и, поцѣловавъ руку, глядѣлъ на открытое лицо покойнаго; на лицѣ не было ни малѣйшаго слѣда страданія; фельдмаршалъ будто спалъ; морщины сгладились; на грудь спускалась небольшая, сѣдая борода, отросшая въ послѣдніе дни болѣзни; на золотомъ шитьѣ мундира играло пламя свѣчъ; трупъ точно дышалъ еще... Катеневъ зарыдалъ и отошелъ къ окошку; псаломщикъ однообразнымъ голосомъ читалъ: «отъ-имеши духъ ихъ, и исчезнуть, и въ персть свою возвратятся... Послещи Духа твоего, и созиждутся». Комната начала наполняться дамами, генералами, прибывшими на панихиду; всѣ шептались, какъ бы опасаясь нарушить сонъ отшедшаго. Послѣ панихиды Катеневъ уѣхалъ.

— Не стало Александра Васильича, встрѣтилъ его на постояломъ Аванасій, зарыдавъ. — Прогнѣвали, знать, мы всѣ Господа Бога.

Прибравъ въ комнатѣ, старикъ ушелъ за чѣмъ-то въ ряды. Катеневъ сѣлъ на лавку и, подперевъ руками голову, безсмысленно разсматривалъ выскобленную хозяиномъ доску дубоваго стола; ему сдѣлалось страшно за себя, за Россію, какъ дѣлается страшно уже понимающему ребенку, сыну, за мать, стоящую безъ копѣйки въ кошелькѣ подлѣ гроба мужа, кормильца

и поильца семьи. «Чѣмъ будемъ жить мы? Куда дѣнемся?» думаетъ ребенокъ, поглядывая робко на недвижимое, будто окаменѣвшее, лицо молодой матери... И это чувство страха испытывалъ не онъ одинъ,—испытывала вся Россія. «Вся Россія», говорить одинъ изъ современниковъ, «будто хоронила съ нимъ славу своего оружія». Великая личность фельдмаршала, помимо его военныхъ подвиговъ, была одна изъ тѣхъ, которымъ выпадаетъ счастье быть любимыми всѣми, каждымъ; безчисленные рассказы о немъ, его изреченія, поступки, еще при жизни его, превратились въ любимую народную быль, въ поученье, въ пословицу; вожатая военной силы, онъ сдѣлался вожатаемъ русской мысли, русскихъ духовныхъ силъ, русскаго міросозерцанія. Россія не съ такимъ любопытствомъ вслушивалась въ реляціи о его побѣдахъ, какъ въ его рѣчи о религіи, политикѣ, наукѣ, революціи, искусствѣ... Но о чемъ не велъ геніальныхъ рѣчей Суворовъ для того, кто имѣлъ и имѣетъ уши, чтобы слышать? Рассказы о его заступничествѣ за всякаго, кто обращался къ нему, о томъ, какъ воротилъ онъ матери изъ ссылки юношу, единственнаго сына,—какъ обожаемъ былъ солдатами,—я еще помню,—исторгали слезы у стариковъ, не выдавшихъ никогда фельдмаршала. Россія ищетъ, прежде всего, сердца въ великомъ человѣкѣ, и если, онъ отвѣтитъ сердцемъ же ей на этотъ святой запросъ, — она уже не разстанется съ нимъ, полюбитъ крѣпко, навсегда, на вѣки.

Свое личное, хотя нераздѣльное съ общимъ, горе охватывало душу молодого суворовца,—онъ былъ юный пріемышъ этой славной семьи; но долго ли было облюбовать птенцу тотъ кровъ, гдѣ такъ тепло жилось, гдѣ онъ не встрѣтилъ ничего, кромѣ любви къ себѣ и безкорыстнаго участія? «И вотъ, всѣ разбредутся наши, кто куда, какъ рой пчелиный безъ вожака, безъ матки», думалъ юный воинъ. И началъ онъ припоминать каждое слово своего благодѣтеля; только теперь, когда смогло на вѣки это слово любви,—теперь только получило оно для него настоящую цѣну. «Я не умѣлъ цѣнить его благодѣяній... Я не понималъ, какъ заботливо относился онъ къ моему воспитанію», размышлялъ молодой человѣкъ. Посылка въ баттарею, къ Лагоцу, на ученія австрійской артиллеріи, работы, поручаемыя ему въ штабѣ,—все осмыслилось только теперь для него и связывалось въ стройную, преднамѣренную систему всесторонняго, зрѣлаго воспитанія. Самое прозвище:

«пѣтухъ» получило теперь значеніе, когда онъ вспоминалъ свои прежнія заносчивыя рѣчи, вспыльчивый нравъ и неумѣнье сдерживаться тамъ, гдѣ нужно. А это обаяніе, производимое на молодежь оригинальнымъ и изящнымъ образомъ маститаго, но вѣчно юнаго душою, сердцемъ и умомъ вожатая?... Не только тотъ, кто жилъ съ нимъ, кто подлѣ него шелъ, но каждый, кто видѣлъ его разъ, каждый загорался жаркою къ нему любовью, и этотъ огонь любви очищалъ всякаго, какъ очищаетъ вещественный огонь металлъ, первоначально смѣшанный съ грубыми посторонними частицами. «И выходитъ на повѣрку, что вѣдь не этотъ блескъ военной славы, не этотъ величавый громъ», думалъ Катеневъ, «дѣлаетъ безсмертнымъ человѣка, а чуткая, прекрасная душа его, сердце, готовое отвѣтить, подать вѣсть каждому, въ комъ объявилась бы хотя крупица чувства. А эти громы, эти кроволитья, пожалуй, еще заставятъ усомниться, задуматься будущаго повѣствователя надъ отлетѣвшимъ образомъ богатыря, — пожалуй, поднимутъ подозрѣнія: «да, полно, не было ли въ немъ кровожадности? Была ли у него любовь и жалость къ человѣку?»»

— Знаете что, сударь, перервалъ думы капитана Аѳанасій. — Пойдемте-ка отслужимъ панихиду... Сейчасъ вамъ легче сдѣлается.

— Нѣтъ, братъ, тутъ панихида не поможетъ... У меня вотъ точно камень лежитъ здѣсь на груди... Тяжко, отвѣчалъ Катеневъ, пройдясь по свѣтелкѣ и уставясь въ окно.

У него брызнули слезы.

— Отслужимте... Пойдемте въ Базанскій, Петръ Тимоѣевичъ, приставалъ Аѳанасій.

— Пожалуй, пойдемъ... Письмо батюшкѣ отправилъ?

— Отправилъ... Вотъ ужъ за границу напрасно только деньги отдали... Вотъ поглядите, не застанеть, проговорилъ онъ и, подавая шпагу, прибавилъ:—вы эту шпагу берегите, Петръ Тимоѣевичъ... Царская...

— Сберечь надо на память; только подлѣ царской она чай и не леживала...

— Какъ такъ? Да нешто въ дворцѣ продаются шпаги?... Известно, шпага самого императора, рѣшительно закончилъ Аѳанасій. — Я вамъ ее въ послѣдній разъ подаю... Спрячу—и не допроситесь; футляръ особый закажу, съ надписью такого-то числа и года.

— Сохранить надо, подтвердилъ Катеневъ, выходя въ сѣни. Аѳанасій заперъ на замокъ свѣтелку и побѣжалъ за бариномъ.

— Свѣчей я трехкопѣчныхъ возьму, говорилъ онъ, догоняя Катенева.

— Все равно; бери какихъ хочешь.

— Не все равно, сударь... У насъ всего-на-все рублей пятнадцать осталось... А когда еще вышлютъ... Вотъ жалованье надо бы похлопать, чтобы здѣсь выдали... Гдѣ наша рота, Богъ ее вѣдаетъ.

Они подошли къ собору; на крыльцѣ, въ ожиданіи дрожекъ, стоялъ молодой, расфранченный, напудренный и подвитый гвардеецъ.

— *Bon jour*, Катеневъ, проговорилъ онъ, прищурясь и подавая узенькую, плотно обтянутую замшевою перчаткою, руку.— Давно ли ты здѣсь?

— Не давно.

— Когда похороны Суворова?

— Не знаю, отвѣчалъ, замѣтно не особенно довольный этою встрѣчею, Катеневъ.

— *Mais escoutez, mon cher...* Неужто его будутъ хоронить съ тѣми же почестями, какъ Румянцева? Ты понимаешь: Румянцевъ и... *cette bête féroce...* И потомъ, какъ на это взглянуть за границую? Что ты на это скажешь? спросилъ, прищурясь, офицеръ.

Катеневъ вспыхнулъ.

— Я бы тебѣ сказалъ, отвѣчалъ онъ съ дрожащими отъ волненія губами. — Но... здѣсь не мѣсто и не время говорить...

— Ты сердисься? перебилъ офицеръ.

— Да, я было вспылилъ, но вспомнилъ поговорку: дурака учить, что мертваго лечить, проговорилъ, поблѣднѣвъ, Катеневъ и ушелъ въ двери собора, откуда ужъ давно кивалъ ему Аѳанасій.

Гвардеецъ посмотрѣлъ ему въ спину въ лорнетъ, повертѣлся и, проговоривъ: «это однакожь дерзость... Надо бы мнѣ... *Pointant*, что связываться съ каждымъ *raguener*... Я опоздаю къ тетущкѣ»,—сѣлъ въ дрожки и уѣхалъ.

Всего труднѣе, особенно въ концѣ повѣсти, романа, изображать неожиданныя встрѣчи. «Такъ и есть», думаетъ читатель;

«ему, автору, нужно, чтобъ они встрѣтились; я это напередъ зналъ». Какое высокое явленіе это требованіе художественной правды, требованіе логики въ картинѣ, присущее каждому изъ созерцателей! Той же послѣдовательности, основанной на неизмѣнныхъ, данныхъ искони законахъ, требуетъ созерцатель отъ художника, каковую видитъ въ творествѣ природы, гдѣ нѣтъ скачковъ и случайностей, гдѣ все совершается по закону внутренней необходимости, гдѣ вѣговая, неразрывная цѣпь явленій состоитъ вся изъ причинъ и ихъ неизбѣжныхъ послѣдствій. Нѣтъ отговорокъ, оправданій художнику предъ читателемъ, если онъ измѣнилъ правдѣ, нарушилъ психологическій, нормальный ходъ, постепенность роста характера, чувства, мысли, возрѣнія лица изображаемаго. Между тѣмъ, налагая такія тяжкія бремена на другаго, требуя такъ справедливо постепенности и правды въ картинѣ жизни вымышленнаго или списаннаго съ природы лица, тотъ же читатель не порицаетъ нетерпѣнія людей, пытающихся измѣнить, по своему благоусмотрѣнію, теченіе широкаго русла народной жизни; тутъ, окрыленный желаніемъ блага человѣчеству, каждый горячій утопистъ-мечтатель можетъ не только судить и ридить, но даже дѣлать безнаказанно опыты надъ живымъ общественнымъ организмомъ; и не караетъ его никто за это упреками, — мало того, еще хвалятъ, называя передовымъ, вожатаемъ, народолюбомъ; напротивъ, тотъ порицается большинствомъ, кто стоитъ за права жизни, кто ратуетъ противъ кровопролитія; застою и отсталостью зоветъ оно не только отвращеніе, но даже недовѣрчивость къ крутымъ реформамъ и переворотамъ. Кто былъ бы противъ христіанской общности имущества, кто не любитъ этимъ небеснымъ, прекраснымъ явленіемъ въ апостольской церкви? Но какъ ввести, какъ примѣнить его между людьми, задыхающимися отъ алчности червонцевъ, золота, — между людьми, у которыхъ одна завѣтная цѣль жизни — быть миллионеромъ? Кто противъ свободы?.. Но какъ осуществится она въ средѣ людей, изъ которыхъ рѣдкій ложится и встаетъ безъ мысли: «какъ бы мнѣ скрутить хорошенько, нагнуть шею этому подлецу, моему ближнему?» Не пора ли увидеть и въ жизни народовъ руку художника, все устрояющаго въ ней по предначертанному плану и въ строгой постепенности? Не пора ли и къ теченію народной жизни отнести съ тѣмъ же требованіемъ постепенности, съ какимъ относится, и относится законно, созерцатель къ картинѣ, выставленной художникомъ? Бар-

тину можно бросить, позабыть, но нельзя воротить жертвъ и крови, нельзя ничѣмъ вознаградить слезы цѣлыхъ семействъ, народовъ, на развалинахъ роднаго очага и на могилахъ братьевъ и дѣтей, погибшихъ на аренѣ легкомысленныхъ опытовъ. Можно распинаться за истину, но нельзя распинать ближняго въ ея святое имя.

«Какая дрянь этотъ Б... Какъ взглянуть за-границею!... Да намъ-то какое дѣло, какъ тамъ взглянуть?» думалъ Катеневъ, еще задыхаясь отъ гнѣва, вызваннаго презрѣніемъ къ фельд-маршалу щеголеватаго гвардейца.

Ругая противника, новопроизведенный капитанъ позабылъ вовсе, что недавно еще самъ порицалъ Суворова за его несочувствіе къ свободомыслію; и такъ почти вѣдь всякій изъ насъ хлещетъ противника, называетъ его и дуракомъ, и дрянью, не признавая пользы противнаго мнѣнія, хотя бы даже какъ огнива, безъ котораго не излетитъ искра изъ кремня; уже это одно даетъ право противнику на нѣкоторое уваженіе.

«Что-жь, еслибы вода, промывъ плотину», продолжалъ, и справедливо, оправдывать любимаго вождя-наставника Катеневъ, «потопила окрестность съ селами и деревнями, погубивъ сотни, тысячи жителей, — что-жь, проходящіе случайно землекопы и плотники должны безучастно глядѣть, какъ гибнуть добрые люди, имѣя полную возможность загнать, сдержать разбушевавшуюся стихію, спасти край и его жителей отъ неминуемаго бѣдствія?... Не выживи мы изъ Италіи французовъ, они бы до сихъ поръ насильовали, грабили прекрасную страну; до сихъ бы поръ бѣдныяки-простолюдины отдавали послѣдній грошъ, — мало того, корку хлѣба этимъ вводителемъ свободы, братства и вольности. Я не повѣрю никому, будто настанетъ время, когда повраснѣютъ русскіе за эти славныя страницы своей исторіи. Кровь жертвъ падетъ на тѣхъ, кто вынудилъ, насилуя народы подъ свое позолоченное ярмо, идти насъ, русскихъ, для освобожденія этихъ закабаленныхъ вольностью....»

И юному богатырю казалось, что, не помѣшай намъ австрійцы, мы были бы въ Парижѣ и похоронили бы навсегда, на вѣки, дѣло революціи. Здѣсь ошибался не одинъ онъ, а и самъ Суворовъ. Рано было торжествовать побѣду надъ революціонными началами: эта побѣда впереди, и совершить ее никакъ не сила митральёзъ и нарѣзныхъ орудій, а сила разума. Кто поручится, не обозрѣвъ всю безконечную цѣпь всемірной были, въ ея про-

*

шедшемъ, будущемъ, что бесполезны были эти ужасающіе взрывы, что ничего не вынесли изъ нихъ народы, пострадавъ тяжко? Произнося свой преждевременный судъ надъ прошлымъ, историкъ рискуеть не понять плана, дѣлей, ведущаго разными путями, но всегда ко благу, высшаго разума. Быть-можетъ, этотъ скорбный путь нуженъ несчастной Франціи для того, чтобъ она, какъ Магдалина, узнала въ вертоградарѣ Учителя и уже никогда съ нимъ болѣе не разставалась.

Да, впереди день окончательной побѣды. Но не въ цѣпяхъ пойдутъ за колесницею богатыря-мыслителя побѣжденные, на свѣтломъ праздниѣ, въ великій день этой рѣшительной побѣды; не грубымъ, побѣднымъ, кликомъ, который любитъ одна гордая физическая сила, огласятся славные стогны новаго града.... Въ объятія, сердцемъ къ сердцу, бросятся другъ къ другу побѣжденные и побѣдители, и стройный лиѣ хвалебныхъ пѣснопѣній Тому, чей разумъ все привелъ въ созвучіе, украситъ радостное утро вѣчнаго международнаго согласія.

— Пьеръ... Ты? спросила, вспыхнувъ вся, молоденькая дама въ траурѣ, подходя къ привалившемуся къ колоннѣ капитану.

Катеневъ кинулся цѣловать ея руки.

— Вотъ неожиданная встрѣча, говорилъ, любуясь на встрѣтившихся, старикъ со звѣздою на груди, въ темномъ кафтанѣ.— А мы отсюда ѣхали къ Хвостовымъ поклониться праху фельд-маршала и узнать твой адресъ.

Катеневъ обнялъ его и опять обратился къ молоденькой дамѣ, въ которой читатель вѣроятно угадалъ овдовѣвшую маркизу.

— Женихъ и невѣста надо быть? спросилъ священникъ Аѳанасья, ставившаго свѣчи къ панихидному столику.

— Точно такъ, батюшка, отвѣчалъ Аѳанасій, подходя къ рукѣ князя и будущей своей барыни.

Отслушавъ панихиду съ княземъ и невѣстою, Катеневъ поѣхалъ съ ними къ графу Хвостову и оттуда въ гостиницу, гдѣ остановились пріѣзжіе.

VIII.

Двадцатаго мая, часовъ въ семь сіяющаго, не по-петербургски, утра, къ небольшому дому графа Хвостова, въ Коломнѣ, подъѣзжало множество каретъ четверками, колясокъ, дрожекъ:

генералы въ полной формѣ, съ орденами и лентами, шитые и не шитые мундиры статскихъ чиновъ вылѣзали изъ каретъ еще на мосту, такъ какъ, чтобы дождаться очереди, по которой добиралась до подъѣзда длинная вереница экипажей, надо было прождать добрый часъ, а то и больше; передъ домою и по каналу стояли войска и артиллерія; мимо ихъ и пробирались мундиры, придерживая свои сабли, кортики и шпаги; зеленый можжевельникъ, насаженный у подъѣзда, высокій балдахинъ съ лошадьми въ черныхъ пополахъ и факельщики, въ своихъ длинныхъ плащахъ, давали знать, что гости съѣзжались на похороны; огромная толпа народа, не взирая на убѣжденія жандармовъ и полицейскихъ, осаждала подъѣздъ; крыши сосѣднихъ домовъ и заборы были покрыты жителями; у крыльца толпились, въ черной ливреѣ, пѣвчіе.

Это были похороны Суворова; Катеневу назначено было ѣхать съ одною изъ артиллерійскихъ, бывшихъ въ походѣ, ротъ, и онъ пристроился къ ротѣ Сергѣева, неожиданно встрѣтившагося ему наканунѣ на Невскомъ.

— Успѣю я сходить въ домъ проститься, какъ вы думаете? Въ церкви, пожалуй, не доберешься, спросилъ Катеневъ Сергѣева, подѣхавъ къ нему на своей вороной, казенной, лошади.

— Ступайте. Только поскорѣе, отвѣчалъ Сергѣевъ.—Возьми кто-нибудь лошадь у капитана.

Катеневъ слѣзъ съ коня, отдалъ его подбѣжавшему артиллеристу и пошелъ къ дому; съ немалымъ трудомъ пробрался онъ въ залу, обитую чернымъ сукномъ, гдѣ, на высокомъ катафалкѣ, стоялъ малиновый, съ золотомъ, гробъ; вокругъ стояли безчисленные табуреты съ орденами фельдмаршала; дамы, ленты и звѣзды вопросительно и строго посмотрѣли на капитана, когда онъ, послѣ многочисленныхъ: «извините, позвольте пройти», подошелъ къ гробу. Положивъ три земныхъ поклона, Катеневъ взобрался на ступеньки и поцѣловалъ руку покойника; у него хлынули слезы, когда онъ взглянулъ на недвижимое лицо; еще разъ поцѣловавъ руку, онъ не сходилъ съ катафалка, какъ бы желая унести, запечатлѣть навсегда въ душѣ черты незабвеннаго ему человѣка, но кто-то дернулъ его за рукавъ; онъ оглянулся: это былъ Прошка съ двумя золотыми медалями на шеѣ, пожалованными сардинскимъ королемъ.

— Пожалуйте, Петръ Тимоѣевичъ. Сейчасъ вынось.

Катеневъ тутъ только опомнился и спустился съ ступенекъ

катафалка. Началась литія; но капитанъ пошелъ къ своей ротѣ, вытирая платкомъ бѣгущія ручьями слезы.

— Что, пробрались? Не удастся видно мнѣ еще разъ проститься, говорилъ Сергѣевъ, поправляя гриву своей лошади.

— Ступайте, отвѣчалъ Катеневъ, влѣзая на коня.

— Боюсь; генералитета ужъ очень много.... Я ходилъ вчера вечеромъ.... Простился. Да, сударь, и отца нашего не стало, проговорилъ Сергѣевъ, понутивъ голову и задумавшись.

— *Cineris hinc, fama ubique* *), произнесъ, проходившій мимо, статскій генералъ, обращаясь къ шедшему съ нимъ рядомъ молодому монаху съ умнымъ, худощавымъ лицомъ.

Катеневъ оглянулся и узналъ Фукса; онъ поклонился, но историкъ-секретарь не замѣтилъ поклона и исчезъ вмѣстѣ съ монахомъ въ дверяхъ подъѣзда. Сергѣевъ разлѣзжалъ, оглядывая пушки и робко посматривая на толпу, разлѣстившуюся на соседнемъ тротуарѣ. Минуть черезъ пять на крыльцѣ показался гробъ; войска опустили на молитву ружья, и глухой трескъ, покрытыхъ крепомъ, барабановъ покрылъ хоръ пѣвчихъ и раздавшійся женскій вопль; толпа заколебалась; гробъ поставили на колесницу, и шествіе тронулось; ордена несли офицеры по два въ рядъ; за ними шли пѣвчіе, длинный рядъ духовенства и опять пѣвчіе; предъ катафалкомъ шли генералы и другіе военные чины; барабаны гудѣли во все время, пока катафалгъ ѣхалъ мимо войскъ; съ полчаса, если не больше, пришлось ждать артиллеріи, помѣщенной въ концѣ поѣзда; наконецъ, Сергѣевъ скомандовалъ: «маршъ; трогай», и орудія двинулись шагомъ, между двухъ стѣнъ народа, усѣявшаго тротуары, окна, балконы, крыши; литавры глухо, словно задумавшись, били тяжелый тактъ похороннаго марша.

— Точно въ Италіи, замѣтилъ Катеневъ Сергѣеву.

— Да; только онъ-то самъ не на конѣ, а въ гробѣ, отвѣчалъ Сергѣевъ, отеревъ рукавомъ мундира покотившуюся слезу. — Вотъ наша жизнь, сударь, слава и почести....

Печальный поѣздъ выѣхалъ на Невскій; и тамъ все было запружено зрителями; балдахинъ съ перьями колебался надъ толпою; генералы верхами и пѣшіе сновали мимо ѣдущихъ шагомъ орудій; подручная у одного изъ ѣздовыхъ роты Сергѣева, испугавшись бѣлаго платка, которымъ замахалъ, зачѣмъ-то, про-

*) Прахъ здѣсь, слава повсюду.

ѣхавшій молодой адъютантъ, взвилась на дыбы, взглянула раза два задомъ и запуталась въ постромкахъ.

— Стой!.. Осади, огладь ее, приказывалъ Сергѣевъ сбѣжавшейся прислугѣ.

Солдаты пробовали взять подъ-устцы коня; но молодой конь снова взвизгивалъ на дыбы и снова билъ задомъ, отдѣлываясь отъ опутавшихъ его постромокъ. Сергѣевъ растерялся, увидавъ толпу любопытныхъ, окружившую орудіе.

— Проѣзжай... Что встали? кричали назади.

— Обрубите постромки, посоветовалъ Катеневъ. — Есть запасныя?

— Нѣтъ, ваше благородіе, отвѣчалъ одинъ изъ фейерверкеровъ.

Вздовой слѣзъ и началъ распутывать, вдругъ присмирѣвшаго и прижавшагося плотно къ своему сосѣду, коня.

— Это что за горе-богатыри, произнесъ проѣзжавшій мимо на сѣромъ конѣ, желтый, какъ померанецъ, генералъ, смѣривъ насмѣшливо Сергѣева.

— Вы ошибаетесь, ваше превосходительство, замѣтилъ, вспыхнувъ весь, Катеневъ.

— Какъ, ошибаюсь? спросилъ генералъ, осадивъ свою англизованную лошадь.

— Точно такъ, ошибаетесь, генералъ, твердо повторилъ Катеневъ. «Чудо-богатыри», имѣлъ обыкновеніе ихъ называть фельдмаршалъ.

«Пѣтухъ», будто раздалось изъ качавшагося впереди гроба. Катеневъ покраснѣлъ.

— Ваша фамилія? спросилъ генералъ.

Катеневъ отвѣтилъ; генералъ исчезъ; батарея тронулась.

— Какъ вы это такъ неосторожны, Петръ Тимоѣичъ? началъ, вытирая потъ съ лица, Сергѣевъ.—Знаете, какъ за это пострадать можете?.. Мало вамъ было еще...

— Пусть его жалуется... Я не отопрусь... Онъ не посмѣетъ... Онъ виноватъ кругомъ... Онъ этимъ словомъ оскорбилъ честь арміи, проливавшей кровь за отечество, горячился Катеневъ.— Я бы желалъ, чтобъ онъ пожаловался.

— Успокойтесь, говорилъ Сергѣевъ. — Экой, какой горячій вы. А какова оказія-то, сударь,—ась? Я зналъ это: необъѣзженныя лошади... Вынеси только Богъ, толковалъ онъ, робко поглядывая то на народъ, то на вздовыхъ своихъ.—Не горячи

ее, не дергай поводомъ... Вотъ такъ... Дай волю... Знакомый генераль-то? Ась?

— Нѣтъ, не знакомый...

— А спросилъ фамилію?

— Спросилъ.

«Государь!» раздалось въ толпѣ; офицеры приправились. На углу, у гостинаго ряда, стояла кучка всадниковъ; впереди на бѣломъ конѣ не трудно было узнать императора; онъ мастерски ѣздилъ и поминутно осаживалъ своего горячаго, извѣстнаго всѣмъ тогда, «Помпона». Толпа колебалась, приподнималась, чтобы лучше видѣть, на носки; когда гробъ поровнялся съ стоящею кучкою всадниковъ, государь снялъ шляпу, поклонился и, приложивъ платокъ къ глазамъ, произнесъ что-то. «Что онъ сказалъ? Сказалъ что-то?» заговорили въ толпѣ. — «Прощай; прости. Жаль, жаль героя», донеслось откуда-то, и черезъ нѣсколько минутъ извѣстны были почти всѣмъ эти слова императора.

— Все этимъ сказано, обратился къ Катеневу Милорадовичъ, проѣзжавшій мимо верхомъ.

— Да; это правда... Правда, что все сказано, подтвердилъ Катеневъ, обращаясь къ Сергѣеву, впившемуся глазами въ пугливаго коня, надѣлавшаго ему столько тревоги.

Печальный маршъ гудѣлъ; знамена колебались, словно плакучія березы надъ сельскимъ одинокимъ кладбищемъ. Государь повернулъ лошадь и поѣхалъ шагомъ назадъ, мимо идущаго войска; Катеневъ и Сергѣевъ отдали честь, когда онъ поровнялся съ ихъ орудіями.

— Здравствуй, сударь, произнесъ императоръ, узнавъ Катенева.—Твоя рота?

— Никакъ нѣтъ, государь. Капитана Сергѣева, отвѣчалъ Катеневъ.

Государь приложилъ руку къ шляпѣ и поѣхалъ далѣе; у молодаго капитана пробѣжала дрожь по членамъ; зашевелилось, закипѣло какое-то мощное чувство въ груди,—чувство любви, преданности, покорности, знакомое каждому русскому. Зови его какъ хочешь, либераль, но оно вспыхиваетъ—это чувство въ русскомъ при видѣ царя; и ошибется тотъ, кто назоветъ его раболѣпствомъ, подобострастіемъ... Нѣтъ, оно чисто, искренно, безкорыстно и живо до сихъ поръ золотой душѣ богатыря-народа.

Поѣздъ подѣхалъ къ лаврѣ.

— Не пройдетъ, толковали генералы, народъ, столпившись около остановившагося балдахина, передъ воротами.—Высокъ... Низки ворота... Не пройдетъ.

— Пройдетъ! Онъ вездѣ проходилъ, громко отвѣтилъ старый унтеръ, съ грудью, увѣшанною орденами и медалями.

Балдахинъ тронулся и, въ самомъ дѣлѣ, прошелъ въ сводчатые ворота.

Прошелъ и скрылся навсегда, отъ влажныхъ очей толпы, недолговѣчный, виѣшній образъ человѣка, — толпы, теперь только почувшавшей, кого она теряетъ. Духовный ликъ его остался навсегда въ сердцѣ каждаго русскаго; онъ оживетъ и явится во славѣ, вызванный русскимъ сознаниемъ, русскою мыслью, когда она вступить, наконецъ, послѣ долгаго блужданья по чужимъ извилистымъ дорогамъ, на царственный, широкій путь самостоятельной, родной и кровной своей жизни. Съ тоскою, можетъ-быть, глядитъ великій духъ вождя на прошлое, на страшные дни кровавой стычки и борьбы людскихъ ошибокъ, недоразумѣній; но онъ утѣшится, дождавшись, наконецъ, дня разумѣнія, дня пробужденья русской мысли, — дня возвращенія ея домой, къ себѣ, въ свою заповѣдную отчину. И Русь тогда помянетъ и благословитъ, не разъ, богатыря, среди насмѣшекъ, тяжкихъ обвиненій въ притворствѣ, хитрости, ревниво сохранившаго русскія нравственныя черты, свой русскій умъ, русское сердце; жизнь его будетъ вѣчною проповѣдью на Руси для всѣхъ — отъ генерала до простолюдина. Какъ Святогоръ, онъ, лежа подъ землею, пока стоитъ Россія, не перестанетъ надѣлять юныхъ сыновъ ея огнемъ любви къ отчизнѣ, къ вѣрѣ, къ человѣчеству, любви къ народу, къ старинѣ родной, не красной, не казистой съ виду, но теплой вѣрою, любовью, упованьемъ, — старинѣ, еще далеко не разгаданной, не изученной, разгордившимся не въ мѣру, новымъ временемъ.

«Нѣтъ, не дойдетъ», скажетъ на это мнѣ, быть-можетъ, представитель современной, модной, такъ-называемой, общечеловѣческой интеллигенціи, — «нѣтъ, не дойдетъ твой старый вождь, съ своими отсталыми воззрѣніями и юродствомъ, до свѣтлаго храма обновленной русской мысли; онъ будетъ въ немъ чужой и лишній въ своемъ, потертомъ, павловскомъ мундирѣ». — Дойдетъ, отвѣтимъ мы. Да развѣ даромъ, развѣ безъ яснаго предвидѣнья, безъ внутренней причины, тянуло такъ, влекло и донинѣ влечетъ къ нему русскаго, не вытравившаго

въ себѣ сердечной связи съ родиной? Развѣ не подавало сердце сердцу вѣсть, когда толпы лѣзли на неприступныя вершины, сквозь громъ и молніи, сквозь ядра и огонь, по мановенію отцавожатая? Да развѣ ошибался когда-нибудь нашъ чуткій, зоркій богатырь — народъ въ томъ человѣкѣ, котораго онъ полюбилъ всею душою, разъ навсегда, какъ любить, и любило искони, русское сердце своихъ избранниковъ? Дойдетъ — и перекатитъ тучею чрезъ неприступный Сенъ-Готардъ односторонней, гордой мудрости и будетъ еще разъ вожатаемъ, но ужь другой, духовной русской силы; опять съ славянами, съ тѣмъ же словакомъ, сербомъ, полякомъ и чехомъ, удалымъ черногорцемъ-орломъ, засѣвшимъ на скалу, на удивленье Западу, ни съ чѣмъ, съ одною вѣрою и жаркою любовью, да съ мѣднымъ дѣдовскимъ крестомъ на загорѣлой, мощной груди!..

Медленный, неторопливый звукъ орудій точно стучался въ крышку опускаемаго въ землю гроба. Катеневъ слѣзъ съ коня и, кое-какъ пробравшись сквозь толпу въ храмъ, упалъ, рыдая, на гранитъ подлѣ родной и дорогой ему, по многому, могилы.

IX.

Князь съ дочерью остановился въ гостиницѣ, неподалеку отъ Невскаго; они намѣревались, нѣсколько дней пробывъ въ Петербургѣ, ѣхать въ Раздолье; старикъ былъ печаленъ; переходъ Бориса какъ громомъ поразилъ и Катенева; покойный маркизь, аббатъ, появившійся въ Раздольѣ, то и дѣло проносились, какъ злые духи, въ его воображеніи; онъ только теперь понялъ, въ какія тенета попала-было, будто робкая серна, его невѣста, и какъ велика милость Божія, выведшая ее невредимою изъ сѣтей, уже совсѣмъ было ее опутавшихъ; помолвленные не говорили объ этомъ при князѣ, но наединѣ они цѣлые часы толковали о своемъ прошломъ и Борисѣ.

— А княгиня? Будетъ въ Россію? Какъ она пишетъ тебѣ? спросилъ Катеневъ свою невѣсту, возвращаясь съ нею и Дуняшею въ каретѣ изъ лавры, куда они на другой день ѣздили поклониться еще разъ праху Суворова.

— Ты знаешь, какъ она его любитъ.... Она съ нимъ не разстанется, отвѣчала маркиза.

Катеневъ прочелъ, наконецъ, докладную записку Италинскаго эрцгерцогини о подозрѣнiяхъ, взводимыхъ на него; и тутъ проглядывала, довольно ясно, работа отцовъ, несмотря на то, что ни одного изъ ихъ именъ не встрѣчалось въ докладѣ. Безыменное письмо маркизъ было прислано импровизаторомъ и ополченцемъ—духовидцемъ, доставившемъ ей въ Венецію посланiе Катенева; дядя Матчи, передъ своею казнью, рассказалъ все объ убiйствѣ, объяснивъ, что Николо былъ подкупленъ убить и Лагоца, но къмъ, ему неизвѣстно; къ допросу была привлечена четырнадцатилѣтняя дѣвушка, Люси, сестра Матчи и импровизатора, взятая на воспитанiе однимъ изъ профессоровъ университета въ Неаполѣ, товарищемъ по Бонну Непгi; братъ и сестра перемѣнили фамилию, опозоренную злодѣйствами Николо; импровизаторъ назывался въ запискѣ литераторомъ и сотрудникомъ одной газеты, издававшейся во Флоренци, направленной противъ французовъ и республики.

Катеневъ ждалъ отпуска; бакалавръ отказался быть у князя; «духа не хватаетъ», говорилъ онъ Катеневу, терзаемый все еще мыслью, что онъ виноватъ въ переходѣ Бориса. Князь не видалъ никого изъ петербургскихъ знакомыхъ; подозрѣвая, что въ обществѣ знаютъ о переходѣ Бориса, онъ торопился въ деревню и не приглашалъ никого. Въ день отъѣзда, утромъ, лакей гостиницы доложилъ, что прiѣхалъ графъ Раstopчинъ; графъ былъ въ опалѣ и сдалъ министерскiй портфель; объ этомъ зналъ князь; будучи знакомъ еще съ отцомъ Раstopчина, онъ счелъ недовкимъ не принять его.

— Проси, сказалъ онъ слугѣ, и въ комнату вошелъ отставленный министръ въ сѣромъ, простомъ фракѣ, съ звѣздою; Катеневъ всталъ и, пристально разсматривалъ мощную фигуру графа, знакомаго ему {по выдержкамъ изъ писемъ Суворову, читанныхъ иногда Фуксомъ; князь представилъ его Раstopчину.

— Я прiѣхалъ на похороны фельдмаршала, сказалъ графъ, обнявъ князя и поцѣловавъ руку маркизы, которую видалъ еще ребенкомъ въ Гатчинѣ.— Съ Петербургомъ расстаюсь съ грустью, потому только, что любилъ и люблю государя,—гнѣвъ его не перемѣнитъ чувствъ моихъ къ нему.

— Гдѣ же ты поселишься, графъ? спросилъ князь.

— Въ деревнѣ. Хочу заняться агрономiею, отвѣчалъ Раstopчинъ и объяснилъ, что желалъ бы купить лѣсъ и небольшое имѣнье, примыкающее къ его помѣстьямъ, опубликованное княземъ для продажи.

Князь общалъ, переговоривъ съ управляющимъ, сообщить графу о цѣнѣ и количествѣ десятины. Разговоръ перешелъ на политическія дѣла; ясный взглядъ и простое изложеніе—явный признакъ полного пониманія предмета—поразили Катенева; касаясь дѣйствій новаго министра, Растопчинъ блѣднѣлъ, но выржался сдержанно и осторожно. Князь увелъ его въ другую комнату, чтобы разузнать о покойномъ маркизѣ. Растопчинъ рассказалъ, что маркизъ принятъ былъ сначала въ неаполитанское, потомъ въ сардинское посольство по ходатайству іезуитовъ, но, числясь при послѣднемъ, началъ передавать секретныя депеши отцамъ и этимъ надѣлалъ не мало неприятныхъ недоразумѣній ему и обоемъ посланникамъ.

— Я вамъ писалъ объ этомъ, закончилъ Растопчинъ.

Оказалось, что князь не получилъ письма канцлера.

— Дѣло прошлое, князь, а я просилъ государя поспѣшить арестомъ проходимца, чтобы помѣшать свадьбѣ, руководясь при этомъ моимъ къ вамъ расположеніемъ. Вижу, письмо не помогаетъ.... Вамъ вѣдь писалъ, вѣроятно, еще кто-нибудь? говорилъ Растопчинъ.

— Никто; графъ К. былъ даже на свадьбѣ и ничего не сказалъ.

— Графъ не зналъ; когда онъ выѣхалъ къ вамъ, дѣло еще не выяснилось. И потомъ разглашать нельзя было: это могло оскорбить посланника, замѣтилъ Растопчинъ.— Слава Богу, что это все кончилось, что Nadine спасена; но я вамъ совѣтую, князь, и теперь держать ухо востро, не довѣряться іезуитамъ.

Князь заплакалъ и, не вытерпѣвъ, рассказалъ о переходѣ сына, взявъ слово съ посѣтителя держать покуда это въ тайнѣ; посѣтитель общалъ; хоть онъ и разыгралъ предъ княземъ роль человѣка, пораженнаго неожиданностью, новостью, но одинъ взволнованный князь могъ не замѣтить, что новость давно была извѣстна бывшему канцлеру.

— Я не видалъ его никогда, *votre fils*, но много слышалъ о немъ.... Миѣ говорили, что это *un homme d'esprit* и замѣчательной эрудиціи... Какъ жаль.... *C'est affreux!* Утѣштесь однимъ, князь, продолжалъ умный посѣтитель:—вашъ сынъ, конечно, разглядитъ ихъ станъ и, описавъ его, спасетъ, быть-можетъ, многихъ русскихъ отъ подобнаго шага. Это будетъ его заслуга, служба, полезнѣйшая служба Россіи.

— Дай Богъ, проговорилъ, нѣсколько утѣшенный этимъ, старый князь; но слезы знай катились на бархатный камзолъ его.

Растопчинъ уѣхалъ, поздравивъ помолвленныхъ; князь съ дочерью вечеромъ выѣхалъ въ Раздолье; Катеневъ возвратился на свой постоянный и тотчасъ же поѣхалъ отыскивать Сергѣева.

Похоронивъ «отца», семья суворовцевъ бродила по Петербургу; нѣтъ, нѣтъ, а заѣзжалъ почти каждый изъ нихъ, зачѣмъ-то, въ лавру поглядѣть, постоять около могилы обожаемаго человѣка и вожатая....

Такъ, можетъ-быть, за двѣ почти тысячи лѣтъ, бродили около Іерусалима осиротѣвшіе ученики, Святая мать и мироносицы, припоминая каждое слово, случай, душевное движеніе, весь, дорогой имъ, незабвенный образъ Того, кто духомъ съ ними былъ, и есть, и будетъ, но уже Кто незримъ семьянами, о которыхъ молился: «Отче, соблюди ихъ; да будутъ и они едины, яко же мы.... Ты мнѣ ихъ далъ, они твои.... И пусть же будетъ въ нихъ любовь, которою Ты возлюбилъ меня и Я въ нихъ».

Катеневъ, отыскавъ казармы, гдѣ стоялъ Сергѣевъ, засталъ его около пушекъ; командиръ собирался съ ротою въ походъ, къ своей инспекціи, куда-то въ Малороссію.

— Прощайте, другъ мой, Петръ Тимоѣевичъ, говорилъ онъ, обнимая при прощаньи Катенева.—Дай Богъ вамъ всего лучшаго.... Бога помните, сударь,—не пропадете. Я испыталъ на себѣ; ты къ Нему только оборотишься, а Онъ, Отецъ небесный, обѣ руки ужъ протянулъ, чтобы помочь, поднять тебя. Увидимся, или разомремся мы съ вами,—не извѣстно, но я прошу васъ, подчасъ, вспомнить стараго сослуживца-чудака; прощайте.

Катеневъ заѣхалъ къ Милорадовичу, но, по обыкновенію, не засталъ его, и на вопросъ: «когда Михаилъ Андреевичъ бываетъ дома», получилъ отъ Сергѣя отвѣтъ: «это мудрено сказать, сударь; по ночамъ, да и то изрѣдка». Батарея Сергѣева, черезъ два часа, стуча лафетами, плелась отъ Петербурга; командиръ ѣхалъ верхомъ, сторонкою, задумчиво понутивъ голову.

Черезъ недѣлю и Катеневъ, съ отпускомъ и годовымъ жалованьемъ въ карманѣ, летѣлъ на перекладной въ Раздолье,—летѣлъ такъ, что Аѳанасій ругался, подпрыгивая чуть не на аршинъ отъ телѣги, причемъ коса его, точно пойманный угорь, металась изъ стороны въ сторону.

— Легче ты, прахъ тебя возьми, кричалъ онъ на послѣдней станціи на молодаго ямщика, который, будто смекая, почему такъ торопится проѣзжающій, поминутно пускалъ во весь опоръ, не разбирая косогоровъ и овраговъ.

Катеневъ хохоталъ, прибавляя жару ямщику обѣщаніями «на вино». Аванасій кричалъ, злился, билъ себя въ грудь и говорилъ, обращаясь къ барину: «ну, Петръ Тимоевичъ, расшибе-тесь,—на меня не пеняйте. Вамъ говорено,—не слушались».

Тройка летѣла; и замиралъ, нѣмѣлъ, звонкій колоколецъ, словно вдругъ струсивъ, испугавшись этого бѣшеннаго лѣта стрѣлой по извилистому и неровному проселку.

— Легче ты, извергъ рода человѣческаго, вскрикивалъ Аванасій, придерживая за козырь ваточный картузь.—Ну, только вывали.... То-есть все кнутовище изломаю о подлеца, прибавлялъ онъ, переводя духъ, когда телѣга вылетала на исправленную, ровную дорогу.

А влюбленному казалось, что едва движется легкая телѣжка; сердце перегоняло коней и разъ десятокъ побывало уже тамъ, въ обѣтованномъ уголкѣ, откуда ему на встрѣчу, выпорхнувъ изъ жаркой груди, готово было летѣть быстрѣе стрѣлы другое, окрыленное сбывающеюся мечтой, дѣвичье сердце. Такъ мощный, молодой соколъ чудною, полною трепета, весеннею порой, погулявъ тамъ, по своду голубаго небосклона, разрѣзывая грудью, крыльями, со свистомъ, чистый воздухъ, стрѣлой несется ко гнѣзду, гдѣ ждетъ его, счастливца, съ утра до вечера ждетъ, красивая, черпоокая подруга.

Вотъ, часовъ въ шесть вечера, высунулся изъ-за свѣжей, майской зелени знакомый куполъ княжескаго дома; засинѣлъ прудъ; гуси, вытянувъ длинныя шеи, заготовали на нарушившихъ мирную тишь помѣстья проѣзжающихъ; обогнувъ прудъ и прогремѣвъ плотину, тройка, со звономъ, во весь духъ, влетѣла въ ворота и остановилась у крыльца.

— То-есть копѣйки не получишь, извергъ, на вино, серdito произнесъ Аванасій, отряхивая пыль съ висковъ и грозя кулаками, помирающему со смѣху, ямщику.—Еще смотрителю пожалуюсь. Гляди, какъ ты упарилъ тройку, разбойникъ эдакой, говорилъ онъ, кивая на лошадей и здороваясь съ выбѣжавшею княжескою прислугою.

Катеневъ давно былъ въ домѣ; сіяющія лица слугъ и горничныхъ первыя встрѣтили счастливца; зоркій глазъ молодой подруги далеко, еще тамъ за лѣсомъ, среди вешнихъ, свѣтлозеленыхъ зимей, завидѣлъ, разглядѣлъ клубъ пыли, взвивавшійся изъ-одъ колесъ, летящей птицею, телѣги. «Онъ это, онъ», шептали, прерываемыя сердечнымъ трепетомъ, уста. «Онъ, матушка, княж-

на», подтвердила, кинувшись опрометью въ переднюю, Дуняша. Катеневъ расцѣловалъ людей и бѣгомъ вбѣжалъ въ залъ, гдѣ, озаренная вся радостью, уже ждала его невѣста. Черезъ минуту вышелъ князь и всѣ усѣлись на террасѣ; какъ ни вздыхалъ, ни охалъ старикъ, но по временамъ и онъ не могъ не улыбнуться, глядя на пару молодыхъ счастливицевъ. Счастье, что красное солнышко, взойдя, кидаетъ всюду лучъ, заглядываетъ всюду въ озаренномъ домѣ; ударивъ даже иногда на ничтожную, заброшенную вещь, оно раскраситъ ее такъ, что живописецъ не утерпитъ, помѣститъ забытую вещицу на своей, обдуманной до мелочей, строго правдивой, исторической картинѣ.

Катеневъ помѣстился въ кабинетъ князя Бориса; все было тамъ въ порядкѣ; на письменномъ столѣ стояла та же хрустальная, массивная чернилица на мраморномъ поддонѣ, слоновой кости ножъ, для разрѣзыванья книгъ, съ вырѣзанною змѣю, эмблемой мудрости, на рукояткѣ, колокольчикъ съ головкой средневѣковаго шута въ колпакѣ съ бубенчиками, прессъ-папье съ лежащимъ сфинксомъ; волтеровскія кресла, съ подсвѣчникомъ, подъ зеленымъ шелковымъ абажуромъ, красовались на прежнемъ мѣстѣ подлѣ громаднаго стола; книги стояли чинно, рядкомъ, за стеклами шкафовъ; овальный, масляный портретъ Nadine стоялъ по-прежнему на мольбертѣ, завѣшанный кисеею; подлѣ него на полу бѣлѣлъ досчатый ящикъ, съ надписью на крышкѣ: «Vienne, au soins obligeants» и т. д.; портретъ отправлялся къ Борису, черезъ вѣнскаго банкира. Все было по-старому, но въ самомъ порядкѣ, въ которомъ были размѣщены вещи на столѣ и въ комнатѣ, чувствовалось отсутствіе души, хозяина, исчезъ всякій намекъ на личность удалившагося обладателя; вещи теперь напоминали разставленные по азбукѣ типографскія буквы, послѣ напечатанія статьи: буквы тѣ же, стоятъ въ порядкѣ, но смыслъ исчезъ, отлетѣлъ отъ нихъ.

Часовъ въ двѣнадцать вечера, простясь съ княземъ и маркизою, Катеневъ вошелъ въ кабинетъ и, отпустивъ Аванасья, отворилъ окно; въ саду пѣлъ соловей; съ полей тянулъ медовый запахъ озимаго хлѣба; въ сосѣдномъ лугу трещалъ коростель, перепелъ отбивалъ гдѣ-то вдали свои однообразныя три ноты; долго, часовъ до двухъ, сидѣлъ молодой воинъ, опершись на подоконникъ, мысленно облетая свое прошлое; знакомая обстановка, будто суфлеръ, подсказывала ему въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ измѣняла память, и то слезы вдругъ навertyвались

у него, то улыбка появлялась на устахъ, вызванная смѣшнымъ лицомъ, положеніемъ, случаемъ.... Пропѣли нѣсколько разъ пѣтухи на селѣ, словно освѣдомляясь другъ о другѣ: «живъ ли ты тамъ»; сторожъ давно пересталъ стучать въ чугунную доску, вѣроятно, задремавъ гдѣ-нибудь у амбара, убаюканный ночью тишью и теплотой овчиннаго тулупа; гдѣ-то раздался дребезгъ легкой крестьянской телѣжки; небосклонъ поблѣлъ и потянуло свѣжестью съ полей и пашень, — а молодой счастливецъ все еще грезилъ, цитируя свои мечты о будущемъ воспоминаемыми недавней были.

На другой день, послѣ завтрака, небольшая коляска четверкою несла молодаго воина межъ свѣтлозеленыхъ полей ржи и яроваго, мимо луговъ, пестрѣвшихъ персидскимъ ковромъ, посылающихъ чудные ароматы на встрѣчу путнику; мѣстами луга словно подрумянились малиновою дремой, задумчиво покачивающейся отъ вѣтерка на своемъ липкомъ стеблѣ. Катеневъ ѣхалъ къ отцу; отпустивъ съ первой станціи внязаго кучера съ лошадьми, онъ взялъ почтовыхъ; экипажъ данъ былъ ему до мѣста. Опять замелькали, передъ его задумчивыми, углубленными внутрь очами, полосатыя версты, мужики въ своихъ телѣжкахъ, богомольцы съ котомками, партіи ссыльныхъ, съ бабами и дѣтьми на высоко-навьюченныхъ рухлядью телѣгахъ, усадьбы, утонувшія въ зелени, города съ мучными и другими лавками, съ тучею голубей на улицѣ, села съ бѣлыми церквами; замелькали старыя, знакомыя картины, на которыя глядѣть и не наглядѣть русскій человекъ, влекомый къ нимъ воспоминаніями и предчувствіемъ чего-то. Аванасій улыбался, сидя на козлахъ, и, поглядывая на озимыя поля и цвѣтушіе луга, толковалъ то ямщику, то барину: «вотъ такъ рожь, а начала никакъ ужъ колоситься! И травы можно чести приписать.... А вотъ еще пошлетъ Богъ дожжичка, — страсть, что за травы будутъ». Катеневъ мало говорилъ; думы его гуляли, словно ласточки, то опускаясь, будто къ зеркалу тихаго пруда, къ картинѣ будущихъ семейныхъ радостей, то рѣя въ высь и въ ширь по ясному простору счастья, полного, безграничнаго, какъ голубой и чистый небосклонъ, раскинувшійся и надъ нимъ, и надъ полями, обвѣшій все, подобно творческой любви — любви, не знающей предѣловъ.

Солнце сбиралось потонуть; за неширокою, тихою рѣкой, покрывшей цѣлою сѣтью заводей и заливцевъ поемный, луговой берегъ, путешественникъ завидѣлъ наконецъ свою Катенев-

ку; крыши, притаившіяся межъ двухъ полосатыхъ пригорковъ усадьбы, прятались другъ отъ друга въ зелени сада, какъ дѣти, играющія въ прятки.

— Однако, видно, нынче порядочный разливъ былъ: вишь, вѣдь, куда сягнула, чуть не подь самыя «Яры», замѣтилъ Аѳанасій, поглядывая на рѣку, когда коляска, повернувъ къ усадьбѣ, покатила по узенькому проселку, межъ двухъ высокихъ межей, обросшихъ желтымъ звѣробоемъ и полынью.

Впереди, къ усадьбѣ, брело стадо, подымая пыль, позолоченную встрѣчными лучами заходящаго солнца; мальчикъ-подпасокъ снялъ свою высокую, увитую берестовою лентой, шляпу, увидя экипажъ.

— Здорово. Дома ли господя? спросилъ Аѳанасій.

— Да, надѣть дома, отвѣчалъ мальчикъ, поправивъ на плечѣ кнутъ и онершись на дубинку.

Коровы вскарабкались на межу. Кучка барановъ, заблеявъ, шмыгнула поперекъ дороги; ямщикъ ударилъ по лошадамъ, и четверка, позванивая колокольчикомъ, некрупною рысью начала спускаться съ пологого холма къ усадьбѣ, прячущейся въ посеребренной цвѣтомъ листьѣ рябинъ, вишни и яблоней. Проѣхавъ небольшую деревушку, раскинутую по луговинѣ, коляска принялась сновать межъ старыми, низенькими житницами, шпунями, закутами, съ обросшими зеленымъ, свѣжимъ мохомъ драницами кровель; то подѣзжала она къ самому плетню сада, такъ что вѣтви пробовали сорвать картузы съ ѣдущихъ, то опять пускалась вилать межъ вѣтхихъ людскихъ и кладовыхъ, будто пріѣхавшій изъ-за границы щеголь межъ старыми бабушками и тетками; помѣщичій домъ спрятался такъ ловко, что ямщикъ въ недоумѣніи поглядывалъ на Аѳанасія и раза два спросилъ: «да куда же?»—«Поѣзжай, знай. Куда!.. Видишь, гдѣ торная дорога», отвѣчалъ Аѳанасій. Наконецъ четверка, круто повернувъ влѣво, вѣхала въ низенькія ворота съ тесовою, узенькою, тоже ветхою, кровлею и остановилась у деревяннаго, низенькаго крыльца, ровесника амбарамъ и воротамъ; крыша, вросшаго чуть не на половину въ землю, дома была несравнено ниже экипажа; изъ дома выбѣжалъ низенькій, бѣлогурый человекъ, лѣтъ тридцати съ чѣмъ-нибудь, въ мухояровомъ домашнемъ казакинѣ и такихъ же штанахъ; выбѣжавъ на крыльцо, онъ ударилъ по поламъ казакина руками и бинудся отворять дверцы коляски.

— Петръ Тимоѳеичъ! На силу-то, сударь... началъ онъ.—

Пожалуй ручку.... Аванасьюшко!... Вотъ я.... Савишна, барынь скажите, обратился онъ скороговоркою къ толстой женщинѣ, повязанной по-русски платкомъ, по виду ключницѣ, бѣжавшей, задыхаясь, черезъ дворъ къ дому.

Но уже на крыльцо, безъ зова, выбѣжала полная, цвѣтущая старушка въ чепцѣ.

— Петруша! вскрикнула она и смокла, упавъ на широкую грудь пріѣзжаго.

Аванасій цѣловался съ дворовыми, сбѣжавшимися со всѣхъ сторонъ.

— Ну, всѣхъ ли перецѣловалъ? спросилъ онъ, разсмѣявшись и остановясь передъ толпою. — Теперь пособи́те, братцы, чемоданъ вытащить.... На плечо вали.... Вотъ, берись за ремень.... Вотъ такъ, училъ онъ широкоплечаго парня въ пестрядинной рубахѣ, взявшагося за чемоданъ; взваливъ на парня чемоданъ, Аванасій понюхалъ табаку и началъ вытаскивать изъ кармановъ коляски разную мелочь.

Катеневъ пошелъ въ домъ вмѣстѣ съ старушкою; бравый съдой старикъ въ военномъ екатерининскомъ сюртукѣ, опираясь на суковатую палку, шелъ имъ на встрѣчу изъ низенькой, покосившейся двери залы.

— Здорово, встрѣтилъ онъ сына.

Пріѣзжіи обняли старика и поцѣловали его жилистую, загорѣлую руку.

— Сначала побранить бы надо. Какъ же ты, сударь, свататься вздумалъ безъ родительскаго на то благословенія—а? строго обратился къ сыну старикъ, вытянувшись во весь свой богатырскій ростъ и глядя сѣрыми зрачками изъ-подъ сѣдыхъ бровей, клочками нависшихъ надъ впалыми глазами.

— Виновать я въ этомъ, государь-батюшка; но такъ все неожиданно случилось для меня самого, что я не успѣлъ увѣдомить.... и не чаялъ, что согласится княгиня, и еслибы не протекторство фельдмаршала....

При словѣ «фельдмаршалъ» старикъ заморгалъ глазами и заплакалъ.

— Не стало отца нашего.... Вотъ что только подлинно тебя оправдываетъ.... Онъ благословилъ. Вотъ и мое благословеніе, проговорилъ сквозь слезы старикъ и, перекрестивъ сына, сѣлъ у раствореннаго окна и задумался.

— Пожалуйте ручку, Тимоѣей Игнатьичъ, произнесъ Аванасій, войдя въ комнату и оправивъ височки.

— Здравствуй, отозвался старикъ и протянулъ руку.

Аѳанасій торопливо поздоровался съ старымъ бариномъ и побѣжалъ въ переднюю; ему, какъ видно, было недосугъ, но поздороваться съ бариномъ онъ забѣжалъ, считая это тоже одною изъ своихъ обязанностей, въ родѣ пересмотра бѣлья или чистки по утрамъ господскаго мундира. «Къ барынѣ бы надо зайти.... Ну, да ужь послѣ; вотъ поприберусь», замѣтилъ онъ вслухъ, войдя въ полутемную переднюю и почесавъ за ухомъ. «Давай-ка, братъ, перетаскаемъ это все въ дѣтскую», обратился онъ къ лакею въ мухояровомъ казакинѣ, стоявшему, съ шляпнымъ футляромъ и шпагою въ замшевомъ чехлѣ, противъ чемодана. Черезъ часъ Аѳанасій ужь воевалъ съ ключницею, отсутвшею худую наволочку. «А послѣ съ меня цѣлую спросишь», горячился старикъ.—«Да велика ли эта дыра?» защищалась ключница.—«Велика, не велика, а бери назадъ ее.... Это не порядокъ. Я изъ своихъ лучше надѣну», отвѣчалъ Аѳанасій, поуспокоившись, когда старуха принялась распарывать подушку.

Отецъ, разспросивъ подробно сына объ арестѣ (Петръ Тимоѳеичъ написалъ все откровенно ему еще изъ Петербурга), перекрестился нѣсколько разъ и снова задумался, опершись обѣими руками на низенькій подоконникъ. Приѣзжій обѣжалъ домъ и пошелъ въ дѣвичью къ матери; старушка хлопотала, чтобы къ чаю подать «то самое, любимое Петрушино варенье» и чтобы какъ, храни Богъ, не ошиблась ключница банками въ подвалѣ, какъ будто отъ такой ошибки могла произойти бѣда нешуточная.

Послѣ итальянскихъ палаццо еще меньше и бѣднѣй казался Катеневу, закутавшійся весь въ густую зелень липъ, сиреней и березъ, отцовскій домикъ; изразцовыя печи съ пестрыми картинками и подписями: «птицу стрѣляю, друга себѣ обрѣлъ, како спасуся, левъ на пути», точно присѣли на корточки,—прежде онѣ ему казались выше и стройнѣе; портреты дѣда, бабушки еще больше потемнѣли и потрескались; оклады образовъ, или «Божьяго благословенія», какъ звали иконы старики, въ біотѣ, въ образной то же потускнѣли; вымытый на-чисто, некрашенный полъ покосило; на темныхъ, дубовыхъ стѣнахъ, озаренныхъ заходящимъ солнцемъ, дома прибавилось щелей.... Несмотря на эту неказистую наружность комнатъ, молодому капитану вѣяло отъ этихъ стѣнъ чѣмъ-то своимъ, полузабытымъ, но близкимъ и чистымъ, будто грезы ребенка.

Подали чай; Потапушка (такъ звали лакея въ мухояровомъ

казакинѣ) доложилъ, сколько выдано сѣна, овса почтовымъ лошадямъ и подаль старику большой ключъ отъ амбара; старикъ знай сидѣлъ у окна, задумавшись и отирая навертывающіяся слезы.

— Андрей-то Иванычъ при немъ былъ, когда онъ.... умиралъ? спрашивалъ онъ, время отъ времени, сына.

Сынъ отвѣчалъ, и старикъ снова задумывался.

— Вотъ все онъ такъ, шептала сыну старушка, кивая и боязливо поглядывая на старика.—Словно въ воду опущенъ; просила отца-Григорья почитать надъ нимъ, такъ не соглашается.... А самъ уйдетъ къ себѣ въ свѣтелку, иной разъ часа полтора молится на колѣняхъ.... И одинъ Царь небесный вѣдаетъ, что съ нимъ такое содѣялось; какъ написалъ ты намъ о смерти Александра Васильича; поѣхали мы въ Спасово отслужить панихиду; туда ѣхалъ ничего еще, а воротились, и задумался мой Тимошей Игнатьевичъ, да вотъ такъ и по сей день, словно убитый.

— А здоровье-то его какъ? спрашивалъ Петръ Тимошеевичъ, усѣвшись подлѣ матери въ ея комнаткѣ.

— Нога побаливаетъ въ ненастье.... Ну, да это и прежде было,—рана; ѣсть мало, а то, благодаря Бога, болѣсти въ немъ не видать. Вотъ только эта меланхолія его меня тревожитъ.

Такъ потекли день за днемъ; отецъ-Григорій, священникъ села, куда прихожа была Катеневка, пріѣзжалъ повидать капитана суворовца, котораго, когда-то, училъ грамотѣ; навѣщали сосѣди, старые знакомцы Катеневыхъ: отставной повытчигъ, плѣшивый старичишка съ брюшкомъ, говорившій особымъ, подъяческимъ, слогомъ съ поминутными: «понежѣ, поелигу, власно, яко бы», страшный сутяга и ябедникъ; морякъ екатерининскихъ временъ, съ очаковскимъ крестомъ, напивавшійся, обыкновенно молча, за обѣдомъ такъ, что его подымали со стула въ двои руки и уводили отдыхать — лѣтомъ въ бесѣдку, а зимой въ дѣтскую; недоросль, лѣтъ тридцати, владѣлецъ четырехъ мужиковъ, дѣвственникъ, «пѣшествовавший», какъ онъ самъ выражался, лѣтомъ по обителямъ, а зиму по благодѣтелямъ, смиренный, говорившій тоненькимъ голоскомъ, но охотникъ посплетничать, за что его не разъ сѣкли знакомые....; словомъ, за исключеніемъ двухъ, трехъ отшедшихъ въ вѣчность, опять явились лица, съ которыми связаны были неразлучно воспоминанія дѣтства молодаго суворовца. Каждую недѣлю получались

письма изъ Раздолья: раза два писалъ черезъ сестру Борисъ Катеневу. «Меня винять, вѣроятно, въ Россіи», писалъ онъ въ одномъ письмѣ, «но какъ мнѣ разсказать всѣмъ причины моего перехода? Мое положеніе похоже на положеніе мнимо умершаго: его отпѣваютъ, онъ слышитъ это, но отвѣтить, произнести слово не въ состояніи. Будущее, и недалеющее, объяснить все», оканчивалъ грустное письмо свое молодой богословъ. Княгиня переѣхала къ нему въ Савою. О переходѣ Бориса Петръ Тимоѣевичъ не говорилъ своему отцу, боясь раздражить старика, убитаго смертью друга-фельдмаршала; старикъ Катеневъ не зналъ, впрочемъ, молодыхъ Тунгусовыхъ.

Старый князь, по желанію помолвленныхъ, просилъ позволенія у жены сыграть свадьбу до окончанія траура, представляя на видъ безденежье и необходимость сдѣлать все скромно, никого не приглашая; княгиня долго не соглашалась, но наконецъ согласилась, и Катеневы были увѣдомлены объ этомъ письмомъ, присланнымъ съ нарочнымъ; свадьбу условились сыграть въ Катеневкѣ, и Петръ Тимоѣевичъ нетерпѣливо ждалъ Петрова дня, къ которому должны были пріѣхать князь и невѣста. Старикъ Катеневъ нѣсколько ожилъ, готовясь къ свадьбѣ; онъ минутно отправлялъ жену и Савишну, ключницу, въ городъ за покупками; велѣлъ очистить новую кладовую, думая превратить ее въ спальню для молодыхъ; за садомъ была разбита генеральская палатка, оставленная Суворовымъ, въ одно изъ его посѣщеній Катеневки; молодой капитанъ бродилъ съ ружьемъ и лягавою собакой, подаренною однимъ изъ сосѣдей, по живописнымъ окрестностямъ помѣстья, считая, сколько осталось до Петрова дня: старушка хлопотала въ ожиданіи дорогихъ гостей. Старый домъ будто помолодѣлъ; некрашенный полъ блѣднѣлъ скатертью, изразцовыя печи тоже, словно вылѣзли изъ темныхъ угловъ поглядѣть на ожидаемый праздникъ, и садъ, одѣтый по-весеннему въ пахучую сирень, бѣлый цвѣтъ яблоней и благовонную, лилкую зелень березъ, тоже заглядывалъ въ низенькія, уставленные бутылками съ наливками, окна стараго дома—сверстника, словно желая сказать: «а что, опять никакъ у васъ свадебка; въ часъ добрый». Старый садъ помнилъ много свадебныхъ пировъ въ мирной Катеневкѣ. Петръ Тимоѣевичъ бродилъ по саду, лежалъ, задумавшись, у рожицы за садомъ, гдѣ онъ бывало, запустивъ змѣй подъ облака, леживалъ часы, любуясь голубою высью небесъ, навѣвавшею цѣлыя вереницы грезъ, дѣтскихъ предположеній и загадокъ.

Молодой суворовецъ другими глазами смотрѣлъ теперь на эту бѣдную жизнь, на русское захоlustье, на этотъ черноземъ, въ которомъ вязнетъ по ступицу телѣга, а между тѣмъ отсюда, изъ него, изъ этой крѣпи, вылетаетъ все мощное и богатырское. Пустошкинъ, Ушаковъ, Суворовъ, русскій солдатъ, ратая, избородившій вдоль и поперекъ Русь неоглядную своимъ, тысячелѣтнимъ, илугомъ.... «Ихъ всѣхъ вѣдь породила эта крѣпь», думалъ молодой капитанъ.... «А доведется выручать родную страну, — отсюда явятся стояльщики Добрыни, да Ильи Муромцы? — Отсюда, изъ захоlustья; здѣсь силы и растительные соки, здѣсь сѣмена для будущаго самъ-двадцать русской мысли, славы, а не тамъ, не на паркетахъ и гранитныхъ тротуарахъ». Озираясь въ прошедшее, въ родную быль, насколько зналъ онъ ее изъ плохаго учебника исторіи, и тамъ онъ видѣлъ, что спасала Русь, хоть бы въ шестьсотъ двѣнадцатомъ году, та же крѣпь непроходимая, та же глушь, заросшая «вѣковыми предразсудками» (выражаясь моднымъ языкомъ) и лапухой, но за то вся покрытая золотистымъ, волнующимся океаномъ хлѣбовъ и зелеными, неизмѣримыми коврами тучныхъ луговъ и пажитей. «Что же это такое?» думалъ капитанъ. «Въ нее, въ эту глушь что ли надо залѣсть, къ ней что ли надобно спуститься, чтобы попасть на вѣрную дорогу къ истинѣ? Что-жь, скороспѣлки что ли мы, передовые кони, оборвавшіе построжки и унесшіеся въ даль, Богъ вѣсть куда, не замѣчая, что повозка и коренные остались далеко назади, увязши въ черноземѣ по ступицу? Но, потерявъ повозку, коренныхъ, легкіе кони знай летятъ куда-то, а коренные воззрились на нихъ, подумывая про себя: «куда ихъ понесло? Эхъ, расшибутся!... Развѣ пріостановить кто, али упарятся?»...

«Отсюда вылѣзаютъ и Кулибины, и Ломоносовы. Стало, и мысль-то не всегда тамъ, въ академіяхъ. Да и плохо вмѣщается русская мысль въ рамы иностранной логики, а выдирается на Божій свѣтъ, хоть бы у Кулибина, какъ Богъ ей далъ, по-своему: учебникъ часто только ломаетъ ее, навязывая ей чужіе, искусственные приемы».

И началъ онъ подозрѣвать, что вовсе не такъ смѣшны, какъ прежде казались ему, изреченія старика-отца о томъ, что вдались новомодные умники «въ умъ неискусенъ» и потому «творятъ неподобная», что «въ рудѣ Божіей всѣ мы — и словеса наши, и всякій разумъ и дѣлъ художество», и чтобы идти вѣр-

ною дорогой, надо молиться: «скажи ми, Господи, путь, въ онъ же пойду». — «Право, это не такъ смѣшно, какъ мнѣ казалось прежде», думалъ молодой капитанъ. «Нельзя не признать другой, разумной силы, дѣйствующей неутомимо и непрестанно, хотя и прикровенно, невидимо».

Въ самый Петровъ день, рано утромъ, погнали цѣлый табуны лошадей, въ шлеяхъ и хомутахъ, на послѣднюю станцію; всегда чуть не полсотни лошадей высылалось на встрѣчу гостю, ѣдущему въ тяжеломъ экипажѣ въ Катеневку; эта мѣра была необходима для того, чтобы втащить въ небольшую, но крутую гору дорогихъ гостей изъ грязной и болотистой лощины, называемой почему-то «Бабій долъ». Молодой Катеневъ, осѣдлавъ отцовскимъ старымъ сѣдломъ воронаго двухлѣтка, приготовленнаго для него въ строй, поѣхалъ на встрѣчу невѣстѣ; старики отправились къ обѣднѣ, въ приходское село, верстахъ въ двухъ отъ Катеневки; часовъ въ пять вечера высокой дормезь, едва пробравшись межъ амбаровъ и клѣтей, остановился у крылечка дома, и Катеневъ, соскочивъ съ лошади, ввелъ будущую свою подругу въ домъ родительскій.

— Горленка ты моя, ненаглядная, родная, прибирала ласкательныя слова, цѣлуя повое богоданное дитя, взволнованная избыткомъ чувствъ любви и радости, старушка.

Старикъ тоже то плакалъ, то принимался цѣловать, крестить приѣзжую; и долго шелъ этотъ безмолвный обмѣнъ чувствъ, похожій на стремленіе родственныхъ звуковъ слиться въ одно, ласкающее слушателя, благозвучіе.

Дуняша весело передавала изъ кареты картонки, ящички, футляры; дѣвушки носили ихъ въ хоромы, съ любопытствомъ приподнимая картонныя крышки, мѣшающія поглядѣть на чудные и, «поди, заграничныя» наряды. Аѳанасій сидѣлъ на верху кареты, отвинчивая кофры и баулы съ гардеробомъ его сіятельства. Старый домъ ожилъ и, казалось, силился раздаться какъ-нибудь, чтобы помѣстить дорогихъ гостей, по возможности, удобно, если не затѣйливо.

— Ну, князь, послѣ твоихъ чертоговъ моя солдатская изба—лачужка.... Не взыщи и ты, Надинька, говорилъ Тимоѳеѣ Игнатьичъ.

Но Надинька не отрывала влажныхъ глазъ отъ старушки, все еще не пришедшей въ себя отъ радости и оправлявшей ей то кружевной воротничокъ, то темные, не напудренные во-

лосы; она была не избалована ласками матери и потому цѣнила дорого этотъ жаркій привѣтъ и ласку новыхъ семьянъ своихъ; князь тоже поминутно обнималъ то старика, то молодого Катенева.

Въ грустное время для княжеской семьи устраивалась свадьба: переходъ Бориса, денежные дѣла, принуждавшія продавать одно за другимъ родовыя имѣнья, угрожающая бѣдность, лишенія, не легкія для людей, привыкшихъ съ дѣтства къ роскоши.

Дня черезъ три помолвленные были обвѣнчаны въ сосѣднемъ селѣ; гостей не звали, по случаю траура, но морякъ и двѣ родственницы, старыя дѣвицы, которыхъ терпѣть не могъ Тимоѣей Игнатьевичъ, пріѣхали безъ приглашенія и прожили почти недѣлю; недоросль-дѣвственникъ не преминулъ насплетничать, что молодуха «безприданница», а князь промотался за границую и т. д., но это не мѣшало счастьемъ молодыхъ и радости стариковъ, любовавшихся на юную пару. Аѳанасій, въ день свадьбы, поразилъ всѣхъ своимъ коричневымъ, съ рѣзными пуговицами, кафтаномъ, бѣлыми чулками при башмакахъ, взбитыми брюжжами манишки и галстукомъ всѣхъ семи цвѣтовъ радуги.

Нарядъ этотъ никто не видывалъ изъ Катеневской молодежи; Аѳанасій одѣвался въ него только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ: въ послѣдній разъ такъ былъ одѣтъ онъ на крестинахъ Петра Тимоѣевича.

— Что ты это фармасономъ какимъ разодѣлся, Аѳонька? спрашивалъ, застегивая мундиръ, въ ожиданіи молодыхъ изъ церкви, старикъ Катеневъ.

— Нельзя, сударь, отвѣчалъ, нѣсколько смутившись, Аѳанасій.—Вы тоже, вотъ, изволили примундириться. Сегодня торжество; да еще торжество-то изъ торжествъ, прибавилъ онъ, разставляя на подносѣ тарелки съ вареньемъ и конфетами.

Откуда добылъ Аѳанасій этотъ кафтанъ «a la Louis seize», какъ опредѣлили его старый князь, знатокъ всего касающагося до гардероба, рассказчикъ, несмотря на всѣ старанія, не отыскалъ никакихъ свѣдѣній ни въ публичныхъ архивахъ, ни въ библіотекахъ сельца Новаго и деревни Катеневки.

Недѣли черезъ двѣ князь уѣхалъ въ Раздолье. Молодой капитанъ подалъ въ отставку, взявшись за устройство дѣлъ по имѣньямъ князя; съ осени должна была начаться постройка

дома для молодыхъ, на холмѣ, надъ рѣкою, въ полуверстѣ отъ Катеневки; старикъ Катеневъ самъ выбралъ мѣсто и назвалъ будущую усадьбу дѣтей: «Новое».

Молодые ѣздили мѣсяца черезъ два въ Раздолье проститься съ княземъ, ѣхавшимъ къ женѣ за границу; княгиня занемогла, и не на шутку, какъ увѣдомляли Борисъ и врачъ ея; въ Раздольѣ нашли они Милорадовича, заѣхавшаго поздравить молодыхъ, по пути къ отцу въ Малороссію.

— А къ вамъ опасно было свататься, Надежда Александровна, замѣтилъ онъ Катеневой.

— Почему? спросила она.

— Да какъ же?—Маркиза взяли, положимъ за дѣло; посватался Петръ Тимоѣевичъ, и его увезли тотчасъ же послѣ сговора, отвѣчалъ Михаилъ Андреевичъ.—Вы были, извините, преопасная невѣста.

Погостивъ два дня, Милорадовичъ уѣхалъ; вскорѣ за нимъ отправился князь въ чужіе края, и молодые остались одни въ Раздольѣ. Осенью того же года они были поражены вѣстью о скоропостижной кончинѣ эрцгерцогини Александры Павловны.

«Иромъ» (по-мадьярски «попынь») называется мѣсто около Пешта, гдѣ лежитъ она; въ небольшой храмъ, воздвигнутый надъ ея могилою, доселѣ ходятъ сербы поклониться праху той, которая, пробудивъ въ нихъ надежды на лучшее будущее, оставила такъ рано этотъ міръ.... Небольшой холмъ, гдѣ стоитъ церковь, весь поросъ попынью, горькимъ, но, говорятъ, цѣлительнымъ растеніемъ. Вскорѣ же пронеслась по Россіи страшная вѣсть о смерти императора. Эти извѣстія горькою травкою вплелись въ свѣжій, пестрый вѣнокъ, которымъ увѣнчало счастье новобрачныхъ, но для нихъ, несомнѣнно, были цѣлительны жаркія молитвы объ отшедшихъ благодѣтеляхъ и память о прекрасной молодой женщинѣ,—память, хранившаяся во всю жизнь вмѣстѣ съ письмомъ ея, устроившимъ ихъ счастье.

Катеневъ черезъ девять лѣтъ снова сѣлъ на боеваго коня и снова стоялъ противъ французовъ; Санчо-Пансо его, Аѳанасій, былъ оставленъ дома, гдѣ правилъ должность прикащика. Жена съ тремя малютками, сыновьями, жила безъ мужа въ Новомъ, подлѣ старушки-тещи, похоронившей въ этотъ годъ старика.

Старушка жила въ своей Катеневкѣ, закутавшейся еще плотнѣе въ зелень стариннаго садика, но ежедневно ѣздила въ Новое, а иногда забирала на недѣлю къ себѣ внучать, любившихъ бабушкину деревушку, гдѣ такъ привольно было имъ прятаться въ саду и за сирдами ржи, оступившими со всѣхъ сторонъ старыя амбарушки и закуты. Катеневка, какъ хлѣбосольная со-сѣдка, надѣляла Новое, высившееся на горѣ, возами соленья, варенья и всего съѣдобнаго.

Отець-Григорій называлъ Катеневку «древнею», а Новое, съ его каминами и масляными картинами по стѣнамъ, — «новою Россією». Жители Новаго, дѣйствительно, не могли отдѣлаться вдругъ отъ попопзновенія разыграть французскаго, вандейскаго помѣщика, но это не мѣшало имъ любить Россію, мужу стоять за нее, когда это требовалось, а женѣ, твердо, хотя и трепетною рукой благословлять его идти на подвигъ, на защиту дорогой родины.

Князь Борисъ уѣхалъ въ Америку миссіонеромъ; княгиня не пережила разлуки съ сыномъ и скончалась въ Савои, черезъ два года послѣ свадьбы дочери; старый князь жилъ въ Раздольѣ, единственномъ имѣньѣ, съ двумя стами душъ, оставшемся по уплатѣ долговъ; бакалавръ поселился въ Москвѣ, продолжая переводить статьи для журналовъ, читать, по-прежнему, ночи на-пролетъ и спорить. Катеневы, бывая въ Москвѣ, увозили его, по временамъ, погостить въ Новое.

Сергѣевъ былъ убитъ подъ Бородинымъ, онъ умеръ на рукахъ у Катенева. Чудо-богатыри доживали свой вѣкъ — кто въ богадѣльнѣ, кто въ золотой, дворцовой ротѣ, кто сторожемъ въ присутственныхъ мѣстахъ, при церкви, рассказывая молодежи про «батюшку Суворова». Юный художникъ бросилъ подражать Рембрандту и мирилъ кистью русское высшее общество съ народомъ, заставлялъ его любить, живописуя врестьянскихъ мальчиковъ, дѣвушекъ и величавыя лица стариковъ, какія встрѣчаются только въ одной Россіи; онъ неожиданно женился на Дуняшѣ, влюбившись въ нее, въ Раздольѣ, гдѣ ежегодно проводилъ лѣто; къ нимъ было переѣхала жить въ Петербургъ Прасковья Ивановна, но скоро надоѣла имъ обоимъ такъ, что они рѣшились попросить ее оставить ихъ; старуха доживала свой вѣкъ въ Раздольѣ, утративъ свое прежнее вліяніе на судьбы дворни и бурмистровъ.

«Что-жь унесетъ созерцатель», замѣтятъ можетъ-быть раз-

сващнику, — «что унесеть отъ этой полутуманной картины «Богатырскаго» прошлаго? Вѣдь, много, много, вздохъ, породившій возгласъ средневѣковаго пѣвца: «Oh, gran bontà de' cavalieri amici!» (О, гдѣ ты доблесть рыцарей стараго времени!)—и только. Стоило ли, лишь для этого, оглядываться на невозвратимое прошедшее, когда современность ежедневно подымаетъ новые жизненные вопросы, одинъ важнѣе, насущнѣе другаго? Франція тоже мечтаетъ о Вандеѣ и монархіи, но ей не воротиться къ нимъ». А почему-жь не воротиться, возражу я, если отыщеть она въ хламѣ прошедшаго крупицу истиннаго, вѣчнаго?

Но Россія не Франція. Между ея прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ есть крѣпкая, вѣчная связь; наши отшедшіе живутъ доселѣ, неразлучно съ нами,—въ вѣчной, соборной русской о нихъ памяти.... И эта, еще не разгаданная міромъ, наша связь сильнѣе, крѣпче связи, основанной на тысячелѣтнихъ бумажныхъ хартіяхъ. Утративъ эту связь съ своимъ прошедшимъ, напрасно будемъ мы искать, придумывать, какъ и съ которой стороны намъ подойти къ народу; напрасно будемъ вздыхать по немъ, словно любовникъ по холодной красавицѣ, не обращающей на него ни малѣйшаго вниманія. Народъ самъ подойдетъ къ вамъ, если замѣтитъ въ васъ что-либо родственное; если въ духовномъ ликѣ вашемъ есть хоть одна старинная, дорогая ему черта,—онъ самъ васъ назоветъ «роднымъ», самъ скажетъ: «этотъ, вотъ, изъ нашихъ».

Отчего русскіе купцы, несмотря на безобразныя, возмутительныя подчасъ отношенія «хозяина» къ фабричному, сидѣльцу,—отчего они ближе къ народу, чѣмъ мы, литераторы?—Оттого, что купецъ съ нимъ вмѣстѣ молится, вѣруетъ, а мы *скептически* относимся къ тому, что дороже всего, дороже жизни нашему народу; жизнью онъ жертвовалъ не разъ, но никогда, нигдѣ не жертвовалъ своею вѣрою; бѣднякъ, угнетенникъ—и тотъ снимаетъ съ шеи крестъ, чтобы не обругать своимъ постыднымъ дѣйствіемъ святыню... «Но какъ же мнѣ увѣровать, когда наука идетъ впередъ», возразятъ быть-можетъ мнѣ; «когда она такъ убѣдительно разрушаетъ міръ моихъ прежнихъ, дѣтскихъ вѣрованій?» — Да полно, убѣдительно ли она опровергаетъ то, что и понять-то нѣтъ возможности однимъ умомъ, безъ сердца? Вотъ къ этимъ, мѣняющимся вмѣстѣ съ фасономъ шляшъ, ученіямъ нужно бы относиться скептически. Не ослѣпляетъ ли вамъ глаза новизна идейки отрицанія—новой, вѣдь, только для то-

то, кто не читалъ Екклезіаста? Не вѣруете ли вы, какъ мусульманинъ въ пророка, въ мудреца, поставившаго въ основаніе своего ученія предположеніе, гипотезу, которую, почему-то, приняли за аксіому, за непреложную истину? Нѣтъ?.. Такъ отойдите отъ народа; онъ не пойметъ васъ; вы разстались съ нимъ. Народъ не можетъ не вѣровать; какъ пересталъ онъ вѣровать, такъ пересталъ быть народомъ; утративъ вѣчную идею, его связующую, имъ несомую въ міровую братчину мысли, онъ потерялъ право на свое существованіе.

Языкъ?... Но языкъ есть только тѣло, мертвое безъ духа; духъ положилъ основы языка, на которыхъ созидаетъ его народъ тысячелѣтія. Народъ, отрекшійся отъ духа, превратится въ стадо, въ акціонерное общество, въ ассоціацію, артель, существованіе которыхъ обуславливается временными, грошовыми, причинами.

Будто одна вѣра способна сблизить насъ съ народомъ?—Вѣра. Пока не подастъ сердце сердцу вѣсть, мы будемъ средь народа иностранцами. Военный, богатырскій кличъ долженъ быть вличемъ русскихъ мысленныхъ дружинъ. «Богъ и Россія»! Заключивъ въ сердца эти святые, вѣчныя слова, поставь, попробуй, ихъ въ основу твоего міровоззрѣнія, мыслитель и русскій богатырь-народъ освоитъ сразу мысль твою, пойметъ эту, изъ старины свою ему, науку «въ два Суворовскіе перехода».

Н. Чаевъ.

КОНЕЦЪ.

БЕЗНАКАЗАННОСТЬ НАШИХЪ БАНКРОТСТВЪ *).

Торговая несостоятельность сдѣлалась у насъ за послѣднее время такимъ обычнымъ явленіемъ, такимъ будничнымъ сюръ-призомъ, что пользованіе ею обратилось въ простую, какъ бы закономъ освященную операцію: по крайней мѣрѣ, не проходитъ мѣсяца, недѣли, чтобы въ газетахъ не появился достовѣрный слухъ о новомъ непредвидѣнномъ на биржѣ банкротствѣ; при чемъ самыя банкротства, дѣлаясь годъ отъ года смѣлѣе и ловчѣе, уже устраиваются на болѣе широкихъ началахъ, нежели прежде, и обставляются такою легальностію, при которой отвѣтственность несостоятельнаго должника почти исчезаетъ, обращается въ призракъ. Но, очевидно, дѣло такъ идти долго не можетъ, ибо, продолжая шествовать по тому же скользящему пути, наша торговля должна будетъ, по силѣ вещей, превратиться въ спекуляцію и открыто предпочесть дерзкую безпардонность—труду, знанію, совѣсти... Такова логика жизни.

Все это не секретъ и отлично сознано нашими лучшими дѣятелями по торговой и промышленной частямъ, которые, при всякомъ удобномъ случаѣ, громко, во всеуслышаніе заявляютъ порицаніе современному направленію нашей коммерціи; но ихъ голоса какъ-то теряются въ пространствѣ и не приносятъ над-

*) Вопросъ о переустройствѣ коммерческихъ судовъ, судя по изданному министерствомъ юстиціи «Проекту устава торговаго судопроизводства», уже рѣшенъ въ основаніи и приходитъ къ желанному окончанію; но вопросъ этотъ безъ радикальнаго пересмотра торговаго устава едва ли можетъ принести должную пользу. Поэтому напоминаемъ настоящему статьѣй о забытомъ вопросѣ.

лежащей пользы. Не далѣе, на примѣръ, какъ на засѣданіяхъ промышленнаго съѣзда, бывшаго въ Москвѣ во время политехнической выставки, нѣкоторые почтенныя лица возбудили животрепещущіе вопросы о развитіи у насъ кредита и доступныхъ, хорошо устроенныхъ реальныхъ училищъ. Первый вопросъ прошелъ, кажется, безъ снора, ибо каждый на самомъ себѣ испыталъ все неудобство существующихъ на этотъ счетъ узаконеній; за то второе предложеніе о томъ, чтобы при техническихъ двухклассныхъ училищахъ давать мастерамъ общее образованіе, — такъ какъ только одно оно способно развить въ человѣкѣ любознательность и нравственныя качества, весьма необходимыя и для рабочаго люда, — этотъ вопросъ, несмотря на свою удобопонятность, возбудилъ возраженія, имѣющія приблизительно тотъ смыслъ, что намъ нужны специалисты, а не развитые и образованные люди. Подите, оспаривайте эти положенія... Ужь если такія простыя мысли, какъ необходимость для рабочаго класса общаго образованія, могутъ возбуждать разногласія въ обществѣ людей болѣе или менѣе видныхъ, то еще труднѣе избавится намъ отъ запутанныхъ причинъ, увеличивающихъ наши торговые банкротства и въ конецъ уничтожившихъ наше довѣріе другъ къ другу.

И дѣйствительно, развитіе кредита возможно только при полной увѣренности дающаго въ скоромъ удовлетвореніи, даже въ случаѣ несостоятельности, должника; а между тѣмъ у насъ взысканіе по векселямъ, хотя бы безспорнымъ, представляется при посредствѣ суда весьма труднымъ, ибо наши торговые законы обставили эту сторону дѣла такъ удобно для ловкихъ аферистовъ, что они всегда имѣютъ возможность правильныя претензіи «задавить» безденежными, такъ-называемыми «бронзовыми» векселями. Кромѣ того, нельзя не согласиться съ заявленнымъ на съѣздѣ мнѣніемъ, что отсутствіе обычая страховать свои товары въ складахъ и на желѣзныхъ дорогахъ, а также и неисправность въ доставкѣ грузовъ много вредятъ нашему кредиту и, прибавимъ отъ себя, способствуютъ разоренію. Но такъ какъ вопросъ этотъ главнѣйшимъ образомъ зависитъ отъ дѣйствующихъ нынѣ желѣзнодорожныхъ законовъ и не связанъ съ нашимъ предметомъ тѣсно, то мы оставимъ его въ покое; теперь же, кстати, спросимъ: могутъ ли наши банкротства, — какъ думаютъ многіе, — оправдываться, во-первыхъ, тѣмъ, что и за границей, въ самыхъ промышленныхъ государ-

ствахъ, случаются они часто, а во-вторыхъ, еще и тѣмъ соображеніемъ, что если всякая торговля, обуславливая прибыли и убытки, при перевѣсѣ послѣднихъ, влечетъ за собою разореніе, то не виноваты ли во всемъ случаи, судьба.

Положимъ, то и другое въ принципѣ справедливо, то-есть что торговая дѣятельность безъ разореній не мыслима и что за границей, точно также какъ и у насъ, банкротства не въ рѣдкость. Но дѣло въ томъ, что торговля, основанная на раціональныхъ началахъ, сводитъ количество торговыхъ разореній до такого *minimum*'а, при которомъ вліяніе ихъ на ходъ коммерческихъ операцій въ странѣ почти незамѣтно; тогда какъ при спекулятивномъ характерѣ промышленности банкротства своимъ количествомъ и еще болѣе характеромъ рѣжутъ глаза и подрываютъ общее довѣріе въ самомъ корнѣ. Что же касается сравненія цифры нашихъ банкротствъ съ цифрою иностранныхъ, то въ данномъ случаѣ голыя цифры ровно ничего не значатъ, такъ какъ при сравненіи количества торговыхъ разореній въ одной странѣ съ количествомъ ихъ въ другой прежде всего необходимо сообразиться не столько съ общею цифрою ихъ, сколько съ характеромъ этихъ разореній. Такъ, напримѣръ, въ Америкѣ главная причина банкротствъ заключается, по преимуществу, въ чрезмѣрномъ рискѣ предпріятій, отъ чего тамошнія банкротства, причисляемые къ разряду неосторожныхъ, ни въ какомъ случаѣ не деморализируютъ общества, а еще скорѣе приносятъ ему значительныя услуги, потому что безъ особой смѣлости и личныхъ несчастій не были бы, вѣроятно, достигнуты тѣ грандіозные результаты, какими ознаменована въ Америкѣ борьба человѣка съ едва доступною природою. Наше положеніе, какъ извѣстно, совсѣмъ не таково: у насъ ни въ воздухѣ, ни подъ землею не воздвигнуто никакихъ особенныхъ сооружений; у насъ, напротивъ, всякое мало-мальски сомнительное по визитѣ дѣло предпринималось обыкновенно если и на частныя средства, то съ правительственною гарантіею. Слѣдовательно, наша предпримчивость далеко не родня предпримчивости американцевъ, а потому и характеръ нашихъ банкротствъ не похожъ на характеръ американскихъ; стало-быть, и количество разореній сравниваемо быть не можетъ. Вообще можно сказать, что при оцѣнкѣ цифръ торговой несостоятельности вопросъ о качествѣ ихъ много важнѣе вопроса о количествѣ или, иными словами, чтобы по количеству банкротствъ опредѣлить общее

положеніе промышленности въ странѣ и степень развитія торговаго ея сословія, для этого надо обратить вниманіе какъ на всю обстановку, при которой банкротства совершаются, такъ и на существующія отношенія къ нимъ общества и торговыхъ законовъ; безъ изученія же этихъ данныхъ относительное количество банкротствъ ничего не выражаетъ и ни къ какимъ вѣрнымъ выводамъ привести не можетъ.

Такимъ образомъ, оправдывать цифру нашихъ банкротствъ сравненіемъ ея съ такою же цифрою иностранныхъ, по меньшей мѣрѣ, странно и мѣста имѣть не можетъ, въ особенности если взять въ расчетъ, что наши разоренія, въ силу многихъ обстоятельствъ, относятся главнымъ образомъ или къ «несчастнымъ», по непредвидѣнной случайности, или къ «злостнымъ», по умысленности. «Неосторожныхъ» банкротствъ, по характеру нашей дѣятельности, случается у насъ сравнительно мало; между тѣмъ изъ практики коммерческихъ судовъ видно, что большая часть торговыхъ разореній, согласно буквѣ закона, за безпорядокъ въ счетоводствѣ, причисляется именно къ этому, рѣдко встрѣчающемуся у насъ, разряду. Отсюда, очевидно, является такое неудобство: умысленное банкротство, прикрываясь названіемъ неосторожнаго, не преслѣдуется по заслугамъ, а несчастное, понадея въ разрядъ неосторожныхъ, пользуется одною славой съ злостнымъ, что, конечно, и послужило къ тому, что въ нашемъ обществѣ нѣтъ и никогда не было ни справедливаго негодованія къ злостнымъ банкротамъ, ни еще болѣе справедливаго сожалѣнія къ несчастнымъ. Обстоятельство это, весьма выгодное для однихъ и чрезчуръ тяжелое для другихъ, происходитъ отъ неясности нашихъ торговыхъ законовъ и, порождая тѣмъ охотниковъ до легкой наживы на законпомъ, такъ сказать, основаніи, служитъ предлогомъ къ снисходительному взгляду на банкротства.

Только-что высказанное нами мнѣніе о томъ, что законъ, смѣшивая всѣ разряды банкротствъ въ одинъ—въ неосторожный, достигаетъ не того, чего желалъ, —вовсе не ново, такъ какъ многія официальные лица давно заявляли, что признаки для опредѣленія торговыхъ разореній имѣютъ у насъ значительное сходство, и что главнѣйшая задача торговыхъ уставовъ—«отличить злонамѣренную несостоятельность отъ невинной»—упущена совсѣмъ изъ вида. Но этого мало: три-четыре года назадъ, вслѣдствіе разосланнаго вторымъ отдѣленіемъ собствен-

ной Его Императорскаго Величества канцеляріи «Проекта главныхъ основаній новаго порядка производства дѣлъ о торговой несостоятельности», коммерческій судъ Земли Войска Донскаго официально сѣтовалъ на эту тему такъ: «по новому проекту остается прежнее раздѣленіе торговой несостоятельности на несчастную, неосторожную и злостную. Раздѣленіе это, основанное на теоріи и подтверждаемое практикою, нельзя не признать основательнымъ. Но, рассматривая внимательно эти виды торговой несостоятельности, не трудно замѣтить, что послѣдствія, сопряженные по закону съ торговю несостоятелію неосторожною, не на столько важны, чтобы многіе купцы не воспользовались, единственно изъ корыстныхъ цѣлей, сдѣлаться банкротами неосторожными. Въ самомъ дѣлѣ, опытъ доказываетъ, что банкротство у насъ въ Россіи слишкомъ умножилось и, несмотря на то, что оно большею частію бываетъ злонамеренное и, слѣдовательно, должно бы, повидимому, влечь за собою самыя гибельныя послѣдствія для банкротовъ, оканчивается, напротивъ, для нихъ довольно счастливо. Не часто ли мы видимъ, что многіе изъ банкротовъ, объявленныхъ по суду неосторожными, живутъ потомъ, что называется, припѣваючи, благодаря снисходительности закона къ ихъ участи? И нельзя сказать, чтобы зло это было маловажно: подрывая кредитъ въ народѣ, оно сильно содѣйствуетъ къ застою торговой промышленности». — Къ этому мы можемъ добавить, что въ настоящее время зло это, еще болѣе развившееся, уже подрываетъ кредитъ не въ одномъ только «народѣ», а вездѣ, даже и въ банкахъ. Такъ, по заявленію на промышленномъ съѣздѣ, оказалось между прочимъ, что главная банковая операція — учетъ векселей, съ помощью котораго только и возможно быстрое обращеніе капиталовъ въ государствѣ, находится у насъ вотъ въ какомъ положеніи: въ прошломъ году всѣ московскіе банки, имѣющіе въ сложности около 4½ милліардовъ оборотнаго капитала, употребили на учетъ векселей, то-есть на главную-то операцію, только съ небольшимъ 100 милліоновъ рублей, слѣдовательно не много болѣе 2½ процентовъ! И, конечно, они хорошо сдѣлали, ибо ихъ ссуда могла попасть не туда, куда слѣдуетъ, и наша промышленность оживилась бы отъ сего въ сомнительной степени, а московскіе банки уже навѣрное понесли бы одинаковую участь съ пензенскимъ, о которомъ сообщаютъ въ столичныхъ газетахъ (отъ 15 по 20 сентября), что дѣла его очень

плохи, тагъ какъ многіе тамошніе коммерсанты, закредитовавшись въ банкѣ, объявили себя несостоятельными, распродавъ предварительно свои товары. Штука, можно сказать, самая дюжинная, а все-таки удается...

Вотъ въ виду такихъ-то неутѣшительныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ только о несомнѣнной сообразительности и совершенной безнаказанности нашихъ спекулянтовъ, мы полагаемъ, что нашъ кредитъ, взятый самъ по себѣ отдѣльнымъ вопросомъ, до тѣхъ поръ не подвинется ни на шагъ впередъ, пока самый корень зла, то-есть наши торговые законы о несостоятельности и счетоводствѣ не будутъ окончательно пересмотрѣны и замѣнены другими, болѣе соотвѣтствующими духу времени и положенію ихъ въ прочихъ государствахъ.

Итакъ, признавая, что многія изъ нашихъ банкротствъ главнѣйше вызваны слабостію нашихъ торговыхъ законовъ, которые, дополняясь много разъ, ни разу со дня выхода ихъ въ 1832 году не измѣнялись въ своемъ основаніи, мы обратимъ на нихъ серьезное вниманіе и, пользуясь официальными общедоступными источниками, постараемся собрать во-едино тѣ статьи закона, на основаніи коихъ признается, опредѣляется торговая несостоятельность и ведутся купеческія (конторскія) книги, выражающія не только дѣятельность торговаго человѣка, но и совѣсть его.

По нашимъ дѣйствующимъ нынѣ торговымъ законамъ (т. XI, ч. 2, изд. 1872 года) различаются двѣ степени торговой несостоятельности: совершенная неоплатность долговъ и возможная оплата ихъ въ половину или болѣе.

Въ первомъ случаѣ, при дознанной неоплатности, каждый торговецъ, пріостановившій платежи своимъ кредиторамъ, объявляется коммерческимъ судомъ несостоятельнымъ и все имущество его, для ликвидаціи, поступаетъ въ распоряженіе конкурснаго управленія, которое составляется изъ лицъ, избранныхъ наличными кредиторами несостоятельнаго должника изъ своей среды (или изъ постороннихъ), безъ всякаго вмѣшательства суда, даже безъ повѣрки правильности кредиторскихъ претензій. Избранные такимъ способомъ члены конкурса, никѣмъ въ своихъ должностяхъ не утвержденные, составляютъ законное присутственное мѣсто и безконтрольно, по большинству голосовъ, распоряжаются имуществомъ и личностію должника, то-есть раздѣляютъ вырученныя за имущество деньги между

кредиторами, назначаютъ самому должнику извѣстное содержаніе до конца конкурса, устраиваютъ разныя мировыя сдѣлки и, въ концѣ концовъ, дѣлаютъ заключеніе о свойствѣ несостоятельности, безповоротно рѣшая такимъ образомъ участь должника и всѣхъ прочихъ его кредиторовъ; а суду остается пассивная роль утвердить представленное конкурсомъ заключеніе.

Во второмъ случаѣ, когда неоплатность долговъ не полная, а только вполонину, тогда, во избѣжаніе объявленія о несостоятельности, учреждается администрація, имѣющая задачу не ликвидацию имущества, какъ конкурсъ, а хозяйственное управленіе торговыми дѣлами для приведенія ихъ въ порядокъ. Учреждается администрація, точно также по желанію наличнаго большинства кредиторовъ, изъ числа кредиторовъ же, только чрезъ посредство биржеваго комитета, члены котораго, убѣдившись по представленному торговцемъ балансу, что дефицитъ простирается у него не свыше пятидесяти процентовъ, сообщаютъ о томъ коммерческому суду для назначенія временнаго управленія, то-есть администраціи надъ запутаннымъ имуществомъ должника. Судъ опять-таки пассивно исполняетъ это порученіе, не повѣряя ни правильности правъ кредиторовъ, ни правильности составленнаго торговцемъ баланса. При этомъ необходимо замѣтить, что администрація можетъ быть назначаема только надъ значительными торговцами, живущими въ столицахъ или большихъ портовыхъ городахъ, для всѣхъ же прочихъ мѣстъ имперіи и для другихъ торговцевъ администраціи не допускается; почему торговые люди замѣняютъ ее обыкновенно мировыми сдѣлками, устраиваемыми иногда до объявленія несостоятельности и имѣющими *по внутреннему содержанию* много общаго съ администраціей.

Вотъ вкратцѣ тотъ порядокъ дѣйствія, который указанъ въ нашемъ законодательствѣ на случай пріостановки въ торговомъ мірѣ срочныхъ платежей. Тутъ, какъ видите, что ни шагъ, то недоразумѣніе, не особенно пріятное для правильныхъ кредиторовъ.

Прежде всего, совершенная неоплатность долговъ—понятіе условное и очень растяжимое; потомъ, развѣ можно по составленному торговцемъ балансу, безъ основательной провѣрки его по книгамъ, опредѣлить, даже приблизительно, по скольку процентовъ придется въ уплату долговъ? Слѣдовательно, даже первый шагъ по отношенію къ несостоятельности, то-есть самое

назначеніе конкурса или администраціи поставлено въ зависимость отъ большинства наличныхъ кредиторовъ, которые, во вредъ прочей массѣ, могутъ объяснять пріостановку платежей въ ту или другую сторону. Дальнѣйшее производство взысканія съ несостоятельнаго уже окончательно въ рукахъ большинства, которое творить судъ и расправу, какъ найдетъ для себя выгоднымъ. Происходитъ это, примѣрно, такъ: торговецъ, приготовившійся къ несостоятельности, зная, что онъ по закону въ рукахъ большинства кредиторовъ, старается заручиться кредиторами, благопріятно къ нему расположенными. Этотъ маневръ достигается весьма легко: либо посредствомъ выдачи безденежныхъ векселей своимъ благопріятелямъ, либо тайною сдѣлкой съ крупными кредиторами, которыхъ ублаговворяетъ должникъ по полтиннику за рубль, а уже они берутся склонить «массу» на пятакъ за тотъ же рубль; вслѣдствіе чего должникъ въ выгодѣ, а его крупные кредиторы и подавно, ибо при правильномъ раздѣлѣ имущества несостоятельнаго они получили бы, положимъ, по четвертаку за рубль, а тутъ получаютъ по полтиннику *темныхъ*, да по пятачку со всѣми вмѣстѣ *открытыхъ*. Чего-жь еще?! Затѣмъ, то же большинство, въ случаѣ назначенія администраціи, можетъ продлить эту администрацію, по желанію промотавшагося комерсанта, до безконечности и на вѣки-вѣчныя избавить его какъ отъ расплаты съ кредиторами, такъ и отъ объявленія несостоятельнымъ. Наконецъ, это же самое благопріятное большинство, по ликвидаціи взятаго въ конкурсъ имущества, можетъ причислить даже почти явнаго злостнаго банкрота къ разряду если не несчастныхъ, то по крайней мѣрѣ неосторожныхъ, и онъ чуть не на другой же день можетъ начать ѣздить по городу въ каретахъ и открыть новое дѣло шире прежняго временно, на имя жены, а потомъ и на свое собственное, впредь до втораго банкротства, опять-таки съ подставными кредиторами и съ прежнею безнаказанностію. И все это совершается во имя правды, во имя закона! И совершается, надо замѣтить, при нашей медленности въ объявленіи несостоятельности и при устраненіи судебного элемента изъ конкурснаго производства, а также изъ администрацій и мировыхъ сдѣлокъ, — съ большою легкостію, съ совершенною развязностію: какъ будто такъ и быть должно, какъ будто эти порядки совершенно нормальны. Очевидно, что тутъ даже и честнымъ-то человѣкомъ быть трудно: нечего сказать, хорошъ

бы вышелъ тотъ несостоятельный должникъ, который, вопреки обычая, повелъ бы дѣло на чистоту и не заручился бы на конкурсѣ благопріятнымъ для себя большинствомъ!... Такого не-радиваго торговца конкурсное большинство, свободное отъ всякихъ симпатій, конечно, пустило бы по міру и, на основаніи примѣчанія къ 535 статьѣ устава, уперло бы туда, куда, какъ говорятъ, Макаръ телятъ не гонялъ! Такимъ образомъ, вопросъ о несостоятельности, при подобной постановкѣ, сводится у насъ на вопросъ не только финансовый, но и нравственный, и, предоставляя обыкновенно честныхъ и правильныхъ кредиторовъ во власть вновь созданныхъ подставныхъ, — вопросъ этотъ, повторяемъ, до того перепуталъ самыя простыя понятія и общечеловѣческія отношенія, что зло это, оставаясь безнаказаннымъ и получивъ право гражданства, пустило корни всюду, во всѣ слои общества, и теперь никакія частныя мѣры, безъ пересмотра торговаго устава, принести пользы не въ силахъ, ибо острая мѣстная болѣзнь уже превратилась въ эпидемію. Между тѣмъ нигдѣ ничего подобнаго быть не можетъ и какъ правило не встрѣчается; наоборотъ, строго-на-строго преслѣдуется законодательствами почти всѣхъ европейскихъ государствъ, гдѣ, какъ, на примѣръ, во французскомъ торговомъ уставѣ (*code de commerce* 1838 г.), сходномъ съ разными конкурсными и коммерческими уставами другихъ странъ, ранѣе всего поставляется въ обязанность самому торговцу, при первомъ же прекращеніи своихъ платежей, доставлять въ судъ свѣдѣніе объ этомъ, а уже судъ, разобравъ дѣло и повѣривъ правильность кредиторовъ, распоряжается назначеніемъ конкурса, контролируетъ его дѣйствія, распределяетъ долги по родамъ и разрядамъ, наблюдаетъ за составленіемъ расчета должника съ кредиторами и опредѣляетъ, содержать или не содержать несостоятельнаго подъ стражею. При этомъ каждый видъ банкротства, считается проступкомъ, подлежащимъ дѣйствию законовъ уголовныхъ, непременно подвергаетъ виновнаго, по предложенію прокурора, извѣстному наказанію. Что же касается администрацій и вообще мировыхъ сдѣлокъ, то онѣ допускаются иностранными законодательствами только въ томъ единственномъ случаѣ, когда торговыя книги несостоятельнаго должника будутъ найдены въ *полнѣйшемъ порядкѣ* и не будетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ его добросовѣстности; иначе судъ вмѣшивается въ дѣло, и никакія мировыя сдѣлки имѣть мѣста не могутъ. При одномъ подобномъ законѣ наши полюбовныя

сдѣлки, въ виду дознанной беспорядочности счетоводства, сразу прекратили бы свое существованіе, повергнувъ въ скорбь и увныіе многихъ опытныхъ аферистовъ, поощряемыхъ нашимъ мнимымъ торговымъ самоуправленіемъ.

Эти и многіе другіе, болѣе мелкіе, недостатки нашихъ торговыхъ законовъ, по сравненію ихъ съ законодательствами другихъ государствъ и по отношенію ихъ къ практикѣ, были замѣчены уже 25 лѣтъ назадъ, и 12 ноября 1847 года, по всеподданнѣйшему докладу покойнаго графа Блудова, Высочайше повелѣно было пересмотрѣть и исправить нашъ торговый уставъ о несостоятельности; но венгерская кампанія, затѣмъ крымская война и, наконецъ, реформы новаго царствованія, особенно судебная, въ связи съ которою находилось конечное измѣненіе и торговыхъ законовъ, надолго пріостановили исполненіе этой благой мысли, которая снова появилась на свѣтъ Божій только въ 1867 году, когда упомянутый выше «Проектъ главныхъ основаній новаго порядка производства дѣлъ о торговой несостоятельности» былъ напечатанъ и разосланъ *II отдѣленіемъ* на просмотръ торговаго сословія главныхъ городовъ Россіи.

Многія купеческія общества, а также и отдѣльныя лица охотно отозвались на предложеніе *II отдѣленія* и доставили ему свои отзывы на вновь составленный проектъ. Изъ числа всѣхъ этихъ замѣчаній, болѣе или менѣе основательныхъ, первое мѣсто занимаютъ отзывы московскаго и одесскаго купечества, которыя, соглашаясь въ принципѣ съ выраженными въ проектѣ измѣненіями устава о торговой несостоятельности по образцу иностранныхъ, указали многія практическія приспособленія статей закона, безъ чего онѣ, по мѣстнымъ условіямъ, могли бы не принести ожидаемой пользы. Проектъ этотъ и доставленные на него отзывы отъ петербургскаго, московскаго, рижскаго, одесскаго и Земли Войска Донскаго купечества, а также отъ гг. Родоконаки, Бернштейна и Рабиновича, — напечатаны въ 1869 году отдѣльною книгою, подъ заглавіемъ: «*Проектъ устава о торговой несостоятельности съ объяснительною къ нему запискою и замѣчаніями на оный*»; причемъ въ предъувѣдомленіи сказано, что *II отдѣленіе* «не упуститъ принять въ свое время въ надлежащее соображеніе всѣ основательные отзывы о заключающихся въ сей книгѣ предположенійхъ, которыя до 1 марта 1870 года будутъ заявляемы».

На этомъ пока дѣло остановилось, и неизвѣстно, когда оно придетъ къ желанному окончанію.

Остановка эта, намъ кажется, должна происходить отъ того, что до сихъ поръ былъ поднятъ одинъ только спеціальнѣйшій вопросъ о недостаткахъ статей устава по отношенію къ торговой несостоятельности, статьи же о торговомъ счетоводствѣ оставались въ сторонѣ, какъ дѣло совсѣмъ особое. Между тѣмъ, разбирая вопросъ по существу, нельзя не согласиться, что несостоятельность такъ тѣсно связана со счетоводствомъ, что, говоря о ней, рѣшительно невозможно молчать о книгахъ, ибо «веденіе книгъ, — какъ справедливо замѣчаетъ въ своемъ отзывѣ московское купечество, — имѣетъ цѣлю дать возможность опредѣлить во всякое время положеніе дѣлъ и состояніе имущества торговца и провѣрить правильность его дѣйствій». Стало-быть, вопросъ о несостоятельности до тѣхъ поръ не будетъ исчерпанъ вполне и рѣшенъ удовлетворительно, покуда не сольютъ его съ вопросомъ о счетоводствѣ, такъ какъ иначе причины банкротства, въ связи съ правильностію дѣйствій торговаго чловѣка и положеніемъ его дѣлъ, будутъ оставаться не разгаданными, а въ опредѣленіи-то этого и заключается вся суть обузданія банкротствъ.

И точно, есть много случаевъ, гдѣ безъ торговыхъ книгъ нельзя сказать никакого мнѣнія о правильности или злонамѣренности даннаго банкротства. Напримѣръ, ужъ нечего говорить, что выдача безденежныхъ векселей, переводъ части имущества на другое лицо и тому подобное ничѣмъ инымъ не объясняется, какъ только книгами, которыя укажутъ: имѣлъ ли хозяинъ какія дѣла и счета съ тѣмъ лицомъ, которому выдалъ вексель или перевелъ на него имѣніе, и если имѣлъ, то когда именно и какого рода, — однимъ словомъ, все, что требуется для уясненія истины. Но есть случаи еще хитрѣе, гдѣ безъ книгъ окончательно нельзя дознаться правды и уличить во лжи. Случается, напримѣръ, что торговецъ, предчувствуя скорый кризисъ и желая про черный день обезпечить себя, производитъ такую операцію: покупаетъ товаръ въ долгъ по высокой цѣнѣ и сейчасъ же перепродаетъ его по низкой, отъ чего долги его быстро прибавляются, но ихъ все равно платить онъ не хочетъ, а наличныя деньги годятся ему послѣ конкурса, — слѣдовательно, расчетъ торговца довольно вѣрный. Но въ то же время это называется мошенничествомъ и карается какъ злостное банкротство. Какимъ же образомъ безъ книгъ уличить его въ этомъ дѣяніи? На память полагаться нельзя, противъ свидѣтелей можно и возражать, по книгамъ

же уличить легко, ибо тамъ всѣ переходы товара изъ рукъ въ руки должны обозначаться и въ его книгахъ и въ книгахъ тѣхъ лицъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло. Или, напримѣръ, въ случаѣ пожара магазина, какъ прикажете опредѣлить сумму убытка, такъ какъ стоимость вещей измѣняется ежедневно и въ значительныхъ размѣрахъ? А всѣ эти случаи, при разборѣ дѣлъ несостоятельнаго должника, встрѣчаются безпрестанно и имѣютъ руководящее значеніе на опредѣленіе свойства самой несостоятельности. Поэтому необходимость правильного счетоводства въ торговомъ дѣлѣ вообще, а при банкротствѣ въ частности не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ, и мы совершенно согласны съ нижеслѣдующими словами одесскаго купечества, по мнѣнію котораго «одно изъ самыхъ коренныхъ золь, препятствующихъ развитію кредита и уничтожающихъ всякую возможность прослѣдить добросовѣстно предшествующія формальной несостоятельности должника обстоятельства и уяснить настоящія причины его неоплатности,—заключается именно въ томъ весьма часто повторяющемся фактѣ, что у лицъ, объявляемыхъ несостоятельными должниками, никакихъ рѣшительно торговыхъ книгъ не оказывается».

Вотъ въ виду этого-то факта—неимѣнія книгъ совѣмъ или веденія ихъ въ полномъ безпорядкѣ, засвидѣтельствованномъ почти всѣми отзывами, а также въ виду важности торговыхъ книгъ при несостоятельности,—мы позволяемъ себѣ остановиться съ нѣкоторою подробностію на тѣхъ статьяхъ закона, которыя, опредѣляя количество книгъ, ихъ форму и внутреннее содержаніе, прямо вліяютъ на несовершенства нашего торговаго счетоводства и тѣмъ усугубляютъ случаи безнаказанности нашихъ банкротствъ.

Нашъ торговый уставъ, {раздѣливъ торговлю и промышленность на оптовую, розничную и мелочную, обязываетъ всѣхъ лицъ безъ изыятія, такими дѣлами занимающихся, «имѣть и содержать въ надлежащемъ порядкѣ свои книги, сообразно роду торговли», и въ слѣдующемъ количествѣ:

а) Оптовымъ торговцамъ: 1) *меморіаль* или *журналъ*—для ежедневной записки всего торговаго производства, 2) *кассовую*—для подробной записки каждой статьи пріема и выдачи денегъ, 3) *гроссъ-бухъ* или *главную книгу*—для записки отдѣльныхъ счетовъ по всѣмъ оборотамъ торговли; причемъ книга эта должна быть ведена такъ, чтобъ изъ нея можно было составить полный

балансъ и видѣть состояніе дѣлъ, 4) *книгу для копій* со всѣхъ отходящихъ торговыхъ писемъ, 5) *товарную книгу*—для записи всѣхъ купленныхъ, полученныхъ, проданныхъ и отправленныхъ товаровъ, съ означеніемъ цѣнъ оныхъ, 6) *разсчетную книгу*—для открытія текущихъ счетовъ каждому должнику и займодавцу, 7) *книгу для записи исходящихъ счетовъ* и 8) *фактурную*—для записи фактуръ на отправленные товары.

б) Розничнымъ торговцамъ: 1) *товарную*, 2) *кассовую*, 3) *разсчетную* и 4) *документную*, по указанной въ законѣ формѣ.

и в) Мелочнымъ—первыя три книги для розничныхъ торговцевъ, а торгующимъ съ ларей и столовъ дозволяется совсѣмъ не вести книгъ. При чемъ, не возбраняя сверхъ обязательныхъ книгъ заводить вспомогательныя, законъ говорить, что только «вышеозначенныя книги, когда онѣ ведены въ надлежащемъ порядкѣ и исправности, согласно правиламъ, въ сей главѣ постановленнымъ, могутъ служить удостовѣреніемъ и доказательствомъ при возникшихъ спорахъ, тяжбахъ и проч.». Въ случаѣ же уклоненія отъ указаннаго количества книгъ, или отъ формы ихъ, или отъ способа исправленія ошибокъ и т. д., нашъ законъ признаетъ книги неудовлетворительными, и несостоятельный попадаетъ въ разрядъ неосторожныхъ, одинаково съ тѣмъ, который и вовсе не велъ счетоводства.

По мнѣнію московскаго и одесскаго купечества, правила эти, какъ стѣснительныя, слѣдовало бы отмѣнить, предоставивъ каждому торговцу вести книги по его усмотрѣнію, но съ непременнымъ условіемъ, чтобъ его счетоводство давало возможность съ точностію вывести изъ книгъ балансъ за нѣсколько прошлыхъ лѣтъ, признавая вмѣстѣ съ тѣмъ неимѣніе книгъ уже за злой умыселъ.

Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, мы полагаемъ, что буквальное руководство указанными въ законѣ правилами и было причиною того, что наше книговедение обратилось въ пустую, ничего не выражающую формальность. И въ самомъ дѣлѣ, если предположить, что оптовый торговецъ, руководствуясь закономъ, заведетъ у себя назначенныя восемь книгъ и заведетъ ихъ по простой системѣ счетоводства, то онъ такъ запутается, что составленіе баланса *даже за одинъ годъ* представить для него неимовѣрныя трудности, а повѣрка его окажется на судѣ невозможною, вслѣдствіе чего такія книги, какъ ничего не разъясняющія, будутъ признаны неудовлетворительными, и несостоя-

тельный несчастный превратится въ неосторожнаго, познавъ на самомъ себѣ всю тщету книговеденія, такъ какъ и безъ расходовъ на счетоводство можно бы придти къ тѣмъ же результатамъ. О пользѣ же счетоводства для дѣла у насъ еще мало думаютъ; напротивъ, большинство торговцевъ, по своей малограмотности, просто-таки питаетъ отвращеніе къ конторскимъ книгамъ, которыя кромѣ убытка ничего ему не приносятъ, а по обилію формалистики несказанно затрудняютъ.

Затрудненій, дѣйствительно, законъ представляетъ не мало: и со стороны исправленія ошибокъ, и еще болѣе со стороны назначеннаго количества книгъ. Количество это, въ числѣ на примѣръ восьми для оптовыхъ торговцевъ, рѣшительно не имѣетъ оправданія, такъ какъ наиболѣе усовершенствованная система счетоводства—«двойная»—и та признаетъ основныхъ книгъ для каждаго рода дѣятельности только двѣ: *журналъ* (дневную книгу) и *кроссъ-бухъ* (главную книгу); всѣ же прочія считаетъ вспомогательными, которыхъ должно заводить ни болѣе, ни менѣе того, сколько ихъ требуется по характеру дѣла, стараясь по возможности сокращать, но ужь никакъ не размножать открытіе отдѣльныхъ счетовъ и заведеніе новыхъ книгъ. Между тѣмъ, обращаясь къ вписанному количеству книгъ для оптовыхъ торговцевъ, мы видимъ, что въ числѣ ихъ не только безъ надобности, но даже въ явное противорѣчіе съ требованіями науки, нѣкоторыя книги, совершенно однородныя, какъ, на примѣръ, подъ №№ 4, 7 и 8, раздѣлены, а другія, имѣющія разное назначеніе, соединены въ одну, какъ *меморіалъ* и *журналъ*. Списокъ же книгъ для розничныхъ торговцевъ показываетъ, что въ немъ какъ нарочно нѣтъ основныхъ книгъ, принятыхъ двойною бухгалтерію. Все это показываетъ, что веденіе книгъ по буквѣ закона обставлено такими ни къ чему не нужными формальностями, которыя скорѣе отвращаютъ, нежели способствуютъ къ прочному заведенію у насъ торговыхъ книгъ, отодвигая это дѣло на задній планъ.

И въ данномъ случаѣ опять-таки необходимо указать на иностранныя законодательства, не старающіяся войти въ роль учебника по счетоводству, а требующія только того, чего желаютъ московское и одесское купечества, то-есть чтобы книги выражали подробный видъ всего торговаго дѣла, налагая въ противномъ случаѣ опредѣленные взысканія. Тамъ, вслѣдствіе этого, почти вездѣ принята двойная система счетоводства, о

преимуществахъ которой мы уже говорили въ № 8-мъ «Бесѣды», при разборѣ новыхъ учебниковъ двойной бухгалтеріи, а потому теперь распространяться о ней не станемъ; скажемъ только, что ни при какой системѣ, кромѣ двойной, невозможно вывести и. разумѣется, повѣрить баланса, такъ какъ онъ только при двойной системѣ вытекаетъ изъ хода счетовъ и дѣйствительно представляетъ крайній видъ положенія всякаго торговаго дѣла. Обращаясь же къ нашему практическому счетоводству, надо замѣтить, что у насъ никакой системы не принято; у насъ, какъ оказывается изъ заявленій самого же купечества, каждый торговецъ самолично придумываетъ либо ту, либо другую систему, а чаще ведетъ книги какъ Богъ на душу положитъ, лишь бы онъ сколько-нибудь удовлетворяли формальной сторонѣ, указанной въ законѣ, то-есть были бы безъ поправокъ, имѣли бы нумерацію и такъ далѣе, и такъ далѣе. Развѣ только самыя крупныя предпріятія, каковы, на примѣръ, банкирскія конторы или значительныя фабрики стараются заводить у себя правильное счетоводство. О банкахъ, конечно, нѣтъ и разговора: частныя банки, пользуясь выработанными правилами для государственнаго, представляютъ съ этой стороны счастливое исключеніе изъ всѣхъ нашихъ коммерческихъ предпріятій.

Уже изъ сказаннаго можно вывести заключеніе, что чѣмъ болѣе законъ будетъ преслѣдовать форму, всегда и вездѣ легко измѣняющуюся, тѣмъ скорѣе воспользуются имъ люди злонамѣренныя и тѣмъ чаще стануть попадаться въ просакъ люди недогадливые; почему безъ особой смѣлости можно думать, что было бы цѣлесообразнѣе, еслибы наше законодательство, отбросивъ всѣ формы въ сторону, подчинило торговое счетоводство известной системѣ и указало только, какія именно свѣдѣнія должны выражаться книгами. Кромѣ того, въ виду признанной полезности подчинить дѣла о торговой несостоятельности судебному вѣдомству, нельзя не признать справедливымъ мнѣніе одесскаго гофъ-маглера Симона Бернштейна о необходимости «имѣть при каждомъ окружномъ судѣ присяжнаго бухгалтера, для повѣрки книгъ и счетовъ несостоятельныхъ, такъ какъ отъ правильной повѣрки зависитъ и правильное опредѣленіе свойства несостоятельности».

Продолжая далѣе просматривать уставъ о торговомъ счетоводствѣ, невольно приходится остановиться на томъ правилѣ, въ силу коего «предъявленіе книгъ, для удостовѣренія и доказа-

тельства, отдается на полную волю хозяина и только въ случаѣ спора о наслѣдствѣ или по торговому товариществу», да еще «въ случаѣ несостоятельности, признанной по опредѣленію надлежащаго судебного мѣста, купеческія книги отбираются и разсматриваются кѣмъ слѣдуетъ». «Сверхъ сего никто и ни подъ какимъ предлогомъ не въ правѣ требовать, чтобъ открыты были купеческія книги, составляющія ненарушимую коммерческую тайну». Конечно, мы согласны, что нельзя допустить, чтобы купеческія книги, выражающія не только дѣятельность торговаго дома, но и степень его распорядительности, и притомъ не только прошедшія уже операціи, но даже и будущія, въ видѣ заказовъ на срокъ,—конечно, повторяемъ, такіе важные документы нельзя выкладывать передъ всякимъ любопытнымъ и при каждомъ удобномъ или неудобномъ случаѣ; однако, казалось бы справедливымъ дозволить, по крайней мѣрѣ судебному вѣдомству, въ случаѣ надобности, требовать книги на разсмотрѣніе, не дожидаясь несостоятельности или спорныхъ дѣлъ о наслѣдствѣ и торговлѣ по товариществу, ибо есть много и другихъ случаевъ, гдѣ только книги, и однѣ книги, могутъ раскрыть самую правду. Вѣдь никто, напримѣръ, не станетъ спорить, что было бы странно, еслибы въ обществѣ каждое слово, каждое показаніе сопровождалось присягою; между тѣмъ на судѣ это дѣлается и никто не считаетъ этого за насиліе совѣсти. Очевидно, это лестное право купеческихъ книгъ на особый секретъ не можетъ быть слишкомъ дорого честнымъ людямъ; напротивъ, имъ было бы выгодноѣ отмѣнить его, такъ какъ тогда торговое счетоводство вышло бы изъ той тьмы, въ какой сейчасъ оно пребываетъ и которая уже сдѣлала то, что купеческія книги ведутся безъ всякой опредѣленной мысли и, считаясь скорѣе обремененіемъ, нежели руководителемъ дѣла, поручаются обыкновенно, въ видахъ экономіи, мальчишкамъ или же такимъ личностямъ, которыя по своимъ способностямъ ни на что болѣе не пригодны, какъ на веденіе книгъ въ полномъ секретѣ не только отъ постороннихъ, но даже отъ самихъ себя и своихъ хозяевъ. Мы встрѣчали такія показанія въ печати. Точно также нельзя не остановиться съ недоумѣніемъ и на статьѣ 1173-й Уложенія о наказаніяхъ, которая за неведеніе книгъ въ должномъ порядкѣ подвергаетъ виновнаго: «*въ первый разъ*—денежному взысканію не свыше половины платимой имъ по торговому его званію подати, *во второй*—взысканію не свыше всей подати

вполнѣ, *въ третій*—взысканію не свыше всей подати вдвое, а *въ четвертый*—лишенію навсегда права на производство торговли». Кроме того, при несостоятельности наказываютъ виноватаго, какъ уже было сказано, признаніемъ его неосторожнымъ. Статья эта, при существованіи 529-й статьи торговаго устава, въ силу которой торговецъ итѣетъ право отказывать даже судебному требованію въ показаніи своихъ книгъ, сама собою на практикѣ едва ли когда-нибудь примѣняется, такъ какъ до несостоятельности торговецъ держитъ свои книги подъ спудомъ, а при банкротствѣ, открывъ эту тайну суду, сразу принимаетъ высшую степень наказанія, минуя первыя четыре. Совѣзмъ иное было бы дѣло, еслибъ у насъ полагался какой-либо контроль надъ купеческими книгами, но его нѣтъ,—стало-быть, о томъ, чего нѣтъ, и говорить нечего; можемъ только сослаться на авторитетъ коммерціи совѣтника Федора Родоконаки въ Одессѣ, который по этому предмету заявилъ, «что (наше) законодательство, вмѣнивъ въ непремѣнную обязанность коммерческаго класса веденіе книгъ, и веденіе ихъ въ установленной точности, и опредѣливъ отвѣтственность за неведеніе и за неаккуратность, не установило порядоковъ надзора за точнымъ выполненіемъ со стороны купечества этой обязанности, и на практикѣ не было случая законнаго взысканія съ коммерческаго лица за неведеніе имъ своихъ книгъ; следовательно, правило веденія книгъ внесено въ законъ только какъ удобная мѣра для постиженія характера торговли коммерческаго лица, въ случаѣ его несостоятельности». Прибавлять къ этому, кажется, нечего.

Такимъ образомъ, куда бы мы ни обратились, какою бы ни взяли статью закона по отношенію къ торговой несостоятельности,—вездѣ встрѣтимъ одно и то же: если одна статья караетъ банкрота или силится предупредить, ограничить его, то другая парализуетъ эту мысль законодателя и какъ бы наталиваетъ на злой умыселъ. Очевидно, наше законодательство, относясь съ излишнею деликатностію къ торговому сословію, имѣло въ виду мотивы, достойные лучшей участи. Но нельзя также черезчуръ винить и нашихъ торговцевъ, воспользовавшихся слабостію закона съ такою энергіею, которая сдѣлала бы имъ честь въ приложеніи ея къ другому дѣлу.... Кому хотите дайте въ руки палку, свазалъ нѣкто, и позвольте безнаказанно махать ею и вправо и влѣво,—каждый соблазнится широтою своего права и навѣрное надѣлаетъ синяковъ своимъ ближнимъ.

Что дѣлать! Ужь таково сердце человѣческое, и психологія не возмущается этимъ, наводя на мысль о необходимости или вырвать палку изъ рукъ, или, по крайней мѣрѣ, убѣдить драчуна, свободного отъ гуманныхъ соображеній, что палка о двухъ концахъ и что жизнь въ обществѣ налагаетъ на человѣка извѣстныя обязанности, уклоняться отъ которыхъ преступно. И тѣмъ болѣе это необходимо тамъ, гдѣ не знаютъ великой истины, что каждый человѣкъ имѣетъ право быть чѣмъ угодно, хоть дуракомъ, только, живя въ обществѣ, всякимъ правомъ долженъ пользоваться въ извѣстныхъ размѣрахъ.

Заканчивая эту статью, не можемъ не пожелать, чтобы вопросъ о торговой несостоятельности, поднятый четверть столѣтія назадъ, былъ рассмотрѣнъ въ законодательномъ порядкѣ возможно скорѣе и притомъ непремѣнно въ связи съ торговымъ счетоводствомъ, такъ какъ *несостоятельность* и *счетоводство* не раздѣляемы и другъ безъ друга едва ли могутъ достигнуть опредѣленной задачи. А задача эта состоитъ въ томъ, чтобы направить нашу торговлю, соскочившую въ своемъ ходѣ съ рельсовъ, на путь истины и цивилизаціи. Вопросъ этотъ, конечно, широкъ и не исчерпывается однимъ исправленіемъ нашихъ законовъ о несостоятельности и счетоводствѣ; но мы думаемъ, что затронутый нами предметъ, составляя фундаментъ обширнаго вопроса о лучшей будущности нашего промышленнаго движенія, подлежитъ немедленному обсужденію и долженъ подвергнуться коренному измѣненію ранѣе прочихъ.

В. Сафоновъ.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ЧЕСТНАГО БУРЖУА.

Романъ Андре Лео.

(Переводъ съ рукописи).

Часть вторая.

VII.

ФЕВРАЛЬСКАЯ КАТАСТРОФА.

Большая радость, сказали мы, выпала на долю Брафора. Онъ былъ уже меромъ города Рубэ. Заботъ прибавилось, но вѣдь это были заботы сладкія сердцу! Любовникъ, держащій въ своихъ объятіяхъ обожаемую имъ женщину, жалуется ли на тяжесть бремени? Могъ ли Брафоръ проклинать тѣ кучи бумагъ, въ которыхъ безпрестанно воспроизводились эти отрадныя для слуха его слова: «Мы, мэръ города Рубэ»... и т. д., съ подписью Брафоръ. И притомъ, развѣ не было тутъ, какъ при всякой должности вышшаго порядка, того терпѣливаго, неизвѣстнаго и трудолюбиваго чловѣка, который беретъ на себя самую неприятную работу, избавляя отъ нея своего начальника. На секретарѣ лежали почти всѣ тяготы, а Брафоръ одинъ пользовался всѣми почестями и связанными съ ними удовольствіями. Онъ предсѣдательствовалъ (и съ какимъ достоинствомъ!) въ муниципальномъ совѣтѣ, заявлялъ о случаяхъ нарушенія закона, распекалъ провинившихся, издавалъ *постановленія*, обязательныя для жителей города, которыхъ онъ считалъ чуть не подданными своими, наблюдалъ за торговцами, покровительствовалъ добрымъ нравамъ, поддерживалъ порядокъ, получалъ рапорты отъ сельскихъ стражей и полицейскаго комисара, давалъ официальные объѣды и относился къ префекту какъ равный къ равному, какъ

подобаетъ человѣку съ вѣсомъ относиться къ людямъ, власть имѣющимъ, какъ относится владѣтельный князь къ императору.

Нужно ли прибавлять, что политика королевства имѣла въ Брафору преданнаго помощника и опору? Гизо былъ его богомъ. Эта важность въ мелочахъ, эта гордость ничтожества, эта смѣлость мѣднаго лба, соединенная съ душевной слабостью, этотъ педантизмъ развращенности, — весь этотъ блескъ ослѣплялъ его. Онъ старался сдѣлаться вполне достойнымъ чести служить подъ начальствомъ этого великаго человѣка, и въ подражаніе ему старался быть столь же крутымъ съ подвластнымъ своимъ стадомъ, сколько услужливымъ, низкопоклоннымъ и кроткимъ по отношенію къ высшимъ властямъ, имѣющимъ право помыкать имъ. Агитація банкетовъ, однимъ изъ главныхъ центровъ которой былъ Лилль, ему казалась преступленіемъ противъ королевскаго величества и соціального порядка и, хотя онъ показывалъ видъ, что презираетъ ее, въ сущности они глубоко раздражали его. Впрочемъ, онъ былъ увѣренъ въ торжество порядка надъ враждебными ему страстями и отъ всего сердца присоединился къ большинству при каждой подачѣ голосовъ, вотируя противъ оппозиціи.

Объ этой лихорадочной дѣятельности, которая держала, какъ въ лихорадкѣ, всю страну, Брафору въ семьѣ не съ кѣмъ было и поговорить. Радикальная рознь мнѣній, существовавшихъ между нимъ и племянникомъ, нѣсколько разъ уже приводившая къ неприятнымъ ссорамъ, заставила Жана, по всѣмъ важнымъ пунктамъ, хранить постоянное молчаніе и не вступать съ дядей ни въ какіе разговоры, кромѣ простаго обмѣна словъ, которыя необходимы, когда люди живутъ подъ одной крышей. Брафору это было очень больно. Понятно, что ему очень хотѣлось бы найти въ племянникѣ своею повтореніе самого себя, свое отраженіе и свое эхо. Ему очень пріятенъ былъ бы снисходительный собесѣдникъ, который могъ бы иногда дать и реплику, легонькую, но такую, которая могла бы оживить и поддержать разговоръ, и придать ему пикантности, — не больше; потому-то упрямая неразговорчивость Жана въ глазахъ дяди была горькимъ доказательствомъ неблагодарности племянника. Брафоръ страдалъ отъ этого. Нравственная отчужденность, къ которой неизбѣжно приводитъ эгоизмъ, есть одна изъ жесточайшихъ казней человѣка. Не достававшихъ ему возраженій Брафоръ ходилъ даже иногда искать у Эжени, нарушая тѣмъ священный законъ,

запрещающей женщинам заниматься политикой; но какой же человек может всегда и неуклонно быть во всем вверен самому себе? Къ тому же это нарушение не могло тутъ имѣть важныхъ послѣдствій. Эжени въ подобномъ случаѣ всегда отвѣчала или ледянымъ равнодушіемъ, или рѣшительною зѣвотой. Брафоръ возставалъ тогда противъ женскаго легкомыслія и разомъ ужъ и противъ надменности молодыхъ людей. Часто давалъ онъ обѣды у себя, но еще чаще цѣлые дни проводилъ внѣ дома.

Однакожь тотъ, кто больше всѣхъ страдалъ отъ такой сдержанности, которую самъ же предписалъ себѣ,—былъ Жанъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ натуръ, которымъ очень удобно живется въ гордой замкнутости, и которыя охотно довольствуются и услаждаются своими отдѣльными радостями. Рядомъ съ постояннымъ и пылкимъ стремленіемъ къ истинѣ, въ немъ жила не менѣе горячая потребность экспансивности; наслажденіе усвоеннымъ существовало для него нераздѣльно съ счастьемъ передачи. Но щекотливость его была настолько же чутка, насколько чувство было глубоко; онъ боялся бесполезныхъ препирательствъ, гдѣ самыя задушевные вѣрованія его, даже выслушанныя, могли подвергнуться оскорбленіямъ. Къ тому же, теперь его прежнія неопредѣленные стремленія смѣнилъ живой опредѣленный образъ, съ которымъ онъ въ глубинѣ сердца радостно дѣлился всѣмъ. Это былъ образъ Батистины.

Со времени случайной встрѣчи ихъ на улицѣ, они видались, какъ обыкновенно, только во время вечернихъ уроковъ, гдѣ, по необходимости, отношенія ихъ оставались прежнія. По-прежнему все ограничивалось виѣшностью; но для нихъ какъ все перемѣнилось! Тѣ же обычные поступки, тѣ же ничего не значація слова теперь для нихъ скрывали въ себѣ цѣлую поэму глубокаго и трепетнаго чувства: когда они обращались другъ къ другу, то въ обращеніи этомъ пробивался оттѣнокъ нѣжности, примѣтный имъ однимъ. Иногда ихъ руки встрѣчались... случайно, и они долго потомъ молчали въ смущеніи, слыша только, какъ бились сердца ихъ. Хотя они не высказывались между собой словами, но постоянная передача мыслей и чувствъ установилась между ними помощью электричества взглядовъ; какъ ни мало было бы всего этого для другихъ, для нихъ этого счастья—видѣться, понимать другъ друга, едва прикасаться другъ къ другу, когда по вечерамъ *учитель* наклонялся надъ тетрадью *ученицы*,—этого счастья имъ было такъ достаточно, что оно ка-

залось имъ паразитическимъ и они почти чувствовали страхъ предъ возможностью большаго.

Иногда, однако, Жанъ, возвращаясь своею дорогою, укорачивалъ шаги, въ надеждѣ еще разъ встрѣтиться съ Батистиной; но всякій разъ мысль о возможности этой встрѣчи причиняла ему такое волненіе, что все время, пока у него была эта надежда, онъ боялся ея исполненія и начиналъ сожалѣть лишь тогда, когда нѣсколько успокоивался. Потомъ, правда, онъ съ горечью говорилъ самому себѣ, что Батистина очевидно не ищетъ его, не желаетъ встрѣчи, что она даже нарочно избѣгаетъ его, что, можетъ-быть, она и не любитъ его, что онъ ошибся, и имъ овладѣвало безпокойство и тоска; но на слѣдующій разъ, когда, при встрѣчѣ съ ней, глаза молодой дѣвушки свѣтили ему любовью и въ лучахъ этихъ почерпалъ онъ увѣренность, — новая вѣра, новое счастье загорались въ немъ и онъ не сомнѣвался больше.

Да, Батистина любила его; но почему же была она такъ печальна? Она видимо находилась подъ вліяніемъ какой-то душевной тяжести, мѣшавшей ей продолжительно отдаваться своей многолетней радости. Она была точно цвѣтокъ, застигнутый бурей въ моментъ своего расцвѣта. Отчего же была печальна она? Жанъ хотѣлъ бы это узнать, но не въ классѣ же можно было объясняться объ этомъ съ Батистиной; къ ней же пойти, въ то скромное убѣжище, гдѣ жила она среди двадцати другихъ квартиръ, едва отдѣленныхъ перегородками, на подобіе ячеекъ пчелиныхъ сотовъ, — это значило бы возбудить противъ нея цѣлый рой всякихъ намековъ; это значило бы выказать неуваженіе къ ней, скомпрометировать ее, а любовь и скромность, соединяясь вмѣстѣ, запрещали Жану рѣшиться на такую попытку.

Онъ оставлялъ время течь своей чредой. Вмѣстѣ съ этими ощущеніями, еще и другія сильно волновали его. Пренія палаты страстно занимали его, какъ и дядю, но въ обратномъ смыслѣ. Масса разоблаченій того растлѣнія общественнаго сознанія, возведеннаго правительствомъ въ систему, всѣ обличенія, укоры, протесты, угрозы — все это отдавалось въ немъ во всей силѣ, возбуждая всю его энергію. Тѣмъ не менѣе онъ видѣлъ въ тѣхъ сферахъ, которыя принято называть высшими сферами мысли, — забвеніе правъ, интересовъ, самыхъ основъ жизни народныхъ массъ, забвеніе самой первоначальной и самой глубокой нравственности и началъ справедливости и равенства между всѣми человѣческими существами. Въ своей чи-

стой и чуткой совѣсти онъ провидѣлъ, за кажущимися благородными норывами, тайные расчеты, новый мракъ за этой обманчивой ясностью и за показнымъ великодушiемъ новый эгоизмъ. Онъ измѣрялъ пространство, отдѣлявшее дѣйствительность отъ его великой мечты о любви и справедливости, и чувствовалъ между ними бездну.

Однажды вечеромъ, Брафоръ, войдя въ комнату Жана, засталъ его погруженнымъ въ такую глубокую задумчивость, что ни шумъ шаговъ, ни скрипъ дверей не потревожили его. Онъ сидѣлъ, держа въ рукахъ журналъ, который не читалъ больше, и изъ глазъ его капали крупныя слезы. Нельзя сказать, чтобы Брафоръ не имѣлъ никакой привязанности къ племяннику; нѣтъ, онъ по-своему даже любилъ его. Онъ сильно обезпокоился и, тихонько положивъ руку на плечо Жана, спросилъ его о причинѣ его печали.

Жанъ смутился этимъ вопросомъ; онъ зналъ хорошо, что понять не будетъ, гдѣ же ему было противно. Онъ признался безъ обиняковъ, хотя не безъ нѣкотораго усилiя, что слезы эти вызваны у него созерцанiемъ того нравственнаго положенiя, въ которомъ находится мiръ.

— Какъ! вскрикнулъ Брафоръ.

Жанъ подтвердилъ свой отвѣтъ, только въ другихъ выраженiяхъ.

— Ты надо мной смѣешься! воскликнулъ Брафоръ.

— Неужели, дядюшка, вы не можете допустить....

— Я не допускаю, чтобы можно было плакать отъ подобныхъ вещей! Нѣтъ, *rag bleu*, это не естественно. Меня нельзя провести подобною чепухой; ты постарался бы выбрать болѣе остроумную ложь.

— Развѣ я далъ вамъ право сомнѣваться въ моихъ словахъ? сказалъ Жанъ, краснѣя. — Неужели же вы не можете понять, что величайшiе жизненные интересы могутъ волновать человѣка, также какъ и интересы второстепенные? Васъ потрясаетъ зрѣлище убiйства. Почему же вы не можете повѣрить тому, что мое сердце терзается при созерцанiи столькихъ агонiй, происходящихъ отъ нищеты, и столькихъ поступковъ насилiя и несправедливости? Вы горевали объ отъѣздѣ вашей дочери, я же плачу о множествѣ дѣтей, которыя явились въ этотъ мiръ, чтобы жить молокомъ матери и ея ласками и которыя умираютъ, лишенные ихъ; я плачу о погибшихъ дѣвушкахъ, о безчислен-

номъ количествѣ людей, пожираемыхъ военною бойней; я плачу о столькихъ стараніяхъ, о столькихъ униженіяхъ.... Не видите ли вы, что страданіе и зло сдѣлались, увы, основой чело-вѣческой жизни?

— Та-та-та! Будь даже это правда, что же ты съ этимъ подѣлаешь?

— Подчасъ сердце мое до такой степени расходится во мнѣ, что хотѣлось бы странствовать по міру, проповѣдуя милосердіе, любовь и братство; но....

— И хорошо дѣлаешь, что сдерживаешь себя, мой другъ, потому что, навѣрное, не ушелъ бы дальше Шарантона. Послушай, мой бѣдный Жанъ, вѣрно что-нибудь неладное случилось съ тобой, что на твою бѣдную голову, какую дали тебѣ твои родители, подѣйствовало, точно масло на огонь. Ты на скверномъ и скользкомъ пути, и я вижу, что необходимо ввести тебя въ тотъ свѣтъ, о которомъ ты разсуждаешь, не имѣя о немъ никакого понятія. Ты увидишь, что въ немъ все основано на правдѣ, трудѣ, экономіи и на способностяхъ,—стало-быть, на справедливости. Какъ же я самъ-то проложилъ себѣ дорогу? Видишь ли, у тебя нѣтъ достаточно амбиціи. Имѣй ее; это спасетъ тебя. Ей-Богу, ты гораздо безразсуднѣй, чѣмъ я могъ предполагать. Я говорилъ себѣ: «Молодые люди любятъ поораторствовать; это ихъ забавляетъ; Жанъ тоже одержимъ этою маніей; она пройдетъ. Но, признаюсь, когда я вижу, что бредни твои доходятъ до... то, честное слово, это мнѣ кажется опаснымъ, и я серьезно начинаю беспокоиться. Все это прекрасно въ книгахъ; но дѣйствительную жизнь надо брать проще.... Чортъ возьми, нужно бросить всѣ эти глупости; нужно бросить ихъ, говорю я тебѣ,—онѣ вредны и къ добру не доведутъ тебя.

Такъ еще нѣкоторое время увѣщевалъ Брафоръ своего племянника, потомъ вышелъ, пожелавъ ему добраго вечера, и отправился въ покои супруги своей.

— Повѣришь ли, сказалъ онъ ей,—я очень беспокоюсь объ умственномъ здоровьи Жана. Сейчасъ только-что я засталъ его плачущимъ—надъ *блѣдствіями міра сего*, какъ сказалъ онъ мнѣ.

— Возможно ли?... сказала Эжени, переставая надѣвать папильотки и принимая растерянный видъ.

— Вѣрно говорю тебѣ. Я самъ сначала не хотѣлъ вѣрить своимъ ушамъ и глазамъ; но потомъ убѣдился, что все такъ, какъ я тебѣ разсказалъ.

— Онъ въ самомъ дѣлѣ сходитъ съ ума?

— Очень можетъ быть....

— Да наконецъ это непонятно; еслибъ онъ имѣлъ какия-нибудь огорченія, тогда другое дѣло.... Ты не обидѣлъ ли его чѣмъ-нибудь?

— Положительно ничѣмъ. Онъ—мечтатель; кружитъ самъ себѣ голову этими чертовскими *теоріями*. Все бы ничего, однако, еслибы только онъ такъ серьезно не принималъ всѣхъ этихъ выдумокъ, а то ужъ перехватываетъ немножко далеко.... Право, онъ беспокоитъ меня. Иное дѣло—жизнь, и иное—всѣ эти философіи и идеи.

— Разумѣется, убѣжденнымъ тономъ повторила Эжени,—это неестественно.

И въ этомъ согласіи оба супруга уснули сладкимъ сномъ.

Съ этого же дня Брафоръ сталъ серьезно думать, какъ бы прискаты племяннику своему такой родъ занятій, гдѣ бы онъ былъ въ постоянномъ соприкосновеніи съ такъ-называемымъ порядочнымъ обществомъ. Мѣсто на правительственной службѣ казалось ему наилучшимъ противоядіемъ отъ бредней и вѣрнымъ стимуломъ самолюбія, а въ то же время и доброю школой оптимизма. Онъ написалъ въ Парижъ и, въ ожиданіи отвѣта, не упускалъ ни одного случая разумными доказательствами и правилами дѣйствовать на больной умъ Жана; кстати и не кстати, въ доказательствахъ своихъ, онъ всегда напиралъ на радикальную разницу, существующую между теоріей и практикой, пускался въ мудрыя соображенія о томъ разумномъ, Providѣніемъ устроенномъ, порядкѣ вещей, гдѣ каждая птица получаетъ необходимыя ей перья и звѣрокъ, смотря по холоду, надѣляется болѣе или менѣе пушистою шкуркой, гдѣ самыя высокія блестящія положенія также подвержены колебаніямъ и больше всего сопряжены съ великими заботами, такъ какъ скромная хижина.... Онъ приводилъ въ примѣръ счастье, иногда выпавшее даже на долю раба, и взялъ это темой своихъ разговоровъ и сравненій. Какъ вдругъ Жанъ, потерявъ всякое терпѣніе, спросилъ его: «а вы, дядюшка, согласились ли бы сами испытать на себѣ это равенство со всѣми его удобствами и стать на мѣсто вашихъ работниковъ-ткачей?»

Брафоръ, сначала озадаченный немного, отвѣчалъ, что его идеи разнятся отъ идей этихъ людей, также точно какъ и его способности; что онъ, сознавая необходимость дѣленія труда

видитъ въ этомъ и необходимость дѣленія классовъ, а потому людямъ высшимъ высшія мѣста принадлежать по праву. Онъ говорилъ также о необходимости іерархіи, объ естественной необходимости неравенства, и проч. и проч.

Громовой ударъ, вскорѣ послѣдовавшій, прервалъ всѣ подобныя разсужденія: революція разразилась, великій министр опрокинутъ, буржуазная монархія низвержена; ужасное, фантастическое, молниеносное слово—республика—привѣтствовано было Жаномъ съ энтузіазмомъ, на который отвѣчалъ Брафоръ криками отчаянія. Онъ не хотѣлъ вѣрить. Нѣтъ, это невозможно; республика, т. е. кровь, оргіи, грабежъ, фригійскія шапки, эшафотъ, новые Робеспьеры и новые Дантоны, клубы, головы на пикахъ, терроръ... Нѣтъ, Франція не потерпитъ возврата подобныхъ сатурналій. Нужно идти на Парижъ, возстановить короля и въ крови затопить преступниковъ.... Онъ все предалъ бы огню и мечу, прежде чѣмъ допустилъ бы возобновленіе революціонныхъ ужасовъ.

Такъ Брафоръ откровенно высказывался предъ умиравшей отъ страха Эжени; вошелъ слуга, и онъ замолкъ. Горячность не исключаетъ осторожности. Наблюдатель могъ бы извлечь изъ этого доброе предзнаменованіе для судьбы Парижа. Дѣло въ томъ, что Брафоръ, будучи мэромъ и обыкновенно скорый на рѣшенія, теперь не шевелился. Онъ прислушивался и ждалъ. При подобныхъ обстоятельствахъ, даже для такихъ убѣжденныхъ, какъ Брафоръ, импульсъ получается извнѣ, и совершившійся фактъ повелѣваетъ совѣсти. Безъ небольшой группы передовыхъ, которая первая подаетъ голосъ и сигналъ или начнетъ дѣйствія, милліоны людей будутъ въ недоумѣніи, припавъ ухомъ къ землѣ, прислушиваться къ собственному своему молчанію, тревожно ожидая какого-то сигнала, который въ сущности долженъ выйти отъ нихъ, и ни откуда больше, и котораго никто не осмѣливается подать первый. А онъ между прочимъ уже данъ давно.

Брафоръ созвалъ однако муниципальный совѣтъ. Но въ засѣданіи томъ не произошло ничего достопамятнаго, развѣ повтореніе картины, подобной той, которую мы только-что обрисовали. Произнесено было нѣсколько воинственныхъ рѣчей, нѣсколько и либеральныхъ, но большая часть рѣчей этихъ какъ-то не удалась; не рѣшено ничего; префектъ ничего не сказалъ. Брафоръ былъ единственный человѣкъ, — нужно сказать для его

чести,—который позволилъ себѣ увлечься. Онъ недавно прочелъ прокламацію временнаго правительства и былъ виѣ себя:

—Народъ—владыка! Свобода, равенство, братство! Народъ, сдѣлавшійся отнынѣ *девизомъ и паролемъ* (*mot d'ordre*). Но вѣдь это анархія! Правленіе черни—ниспроверженіе всякой разумной власти!

Г. де-Лавирэ съ улыбкой замѣтилъ ему, что слово *народъ*, *избранное девиномъ и паролемъ*, еще ничего не доказываетъ, что во всѣ вѣка подъ словомъ девизъ разумѣлось совершенно другое.

— Развѣ вы не чувствуете, прибавилъ онъ, что нужно чѣмъ-нибудь успокоить возставшія массы? Это правительство до сего времени мнѣ кажется разумнымъ и оказываетъ большія услуги порядку. Незачѣмъ мѣшать ему.

Ироническая и насмѣшливая покорность этого дворянина, удививъ ихъ нѣсколько, успокоило встревоженныхъ буржуа. Стали еще ждать. Декреты слѣдовали одинъ за другимъ какъ часы. Предстоявшій созывъ національнаго собранія успокоилъ опасенія анархіи, вызванныя распущеніемъ прежнихъ властей. Но когда появился декретъ, которымъ временное правительство гарантировало трудъ всѣмъ гражданамъ и *отдавало* работникамъ *милліонъ* изъ бюджета, прежде назначавшагося на содержаніе двора,—тогда призракъ социализма возсталъ предъ испуганными глазами фабрикантовъ. Брафоръ завопилъ. Какъ? *Utopia, chimery*, возставая изъ своего ничтожества, осмѣливаются принимать форму и значеніе факта! Работникъ, эта машина, которую онъ презиралъ изъ гордости и ненавидѣлъ изъ страха, становится избранникомъ новаго режима! Сангвиническій и всегда быстрый на рѣшенія, Брафоръ заговорилъ объ эмиграціи, о продажѣ... Но, въ такое время, это было бы его разореніемъ. Онъ хваталъ себя за волосы. Эжени, видя, какъ цвѣтъ лица его переходилъ изъ краснаго въ багровый, сильно испугалась, приказала сдѣлать ножную ванну и заставила его принять *de l'eau des Carmes*; послѣ чего, въ качествѣ примѣрной, предусмотрительной супруги, она стала перехватывать ежедневно приходившіе журналы.

— Дайте мнѣ газеты! кричалъ Брафоръ.—Я хочу знать все! Декретировали ли они грабежъ?

Дѣлать было нечего, приходилось подать ему газеты. Дрожащей отъ страха и гнѣва рукой онъ распечатывалъ ихъ.

— Какъ? Что? Какимъ образомъ?... Генералы, маршалы Франціи—пристаютъ къ республикѣ? Возможно ли?...

Брафоръ протираетъ глаза.

— Развѣ принудили ихъ къ тому пыткой?.. Но вотъ и Ротшильдъ, и Фульдъ, и Перье, Одье, Делессеръ, и всѣ перво-степенные банкиры жертвуютъ для раненыхъ Парижа...— Не терроръ ли это, который.... Но.... Коммерческая палата также спѣшитъ *присоединиться къ славному движенію національнаго возрожденія*, и проч... Герцоги, прежніе министры, цѣлая процессія, цѣлая колонна!... Академіи, муниципальный совѣтъ представляются Луи Блану!... Кассационный судъ, провозглашающій республику искренними устами г-на Дюпена! Сословіе адвокатовъ, предводительствуемое Барошемъ, въ восторженныхъ выраженіяхъ высказывающее свои республиканскія чувства!... Маршалъ Бюжо!... самъ маршалъ!... Максимъ-де-Рэну—и онъ въ томъ числѣ!....

Что-жь, въ самомъ дѣлѣ, это вовсе не ужасно. Г-нъ де-Лавирэ имѣетъ право улыбаться; выходитъ, что штука не дурная и полная интереса: депутаціи, знамена, провозглашенія, общія объятія..... да, общія, ибо вотъ и церковь, съ хоругвью и крестомъ въ рукахъ, идетъ благословлять республику, объявляя, что эта форма правленія была всегда самымъ дорогимъ ея желаніемъ, а что она теперь не желаетъ ничего болѣе, какъ только обнять ее руками своими и прижать къ сердцу... И великій раввинъ, и протестанты, и сестры Sacré-Coeur!...

Но въ такомъ случаѣ, если всѣ признали... если всѣ довольны, тогда въ добрый часъ! Тогда очевидно, что ничто не измѣнилось во Франціи, стало словомъ однимъ больше—вотъ и все...

Брафоръ чувствовалъ, что и имъ тоже начинаетъ овладѣвать умиленіе.

— А, чортъ возьми! Однакожь префекты-то!..... Бѣдные префекты! Напримѣръ, этотъ достойнѣйшій г. де-Редеръ, который именно нѣсколько дней тому назадъ писалъ Брафору въ циркулярѣ своемъ, такъ хорошо и чувствительно написанномъ о «необходимой твердости противу преступныхъ и превратныхъ страстей и о необходимости умѣрить излишества свободы дѣйствиемъ отеческой, попечительной и разумной власти, которая ни о чемъ болѣе помышлять не должна, какъ *только о порядкѣ и счастіи Франціи* и проч.»

Какъ разъ въ это время получается новый циркуляръ за печатью префекта. Брафоръ вскрываетъ его, думая найти тамъ имя преемника г-на де-Редера, да и какъ усомниться въ этомъ, когда на первой страницѣ читаетъ онъ:

«Во имя французскаго народа:

«Развратное правительство, которое, не отступивъ даже предъ избіеніемъ народа, ради сохраненія безчестной и постыдной эксплуатаціи, которою оно давило Францію, пало въ крови, пролитой имъ. Франція снова вступаетъ во владѣніе своими правами и съ этого времени сама управляетъ своею славною судьбой. Энергическіе граждане, вдохновленные чувствомъ патриотизма, рѣшились взять въ руки свои защиту порядка и провозглашеніе освободительнаго принципа. Франція созываетъ для выборовъ...»

И въ такомъ родѣ на цѣлыхъ двухъ страницахъ, въ концѣ которыхъ читалось вотъ что:

«Итакъ, г. мэръ, не угодно ли будетъ вамъ во ввѣренной управленію вашему общинѣ приступить съ подобающею торжественностью къ объявленію республики единой и нераздѣльной; вы потрудитесь вдохновить всѣхъ гражданъ энтузіазмомъ и преданностью, которыми, мы въ томъ увѣрены, сами вы проникнуты и которыя должны быть высказаны вполнѣ для торжества святого народнаго дѣла. Да здравствуетъ народъ! Долой тирановъ!...»

Та же самая подпись! Тотъ же самый префектъ! Тотъ же самый де-Редеръ! Брафоръ опять началъ протирать глаза отъ изумленія. Сомнѣнія быть не могло. Да, этотъ префектъ, такъ приверженный нѣкогда, — всего восемь дней назадъ, — монархическому порядку г. Гизо, теперь былъ еще болѣе привержень порядку республиканскому... Ну, ужъ когда такъ...

Широкая улыбка озарила лицо Брафора. Онъ вышелъ изъ ванны совсѣмъ развеселившійся и почувствовалъ въ самомъ себѣ (какъ будто циркуляръ префекта имѣлъ въ себѣ чудодѣйственное свойство) какую-то вдругъ исполнившую его теплоту, просвѣтленіе. И дѣйствительно языкъ его развязался, — чудо новое! — Онъ на улицѣ воскликнулъ: «да здравствуетъ республика!» — и вновь муниципальный совѣтъ былъ собранъ, и всѣ городскія власти были созваны; въ особенности не забыто было духовенство. И на другой день съ процессіей и псалмопѣніемъ среди главной площади была посажена большая тополь,

корни который викарій, приходскій священникъ и дьяконъ окропили святою водою; но они, увы, скоро засохли!—И Брафоръ при семъ случаѣ произнесъ рѣчь, рѣчь трогательную, въ которой, воспользовавшись фразой, находившейся тогда почти во всѣхъ газетахъ, онъ объявилъ, что если онъ и не былъ республиканцемъ *вчерашняго* дня, то по крайней мѣрѣ теперь онъ, при содѣйствіи революціонной благодати, обращенъ въ республиканца дня *нынѣшняго*.

Горячо рекомендовалъ онъ своимъ согражданамъ порядокъ, этотъ единственный окликъ республикъ, также какъ и монархій; трудъ, необходимое условіе порядка и благоденствія, умѣренность, самопожертвованіе—эти добродѣтели евангельскія, а въ то же время и республиканскія; онъ приводилъ въ примѣръ нѣкоторые знаменитые подвиги самопожертвованія, бѣдности благородной и гордой; напирая на презрѣніе къ богатству, указывалъ на того евангельскаго мудреца, который имѣлъ только то имущество, что носилъ съ собой, и цитировалъ въ подтвержденіе слова Христа: «Создавайте себѣ сокровища петлѣнныя, которыя червь не точитъ, ни ржа не поѣдаетъ». Онъ закончилъ горячимъ призывомъ къ чувствамъ братства и любви, исторгшимъ слезы у многихъ присутствовавшихъ....

«Да, отнынѣ всѣ классы, всѣ ранги должны слиться въ тѣснѣйшій союзъ: человекъ изъ народа и человекъ государственнй, солдатъ и работникъ, священникъ и поселянинъ, администраторъ и администрируемый, богатый и бѣдный—будутъ всѣ единымъ сердцемъ и единою душой, и всѣ вмѣстѣ станутъ трудиться на пользу государственную, каждый на своемъ мѣстѣ, дарованномъ ему Провидѣніемъ и волею народа, не зная иного владыки, кромѣ закона, совѣсти и Бога!» Восторженныя рукоплесканія и браво покрыли эту послѣднюю фразу, которую Брафоръ, деречитавъ послѣ, самъ нашелъ нѣсколько чрезчуръ революціонной; но онъ прибавилъ ее, чтобы не отстать въ энтузіазмѣ отъ міроваго судьи, отъ священника и прокурора королевства, —нѣтъ, бишь, республики,—энтузіазмѣ, превосходившемъ всякую мѣру.

Честный и умѣренный, Брафоръ не хотѣлъ сказать ничего такого, чего не было въ его мысляхъ; но въ жизни народа, также какъ и въ жизни человека, бываютъ часы лихорадки, которая ускоряетъ ходъ идей и возбуждаетъ силу рѣчи. Поэтому, рассудивъ, что законы, и людскіе и божественные, не

могутъ сами непосредственно править людьми, и что іерархія власти необходима и впредь, какъ всегда прежде, а что касается титула «республиканцы слѣдующаго дня (*du lendemain*)», который почерпнулъ онъ въ волнахъ текущаго потока, то не долженъ ли онъ совершенно быть спокойнымъ на этотъ счетъ, зная, что господа Дюпенъ, Барошъ, Себастіани, Бюжо и *tutti quanti* тоже вѣдь называли себя республиканцами, прежде имѣя объ этомъ предметѣ другія идеи—вотъ и все; дѣло было въ томъ только, чтобы согласиться порядкомъ. Съ той же поры, какъ всѣ вдругъ сдѣлались роспубликанцами, можно было быть тѣмъ же, что и всѣ прочіе. Вездѣ въ самомъ дѣлѣ только и встрѣчались новые республиканцы, каждый ретивѣе другаго,—то было просто поголовное *обращеніе*. Всѣ эти люди представлялись какими-то очарованными, блаженными, точно осѣненными благодатью; были и такіе, которые, въ горячности своего неопитства, далеко превосходили самыхъ старыхъ республиканцевъ.

Боялись ли они чего? Или имъ было видѣніе Павла на пути въ Дамаскъ?... Брафоръ этого не зналъ, но, несмотря ни на что, въ глубинѣ сердца не совсѣмъ былъ покоенъ. Вся эта фонтасмагорія побѣжденныхъ, привѣтствующихъ побѣдителей своихъ и украшающихъ ихъ цвѣтами и гирляндами, порядочно ошеломляла его. Его медленный умъ и благонамѣренность, вмѣстѣ взятые, не успѣли еще совершенно раскусить настоящаго смысла загадки. Не то чтобъ онъ не находилъ всего этого отличнымъ, прекраснымъ,—мы знаемъ склонность вкуса его къ контрастамъ, къ примиренію крайностей и къ соединенію несоединимаго,—нѣтъ, часто даже слезы выступали у него изъ глазъ; но все это не могло изгладить въ немъ тотъ неистощимый запасъ недовѣрчивости, который шевелило въ немъ одно слово «республика». Бъ тому-жь столько непріятнаго произошло для него: работники въ городѣ всѣ просто на головахъ ходили; они побросали мастерскія, прогуливались по городу съ знаменами, оглашая торжественными криками улицы. Развѣ это порядокъ?... Нечего сказать, славныя политическія убѣжденія этихъ господъ! Имъ бы только *горло драсть*, да найти какой-нибудь предлогъ отлынять отъ работы—вотъ и все. Разумѣется, все это должно было казаться нѣсколько противнымъ чловѣку, который составилъ себѣ такую широкую идею объ обязанностяхъ бѣдняка, что даже забывалъ о правахъ его. Господинъ мэръ пустилъ наконецъ прокламаційку, въ которой предлагалъ каждому *праж-*

данину взяться за работу, *единственную основу всякаго благоустроеннаго общества.*

«Ясно, говорилъ самъ себѣ Брафоръ, прогуливаясь въ паркѣ своемъ съ заложеными въ карманы руками,—всѣ не могутъ быть праздными».

И онъ думалъ о социальномъ вопросѣ, и чѣмъ долѣе думалъ онъ о немъ, тѣмъ больше находилъ, что все хорошо и не можетъ быть иначе. Ко всему этому присоединились и его частныя заботы. Легко было предвидѣть неурядицу въ торговыхъ дѣлахъ. Нѣкоторыя кредитныя бумаги, находившіяся въ оборотѣ, дѣлались ненадежными. Заказы должны были неминуемо уменьшаться.

Время было неблагопріятно для закупокъ. Онъ отмѣнилъ нѣкоторыя, уже сдѣланныя, распоряженія и потихоньку сталъ переводить въ Англію капиталы, назначенные для закупки матеріаловъ. Все это, само собою разумѣется, огорчало его сильно. Всѣ эти мѣры влекли за собой ближайшее прекращеніе работъ на нѣсколькихъ станкахъ, т. е. сокращеніе самой чистой прибыли; кто знаетъ, при продолжительности кризиса, еще придется, можетъ-быть, и совсѣмъ фабрику закрыть. Прелестное средство, нечего сказать, дѣлать сбереженія для пополненія ущерба, сдѣланнаго его карману приданнымъ баронессою де-Лабруа. Не былъ ли онъ, въ самомъ дѣлѣ, въ правѣ раздражаться, слыша крики и видя шумныя прогулки работниковъ? «Да, какъ же, велика имъ нужда до его затрудненій! Живутъ они день до вечера, а о завтрашнемъ днѣ имъ и горя мало».

Баронесса де-Лабруа!... Гм!... Снова понадобилась ножная ванна, когда Брафоръ прочелъ декретъ, уничтожавшій дворянскіе титулы. Прежняя злоба опять расходилась въ немъ. Онъ былъ раздраженъ и обиженъ глубоко. Поступокъ такой развѣ не гнусенъ, не подлъ? Что же это, какъ не посягательство на чужую собственность, на собственность зятя его, его дочери, даже на его собственную? Вѣдь онъ тоже пользовался сіяніемъ этого титула. Онъ заплатилъ за него. Онъ почти двойное далъ приданое. Значить, то была безумная, демагогическая мѣра, посягавшая на собственность, на свободу. Брафоръ хотѣлъ быть республиканцемъ, но съ условіемъ, чтобы всѣ права оставались неприкосновенны,—всѣ старыя права, разумѣется....

Дней черезъ десять, когда онъ убѣдился, что въ Парижѣ не рѣжутся, у него появилось сильное желаніе увидать поближе

положеніе вещей и отвести душу въ совѣтъ и разсужденіяхъ съ Максимомъ, всегдашнимъ оракуломъ своимъ во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Отреченіе этого тонкаго политика отъ орлеанской монархіи, за нѣсколько мѣсяцевъ до ея паденія, — это отреченіе, которое прежде Брафоръ ставилъ въ вину своему другу, — теперь въ глазахъ его стало доказательствомъ, на сколько тактъ Максима былъ вѣренъ, а сужденіе непогрѣшимо. Отправившись въ Парижъ 6 марта, Брафоръ пріѣхалъ туда какъ разъ во время, чтобы во всѣхъ журналахъ прочитатъ провозглашеніе закона о поголовной *подачѣ голосовъ*.

На минуту только отдохнувъ, Брафоръ, запыхавшись, побѣжалъ тотчасъ же къ своему другу. Былъ ранній часъ. Максимъ одинъ съ своимъ секретаремъ прилежно работалъ. Хотя г. де-Рену въ настоящую минуту и не занималъ никакой должности, однакожь жилъ съ значительною роскошью въ одномъ изъ лучшихъ отелей Парижа. Конечно, не маленькое наслѣдство, оставшееся ему послѣ лафаржскаго нотариуса, давало къ тому средства; но г. де-Рену развѣ не *служилъ юсударству*? Развѣ не былъ онъ человѣкомъ значительнымъ? Тѣмъ, которые осмѣлились бы спросить объ источникахъ его огромнаго богатства, Брафоръ съ достоинствомъ отвѣчалъ бы, что Максимъ благородно пріобрѣлъ его *своимъ трудомъ*. Разные товары бываютъ на свѣтѣ. Товары г. де-Рену продались хорошо.

Только завидѣвъ Брафора, Максимъ ужъ началъ улыбаться. Медленно всталъ онъ навстрѣчу гостю, подавъ руку и подскѣлъ къ камину противъ кушетки, на которую Брафоръ рухнулъ со стономъ. Потомъ, взявши щипцы и поправляя огонь съ самымъ спокойнымъ и добродушнымъ видомъ, Максимъ спросилъ:

— Ну, что новенькаго въ Рубѣ?

— Увы, отвѣчалъ Брафоръ, вздыхая при каждой фразѣ, — въ Рубѣ то же, что и повсюду. Обезьянятъ Парижъ; знамена, процессіи, крики, ревъ!... У меня въ ушахъ трещить. Куда бѣжать? Гдѣ найдти порядокъ и миръ? Къ чему и куда все это приведетъ насъ?...

— Да ни къ чему, мой другъ. Мы останемся тамъ, гдѣ и теперь. Это только такъ, воображеніе разгулялось — больше ничего.

— Какъ, когда чернь грозитъ задавить насъ? Когда послѣдній мужикъ, каждый нищій станетъ предписывать намъ волю свою? Когда заслуги, гений, опытность, безукоризненная чест-

ность—лишены своего законнаго вліянія и обречены погрязнуть въ толпѣ? Когда на одни и тѣ же вѣсы ставятъ государственнаго человѣка и простаго рабочаго, то послѣдній будетъ пользоваться предпочтеніемъ себѣ подобныхъ, онъ будетъ первымъ изъ двухъ.... онъ будетъ владѣть, и другимъ ничего не оставить....

— Какъ же быть, Брафоръ,—вѣдь мы всѣ братья. И у насъ теперь республика; забывать этого не слѣдуетъ. Я надѣюсь, однакожъ, что и вы тоже сдѣлались республиканцемъ?

— Я? вскричалъ, вставая, Брафоръ.—Я?—Никогда, никогда! Сначала я говорилъ, это правда, какъ всѣ, но теперь, когда я вижу, какъ идутъ дѣла,—вижу, что у насъ нѣтъ правительства серьезнаго, власти сильной, а только одна демагогія,—я совершенно отступаюсь; не хочу быть участникомъ въ томъ, что творится, и выхожу въ отставку.

— Вы будете не правы, Брафоръ, вы будете не правы. Такой нужный человѣкъ, какъ вы, не можетъ такъ легко отступить отъ обязанностей своихъ предъ отечествомъ.... Какъ здоровье г-жи Брафоръ и нашей милой баронессы?

— Вы позволяете себѣ называть ее баронессой? съ горечью замѣтилъ Брафоръ.

— А, декретъ... Ну, что-жъ, пусть пока она припрячетъ свои титулы,—мода скоро вернется опять.

— Такъ между нами, мой другъ, вы не отчаяваетесь еще за Францію?

— Зачѣмъ,—отчаяваться никогда не слѣдуетъ.

— Но кредитъ, промышленность....

— Что-жъ это, Брафоръ, вамъ ли спрашивать меня? Развѣ у меня есть фабрики и мастерскія?.. Шутникъ вы! Что-жъ мѣшаетъ вамъ? Покупайте, берите заказы, прядите, тките.

— Легко вамъ говорить: берите заказы. Да заказовъ-то никто не дѣлаетъ.

— Очень хорошо; но въ такомъ случаѣ не забудьте, что вы легко можете привести работника на площади и улицы.... Въ этомъ-то и вся опасность. Вы въ своихъ рукахъ держите то разрѣшеніе, о которомъ спрашиваетъ меня.

— Нельзя однако разоряться....

— Работникъ тоже со своей стороны говорить: нельзя же однако умирать съ голоду.

Брафоръ быстро вскочилъ подъ вліяніемъ сильнѣйшаго волненія.

— Ужь не сдѣлались ли вы соціалистомъ? сказалъ онъ глухимъ голосомъ.

Максимъ отвѣтилъ ему громкимъ взрывомъ смѣха.

— Я сдѣлался поклонникомъ Мальтуса, мой другъ, и поэтому-то еще больше—политикомъ и знаю очень хорошо, какъ опасно обрѣзывать слишкомъ натянутыя струны. Эти струны должны бы даже оставаться невидимыми и непримѣтными, и политическая экономія, хотя и врагъ соціализма, сдѣлала большую ошибку, что указала ихъ. Всякая монополія, нравственная или матеріальная, называется ли она церковью или капиталомъ,—нуждается въ охранительной тѣни для безопасности своей.

Максимъ сдѣлался серьезень и, запрокинувшись въ своемъ креслѣ, казалось, погрузился въ глубокую думу и созерцаніе. Противъ него сидѣлъ Брафоръ молча, тихо раздумывая съ глубокомысленнымъ видомъ надъ словами своего друга и силясь хорошо уразумѣть, казавшійся ему глубокимъ, смыслъ ихъ. Пришелъ второй посѣтитель, потомъ еще третій, потомъ еще, и скоро человѣкъ двадцать собралось въ кабинетъ Максима. Каждый изъ входившихъ говорилъ о новомъ декретѣ, о поголовной подачѣ голосовъ. Тамъ были, въ числѣ посѣтителей, одинъ генераль, нѣсколько дипломатовъ, нѣсколько начальниковъ разныхъ администрацій, нѣсколько бывшихъ депутатовъ, нѣсколько судей, всѣ по большей части бывшіе слуги павшаго правительства (изъ тѣхъ, которые, говоря о дѣлахъ, могли говорить: *мы*); всѣ они были недовольны, раздражены, критиковали и хулили поступки временнаго правительства и весь современный строй.

Притиснутый въ уголокъ, сильно заинтересованный, Брафоръ со вниманіемъ прислушивался, иногда поддакивая; Максимъ же время отъ времени, среди всего этого концерта горькихъ сѣтованій и хуленій, вставлялъ какое-нибудь острое, юмористическое, иногда даже эпигматическое словцо.

— Вы! рѣзко крикнулъ генераль,—вы смѣтаетесь и издѣваетесь надъ всѣмъ; но хотѣлъ бы я посмотрѣть на васъ въ тотъ день, когда Босидьеръ и Собріе организуютъ общую конфискацію и грабежъ.

— Полноте, любезный генераль, въ день тотъ наша надежда на васъ; однакожь, угодно вамъ позволить мнѣ сказать то, что я думаю?... Французы, несмотря на старую репутацию, въ составленіи которой вы такъ много участвовали, вовсе не храбры.

— Вы шутите. Еслибы только дѣло шло о томъ, чтобъ усмирить....

— Я говорю о гражданской храбрости. Съ 24 числа я смотрю, слушаю, вникаю, соображаю—и остаюсь въ полной увѣренности, что опасность существуетъ только въ вашемъ воображеніи, что опасности нѣтъ ни малѣйшей, что все какъ нельзя лучше, что положеніе все то же; только, пожалуй, новаго и есть, что пѣвучесть Ламартиновская, да отсутствіе Орлеановъ, а остальное все ни больше, ни меньше какъ парижскій праздникъ, съ знаменами, прогулками, фонариками, факелами, съ ружьями и потѣшными баррикадами; все это въ свое время кончится, въ особенности, если вы не станете мѣшать и противодействовать. Временное правительство, противъ котораго вы совершенно несправедливо ратуете, которое я,—что касается до меня,—буду поддерживать изо всѣхъ силъ, беретъ на себя страшный трудъ стать щитомъ между вами и народомъ. Оно хранитъ все, защищаетъ всѣхъ, уважаетъ все. Оно тратитъ то же количество энергіи для защиты Парижа, какой хватило бы для созданія цѣлаго новаго міра. Оно можетъ сдѣлать все—и не дѣлаетъ ничего. Будучи полнымъ владыкою *дѣйствія*, оно только сочиняетъ прокламаціи въ красивомъ стилѣ. Имѣя въ рукахъ своихъ ту глину, изъ которой скульпторъ лѣпитъ боговъ, оно приготовляетъ себѣ изъ нея блюдо, на которомъ подаетъ ключи государства тому собранію нотаблей, какое пошлетъ ей провинція. Какой ударъ нанесло оно монархическимъ институтамъ?—Никакого, исключая распушенія парижской палаты, что въ сущности не велика важность. Что дало оно народу?—Похвалы. А еще что?—Ровно ничего; даже не уничтожило городскихъ пошлинъ. Взамѣнъ того отъ народа, какъ и прежде, требуется много всякихъ жертвъ. Эта нищета, которая такъ отѣняетъ нашу роскошь....

— А подача голосовъ? крикнулъ кто-то.

— Подача голосовъ?... Подождите, сейчасъ дойдемъ и до нея; пока я только подтверждаю все сказанное мной. Народъ ждетъ равенства, равенства дѣйствительнаго. Долго придется ему ждать; но наша свобода перестала ли уважаться?—Временное правительство консервативно до того, что не отказало еще своимъ старымъ чиновникамъ прежняго режима. Кто же управляетъ до сихъ поръ республикой?—Монархисты, чиновники короля Людовика-Филиппа. Изъ революціи, которая, какъ вамъ извѣстно, возбудила такой ужасъ и вызвала такіи надежды,—изъ республики, этого страшнаго и магическаго слова, которое всѣхъ насъ въ первую минуту такъ ужасно поразило,—что вышло?—Ничего; и

этимъ мы обязаны временному правительству. Не будемъ же неблагодарны, господа, и пусть наше преданное содѣйствіе будетъ наградой ему.

— Но что-жь, наконецъ, могло оно сдѣлать? спросилъ одинъ изъ адвокатовъ.

— Что?—Да то, чего вы боитесь, *ragbleu*, отвѣчалъ Максимъ. — «Оно могло осуществить всѣ наши опасенія именно потому, что мы очень боялись, и потому, что въ страхѣ этомъ, который почти гарантировалъ успѣхъ ему, заключалось безмолвное, хотя и угрюмое, согласіе съ революціонными мѣрами. Оно могло, при первомъ же благопріятномъ случаѣ, сказать народу: «ты хочешь равенства,—хорошо, мы дадимъ тебѣ его, или, по крайней мѣрѣ, широко подготовимъ его»,—и затѣмъ, провозгласивъ необходимость переходнаго правленія между монархіей и республикой, въ продолженіе хоть одного года, сейчасъ же измѣнить совершенно, отъ начала до конца, всю систему налоговъ, сдѣлать налогъ прогрессивнымъ, объявить монархію отвѣтственной за долги, сдѣланные ею, и изъ имуществъ ея покрыть эти долги; продать брилліанты короны, а не сохранять ихъ благоговѣйно, подвергая всякимъ случайностямъ; распустить армию, раздать оружіе гражданамъ; уничтожить бюджетъ исповѣданій; декретировать свѣтское и обязательное обученіе, увеличить втрое число школъ и содержаніе школьныхъ учителей, и на эту должность призвать всѣхъ грамотныхъ республиканцевъ безъ мѣстъ и занятія; реформировать образованіе, сдѣлавъ его практическимъ и гражданственнымъ, ремесленнымъ въ городахъ и агрономическимъ въ деревняхъ; основать въ каждомъ департаментѣ по журналу, даромъ раздавая его бѣднымъ каждое воскресенье; превратить ланды и общественныя земли въ земледѣльческія ассоціаціи, съ присоединеніемъ къ каждой по мастерской, приспособленной къ мѣстнымъ потребностямъ; выкупить желѣзныя дороги, назначивъ сроки постепеннаго погашенія, если компанія желѣзныхъ дорогъ объявила бы свою несостоятельность къ продолженію своихъ работъ; купить по оцѣнкѣ, и на продолжительные сроки, не отъ лица государства, а самихъ общинъ, всѣ закрытыя владѣльцами фабрики; учредить банки въ каждомъ кантонѣ, національный заемъ, съ объявленіемъ въ каждой общинѣ именъ подписчиковъ; упростить, очистить или уничтожить всѣ существующія монархическія администраціи и правленія, уничтожить большія жалованья: отдать парки, дворцы и

королевскіе замки подъ земледѣліе, промышленность, подъ пріюты инвалидовъ или старцевъ; изслѣдовать и изучить вопросъ о недвижимыхъ имуществахъ; вербовать колонизаторскія силы для Алжира; ввести городскую полицейскую службу, отбываемую всѣми гражданами по-очередно, съ вознагражденіемъ за время службы; всѣ эти мѣры, обеспечивая безъ конфискацій или насилій существованіе народу, его воспитаніе, его полное освобожденіе, его развитіе, возвышеніе и наше разореніе и упадокъ,—вотъ что могло сдѣлать, но не сдѣлало, и не сдѣлаетъ это временное правительство, составленное изъ именитыхъ буржуа, которые, несмотря на то, что поставлены туда народнымъ избраніемъ, суть *наши*, славные люди, которымъ льститъ наше почтеніе, которые не равнодушны къ нашимъ тревогамъ и которые гордятся и ревнуютъ, чтобы быть великодушными съ нами. Мѣры, перечисленныя мной, милостивые государи, навсегда исторгли бы у насъ власть и владычество, ибо онѣ исторгли бы народъ изъ его невѣжества и нищеты. Народъ, приобрѣтшій такія права, ясно на самомъ дѣлѣ сознавшій свои интересы, это, мм. гг., для насъ больше, гораздо больше, чѣмъ всѣ конфискаціи и разоренія.....

Эти мѣры убили бы насъ безъ оружія, безъ ненависти, безъ шума, даже не упоминая имени нашего и не показывая вида, что знаютъ насъ. Это была бы смерть безъ фразъ для насъ и для нашего поколѣнія. Это было бы ничтожество въ томъ равенствѣ, которому претятъ всѣ наши инстинкты, которое отталкиваютъ отъ себя всѣ наши привычки, всѣ наши вкусы и стремленія,—равенство, т. е. совершеннѣйшее уничтоженіе всякой гордости, всякаго превосходства, всякой граціи, всякаго изящества; погибель чуднаго цвѣта нашей цивилизаціи, роскошный видъ котораго, нѣжныя лепестки и упоительный ароматъ нуждаются для произрастенія и культуры своей въ рабскихъ нравахъ и въ атмосферѣ праздности. Да, какъ сказалъ одинъ изъ нашихъ: «нужно, чтобы были на свѣтѣ люди, имѣющіе досугъ. ученые, хорошо воспитанные, деликатные, добродѣтельные, въ которыхъ и чрезъ которыхъ прочіе могутъ вкушать и наслаждаться идеаломъ.... Человѣчество есть какъ бы таинственная лѣстница или серія умственныхъ силъ,—и тотъ отрицаетъ человѣчество, кто не понимаетъ и не допускаетъ, что цѣлыя

«Классы должны жить и наслаждаться славой и наслаждениями других» *).

«Итакъ, господа, это честное правительство, которое конечно возмутилось бы противъ словъ, цитированныхъ мной, тѣмъ не менѣе дѣйствуетъ въ ихъ смыслѣ. Оно спасаетъ насъ своей популярностью, оно на долгія времена отодвигаетъ и отсрочиваетъ тотъ роковой часъ, котораго мы можемъ бояться. На полныхъ парусахъ входя въ ту систему, которую отнынѣ всякая аристократія, всякая монархія даже неизбежно вынуждены принять и усвоить, оно даетъ іерархическому порядку *санкцію* народнаго владычества, возобновляетъ въ купели крещенія равенства нашу, оспариваемую законностью, и помазываетъ новымъ миропомазаніемъ нашу колеблющуюся власть. — Господа, въ 1830 году мы убѣдились и признали, что во Франціи божественное право не существуетъ *больше*, человѣческое же право все существуетъ *еще*. Съ 1830 до 1848 г. общество жило безъ принциповъ. Могло ли это долго длиться?—Нѣтъ; ибо людская масса ощущаетъ потребность подчинять и согласовать свои поступки съ какимъ-нибудь признаннымъ и общимъ правиломъ. Значитъ, нуженъ былъ какой-нибудь принципъ, а такъ какъ ихъ только всего два, то взялись опять за принципъ народнаго владычества, провозглашенный въ 1789 г. Логически, принципъ этотъ приводитъ къ выводу абсолютнаго равенства, но, по счастью, человѣкъ рѣдко бываетъ логиченъ, а народныя массы въ томъ состояніи слабоумія, въ которомъ прозябаютъ донинѣ, — еще меньше логичны. Посему, между этими двумя крайними принципами—принципомъ божественнаго права, отвергнутымъ уже, и принципомъ народнаго владычества, только провозглашеннымъ, но не осуществленнымъ при полной еще цѣлости зданія монархіи, при полной живучести всѣхъ монархическихъ предразсудковъ,—есть мѣстечко для переходнаго режима, уже обозначившагося, но еще очень мало понятаго. Мѣсто обширное, господа, и которое можетъ принадлежать намъ столь долго, сколь ловкость наша и наше благоразуміе смогутъ продлить то состояніе неизвѣстности, невѣжества и разлада, въ которомъ теперь находится общее положеніе дѣлъ. И какое удивительное поле для изслѣдованій! Древніе изображали вѣчность въ формѣ змѣи, хватающей собственннй свой хвостъ,

*) Ernest Renan, «Revue de Deux-Mondes», octobre, 1869.

т. е. въ формѣ круга. Невѣжество народа—это тоже кругъ,—кругъ, который, не осмѣлюсь сказать—вѣчный, но очень и очень прочный. Только, мм. гг., теперь не сдѣлаешь дѣла одними эгоистическими инстинктами, слѣпой амбиціей, а нужна просвѣщенная философія и глубокая политика».

— Съ поголовною подачей голосовъ, сказалъ одинъ изъ старыхъ депутавъ, —нѣтъ ни политики, ни философіи.

— Извините, объ эти науки только должны подвергнуться перевороту. Средства должны измѣниться, а цѣль остается та же. Вспомните и обратите ваше вниманіе: величайшая ошибка послѣдняго царствованія заключалась въ томъ, что оно не согласилось допустить къ участию *способности*. Еслибъ оно поняло вовремя и во-время сдѣлало Одилона-Баро и Мальвиля министрами, это дало бы монархіи по крайней мѣрѣ еще десять лѣтъ, не принимая въ соображеніе новыя, могущія возникнуть, комбинаціи. Въ самомъ дѣлѣ, чего требуютъ способности, когда у нихъ нѣтъ той удобной лѣстницы, какую даетъ рожденіе, и тѣхъ выгодъ, какія даются богатствомъ?—Онѣ требуютъ только одного: богатства и счастья—ни больше, ни меньше. Когда имъ это даютъ, онѣ дѣлаются самою стойкой и надежною опорой; когда имъ возбраняютъ ходы и всѣ пути закрываютъ, онѣ производятъ оппозиціи въ государствѣ и приводятъ къ революціямъ. Людовигъ-Филиппъ думалъ, что для поддержки трона достаточно одной денежной аристократіи,—и ошибся. Думать такъ—значить не знать человѣческой природы. Интеллигенція, умъ—хотятъ тоже имѣть свою долю въ управленіи міромъ, а народныя невѣжественныя массы—и тѣ тоже хотятъ знать и вѣрить, что элементу этому, сдѣлавшемуся болѣе чѣмъ когда-нибудь настойчивымъ, дано должное удовлетвореніе....

— Но вѣдь это крайне опасно! вскричалъ генераль.

— Это опасно! откликнулся Брафортъ.

Послѣ этихъ восклицаній, прервавшихъ на время оратора, по всему собранію пронесся какой-то неясный ропотъ.

— Нѣтъ, господа, снова началъ Максимъ,—то, что составляетъ истинную опасность, есть именно упорство въ нежеланіи употребить въ дѣло, конечно, въ должной мѣрѣ, элементъ этотъ, отнынь единственный предохранительный клапанъ всякой правительственной машины. Клянусь вамъ, что въ данную минуту, переживаемую нами, наше единственное спасеніе—въ ясномъ уразумѣніи нашего положенія. Благоволите выслушать меня еще немного:

«Въ началѣ нынѣшняго вѣка, великій человекъ, Наполеонъ, сказалъ солдатамъ своимъ: «Каждый изъ васъ въ своемъ солдатскомъ ранцѣ носить жезлъ маршала Франціи». Эти слова, господа, резюмируютъ всю современную систему, ту переходную систему, о которой я только-что говорилъ, единственно-могущую спасти насъ, которую всѣ мы отнынѣ должны смѣло принять, стараясь упрочить ее, сдѣлать окончательною, вѣчною, если возможно.

«Вникните, господа, въ слова Наполеона: «каждый солдатъ!!», т. е. всякій *можетъ* быть маршаломъ, хотя, разумѣется, всѣ не могутъ быть. Чудеснѣйшая комбинація! Поймите хорошо! Это не что иное, какъ іерархія власти, основанная на общемъ согласіи; что я говорю?—на честолюбіи каждаго! Это право нѣсколькихъ, предоставленное массамъ, какъ право ихъ собственное, и потому отстаиваемое ими, какъ драгоцѣннѣйшая собственность. Этой удивительною фикціей сама справедливость дана въ подмогу и поддержку неравенству; надежда, ровно ничего не стоящая, обращена въ ходячую фиктивную общественную монету и не только препятствующая кричать доброму народу, но убаюкивающая его самыми сладкими мечтаніями.

«Да, глубокая комбинація, показывающая необыкновенное знаніе человѣческаго сердца. Первое мѣсто—для всѣхъ. Кто сочтетъ себя недостойнымъ его, кто, слѣдовательно, не станетъ поддерживать порядокъ вещей, основанный на такой надеждѣ? Всѣ званы, но мало избранныхъ,—правительственная благодать, регулирующая все это... А такъ какъ разочарованіе является поздно, въ тѣ годы, когда уже человекъ, переставая быть дѣятельною силой, переноситъ свои тщеславные помыслы на сыновей своихъ, то система эта всегда имѣетъ за себя молодую и дѣятельную часть націй, единственно опасную для властей, и такимъ образомъ народъ дѣлается тѣмъ, чѣмъ долженъ быть,—резервуаромъ всякой силы и энергіи, въ которомъ высшіе классы отъ времени до времени могутъ возобновлять свои истощившіяся силы, какъ бы естественнымъ и законнымъ подборомъ. Система эта господствовала со временъ имперіи, но она никогда хорошо не была понята, потому что система божественнаго права, болѣе ясная, болѣе мощная, но менѣе эластичная, противодѣйствовала ей,—то была ошибка. Иного выхода нѣтъ.

«Вамъ случалось видать, мм. гг., на общественныхъ празднествахъ ту мачту, на вершинѣ которой повѣшены различныя без-

дѣлушки, различной цѣнности, на которую карабкаются, часто падая, нѣсколько рьяныхъ конкурентовъ; нѣкоторымъ не удалось вскоробкаться, тѣ же, что упали, встрѣченные насмѣшливыми криками толпы, безропотно спѣшатъ поскорѣй скрыться, тогда какъ побѣдитель, привѣтствуемый одобреніями и криками *ура*, наслаждается своимъ призомъ и своимъ триумфомъ. Эта мачта есть истинный образъ соціального идеала, предлагаемаго народу,—это образъ соціального идеала во всей цѣлости, если къ этому присоединить еще властвующій классъ, воздвигающій эту мачту и раздающій награды».

— Прекрасно, замѣтилъ одинъ изъ судей;—но съ каждымъ вышедшимъ изъ народа человѣкомъ будетъ только однимъ врагомъ больше въ крѣпости нашей и въ рядахъ нашихъ.

— Заблужденіе! Совершенное заблужденіе! воскликнулъ Максимъ.—Способный человѣкъ изъ народа, исторгнутый изъ народныхъ рядовъ богатствомъ и счастьемъ—да вѣдь это одною силой больше и однимъ врагомъ меньше. Въ бѣдности и неизвѣстности онъ борется противъ насъ; сдѣлавшись богатымъ и могущественнымъ—онъ нашъ. Каждый рагчену долженъ посвятить столько заботъ тому, чтобы поскорѣй искупить свое происхожденіе, что для него прямая выгода скорѣе позабыть его, хотя ужь для одного того, чтобъ обязать и другихъ сдѣлать то же.

— Это правило общее, вставилъ одинъ дипломатъ.—Хотя иногда могутъ встрѣчаться и исключенія, но плачевнѣе всего въ этомъ случаѣ то, что иногда изъ среды привилегированныхъ классовъ выходятъ крикуны и Донъ-Кихоты политическихъ и соціальныхъ отместокъ....

— Ба! сказалъ Максимъ,—что-жь изъ этого? Еще съ незапамятныхъ временъ самъ народъ изгонялъ и побивалъ Граховъ. И это всегда удается, и будетъ удаваться, пока есть народъ, т. е. пока масса останется невѣжественна и бѣдна, владычество надъ ней всегда будетъ легко для насъ, и не только вопреки поголовной подачѣ голосовъ, но и въ особенности при ней.

Раздались восклицанія.

— Я вамъ это сейчасъ докажу: еслибы теперешняя революція огреничилась призывомъ къ баллотировкѣ—не всѣхъ поголовно, а только тѣхъ, которые знаютъ, хоть мало-мальски, грамотъ, то эти среднія способности, вообще неразлучныя съ извѣстною независимостью характера и извѣстною склонностью къ разсужденію,—этотъ разрядъ интеллигентнаго народа, не связан-

наго никакимъ общимъ матеріальнымъ интересомъ, слишкомъ многочисленный и подвижный, чтобы составить аристократическую касту,—очень быстро ускорилъ бы ходъ прогресса, не долго заставилъ бы ждать и живо пришелъ бы къ самымъ радикальнымъ демократическимъ учреждениямъ, ко всеобщему образованию, т. е. къ анархіи,—однимъ словомъ, къ равенству. Эти простодушные люди, достаточно развитые и въ то же время недостаточно *утонченные*, ничего не поняли бы въ необходимости высшихъ классовъ, какъ агентовъ соціальной утонченности.

«Вмѣсто этого что мы имѣемъ?—Стадо, которому дали мнимое право выбирать себѣ своихъ пастуховъ,—пастуховъ, которыхъ оно не можетъ ни судить, ни контролировать, ни даже гнать! Избиратели безъ малѣйшихъ политическихъ понятій, безъ интеллектуальныхъ способностей, по традиціямъ—монархисты, по предразсудкамъ ханжи, и такъ мало понимающіе силу свою, что необходимость участія въ выборахъ будетъ для нихъ только лишнимъ бременемъ, барщиной.... Однимъ словомъ, глупость и тупость, уносящая, покрывающая, затопляющая въ глубокіхъ, безконечныхъ волнахъ своихъ кое-гдѣ рѣдко разбросанную интеллигенцію и разумъ. И вы пугаетесь, господа!? И мнѣ нужно успокаивать васъ насчетъ послѣдствій поголовной подачи голосовъ при такихъ условіяхъ. Но взгляните хоть на улыбку моего именитаго друга, маркиза де-Сентъ-Афикса, и спросите его, почему съ давнихъ поръ легитимисты добиваются народнаго голосованія?—Потому, что оно есть не что иное, какъ правленіе *крупныхъ вліяній* и интересовъ территоріальныхъ и церковныхъ, и что посредствомъ такой народной и матеріальной легитимизаціи оно неизбежно приводитъ къ настоящему легитимизму, т. е. къ правленію избранниковъ по роду, по талантамъ и по богатству.

«Итакъ, мм. гг., въ виду событій такой важности, эти три аристократіи, до сего времени слишкомъ безумно враждебныя, должны непременно соединиться. И посмотрите, какъ союзъ этотъ отвѣчаетъ требованіямъ необходимости и гармоніи. Въ то время, какъ аристократія родовая представляетъ консервативный элементъ—прошедшее, въ то время, какъ денежная аристократія представляетъ элементъ матеріальный, солидный—настоящее, аристократія интеллигенціи есть будущее, прогрессъ. Разрозненныя, несогласныя, онѣ могутъ погибнуть подъ ударами народнаго равенства,—въ союзѣ и согласіи онѣ дѣлаются непо-

бѣдимыми; ибо всё живья, дѣятельныя силы въ ихъ рукахъ: ибо въ ихъ нѣтъ ничего, кромѣ глупости, безсилія, туоумія и нищеты. Да, милостивые государи, союзъ этотъ до того необходимъ, что я твердо увѣренъ, онъ возникнетъ! Мы увидимъ идущихъ подъ однимъ знаменемъ противъ черни, потомковъ Монморанси и Тюркарэ въ соединеніи съ выскочками знанія и генія; мы увидимъ ихъ, стройно и единодушно вотирующихъ противъ того ничтожества, противъ той бездонной пропасти, котормя грозятъ поглотить въ себя всё привилегіи, всякое законное превосходство; но опаздывать не слѣдуетъ. Съ сегодняшнего же дня нужно, какъ на корабль въ опасности, выбросить за бортъ лишній балластъ, каждому пожертвовать чѣмъ-нибудь. Вамъ, маркизъ, потомуку святого Людовика, со всёмъ потомствомъ своимъ слѣдуетъ войти въ небо; вы, орлеанисты, жертвуйте сожалѣніями неудачъ вашихъ; вы, бонапартисты, — вашими орлами и легендою; вы, либералы, въ особенности, — вашею противорелигіозностью. Церковь въ теперешнемъ вѣкѣ не можетъ больше надѣяться на свое прежнее владычество; она можетъ быть только хорошимъ и полезнымъ союзникомъ, а интересы ея, подобно нашимъ, гарантируютъ намъ выполненіе трактатовъ съ ея стороны. Долой же всякую злость, злопамятность, тщеславіе, всё побочныя, второстепенныя вопросы! Дѣло идетъ о томъ, чтобы существовать или исчезнуть. Всё права наши разомъ подверглись нападенію; будемъ же защищать ихъ всё и всё вмѣстѣ. Наше дѣло — *едино*: въ настоящій часъ всё привилегіи — сестры, всё наслѣдственности — братья!...»

Оживленныя рукоплесканія послѣдовали за этою рѣчью. Бграфъ закричалъ:

— Но призракъ социализма....

— Есть не что иное, какъ призракъ, возразилъ Максимъ со смѣхомъ. — Съ поголовною подачей голосовъ, опираясь съ одной стороны на церковь, съ другой на армію, имѣя въ центрѣ своемъ несокрушимую, могучую силу капитала, — мы непобѣдимы.

«Повторяю вамъ, господа, всё ваши страхи напрасны. Аристократія теперь все, и надолго еще хватитъ ея для міра. Наши нравы, наши идеи, наши обычаи — іерархичны. Семейство — первая ячейка социальнаго порядка: что оно такое, ежели не единодержавіе, гдѣ каждый взрослый человекъ есть глава и воинъ? И дерзаютъ провозглашать республики! Но пусть, оставимъ народу, этому старому ребенку, слово, очаровывающее его. Развѣ

труднѣй управлять во имя народа, чѣмъ во имя короля? Нѣтъ, напротивъ, во Франціи всѣ любятъ командовать и вѣрятъ въ необходимость повиноваться. Людовикъ-Филиппъ палъ; но наша власть осталась. У насъ ключи фабрикъ, житницъ, полей и всей промышленности: въ нашихъ рукахъ юстиція, администрація, завтра будетъ и все законодательство. Франція, какъ вчера и сегодня, въ нашихъ рукахъ. Мы все тѣ же, что были прежде.

«Во всякомъ случаѣ, если сами мы должны быть безъ страха, это не значитъ еще, что мы не должны дѣлать другимъ упрековъ и пользоваться извѣстными обвиненіями, извѣстными угрозами, распространеніемъ страха, чтобы смутить противниковъ нашихъ, посрамить ихъ и погубить въ общественномъ мнѣніи.

«Пока разрушительныя идеи противъ соціального порядка распространены только въ городскомъ населеніи, да и то между небольшимъ числомъ. Милліоны сельскаго населенія, составляющаго главную массу націи, просто трудолюбивые кретины; они не имѣютъ иныхъ идей, иной амбиціи, иного желанія, кромѣ пріобрѣтенія своего дома, своего сада, своего клочка земли, что, дѣлая ихъ крѣпкими землѣ, прикрѣпляя къ ней какъ растеніе корнями, препятствуетъ подниматься вихремъ, подъ дуновеніемъ нищеты, какъ поднимаются сухіе осенніе листья холоднымъ сѣвернымъ вѣтромъ.... Скажите людямъ этимъ, что собственность подвергается опасности, что праздношатающіеся лѣнтяи городскіе желаютъ подѣлать ихъ пашни, ихъ жатвы и все ихъ добро,—и социализмъ погибъ немедленно: вы держите непокойные города подъ постояннымъ страхомъ новой жакеріи, всегда готовой раздавить ихъ.

«Изъ всего сказаннаго мной я сдѣлаю теперь заключеніе въ нѣсколькихъ словахъ, которыя, какъ мнѣ кажется, должны быть нашимъ постояннымъ нарелемъ: социализмъ—какъ пугало, привлеченіе и подборъ способностей, какъ средство, союзъ—во что бы то ни стало, религія—непремѣнно!»

Всю эту рѣчь Максимъ произносилъ, стоя около камина, на который опирался, въ позѣ, исполненной граціи и непринужденности, съ слегка закинутою назадъ головой, жестикулируя мало, но выразительно и многозначительно, съ саркастическою, тонко-язвительной улыбкой, съ оживленіемъ и блескомъ въ глазахъ. Окончивъ, онъ усѣлся спокойно и мягко въ кресло, безъ утомленія, безъ волненія, небрежно, какъ подобаетъ человѣку, увѣренному въ самомъ себѣ, и обвелъ взглядомъ все собраніе. Многіе

поднимались съ своихъ мѣсть, подходили къ нему, пожимали руки, съ жаромъ выражая свое одобреніе и удовольствіе. Нѣкоторые изъ государственныхъ людей выразили тоже свое удивленіе, но только ревнивымъ шепотомъ. Большинство присутствующихъ было просто обворожено; тѣ даже, которые сначала, казалось, были болѣе всего одержимы страхомъ, теперь были въ особенности довольны.

— Весь этотъ планъ, сказалъ одинъ изъ присутствующихъ, — неподражаемъ. Инстинкты консервативной партіи ужь угадали его, и она начала приводить его въ исполненіе, но все-таки не мѣшаетъ хорошенько изучить и вникнуть въ него.

— Mon cher, кричалъ Брафоръ, съ силой потрясая руку Максима, — вы человѣкъ гениальный! Вы человѣкъ необходимый, тотъ, котораго намъ нужно въ данную минуту, и вамъ, одному изъ первыхъ, надлежитъ вступить въ національное собраніе!

— Этой рѣчи *тамъ* я не произнесу, сказалъ, смѣясь, Максимъ.

— Нѣтъ, сказалъ одинъ изъ старыхъ депутатовъ, — эта рѣчь министерская, въ частномъ засѣданіи кабинета.

— Господа, снова началъ Максимъ, — съ завтрашняго же дня мы всѣ, присутствующіе здѣсь, должны хлопотать, чтобы попасть въ народные представители. Дѣло идетъ о спасеніи государства.

— Народъ имѣетъ свои предубѣжденія противъ насъ, сказалъ престарѣлый генералъ, славный своими уличными побѣдами.

— Народъ, любезнѣйшій генералъ, не знаетъ васъ, несмотря на всю вашу славу. Деревенскій народъ такъ же мало знаетъ исторію вашу, какъ и свою собственную.

— Но враждебные журналы...

— Онъ читать не умѣетъ и не читаетъ ихъ. Къ тому же слово найдено: оно дастъ успѣхъ. Насъ зовутъ республиканцами слѣдующаго дня (*Republicain du lendemain*). Вы изъ этого числа и мы всѣ — тоже. Давайте немного, общайте много, пожертвуйте что-нибудь на церковь, курите оиміамъ на алтарѣ народности, — и вся буржуазія, всѣ чиновники, всѣ собственники будутъ за васъ. Это, вѣдь, своего рода естественное и инстинктивное масонство. Всѣ чувствуютъ, что варвары у воротъ, и побѣгутъ къ баллотировальному ящику, какъ къ оружію.

— Господа, сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, — я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, что трое изъ членовъ бонапартовской фамиліи намѣрены явиться на выборы.

Максимъ издалъ какое-то многозначительное «гм!» и погрузился въ размышленія.

Одинъ изъ президентовъ какого-то суда потребовалъ слова.

— Не забудемъ, началъ онъ, — важнаго и очень полезнаго союзника — женщинъ; онѣ по воспитанію — аристократки и по привычкамъ — религіозны и преданы церкви. Онѣ съ нами; но для того, чтобы помощь ихъ сдѣлать еще болѣе дѣятельной, нужно попросить у нихъ содѣйствія.

— Господа! въ походъ, въ крестовый походъ! воскликнулъ Максимъ, выходя изъ своей задумчивости, — въ крестовый походъ знанія противъ невѣжества, изящества противъ грубости, прекраснаго противъ безобразнаго, утонченнаго, изысканнаго, противъ обыкновеннаго, вульгарнаго, благородной праздности противъ отупляющаго труда, цивилизациа, однимъ словомъ, противъ варварства. Но въ этомъ повомъ плаваніи, предпринимаемомъ нами, по новому морю, угодно ли позволить мнѣ указать вамъ подводный камень, который я вижу?

Всѣ стали прислушиваться со вниманіемъ.

— Этотъ камень, на который натыкались всѣ республики, основанныя на фиктивномъ единодержавіи народа, непросвѣщеннаго и бѣднаго, — есть диктатура.

Наступило непродолжительное молчаніе

— Ну, что-жь, сказалъ генераль, — это будетъ новая монархія — вотъ и все.

— Абсолютная! возразилъ Максимъ, — тогда какъ всѣ славныя традиции буржуазіи, отъ времени парламентовъ и 89 года, заключаются въ обезсиліи власти въ пользу собственнаго владычества... Нужно-ль напоминать мнѣ вамъ, господа, наше *обожаніе* свободы...

— Браво, браво! прошептали со всѣхъ сторонъ.

— Да, да! Разумѣется.

— Не нужно другой монархіи, кромѣ конституціонной! прибавило нѣсколько голосовъ.

— Ей Богу! сказалъ съ выразительнымъ жестомъ генераль, — стройное и твердое командованіе...

— Да... и рабское служеніе за приличное вознагражденіе... пробормоталъ Максимъ такъ тихо, чтобы быть услышаннымъ такъ легко своимъ сосѣдомъ.

Поймавъ взглядъ и улыбку маркиза де-Сентъ-Афисса, Максимъ продолжалъ:

— Нѣтъ, способность командовать должна удалить отъ насъ

стыдъ повиноваться. Мы вновь можемъ, ежели понадобится, взять себѣ короля *въ союзники*, но не *во владыки*. Вѣдь даже тѣ изъ насъ, которые хотѣли бы принять абсолютную монархію, желаютъ монархію законную и отвергнуть съ негодованіемъ всякаго выскочку, который возведенъ былъ бы на тронъ *народною милостью*; ибо онъ, имѣя возможность обойтись безъ насъ, вынужденъ будетъ показывать видъ, что опирается на народные интересы, что будетъ не только бѣдствіемъ для владычества *нашего*, но и постоянной угрозой для нашей безопасности.

— Полноте, сказалъ одинъ изъ адвокатовъ,—народная державность не можетъ никоимъ образомъ дать намъ короля. Это значило бы отречься и отступить....

— Э, что тутъ ссылаться на логику, перебилъ его Максимъ:—развѣ можно толковать объ этомъ, когда большинство не умѣетъ читать, когда всѣ нравственныя и политическія идеи этихъ людей заключаются въ катехизисъ и традиціяхъ, когда всего-то и горизонта для нихъ, что колокольня?... Люди эти живутъ въѣмслящаго міра, и нѣтъ ничего такого, что бы могло группировать или связать ихъ между собой. Такой народъ не народъ, это мнѣ, фикція; это—духовное и разумное существо, не существующее еще; это—новый богъ, который для изреченія своихъ оракуловъ и своей воли нуждается въ жрецахъ, какъ и всякое другое божество. Будемъ же жрецами его и постараемся охранить себя отъ пришествія мессіи.

— Диктаторъ, избранный народомъ, возобновилъ свою рѣчь адвокатъ,—не можетъ удовлетворять народныя желанія, не уничтоживъ своей собственной власти.

— И нашей, прибавилъ Максимъ.—Но вы все разсуждаете съ точки зрѣнія логики, а мы находимся посреди такой путаницы, куда мы только одни и можемъ внести какой-нибудь порядокъ и ясность... Но если намъ не удастся, тутъ-то и будетъ неизбежная опасность диктатуры. Имени одного, одной легенды достаточно! И тогда положеніе будетъ дѣйствительно ужасное! До нынѣ хотя во Франціи правительство было всегда сильно, однако всегда было *отвѣтственно* предъ общественнымъ мнѣніемъ, теперь же оно будетъ не отвѣтственно.

— Не отвѣтственно... но почему? спросилъ кто-то.

— Почему, вы спрашиваете? Но, мм. гг., кто составляетъ общественное мнѣніе, то, которое видитъ, знаетъ, цѣнитъ?—Небольшое число людей. Отнынѣ же кто *рѣшаетъ*?—Большое. Вотъ въ двухъ словахъ выраженіе положенія.

Мрачное молчаніе послѣдовало за словами этими. Всѣ эти люди чувствовали себя подѣ ударами какой-то невидимой ими силы.

— Еще разъ повторяю вамъ, господа: будемъ осторожныѣе. Завтра, можетъ-быть, во Франціи не будетъ больше ни справедливости, ни безопасности, ни чести, ни правъ человѣка, — ничего, кромѣ безграничнаго произвола чьей-нибудь воли, способной на все и могущей все. Конфискаціи, изгнанія, ссылки, убійства по суду и безъ суда—все это сдѣлается возможнымъ и легкимъ. Кто станетъ слушать крики и жалобы наши?.. Народъ? — Онъ глухъ. Общественное мнѣніе? — Отнынѣ оно бессильно. Увы, эта *легальная* страна, бывшая нашею силой и славой, не существуетъ больше. Если первый встрѣчный *проходимецъ* безъ денегъ и безъ совѣсти найдетъ средство похитить тронъ, онъ сможетъ по своему произволу и выворачивать карманы наши, и грабить банкъ, и передергивать карты... и короноваться въ Notre-Dame. Революція *презрѣнія* (*la révolution du mépris*) болѣе невозможна. Могутъ дойти до того, чего не было видано еще доселѣ — до попранія всякихъ формъ. И станетъ возможнымъ безнаказанно смѣяться надъ нами всѣмъ цивилизованнымъ людямъ, лгать передъ Европой, оскорблять, не стѣсняясь, здравый смыслъ и истину, — что имъ за дѣло? Этотъ добродѣтельный народъ, который обрабатываетъ землю, пашетъ и вотируетъ, не узнаетъ объ этомъ. А еслибъ и узналъ, то онъ посмѣется надъ *досадою* буржуа. Будемъ же осторожны, господа!...

— Ужъ не просвѣщать ли намъ народъ? сказалъ кто-то полусмѣливымъ тономъ.

— Нѣтъ! вскричалъ Брафоръ, мы только должны проповѣдывать народу уваженіе къ порядку и любовь къ труду. Обязанность народа — работать, и вотъ почему онъ не долженъ вотировать. Въ Афинахъ, въ Спартѣ....

— Брафоръ! сказалъ Максимъ, — я повторяю вамъ, что исключительное просвѣщенное участіе въ выборахъ только однихъ городовъ скоро бы привело насъ къ выше указаннымъ мною бѣдствіямъ. Участіе же въ выборахъ мужиковъ спасаетъ насъ, но подѣ условіемъ, чтобы мы *сумѣли согласиться*, какъ направлять ихъ. Итакъ, еще разъ говорю вамъ, мы должны дѣйствовать согласно, единодушно и хладнокровно. Мы теперь, точно въ древнія времена, во власти слѣплого рока; но въ наше время это божество обитаетъ не такъ *высоко*, и мы можемъ позаботиться сами наполнить урну его....

Всѣ засмѣялись и аплодировали. Затѣмъ начались частные разговоры и, наконецъ, собраніе разошлось.

— Г. де-Рену метитъ сдѣлаться главой партіи, сказалъ, выходя, бывший членъ лѣваго центра.

— Онъ человекъ съ большими талантами и очень честолюбивъ, былъ отвѣтъ.

— Господа, сказалъ генераль,—какъ бы то ни было, а глава нуженъ всегда, только не въ черномъ фракѣ....

Брафоръ послѣдній простился съ Максимомъ, выходя отъ него въ благоговѣйномъ восторгѣ. Онъ на слѣдующій же день намѣревался вернуться въ Рубэ, чтобы заняться подготовкой своей кандидатуры.

— Чудесно, поощрялъ его Максимъ.—Побольше такихъ представителей, какъ ты,—и Франція спасена.

Прежде чѣмъ оставить Парижъ, Брафоръ не могъ удержаться, чтобы не зайти въ трибуналъ освѣдомиться тамъ о воришкѣ Жанъ-Батистѣ Варо.

— Десять лѣтъ заточенія, сказалъ судебный приставъ.

Легкая дрожь пробѣжала по жиламъ Брафора. Ссылаясь на молодость преступника и изъ сожалѣнія, что былъ тому причиной, онъ вручилъ для осужденнаго небольшую сумму.

— О, сударь, вы слишкомъ добры, сожалѣя о немъ, сказалъ приставъ:—это настоящій негодяй; это не первая его продѣлка. Черезъ десять лѣтъ онъ выйдетъ отсюда окончательно зараженнымъ. Дѣти такого сорта родятся для каторги.

Брафоръ опустилъ глаза и простился съ чиновникомъ, который проводилъ его до самаго выхода съ низкими поклонами и съ глубокимъ почтеніемъ передъ такою высокою филантропіей.

VIII.

ДѢТЮУВІЙСТВО.

Во время отсутствія Брафора и подъ вліяніемъ политическихъ событій, въ мастерскихъ фабрики его также происходила революція. Не было болѣе той регулярной дисциплины, того удивительнѣйшаго порядка, благодаря которымъ всѣ станки начинали дѣйствовать *въ разъ*; гдѣ бывало, кромѣ шума и треска этихъ

машинъ, не слышалось ни единого звука человѣческихъ головъ, точно эти машины сами дѣйствовали, гдѣ не видно было ни малѣйшаго индивидуальнаго движенія,—теперь отъ одного станка къ другому перелетали живыя рѣчи. Къ шуму машинъ частенько примѣшивался напѣвъ патриотической пѣсенки. Работники приходили на фабрику двумя-тремя минутами позднѣй и отказывались платить за это штрафы; спорили съ надсмотрщиками объ оцѣнкѣ произведенной работы; собирались въ городскихъ кабакахъ и кафе, чтобы писать петиціи къ временному правительству, прося пятидесяти-сантимной прибавки въ день и уничтоженія произвольныхъ хозяйскихъ регламентовъ; поговаривали о томъ, какъ бы высѣчь главнаго мастера, и по вечерамъ расходились по улицамъ съ пѣніемъ *марсельезы* и *Les Girondins*.

Брафоръ, конечно, долженъ былъ возмутиться всѣми подобными скандалами. Въ первые дни страхъ заставлялъ его сдерживаться, но къ 10 марта спокойствіе и увѣренность насчетъ намѣреній республиканскаго правительства начинали проникать въ взволнованныя сердца и уstraшенные души благонамѣренныхъ людей. Манифестація *des bonnets à poil* приготавливалась въ Парижѣ, и Брафоръ, съ тѣхъ поръ, какъ Максимъ такъ ясно показалъ ему положеніе дѣлъ, начиналъ по-прежнему чувствовать себя господиномъ. Теперь, въ виду подобныхъ безпорядковъ, онъ не задумался послѣдовать внушеніямъ своего характера и нанести *мощный ударъ*.

Горячія головы были помѣчены и къ концу недѣли получили рассчетъ. Впрочемъ это была необходимая мѣра; фабрики не получали никакихъ заказовъ и приходилось сокращать работы.

Узнавъ объ этой новости, Жанъ бросился къ дядѣ.

— Вы отнимаете хлѣбъ у двадцати семействъ! воскликнулъ онъ.

— Это меня не касается. Развѣ я подрядился кормить ихъ? Пусть ищутъ себѣ другой работы.

— Вы хорошо знаете, что работы этой нѣтъ нигдѣ.

— Очень жаль, но это не мое дѣло. Не могу же я разоряться для этихъ людей.

— Однакожь они обогащали васъ! вырвалось у Жана, пришедшаго въ сильное негодованіе.

— Сударь! крикнулъ, до крайности взбѣшенный, дядюшка,—давно ужъ ваши глупыя доктрины бѣсятъ и надоѣдаютъ мнѣ. Стыдились бы, по крайней мѣрѣ, высказывать мнѣ ихъ въ глаза.

Выгнанные брафоровскіе работники, присоединивъ къ себѣ рабочихъ, выгнанныхъ съ нѣкоторыхъ другихъ фабрикъ, производили въ городѣ агитацію, и возбужденіе, распространившись по всѣмъ мастерскимъ, выразилось въ неповиновеніи рабочихъ и въ общемъ ропотѣ ихъ. Въ понедѣльникъ утромъ Брафоръ появился на порогѣ одной изъ главныхъ своихъ мастерскихъ, гдѣ именно въ эту минуту происходили оживленные разговоры и шумъ. Онъ держался прямо, какъ прусскій офицеръ, величественно, какъ австрійскій дипломатъ, и благородно, какъ англійскій лордъ; намѣреніемъ его было казаться спокойнымъ и суровымъ, какъ сама судьба, но гнѣвное возбужденіе играло красными пятнами на лицѣ его, и легкая дрожь подергивала его тѣло. Одно его появленіе и фигура сейчасъ же должны были прохладить пылъ собранія; голоса сейчасъ же смолкли.

— Работники! закричалъ Брафоръ—здѣсь дѣлаются непристойныя вещи. Дисциплина нарушена и подорвана. Я не потерплю этого. Республика не для того, чтобы вводить безпорядки, но чтобы утвердить каждаго въ обязанностяхъ его. Исполняйте ваши обязанности, и я исполню свои. Времена трудныя: кредитъ подорванъ. Можетъ-быть, для меня было бы гораздо благоразумнѣе закрыть совсѣмъ мои мастерскія, но я беру тутъ во вниманіе ваши интересы болѣе, чѣмъ свои собственные, и хочу продолжать производство, несмотря на уменьшеніе запроса; но въ замѣнъ отъ васъ требуется покорность, порядокъ, субординація, которые прежде царствовали тутъ, которые должны царствовать здѣсь всегда, которые отнынѣ будутъ царствовать постоянно, если только вы неповиновеніемъ не вынудите меня сейчасъ же закрыть фабрику.

Онъ умолокъ на секунду, окинулъ всѣхъ своихъ смиренныхъ подданныхъ строгимъ взглядомъ, подъ вліяніемъ котораго всѣ глаза поопускались внизъ, и продолжалъ:

— Сегодня утромъ всѣ, исключая Колена, Марше и Баро, явились на работы 3, 4 и 5 минутами позднѣе урочнаго времени. Я хвалю Колена, Марше и Баро за ихъ аккуратность и пунктуальность. Только исполненіемъ своихъ обязанностей работникъ заслуживаетъ вниманія къ себѣ и дѣлается достойнымъ улучшения своей участи. Всѣ же остальные въ мастерской должны подвергнуться штрафу въ 10 сантимовъ за пять минутъ просрочки.

Снова подтвердилъ онъ послѣднія слова свои хозяйскимъ повелительнымъ взглядомъ и вышелъ.

По выходѣ его, кой-гдѣ еще раздались возгласы негодованія и ропоть; но строгій призывъ къ порядку, твердо сдѣланный начальствомъ и прикащиками, возстановилъ сейчасъ же полнѣйшую тишину и спокойствіе. Каждый изъ роптавшихъ почувствовалъ, что за всякое лишнее слово будетъ наказанъ изгнаніемъ, — а жить нужно. Торжествующій Брафоръ направлялся къ себѣ домой, чувствуя наслажденіе сознаніемъ своей силы.

— Сила, сила нужна, говорилъ онъ при каждомъ удобномъ случаѣ. — Нужна мощь, твердость, повторялъ онъ, сжимая кулакъ и показывая этимъ, какая нужна твердость.

Этотъ успѣхъ совершенно убѣдилъ его въ своей особенной талантливости къ управленію и въ томъ, что люди, подобные ему, — *необходимы*; онъ серьезнѣе началъ заниматься приготовленіемъ своей кандидатуры и соображалъ свою *profession de foi* на этотъ случай.

Онъ покорилъ своихъ работниковъ; оставался только не покореннымъ племянникъ, несчастные принципы котораго казались ему оскорбленіемъ и вѣчнымъ укоромъ. Вечерніе курсы, читаемые Жаномъ, въ особенности стѣсняли его. Въ самомъ дѣлѣ, Брафоръ совершилъ величайшую ошибку, допустивъ это.

Всѣ революціонныя пертурбаціи произвели въ головѣ нашего мануфактуриста нѣкоторое движеніе, освѣтившее ему много вещей. Отнынѣ для него всѣ факты классифицировались между собой на два, очень различныхъ другъ отъ друга, разряда, — тѣ, которые клонятся къ сохраненію порядка, т. е. *statu quo*, и тѣ, которые клонятся къ разрушенію его. Серьезныя событія сообщаютъ логику свою всѣмъ умамъ. Вещи, которыя до того времени прошли бы для Брафора безразлично, или возбудили бы незначительный интересъ, теперь въ глазахъ его получали особое значеніе, сообразно которому онъ относилъ ихъ въ тотъ или другой лагерь. Въ первыхъ рядахъ враждебныхъ вещей стояло народное образованіе.

Однакожь, увѣряю васъ, Брафоръ не совсѣмъ возвысился до той политической мудрости, которая предписываетъ держать народъ въ невѣжествѣ. Нѣтъ, онъ былъ слишкомъ честенъ для этого. Онъ не конспирировалъ противъ правъ народа; уваженіе правъ было всегда одной изъ главнѣйшихъ добродѣтелей его. Нѣтъ, онъ говорилъ себѣ: «народъ, будучи рожденъ для труда, не имѣетъ времени учиться, и знанія могутъ дать ему идеи, не соответственныя его состоянію, заставить сильнѣе чув-

ствовать свою несчастную участь, набить ему голову химерными, несбыточными претензиями, сдѣлать его лѣнливымъ и непокорнымъ». По той же самой причинѣ не понималъ онъ и политическихъ правъ при нищетѣ; и въ этомъ, по нашему мнѣнію, онъ былъ гораздо болѣе правъ, чѣмъ самъ это думалъ.

Напрасно Жанъ силился втолковать ему, что не только никто не имѣетъ права превратить человѣка въ послушное орудіе, но что даже орудіе выигрываетъ отъ усовершенствованія своего, что умственное развитіе всегда плодотворно, что развитой и дѣятельный умъ дѣлаетъ руки болѣе искусными, что развитый работника значитъ улучшить работу его, — напрасно: Брафоръ только плечами пожималъ.

— Все это *одна идея* (слово — *идеи* сдѣлалось для него столь же ненавистно, какъ прежде слово — *теорія*); чтобы работать, нужно быть вынужденнымъ на это. Безъ нужды кто будетъ работать?... Образованный человѣкъ не можетъ оставаться работникомъ. А такъ какъ всѣ не могутъ быть адвокатами и нотариусами, то равенство и есть чистая химера.

— Это будущность человѣчества, сказалъ Жанъ, и нѣсколькими огненными штрихами обрисовалъ міръ мечтаній своихъ.

— Ха, ха, ха! заливался Брафоръ. — Бѣдный безумецъ! Бѣдный безумецъ! приговаривалъ онъ, съ сожалѣніемъ смотря на племянника, и добродушно, отечески, пожималъ плечами. — Но еслибы всѣ мы были равны, глубокомысленно философствовалъ Брафоръ, — то мы не могли бы отличаться. Общество же никогда не живетъ безъ людей высшихъ, составляющихъ истинное и самое лучшее украшеніе его.

Долго распространялся онъ въ этомъ духѣ о взаимныхъ обязанностяхъ и богатыхъ и бѣдныхъ, о томъ чудесномъ и разумномъ механизмѣ, благодаря которому *роскошь производитъ трудъ*, — о трогательной гармоніи между благотворительностью и нищенствомъ. Говорилъ онъ это съ пафосомъ, съ пылающимъ лицомъ, съ силой въ голосѣ, а Жанъ печальный, блѣдный, подперши голову рукой, слушалъ его молча. Согласиться, конечно, они не могли, и Жанъ продолжалъ давать уроки. Но Брафоръ не забылъ тѣхъ опасеній, которыя внушалъ ему больной умъ племянника, и того рѣшенія, какое онъ, ради пользы Жана, принялъ-было, намѣреваясь ввести его въ *свѣтъ*, чтобы передѣлать его идеи. Онъ хлопоталъ объ этомъ. Однажды утромъ, по полученіи корреспонденціи, онъ явился къ Жану съ письмомъ въ рукахъ.

— Послушай, сказалъ онъ ему безъ всякихъ предисловій, — такъ какъ коммерція не идетъ, то я не могу продолжать тѣхъ улучшеній по фабригѣ, которыя я располагалъ ввести прежде. Ты больше не можешь быть полезенъ мнѣ; съ другой стороны, жизнь въ мастерскихъ для тебя дѣло не подходящее. Воздухъ не хорошъ для тебя. Тебѣ нужно немножко провѣтриться и потереться въ другой жизни, въ сопрякосновеніи съ людьми способными, бросить тѣ фальшивыя идеи, которыхъ свѣтскіе люди не раздѣляютъ. Я просилъ г. Де-Рену заняться прискаваніемъ тебѣ какого-нибудь мѣста, и сегодня онъ отвѣчаетъ мнѣ, что нуждается въ секретарѣ. Онъ знаетъ тебя, какъ честнаго юношу, и принимаетъ къ себѣ; я радуюсь за тебя. Въ его рукахъ....

— Я не могу принять этого предложенія, дядюшка.

— Не можешь принять! вскричалъ Брафоръ, съ крайнимъ удивленіемъ, въ которомъ проглядывалъ сильный гнѣвъ. — Позвольте узнать, почему?... Конечно, я знаю, тутъ нѣтъ еще опредѣленной карьеры; но ты съ дипломомъ своимъ долго еще прождешь хорошаго случая, а у Максима ты будешь у самаго источника хорошихъ случаевъ. Во-первыхъ, тебѣ можетъ встрѣтиться тамъ возможность выгоднаго брака, а потомъ еще, когда ты пробудешь подъ эгидой этого способнаго человѣка годикъ или другой, онъ сформируетъ тебя и разбудуетъ какое-нибудь тепленькое мѣстечко. Дружокъ! Право лучше быть гражданскимъ чиновникомъ, чѣмъ гражданскимъ инженеромъ: и вѣрнѣе, и покойнѣе. Правда, тамъ приходится немножко подчиниться начальству, но за то надъ публикой владычествуешь. Нужно умѣть только ладить съ первымъ, чтобы не нуждаться въ послѣдней. Что касается меня, то это было мое призваніе; еслибы я не былъ фабрикантомъ и не надѣялся быть депутатомъ, то желалъ бы быть чиновникомъ.

— Да я-то не желаю, и у меня нѣтъ такого призванія. Вы хотите сдѣлать изъ меня члена того класса людей, къ которому я вовсе не желаю принадлежать, — члена класса привилегированнаго, правящаго и богатаго; я не могу быть имъ. Я съ радостью принялъ должность у васъ, гдѣ хотѣлъ отслужить вамъ за данное мнѣ вами образованіе; но если теперь вы не нуждаетесь въ моихъ услугахъ и я не могу быть полезенъ ничѣмъ, то я свободенъ.

— Свободенъ?... Но мнѣ кажется, что я имѣю на васъ нѣсколько больше правъ? Я воспиталъ васъ, какъ отецъ....

— И я дѣйствительно готовъ помогать вамъ и стоять за васъ, какъ сынъ; но вы, за всѣ ваши заботы обо мнѣ, не можете требовать отъ меня отреченія отъ моей воли и полного управленія моею душой и жизнью....

— Управлять вашей душой и жизнью?!.. Я вовсе не думаю о вашей душѣ.... Вотъ результатъ вашихъ глупыхъ теорій. Да, право, всегда право, — и никакихъ обязанностей! Итакъ, вы полагаете, что послѣ всего того, что я для васъ сдѣлалъ, я не имѣю права заботиться о вашей каррьерѣ? И теперь, когда вы разсудили, что не имѣете больше надобности во мнѣ, вы откладываете меня въ сторону?... А!... Вы змѣя, которую я отогрѣлъ на груди своей!... Я хотѣлъ воспитать васъ для честной жизни, въ добрыхъ правилахъ, а вы заставляете меня краснѣть за мои благодѣянія. Лучше бы мнѣ отдать васъ на милость людскую ...

— Вы забываете, что вы отняли меня у друга....

— Отъ бѣлаго каторжника, хотите вы сказать....

— Глѣвъ доводить васъ до безумія; поѣтому я не намѣренъ дольше ни слушать васъ, ни отвѣчать вамъ.

И Жанъ, сдерживая себя, но дрожа отъ негодованія, хотѣлъ выйти. Брафоръ преградилъ ему дорогу.

— Вы не выйдете изъ этого дома, гдѣ васъ приютили, вскормили, выхолили, и который вы, разумѣется, намѣреваетесь обезчестить, — не выйдете, не сказавъ мнѣ, куда вы идете и что намѣрены дѣлать.

— Я намѣреваюсь поступить въ какую-нибудь мастерскую въ качествѣ рисовальщика, или же, если при теперешнемъ оборотѣ хода дѣлъ я не буду въ состояніи получить этого мѣста, я обращусь за помощью къ Жоржу, онъ помѣститъ меня въ своей компаніи; я попрошу мѣста даже простаго чернорабочаго.

— Превосходно! А потомъ?

— Потомъ я женюсь на работницѣ и стану въ ряды моихъ братьевъ изъ народа, чтобы просвѣщать ихъ и страдать вмѣстѣ съ ними.

— А еслибы мнѣ вздумалось запереть тебя въ смирительный домъ? вскричалъ, или скорѣй зарычалъ Брафоръ, скрестивъ на груди руки, стоя въ трагически-грозной позѣ передъ племянникомъ и уничтожая его убійственнымъ взглядомъ.

— Вы не можете....

— Ты думаешь?... Въ такомъ случаѣ я объявляю тебѣ, несчастный, что больше не сомнѣваюсь въ твоёмъ помѣшатель-

ствѣ! Кто же, спрашивается, не будучи сумасшедшимъ, можетъ отказываться отъ богатства, отъ общественнаго уваженія, почестей, благосостоянія, роскоши.... власти.... и выбрать нищету и зависимость? Развѣ это не сумасшествіе? Развѣ ты стремишься къ чему-нибудь путному, разумному? Развѣ ты понимаешь что-нибудь, что-нибудь чувствуешь?... Ты—сумасшедшій, говорю я тебѣ.

— Вы ошибаетесь, сказалъ Жанъ печально,—у меня есть честолюбіе побольше вашего; но мы не можемъ понимать другъ друга.

И онъ вышелъ, оставивъ Брафора, переходившаго отъ гнѣва къ крайнему удивленію, въ такомъ напряженномъ и ненормальномъ состояніи, что сколько ни ломалъ онъ голову, не могъ выгнать изъ нея другаго заключенія.

— Онъ помѣшался! Дѣйствительно помѣшался! Всѣ признаки!... Бѣдный безумецъ!...

Послѣ этой сцены Жанъ не могъ больше оставаться въ домѣ своего дяди. Онъ собрался къ отъѣзду. Въ этомъ роскошномъ домѣ, гдѣ никто не помышлялъ доставить ему одну изъ самыхъ великихъ роскошей—*независимость*, онъ былъ такъ бѣденъ, что не на что было даже взять билета до Парижа. Онъ написалъ Жоржу и Шарлю-де-Лабруа и пошелъ заложить часы свои въ Рубѣ; но болѣе завѣтная, болѣе дорогая забота мучила его. Въ Рубѣ онъ оставлялъ обожаемое существо, драгоценнѣйшую надежду своей жизни,—существо, на которомъ сосредоточивались всѣ мечты его, вся поэзія, весь пылъ души его; если ужъ нужно уѣхать ему одному, то по крайней мѣрѣ хотѣлъ онъ увезти съ собой ея обѣщаніе, а ей оставить вмѣстѣ съ прощальнымъ привѣтомъ клятву въ любви.

Еслибы не горечь оскорбленій, испытанныхъ имъ отъ разрыва съ дядей, Жанъ въ этотъ часъ, когда разрывался узелъ, связывавшій его съ классомъ богатыхъ, видя себя на порогѣ той скромной и бѣдной жизни, по которой тосковалъ, какъ изгнанникъ по своей родинѣ,—чувствовалъ бы лишь одинъ безпредѣльный восторгъ и радость.

Мы знаемъ, что многіе, кромѣ Брафора, могутъ находить натуру эту и причудливой, и фантастичной, и безумной; но однакожь такіе люди бываютъ, рѣдко,—это правда. Въ настоящую эпоху кореннаго перерожденія общества подобныя личности выступаютъ совершеннѣй и полнѣй, потому что, обнимая любовью

своею нищихъ и смиренныхъ, обиженныхъ и угнетенныхъ, онѣ не перестаютъ твердо требовать для нихъ правъ.

Жанъ чувствовалъ, что былъ любимъ, но не смѣлъ вѣрить такому счастью. Ему хотѣлось до отъѣзда непременно повидаться съ Батистиной. Въ мастерской это было невозможно; оставалось одно—отправиться къ ней, рискуя навлечь на нее недобрые толки... Но вѣдь то былъ первый визитъ его и конечно послѣдній. Онъ рѣшился. Вечеромъ, въ тотъ часъ, когда Батистина должна была возвратиться къ себѣ домой, Жанъ направился на тотъ дворъ (courée), гдѣ жила она.

Эти дворы составляли что-то въ родѣ отдѣльных поселеній; каждое вмѣщало отъ 40 до 50 квартиръ, расположенныхъ во-кругъ сыраго и часто зловоннаго двора. Жанъ попросилъ указать ему номеръ Батистины и поднялся на лѣстницу. Испаренія отъ грязнаго тренья и кучъ омерзительнаго сора заражали воздухъ, а лѣстницы и корридоры отличались отвратительною нечистотой и тьмой.

Поэтъ, изъ той категоріи поэтовъ, которые ищутъ идеаловъ только въ цвѣточкахъ, благоуханіяхъ и блескѣ, обратился бы въ бѣгство; но Жанъ проходилъ среди всего этого печально, съ своимъ идеаломъ въ сердцѣ, какъ сдѣлалъ бы это повсюду среди безобразій и менѣе поверхностныхъ. Та же, которую шелъ онъ искать въ этихъ труппахъ, не была отъ этого ни менѣе дорога ему, ни менѣе достойна обожанія; онъ видѣлъ, какъ въ глазахъ ея свѣтился тотъ лучъ непорочности, который возвышаетъ всякое существо выше его судьбы, какъ бы ни была низка доля его. Онъ остановился у двери ея, съ болящимъ сердцемъ, помедлилъ минуту и постучался.

Дверь отворилась; хорошенькое личико Батистины выглянуло сквозь полуотворенную дверь, и внезапно, едва встрѣтились ихъ взгляды, она отскочила назадъ съ легкимъ крикомъ:

— О, это вы!

И дверь, которую не удерживала больше дрожащая рука, отворилась сама собой настѣжь и Батистина, потерянная, смущенная, стала посреди комнаты, въ то время, какъ Жанъ оставался, точно прикованный, на порогѣ, не зная, что дѣлать.

Посреди комнаты—не точно сказано: комната эта была не что иное, какъ узенькая клѣточка, одна сторона которой занята была небольшою деревянною кроваткой, а другая маленькимъ шкафомъ, такъ что, когда отворялась дверь, то задѣвала обѣ эти

мебели, и только одному человѣку едва можно было протиснуться до окна, въ амбразурѣ котораго помѣщался столъ. Стулъ у изголовья кровати, надъ которымъ висѣло зеркальце, другой около шкафа и надъ нимъ изображеніе Іоанна Крестителя,—вотъ все убранство и меблировка этой клятушки. Батистина хорошо сдѣлала, что отскочила назадъ, иначе Жанъ не могъ бы войти.

— Войдите! сказала она своимъ нѣжнымъ голосомъ,—войдите, м-г Жанъ. О, я совершенно не ожидала васъ видѣть!

Когда онъ затворилъ за собою дверь и очутился въ промежутокѣ между кроватью и шкафомъ, она подвинула ему стулъ, находившійся подъ изображеніемъ Іоанна Крестителя, а сама сѣла на другой. Такъ они сидѣли одинъ напротивъ другаго такъ близко, какъ въ самомъ интимномъ tête-à-tête. Не это обстоятельство впрочемъ было причиною замѣшательства Батистины,— оно не причиняло никакого безпокойства ей,—то было счастье; счастье, переполнявшее душу восторгомъ, но робкое, отражавшееся въ блестящемъ взглядѣ, въ ускоренномъ дыханіи, въ кроткой улыбкѣ на полуоткрытыхъ губахъ.

Жанъ смотрѣлъ на эту крошечную клятушку, на эту бѣдность чистую и опрятную, и чувствовалъ глубокое умиленіе. Никогда еще Батистина не вызвала въ немъ такого сильнаго состраданія. О, какъ сильнѣе любилъ онъ ее такую, въ этомъ скромномъ ситцевомъ платѣ, въ этомъ чепчикѣ. Какъ любовался онъ всею этою фигурою, столь прекрасная преждевременная бѣдность которой, несмотря на молодость, свидѣтельствовала о пережитыхъ испытаніяхъ, перенесенныхъ съ энергіей! Да, онъ во сто разъ лучше предпочиталъ видѣть ее такую, нежели одѣтою въ шелки, цвѣтущею надменною красотою и счастьемъ въ числѣ тѣхъ баловней судьбы, которые весело забываютъ мученичество своихъ смиренныхъ сестеръ. Онъ хранилъ молчаніе, но глаза его говорили; глаза Батистины опустились, и они оба покраснѣли.

Нужно было говорить однако; онъ не запасся никакимъ предложеньемъ для своего посѣщенія; правда, что Батистина, принимая его, и не думала спрашивать о предложеньи. Но ему нужно было говорить съ нею; ему необходимо было сейчасъ объясниться, но голосъ его замиралъ въ гортлѣ, когда онъ хотѣлъ выговорить слова, долженствовавшія раскрыть тайну его сердца. И не одинъ онъ былъ въ такомъ нерѣшительномъ состояніи, которое есть неизбѣжный спутникъ всякаго истиннаго чувства; рядомъ съ нимъ

былъ бѣдный ребенокъ, трепетавшій тѣмъ же желаніемъ: цѣломудренная, кроткая, забывая все бывшее, чувствуя себя снова дѣвственно-чистою, она точно ждала перваго признанія первой любви.

— Я долженъ уѣхать, вымолвилъ онъ съ величайшимъ усиліемъ, — завтра.

— Уѣхать? О, Боже мой! вырвалось у ней. — Но вы возвратитесь, не правда ли?...

Она устремила на него безпокойный, умоляющій взглядъ и инстинктивно протянула къ нему руки, какъ бы страшась удержать его. При движеніи этомъ, сердечный порывъ молодаго человѣка помогъ пересилить овладѣвшую имъ застѣнчивость. Онъ схватилъ обѣ руки Батистины и наклонился къ ней близко:

— О, да, я возвращусь.... за вами.... Если вы любите меня... если хотите быть женой моею....

Она поблѣднѣла, зашаталась, руки ея выскользнули изъ рукъ Жана и какъ-то безжизненно повисли вдоль колѣнъ; глаза помутнились на минуту и глухой крикъ вырвался изъ стѣсненной груди ея:

— Вашею женой!... Я—вашей женой?...

— А! вскричалъ онъ,—вы не любите меня?

Она бросила ему только одинъ взглядъ, но такой чудный, такой выразительный, что другаго отвѣта ему и не нужно было.

— Если вы любите меня, сказалъ онъ,—такъ....

— Ахъ!... раздался тяжелый вздохъ бѣдной дѣвушки, — я думала иногда, что вы любите меня.... и слишкомъ была счастлива этимъ.... Но мнѣ—сдѣлаться вашею женою.... о, никогда!

— Вы не вѣрите въ серьезность моей любви, Батистина?

— О, да! Но.... я не думала.... я была счастлива, я думала себѣ: я знаю, что это сонъ, что онъ пройдетъ; но я боялась проснуться... О, Жанъ! Вы такой добрый, такой хорошій, подобнаго вамъ нѣтъ другаго на землѣ! И вы любите меня... Вы?..

Онъ отвѣчалъ ей горячими, страстными словами обожанія, въ которыхъ любовь сливалась съ религіознымъ чувствомъ. Она слушала его съ страннымъ выраженіемъ восторга, удивленія и ужаса. Потомъ рукой своей закрыла губы Жана:

— Умоляю васъ, не говорите такъ.... со мной.... со мной... такой бѣдной и несчастной! Я хотѣла бы стать предъ вами на колѣна и обожать и молиться на васъ!... О, еслибы мнѣ можно было хоть только видѣть васъ всегда и служить вамъ!... Нѣтъ, о другомъ счастьи я не мечтала!...

— А я, воскликнулъ онъ, — умоляю васъ, Батистина! Зачѣмъ такія слова.... зачѣмъ вы унижаете себя?... Знайте, что ваша бѣдность, ваши достоинства, ваши страданія дѣлаютъ васъ въ глазахъ моихъ въ тысячу разъ дороже и милѣй....

Она вздрогнула, опустила голову, провела рукой по лбу, сдѣлавшемуся еще блѣднѣе.

— О, да, прошептала она, — проснуться нужно!... и она посмотрѣла Жану въ глаза съ такою рѣшимостью, точно хотѣла ужь говорить; но, встрѣтивъ взглядъ его, полный любви, у ней не хватило духу.

— Вы уѣзжаете завтра? сказала она слабымъ голосомъ, — завтра....

И почти не говоря больше ни словечка, положивъ свои руки въ руки Жана, который покрывалъ ихъ поцѣлуями, она смотрѣла на него, слушала все время, пока онъ хотѣлъ оставаться съ ней. Изрѣдка только губы ея шептали нѣжныя, ласкательныя слова, а глаза были прикованы къ лицу Жана.

Долго такъ сидѣли они, не замѣчая времени и позабывъ все окружающее, пока за перегородкой, въ сосѣдней комнатѣ, сильный шумъ не вывелъ ихъ изъ забвенія, — входилъ пьяный сосѣдъ и натыкался на мебель. Въ то же время часы пробили 11-ть. Жанъ тотчасъ же всталъ и началъ прощаться; почти-тельно и печально говорилъ онъ прощальныя слова, но взглядъ его, устремленный на Батистину, вымалывалъ у нея болѣе нѣжнаго прощанья.

— Да, сказала она, отвѣчая на эту нѣмую просьбу, — о, да!

И обвивъ его шею своими руками, она начала горячо цѣловать его глаза, лобъ, волосы, орошая ихъ своими слезами. Упоенный счастьемъ и надежной, онъ повторялъ: «милая!... до свиданія, до скорого свиданія — и потомъ на вѣгъ!»

Онъ ушелъ наконецъ, и когда дверь затворилась за нимъ, и смолкъ шумъ шаговъ его, бѣдная дѣвушка, въ порывѣ безумнаго отчаянія и въ припадкѣ раздравшаго ея сердце горя, безъ чувствъ упала на кровать.

На другой день Жанъ оставилъ Рубэ, не повидавшись еще разъ съ Батистиной. Онъ написалъ дядѣ почтительное и печальное письмо, объявляя ему объ отъѣздѣ своемъ. Съ теткой онъ прощался, но она почему-то считала нужнымъ выказать ему свое неудовольствіе холоднымъ и сухимъ обращеніемъ съ нимъ и не удерживала его вовсе. Онъ написалъ нѣсколько словъ и Максимилианѣ.

Оскорбленный обидами и холодною разлукой съ семействомъ, которое по крови все-таки была его родная семья, Жанъ по выходѣ изъ вагона очутился въ объятіяхъ истиннаго родственника, Шарля де-Лабруа. Жоржа тогда не было въ Парижѣ. Послѣ длинныхъ разговоровъ о совершавшихся событіяхъ, — это было въ концѣ марта, — молодой человѣкъ на другой же день принялся искать работы. Сердце его исполнено было энтузіазма, и печальныя предвидѣнія друга не могли погасить пламени надеждъ его, которыя поддерживались въ немъ любовью и ненавистью. Онъ улыбался при видѣ республиканской блузы, онъ съ восторгомъ поклонился *девизу* новаго порядка, и каждое окошечко въ мансардѣ, украшенное плющемъ или цвѣточными горшками, волновало сердце его нетерпѣніемъ поскорѣй осуществить завѣтную мечту свою.

Какъ-то вечеромъ, возвращаясь къ другу своему, Жанъ получилъ письмо; онъ тотчасъ же узналъ почеркъ, который самъ же и сформировалъ. Въ восторгѣ онъ побѣжалъ въ комнату и заперся, чтобы прочесть его. Съ жадностью распечаталъ онъ его.

«О Жанъ, вы любите бѣдность», писала Батистина, «но вы не знаете ея. Когда вы узнаете, что такое нищета дѣвушки, дочери народа, вы станете жалѣть ее, но не будете больше любить. Мнѣ нужно просить у васъ прощенія за то, что вчера вечеромъ я допустила васъ говорить мнѣ то, что вы говорили; я также чувствовала глубокое счастье, хотя и смѣшанное съ горькою печалью!... Простите мнѣ это. Во всю мою жизнь это была моя первая счастливѣйшая минута — и послѣдняя. Да, у меня не хватило духу сказать вамъ... правду, — сказать, что вы не должны любить меня.

«Увы, чѣмъ согрѣшила я предъ Господомъ на столько, что у меня, и безъ того несчастной, лишенной всего на свѣтѣ, отнято даже право любить! Но я буду любить васъ, Жанъ!... Никто не можетъ отнять это у меня; я буду любить васъ всю мою жизнь, если вы позволите мнѣ это. Боже! я знаю, что я мучую васъ, а между тѣмъ вы еще не понимаете... Вѣдь вы такой... прямой и благородный; вы идете прямо жизненною дорогой, съ поднятой головой, не видя грязи подъ ногами вашими. Вы добрый; вы говорите: «вотъ несчастные; они братья мои, я люблю ихъ. Вотъ бѣдная дѣвушка, которую я могу любить, какъ и всякую другую, — бѣдность не порокъ». Но въ этомъ-то вы и ошибаетесь, Жанъ! Бѣдность ужаснѣй, серьезнѣй, во сто

разъ серьезнѣй, чѣмъ думаютъ; она именно—страшный, настоящий порокъ, позоръ, смерть всего! Нѣтъ, вы не можете понять вполне, что значить не имѣть никакого воспитанія и быть брошенной на произволъ тиранству грубыхъ, ненавистныхъ и подлыхъ существъ, видѣть ежедневно вокругъ себя позоръ, вошедшій въ привычку....

«Въ двѣнадцать лѣтъ!... О, я чувствую ужъ ваше презрѣнiе надъ собою.... Сжальтесь!... Конечно, лучше было умереть мнѣ; но я была такая слабая, такая маленькая, что мнѣ захотѣлось жить, сама не знаю зачѣмъ....

«Съ тѣхъ поръ, какъ я знаю васъ, я много перемѣнилась. Прежде я не знаю, чѣмъ я была. Иногда я плакала горько, иногда я смѣялась, какъ и другія. Да, мы смѣемся.... при нашемъ положеніи... Въ самомъ дѣлѣ, вѣроятно, молодость живуча! Но съ того вечера, когда я остановилась разъ у рѣшетки кіоска, чтобъ отдохнуть и подышать ароматомъ цвѣтовъ, и когда я услышала ваши слова, какъ вы требовали справедливости для всѣхъ, и для работницъ, я выразить не могу, что я почувствовала.... Я никогда не вѣрила до тѣхъ поръ, чтобъ *адъ* нашъ могъ когда-нибудь измѣниться, и я покорялась какъ быкъ, который равнодушно и бессмысленно смотритъ на ярмо и бичъ.... Въ ту минуту я точно прозрѣла другой міръ, и сердце мое рванулось, точно хотѣло выскочить изъ меня.

«Потомъ я увидѣла васъ, я говорила съ вами. Вы показались мнѣ существомъ другаго склада, иной природы, отличнымъ отъ другихъ. О васъ и о томъ, что слышала отъ васъ; какъ только оставалась я одна, я много думала и мечтала. Но то были только мечты; моя внѣшняя жизнь оставалась по-прежнему тѣмъ, чѣмъ была. Я была точно плѣнникъ въ тюрьмѣ, умъ котораго носится далеко за стѣнами тюрьмы его. Разомъ нельзя измѣниться, а я такъ долго, такъ давно, всегда, увы, жила подъ гнетомъ.... О, я хорошо чувствую теперь, что должна была скорѣй допустить, чтобы дядя вашъ выгналъ меня, и умереть съ голоду, чѣмъ быть обреченной имъ.... О, еслибъ я сумѣла умереть тогда!... Теперь я не была бы причиной вашихъ мученій.... Я—мучитель вашъ?!... Мнѣ—заставлять страдать васъ...

«И все-таки, несмотря на это, я знаю, что это дурно,—да, потому что это эгоистично; но я не должна, я не хочу казаться предъ вами лучше, чѣмъ я есть. Нѣтъ, я не хотѣла бы уме-

реть прежде, чѣмъ знала васъ, прежде чѣмъ вы полюбили меня.... прежде того вечера, когда вы сказали мнѣ, что любите меня....

«Простите меня, простите меня, Жанъ, что я не сказала вамъ тотчасъ же всего. Не отнимайте у меня того, что составляетъ для меня все на свѣтѣ. Не оскорбляйтесь также, если я осмѣливаюсь еще любить васъ. И въ особенности, знайте, будьте увѣрены, что любовь моя къ вамъ не имѣетъ ничего подобнаго себѣ.... О, я хотѣла бы только видѣть васъ, слушать, служить вамъ, обожать васъ.... постоянно.... Ничего больше.... О, Жанъ, то, что я отдаю вамъ, принадлежитъ вамъ, вамъ одному! Увы, понимаете ли вы хорошо, что я никогда никого не любила, что воля моя дѣвственна, что сердце мое никому никогда не принадлежало?...

«Мы не можемъ видѣться больше. Мы не увидимся. Предъ вами я умру отъ стыда. Но я буду любить васъ всю мою жизнь и прошу у васъ одной милости позволить мнѣ это, если вы не питаете ко мнѣ отвращенія».

Батистина.

Изъ письма этого Жанъ прежде всего понялъ только одно — раскрытiе тайны, заключавшейся въ немъ. Ударъ тѣмъ сильнѣй, чѣмъ съ большой высоты падаетъ; и этотъ бѣдный мечтатель, этотъ вѣрующій, жившій среди реальной жизни подъ покровомъ грезъ своихъ, — онъ, который въ свѣтлыхъ чертахъ лица этого ребенка и въ ея чудномъ взорѣ видѣлъ лишь воплощенiе идеала, — онъ, который не зналъ никогда никакихъ подозрѣнiй, не умѣлъ предполагать и догадываться, судилъ о вещахъ по ихъ внѣшнему виду, — онъ, который собственно своей внутренней зиждительною силой претворялъ прекрасное въ великое, — онъ былъ уничтоженъ, раздавленъ этимъ ударомъ. Всякій другой на его мѣстѣ могъ оцѣнить письмо Батистины, жалѣть этого бѣднаго ребенка, любить ее еще болѣе; всякій, кромѣ него, могъ быть снисходителенъ, справедливъ, тронуть, — онъ же могъ только впасть въ отчаянiе, потому что, несмотря на всякiя извиняющiя причины, на всѣ страданiя, на всю трогательность ея печали, идолъ его былъ разбитъ, любовь его унижена. Онъ предвидѣлъ, предчувствовалъ столько высокаго; его порывы не знали предѣла, и вдругъ звѣзда, которую избралъ онъ для своего обожанiя, сорвалась съ небеснаго свода и пала въ грязь. Идеаль его погибъ, и вмѣстѣ съ его гибелью Жанъ чувствовалъ, что и самъ умираетъ. Въ

Нѣмъ не говорило возмущенное чувство чисто-условной морали, но одна изъ завѣтныхъ основъ его природы. Если онъ ждалъ нравственной чистоты отъ любимой женщины и не подумалъ бы потребовать ее (онъ такъ въ нее вѣрилъ), то не изъ тщеславія, не изъ предрасудка, не по легкомыслію; въ немъ не говорила лицемѣрная, поддѣльная любовь къ добродѣтели, уживающаяся съ ея нарушеніемъ; сама его природа требовала чистаго воздуха высшихъ идеальныхъ сферъ, на которыхъ родилась и съ которыхъ никогда не спускалась.

Послѣ довольно продолжительнаго обморока, онъ всталъ, вышелъ на улицу, побродилъ безъ цѣли, забрелъ куда-то въ глушь, сѣлъ тамъ и плакалъ; но слезы не могли облегчить его. Онъ не узнавалъ себя; казалось, что ударъ, нанесенный его любви, уменьшилъ уже ее; онъ, который прежде чувствовалъ у себя крылья, теперь едва могъ влачить свои отяжелѣлые члены по землѣ. Жизнь казалась ему мрачной и развѣчанной.

Въ такомъ состояніи онъ пробылъ нѣсколько дней; мученія заглушали рассудокъ, и онъ, конечно, неспособенъ былъ ни на какое рѣшеніе. Въ первый разъ ему пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ одной изъ язвъ разлагающагося общества, отъ которыхъ до сего времени онъ отвращалъ глаза свои, и соприкосновеніе это причиняло ему смертельную боль; печаль его не была только эгоистична, — онъ скорбѣлъ скорбью и страданіями всего человѣчества.

Когда онъ нѣсколько пришелъ въ себя, на столько, что могъ поговорить съ другомъ своимъ, тотъ осторожно, деликатно, нѣжно умѣлъ приблизить его къ дѣйствительности и объяснить ее ему. Натура его друга, Шарля де-Лабруа, была такая же простая и героическая; но этотъ человѣкъ жилъ уже 30 лѣтъ. Жизнь же общественная можетъ укрѣплять слабыхъ, но сильныхъ навѣрное ослабляетъ. Въ этомъ неравномъ общеніи одни теряютъ то, что другіе приобрѣтаютъ. Снисхожденіе есть добродѣтель; но чтобы прощать, нужно знать и умѣть понимать смыслъ явленія, а невѣдѣніе зла выше этого. Шарль де-Лабруа извѣдалъ тотъ омутъ социальной жизни, гдѣ развратъ сверху, сообщаясь съ нищетой, грязнитъ ее, оплодотворяетъ и расплываетъ.... Онъ разоблачилъ предъ испуганными очами Жана всѣ ужасы, показалъ ему дѣтство, окруженное этими миазмами, дышащее ими, приучаемое ко всякимъ зрѣлищамъ, и слабое, неопытное и нерѣшительное, вынуждаемое выбирать позоръ или смерть.

Наконецъ, онъ оправдалъ Батистину, — но какую цѣной? Въ предупредительной деликатности своей онъ старался, освѣщая факты, успокоить и смягчить страданія своего юнаго друга, но воздерживался отъ всякихъ совѣтовъ.

Но во всѣхъ вопросахъ главною, первенствующею задачей Жана былъ всегда *долгъ его*. Онъ искалъ его. Долженъ ли онъ покинуть это бѣдное дѣтя за ея несчастье? Она любила его, да и самъ онъ развѣ не любилъ ее еще? Ахъ, то не была уже та высокая, гордая и безупречная любовь. Но сердце его преисполнено было пылаго милосердія, жалости и глубочайшей нѣжности. Узы, связывавшія ее и его, не были порваны. Они влекли его къ ней, хотя, увы, въ иную сферу.

Разбитый паденіемъ, онъ ощущалъ необходимость подняться какимъ бы то ни было усиліемъ; потерявъ высокое, онъ хватался за героическое. Да, онъ будетъ еще жить на землѣ и будетъ еще великъ силою любви.

Разъ принявъ такое рѣшеніе, онъ проникался имъ все болѣе и болѣе; онъ чувствовалъ, какъ новая любовь возрождалась въ немъ, менѣе возвышенная, больше печальная, но, быть-можетъ, еще болѣе нѣжная. Съ самоотверженіемъ онъ привязался теперь къ этому міру, изъ котораго только-что хотѣлъ бѣжать съ отвращеніемъ. Восемь дней, болѣе полныхъ, чѣмъ иная жизнь, протекли въ тоскѣ безысходной. Во все это время ни одного слова утѣшенія не было послано въ облегченіе скорби бѣднаго, страдавшаго ребенка, который былъ въ правѣ, по крайней мѣрѣ, рассчитывать на признательность и уваженіе. Восемь дней холоднаго молчанія совершенно разбили уязвленное сердце ея, отравили его горечью. Дѣятельность Жана пробудилась подъ вліяніемъ этой мысли. Въ продолженіе цѣлаго часа онъ сопоставлялъ все свое отвращеніе и всѣ свои порывы, въ послѣдней борьбѣ заставилъ ихъ помѣряться между собой, и когда побѣда осталась за благороднымъ и великодушнымъ чувствомъ, онъ тотчасъ же уѣхалъ въ Рубэ.

Едва загоралась заря, когда онъ пріѣхалъ туда. Мастерскія еще не были открыты, но часъ былъ близокъ. Онъ спѣшилъ отыскать Батистину, и, не рѣшаясь идти къ ней на квартиру, пошелъ ожидать ея возлѣ дороги, ведшей на фабрику, на маленькой тропинкѣ, пролегавшей между двумя живыми изгородями, по которой она чаще всего ходила. Оттуда ему видна была и другая дорога. Прошло много людей, но она не появлялась.

«Быть-можетъ, она больна», подумалъ Жанъ. Птицы пѣли въ вѣтвяхъ; зеленѣвшая изгородь покрывалась уже почками. Высокія черныя трубы фабрики, неподвижно вырѣзывавшіяся на небѣ, вдругъ оживились и стали метать клубы чернаго дыма. «Конечно, Батистина больна». И съ сердцемъ, полнымъ опасеній и тревоги, онъ теперь рѣшился идти прямо къ ней, какъ вдругъ звукъ тихихъ шаговъ заставилъ его вздрогнуть. Это была она.... Она шла съ поникшею головой, медленно, какъ человѣкъ сильно утомленный. Въ пяти или шести шагахъ отъ Жана она подняла глаза, глухо вскрикнула, зашаталась и опустилась на колѣна.

Могутъ ли слова выразить то соединеніе обожанія, восторга и страданія, какое отразилось на этомъ миломъ лицѣ, когда она обратилась къ Жану. Онъ былъ пораженъ. Слезы выступили у него на глазахъ, и Батистина почувствовала, какъ дрожала рука его, охватившая ея талию.

— О, благодарю, сказала ему она, — благодарю, что пришли, что могу еще разъ видѣть васъ.

— Я пришелъ, сказалъ онъ, — чтобъ исторгнуть васъ изъ этой жизни и сдѣлать такъ, чтобы вы позабыли о ней. Пойдемте со мной сегодня же. Батистина; я долженъ заботиться о васъ, въ ожиданіи нашего союза.

Молодая дѣвушка всплеснула руками, и потокъ свѣта, исходявшаго изъ глубины ея души, озарилъ черты ея лица, придавъ имъ выраженіе экстаза; она прошептала: «О, Жанъ, возможно ли это?»...

Но вдругъ это выраженіе измѣнилось; смертельная блѣдность разлилась по ея лицу и она глухо проговорила:

— Нѣтъ, это невозможно.

— Да, это возможно, отвѣчалъ онъ. И въ эту минуту увидѣвъ, что въ сосѣднихъ домахъ началось движеніе, отворялись окна, онъ увлекъ Батистину за собой, къ концу тропинки, съ другой стороны дороги, гдѣ росъ кленовый лѣсъ. Всякое искреннее чувство не любитъ присутствія чужихъ людей и ревниво избѣгаетъ любопытныхъ и догучливыхъ взглядовъ. Жанъ, поддерживая молодую дѣвушку, вошелъ въ лѣсъ и не останавливался до тѣхъ поръ, пока въ чащѣ лѣса дорога не скрылась совсѣмъ съ глазъ. Тогда, взглянувъ на спутницу свою и увидѣвъ ее все такою же блѣдною и дрожащей, онъ тихо прижалъ ее къ своему сердцу.

— Слушай, сказалъ онъ ей:—не хочу скрывать, я мучительно страдалъ; но я побѣдилъ эгоизмъ; я чувствовалъ и чувствую въ особенности въ эту минуту, что моя свобода не имѣетъ права ни въ чемъ корить твое рабство, что скорѣй моему благополучію слѣдуетъ преклониться предъ твоимъ несчастіемъ. Разумъ человѣческій безуменъ; онъ видитъ все наоборотъ. Онъ наказываетъ ограбленныхъ; у заимодавцевъ онъ требуетъ счета: тѣхъ, у которыхъ онъ долженъ бы вымаливать прощеніе, онъ судить и приговариваетъ. Я не ихъ числа этихъ безумныхъ. Болѣе счастливый, чѣмъ ты, я, которому удалось неприкосновенно соблюсти мою свободу, гордость, эти драгоценнѣйшія блага,—я ли буду осуждать тебя за то, что у тебя похитили ихъ? Нѣтъ, я жалѣю тебя, я люблю тебя и чувствую преступность случайнаго счастья своего предъ твоимъ случайнымъ несчастіемъ. Бѣдное дитя, брошенное съ рожденія своего въ омутъ жизни и такъ жестоко истерзанное,—ты встала снова, ты стремишься, ты восходишь.... Я, рожденный отъ двухъ героевъ, просвѣщенный благороднымъ другомъ,—я уже испытываю утомленіе и почти чувствую, что опускаюсь. Ты дашь мнѣ новую силу. Ты чиста всѣмъ существомъ своимъ, а я уцѣлѣлъ случайно. Ты лучше меня, Батистина. Подними глаза и погляди на меня, какъ смотрѣла только-что, съ полнымъ довѣріемъ и радостью. Какъ ты хороша! О, не будь же такъ печальна.

Она склонила голову на плечо Жана, который прижималъ ее къ себѣ; ея легкій чепчикъ развязался и волосы рассыпались. Онъ взялъ ихъ и прильнулъ къ нимъ губами; волосы были влажны; она плакала.

— Зачѣмъ, зачѣмъ плачешь ты? спрашивалъ Жанъ; и невольно холодная дрожь охватила его. Страшная мысль была въ нихъ обоихъ. Сколько разъ еще придетъ она леденить ихъ поцѣлуи?

— О, говори со мной, говори, проговорилъ онъ, усиливаясь отклонить эту страшную мысль.—Твои нѣмыя слезы терзаютъ меня.

— Ты все еще хочешь, чтобъ я была твоею женой, сказала Батистина.—Мнѣ кажется, что я грежу. Въ тебѣ дѣйствительно нѣтъ ничего похожего на другихъ людей, Жанъ. О, я хотѣла бы поклоняться тебѣ!... Но, увы, есть вещи, которыя ты не можешь простить!

— Все, сказалъ онъ,—но умоляю тебя бросить ненавистныя

воспоминанія. Жизнь наша только начинается. Мы родились вчера, вмѣстѣ, въ любви нашей, и отнынѣ будемъ жить въ ней, довѣрчиво, счастливо, безупречно. Любовь наша именно такая, которая одна только способна создавать и очищать,—та, которая изъ счастья порождаетъ обязанности,—та, которая проистекаетъ изъ глубокой и чистой нѣжности, родится изъ свѣтлаго сіянія двухъ душъ и воплощается въ колыбели. Она—властительница судебъ, она—творецъ, она—божество.... Что ей за дѣло до мрачныхъ сновидѣній ночи? Она ихъ не знаетъ; она—сама свѣтъ и день!

Батистина выпрямилась и взглянула на своего друга, отстраняя его отъ себя; въ глазахъ ея было безуміе; подъ распавшимися по лицу волосами она казалась еще блѣднѣй.

— Да, сказала она, — да, это такъ должно быть. Это было бы справедливо. Ты бы такъ устроилъ жизнь.... Но не судьба!... О, ей нѣтъ дѣла до этого.... У ней нѣтъ сердца! Убійцамъ и невиннымъ дать одни права.... Сдѣлать насиліе плодороднымъ!... Это позоръ!... Палачи не сдѣлали бы этого. Это ужасно. О, Жанъ, я хотѣла бы уйдти съ тобой и любить тебя въ другомъ мѣрѣ, — здѣшній наводитъ на меня ужась!

Жанъ слушалъ ее, одѣвпенѣвъ. Онъ никогда не видѣлъ ее въ такомъ состояніи, съ проклятіемъ на устахъ и съ бѣшенствомъ во взорѣ, — ее, всегда такую кроткую.

— Успокойся, сказалъ онъ ей, притягивая ее къ себѣ. — Не думай больше о прошломъ. Будущее принадлежитъ намъ.

— Какое будущее? спросила Батистина. — Будущее ужасно! Никогда!... Мнѣ — сдѣлать тебя несчастнымъ, мнѣ — лелѣять на твоихъ глазахъ мой позоръ и видѣть, какъ онъ будетъ расти! О, хотя ты и ангелъ, но ты возненавидишь его.... какъ я ненавижу его.... Это будетъ живой, вѣчный, олицетворенный, жестокой укоръ и обида, созданная для того, чтобы терзать мои внутренности, чтобы вырвать у меня всякую надежду на счастье. О, да, я ненавижу его! Когда я слушаю тебя, уносясь вмѣстѣ съ тобою въ небеса, онъ тутъ, шевелится, напоминая мнѣ мой позоръ. Когда ты прижимаешь меня къ твоей груди, — ты, жизнь души моей, — онъ рвется, чтобъ оттолкнуть тебя, онъ чужой, похититель, проклятый плодъ чудовища, сынъ твоего дяди. Жанъ! что же? Такого ли счастья ты ждешь?.... А ты мечталъ о колыбели. Да, въ колыбели этой ляжетъ змѣя. Чудный союзъ, не правда ли? Прелестная любовь!... А, ты отступаешь! Давно бы

такъ. Наконецъ, ты человѣкъ!... Иди, оставь меня. Уѣзжай. Это невозможно. Спасибо за состраданіе. Бѣльшаго ты не можешь мнѣ дать.

Подъ вліяніемъ этого страшнаго открытія, Жанъ отступилъ въ самомъ дѣлѣ. Онъ сознавалъ, что побѣжденъ. Для него, вынужденнаго уже бороться съ докучливыми призраками, колеблющагося уже въ любви своей, послѣдній этотъ ударъ былъ смертеленъ. Не одно только прошедшее было отнято у него, но и будущее, и наконецъ все. Бросивъ бѣглый взглядъ на Батистину, онъ убѣдился въ справедливости ея словъ, и въ то же мгновеніе любовница исчезла для него. Болѣзненное состраданіе, — его и такъ было слишкомъ много въ этой любви, — смѣшавшись съ жгучею скорбью отъ этого новаго паденія, переполнило душу Жана. Тамъ слилось все. Не находя больше ни утѣшенія, ни выхода, ни одушевленія въ себѣ, онъ безмолвствовалъ; взглядъ, которымъ обмѣнялись они, не обѣщавъ ничего добраго, — онъ былъ зловѣщій. Холодъ оледенилъ ихъ сердца.

Батистина первая нашла въ себѣ силу произнести послѣднее слово. Въ то время, какъ Жанъ, безъ голоса, безъ силъ, стоялъ точно убитый, она, спокойная, со взоромъ, свергавшимъ мрачнымъ огнемъ, воодушевленная, укрѣпленная силой нервнаго напряженія, вполне овладѣла собой и, казалось, получила новый даръ пониманія для ясной оцѣнки положенія.

— Мнѣ не за что негодовать на тебя, сказала она. — Ты сдѣлалъ все, что въ человѣческихъ силахъ. Я тебя слишкомъ люблю для того, чтобы самой не разорвать нашу связь, — потому, что я буду презирать себя, навязавъ тебѣ мою недолю. Иди себѣ; мы можемъ только заставлять страдать другъ друга...

— Увы! отвѣчалъ онъ, — я въ полномъ изнеможеніи; я не чувствую самого себя, я теряю всякое сознаніе! Я чувствую только одно: чѣмъ больше ты несчастна, тѣмъ труднѣе мнѣ оставить тебя.

— Развѣ ты не понимаешь, возразила она съ дикимъ выраженіемъ въ лицѣ, — что твое состраданіе не можетъ облегчить меня? Нѣтъ, Жанъ, прибавила она болѣе мягкимъ голосомъ, — мы не можемъ больше.... Ради тебя, ради меня, иди, уѣзжай сейчасъ же; мы увидимся позже.

— Вѣрь, по крайней мѣрѣ, сказалъ онъ, — что желаніе видѣться съ тобой и знать, что ты менѣе несчастна, никогда не погаснетъ во мнѣ. Обѣщай позвать меня, когда будешь имѣть нужду

въ моей преданности! Обѣщаешь ли ты мнѣ это, Батистина? Я уѣду, потому что ты этого желаешь; но я возвращусь.

— Да, сказала она горько,—да, разумѣется. Прощай, Жанъ!

— До свиданія! сказалъ онъ, цѣлуя ея руку; потомъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, возвратился.

— Батистина, точно ли ты хочешь, чтобъ я уѣхалъ? Не могу ли я быть полезенъ тебѣ,—я, твой единственный другъ?

— Нѣтъ! отвѣчала она.

— Ты не замыслишь никакого отчаяннаго поступка? Скажи, покаянись мнѣ....

Она покачала головой.

— Итакъ, до свиданія!

И онъ ушелъ, едва видя передъ собой свѣтъ, съ отуманеннымъ взоромъ, съ тяжестью на сердцѣ, съ кружившейся головой, и, какъ онъ сказалъ, дѣйствительно потерялъ всякое сознаніе. Вѣра, энтузіазмъ, составлявшіе сущность природы его, какъ бы погасли въ немъ. Дневной свѣтъ представлялся ему неяснымъ, жизнь мертвою. Онъ никогда такъ сильно не возмущался, не плакалъ, но и не страдалъ такъ, какъ теперь.

Но она, которая такъ торопила Жана отъѣздомъ, лишь только осталась одна,—вдругъ всѣ силы ея оставили. Она въ изнеможеніи опустилась и упала на сырую землю и, чувствуя себя теперь покинутой всею вселенной, отдалась отчаянію, которое точно волны океана нахлынуло и покрыло ее. Тогда, забывая, что она сама создала, сама объявила, что союзъ ихъ невозможенъ, что сожалѣла объ участи Жана, и что обожала его,—она теперь стала обвинять его:

«Онъ не сильнѣе и не справедливѣе другихъ! Онъ, подобно другимъ, случаю придалъ значеніе преступленія; пока ему не было извѣстно о беременности, онъ любилъ еще. Узнавъ объ этомъ новомъ несчастіи, онъ отшатнулся. Такъ скоро! Онъ ужъ не любитъ меня больше! Онъ.... О, видѣть только одно состраданіе! Быть любимой имъ—и лишиться его любви!... Быть на порогѣ рая—и потерять его навсегда»!...

И тогда въ душѣ ея поднялась та буря человѣческой скорби, которая не только способна расшатать ударами своими все на свѣтѣ, но, не довольствуясь этимъ, несется въ безконечное пространство, воплями своими наполняя его и точно призывая невидимыхъ свидѣтелей. Прошло нѣсколько часовъ; разбитая, обезсиленная, она впала въ летаргическое оцѣпенѣніе, какъ

*

вдругъ внезапное движеніе ребенка въ ней исторгло у ней крикъ бѣшенства. Поспѣшно вставъ, она вышла изъ лѣсу и стала бѣгать по полямъ, рыдая, съ распущенными волосами, въ безуміи. Судорожныя, жестокія боли вдругъ охватили ее. Она остановилась, ломая руки, и съ крикомъ повалилась на землю. Къ этимъ раздирающимъ мукамъ присоединилась сильная лихорадка и невыносимая жажда. Она съ утра ничего не ѣла, и истощеніе и мука, соединившись вмѣстѣ, доводили ее до одуренія.

Въ эту минуту Батистина очутилась на склонѣ луга, гдѣ внизу сверкала, между деревьями, серебристая поверхность пруда. Жгучее солнце палило сверху знойными лучами своими. Этотъ прудъ, подобно магниту, привлекалъ къ себѣ глаза несчастной, мучимой лихорадочною жаждой, и она направилась къ нему. Боли ея усиливались; она едва могла медленно, шагъ за шагомъ, двигаться, постоянно останавливаясь, пока дотавила къ пруду. Подойдя къ берегу, къ самой водѣ, вновь невыносимыя боли схватили ее и она упала опять, въ страшныхъ мученіяхъ, катаясь по землѣ и испуская громкіе, болѣзненные крики, къ которымъ чрезъ нѣсколько минутъ присоединился слабый младенческій плачь. Существо, увя, уже проклятое ею,—существо, которое она носила подъ сердцемъ, явилось на свѣтъ.

Безъ чувствъ лежала она на землѣ, точно мертвая; нѣсколько времени спустя, жалобный пискъ, плачь ребенка заставилъ ее открыть отягченные и мутные глаза; она подняла голову и увидѣла, или скорѣй почувствовала подлѣ себя это маленькое созданіе, машинально прикрыла его своимъ платьемъ и прижала къ себѣ; потомъ опять неподвижно распростерлась на землѣ и снова точно замерла. . .

Этотъ день томленія и муки приходилъ къ концу. Тихія воды пруда спокойно отражали розовый свѣтъ заходящаго свѣтила. Птицы быстрымъ летомъ пронеслись надъ камышами; вечерній вѣтерокъ, пропитанный запахомъ фіалокъ, тянулъ съ горы; водяныя кувшинки закрывали свои чашечки; воробьи перелетали въ вѣткахъ, скликаясь на ночлегъ. Въ этотъ часъ сумерекъ, въ моментъ перехода отъ дня къ ночи, вся природа послѣ суточной жизни приготовлялась къ отдыху.

Мало-по-малу все улегалось, затихало, притаивалось: свѣтъ, крики, шелестъ и дыханіе—все погружалось въ дремоту подъ покровомъ ночнаго свода, въ безмолвіе, сѣвозъ которое однако прорывались невнятные звуки и неуловимое дыханіе: въ тѣни.

на которой игралъ отблескъ свѣтлой поверхности пруда, время отъ времени раздавался только крикъ совы, нарушавшей эту тишину, да слабый крикъ ребенка, да шелестъ звѣрка, шмыгавшаго въ кустарникъ. Все лежало безъ движенія. Батистина спала тѣмъ крѣпкимъ сномъ, который природа посылаетъ послѣ всякаго сильного напряженія и усталости.

На разсвѣтѣ только проснулась она, открыла глаза, подняла руку къ лицу и жалобно застонала. Все тѣло ея сжалось отъ холода, голова была точно свинцомъ налитая, или какъ тисками раздавленная, и поднять ее она не могла. Лицо посинѣло, глаза блестѣли лихорадочнымъ огнемъ, боль была во всѣхъ членахъ. Нѣсколько разъ пробовала она подняться, но тщетно; наконецъ, кое-какъ приподнялась на одной рукѣ. Страшная, обезображенная, окровавленная, оглянулась она кругомъ.

Увидя себя въ незнакомомъ, пустынномъ мѣстѣ, она сначала удивилась, потомъ испугалась и начала шептать какія-то несвязныя слова. Раздался жалобный, слабый крикъ младенца, — она вздрогнула, быстро повернулась къ нему, устремила на него глаза, и вдругъ въ этомъ пристальномъ взглядѣ загорѣлось выраженіе безумія. Крикъ ужаса вырвался у ней, она вскочила во весь ростъ и въ припадкѣ безумнаго волненія:

— Онъ, онъ, это онъ! Опять! Повсюду!... А! теперь какой маленькій! А, палачъ проклятый! Ты думаешь... ты думаешь, что я стану тебя любить?... Нѣтъ, нѣтъ, никогда его гнусныя губы не прикаснутся къ груди моей!... Нѣтъ, нѣтъ.... А, это ты?... Опять.... Демонъ проклятый! Постой! больше ты не увидишь и не тронешь меня....

Она схватила ребенка, взмахнула имъ и какъ камень швырнула его въ прудъ. Потомъ постояла такъ равнодушно, посмотрѣла, какъ разступилась, какъ всплеснула вода, какъ разошлись круги по ней.... улыбнулась, оглянулась кругомъ помертвѣлыми очами и внезапно остановилась:

— Боже! Боже мой, что же это я сдѣлала? Что это такое? Тутъ ребенокъ былъ... Кажется, онъ плакалъ?

Она хотѣла сдѣлать шагъ, но споткнулась и упала опять, и такъ и осталась нѣсколько секундъ въ томъ положеніи, какъ упала; потомъ взяла голову свою въ обѣ руки:

— О, проклятая гора, какая она тяжелая!... Безъ этого у меня были бы крылья.... Я полетѣла бы и нашла бы Жана.... Но дитя не умѣетъ плавать.... О, моя бѣдная головушка!...

Если-жь это чудовище... Я могу убить его; вѣдь онъ столько зла мнѣ сдѣлалъ... Но, можетъ-быть, это былъ не онъ?...—Она еще разъ усилилась встать и встала, цѣпляясь за вѣтви. Звукъ человѣческаго голоса заставилъ ее вздрогнуть:

— Ге, барышня! Что вы дѣлаете тутъ?—То былъ крестьянинъ, съ лопатой на плечѣ, шедшій по тропинкѣ вдоль пруда.—Можно подумать, что вы что-то неладное творите тутъ... прибавилъ онъ подозрительнымъ тономъ, смотря пристально на Батистину. Осмотрѣвшись далѣе заботливо кругомъ, онъ точно искалъ чего-то глазами.—Гдѣ ребенокъ вашъ? спросилъ онъ.

— Я... У меня его нѣтъ... отвѣчала она равнодушно, все еще находясь въ состояніи безумія.—То не мой ребенокъ, а того чловѣка... И, протянувъ руку по направленію къ пруду, она потомъ прибавила:—Онъ тамъ!...

— Saperdine! Славную штуку удрали вы! Подлая вы дѣвка!... Вы вѣрно хотите пойти на эшафотъ?

— Эшафотъ!... Нѣтъ, это страшно... да и Жанъ будетъ несчастень... Я пойду лучше возьму его....

Она бросилась-было въ прудъ, но крестьянинъ успѣлъ подхватить ее и началъ звать на помощь. Прибѣжали работники съ сосѣдней фермы. Батистину отнесли на ферму, а тѣло ребенка вытащили изъ пруда.

ВРЕМЯ ЛЮДОВИКА XIV НА ЗАПАДЪ, ВРЕМЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО НА ВОСТОКЪ ЕВРОПЫ *).

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

IV.

Умственное движеніе въ Англіи, Франціи и Германіи въ первую половину
XVIII вѣка.

2) во Франціи.

Мы оставили Францію при могилѣ великаго короля, при которой послѣдній изъ знаменитыхъ проповѣдниковъ французскихъ, Массильонъ, воскликнулъ: «Богъ одинъ великъ, братья!» Но эти слова не выражали убѣжденія французскаго образованнаго общества, которое готово было отвѣчать Массильону: «Одинъ разумъ человѣческій великъ!» Мы знаемъ, что во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ западной Европы, съ XVI вѣка обнаружилось стремленіе къ одностороннему развитію мысли въ ущербъ чувства и при этомъ, съ ослабленіемъ религіознаго чувства, съ критическимъ отношеніемъ къ христіанству, поднимавшему духовную, нравственную сторону, естественно являлось стремленіе къ матеріализму, къ чувственности, къ поклоненію доброй матери природѣ, къ эманципациі тѣла **). Но тутъ же въ народномъ организмѣ и высказалось противодѣйствіе такой односторонности, способной нарушить здоровье организма. Это противодѣйствіе высказалось въ янсенизмѣ; но и католическая церковь во Франціи выставила рядъ духовныхъ лицъ съ сильными талантами, способныхъ противодѣйствовать

*) См. «Бесѣду». № 4.

**) См. объ умственномъ движеніи во Франціи въ XVII вѣкѣ, мой «Курсъ новой исторіи».

антихристіанскому направленію поклонниковъ разума и матери природы. Сильное правительство Людовика XIV также сдерживало это направленіе; но такая сдержка средствами внѣшними обыкновенно не уничтожаетъ зла, а заставляетъ его притаиваться до поры до времени и потомъ, при отнятіи внѣшняго давленія, отрыгнуть съ большею силою. Со смертію Людовика XIV начинается приготовленіе къ тому явленію, которое мы называемъ французскою революціей. Если сильная власть Людовика XIV была естественнымъ слѣдствіемъ неудавшейся революціи, фронды, показавшей несостоятельность людей и цѣлыхъ учрежденій, хотѣвшихъ произвести какой-то переворотъ, то перешедшія границу стремленія великаго короля усилить свою власть и печальное положеніе, въ которомъ онъ оставилъ Францію, должны были естественно произвести недовѣріе къ началамъ, которыми руководился Людовикъ, — онъ началъ искать иныхъ. Въ это время, разумѣется, важное значеніе должна была имѣть личность новаго короля. вмѣсто короля, который умѣлъ такъ несравненно представлять короля, играть роль государя и этимъ очаровывать свой народъ, страстный къ великолѣпнымъ представленіямъ, къ искусному разыгрыванію ролей, — вмѣсто короля, который оставилъ много славы, много блеска, много памятниковъ искусствъ и литературы, — вмѣсто такого короля явился король, соединявшій въ себѣ всѣ способности къ тому, чтобъ уронить королевскую власть. Не говоря уже о чувственности, въ которой преемникъ Людовика XIV перешелъ предѣлы, гдѣ возможно было снисхожденіе, ибо не было слабости только, а былъ развратъ, уничтожающій достоинство человѣческое, — Людовикъ XV представлялъ совершенное безсиліе нравственное. У него не было недостатка въ ясности ума и благонамѣренности; но безсиліе воли было таково, что, при полномъ сознаніи необходимости какого-нибудь рѣшенія, Людовикъ соглашался съ рѣшеніемъ противоположнымъ, какого хотѣли его министры или любовницы. Было извѣстно, что, въ совѣтъ, когда король заявлялъ какое-нибудь мнѣніе и совѣтники начинали его оспаривать, то Людовикъ соглашался съ ними, зная, что соглашается съ мнѣніемъ несправедливымъ, и только для оправданія себя шепталъ: «тѣмъ хуже, они такъ хотятъ». Принужденный своею любовницею, Помпадуръ, отставить морского министра Машо, онъ писалъ своей любимой дочери, герцогинѣ пармской: «Они принудили меня отставить Машо — человѣка, который былъ мнѣ

по сердцу; я никогда не утѣшусь въ этой потерѣ». Другая любовница королевская, Дюбарри, вмѣстѣ съ герцогомъ д'Эгильономъ хлопотали о сверженіи Монтейнара, военного министра, и король говорилъ: «Монтейнаръ падеть непременно, потому что я одинъ только его поддерживаю». Отсутствіе воли сдѣлало изъ неограниченнаго монарха притворщика и обманщика, интригана, любящаго мелкія средства и извилистыя дороги. Ежедневно оберъ-полицеймейстеръ подавалъ ему рапорты, въ которыхъ часто заключались предметы наименѣе достойные королевскаго вниманія, но которые правились испорченной чувственностью натурѣ Людовика; кромѣ того въ Парижѣ и Версали у него были агенты, которые доносили о политическихъ интригахъ и тайнахъ частной жизни. Каждое воскресенье начальникъ почтоваго управленія докладывалъ королю объ открытіяхъ «чернаго кабинета», гдѣ распечатывали письма и списывали интереснѣйшія изъ нихъ.

Такимъ образомъ въ долгое царствованіе преемника Людовика XIV со стороны короля было сдѣлано все, чтобъ уронить монархическое начало, образовать наверху, пустоту, къ которой общество не могло остаться равнодушнымъ. Подлѣ французскихъ королей Франція и вся Европа привыкли видѣть блестящую аристократію; какъ великолѣпный король Франціи служилъ образцомъ для государей Европы, такъ блестящее, рыцарственное дворянство Франціи служило образцомъ для дворянства остальной Европы. Воинственная и славолюбивая нація достойно представлялась своимъ дворянствомъ, которое выставило столько героевъ, прославившихъ французское оружіе, и приобрѣло значеніе перваго войска въ мірѣ; такое достойное представительство націи поддерживало и первенствующее значеніе французскаго дворянства внутри, какъ бы ни были здѣсь неправильны его отношенія къ другимъ сословіямъ. Но, по замѣчательному соответствію, паденіе монархическаго начала во Франціи, вслѣдствіе слабости преемниковъ Людовика XIV, послѣдовало одновременно съ нравственнымъ паденіемъ французскаго дворянства, съ помраченіемъ славы французскаго войска. Людовикъ XIV, который наслѣдовалъ своихъ знаменитыхъ полководцевъ отъ времени предшествовавшаго, не воспиталъ новыхъ, несмотря на свои частыя войны: доказательство, что война можетъ служить школою для существующихъ талантовъ, но не создаетъ талантовъ, когда кругъ, изъ котораго они могутъ

явиться, ограниченъ и потому легко истощается частыми войнами. Послѣ Людовика XIV до самой революціи французское войско не выставляетъ замѣчательныхъ полководцевъ, хотя двѣ большія войны (за австрійское наслѣдство и Семилѣтняя) могли бы выдвинуть таланты. Французское войско и тутъ имѣло нѣсколько блестящихъ успѣховъ; но кому было обязано ими?—иностранцу, саксонскому принцу Морицу. Нигдѣ такъ ясно, какъ здѣсь, въ военномъ дѣлѣ, не выказалось паденіе французскаго дворянства, сословія преимущественно военного. Фридрихъ II замѣтилъ это явленіе и записалъ въ «Исторіи моего времени»: «Этотъ вѣкъ бесплоденъ относительно великихъ людей во Франціи». Замѣтилъ это и Людовикъ XV: «Этотъ вѣкъ, по его словамъ, не обилень великими людьми, и было бы для насъ большое несчастье, еслибъ это безплодіе поразило одну Францію». Такимъ образомъ двѣ силы, дѣйствовавшія постоянно въ челѣ народа и достойно его представлявшія, короли и дворянство, отказываются отъ своей дѣятельности. Отказывается отъ своей дѣятельности и третье сословіе—духовенство, которое не выставляетъ болѣе изъ своей среды Боссюэтовъ и Фенелоновъ, не можетъ единственно достойными его—нравственными—средствами бороться противъ враговъ, которыхъ постоянно имѣлъ въ виду Боссюэтъ, поклонниковъ разума человѣческаго, старается употреблять противъ нихъ только матеріальныя средства, средства свѣтскаго правительства, что, разумѣется, могло только содѣйствовать паденію духовнаго авторитета. Можно писать большія книги о причинахъ французской революціи, подробно исчислять всѣ злоупотребленія, всю неправильность отношеній между различными частями народонаселенія; но этимъ явленіе исполнѣ не объяснится, ибо нѣтъ такого злоупотребленія, нѣтъ такой неправильности, которыя не могли бы быть отстранены сильнымъ и разумнымъ правительствомъ, умѣющимъ извлекать и собирать около себя лучшія силы народа. Дѣло въ томъ, что во Франціи XVIII вѣка прежде дѣйствовавшія на первомъ планѣ силы отказываются отъ своей дѣятельности, являются несостоятельными, вслѣдствіе чего и начинается приготовляемый болѣзненный переворотъ, перестановка силъ, называемая революціей. Это приготовленіе естественно обнаруживается въ отрицательномъ отношеніи къ тому, что имѣло авторитетъ и что представлялось теперь формою безъ содержанія, безъ духа, безъ силы. Въ организмѣ

Французскаго общества въ это время происходило то, что происходить во всякомъ организмѣ, гдѣ извѣстный органъ омертвѣетъ или въ организмѣ втѣснится какое-нибудь чуждое тѣло: въ организмѣ тогда чувствуется тоскливое желаніе освободиться отъ такого омертвѣвшаго органа или чуждаго тѣла, не участвующихъ въ общей жизни, ничего не дающихъ ей. Это отрицательное отношеніе къ старымъ авторитетамъ необходимо должно было отразиться въ общественномъ словѣ, разговорѣ, который становился все громче и громче. Прежде высоко поднимался дворъ, блестящій, несравненный дворъ Людовика XIV: здѣсь было серьезное величіе, внушавшее уваженіе,—сила, съ которою каждому надобно было считаться; въ этомъ храмѣ дѣйствительно обитало божество, передъ которымъ каждый преклонялся. Вниманіе всѣхъ было обращено туда, къ этому дѣйствительному средоточію силы и власти. Но послѣ Людовика XIV дворъ потерялъ это значеніе, это обаяніе; отъ него мало-по-малу начали отворачиваться, и то, что прежде было сосредоточено здѣсь, раздѣлилось на нѣсколько круговъ, которые размножались все болѣе и болѣе. Въмѣсто одного двора явилось много дворовъ. Явилось нѣсколько кружковъ, нѣсколько салоновъ, гдѣ сходились, чтобы свободно и весело провести время; національная страсть играть роль, блистать, овладѣвать вниманіемъ, нравиться—получила полную возможность развиваться. Но чѣмъ же блистать, возбуждать вниманіе, нравиться? Движеніе прекратилось: нѣтъ больше религіозной борьбы; нѣтъ болѣе борьбы партій, вслѣдствіе честолюбивыхъ стремленій принцовъ крови, могущественныхъ вельможъ; нѣтъ болѣе такихъ сильныхъ лицъ, которыя, привязавшись къ народному неудовольствію, могли поднять движеніе въ родѣ фронды; нѣтъ болѣе того сильного внутренняго и особенно военнаго движенія, какое было поднято великимъ королемъ и такъ поразило воображеніе народа, такъ заняло его вниманіе; нѣтъ и тѣхъ печальныхъ, страшныхъ минутъ, какія пережила Франція въ послѣднее время Людовика XIV. Нѣтъ жизни, нѣтъ движенія, нѣтъ серьезныхъ вопросовъ, къ рѣшенію которыхъ призывалось бы общество. Дѣлать нечего, да и говорить серьезнаго нечего,—говорить такъ, чтобы слово переходило непосредственно въ дѣло. Оставалось относиться враждебно къ этому недостатку жизни и движенія, къ этому отсутствію интересовъ; но и здѣсь серьезное отношеніе, вдумываніе въ причины зла и придумываніе средствъ къ его исправленію возможны были лишь

для немногихъ; для большинства же непріязненное отношеніе къ настоящему должно было выражаться въ насмѣшкѣ надъ нимъ, которой помогаль и складъ французскаго ума и самая постановка окружающихъ явленій, гдѣ форма не соотвѣтствовала болѣе содержанію, дѣла не соотвѣтствовали значенію лицъ, ихъ совершавшихъ, а такое несоотвѣтствіе именно и возбуждаетъ насмѣшку. Такимъ образомъ большинство, праздно отъ серьезной мысли и дѣла, осуждено было забавляться на счетъ настоящаго насмѣшками надъ нимъ; люди, которые хотѣли выказаться, блистать, обращать на себя вниманіе, должны были забавлять именно этимъ средствомъ, и вотъ выѣстъ съ салонностію, людскостію, изяществомъ манеръ развилось остроуміе, становившееся синонимомъ злоязычія. Остроуміе не щадило ничего. Мы знаемъ, въ какомъ періодѣ находилось французское общество съ эпохи возрожденія—съ эпохи развитія ума на счетъ чувства; уже шелъ третій вѣкъ, какъ умъ новыхъ европейскихъ народовъ, возбужденный къ дѣятельности расширеніемъ сферы знанія, возбужденный силою древней мысли, сталъ критически относиться къ тому, чѣмъ до сихъ поръ жилось, во что вѣрилось: съ этого времени, времени поклоненія чуждому генію, генію древности, столь могущественному, такъ поразившему воображеніе памятниками искусства и мысли, начинается отрицательное отношеніе къ своему—къ своему прошедшему, къ среднимъ вѣкамъ, изъ которыхъ вытекло настоящее, отрицательное отношеніе, къ своему періоду чувства, къ религіозному чувству, господствовавшему въ этотъ періодъ, и къ результатамъ этого господства. Враждебность начала, стремившагося господствовать, къ прежде господствовавшему началу, мысли къ чувству выказывалось очевидно; все, что напоминало чувство, основывалось на немъ, происходило отъ него,—все это было объявлено предразсудкомъ. Предразсудкомъ являлось все прежнее и потому подлежало уничтоженію; послѣ этого уничтоженія долженъ былъ явиться новый міръ отношеній человѣческихъ, основанный на законахъ и требованіяхъ одного разума человѣческаго. Понятно, что, несмотря на такое одностороннее направленіе французскаго общества въ описываемое время, въ немъ были люди дѣльные, которые понимали, къ чему ведетъ такая односторонность; но ихъ голосъ былъ голосомъ въ пустыни. Такъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ министровъ Людовика XV, Даржансонъ, оставилъ намъ о своемъ времени слѣдующія любо-

пытныя строки: «сердце есть способность, которая исчезаетъ въ насъ каждый день по недостатку упражненія, тогда какъ умъ все болѣе и болѣе обтачивается и заостривается. Мы становимся существами исключительно составленными изъ одного ума ...; но, вслѣдствіе исчезновенія способностей, идущихъ отъ сердца, Франція погибнетъ, я это предсказываю. У насъ нѣтъ болѣе друзей, мы равнодушны къ любимой женщинѣ, какъ же мы будемъ любить отечество?... Мы каждый день теряемъ прекрасную часть самихъ себя—ту, которую называютъ чувствительностію.... Любовь, потребность любить исчезаютъ съ земли... Разсчеты интереса поглощаютъ теперь всѣ минуты; все посвящено интригамъ... Внутренній огонь погасаетъ, по недостатку питанія. Мы страдаемъ параличомъ сердца... Тридцать лѣтъ наблюдаю я постепенное ослабленіе любви и предсказываю ея скорое уничтоженіе».

Понятно, что такое направленіе общественной мысли должно было отразиться въ общественномъ словѣ, въ литературѣ, и здѣсь самымъ виднымъ, самымъ блестящимъ выразителемъ господствующаго настроенія явился Вольтеръ. По воспитанію своему Вольтеръ принадлежалъ къ тому темному направленію въ нравственной жизни французскаго общества, которое выражалось въ поклоненіи доброй матери-природѣ и которое встрѣтило сопротивленіе въ яansenизмѣ, въ сильномъ церковно-литературномъ движеніи при Людовикѣ XIV, въ религіозности великаго короля,—встрѣтило сопротивленіе, но не исчезло, продолжало жить втихомолку, дожидаясь своего времени. Въ самомъ нѣжномъ возрастѣ Вольтеръ уже напитался невѣріемъ, и человѣкъ, который накормилъ его этою пищею, былъ аббатъ. Тотъ же аббатъ ввелъ его къ знаменитой жрицѣ «доброй матери природы», Нинонѣ Ланкло, которая сейчасъ же увидала, что отъ мальчика будетъ прокъ, и назначила ему стипендію на покупку книгъ. Вольтеръ окончилъ свое образованіе въ іезуитской школѣ и тѣмъ же добрымъ аббатомъ былъ введенъ въ разныя общества поклонниковъ «доброй матери природы», гдѣ и довершилъ свое воспитаніе. Въ то самое время, какъ Людовикъ XIV сходитъ въ могилу, Вольтеръ, представитель другого могущества, начинаетъ дѣйствовать. Онъ начинаетъ легкими сатирическими стихками, и эти проказы молодости сейчасъ же ведутъ его къ столкновенію со властію: его сначала высылаютъ изъ Парижа, потомъ сажаютъ въ Бастилію—и на этотъ разъ

понапрасну, потому что безъ изслѣдованія приписываютъ ему стихи противъ покойнаго короля, вовсе не имъ написанные. Освободившись изъ Бастилли, 24 лѣтъ, онъ ставитъ на театрѣ свою первую пьесу «Эдипъ», возбуждвшую сильное вниманіе и начавшую новую эпоху во французской и въ европейской литературѣ. Время чистаго искусства—время Корнеля и Расина прошло для Франціи. Мы видѣли, какъ въ Англіи политическія идеи вторглись въ область искусства, какъ политическія партіи въ стихахъ поэта, произносимыхъ со сцены, въ рѣчахъ римлянъ, выведенныхъ имъ въ свой піесѣ, видѣли указанія на борьбу политическихъ партій въ Англіи. Теперь то же самое видимъ и во французской литературѣ. Мысли, которыя занимаютъ общество, которыя составляютъ предметъ разговоровъ въ гостинныхъ, входятъ въ литературу, въ публичное слово; разумѣется, въ публичномъ словѣ онѣ не могли высказываться въ тогдашней Франціи съ полною свободою,—онѣ должны были являться въ видѣ намековъ; сочиненія же, въ которыхъ онѣ высказывались съ полною свободою, или ходили въ рукописяхъ, или печатались за границую. То сочиненіе могло рассчитывать на вѣрный успѣхъ, гдѣ общество встрѣчало мысли, которыя его занимали, а сочиненія Вольтера наполнены этими мыслями или намеками на нихъ. То, что въ гостинныхъ и кафе, вошедшихъ тогда въ моду, высказывалось отрывочно, смутно, то даровитый авторъ обрабатывалъ въ стройное цѣлое, уяснял примѣрами, излагалъ увлекательно, остроумно, не глубоко, но легко, общедоступно: что было предметомъ сильныхъ желаній, что могло откровенно высказываться въ своемъ кружкѣ, въ стѣнахъ гостинной, то вдругъ слышали произносимымъ въ звучномъ стихѣ при многочисленной публикѣ, на театральной сценѣ. Впечатленіе было громадное, и авторъ пріобрѣталъ чрезвычайную популярность, общество было благодарно своему вѣрному слугѣ, глашатаю своихъ мыслей и желаній, удивлялось его смѣлости, геройству, рѣшимости публично высказывать то, о чемъ другіе говорили только втихомолку. Успѣхъ Вольтера былъ обезпеченъ тѣмъ, что онъ явился вѣрнымъ слугою направленія, которое брало верхъ, для большинства было моднымъ, явился проповѣдникомъ царства разума человѣческаго и потому заклятымъ врагомъ, порицателемъ того времени, въ которое господствовало чувство, заклятымъ врагомъ духовенства, христіанства, всякой положительной религіи. Въ «Эдипѣ» поклонники разума уже ру-

коплексаки знаменитымъ стихамъ, въ которыхъ подъ языческими жрецами ясно выставлялось современное духовенство: «Наши жрецы вовсе не то, что простой народъ о нихъ думать, — наше легковѣріе составляетъ всю ихъ мудрость». Что въ театральной піесѣ являлось только намекомъ, то высказано было прямо авторомъ въ стихотворномъ «Посланіи къ Ураніи». Змѣй подползаетъ къ женщинѣ и обдаётъ ее хулами на все то, что она привыкла считать святымъ, что особенно было потребно ея сердцу; искуситель ловко, остроумно подбираетъ черты, которыя особенно могутъ озадачить неопытное существо; онъ не требуетъ отъ нея, чтобъ она перестала вѣрить, но чтобъ отвергла только положительную религію и избрала другую — естественную, которую Всемогуцій начерталъ въ глубинѣ ея сердца.

Но сочиненія, подобныя «Посланію къ Ураніи», могли ходить только въ рукописи, что давало мало извѣстности автору. Вольтеръ пишетъ поэму изъ новаго времени съ классическою обстановкою, что было неприятнымъ анахронизмомъ; но для автора форма не была главнымъ дѣломъ: ему нужно было подъ прикрытіемъ провести свои любимыя мысли, свои выходки противъ духовенства, противъ фанатизма, заклеить людей, для которыхъ религіозный интересъ былъ выше всего, прославить человѣка, знаменитаго своимъ равнодушіемъ къ вѣрѣ, три раза по обстоятельствамъ ее перемѣнявшаго. Герой поэмы — Генрихъ IV. Еще при жизни послѣдняго Валуа Генрихъ отправляется посломъ къ англійской королевѣ Елисаветѣ, потому что французскій Эней долженъ рассказать англійской Дидонѣ исторію религіозной борьбы во Франціи, гдѣ онъ долженъ объявить, что одинаково равнодушенъ къ католицизму и протестантизму и сдѣлать сильную выходку противъ религіозной ревности: «безчеловѣчная религіозная ревность заставила всѣхъ французовъ взяться за оружіе. Я не отдаю предпочтенія ни Женевѣ, ни Риму, — и съ той и съ другой стороны я видѣлъ обманъ и неистовство. Моя обязанность защищать государство, а небо пусть само мститъ за себя. Да погибнетъ навсегда гнусная политика, которая захватываетъ деспотическую власть надъ сердцами, которая хочетъ обращать смертныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, которая орошаетъ алтари кровію еретиковъ». Герой-проповѣдникъ религіознаго равнодушія ведетъ борьбу съ адскимъ чудовищемъ, «самымъ жестокимъ тираномъ царства тѣней» — съ фанатизмомъ, при описаніи дѣй-

ствій котораго авторъ истоцаетъ все свое искусство, и конецъ поэмы—торжество Генриха IV надъ фанатизмомъ.

Вольтеръ приобрѣталъ день ото дня болѣе знаменитости; общество нашло въ немъ блестящаго, остроумнаго выразителя мыслей, взглядовъ, бывшихъ въ ходу, а такъ какъ писатель нисколько не рознился въ немъ съ человѣкомъ, такъ какъ авторъ Эдипа и Генриады былъ блестящимъ и остроумнымъ собесѣдникомъ, то понятно, что онъ былъ желаннымъ гостемъ въ модныхъ гостиныхъ. Чтобъ яснѣе понять связь между писателемъ и обществомъ, мы обратимся къ тому же внимательному наблюдателю, слова котораго объ ослабленіи чувства мы уже прежде привели. Даржансонъ замѣчаетъ, что «общество сильно измѣнилось противъ прежняго, что оно отказалось отъ пьянства, предоставивъ его ремесленникамъ и лакеямъ, и вообще нравы смягчились самымъ очевиднымъ образомъ. Меньше клянутся, не богохульничаютъ хладнокровно и съ сердечною радостію, говорятъ тише и спокойнѣе, не злословятъ ближняго съ яростію и злобою, боятся послѣдствій, стали осторожны, избѣгаютъ и легкихъ столкновений изъ страха, чтобъ они не превратились въ серьезныя ссоры. Быть-можетъ (сознаемся въ тихомолку), мы стали потрусливѣе; но когда кто, по несчастію, трусливъ, то лучшее средство не казаться трусливымъ—это избавиться столкновений, а для этого надобно предвидѣть ихъ издалека. Наши предки были безспорно храбры и отважны, но мы гораздо общительнѣе ихъ. Между нами бываютъ только легкія перебранки, насмѣшки, которыя легко переносятся, когда умѣютъ на нихъ отвѣчать. Встарину мы пожирали другъ друга, какъ львы и тигры; теперь мы играемъ другъ съ другомъ, какъ молодыя собачки, которыя слегка покусываютъ, или хорошенькія кошечки, которыхъ царапанья никогда не бываютъ смертельны. Мы отказались отъ многихъ дикостей, отъ пустаго волокитства, отъ славы успѣха съ женщинами. Не знаю, выиграла ли отъ этого нравственность, потому что, съ другой стороны, бросились въ развратъ съ потерянными женщинами. По крайней мѣрѣ въ этихъ непродолжительныхъ связяхъ нашли больше свободы, больше спокойствія духа; дѣйствительно, издержки здѣсь не такъ велики. Теперь расточительность такая же, какъ и прежде, но предметы роскоши другіе, болѣе издерживаютъ на удовольствія, на опрятность, на приличіе, отказались отъ позолоты, отъ вышитаго платья и т. п. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ публика не обнаруживала ника-

кого любопытства относительно государственныхъ дѣлъ. Теперь всякій читаетъ «Парижскую Газету», даже въ провинціяхъ. Толкуютъ вкось и вкривь о политикѣ, но толкуютъ. Англійская свобода получила къ намъ доступъ, болѣе наблюдаютъ за тиранствомъ; оно, по крайней мѣрѣ, обязано теперь скрывать свои ходы и говорить другимъ языкомъ».... Но что касается языка общества, то Даржансонъ не можетъ указать здѣсь ничего утѣшительнаго. «Разговоръ состоитъ въ однѣхъ эпиграммахъ, въ смѣшныхъ исторійкахъ, въ злостныхъ выходкахъ, иногда въ присутствіи заинтересованныхъ лицъ. Жалуются, что нѣтъ болѣе разговора во Франціи въ наши дни, и я знаю причину: терпѣніе слушать уменьшается съ каждымъ днемъ у нашихъ современниковъ. Слушаютъ плохо, или, лучше сказать, вовсе не слушаютъ. Кто-нибудь меня спрашиваетъ, я ему добросовѣстно отвѣчаю, а онъ уже завязалъ разговоръ съ другимъ. Только слышны общія мѣста, фразы не идущія къ дѣлу, которыя, возбуждая сомнѣніе, отдаляютъ отъ истины: всѣми овладѣла лѣнь разсуждать, потому что потеряна привычка слушать; неодолимые предрассудки, презрѣніе ко всему, неразумная критика—вотъ вѣкъ! Слушайте щебетанье птицъ въ рощѣ, которыя поютъ всѣ разомъ. Часто я бываю гораздо уединеннѣе въ обществѣ, чѣмъ въ своемъ кабинетѣ съ книгами. Хотите вы исчерпать предметъ въ разговорѣ, развить подробно извѣстную мысль,—ждите перерывовъ, криковъ, всего того, что отзывается дурнымъ обществомъ и что въ наше время допущено въ лучшее. И нечего оскорбляться; я видѣлъ такое вавилонское смѣшеніе у самого короля: самъ король не могъ сказать слова,—его ежеминутно прерывали. Наши умники отличаются такою злостью, что находятъ удовольствіе только въ бѣдствіи ближняго и въ смутѣ рода человѣческаго. Я говорилъ одному моему пріятелю, отличавшемуся въ этомъ сатирическомъ родѣ хорошаго тона: «Какъ мнѣ васъ жаль! Когда вы хотя разъ посмотрите на что-нибудь съ удовольствіемъ?» Дѣло въ томъ, что чѣмъ невѣжественнѣе становится вѣкъ, тѣмъ сильнѣе становится въ немъ привычка все критиковать. Никогда такъ мало не читали, какъ теперь, никогда менѣе серьезно не занимались изученіемъ исторіи и литературы; никогда такъ поспѣшно не произносили своего суда надъ людьми и явленіями. Знаніе стремится узнавать все болѣе и болѣе; невѣжество относится ко всему съ презрѣніемъ и невниманіемъ. Такъ вотъ до чего мы дошли во Франціи.

Занавѣсъ опускается, зрѣлище исчезаетъ, слышатся одни свистки. Скоро у насъ не будетъ ни краснорѣчивыхъ собесѣдниковъ въ обществѣ, ни трагическихъ и политическихъ авторовъ, ни музыки, ни живописи, ни архитектуры,—будетъ одна критика повсюду. Теперь появляется болѣе періодическихъ изданій, чѣмъ новыхъ книгъ. У сатиры нѣтъ болѣе пищи во рту, но она все жусть».

Допустивъ даже нѣкоторыя преувеличенія, нѣкоторую густоту красокъ, мы должны признать, что сущность господствовавшего тогда во французскомъ обществѣ направленія указана вѣрно Даржансономъ, вѣрно указана эта привычка, эта мода отрицательно относиться ко всему, господство легкой, поверхностной критики и отсутствіе критики серьезной, серьезнаго, строгаго вопроса каждому явленію; для такой критики у большинства, у толпы не было средствъ, и она тѣшилась злоязычіемъ, балаганною критикою, глумленіемъ надъ тѣмъ, предъ чѣмъ прежде преклонялась: толпа тѣшилась свободою отъ авторитетовъ, свободою отъ обязанности слушать и слушаться и, разумѣется, съ восторгомъ привѣтствовала блестящаго писателя, который такъ вѣрно служилъ модному направленію, разрушенію авторитетовъ, глумленію надъ предметами прежняго поклоненія.

Но въ обществѣ, среди котораго вращался Вольтеръ и модному направленію котораго такъ усердно служилъ,—въ этомъ обществѣ, какъ обыкновенно бываетъ въ переходныя времена, существовало двувѣріе—поклоненіе старымъ и новымъ богамъ. Люди, которые служили новому направленію, вопили противъ старыхъ предразсудковъ, охотно обращались къ этимъ предразсудкамъ, къ старымъ средствамъ, когда это было имъ выгодно, служило для удовлетворенія ихъ страстей. Вольтеръ испыталъ это на себѣ. Привыкнувъ къ дружескому обращенію людей знатныхъ, онъ думалъ, что старые предразсудки дѣйствительно исчезли и водворилось полное равенство между людьми знатными по таланту и знаменитыми по происхожденію. Столкнувшись въ чемъ-то съ кавалеромъ Роганъ-Шабо, онъ отдѣлалъ его колкими словами; тотъ, не умѣя сражаться такимъ же оружіемъ, вспомнилъ старыя преданія о томъ, какъ знатные люди отдѣлывали грубыхъ мужиковъ. Однажды, когда Вольтеръ обѣдалъ у герцога Сюлли, Роганъ вызвалъ его подъ какимъ-то предлогомъ на улицу, гдѣ лакеи Рогана бросились на него и избили. Вольтеръ вызвалъ его на дуэль, но Роганъ предпо-

челъ отдѣлаться отъ дерзкаго мужика административнымъ порядкомъ и выхлопоталъ у правительства приказъ посадить Вольтера въ Бастилію, и хотя чрезъ нѣсколько времени его выпустили оттуда, но съ приказаніемъ оставить Парижъ. Вольтеръ уѣхалъ въ Англію.

Даржансонъ видитъ во французскомъ обществѣ своего времени явные признаки англійскаго вліянія. Французы, въ своихъ стремленіяхъ, начавшихся по смерти Людовика XIV, волею-неволею, безпрестанно обращались къ знаменитому острову, о свободныхъ учрежденіяхъ и богатствѣ котораго рассказывали чудеса: все это сильно должно было подстрекать бѣдныхъ свободою и деньгами французовъ. Самый громкій глашатай общественныхъ стремленій, Вольтеръ, рано долженъ былъ высказать свое сочувствіе къ Англіи. Мы видѣли, что онъ въ своей поэмѣ отправляетъ Генриха Бурбона въ Англію, чтобы заставить его рассказать королевѣ Елисаветѣ о Варооломеевской ночи, какъ Эней рассказывалъ Дидонѣ о разрушеніи Трои. Но по этому поводу авторъ высказываетъ свои мысли, т. е. мысли своего общества, объ Англіи. Онъ говоритъ, что «Елисавета заставила неукротимаго англичанина полюбить свою власть, — англичанина, который не умѣетъ ни рабствовать, ни жить въ свободѣ». Это выраженіе, которое такъ шло къ французамъ, особенно послѣ 1789 года, въ первой четверти XVIII вѣка французскій поэтъ употребляетъ относительно англичанъ; недавнія революціонныя волненія на островѣ и не оконченная борьба между двумя династіями давали ему на это право. Тутъ же Вольтеръ распространяется о богатствѣ и могуществѣ Англіи: ея луга покрыты безчисленными стадами, ея житницы наполнены хлѣбомъ, моря покрыты ея кораблями; ея боятся на сушѣ, она царитъ на водахъ. Лондонъ, нѣкогда городъ варварскій, теперь сталъ средоточіемъ искусствъ, магазиномъ міра и храмомъ Марса; но единственная причина изобилія, царствующаго въ этомъ неизмѣримомъ городѣ, — свобода; въ стѣнахъ Вестминстера являются вмѣстѣ три власти, удивленные своимъ союзомъ: депутаты народа, вельможи и король, раздѣленные интересами, соединенные закономъ, три священные члена непобѣдимаго тѣла, опаснаго самому себѣ, страшнаго сосѣдямъ». Такимъ образомъ Вольтеръ, прежде своей высылки изъ Франціи, былъ предубѣжденъ въ пользу Англіи вмѣстѣ со всею французскимъ обществомъ, въ средѣ котораго вращался; Англія слѣдовательно не могла пора-

зять его противоположностію своего государственнаго быта быту Франціи. Пребываніе Вольтера въ Англіи было важно въ исторіи его дѣятельности тѣмъ, что онъ поближе познакомился съ ученіемъ поклонниковъ разума человѣческаго или такъ-называемыхъ деистовъ, Локка съ товарищами, и по возвращеніи изъ Англіи популяризировалъ это ученіе для Франціи и для цѣлой Европы. Понятно, что въ этой усиленной, теперь систематической проповѣди поклоненія разуму, слѣдовательно проповѣди противъ господствовавшаго въ средніе вѣка начала, чувства религіознаго, Вольтеръ долженъ былъ напасть на авторитетъ, стоявшій ему на дорогѣ,—авторитетъ Паскаля; но этого мало: въ своемъ увлеченіи проповѣдью поклоненія разуму онъ наругался надъ самымъ священнымъ явленіемъ французской исторіи, потому что это явленіе выходило изъ области религіознаго чувства,—наругался надъ Орлеанскою дѣвственницею. Знаменитая «Pucelle» была знакомъ полнаго разрыва новой Франціи, поклоняющейся разуму, съ древнею Франціею, служившей религіозному чувству,—разрыва, совершеннаго со всѣмъ увлеченіемъ и легкостію французской природы.

С. Соловьевъ.

О Ч Е Р К И

НОВѢЙШЕЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Манцони и его романъ: «Обрученные» *).

III.

Ломбардія еще находилась подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ исууга и разоренья, вслѣдствіе прихода императорской арміи, какъ на горизонтѣ ея начала собираться новая и еще болѣе страшная гроза въ видѣ чумы. Голодъ положилъ первые ея зародыши, а нѣмецкія войска окончательно внесли ее въ предѣлы Италиі.

Ренцо дѣлается одной изъ первыхъ жертвъ ея, но счастливо избѣгаетъ смерти. Тоска по Лучи и безпокойство о ней сильнѣе, нежели когда-либо, овладѣваютъ имъ, и онъ, едва оправясь, рѣшается идти отыскивать ее въ Миланъ. Бездѣйствіе, близкое къ отчаянію, въ какое впали народъ и власти по случаю страшной смертности, свирѣпствовавшей въ Ломбардіи, давало ему возможность проникнуть туда не замѣченнымъ.

Ренцо зналъ, что для впуска въ городъ существовали строгія правила. Отъ каждаго, идущаго въ Миланъ, требовалось, чтобъ онъ былъ снабженъ свидѣтельствомъ о здоровьѣ. Но онъ слышалъ также, что если съ ловкостью и умѣньемъ пользоваться случаемъ, то легко было обойтись безъ всякихъ формальностей. И это была совершенная правда. Оставляя въ сторонѣ общія причины, вслѣдствіе которыхъ въ то время всѣ предписанія

*) «Бесѣда», №№ 9 и 10.

плохо выполнялись, — и частныя, дѣлавшія чрезвычайно затруднительнымъ ихъ точное выполненіе въ данномъ случаѣ, укажемъ только на слѣдующее: Миланъ находился въ такомъ положеніи, въ какомъ его не зачѣмъ и не отъ кого было охранять. Тотъ, кто шелъ въ него, показывалъ гораздо большее пренебреженіе къ собственному здоровью, нежели желаніе вредить здоровью другихъ.

Ренцо порѣшилъ, что попытается войти въ первые ворота, на которые наткнется. Если же это ему не удастся, онъ будетъ продолжать путь вдоль наружной стороны городской стѣны, пока не найдетъ другаго, менѣе бдительно охраняемаго входа.

Дойдя до стѣны, Ренцо остановился, озираясь вокругъ, какъ человекъ, который, не зная мѣстности, совѣтуется съ каждымъ изъ окружающихъ его предметовъ. Направо и налево тянулись двѣ кривыя дороги, прямо возвышалась стѣна: нигдѣ и признаковъ человекъ. Только въ одномъ мѣстѣ, въ тяжеломъ, неподвижномъ воздухѣ струилась колонна чернаго и густаго дыма, который, подымаясь вверхъ, медленно растилался и постепенно исчезалъ на горизонтѣ. То сжигались одежда, кровати и разныя другія вещи, принадлежавшія зачумленнымъ. Такаго рода печальные костры горѣли не въ одномъ только этомъ, но и во многихъ другихъ мѣстахъ вдоль городскихъ стѣнъ.

Погода была пасмурная, атмосфера давила; небо казалось покрытымъ однимъ громаднымъ облакомъ, или, лучше сказать, туманною завѣсой, которая, скрывая солнце, не обѣщала дождя. Вся окрестность имѣла видъ невоздѣланной, обожженной пустыни; трава утратила всякую свѣжесть и на увядшихъ, поникшихъ листьяхъ не видѣлось ни капли росы. Это запустѣніе, это безмолвіе въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ большимъ городомъ навѣяло на Ренцо новую тоску и облекло во мракъ всѣ его мысли.

Онъ наудачу взялъ вправо и, самъ того не зная, пошелъ по направленію къ *Porta Nuova*, которую, несмотря на близость ея, не могъ видѣть за скрывавшимъ ее валомъ. Еще нѣсколько шаговъ, и слуха его коснулся звонъ колокольчиковъ, которые то умолкали, то снова принимались звенѣть: по временамъ раздавались также и человѣческіе голоса. Ренцо обогнулъ валъ, и глазамъ его прежде всего представилась деревян-

ная будка, а на порогѣ ея часовой, небрежно и съ утомленнымъ видомъ опиравшійся на мушкетъ. Сзади видѣлся часоколь, а за нимъ настѣжь раскрытые ворота. Проходъ между ними былъ занятъ носилками, на которые два монатти-*) укладывали одного бѣднаго больнаго, приготовляясь нести его въ лазаретъ. Это былъ таможенный начальникъ, у котораго обнаружилась чума. Ренцо остановился въ ожиданіи. Вскорѣ носилки двинулись, но ворота по-прежнему остались открытыми. Ренцо подумалъ, что это удобный случай, которымъ надо воспользоваться. Онъ быстро направился къ входу.—«Куда?» рѣзко окликнулъ его часовой. Ренцо остановился, окинулъ взглядомъ часоваго, вытащилъ изъ кармана полъ-дуката и показалъ ему его. Часовой, или имѣлъ уже чуму, или боялся ея менѣе, чѣмъ любилъ дукаты, только онъ сдѣлалъ Ренцо знакъ, чтобы тотъ бросилъ монету на землю. Увидя ее у своихъ ногъ, онъ тихо проговорилъ: «ступай скорѣй». Ренцо не заставилъ себя этого повторить, быстро миновалъ ворота и пошелъ впередъ. Никто болѣе не обратилъ на него вниманія. Разъ только одинъ таможенный надсмотрщикъ крикнулъ было ему второе: «Куда?», но Ренцо сдѣлалъ видъ, будто ничего не слышитъ, и не оборачивая головы только ускорилъ шагъ. «Куда?» еще разъ повторялъ надсмотрщикъ голосомъ, въ которомъ слышалось нетерпѣніе, но весьма мало желанія заставить себя повиноваться. Дѣйствительно, видя, что его не слушаютъ, онъ пожалъ плечами и вернулся въ будку, съ видомъ человѣка, который гораздо болѣе заботится о томъ, чтобы не прикасаться къ прохожимъ, чѣмъ любопытствуетъ объ ихъ дѣлахъ.

Улица, по которой направился Ренцо, тогда, какъ и теперь, вела прямо къ каналу Naviglio. Съ обѣихъ сторонъ ея возвышались заборы, стѣны, монастыри и церкви, но ни одного дома. Въ концѣ этой улицы и вдоль набережной возвышалась колонна съ крестомъ на вершинѣ. Сколько Ренцо ни смотрѣлъ, онъ ничего не видѣлъ передъ собой, кромѣ этого креста. На перекресткѣ онъ остановился въ раздумьи, куда ему повернуть: направо, или налево. Вдругъ, направо, въ улицѣ св. Терезіи, показался человѣкъ. «Наконецъ-то, хоть

*) Такъ назывались обще званые служители, на которыхъ лежала обязанность отводить больныхъ въ лазаретъ, убирать и хоронить трупы и сжигать зачумленные вещи.

одна христіанская душа!» подумалъ Ренцо и быстро пошелъ ему на встрѣчу въ надеждѣ узнать отъ него дорогу. Тотъ, въ свою очередь, увидѣвъ Ренцо еще издали, началъ подозрительно осматривать его. Ренцо, подойдя поближе, учтиво снялъ шляпу и, держа ее въ лѣвой рукѣ, правую сунулъ въ нее, а самъ ускорилъ шагъ. Незнакомецъ въ смущеніи отступилъ назадъ. Онъ испуганно вытаращилъ глаза и, поднявъ толстую, суковатую палку съ желѣзнымъ остриемъ на концѣ, направилъ ее прямо въ грудь Ренцо и во все горло закричалъ: «Прочь, прочь, прочь!»

«Ай-да!», вмѣсто отвѣта, воскликнулъ Ренцо, надѣлъ шляпу и пошелъ дальше, не чувствуя, какъ онъ рассказывалъ послѣ, ни малѣйшаго желанія вступать съ этимъ безумцемъ въ дальнѣйшія объясненія.

Незнакомецъ, между тѣмъ, дрожа отъ страха и ежеминутно оборачиваясь, поспѣшилъ въ свой домъ. Прийдя, онъ рассказывалъ, что ему повстрѣчался отравитель, который шелъ прямо на него съ смиреннымъ видомъ, но съ неприятнымъ, фальшивымъ выраженіемъ лица. Онъ держалъ въ шляпѣ коробочку съ мазью, или свертокъ съ порошкомъ—этого нельзя было рассмотреть—и явно готовился сыграть съ нимъ, незнакомцемъ, северную штуку. Но онъ, къ счастью, сумѣлъ остановить его во-время. «Подойди онъ ко мнѣ еще только на одинъ шагъ», прибавлялъ рассказчикъ, я прокололъ бы его, негодяя, насквозь, прежде чѣмъ онъ успѣлъ бы нанести мнѣ вредъ. Къ несчастію, мы встрѣтились въ уединенномъ мѣстѣ. Будь это въ центрѣ Милана, я поднялъ бы крикъ, собралъ толпу и, съ помощію ея, остановилъ бы бездѣльника. У него въ шляпѣ, навѣрное, нашлось бы ядовитое зелье. Но съ глазу на глазъ—что я могъ сдѣлать? Поневолѣ пришлось только напугать его хорошенько. Иначе, пожалуй, мнѣ и самому не сдобровать бы. Долго ли пустить въ воздухъ щепотку порошку: эти мерзавцы обладаютъ удивительною снаровкой. Теперь онъ себѣ гуляетъ по Милану,—одному Богу извѣстно, на гибель сколькимъ людямъ». И до конца своей жизни, который насталъ еще не скоро послѣ того, незнакомецъ всякій разъ, какъ заходила рѣчь объ отравителяхъ, повторялъ свой рассказъ и въ заключеніе прибавлялъ: «Уже не при мнѣ бы говорили, что отравителей вовсе не было: подобныя вещи надо самому видѣть».

Ренцо, не подозрѣвая, какой опасности избѣжалъ, шелъ и

думалъ о странномъ обращеніи съ нимъ незнакомца. Онъ почти угадывалъ причину его страха, но она казалась ему до того нелѣпа и лишена всякаго основанія, что онъ не замедлилъ съчесть незнакомца за сумашедшаго. «Плохое начало!» подумалъ онъ при этомъ. «Не везетъ мнѣ что-то въ Миланѣ. Пока дѣло идетъ о томъ, чтобы попасть въ него, у меня все катится какъ по маслу; но какъ только я тамъ, то на каждомъ шагу встрѣчаю непріятности. Впрочемъ, если, съ Божіей помощью, мнѣ удастся найти.... ну, тогда все выпочемъ».

У моста Ренцо, не думая долго, повернулъ въ улицу св. Марка, по справедливости полагая, что она приведетъ его въ центръ города. Дорогой онъ все осматривался, въ надеждѣ увидѣть, наконецъ, хоть одно человѣческое существо. Но напрасно. Онъ только разъ наткнулся на обезображенный трущъ въ канавѣ. Немного спустя, ему вдругъ показалось, что его кто-то кличетъ. Оглянувшись, онъ увидѣлъ, по близости, уединенно стоявшій домикъ, а на балконѣ его женщину, окруженную дѣтьми. Ренцо почти бѣгомъ бросился къ ней.

— Добрый молодой человѣкъ, сказала женщина, — ради вашихъ умершихъ, окажите мнѣ милость: увѣдомьте городское начальство, что мы здѣсь забыты. Мой мужъ умеръ чумой, и насъ здѣсь заперли, какъ подозрительныхъ. Вы сами видите: наша дверь заколочена и со вчерашняго утра вамъ болѣе не приносятъ пищи. Въ теченіе всего этого времени здѣсь не прошла ни одна живая душа, и эти бѣдные дѣти умираютъ съ голоду.

— Съ голоду! воскликнулъ Ренцо и вытащилъ изъ кармана два маленькіе хлѣбца, которые взялъ про запасъ. — Вотъ вамъ, возьмите! Спустите мнѣ сюда что-нибудь, во что бы я могъ ихъ положить.

— Сейчасъ, сейчасъ! Да воздастъ вамъ за то Господь столицею, проговорила женщина и исчезла, а черезъ минуту вернулась съ корзинкой и съ веревкой.

Ренцо положилъ хлѣбъ въ корзинку и сказалъ: «Что касается городского начальства, то я не знаю, удастся ли мнѣ его увѣдомить о васъ. Я, сказать правду, не здѣшній и ничего не знаю въ Миланѣ. Впрочемъ, если я встрѣчу кого-нибудь, кто еще не совсѣмъ спятилъ съ ума отъ страха, то я передамъ ему ваше порученіе».

Женщина попросила его сдѣлать такъ и назвала свою улицу.

— А вы, возразилъ Ренцо, — съ своей стороны можете оказать мнѣ услугу, которая, впрочемъ, не будетъ вамъ стоить никакого труда. Не знаете ли вы, гдѣ находится домъ ***?

— Я знаю, что такой домъ дѣйствительно есть въ Миланѣ, отвѣчала женщина, — но гдѣ именно, не умѣю вамъ сказать. Идите все прямо, а тамъ встрѣтите кого-нибудь, кто вамъ укажетъ. Но не забудьте также сказать и о насъ.

— Будьте покойны, отвѣчалъ Ренцо и пошелъ дальше.

До него начали доходить звуки: стукъ колесъ, лошадиный топотъ, дребезжащій звонъ колокольчиковъ, а по временамъ щелканье бича, сопровождаемое громкими возгласами. Ренцо вглядывался вдаль, но ничего не видѣлъ. На площади св. Марка онъ вдругъ наткнулся на зловѣщаго вида предметъ. Передъ нимъ стояли два столба съ веревкой и блокомъ. Ренцо немедленно узналъ страшное орудіе пытки, которое въ то время составляло довольно обычное зрѣлище. Оно было воздвигнуто на всѣхъ площадяхъ и перекресткахъ, и депутаты каждаго квартала, облеченные безграничною властью, могли по произволу подвергать пыткѣ всякаго, кто, по ихъ мнѣнію, ее заслуживалъ. Въ число такихъ включались обыватели зараженныхъ домовъ, украдкой выходившіе на улицу, общественные служители, не исполняющіе своихъ обязанностей, и такъ далѣе. То была одна изъ тѣхъ сильныхъ, но совершенно бесполезныхъ мѣръ, къ какимъ вообще часто прибѣгали въ тѣ времена и особенно въ подобныхъ случаяхъ.

Пока Ренцо размаривалъ орудіе пытки и спрашивалъ себя, зачѣмъ оно тутъ находится, слышанный имъ еще прежде шумъ замѣтно усилился и приблизился. Вдругъ изъ-за угла церкви показался человѣкъ. Онъ держалъ въ рукахъ колокольчикъ и звонилъ. За нимъ, вытянувъ шею и тяжело ступая, плелись двѣ лошади, таща за собой дроги, на которыхъ была навалена куча мертвыхъ тѣлъ. За этими дрогами слѣдовали другія, еще другія, еще и еще. Рядомъ съ лошадьми шли монатти, понукая ихъ ударами бича, пинками и ругательствами. Тѣла, большею частью обнаженные, иныя едва прикрытыя лохмотьями, лежали безпорядочно паваленными одни на другія. Вся масса ихъ походила на группу змѣй, которыя медленно расправляютъ свои кольца, выходя грѣться на солнцѣ. При каждой остановкѣ, при каждомъ толчкѣ эта страшная громада приходила въ движеніе, тѣла трепетали. Головы начинали кивать, длинные волосы на женскихъ

трупахъ сами собой откидывались назадъ, руки скатывались внизъ и бились о колеса.

Ренцо, стоя въ углу площади, мысленно молился о душахъ этихъ чуждыхъ ему покойниковъ. Вдругъ страшная мысль, какъ молнія, сверкнула у него въ головѣ: «А что если вдругъ здѣсь.... вмѣстѣ со всѣми этими.... внизу, подъ ними.... О, Господи! Пусть это будетъ неправда! Избавь меня отъ подобныхъ мыслей!»

Печальная процессія скрылась. Ренцо продолжалъ путь, миновалъ площадь и повернулъ влѣво, руководствуясь въ выборѣ дороги единственно желаніемъ идти въ сторону противоположную той, въ которую направилась процессія. Такимъ образомъ онъ дошелъ до Borgo Nuovo, не переставая оглядываться по сторонамъ въ надеждѣ у кого-нибудь освѣдомиться о своемъ пути. Наконецъ, ему удалось примѣтить вдали монаха. Этотъ послѣдній стоялъ съ палкой въ рукѣ, приложивъ ухо къ полуоткрытой двери. Минуту спустя онъ поднялъ руку и благословилъ кого-то невидимаго. Ренцо изъ этого заключилъ, что монахъ принималъ чью-то исповѣдь, и подумалъ: «Вотъ этотъ мнѣ поможетъ. Если духовное лицо, въ минуту отправленія своихъ обязанностей, откажетъ нуждающемуся въ участіи и состраданіи, то придется повѣрить, что на землѣ нѣтъ больше добра».

Между тѣмъ монахъ, отойдя отъ двери, пошелъ по направленію къ Ренцо. Онъ видимо старался держаться середины улицы. Поравнявшись съ нимъ, Ренцо снялъ шляпу и сдѣлалъ знакъ, что хочетъ говорить. Въ то же время онъ остановился, давая этимъ понять, что не намѣренъ приближаться къ нему больше, чѣмъ это можетъ быть ему пріятно. Монахъ тоже остановился, готовый его слушать, но воткнулъ передъ собою въ землю палку, какъ бы съ цѣлью сдѣлать себѣ изъ нея защиту. Ренцо повторилъ свой вопросъ насчетъ дома, гдѣ надѣялся найти Лучію. Монахъ не только далъ ему удовлетворительный отвѣтъ, но еще, замѣтивъ, что онъ чужой, постарался, съ помощью разныхъ примѣтъ, какъ-то: церковей и крестовъ, да поворотовъ вправо и влѣво, объяснить, какъ ему легче попасть въ тѣ семь или восемь улицъ, которыя ему еще надлежало пройти. «Да сохратить васъ Богъ нынѣ и всегда», съ благодарностью произнесъ Ренцо и пошелъ далѣе.

Онъ вскорѣ вступилъ въ часть города, наиболѣе опустошенную страшною болѣзнью. Здѣсь чума свирѣпствовала съ особенною силой, и зараза, распространяемая въ воздухѣ не убран-

ными тѣлами, была такъ велика, что немногіе изъ оставшихся еще въ живыхъ обывателей принуждены были отсюда бѣжать и искать убѣжища въ другихъ улицахъ. Взоры путника, уже утомленные видомъ всеобщаго запустѣнія, тутъ еще на каждомъ шагу оскорблялись зрѣлищемъ разнаго рода нечистотъ — остатковъ недавно и въ-попыхахъ покинутаго жилья. Ренцо ускорилъ шаги, утѣшая себя мыслью, что цѣль его странствія еще не близка. Онъ надѣялся, что съ приближеніемъ къ ней хоть отчасти измѣнится эта тяжелая обстановка. Дѣйствительно, еще немного, и онъ вступилъ въ другую часть Милана, которая сравнительно могла быть названа городомъ живыхъ. Но что за городъ, что за жители! Въ большей части домовъ двери, ворота и всѣ выходы на улицу были крѣпко заперты изъ страха заразы. Тамъ, гдѣ они стояли настежь, никто не жилъ. Въ иныхъ двери были заколочены или запечатаны, вслѣдствіе поселившейся въ нихъ смерти или заразы. На нѣкоторыхъ видѣлся начертанный углемъ крестъ, служившій знакомъ для монатти, что тамъ есть мертвыя тѣла, которыя надо убрать. Повсюду валялись лохмотья, окровавленные, съ запекшеюся на нихъ кровью или гноемъ тряпки, оборванныя постели, а въ окнахъ развѣвались простыни или вѣрнѣе саваны. Мѣстами встрѣчались тѣла несчастныхъ, которыхъ смерть внезапно постигла на улицѣ или которые были вынесены туда въ ожиданіи монатти. Иные валялись тамъ, упавъ съ слишкомъ нагруженныхъ дрогъ или просто выброшенные изъ оконъ. Люди, доведенные до изступленія силой и упорствомъ заразы, казались, утратили всякое чувство приличія, любви и состраданія. Магазины были повсюду заперты; нигдѣ не слышалось ни шума отъ ѣзды, ни крика разнощиковъ, ни говора толпы. Изрѣдка только это томительное безмолвіе нарушалось стукомъ проѣзжавшихъ дрогъ, жалобами больныхъ, стонами умирающихъ; да грубыми, рѣзкими возгласами монатти. Утромъ, на зарѣ, въ полдень и вечеромъ, съ заходомъ солнца, большой соборный колоколъ возвѣщалъ часъ молитвы, нарочно для настоящаго случая составленной епископомъ. Колокола другихъ церквей откликались на этотъ призывный звонъ. Въ окнахъ тамъ и сямъ появлялись блѣдныя, печальныя лица, и начиналась общая молитва. Въ воздухъ поднимался смѣшанный гулъ голосовъ и стоновъ: то было выраженіе безграничной тоски и скорби, въ которой тѣмъ не менѣе звучала слабая доля утѣшенія.

Къ этому времени вымерло почти двѣ трети жителей. Большая часть остальныхъ или лежали больные, или удалились изъ города. Случайныхъ посѣтителей почти вовсе не было. Наружность тѣхъ, которые еще встрѣчались на улицахъ, непременно носила на себѣ отпечатокъ страшнаго переворота, происшедшаго въ общемъ ходѣ вещей. Знатные и богатые показывались въ народѣ безъ плащей и капюшоновъ, составлявшихъ въ то время отличительную принадлежность ихъ знанія; духовныя лица ходили безъ рясы и даже монахи безъ пелеринъ. Всѣ тщательно избѣгали тѣхъ частей одежды, которыя, развѣваясь, могли прикасаться къ находящимся на пути различнымъ предметамъ, или, чего болѣе всего боялись, облегчать дѣло отравителямъ. Въ каждомъ прохожемъ видѣлась одна забота: до послѣдней возможности уменьшить ширину и количество прикрывавшей его одежды. На остальную наружность не обращалось ни малѣйшаго вниманія. Борода у тѣхъ, кто ее носилъ прежде, становилась непомятно длина; другіе, прежде брившіе ее, теперь отпускали. Волосы, тоже не стриженные, у многихъ были всклокочены частью отъ проистекающаго изъ отчаянія нерадѣнія, частью изъ боязни сдѣлаться жертвой отравителя въ лицѣ цирюльника. Многіе изъ прохожихъ были вооружены палками, иные даже пистолетами, съ цѣлью защищаться отъ того, кто захотѣлъ бы слишкомъ къ нимъ ириблизиться. Почти всѣ носили съ собой благовонныя лепешки и металлическіе или деревянные шарики съ пустотой внутри, гдѣ хранился кусочекъ губки, пропитанной предохранительною отъ заразы жидкостью; ихъ часто подносили къ носу или постоянно тамъ держали. Нѣкоторые носили вокругъ шеи пузырьки съ ртутью, въ увѣренности, что она поглощаетъ заразительныя испаренія и не даетъ имъ распространяться; эта ртуть каждый день возобновлялась. Вельможи не только обходились безъ обычной свиты, но еще съ корзинами въ рукахъ ходили сами покупать продукты, необходимыя для ихъ продовольствія. Друзья при встрѣчѣ обмѣнивались робкимъ поклономъ издали. Вниманіе каждаго было устремлено на то, чтобъ избѣгать заразительныхъ и ужасныхъ предметовъ, которыми были усѣяны, а мѣстами буквально завалены улицы. Всѣ держались середины ихъ, опасаясь, чтобъ изъ оконъ не свалилось на нихъ нѣчто еще болѣе грязное и безобразное. Кромѣ того всѣ боялись прикасаться къ стѣнамъ, которыя, по ходившимъ слухамъ, будто бы были во многихъ мѣстахъ намазаны отравой.

Таковъ былъ наружный видъ достаточныхъ и здоровыхъ, слѣдовательно наименѣ заслуживавшихъ состраданія, обывателей Милана. Нечего и говорить о тѣхъ несчастныхъ, которые, будучи заражены чумой, лежали на открытомъ воздухѣ или съ трудомъ двигались по улицамъ, — о бѣдныхъ женщинахъ и дѣтяхъ. Видъ этихъ послѣднихъ былъ такъ ужасенъ, что зрителю приходилось искать и находить утѣшеніе въ мысли о томъ, что наиболѣе смущаетъ потомковъ, — въ мысли о маломъ числѣ тѣхъ несчастныхъ, которые еще оставались въ живыхъ.

Ренцо прошелъ такимъ образомъ добрую часть своего пути. При поворотѣ въ одну изъ улицъ, слухъ его снова былъ пораженъ довольно сильнымъ шумомъ, сопровождаемымъ зловѣщимъ звономъ колокольчиковъ. Обогнувъ уголъ, онъ увидѣлъ четверо дрогъ, а вокругъ нихъ движеніе, похожее на то, какое бываетъ на рынкѣ, гдѣ торгуютъ зернами: взадъ и впередъ снуютъ люди, взбрасываютъ на плеча мѣшки и опрокидываютъ ихъ на возы. Здѣсь почти то же самое: монатти входятъ въ дома и выходятъ изъ нихъ съ ношей на спинѣ и потомъ укладываютъ ее на дроги. Многіе изъ нихъ были одѣты въ красныя, другіе въ разноцвѣтныя тряпки и перья, которыя носили въ знакъ веселья посреди всеобщаго траура. То изъ одного, то изъ другаго окна раздавался угрюмый голосъ, звавшій: «монатти, сюда!» Изъ толпы внизу отвѣчали: «Иду, иду!» Нѣкоторые обыватели роптали на монатти за ихъ медленность, а тѣ съ своей стороны осыпали ихъ ругательствами.

Вступивъ въ эту улицу, Ренцо ускорилъ шагъ. Онъ старался смотрѣть на окружающіе предметы на столько, на сколько было нужно для обхода ихъ. Но вдругъ вниманіе его было привлечено зрѣлищемъ, которое тронуло его до глубины души и возбудило въ немъ безконечную жалость.

На порогѣ одного дома показалась и пошла по направленію къ дрогамъ женщина, уже не первой, но еще цвѣтущей молодости. Вся ея фигура выражала страданіе, смертельную тоску, которая бросала на ея лицо тѣнь, но ничуть не умаляла ея величественной и въ то же время нѣжной красоты, составляющей отличительную черту ломбардскаго типа. Въ походкѣ ея виднѣлось утомленіе, но шаги ея были тверды; глаза посили слѣды пролитыхъ прежде слезъ, но теперь сіяли сухимъ блескомъ. Въ этой печали было что-то спокойное и торжественное, что свидѣтельствовало о глубокомъ и притомъ сознательно-переносимомъ

горѣ. Но не одна наружность вызывала участіе къ этой женщинѣ. Она несла на рукахъ трупъ дѣвочки, которой на видъ можно было дать около девяти лѣтъ. Малютка была тщательно убрана; раздѣленные на лбу ея волосы были гладко расчесаны, а платице сіяло бѣлизной. Ее какъ будто нарядили на праздникъ, котораго она давно ждала и который былъ ей обѣщанъ въ награду. Дѣвочка не лежала на рукахъ матери, но сидѣла и, какъ живая, прижималась къ ея груди; только одна ручка, опущенная съ боку, безжизненно висѣла, прозрачная какъ воскъ, да головка, закинутая на плечо матери, свидѣтельствовали о снѣ болѣе глубокомъ, чѣмъ обыкновенный дѣтскій сонъ. Не только по сходству лицъ, но и по выраженію того изъ нихъ, которое еще могло что-либо выражать, ясно было, что эта женщина ея мать.

Безобразный, грязный монатти подошелъ къ ней, чтобы взять малютку. Но даже и въ немъ пробудилось нѣчто похожее на состраданіе: въ движеніяхъ его было замѣтно колебаніе, вызванное невольнымъ движеніемъ. Съ приближеніемъ его женщина отступила назадъ, но безъ гнѣва, безъ отвращенія, и спокойно сказала: «Нѣтъ, не трогайте ее пока. Я сама положу ее на дроги. Вотъ, возьмите это, и она показала ему кошелекъ, который опустила въ его протянутую руку. «Объщайте мнѣ», продолжала она, «не снимать съ нея платья и не давайте дотрогиваться до нея другимъ; положите ее въ землю въ томъ видѣ, въ какомъ она теперь».

Монатти приложилъ руку къ сердцу, затѣмъ принялся расчищать на дрогахъ мѣстечко для бѣдной малютки. Мать поцѣловала ее въ лобъ и положила туда, какъ въ постельку, оправила и прикрыла чистымъ полотномъ. «Прощай Чечилія!» сказала она. «Покойся въ мирѣ. Сегодня вечеромъ мы всѣ соединимся, чтобы никогда болѣе не разлучаться. А пока молись за насъ; я тоже буду молиться за тебя и за другихъ». Потомъ, обратясь къ монатти, она прибавила: «Когда будете проѣзжать здѣсь вечеромъ, приходите наверхъ за мной, — да и не за мной одной».

Она скрылась въ домъ, но минуту спустя опять показалась у огня. На рукахъ у нея была другая дѣвочка, моложе первой, еще живая, съ несомнѣнными признаками смерти на блѣдномъ личикѣ. Она стояла тамъ и смотрѣла на печальныя похороны своей малютки. Дроги двинулись, она не спускала съ нихъ

глазъ, пока онѣ не скрылись изъ виду, — затѣмъ сама исчезла. Что оставалось ей болѣе, какъ только лечь рядомъ съ остававшеюся еще у ней малюткой и вмѣстѣ съ нею ожидать смерти. Такъ пышный цвѣтокъ и крошка-бутонокъ одновременно падаютъ со стебля подъ ударами косы, которая безъ разбору все косить: травки, цвѣты и былинки.

— О, Господи! воскликнулъ Ренцо. — Услышь ея молитву! Дай ей умереть вмѣстѣ съ маленькою дочкой! Довольно онѣ пострадали, довольно натерпѣлись!

Не успѣлъ онъ еще оправиться и собраться съ мыслями, какъ слухъ его былъ пораженъ новымъ смѣшеніемъ звуковъ: то были повелительные крики, слабые возгласы, стоны и дѣтскій плачь.

Ренцо, въ трепетномъ ожиданіи, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, достигъ перекрестка и увидѣлъ, влѣво отъ себя, густую толпу. Онъ посторонился, чтобы дать ей пройти. То были больные, которыхъ вели въ лазаретъ. Иныхъ влекли насильно; они тщетно сопротивлялись, умоляли, чтобъ имъ дали умереть спокойно дома, но въ отвѣтъ получали одни проклятія и приказаніе идти далѣе. Другіе шли молча, какъ окаменѣлые, безъ всякихъ признаковъ страданія или печали. Женщины несли на рукахъ малютокъ; дѣти, постарше, испуганные чужими лицами, крикомъ и бранью монатти, темною для нихъ идеей смерти, громко звали матерей, плакали и просили, чтобъ ихъ отвели въ родительскій домъ. Увы! Эта самая мать, которую они считали спящей на кровати, упала на нее, сраженная болѣзнію. Она оставалась такъ безъ сознанія, пока за ней не являлись монатти и не отвозили ее въ лазаретъ или на кладбище. Случалось также, бѣдствіе еще горшее, что мать, вся поглощенная собственными страданіями, забывала обо всемъ на свѣтѣ, даже о дѣтяхъ, помышляя только объ одномъ: какъ бы ей покойнѣе умереть. Однако, нерѣдко встрѣчались также и примѣры твердости, безстрашія и милосердія: отцы, матери, сыновья, дочери, братья, сестры, жены и мужья ободряли другъ друга словомъ и примѣромъ и взаимно произносили слова утѣшенія. И это не только взрослые, но и юноши, дѣти, которые, поддерживая шаги своихъ младшихъ, съ благоразуміемъ выше своихъ лѣтъ убѣждали ихъ не плакать и не сопротивляться. Они толковали имъ, что ихъ ведутъ туда, гдѣ ихъ станутъ лечить, гдѣ за ними будутъ ухаживать.

Ренцо смотрѣлъ на толпу съ несказанною тревогой: «Кто знаетъ, думалъ онъ, нѣтъ ли въ числѣ этихъ несчастныхъ и...» Но толпа миновала, его сомнѣнія разсѣялись. Онъ обратился къ одному изъ монатти съ просьбой указать ему дорогу. «Убирайтесь къ чорту!» получилъ онъ вмѣсто отвѣта. Ренцо не пытался возражать, но, примѣтивъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, позади всей толпы, человѣка съ менѣе суровымъ лицомъ, повторилъ ему свой вопросъ. Тотъ, указывая палкой, проговорилъ: первая улица направо, послѣдній большой домъ на лѣвой сторонѣ.

Волненіе Ренцо возрастало по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ концу своего странствованія. Наконецъ, онъ въ указанной улицѣ и легко находить домъ, который не трудно узнать среди другихъ, менѣе красивыхъ и большихъ. Онъ подходитъ къ воротамъ, протягиваетъ руку къ молотку и остается въ этомъ положеніи, какъ надъ урной, изъ которой долженъ вынуть свой приговоръ. Наконецъ, онъ рѣшается, поднимаетъ молотъ и сильно ударяетъ.

Минуту спустя пріотворилось одно изъ оконъ и въ отверстіе осторожно выглянула женщина. Лицо ея выражало страхъ, подозрѣніе и вопросомъ: «Кто тутъ»,—говорило оно: монатти, бродяги, комиссары, отравители, черти?

— Синьора, началъ Ренцо дрожащимъ голосомъ и смотря вверхъ.—Синьора, здѣсь должна быть въ услуженіи молодая поселянка, которую зовутъ Лучіей.

— Ее здѣсь больше нѣтъ. Подите прочь, отвѣчала женщина, приготовляясь захлопнуть окно.

— Пойдите, ради Бога, еще одно слово: ея здѣсь нѣтъ, но гдѣ же она?

— Въ лазаретѣ, нехотя проговорила женщина и опять хотѣла затворить окно.

— Ахъ, пойдите, пойдите, если вы вѣрите въ Бога. Она больна? У нея чума?

— Конечно. Что-жъ тутъ удивительнаго?... Убирайтесь прочь.

— Ахъ я несчастный!... Пойдите, пойдите!... Она очень больна? Когда она захворала?...

Вмѣсто отвѣта окно окончательно захлопнулось.

— Синьора, синьора! Одно слово! Сжальтесь надо мной. Ради вашихъ умершихъ!... Я вѣдь у васъ не прошу ничего: оге!...

Но легче было бы умолить каменную стѣну.

Встревоженный полученнымъ извѣстіемъ и взбѣшенный безцеремоннымъ обращеніемъ этой женщины, Ренцо опять схватился за молотокъ. Въ то же самое время онъ оглянулся посмотреть, не увидитъ ли кого изъ сосѣдей, отъ которыхъ могъ бы добиться болѣе подробныхъ свѣдѣній. Но улица была совершенно пуста, только шагахъ въ двадцати отъ него стояла другая страннаго вида женщина. Лицо ея выражало испугъ и злобу, косые глаза смотрѣли въ одно и то же время на Ренцо и куда-то вдаль; ротъ былъ полуоткрытъ, точно она хотѣла кричать, но удерживалась; двѣ исхудалыя руки ея были вытянуты, а костлявые пальцы сжимались и разжимались какъ когти, которые готовятся схватить добычу. Она явно тайкомъ отъ кого-то собиралась поднять тревогу. Когда Ренцо оглянулся, она вздрогнула, какъ застигнутая въ расплохъ, и вся фигура ея сдѣлалась еще безобразнѣе, еще отвратительнѣе.

«Но кой чортъ».... началъ Ренцо и направился къ ней. Но старуха, потерявъ надежду незамѣтно словить его, вдругъ выпустила дикій вопль, который до тѣхъ поръ удерживала въ груди. «Отравитель!» кричала она.—Ловите его! Бейте его! Отравитель!»

— Кто?... Я-то? Ахъ ты старая корга! Вѣдьма ты эдакая! Молчи, говорятъ тебѣ! грозно крикнулъ на нее Ренцо и бросился къ ней въ надеждѣ напугать и тѣмъ самымъ прекратить ея крики. Но онъ въ тотъ же моментъ увидѣлъ, что ему надо какъ можно скорѣй принять мѣры для своей безопасности. На крики старухи со всѣхъ сторонъ сбѣгались люди, — не густою толпой, какъ это могло бы быть три мѣсяца тому назадъ, но все-таки въ достаточномъ количествѣ, чтобы легко справиться съ однимъ человѣкомъ. Окно между тѣмъ опять раскрылось и въ немъ опять показалась та самая женщина, которая не хотѣла отвѣчать на распросы Ренцо. Теперь она совсѣмъ высунулась на улицу и тоже принялась изо всѣхъ силъ кричать: «Ловите, ловите его! Это негодяй, отравитель! Одинъ изъ тѣхъ, что мажутъ отравой стѣны и двери!»

Ренцо взглянулъ направо, взглянулъ налево и со всѣхъ ногъ ринулся въ ту сторону, гдѣ было меньше народу. Сильнымъ толчкомъ онъ отбросилъ съ дороги перваго заграждавшаго ему путь; втораго, бѣжавшаго ему на встрѣчу, ткнулъ кулакомъ въ грудь такъ, что откинулъ его шаговъ на десять назадъ, и быстрою рысью помчался впередъ, держа кулаки наготовѣ для

всякаго, кто вздумалъ бы ему мѣшать. Впереди него улица была совершенно пуста, но за то позади его раздавался сильный топотъ, спровождаемый громкими, наводящими ужасъ криками: «Ловите его! Ловите, бейте отравителя!» Ренцо, не видя конца этой погонѣ, началъ терять надежду на возможность отъ нея укрыться. Гнѣвъ его превратился въ бѣшенство, страхъ — въ отчаяніе; у него стало мутиться въ глазахъ. Онъ выхватилъ изъ-за пояса ножъ и обратился къ толпѣ съ лицомъ, какого у него еще никогда никто не видѣлъ, — до того оно было искажено яростью. Махая въ воздухъ ножомъ, онъ крикнулъ: «Впередъ, канальи! Кто смѣетъ, пусть идетъ ко мнѣ; я въ самомъ дѣлѣ намажу его — вотъ этимъ!»

Вдругъ онъ съ изумленіемъ и безотчетнымъ чувствомъ облегченія замѣтилъ, что преслѣдователи его внезапно остановились, точно удерживаемые невидимою силой. Но они не переставали кричать и, какъ безумные, махали руками, точно дѣлая кому-то знаки. Ренцо обернулся и увидѣлъ то, что за минуту передъ тѣмъ не могъ различить, вслѣдствіе своего волненія. Ему на встрѣчу приближалась вереница дрогъ съ обычной обстановкой, а сзади, на извѣстномъ разстояніи, толпилась другая кучка народа, которая явно намѣревалась соединиться съ первой для того, чтобы вмѣстѣ изловить мнимаго отравителя. Но печальная процессія заградила обѣимъ дорогу. Ренцо, увидя себя внезапно между двухъ огней, мгновенно вздумалъ обратить себѣ въ спасеніе именно то, что составляло для толпы предметъ ужаса и отвращенія. «Теперь не время брезгать», подумалъ онъ, сунулъ ножъ за поясъ и бѣгомъ пустился къ дрогамъ. Миновавъ первыя, онъ замѣтилъ на вторыхъ свободное мѣсто, изловчился и мигомъ очутился на дрогахъ, стоя на правой ногѣ, а лѣвой и поднятыми къверху руками поддерживая равновѣсіе.

— Bravo, bravo! въ одинъ голосъ воскликнули монатти. Одни изъ нихъ шли пѣшкомъ, другіе сидѣли на дрогахъ и даже на самыхъ тѣлахъ. У нихъ переходила изъ рукъ въ руки огромная бутылка, изъ которой они по очереди пили вино.

— Bravo! Молодецъ! повторили они.

— Ты ищешь покровительства монатти? сказалъ одинъ изъ тѣхъ, что были ближе къ Ренцо. — Будь спокоенъ; ты здѣсь все равно что въ церкви.

Преслѣдователи, съ приближеніемъ дрогъ, почти всѣ разбѣжались, не переставая однако кричать: «Ловите его! Бейте его!

Это отравитель!» Иные, болѣе упорные, отступили не такъ поспѣшно. Они часто оборачивались съ угрожающимъ видомъ и осыпали Ренцо ругательствами. А онъ, стоя на дрогахъ, въ отвѣтъ имъ, только махалъ кулаками.

— Оставь, я съ ними расправлюсь, сказалъ одинъ изъ монатти. Онъ сдернулъ съ вучи тѣлъ отвратительное лохмотье и, держа его за одинъ конецъ, принялся вертѣть имъ въ воздухъ, точно собираясь бросить его въ упрямецъ.—Постойте, я васъ, каналы! грозно закричалъ онъ. Всѣ мгновенно бросились въ бѣгство.

Изъ среды монатти поднялся дружный крикъ побѣды, бѣшеный хохотъ, безконечное: у-у-у, которое какъ бы составляло аккомпаниментъ этого бѣгства.

— Видишь, какъ мы помогаемъ честнымъ людямъ, сказалъ, обращаясь къ Ренцо, первый монатти.—Каждый изъ насъ одинъ сумеетъ справиться съ сотней этихъ подлыхъ трусовъ.

— Я въ полномъ смыслѣ слова обязанъ вамъ жизнию, отвѣчалъ Ренцо,—и отъ всей души благодарю васъ.

— За что? возразилъ монатти.—Ты вполне заслужилъ то, что мы для тебя сдѣлали: ты парень хоть куда. Отравлять этихъ бездѣльниковъ — хорошее дѣло. Отравляй ихъ, души, губи! Они если на что-нибудь и годятся, такъ развѣ только мертвые. За всѣ наши труды съ ними они насъ проклинаятъ и говорятъ, что съ прекращеніемъ чумы всѣхъ насъ перевѣшаютъ. Шутите, голубчики! Вы всѣ перемерете прежде, чѣмъ настанетъ конецъ чумѣ. Тогда монатти останутся одни торжествовать побѣду и тутъ на просторѣ попируютъ они въ Миланѣ!

— Да здравствуетъ чума! Пусть мретъ народъ! воскликнулъ другой монатти и, приложивъ ко рту горлышко бутылки, которую поддерживалъ обѣими руками, усердно принялся изъ нея потягивать, несмотря на толчки и колебаніе дрогъ. Затѣмъ онъ протянулъ руку съ бутылкой Ренцо, говоря:

— На, хлебни-ка и ты за наше здоровье.

— Отъ всей души желаю вамъ всего лучшаго, сказалъ Ренцо,—но пить я не могу. Я въ эту минуту не чувствую ни малѣйшей жажды.

— А ты, мнѣ сдается, возразилъ монатти,—не на шутку-таки струсилъ. Видь-то у тебя—куда не храбрый. Ну, съ твоей ли рожей быть отравителемъ!

— Всякій живетъ, какъ можетъ, возразилъ его товарищъ.

— Дай-ка мнѣ сюда бутылку, сказалъ одинъ изъ пѣшихъ монатти. — Я хочу еще разъ глотнуть этого винца въ честь его хозяина. Онъ здѣсь въ пріятномъ обществѣ — вонъ, на томъ прекрасномъ экипажѣ.

И онъ съ отвратительной усмѣшкой указалъ на первыя дроги и затѣмъ, принявъ серьезный и еще болѣе отталкивающій видъ, отвѣсилъ въ указанномъ направленіи низкій поклонъ и продолжалъ:

— Не взыщите, ваша милость, съ бѣднаго монатти за то, что онъ попиваетъ ваше винцо. Вѣдь мы помогли вамъ взобраться въ экипажъ и теперь веземъ васъ за городъ подышать чистымъ воздухомъ. Къ тому же на васъ, знатныхъ господъ, випо дурно дѣйствуетъ, тогда какъ у бѣдныхъ монатти—ничего, здоровый желудокъ.

И, при громкомъ смѣхѣ товарищей, онъ снова приготовился пить, но иржеде сказалъ Ренцо съ видомъ презрительной жалости:

— Чортъ-то, которому ты себя продалъ, еще, видно, совершенный новичокъ. Не подоспѣй мы къ тебѣ на помощь, онъ плохо выпуталъ бы тебя изъ бѣды.

И онъ при новомъ взрывѣ хохота опять приложилъ горлышко къ губамъ.

— И намъ, и намъ вина! закричало нѣсколько голосовъ съ переднихъ дрогъ.

Монатти, державшій бутылку, напившись вдоволь, передалъ ее другимъ. Она переходила изъ рукъ въ руки, пока не была совсѣмъ осушена. Тогда одинъ изъ нихъ, взявъ ее за горлышко, повертѣлъ и кинулъ о мостовую съ громкимъ крикомъ: «Да здравствуетъ чума!» Вслѣдъ затѣмъ онъ хриплымъ голосомъ затянулъ разгульную пѣснь; другіе монатти послѣдовали его примѣру. Адская пѣснь, сопровождаемая звономъ колокольчиковъ, топотомъ лошадиныхъ копытъ и дребезжащимъ звукомъ колесъ о мостовую, разносясь по пустой улицѣ, проникала въ дома и накопляла ужасомъ сердца немногихъ, еще оставшихся тамъ въ живыхъ.

Но трудно знать, что при случаѣ можетъ служить облегченіемъ и даже доставлять сравнительное удовольствіе. Опасность, угрожавшая передъ тѣмъ Ренцо, сдѣлала для него болѣе нежели выносимымъ общество этихъ мертвыхъ и живыхъ людей, а теперь страшное пѣніе было почти пріятно для его слуха, потому что избавляло его отъ тягостной бесѣды.

Онъ былъ на-сторожѣ, выжидая минуту, когда окажется возможнымъ ни для кого незамѣтно спуститься съ дрогъ и скрыться, не давая повода ни къ какой сценѣ, которая могла бы возбудить подозрѣніе въ случайныхъ прохожихъ.

Вдругъ, на одномъ изъ перекрестковъ, онъ совершенно неожиданно очутился въ виду улицы, которая вела прямо къ лазарету и была ему хорошо знакома. Эту счастливую случайность онъ принялъ за хорошій знакъ и ободрился. Тутъ на встрѣчу имъ показался комиссаръ. Онъ закричалъ монатти, чтобъ они остановились. Тѣ повиновались; пѣніе прекратилась и уступило мѣсто жаркимъ преніямъ. Одинъ изъ двухъ монатти, находившихся на дрогахъ вмѣстѣ съ Ренцо, соскочилъ на землю. Ренцо ухватился за удобный случай, быстро проговорилъ, обращаясь къ другому монатти: «Благодарю васъ; да награждать васъ Господь!» и ловко соскочилъ съ противоположной стороны дрогъ.

— Иди, иди, своимъ путемъ, бѣдный отравитель, вслѣдъ ему сказалъ монатти.— Не тебѣ извести миланскихъ жителей.

Къ счастью, по близости не было никого, кто могъ бы слышать эти слова. Печальный поѣздъ остановился на лѣвой сторонѣ улицы. Ренцо взялъ вправо и, придерживаясь какъ можно ближе домовъ, направился къ мосту. Пройдя его и примыкающую къ нему улицу, онъ наткнулся на капуцинскій монастырь, а за нимъ увидѣлъ уголъ лазаретнаго зданія. Онъ огибаетъ его, переступаетъ за окружающую его ограду: передъ нимъ предстаетъ зрѣлище—въ сущности только намекъ на то, что вроеся въ самыхъ стѣнахъ лазарета,—но тѣмъ не менѣе зрѣлище, преисполненное неописанной скорби.

Глазамъ Ренцо представился цѣлый муравейникъ. Тамъ были больные, толпой шедшіе въ лазаретъ; у другихъ, которые лежали на краю окаймлявшаго его рва, или не хватало силъ идти далѣе внутрь зданія, или они въ отчаяніи изъ него выбѣгали и опять-таки не имѣли силъ продолжать свой путь. Иные несчастные безъ всякой цѣли, почти безъ сознанія бродили взадъ и впередъ; другіе казались въ совершенномъ изступленіи. Одинъ изъ нихъ съ жаромъ рассказывалъ то, что видѣлъ въ бреду, другому несчастному, который лежалъ совершенно обезсиленный страданіемъ. Неподалеку бѣсновался сумашедшій, а другой озирался вокругъ съ веселой улыбкой, какъ будто любуясь пріятнымъ зрѣлищемъ. Но самое раздирающее душу впе-

чатлѣніе производило громкое, радостное гнѣіе, которое по своему своему, казалось, не могло бы выходить изъ этой несчастной толпы, гдѣ оно тѣмъ не менѣ покрывало всѣ другіе звуки. То была сельская пѣсня, шутливая, беззаботная, живая, въ которой говорилось о любви,—одна изъ тѣхъ, что носятъ названіе вилланель. Стремясь узнать, кто осмѣливался быть веселымъ въ такомъ мѣстѣ и при такихъ условіяхъ, глазъ, слѣдуя за направлениемъ звука, останавливался на бѣднягѣ, который сидѣлъ на днѣ рва и преспокойно распѣвалъ, устремивъ глаза въ небо.

Едва успѣлъ Ренцо сдѣлать нѣсколько шаговъ вдоль южной части зданія, какъ вдругъ услышалъ за собой шумъ и крикъ: «Берегись! Лови его!» Онъ приподнялся на цыпочки и увидѣлъ, черезъ ограду, мчавшуюся, что было у нея силъ, жалкую глячу, а на ней страннаго всадника. Одинъ изъ сумашедшихъ, увидя стоящую поблизости лошадь съ телѣгой, воспользовался отсутствиемъ ея хозяина, вскочилъ на нее верхомъ и помчался, погоняя ее кулаками и ударами пятокъ въ бока. Сзади съ крикомъ и гамомъ гнались монахи и вскорѣ все это исчезло въ облакахъ пыли.

Въ лазаретѣ Ренцо съ новымъ замираніемъ сердца принимается отыскивать Лучію. Онъ долго блуждаетъ по его многочисленнымъ ходамъ и отдѣленіямъ и врядъ ли бы скоро успѣлъ найти Лучію, еслибы не явился ему на помощь фра-Бристофоро. Почтенный капуцинъ, вмѣстѣ со многими другими монахами своего ордена, посвятилъ себя уходу за бѣдными зачумленными. Онъ указываетъ Ренцо путь на женскую половину, но прежде ведетъ его въ одно изъ отдѣленій, гдѣ въ числѣ умирающихъ находится донъ-Родриго. Ренцо, пораженный до глубины души, легко сдается на увѣщанія фра-Бристофоро и охотно прощаетъ своему гонителю все зло, которое тотъ ему причинилъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, Ренцо удаётся найти Лучію, выздоравливающую отъ чумы. Послѣ первой минуты радости, Лучія вспоминаетъ свой обѣтъ и хочетъ взять обратно отъ Ренцо данное ему слово быть его женою. Молодой человекъ опять обращается за содѣйствіемъ къ фра-Бристофоро, который все улаживаетъ и въ заключеніе самъ дѣлается жертвою чумы.

Съ прекращеніемъ заразы, обрученные окончательно соединяются и вмѣстѣ съ Агнесой поселяются въ Бергамо, гдѣ, съ помощью Неизвѣстнаго, заводятъ шелковую фабрику.

IV.

Приведенные отрывки, знакомя съ частностями романа Манцони, даютъ понятіе почти исключительно только объ одной ви́шней сторонѣ его таланта. Что касается до внутренняго смысла его произведенія, то полное и точное пониманіе его можетъ быть достигнуто не иначе, какъ посредствомъ знакомства съ нимъ въ цѣломъ его объемѣ.

Несмотря на общечеловѣческій смыслъ своихъ сочиненій, Манцони, прежде всего, съ головы и до ногъ итальянецъ. Его симпатіи, безспорно, принадлежать человѣчеству вообще; онъ затрогиваетъ сердечныя струны и нравственные мотивы, близкіе всѣмъ и каждому. Но этотъ, если можно такъ выразиться, космополитизмъ мысли и чувства ничуть не убиваетъ въ немъ отличительныхъ свойствъ національнаго духа, который чрезвычайно рельефно проявляется у него какъ во ви́шней конструкціи романа, такъ и во внутренней связи его съ самыми животрепещущими интересами итальянскаго быта. Вслѣдствіе этого онъ тоже прежде всего интересуется крупными историческими явленіями и движеніями массъ, а судьбой частныхъ лицъ и ихъ мелкими дѣяніями на столько, на сколько они находятся въ связи съ предыдущими, или въ зависимости отъ нихъ. У него на первомъ планѣ вовсе не Ренцо и Лучія, хотя отъ нихъ и весь романъ получаетъ свое названіе. Ихъ приключенія служатъ ему только нитью, на которую онъ нанизываетъ многочисленные эпизоды, гдѣ на сцену выступаютъ массы и имъ-то въ сущности принадлежитъ главная роль. Отъ этого весь романъ получаетъ характеръ широкой драмы, гдѣ главный интересъ сосредоточивается не на единичныхъ явленіяхъ человѣческой породы, въ родѣ бѣдныхъ любовниковъ и тѣхъ, кто или стоитъ на пути къ ихъ соединенію, или содѣйствуетъ ему, а на общихъ началахъ, лежащихъ въ основаніи государственнаго строя. Передъ нами, во-первыхъ, два общественные элемента, изъ которыхъ одинъ является угнетающимъ, а другой угнетаемымъ; затѣмъ духовенство съ его высокою миссіей утѣшать и защищать страждущихъ, поднимать падающихъ и всѣхъ вообще руководить и поддерживать, и въ заключеніе всего Провидѣніе, невидимо присутствующее въ теченіе всего разсказа и подъ конецъ являющееся открыто подъ видомъ высшаго нравственнаго

начала или вѣчнаго правосудія, которое, согласно вѣрованіямъ автора, въ концѣ концовъ непременно воздастъ каждому по заслугамъ.

Поэтому самыя яркія страницы романа Манцони, совершенно естественно, выходятъ именно тѣ, гдѣ ему приходится имѣть дѣло съ толпой. Какъ вѣрно понимаетъ онъ ея нужды и интересы, какъ чутко прислушивается къ ея говору и метко улавливаетъ всѣ малѣйшіе переходы ея отъ одного настроенія къ другому! Съ какою ловкостью выхватываетъ онъ изъ хаоса дѣйствій и рѣчей именно тѣ изъ нихъ, которыя служатъ наилучшею характеристикой даннаго момента! Сколько движенія, шуму и правды хоть бы въ драматическомъ описаніи Миланскаго возмущенія! Голодная толпа бушуетъ, какъ разъяренное море и какъ оно же, увлекаемое бурнымъ теченіемъ своего настоящаго негодованія, безъ всякой мысли о будущемъ, захватываетъ, тащитъ, ломаетъ и топить на своемъ пути не только враждебныя себѣ силы, но и то, что, ради себя самой, должна была бы пощадить.

Но верхъ торжества Манцони — это картина чумы. Въ ней онъ достигаетъ высоты, до какой вообще не часто удается вышаться художнику. Въ скудную, печальную рамку страшной заразы, охватившей Ломбардію, онъ вмѣщаетъ всѣ элементы трагическаго, начиная съ чувства тихой грусти и состраданія, до страшныхъ порывовъ отчаянія, ужаса и глубокой скорби. Странствованіе Ренцо по миланскимъ улицамъ и по лабиринту лазарета напоминаетъ странствованіе Данте по различнымъ кругамъ ада и ступенямъ чистилища. Однако и тутъ, среди страшныхъ симптомовъ беспощадной болѣзни, среди стоновъ, предсмертныхъ мукъ и проклятій, Манцони ни на минуту не теряетъ самообладанія, но взираетъ на все съ спокойствіемъ существа, которому ясно видна конечная цѣль того, что такъ пугаетъ и смущаетъ не подкрѣпленный, подобно ему, вѣрой человѣческой умъ. Поэтому, какъ ни мрачна рисуемая имъ картина, ему не разъ удается подмѣтить въ ней свѣтлые моменты. Онъ ихъ съ любовью воспроизводитъ и тѣмъ самымъ облегчаетъ читателю тягостный путь, по которому онъ идетъ слѣдомъ за Ренцо, отыскивающимъ свою невѣсту. Здѣсь поразительнѣе, нежели когда-либо, является художественный тактъ Манцони, съ помощью котораго онъ всегда такъ счастливо избѣгаетъ всякаго рода крайностей. Воодушевляющая его любовь позволяетъ

ему безнаказанно проходить сквозь длинные ряды зачумленныхъ. Онъ ничѣмъ не брезгаетъ, ни физическими, ни нравственными язвами, но прикасается къ нимъ съ нѣжнымъ состраданіемъ, съ какимъ относятся къ нимъ его собственные фра-Кристофоро и кардиналъ Борромео. Ему хорошо извѣстно, что каждый предметъ, каждое явленіе имѣетъ темную и свѣтлую стороны и, сообразуясь съ этой истиной, онъ съ одинаковою точностью разрабатываетъ обѣ. Поэтому картина его, несмотря на свой траурный тонъ, дышетъ разнообразіемъ и никогда не даетъ овладѣть вами тому или другому изъ тягостныхъ ощущеній. Съ первыхъ же шаговъ, которые вы вмѣстѣ съ Ренцо дѣлаете по опустѣлымъ улицамъ еще недавно столь оживленнаго города, у васъ сердце начинаетъ болѣзненно сжиматься отъ предчувствія страшнаго зрѣлища, ожидающаго васъ впереди. И дѣйствительно, чѣмъ дальше вы подвигаетесь, тѣмъ мрачнѣе все становится вокругъ васъ; темныя краски сгущаются, зловѣщія звуки усиливаются, страшный образъ смерти растетъ и, наконецъ, все вѣнчается дикой оргіей изступленныхъ монатти. Впечатлѣніе ужаса достигаетъ крайнихъ предѣловъ: идти далѣе не хватило бы силъ, еслибъ авторъ тутъ же не поспѣшилъ показать обратную сторону медали. Рядомъ съ грязнымъ, безобразнымъ монатти, среди груди обнаженныхъ и искаженныхъ тѣлъ, въ виду всей этой нравственной и физической нечистоты, говорящей о разнузданности человѣческой природы, передъ нами внезапно возстаетъ чистый, величавый, исполненный самообладанія образъ женщины, въ которой ни горе, ни страданіе не могли убить чувства человѣческаго достоинства. Эта блѣдная, прекрасная фигура, держащая на рукахъ трупъ убранной, какъ на праздникъ, малютки, является здѣсь, среди всеобщаго разрушенія, олицетвореніемъ высшаго нравственнаго начала, которое ничѣмъ, ни самою смертью, не можетъ быть въ конецъ истреблено въ мірѣ. Загрубѣлая душа монатти—и та признаетъ торжество этой тайной силы, и онъ смиренно склоняетъ передъ ней голову. Далѣе, рука объ руку съ донъ-Родриго, въ которомъ приступы жестокаго недуга пробуждаютъ безграничный ужасъ, выражающійся въ страшныхъ грезахъ, идетъ на встрѣчу смерти фра-Кристофоро, спокойно, сознательно, до послѣдней минуты не переставая напутствовать другихъ, менѣе его твердыхъ и готовыхъ къ переходу въ вѣчность. Толпа несчастныхъ у входа въ лазаретъ снова наводитъ на васъ трепеть ужаса. Но еще нѣ-

сколько шаговъ—и у васъ, какъ у Ренцо, выступаютъ на глазахъ слезы умиленія, когда вы вмѣстѣ съ нимъ останавливаетесь передъ небольшою группою выздоровѣвшихъ отъ чумы, которые, предводимые сѣдовласымъ капуциномъ, передъ часовой поютъ благодарственный гимнъ. Изъ этой группы еще блѣдныхъ, истомленныхъ, но сіяющихъ радостью возврата къ жизни лицъ исходитъ лучъ надежды, который оставляетъ въ душѣ отрадный слѣдъ.

Однако это предпочтеніе, оказываемое Манцони, подъ вліяніемъ своего чисто-итальянскаго склада ума, историческимъ эпизодамъ преимущественно передъ основнымъ дѣйствіемъ романа, подало поводъ нѣкоторымъ нѣмецкимъ критикамъ сдѣлать ему упрекъ въ томъ, что его романъ «подавленъ бременемъ историко-ученаго матеріала, который далеко не разработанъ до художественнаго единства». Намъ кажется, такое сужденіе могло возникнуть только въ головѣ педанта, ставящаго условныя требованія устарѣлой теоріи искусства выше свободнаго творчества генія, который и въ отступленіяхъ своихъ часто бываетъ логичнѣе, а ужь, безъ сомнѣнія, убѣдительнѣе самаго строгаго, но бездарнаго исполнителя вышеупомянутыхъ требованій. Если эпизоды дѣйствительно стоятъ у Манцони на первомъ планѣ, то, во всякомъ случаѣ, дѣйствіе, которому онъ предназначаетъ играть роль главнаго, постоянно находится въ прямомъ съ ними отношеніи. Пусть Ренцо и Лучія не настоящіе герои, тѣмъ не менѣе скромная исторія ихъ любви служитъ крѣпкимъ звеномъ, прочно соединяющимъ между собой всѣ другія звенья разсказа, которому безъ того дѣйствительно недоставало бы ни цѣлости, ни единства. Въ тому же авторъ никогда не оставляетъ ни Ренцо, ни Лучію простыми зрителями событій, въ среду которыхъ ихъ вводитъ. Напротивъ, они всегда являются дѣятельными участниками въ нихъ, такими, на которыхъ отражаются послѣдствія или изъ которыхъ проистекаютъ причины этихъ событій. Такъ, напримѣръ, личность Неизвѣстнаго, которая нужна была Манцони съ одной стороны для дополненія картины итальянскихъ нравовъ въ XVII столѣтіи, съ другой—для подкрѣпленія его собственнымъ нравственно-религіозныхъ принциповъ, связана съ ходомъ всего разсказа обращеніемъ къ нему донъ-Родриго за помощью для похищенія Лучіи. А Лучія, въ свою очередь, является однимъ изъ поводовъ къ перевороту, совершающемуся въ душѣ Неизвѣстнаго. Ренцо, спасаясь отъ преслѣдованія того же донъ-

Родриго, попадаетъ въ Миланъ въ самый разгаръ возмущенія, невольно въ него вовлекается и является въ немъ то дѣятельнымъ, то страдательнымъ лицомъ. Бромъ того, Манцони пользуется его деревенскимъ простодушіемъ и дѣлаетъ изъ него безпристрастнаго истолкователя и оцѣнщика тѣхъ или другихъ дѣйствій и требованій народной массы. Затѣмъ Ренцо, отправляясь въ зачумленный городъ отыскивать свою невѣсту, подаетъ совершенно естественный поводъ къ описанію ужаснаго бича, носѣтившаго въ то время Италію, и который, въ свою очередь, находится въ связи съ выше приведеннымъ эпизодомъ прохода черезъ Ломбардію нѣмецкихъ войскъ.

Изъ этого видно, что мнимыя отступленія Манцони отъ прямого пути, въ сущности, составляютъ главное его достоинство, и если надо чему удивляться, такъ это именно умѣнью, съ какимъ онъ распоряжается своимъ богатымъ матеріаломъ. Дѣйствительно, изъ всѣхъ включенныхъ имъ въ свой романъ эпизодовъ можно указать только на одинъ, безъ котораго онъ, въ крайнемъ случаѣ, легко могъ бы обойтись, но врядъ ли бы читатель остался ему за то благодаренъ. Мы говоримъ объ эпизодѣ монахини изъ Монца, у которой Лучія укрывается отъ преслѣдованій донъ-Родриго. Ея участіе въ общемъ ходѣ событій такъ незначительно, что, казалось бы, вовсе не требовало такого близкаго знакомства съ ея собственнымъ внутреннимъ міромъ и съ обстоятельствами ея предыдущей жизни. Но Манцони ничего не дѣлаетъ безъ цѣли. Онъ строго послѣдователенъ даже въ самыхъ своихъ отступленіяхъ. Художникъ отъ природы, онъ въ то же время моралистъ по убѣжденію и пользуется всякимъ случаемъ, всякимъ средствомъ проводить въ публику, съ помощью своего таланта, ту или другую нравственную идею, которая можетъ или облагородить общество, или улучшить его бытъ. Эпизодъ монахини изъ Монца, представляя чрезвычайно тонкій психологическій этюдъ, прямо бьетъ на злоупотребленіе, которое, въ тотъ моментъ, когда писалъ Манцони, еще существовалъ въ полной силѣ. Дѣло идетъ о молодой дѣвушкѣ знатнаго происхожденія, которую насильно заставляютъ постричься въ монахини для того, чтобы все состояніе ея родителей могло не тронутое перейти въ руки ея старшаго брата. Подобнаго рода факты повторялись слишкомъ часто, и авторъ задумалъ, изобразивъ въ типичной личности Гертруды печальныя послѣдствія такого порядка вещей, указать, сколько жестокости и неспра-

ведливости заключалось въ этомъ насилуваніи совѣсти и самыхъ законныхъ требованій природы. Ему вполне удалось если не достигнуть полной отиѣны этого обычая, то, во всякомъ случаѣ, возбудить противъ него общественное мнѣніе. Иначе и быть не могло: всякій, кто прочелъ краснорѣчивое и трогательное описаніе нравственной пытки, вынесенной бѣдною монахиней изъ Монца, почувствовалъ невольное отвращеніе къ одному изъ самыхъ несправедливыхъ средствъ, къ какимъ прибѣгала тогдашняя аристократія, чтобы поддержать свой падающій авторитетъ. Если брать въ соображеніе только внѣшнюю, фактическую сторону романа, тогда надо сознаться, вслѣдъ за нѣмецкимъ критикомъ, что, по крайней мѣрѣ, этотъ эпизодъ, несмотря на свои литературныя достоинства, оказывается здѣсь излишнимъ и замедляющимъ общій ходъ разсказа. Но, вникнувъ во внутренній смыслъ, вездѣ стоящій у Манцони на первомъ планѣ, мы убѣждаемся, что онъ находится въ непосредственной связи съ основною задачей его—вести итальянское общество по пути къ нравственному усовершенствованію,—задачей, на которой и покоится все зданіе романа «Обрученные».

Но талантъ Манцони неисчерпаемъ. Его хватаетъ на крупныя явленія и на мелочи, на главныя фигуры въ картинѣ и на аксесуары. Бъ чему онъ прикасается, то немедленно получаетъ жизнь и рельефность. Причину этому, кромѣ сильнаго дарованія, слѣдуетъ еще искать въ искренности и прочности его религіозно-нравственныхъ воззрѣній и въ проистекающей изъ нихъ опредѣленности стремленій. Они составляютъ прочную почву подъ его ногами, что даетъ ему возможность всегда сознательно идти къ цѣли. А эта сознательность, сосредоточивая въ одномъ фокусѣ всѣ его силы, сообщаетъ его поэтическимъ вымысламъ ту отчетливость концепціи, которая приводитъ къ созданію въ высшей степени типическихъ образовъ. Дѣйствительно, у него нѣтъ ни одной личности, ни одного предмета, ни одного положенія, слабо очерченныхъ или тускло освѣщенныхъ. Всѣ его лица передъ нами какъ живыя: Донъ-Аббондіо, фра-Кристофоро, кардиналъ Борромео, Ренцо и Лучія, Агнеса и Пернетуя, донъ-Родриго и Неизвѣстный. Каждый изъ нихъ представляетъ поразительный въ своемъ родѣ типъ. Во всей итальянской литературѣ не найдется другаго столь же вѣрнаго и характернаго изображенія итальянскаго простолюдина, деревенскаго парня, съ его простымъ здравымъ смысломъ и неподдѣльнымъ

чувствомъ, но не лишеннаго однако извѣстной доли лукавства, — того, что называется «себѣ на умѣ». Образъ Лучи чистотой и наивною граціей напоминаетъ лики Мадоннъ старинныхъ мастеровъ. Мрачная фигура Неизвѣстнаго кажется высѣченною изъ гранита, на которомъ возвышается его средневѣковый замокъ. Впрочемъ, по поводу этой послѣдней личности, Манцони можно сдѣлать упрекъ за то, что онъ недостаточно мотивируетъ совершающійся въ немъ нравственный переворотъ. Авторъ, правда, намекаетъ на снѣдавшее Неизвѣстнаго съ нѣкоторыхъ поръ недовольство своимъ образомъ жизни, но слишкомъ смутно, и все это событіе имѣетъ видъ чуда. Это единственный случай, въ которомъ католицизмъ Манцони совлекаетъ его немного съ пути строго-безпристрастнаго, вполне объективнаго отношенія его ко всѣмъ явленіямъ какъ внѣшней, такъ и внутренней природы человѣка. Далѣе, строгая фізіономія фра-Бристофоро и величавая въ своей простотѣ личность Фредерико Борромейсаго, у которыхъ, подъ маншескою рясою одного и подъ кардинальскимъ пурпуромъ другаго, бьются сердца одинаково преисполненныя любви и самоотреченія; донъ-Родриго, развратный, необузданный и высокомерный, пока сила и счастье на его сторонѣ, униженный и готовый преклониться передъ вышею волей, когда въ ужасѣ видитъ надъ собой ея карающую руку; жалкій трусъ и эгоистъ донъ-Аббондіо; его сварливая и своевольная домоправительница, Перпетуя; любящая, но не чуждая нѣкоторыхъ свойствъ болтливыхъ кумушекъ, Агнеса, — каждая изъ этихъ личностей, взятая отдѣльно, поражаетъ своею жизненностью и правдой, а въ связи съ цѣлымъ онѣ составляютъ прекрасную картину нравовъ, въ которую авторъ переноситъ свое дѣйствіе.

Романъ Манцони, при выходѣ своемъ въ свѣтъ, представлялъ такое непривычное въ итальянской литературѣ явленіе, что большинство публики не сразу оцѣнило его по достоинству. Знакомая съ историческимъ романомъ только черезъ посредство напыщеннаго *Баццони*, она была сначала озадачена простымъ, задушевнымъ отношеніемъ автора *Обрученныхъ* къ явленіямъ какъ исторической, такъ и современной жизни. Нѣкоторые даже негодовали на него за то, что онъ, вмѣсто рыцарей и благородныхъ дамъ, вывелъ на сцену невѣжественныхъ простолюдиновъ и заставлялъ помимо воли принимать горячее въ нихъ участіе. Но эта самая попытка — впервые возбудить въ образованномъ обществѣ сочувствіе къ низшему классу и указать

на сокровища въ немъ свѣжихъ, еще нетронутыхъ силъ, которыя, будучи употреблены въ дѣло, могли внести въ отживавшій общественный строй новый и живительный элементъ, — эта попытка составляетъ, между прочимъ, одну изъ величайшихъ заслугъ Манцони. Но тогда многіе еще смотрѣли на это иначе. Тѣмъ не менѣе, влияние правды и таланта такъ велико даже на предубѣжденные умы, что уснѣхъ романа, несмотря ни на что, шелъ, быстро возрастая. Этому не мало содѣйствовало еще и то, что съ свойственной итальянцамъ тѣхъ годовъ страстью изъ всего дѣлать примѣненіе къ политикѣ, въ немъ начали видѣть явные намеки на несчастное положеніе, въ какомъ тогда томилаcь Италія. Проводилась параллель между испанскимъ владычествомъ и австрійскимъ; находилось большое сходство въ бѣдствіяхъ, причиненныхъ странѣ тѣмъ и другимъ, и каждый, сообразно съ тѣмъ, что онъ читалъ между строками, или превозносилъ автора до небесъ за обличительный характеръ его произведенія, или порицалъ его за слишкомъ умѣренный образъ мыслей. Руководствовался ли дѣйствительно Манцони или нѣтъ, при выборѣ своего сюжета, политическими соображеніями, трудно рѣшить. Что сближеніе между одинаковыми явленіями въ прошломъ и въ настоящемъ могло точно также возникнуть въ его собственномъ умѣ, какъ и въ умѣ его читателей, — это вполне вѣроятно, только эффектъ, произведенный этимъ сближеніемъ, врядъ ли вышелъ тотъ, какой онъ имѣлъ въ виду. Сомнѣваться въ его патріотизмъ было бы все равно, что отрицать его талантъ: въ немъ тотъ и другой такъ тѣсно слиты, что составляютъ одно нераздѣльное цѣлое. Но патріотизмъ его запечатлѣнъ тѣмъ же кроткимъ, гуманнымъ характеромъ, какимъ отличается вся его остальная нравственная физиономія. Поэтому, нельзя предположить, чтобъ онъ имѣлъ въ виду возбужденіе страстей, которое могло бы повести къ кровавымъ столкновеніямъ. Вѣрнѣе всего, что онъ, изучая исторію родной Ломбардіи, увлекся той эпохой, которая, плѣняя его воображеніе изобиліемъ крупныхъ событій и драматическихъ положеній, въ то же время представляла наиболѣе мотивовъ для проведенія нравственныхъ началъ, въ какихъ, по его мнѣнію, особенно нуждались его современники. Душа его не могла не скорбѣть при видѣ угнетеннаго положенія Италіи. Но онъ также видѣлъ и то, къ какимъ печальнымъ результатамъ приводили всѣ попытки патріотовъ — свергнуть съ себя посредствомъ воору-

женной силы ненавистное иго. Самъ преисполненный любви и милосердія, онъ надѣялся и въ другихъ пробудить тѣ же чувства, съ помощью которыхъ считалъ возможнымъ достигнуть умиротворенія враждебныхъ сторонъ. Трогательный и правдивый рассказъ его о бѣдствіяхъ, поражаемыхъ въ странѣ иноземнымъ владычествомъ, — будь оно испанское или австрійское, — долженъ былъ, возбудивъ въ побѣдителяхъ состраданіе, смягчить ихъ сердца въ отношеніи къ побѣжденнымъ, которымъ, въ свою очередь, предлагался примѣръ смиренія и кротости, съ какими христіане должны переносить удары судьбы. Но вышло иначе. Публика, менѣе своего поэта расположенная къ покорности и братской, всепрощающей любви, только еще сильнѣе восчувствовала ненависть къ жестокимъ притѣснителямъ, которые поразили необходимость упражняться въ такого рода добродѣтеляхъ. Такимъ образомъ Манцони, тѣмъ или другимъ путемъ, привелось нанести меткій ударъ тяготѣвшей надъ Италіей тираніи. И если его прекрасный, симпатическій талантъ ставить его во главѣ современныхъ ему итальянскихъ писателей, то этою послѣдней услугою онъ пріобрѣлъ себѣ также право занять мѣсто въ ряду освободителей Италиі.

Владѣя способностью равномерно воспроизводить различныя стороны изображаемаго предмета, что сообщаетъ картинамъ полноту, вѣрность и оконченность, — Манцони свое, драгоцѣнное вообще въ художникѣ, качество сумѣлъ сохранить и въ роли моралиста, который берется трактовать о различныхъ явленіяхъ общественной жизни и произносить надъ ними свой приговоръ. Какъ бы сильно личныя симпатіи Манцони ни влекли его къ тому или другому порядку вещей, къ тому или другому принципу, онъ никогда умышленно не закрываетъ глазъ на упущенія или злоупотребленія, происходящія въ осуществленіи ихъ и примѣненіи къ дѣлу. Такъ, напримѣръ, будучи самъ искреннимъ католикомъ и слѣдовательно другомъ католическаго духовенства, онъ однако не скрываетъ, что оно не всегда стоитъ въ уровень съ высотой своего назначенія и что въ средѣ его, рядомъ съ достойнѣйшими его представителями, каковы Фредерико Борромейскій и фра-Кристофоро, нерѣдко встрѣчаются и жалкія личности, въ родѣ донъ-Аббондіо. Если это духовенство у него, съ одной стороны, совершаетъ, въ лицѣ капуциновъ, высокіе подвиги самоотверженія во время чумы, то, съ другой, оно, ради личныхъ выгодъ, безжалостно насилуетъ совѣсть и губить молодую жизнь

Гертруды. Но Манцони вовсе не имѣетъ въ виду доказывать непогрѣшимость цѣлаго класса людей. Цѣль его иная. Изображеніемъ свѣтлыхъ сторонъ духовенства онъ дѣйствительно желаетъ возбудить къ нему общественную симпатію. Но для этого само духовенство должно позаботиться о своемъ усовершенствованіи. И потому онъ указываетъ ему на темныя пятна, дѣлающія его недостойнымъ своего призванія и роняющія его въ общественномъ мнѣніи. Мысль эта особенно ясно выдѣляется въ разговорѣ Фредерико Борромейскаго съ дономъ-Аббондіо по поводу отказа послѣдняго вѣнчать Лучію. Въ краткихъ увѣщаніяхъ добраго епископа заключается вся сущность пастырскихъ обязанностей и добродѣтелей, которыя всѣ могутъ быть резюмированы въ одномъ словѣ—любовь. Возьмемъ другой примѣръ. Самыя горячія симпатіи Манцони—на сторонѣ слабыхъ и угнетенныхъ. Бѣдный простолюдинъ Ренцо и голодная миланская чернь, и тотъ и другая—жертвы: первый распущенности нравовъ вышшаго и господствующаго класса, а вторая непредусмотрительности и безопасности иноземной власти,—несказанно дороги его сердцу. Но онъ не даромъ былъ свидѣтелемъ нѣсколькихъ революцій въ Миланѣ; ему привелось близко видѣть въ дѣлѣ народную массу, и онъ подмѣтилъ въ ней присутствіе такихъ элементовъ, которые никогда нельзя возбуждать безнаказанно. Если Ренцо, на сколько хватаетъ духа въ его здоровыхъ деревенскихъ легкихъ, отстаиваетъ только то, что считаетъ неотъемлемымъ правомъ всякаго живаго существа,—если въ толпѣ есть люди, которые питаютъ «инстинктивный ужасъ къ кровопролитію и жестокостямъ»,—то, съ другой стороны, эта же самая толпа, подъ влияніемъ слѣпаго негодованія, разбиваетъ пекарни, жметъ и грабитъ все, что попадаетъ ей подъ руку, и въ заключеніе собирается разорвать въ куски одного изъ испанскихъ чиновниковъ. Самъ Ренцо едва не попадаетъ въ бѣду отъ того, что у него вырывается невольный упрекъ толпѣ при видѣ всѣхъ ея бесполезныхъ жестокостей.

Способность Манцони, о которой мы уже не разъ упоминали, никогда не предаваться никакого рода излишествамъ, поистинѣ удивительна. Онъ никогда не употребляетъ во зло ни одинъ изъ даровъ, полученныхъ имъ отъ природы, никогда не поддается искушенію лишній разъ блеснуть той или другою стороною своего таланта, если это можетъ повредить гармоніи цѣлаго. Чрезвычайно чутко понимая красоты природы и умѣя въ совершен-

ствѣ живописать ихъ словомъ, онъ отвелъ въ своемъ романѣ только небольшой уголокъ описанію мѣстностей. Онъ довольствуется страницей съ небольшимъ для обрисовки прелестныхъ окрестностей озера Комо и затѣмъ возвращается къ пейзажу не иначе, какъ въ связи съ душевнымъ настроеніемъ того или другаго изъ дѣйствующихъ лицъ. Эта манера ставить людей въ такое близкое отношеніе къ природѣ—чрезвычайно тепло и пріятно ложится на душу. Нельзя при этомъ не упомянуть еще о другомъ миломъ свойствѣ таланта Манцони—о его тонкомъ, граціозномъ юморѣ, который по временамъ блещетъ на серьезныхъ страницахъ его романа, какъ мимолетная улыбка на строгомъ, задумчивомъ лицѣ. Этотъ юморъ иногда переходитъ у него въ иронію, но эта иронія у него мягка, снисходительна, можно сказать, почти ласкова, хотя всегда метка. Таковы въ его романѣ рассказы о трусливомъ донъ-Аббондіо, о Ренцо, о добродушномъ портномъ, когда тотъ толкуетъ о серьезныхъ книжкахъ или хранить у себя прибитый къ двери плохой портретъ миланскаго епископа, только для того, чтобъ имѣть случай сказать, какъ онъ не схожъ съ близко-знакомымъ ему, портному, оригиналомъ о напуганномъ чумой незнакомцѣ, который видитъ въ Ренцо отравителя, и, наконецъ, о бѣдныхъ курахъ, связанныхъ за лапы у Ренцо за спиной, гдѣ они испытываютъ разнаго рода тревоженія, между тѣмъ какъ онъ несетъ ихъ въ даръ подъячому, у котораго хочетъ просить совѣта по своему дѣлу съ донъ-Родриго.

Что касается до слога Манцони, то ему пришлось вынести за него много нападокъ отъ пуристовъ, которые даже было причислили его къ разряду «неправильныхъ писателей». Проза, какою написаны *Обрученные*, правда, лишена той плавности и прозрачной чистоты, какой отличаются писатели тосканской школы. Но за то въ ней столько простоты и естественности, столько разнообразія и жизни, что врядъ ли кому, кромѣ педанта, придетъ въ голову упрекать и за присутствіе въ ней мѣстныхъ ломбардскихъ выраженій и оборотовъ рѣчи, и за другія маленькія отступленія отъ академической важности. Чего ей недостаетъ въ плавности, то съ избыткомъ вознаграждается гибкостью и своеобразіемъ. Каждое лицо романа говоритъ языкомъ вполне соответствующимъ его образу мыслей, а въ устахъ поселенъ отъ него вѣетъ свѣжимъ, острымъ дыханіемъ родныхъ горъ Ренцо. Однимъ словомъ, слогъ Манцони не могъ и не дол-

женъ служить образцомъ для другихъ писателей, но, какъ его личное достояніе, онъ носитъ на себѣ отпечатокъ той честной прямоты и объективности, которыя составляютъ отличительныя свойства его таланта. Къ сожалѣнію, самъ авторъ недоволено проникся этой истиной и въ послѣдующихъ изданіяхъ успѣшилъ подвести свой первоначальный текстъ подъ общій тонъ тосканскаго нарѣчія. Но книга отъ этого нисколько не выиграла, и первое ея изданіе несомнѣнно остается лучшимъ.

Манцони и по сю пору еще живетъ въ Миланѣ, который по справедливости гордится своимъ маститымъ поэтомъ. Ему подъ девяносто лѣтъ, онъ уже давно ничего болѣе не пишетъ, но всеобщая симпатія къ нему все такъ же свѣжа, какъ въ самое цвѣтущее время его литературной дѣятельности. Онъ имѣлъ несчастіе пережить многихъ близкихъ себѣ людей, но, съ другой стороны, ему привелось видѣть торжество горячо любимаго отечества,—завидная участь, которая выпала на долю весьма немногимъ изъ его современниковъ, которымъ было такъ близко къ сердцу, какъ ему, дѣло освобожденія Итали.

Софья Н-ко.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ВОЕННОЙ ПОВИННОСТИ.

(Писано по прочтеніи первой программы).

Распространеніе военной повинности на всѣ сословія въ государствѣ, безъ различія, есть узаконеніе въ высшей степени справедливое, свободѣ благопріятное (либеральное) и пользѣ простаго народа соотвѣтственное (демократическое), разсуждая вообще, мысленно, отвлеченно, а ргіогі.

«Но надо знать, какъ вещи есть», учить насъ мудрый нашъ наставникъ, Иванъ Андреевичъ Крыловъ, то-есть надо разсмотрѣть узаконеніе, какъ оно можетъ оказаться на дѣлѣ (на практикѣ), въ дѣйствительности, при положеніи нашего государства, при нашихъ обстоятельствахъ, съ нашимъ характеромъ, съ привычками, которыя сдѣлались второю природой, съ настроеніемъ и образомъ мыслей сословій, съ установившимся ходомъ всякихъ дѣлъ, между которыми и военное не можетъ сдѣлаться вдругъ исключеніемъ.

Честь, слава и благодарность нынѣшнему правительству, отдающему этотъ наиважнѣйшій вопросъ (равно какъ и многіе другіе, ему подобные) на общее предварительное обсужденіе. Возобновленіе этого древняго русскаго обычая составляетъ славу нынѣшняго царствованія, вмѣстѣ съ прочими великими преобразованіями.

По закону Солонову, въ Греціи, при важныхъ государственныхъ вопросахъ, всякій гражданинъ обязанъ былъ становиться на ту или другую сторону, произносить *да* или *нѣтъ*.

Если въ большихъ государствахъ такое общее голосованіе (Suffrage universelle) при многихъ случаяхъ невозможно и бесполезно, то по крайней мѣрѣ долгъ всякаго честнаго гражданина, который можетъ хоть что-нибудь сказать о какомъ бы то ни было новомъ законѣ, смотря на него съ своей точки и имѣя собственное понятіе о какой-либо его сторонѣ,—сказать, не обвинуясь, искреннее мнѣніе, не думая, согласно ли оно съ общимъ настроеніемъ или нѣтъ, не разбирая, какъ и кому оно понравится или не понравится, не заботясь объ искусствѣ; всякій долженъ говорить какъ умѣетъ и можетъ: дѣло—въ дѣлѣ, а не въ краснорѣчіи.

Правительство, получивъ, такимъ образомъ, голоса со всѣхъ сторонъ, будетъ имѣть возможность обсудить дѣло основательно и сдѣлать разумное заключеніе.

Занявъ предупреждаю, что, не имѣя порядочною понятія о военной службѣ, ея требованіяхъ, правилахъ, нуждахъ, времени, потребномъ на приутовленіе къ ней, и проч., ненавидя войну отъ души и чувствуя природное отвращеніе отъ всякой военщины въ законодательствѣ, я могу говорить о вопросѣ преимущественно въ отношеніи къ той молодежи, которая ей теперь подвергается. Молодежь эту я знаю коротко, потому что въ продолженіе многихъ лѣтъ проходило ея тысячи предъ моими глазами, и я имѣлъ близкія отношенія къ ней, имѣлъ возможность и обязанность наблюдать ее. Еще, занимаясь всю жизнь Исторіей, я могу судить нѣсколько о народномъ характерѣ, на который также необходимо обращать вниманіе, принимая мѣры такого рода:

Не придаю словамъ моимъ положительнаго значенія и, только въ исполненіе обязанности, которую считаю священною, какъ сказалъ выше, отдаю ихъ на благоусмотрѣніе тѣхъ, кому предоставлено правительствомъ разобрать этотъ важный вопросъ, то-есть кому о томъ вѣдать надлежитъ.

Прибавлю еще, что, пишучи не докладную записку, не мнѣніе, не разсужденіе специальное (особое), а излагая, какъ профанъ, безъ всякихъ притязаній, свои личныя мысли, я не буду стѣсняться никакими ограниченіями и не буду остерегаться отъ отступленій, если случится сдѣлать ихъ кстати, и если они покажутся мнѣ небезполезными.

«Всѣ русскіе люди, отъ 17 лѣтъ до 21 года, подлежатъ военной повинности».

Эта грозная строка въ томъ видѣ, какъ она здѣсь выражается, кажется мнѣ рѣшительно пагубною вообще для русскаго образованія—нравственнаго, умственнаго, духовнаго.

17—21 годъ—это возрастъ студентовъ университетскихъ и академическихъ, семинаристовъ, воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, коммерческихъ, технологическихъ и прочихъ: возрастъ молодыхъ людей при окончаніи ихъ курса,—молодыхъ людей, которые готовятся быть священниками, судьями, профессорами, торговцами, мастерами, поступать на службу гражданскую, болѣе нужную, чѣмъ служба военная,—требованіе хотя необходимаго зла, но все-таки случайнаго и временнаго.

Успѣхъ во всѣхъ исчисленныхъ учебныхъ занятіяхъ зависитъ отъ сосредоточенія мыслей, дѣйствій, желаній, надеждъ — на одинъ избранный предметъ. Покажите вдали иному молодому человѣку эполеты, гусарскій ментикъ, саблю и ружье, вмѣстѣ съ книгою, перомъ или кадиломъ,—вы раздвоите его учебную жизнь, расколите весь его нравственный организмъ; онъ будетъ невольно перебѣгать въ своемъ воображеніи отъ одной картины къ другой, вниманіе его развлечется и необходимо ослабѣетъ. Охотники учиться будутъ обращаться съ досадою и страхомъ къ противному призраку, который будетъ имъ мерещиться во снѣ и на-яву, мѣшать на всякомъ шагу, заставить нѣкоторыхъ, особенно бѣдныхъ, безпомощныхъ, бросить ученіе. Неохотники учиться, учащіеся по-неволѣ, изъ-подъ палки, то-есть изъ аттестата, рады оправдываться въ своей лѣни и передъ собою и передъ другими: «на что намъ учиться? Все равно подставлять свой лобъ подъ шасспѣ съ начинкою или безъ начинки». О совершенныхъ лѣнтяяхъ и говорить нечего, какъ имъ на руку новое постановленіе: я получу офицерство скорѣе, если буду дѣлать то, а не это. Заведутся товарищества между студентами, соблазнительныя для прочихъ, особенно на первомъ курсѣ, который представляетъ всегда много искушеній для студентовъ, и большинство проводить его почти всегда, даже безъ новой перспективы, плохо, разсѣянно.

Роговымъ постановленіемъ уменьшается важность, значеніе образованія, отнимаются руки отъ дѣла, производится неудовольствіе, уныніе, а такими чувствами не содѣйствуются успѣхи занятій.

Съ другой стороны, поощряется или оправдывается лѣнь, безпечность, равнодушіе, къ которымъ такъ склоненъ, по своей сѣверной природѣ, русскій человѣкъ.

До сихъ поръ первую необходимостію, главною цѣлію въ высшемъ и среднемъ сословіи считалось, хотя и не слишкомъ исчерпно, учиться предъ поступленіемъ на службу, а теперь возьметъ, по закону, преимущество передъ нею военная служба. Намъ должно бы думать объ увеличеніи и умноженіи побужденій учиться, а мы поражаемъ послѣднія.

Мы говорили о дворянскихъ дѣтяхъ,—а купеческіе? До сихъ поръ очень трудно было для отцовъ удержать при своихъ занятіяхъ воспитанниковъ коммерческихъ академій и училищъ, которыя не умѣютъ еще развивать любви къ торговлѣ, награждая (иныя) отличныхъ учениковъ чиномъ 14 класса! Воспитанники, кончившіе курсъ, тотчасъ начинаютъ смотрѣть отъ лавки и фабрики въ другую сторону, а если вы вмѣните имъ даже въ непремѣнную обязанность военную службу, то прощай отцовскіе счеты, аршинны и фунты! Станетъ еще мудренѣе сдерживать ихъ анти-коммерческіе порывы и не выпускать изъ купеческаго званія. Можетъ-быть я дослужусь до генерала: чѣмъ я хуже другихъ», будетъ мечтать, сидя на учебной скамьѣ, иной богатый купчикъ и, кончивъ кое-какъ свой курсъ, бросится къ мундиру. Наша высшая торговля, которая требуетъ нынѣ образованія, только-что начала переходить отъ поколѣнія къ поколѣнію, оставаться въ одномъ домѣ при отцахъ и дѣтяхъ, чѣмъ и можетъ собственно она развиваться и распространяться. Пораженная въ корнѣ, она будетъ чаще обрываться, какъ прежде, на одномъ поколѣніи. Замѣтимъ, что торговля годъ отъ году становится мудренѣе, наши произведенія находятъ совмѣстничество на всѣхъ рынкахъ, Америка и Австралія наводняютъ Европу своими товарами, и мы не выйдемъ никогда изъ-подъ опеки нѣмцевъ и жидовъ, если купечество не получитъ прочнаго образованія, а будетъ тревожиться, развлекаться на своемъ пути другими обязанностями. Пустить мысль о военной службѣ въ иной купеческій домъ стѣдитъ краснаго пѣтуха. «Господи! чѣмъ провинились мы, за что такое наказаніе Ты на насъ ниспосылаешь?» возопіютъ отцы и матери.

Ремесленники, мастеровые,—одни, имѣя предъ собою пугало военной службы, другіе, прослуживъ, дѣйствительно, нѣсколько лѣтъ,—уже не годятся для своихъ ремеслъ: шило будетъ выпа-

дать изъ рукъ у нихъ, и нитка не скоро продѣнется въ иголку такую ружой, которая долго выкидывала ружьемъ. Одни изъ нихъ, можетъ-быть, рѣшатся служить до истощенія силъ, — и это лучшее, полезнѣйшее рѣшеніе, — а другіе выйдутъ въ отставку, чтобы, пожалуй, на большихъ дорогахъ дѣйствовать кистенемъ съ изученными приемами, или просить милостыню на перекресткахъ.

О семинаристахъ, академистахъ — я не знаю, что и сказать: какимъ образомъ, изучая евангеліе, исполненное любви, смиренія и кротости, приготовляясь проповѣдывать святое ученіе, будутъ они объяснять себѣ необходимость прежде подраться ни за что, ни про что, и пролить какъ можно больше крови своихъ братьевъ изъ револьверовъ и пушекъ? Здѣсь представляется что-то совершенно нелѣпое, неудобное ни для какого анализа.

Но, возразятъ мнѣ, одна четверть двадцатипятилетняя повесть военную повинность, а три четверти останутся свободными. Отвѣчаю: въ лотерей всякій надѣется выиграть, такъ точно здѣсь, наоборотъ, всякій будетъ бояться, чтобы ему не выпалъ роковой жребій. Слѣдовательно, всѣ молодые люди съ одинакимъ трепетомъ, не оставлявшимъ ихъ во все предыдущее время, будутъ подходить къ таинственной урнѣ, хоть на одну четверть только упадетъ громовой ударъ! Такъ зачѣмъ же поднимать даромъ Дамоклесовъ мечъ надъ всѣмъ народонаселеніемъ? Зачѣмъ даромъ ошеломлять людей поголовно? Многіе законодатели, по разнымъ нашимъ вѣдомствамъ, не обращаютъ достаточнаго вниманія на слова и вообще на языкъ, который играетъ у насъ въ народѣ важную роль и, часто толкуемый по невѣжеству вкось и вкривь, подаютъ поводъ ко многимъ очень вреднымъ недоразумѣніямъ. Въ иномъ селѣ пьяный писарь уткнулъ крестьянамъ на эту строку и начнетъ доказывать, зачѣмъ сосѣдній барченокъ (освобожденный по той или другой законной причинѣ) не идетъ въ жребій съ крестьянами, и тому подобное. Сколько печальныхъ случаевъ у насъ бывало отъ подобныхъ толкованій, которыя оканчивались экзекуціями и Сибирью!

Поговоримъ теперь объ обреченной четверти: она подвергается многимъ исключеніямъ, открывающимъ лазейки для всякихъ злоупотребленій, ложныхъ показаній, невѣрныхъ свидѣтельствъ,

преступныхъ подкуповъ, съ преміями для всѣхъ плутовъ и мошенниковъ, которыхъ было всегда столько при рекрутскихъ наборахъ (не знаю, есть ли теперь), и которые составляютъ особую науку въ отбываніи военной повинности. Дѣйствительно, мнѣ передавали за вѣрное, что чиновники одной канцеляріи въ Москвѣ собрались уже выходить въ отставку, чтобы поступить въ адвокаты по новымъ рекрутскимъ наборамъ. «Это будетъ для насъ выгоднѣе», сказали они, прочитавъ новую программу.

Злоупотребленія при наборѣ по необходимости будутъ дѣлаться на виду, и крестьяне, не понимая цѣли изыятій, а зная только одно, что Царь велѣлъ всѣмъ идти въ солдаты, получать благовидный предлогъ жаловаться, роптать, получать достаточную для себя причину завидовать прочимъ сословіямъ, которыя предъ ихъ глазами, по закону и безъ закона, будутъ освобождаться отъ того, на что они осуждаются безпрекословно. Это чувство усилится въ послѣдствіи еще болѣе на службѣ. Благородные и богатые новобранцы не будутъ вѣдь служить наравнѣ съ прочими солдатами, что собственно имѣетъ въ виду новое постановленіе, желая уравненія сословій при отбываніи военной повинности. Они будутъ только называться солдатами и только иногда стоять на ученьи рядомъ съ солдатами, въ дѣйствительности же съ перваго раза получать особое помѣщеніе, особую, разумѣется свою, пищу и будутъ пользоваться совершенно инымъ обхожденіемъ отъ начальства. Вотъ источникъ множайшихъ непріятностей въ войскѣ, споровъ, раздоровъ, насмѣшекъ, возбужденія ревности, зависти, негодованія, которое окончится взаимною ненавистью.

Дворянина-офицера солдатъ уважаетъ и слушаетъ, дворянина-солдата онъ возненавидитъ, завидуя, зачѣмъ онъ ѣсть лучше, спитъ на тюфякѣ, не принуждается дѣлать то и то, пользуется учтивымъ обхожденіемъ: «онъ такой же солдатъ, какъ я; я знаю службу лучше его,—за что же ему такая честь и поблжка». Всѣ преимущества будутъ колоть его глаза, и, вмѣсто отвлеченнаго уравненія, не достигаемаго на дѣлѣ, обнаружится, выступить гораздо ярче сословная рознь, получившая основаніе въ рекрутскомъ наборѣ, какъ замѣчено выше.

Въ началѣ моего ученаго поприща, среди изслѣдованій о древней русской Исторіи, обратила на себя особенное мое вниманіе

мысль объ основномъ различіи въ ходѣ нашей Исторіи и Исторіи западныхъ государствъ: происхожденіе нашего государства (полюбовное призваніе) было совершенно различное отъ происхожденія западныхъ государствъ (завоеванія); оно дало совершенно различное направленіе и не посѣяло сѣмянъ революціи, какъ безпрекословное принятіе христіанской вѣры не дало сѣмянъ реформаціи.

Эту мысль проводилъ я тщательно, какъ на лекціяхъ, такъ и во всѣхъ сочиненіяхъ, и всегда горько скорблю, когда вижу, что злая сѣмяна сѣются заднимъ числомъ, дома, кромѣ наносимыхъ вѣтрами съ чужбины, а подобныя мѣры грозятъ неминуемо сочиненіемъ вражды, вредной и пагубной для всякаго государства.

Правда, всякое уравненіе по своей идеѣ, по своему основанію— вещь прекрасная, привлекательная, либеральная, но въ дѣйствительности, въ натурѣ произвести эту вещь невозможно, — зачѣмъ же играть комедію, которая въ добавокъ можетъ часто оканчиваться трагически?

Три четверти освободятся по жребію, множество освободится по закону, другое множество, равно значительное, освободится по злоупотребленіямъ, — сколько же останется такихъ, которые подвергнутся военной повинности? — Такъ мало, такъ мало, что изъза нихъ не стоить произносить ужасную и вмѣстѣ неисполнимую строку, — строку, которая производитъ шумъ, какъ говорить Шекспиръ, изъ пустаго.

Посмотримъ и разберемъ теперь, для чего собственно понадобилась такая ломка?

Для умноженія численности войска.

Въ Россіи число жителей простирается до 80 милліоновъ. Положимъ, что военной повинности подлежатъ теперь 60, изъ коихъ мужскаго пола 30, въ сословіяхъ же, привлекаемыхъ теперь къ ея отправленію, около двухъ милліоновъ, а мужскаго пола около милліона. Слѣдовательно, войско, при строгомъ исполненіи закона, умножится только одною сороковою или даже тридцатою частію, то-есть къ милліону даточныхъ рекрутъ по старымъ правиламъ присоединится тысячь тридцать или сорокъ по новымъ, а принявъ въ соображеніе законныя изъятія, да незаконныя злоупотребленія, мы дойдемъ до великихъ, уже

безконечно малыхъ, другими словами—до смѣшнаго. Повторяемъ, изъ-за чего же ломка? Игра не стоить свѣчь!

Въ Пруссіи, Германіи—дѣло совсѣмъ другое: тамъ народонаселеніе сельское и городское почти равно, слѣдовательно, послѣдняго нельзя никакъ освобождать отъ исполненія натурою воинской повинности, а въ началѣ своемъ эта нововведенная повинность основана была на необходимости въ оборонѣ, и дѣло шло о томъ, чтобы быть Пруссіи или не быть.

Возвращаясь къ нашему положенію, спросимъ еще: сколько дворянъ служить теперь въ военной службѣ? Безъ всякаго сомнѣнія, больше, чѣмъ вытребуется ихъ новый рекрутскій уставъ. Такъ зачѣмъ же принуждать ихъ къ тому, что они дѣлаютъ добровольно? Новое постановленіе хочетъ, чтобы они служили солдатами, а офицеровъ-то гдѣ же взять? Или солдатъ дворяне должны давать по обязанности, а офицеровъ по доброй волѣ, —но съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ!

Бывали времена, что уклонялись отъ военной службы, какъ невыносимой по ея строгимъ взысканіямъ, неумѣреннымъ требованіямъ, по налагаемымъ тягестямъ, по прихотямъ начальниковъ, при ничтожности вознагражденія въ сравненіи съ другими занятіями. Чтобы этого не случалось, нужно, чтобы такія побудительныя причины были отстранены, и онѣ, благодаря новому правленію, отстраняются.

Для умноженія войска изъ-за ничтожной прибавки не стоить, слѣдовательно, предпринимать такую мудреную, сложную, дорогую, противную для цѣлыхъ сословій мѣру.

Переходимъ къ другимъ причинамъ.

Новое постановленіе имѣетъ цѣлю, говорятъ, не столько увеличеніе настоящаго числа, сколько умноженіе запасныхъ войскъ, заготовленіе опытныхъ военныхъ людей, на случай внезапной нужды.

Прежде возраженія на это положеніе я повторю читателямъ, что не стою за свои слова, можетъ-быть и не дѣльныя: я безъ всякихъ притязаній сообщаю только къ свѣдѣнію специалистовъ, что представляется простому русскому смыслу, не мудрствующему лукаво, съ перваго взгляда, что можно услышать въ народѣ на каждомъ шагѣ.

Отвѣтъ свой начну стихами военнаго человѣка, который сказалъ:

«Нѣтъ, не солдатъ,
У кого есть печь съ лежанкой,
Жена, полдюжины ребать,
Да щи, да чарка съ запеканкой...»

Солдатъ и нынѣ, отслуживъ назначенный срокъ, спѣшитъ поступить швейцаромъ къ знатному барину, сторожемъ въ купеческую контору, приставникомъ въ какое-нибудь судебное мѣсто, а дать ему ружье въ руки послѣ такой привольной работы, — нѣтъ, ружье будетъ вываливаться у него изъ рукъ, онъ пойдетъ на службу нехотя, тоскуя по теплой печкѣ, потерявъ военный духъ, что для войска всего важнѣе; не съ прежнею готовностью подставитъ онъ лобъ и, при всякомъ удобномъ случаѣ готовый улизнуть, окажется плохую подмогою для дѣйствующаго войска, а развѣ лишнею тягостію. Если нынѣшніе безсрочно-отпускные не представляютъ благонадежной подмоги для войска, то молодые люди, успѣвшіе не привыкнуть къ военной службѣ и думавшіе въ продолженіе трехъ-четырехъ лѣтъ только о томъ, какъ бы скорѣе она кончилась, не принесутъ войску никакой существенной пользы.

Цѣль умноженія военнаго запаса такъ же не достигается новымъ преобразованиемъ, какъ и цѣль умноженія войска.

Сочинители программы выставляютъ еще свою цѣлю облагороженіе войска.

Облагороженіе нельзя приклеить съ боку: оно происходитъ изнутри, а не извнѣ.

Притомъ солдаты такъ-называемыхъ высшихъ сословій никакъ не будутъ жить вмѣстѣ съ прочими и вліянія никакого, слѣдовательно, имѣть на нихъ не могутъ, какъ изъяснено выше.

Прислуга, живущая у дворянъ и купцовъ, — скажите, на сколько она облагораживается отъ совмѣстнаго жительства съ своими хозяевами?

Нѣмецкіе колонисты, живя рядомъ съ русскими крестьянами десятки лѣтъ, какое вліяніе на нихъ оказали?

Такимъ образомъ за новымъ распоряженіемъ остается только принципъ, отвлеченное основаніе, о которомъ мы говорили прежде и къ которому обратимся ниже опять.

Всѣ цѣли, которыя предполагаетъ оно, могутъ достигаться, по зрѣломъ обсужденіи, другими—удобнѣйшими, простѣйшими средствами, и притомъ безъ всякихъ новыхъ расходовъ со стороны правительства.

Разсмотримъ ихъ, какъ они представляются также простому здравому смыслу.

Предоставляя дворянамъ и купцамъ право ставить за себя рекрутовъ,—то право, какое имѣли и имѣютъ крестьяне, мѣщане и цеховые, мы распространимъ дѣйствительно воинскую повинность на всѣ сословія, и распространимъ по всей справедливости, произведемъ настоящее уравненіе въ натурѣ, а не въ воображеніи, не причинимъ никому ни малѣйшаго неудовольствія, ни жалобы, ни ропота, и умножимъ войско на столько, на сколько оно можетъ быть умножено новою мѣрою, законно, *безъ исключеній и злоупотребленій*. Чего же лучше?

Для меня странно было, скажу прежде мимоходомъ, слышать отъ нѣкоторыхъ людей, умныхъ и благонамѣренныхъ, возраженія именно противъ замѣны. Такъ сильны бываютъ предрасудки, или мнѣнія, почему-либо запавшія намъ, особенно доктринарамъ, въ голову: умъ какъ будто отказывается вникнуть, понять, не обращая вниманія ни на что окружающее и толкуетъ одно и то же, увлекаясь своимъ началомъ (*vivent les principes*) или даже парадоксомъ. «Всѣ должны защищать отечество», твердятъ эти господа. Да развѣ не всѣ защищали и защищаютъ его всегда, даже въ обыкновенныхъ войнахъ, не томко въ войнахъ, требовавшихъ ополченія? Слѣдовательно, въ возраженіи остается только фраза безъ смысла.

Цѣль умноженія войска достигается, сказали мы, допущеніемъ для всѣхъ сословій замѣны, которою исполняется справедливость и вполне удовлетворяются всѣ сословія.

Но есть, кажется, и еще средства умножить войско безъ всякихъ насильственныхъ, раздражительныхъ нововведеній.

Не употреблять солдатъ ни на какія дѣла, кромѣ фрунтовыхъ (строевыхъ) и караульныхъ (на важныхъ только и нужныхъ постахъ). Множество дѣлъ, на которыя теперь берутся солдаты изъ войска, могутъ исполняться по найму: въ полиціи, на желѣзныхъ дорогахъ, въ карантинахъ, при внутренней стражѣ и проч. А сколько солдатъ пропадаетъ для войска въ деньщикахъ, которые рѣшительно могутъ и должны быть замѣнены вольнонаемными слугами! Ихъ вездѣ теперь праздно шатается много изъ прежнихъ барскихъ, дворовыхъ людей.

Говорятъ, что покойный Муравьевъ, при назначеніи его главнокомандующимъ на Кавказѣ, собралъ предъ отправленіемъ своимъ на войну въ Азіатскую Турцію пятнадцать тысячъ человекъ изъ всякихъ норъ, трущобъ и притоновъ, гдѣ они на разныхъ, отнюдь не военныхъ, службахъ разсыпаны были, благодаря произволу своихъ начальниковъ *). Если такое количество можно было набрать въ одномъ кавказскомъ корпусѣ, то какое нашлось бы во всей арміи, которое теперь пропадаетъ для нея, и непременно, во всякомъ случаѣ, должно быть ей возвращено, къ значительному облегченію для народа или уменьшенію военной повинности.

Я слышалъ, что этотъ обычай уничтоженъ закономъ, на бумагѣ, но на дѣлѣ онъ все-таки существуетъ, если и менѣе.

Это еще не все. Можно значительно увеличить число вольноопредѣляющихся, которые должны начинать службу въ солдатахъ.

Предоставьте вольноопредѣляющимся какія-нибудь права, по окончаніи положеннаго срока, на примѣръ, участки казенныхъ земель въ вѣчное и потомственное владѣніе съ подмогою на устройство усадебъ, которые отдаются теперь всякимъ пришельцамъ, безъ пользы для русскаго народа.

Назначьте, сколько времени вольноопредѣляющіеся должны прослужить въ солдатахъ, унтеръ-офицерахъ, и постановите, что, при хорошемъ поведеніи и исправности по всѣмъ частямъ, они будутъ получать классныя чины и пойдутъ далѣе по степенямъ, выше и выше, смотря по своимъ заслугамъ (Вотъ ихъ добрые примѣры и будутъ содѣйствовать облагороженію, о которомъ рѣчь впереди).

Раздаваться будутъ казенныя земли за службу въ Остзейскихъ губерніяхъ, Западномъ краю, въ Финляндіи,—и вотъ, замѣтимъ мимоходомъ, распространеніе русскаго языка и русскаго духа самое благонадежное.

Въ учебныхъ заведеніяхъ, какъ и во всѣхъ семействахъ, не всѣ оказываются способными къ ученію, къ наукѣ, къ мирнымъ, спокойнымъ занятіямъ, у многихъ съ-молоду обнаруживаются бранныя наклонности: они рады будутъ вступить при

*) Въслѣдствіе этого приращенія онъ не требовалъ у военнаго министерства свѣжихъ для себя подрѣпленій въ то горячее время.

такихъ условіяхъ въ военную службу, и даже оставаться въ ней долго. Особенно должно сказать о многочисленныхъ духовныхъ училищахъ, откуда дѣтямъ бѣдныхъ причетниковъ, безъ блестящихъ способностей, гораздо выгоднѣе будетъ выходить и поступать въ ряды военные съ надеждою на повышение и вознагражденіе, чѣмъ обрекаться на всю жизнь на пономарскую и звонарскую должности, которыхъ все-таки недостаетъ для множества кандидатовъ, и несчастнымъ приходится иногда ходить по-міру, если не пускаться на дурной промыселъ.

Съ этою цѣлію должно ввести во всѣхъ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ, гражданскихъ и духовныхъ, даже и гимназіяхъ, военное ученіе, напримѣръ, въ вакаціонное время, что для мальчиковъ въ извѣстныхъ годахъ и здорово, и пріятно: кто не любилъ играть въ солдатики! *).

Къ числу вольно-опредѣляющихся, которые начнутъ службу солдатами, должны быть причислены воспитанники казенныхъ военно-учебныхъ заведеній. Объявите свободный приемъ на казенное содержаніе съ извѣстными условіями—прослужить въ военной службѣ полгода или годъ солдатомъ, полгода или годъ унтеръ-офицеромъ. Такія условія, законныя и справедливыя, никому не покажутся обидными или тяжелыми и не заставятъ никого задуматься ни на минуту. Такія условія существуютъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ въ мое время казенные студенты должны были прослужить въ учителяхъ шесть лѣтъ, и никто на такое положеніе не жаловался. Мой сынъ воспитывается на счетъ правительства, —ну, онъ и долженъ выслужить свое воспитаніе. Родители, не знающіе часто, что дѣлать съ своими дѣтьми, примутъ охотно всякія условія и благословятъ правительство, снимающее съ нихъ тяжкое и убыточное бремя воспитанія, и вы будете имѣть воспитанниковъ, будущихъ солдатъ и офицеровъ, сколько угодно, сколько никакой рекрутскій наборъ доставить не можетъ.

Но вѣдь это большой расходъ для государства, если число нынѣшнихъ воспитанниковъ, стоящихъ такъ дорого, увеличить хоть впятеро!

Въ томъ-то и дѣло, что прибавокъ къ нынѣшнему содержанію

*) Маршированіе введено было однажды, я помню, въ гимназіи, что возбудило тогда всеобщее негодованіе; но это было другое время, когда военщина была исключительнымъ предметомъ заботъ правительства и всѣмъ опротивѣла по закону реакціи.

изъ государственнаго казначейства потребуется очень мало, если взятыся за дѣло умѣючи, беря примѣръ съ Пруссіи,—вотъ чему надо учиться у нея и въ чемъ надо подражать ей: въ бережливости, въ честности, въ привычкѣ смотрѣть на каждую казенную копѣйку какъ на нѣчто священное, въ чемъ должно отдавать отчетъ и Богу, и Государю, и Отечеству.

Роскошь въ нынѣшнихъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ по-истинѣ возмутительная.

Военныя гимназіи, училища и корпуса занимаютъ не дома, а палатцы, дворцы; начальники помѣщаются на квартирахъ фельд-маршальскихъ, которыхъ и не видывали Румянцевъ, Суворовъ и Кутузовъ; всѣ низшіе чиновники проглажаются въ генеральскихъ аппаратахъ.

Уменьшите ненужную и вредную роскошь, и вѣрно получится возможность содержать казенныхъ воспитанниковъ на первый разъ впятеро, а послѣ вдесятеро больше.

Такимъ образомъ войско, безъ всякаго нововведенія, не причиняя никому неудовольствія и обиды, истинной или мнимой, безъ всякаго отягощенія казны, можетъ приобрѣсть ежегодно значительное количество солдатъ, юнкеровъ, офицеровъ, которые вмѣстѣ съ вольно-опредѣляющимися, обязанными, какъ показано выше, прослужить также въ нижнихъ чинахъ по году или болѣе, внесутъ элементъ образованія въ среду войска, что имѣетъ въ виду новая программа.

Обратимъ вниманіе кстати на два вопіющія противорѣчія, которыя представляются теперь нашими военно-учебными заведеніями: воспитанники ихъ, кончивъ многолѣтній курсъ на казенномъ содержаніи, что стодитъ правительству огромной суммы, не несутъ никакой обязанности, могутъ выбирать себѣ родъ жизни какой угодно, а своекоштные молодые люди, не получивъ отъ правительства ничего, обязаны по новому постановленію тянуть ямку семь лѣтъ! Казенные, такъ-сказать, отпускаются, а своекоштные принуждаются служить во что бы то ни стало! Съ чѣмъ сообразно?

Незванные гуманисты отвѣчаютъ, что нельзя приневоливать этихъ молодыхъ людей (а всѣхъ прочихъ можно) противъ ихъ внутренняго расположенія! Да ихъ никто и не приневоливаетъ, а требуется исполненіе обязанности по предварительному договору. Впрочемъ, можно сдѣлать для нихъ нѣкоторыя и облегче-

нiя: воспитанникъ, показавшій отличныя способности по какой-нибудь наукѣ или искусству, подающій великія надежды на успѣхъ по другой части, можетъ быть уволенъ, но съ условіемъ заплатить хоть по срокамъ ту сумму, которую онъ казнѣ стоилъ. У иныхъ могутъ перемѣниться обстоятельства, и они пожелаютъ обратиться къ другому образу жизни,—пожалуй, но заплатите прежде свой долгъ.

Конечно, воспитывать всѣхъ молодыхъ людей на казенный счетъ и потомъ предоставлять имъ избраніе любого поприща—очень желательно. Это было бы идеаломъ государственнаго устройства. Образованные воспитанники будутъ полезны на всякомъ поприщѣ и нужны вездѣ; но если это по состоянію нашихъ финансовъ невозможно, то нельзя давать такое завидное право только тѣмъ счастливымъ, которые попадутъ случайно въ военно-учебныя заведенія.

Другое вопіющее противорѣчіе: военно-учебныя заведенія содержатся великолѣпно, а мы требуемъ теперь, чтобы всѣ дворяне и купцы-солдаты подвергались всякимъ лишеніямъ и странствованію семь лѣтъ по курнымъ избамъ, спали на голыхъ доскахъ, довольствовались солдатскимъ пайкомъ—пищею св. Антонія! Въ нашемъ предположеніи слѣдовало бы по крайней мѣрѣ приучать дѣтей, назначенныхъ въ военную службу, съ-измаленька, къ образу жизни болѣе суровому и скудному; тогда перемѣна была бы не такъ чувствительна, и причинъ къ неудовольствію и ропоту меньше, а содержалось бы ихъ такимъ образомъ несравненно болѣе. Но это мимоходомъ.

Охотниковъ надо завести и между крестьянами, которыми быть до сихъ поръ мѣшало понятіе, составленное искони о военной службѣ.

Какова была жизнь русскаго солдата вообще до послѣдняго времени, объ этомъ страшно подумать. Вспомнимъ одну исторію Семеновскаго полка, полка отличнѣйшаго во всей гвардіи, любимаго Государемъ, спустя пемного лѣтъ по возвращеніи изъ славнаго, побѣдоноснаго похода во Францію,—исторію, совершившуюся въ столицѣ, въ виду высшаго общества, съ офицерами изъ первыхъ семей имперіи. Если такая исторія могла случиться въ Петербургѣ, то что же бывало въ глуши и отдаленныхъ губерніяхъ!... Бывали у насъ помѣшницы Салтычихи и помѣшники Курофдовы. Случались, вѣдь, и подобные полковые, баталіонные командиры,

да и у фельдфебелей развивались тѣ же звѣрскія потребности. А какво было вообще содержаніе у солдатъ даже недавно?—Голодно, холодно, тяжело, больно. Палки, фухтели, сѣвзозъ строй—вотъ педагогическія средства школы, имѣвшей цѣлю сохраненіе дисциплины, зависѣвшей безусловно отъ произвола начальника. Никакого вниманія къ человѣческому достоинству, никакой заботы о питаніи, возвышеніи нравственнаго чувства, о доставленіи какого-нибудь полезнаго занятія. Лишь бы носки пѣли на смотру, лишь бы плеча прилаживались какъ-то симметрически отъ одного автомата къ другому—вотъ идеаль совершенства, который достигнуть стремились пачальники, одинъ предъ другимъ.

Солдаты были отпѣтыми, отверженными существами, мучениками, и за всѣ страданія чрезъ 25 лѣтъ просили милостыню, въ лохмотьяхъ, оставшеюся иногда одною рукою! Вотъ какая была перспектива!

И въ такомъ-то положеніи, не имѣя ничего ни у себя, ни при себѣ, ни за собою, ни передъ собою,—ничего кромѣ нужды, боли, работы, они жили, учились подъ палками, служили, терпѣли все, не жаловались, не роптали, не боялись никакихъ трудовъ, переносили всѣ лишенія, какъ бы должныя по порядку вещей, проливали свою кровь и побѣждали, такъ что Карлъ XII, Фридрихъ II и Наполеонъ I отдавали имъ предпочтеніе предъ всѣми солдатами въ мірѣ. Что дѣлали они на Альпійскихъ горахъ съ Суворовымъ, на Кавказѣ съ Котляревскимъ, съ Ермоловымъ, въ 1812 году съ Кутузовымъ, въ 1854 г. въ Севастополѣ?..

Безыменные герои Русской исторіи, они имѣютъ право на вѣчную память.

Описанныхъ ужасовъ теперь, конечно, нѣтъ,—честь и слава нашему времени; но много остается еще такого, что напоминаетъ въ этомъ отношеніи недоброе старое время. Вотъ это и надо вырвать съ корнемъ вонъ!

Пусть устроится военная служба такъ, чтобы крестьянинъ не боялся ея, какъ огня, и не избѣгалъ ея всѣми средствами. Обращеніе начальниковъ съ солдатами должно быть измѣнено, хотя и безъ потворства, на разумныхъ началахъ, чему впрочемъ въ послѣднее время положено основаніе и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже чрезъ край, что опять не хорошо, какъ всякая распущенность. Содержаніе должно быть улучшено, но опять безъ новыхъ расходовъ со стороны правительства, а только пресѣченіемъ страшныхъ злоупотребленій, доселѣ продолжающихся при

заготовленіи провіанта, при постройкѣ аммуниціи. Что приходится безпрестанно слышать о затхлой мукѣ, о гниломъ сукнѣ, о дыривыхъ кожахъ, о щетинистой холстинѣ, отъ того волосы становятся дыбомъ.

Въ этимъ необходимымъ перемѣнамъ нужно присоединить еще исправленіе нынѣшняго рекрутскаго устава и отстраненіе отъ него всѣхъ жестокихъ, унизительныхъ и грубыхъ подробностей, наводящихъ страхъ на семейства.

Хорошо-бъ еще, еслибы чередъ былъ извѣстенъ заранѣе въ семействахъ, которыя впередъ могли бы обречать того или другого изъ своихъ дѣтей на военную службу, смотря по способностямъ и расположенію, всегда примѣтному съ самаго дѣтства. Обреченный росъ бы въ этихъ мысляхъ и съ-измаленька готовился бы къ своей службѣ; отдача его въ рекруты не возбуждала-бъ столькохъ воплей и не производила бы такого разстройства въ семействахъ, какъ теперь. Молодымъ людямъ, холостымъ, идти въ солдаты—спола-горя.

Для содѣйствія такому настроенію, надо въ селахъ, преимущественно, гдѣ есть народныя крестьянскія училища, опредѣлить хорошихъ унтеръ-офицеровъ, изъ безсрочно-отпускныхъ, и поручить имъ ученіе ребятъ ружью, строю, разнымъ движеніямъ и даже стрѣльбѣ. Для учениковъ такия занятія не только доставятъ удовольствіе своимъ разнообразіемъ, но и замѣнятъ вмѣстѣ гимнастику, укрѣпляя здоровье.

Когда крестьяне удостовѣрятся въ перемѣнѣ старой системы, увидятъ и услышатъ, что солдатъ всегда сытъ, обутъ и одѣтъ, помѣщеніе порядочно, что онъ получаетъ достаточное содержаніе, что на него не налагается лишней тягости, что ученіе сносно, производится по силамъ, что обходятся съ нимъ по-человѣчески, наказаній жестокихъ не бываетъ, что онъ всегда можетъ найти защиту отъ начальства, женатые могутъ въ мирное время не разлучаться часто съ своими женами и вообще пользоваться извѣстною свободою, что послѣ положеннаго срока солдату обезпечено его содержаніе, и онъ будетъ имѣть вѣрный кусокъ хлѣба, или даже получать участки земли во владѣніе,—многіе крестьяне не только будутъ поступать съ охотою по очереди, что нравственно усилитъ войско, подниметъ духъ его, но явится много и добровольныхъ ратниковъ по найму, чего досихъ поръ не бывало, да и не могло быть по причинамъ, изложеннымъ выше.

Крестьянину идти въ солдаты при прежнихъ порядкахъ этого дѣла вообще было тяжело, непривычно; онъ плакалъ, уродовалъ себя и старался всѣми силами уклониться отъ рекрутства; но, разъ сдѣлавшись солдатомъ, онъ перерождался по какому-то особенному свойству русской природы, дѣлался другимъ человекомъ, и такъ какъ внѣшняя жизнь солдата сходна съ крестьянскою, — разница преимущественно въ формѣ работы, — то онъ привыкалъ къ ней въ продолженіи времени: а теперь, при улучшеніяхъ и облегченіяхъ, крестьянинъ сроднится легче, удобнѣе, естественнѣе съ военною службою, и полюбитъ солдатскую кашу (которую у себя рѣдко видалъ) лучше, чѣмъ дворянинъ, привыкшій къ пирожкамъ, и купецъ, привыкшій къ кулебякамъ.

Вы получите такимъ образомъ массу даточныхъ, идущихъ въ солдаты безъ всякаго отвращенія, и наконецъ массу такихъ, которые будутъ продаваться въ рекруты дворянамъ, купцамъ и своей братіи.

Многимъ понравится, безъ сомнѣнія, оставаться и дольше срока въ военной службѣ. Тѣмъ лучше. За битого, или ученаго, двухъ не битыхъ даютъ. За произвольное продолженіе службы солдатъ могъ бы получить квитанцію, съ какими-нибудь правами и, скопивъ себѣ запасъ, зажить послѣ отставки своимъ домкомъ, хоть къ 40 или 50 годамъ. Это вѣдь все еще не поздно.

При такихъ мѣрахъ можно-бъ было, кажется, современемъ дойти до того, чтобы войско наше состояло изъ однихъ охотниковъ, хотя и даточныхъ (какъ это ведется теперь между уральскими казаками), также изъ охотниковъ другихъ сословій — мѣщанъ, цеховыхъ, причетниковъ, которые продавались бы въ военную службу, и вотъ рекрутская повинность, какъ повинность, уничтожилась бы сама собою. А офицеры были-бъ изъ вольноопредѣляющихся, какъ нынѣ, изъ воспитанниковъ казенныхъ военно-учебныхъ заведеній, начинающихъ службу съ солдатства по добровольному договору.

Такимъ образомъ можетъ завестись войско гораздо болѣе постоянное, чѣмъ теперь, и несравненно болѣе постоянное, чѣмъ предполагаемое изъ четырехъ или пяти-годовыхъ солдатъ, опытное, боевое, окуренное пороховъ, обстрѣленное пулями. Оно будетъ поблагонадежнѣе сборнаго изъ новичковъ, закабаленныхъ насильно, которые при краткомъ срогѣ, переваливая чрезъ пень-колоду и не считая военной службы своею постоян-

ною, а только случайною, временною обязанностію, будутъ думать только о томъ, какъ бы отслужить опредѣленное время и воротиться во-свояси *).

Бозаки донскіе, уральскіе, терекскіе, кубанскіе, сибирскіе, съ дополненіемъ изъ киргизовъ, калмыковъ, башкирцевъ и даже кавказскихъ горцевъ, составятъ значительную часть конницы, а поморцы Архангельской губерніи, прибрежные жители Финляндіи и Остзейскихъ губерній укомплектуютъ флотъ, также все большею частію изъ охотниковъ, лишь бы оказано было латышамъ, эстамъ и финнамъ поощреніе, съ вознагражденіемъ службы, а главное—устроены-бъ были предварительно училища съ русскимъ языкомъ и содержаніемъ на казенномъ счету воспитанниковъ, которыхъ всегда найдется много и которые обязаны будутъ прослужить извѣстное число лѣтъ на корабляхъ.

Лѣсистыя мѣста, гдѣ должна поощряться охота и облегчаться всѣ ея требованія касательно пороха и снабженія хорошими ружьями, дадутъ стрѣлковъ, попадающихъ бѣлкъ въ темя.....

Въ дикомъ, первобытномъ положеніи общества всякій членъ долженъ былъ носить оружіе, всегда готовый защищаться: въ просвѣщенномъ же, образованномъ обществѣ этотъ безчеловѣчный обычай долженъ быть позабытъ, какъ тяжелый сонъ съ кошмаромъ. Образованное общество должно стремиться къ тому, чтобы, по слову Писанія, мечи болѣе и болѣе роскоывались на рала.

Пока, на пути отъ дикости къ просвѣщенію, война есть необходимее зло. Зло — вотъ это понятіе надо имѣть въ виду, какъ бы ни справедливы были разсужденія о священной обязанности оборонять отечество. Чѣмъ меньше зла, тѣмъ лучше; чѣмъ меньшее количество гражданъ подвергается по-неволѣ этому злу, тѣмъ больше чести правительству, которое умѣетъ вести дѣла свои такимъ образомъ, что достигаетъ подобной цѣли. А чтобы всѣмъ быть солдатами даже мысленно,—оборони насъ, Боже!

*) Императоръ Александръ съ Аракчеевымъ имѣлъ ту же цѣль, но послѣдній употреблялъ для ея достиженія жестока средства и подходилъ къ ней дорогою стропотною; они считали рекрутскіе наборы великою тягостію даже для крестьянъ, а теперь думаютъ наложить ее и на купцовъ, и на дворянъ, и на духовенство, для которыхъ гораздо труднѣе и тяжелѣе, чѣмъ для крестьянъ, переиѣнять свой образъ жизни на нѣсколько лѣтъ.

И къ этой высокой цѣли должно идти правительство и вести законодательство, а не къ прусской поголовщинѣ, совершенно не подходящей къ намъ, по всѣмъ нашимъ, совершенно противоположнымъ съ Пруссіей, обстоятельствамъ.

Я сказалъ, что Россіи можно всего легче, удобнѣе и дешевле избавиться отъ военной повинности и составить войско изъ однихъ охотниковъ. Скажу теперь болѣе: Россія по своему населенію, пространству, по всѣмъ своимъ безчисленнымъ средствамъ, по своимъ обстоятельствамъ можетъ провозгласить современемъ всеобщее разоруженіе, пойдти и повести всѣ европейскія государства гораздо дальше по пути настоящаго прогресса, чѣмъ идутъ они теперь.

Но объ этомъ говорить здѣсь не мѣсто.

Мы исчислили средства увеличивать постоянное число войска; поговоримъ теперь о запасномъ войскѣ.

Я слышалъ, что многіе ополченцы въ крымскую войну оказывались черезъ короткое время порядочными солдатами, даже и безъ подготовки, о которой говорено было выше, а съ подготовкою крестьянина, выученный стрѣлять, знакомый съ малолѣтства со всѣми приемами военной службы, это уже надежный ратникъ, который въ нужномъ случаѣ можетъ доставить войску дѣйствительную подмогу.

Такое народное ополченіе принесетъ гораздо больше пользы, чѣмъ всѣ эти безсрочно-отпускные, о которыхъ выше приведены стихи Давыдова, отвыкшіе отъ военной службы, полюбившіе другую жизнь.

Не надо упускать изъ виду и того, что особыя обстоятельства, опасность отечества, благородная, высокая цѣль выручить его изъ бѣды, живое сознаніе пользы отъ усилій—имѣютъ свойство электризаціи и придаютъ лишнія силы, которыхъ ни счастье, ни свѣсить, ни измѣрить никогда нельзя.

Кромѣ умноженія численнаго на-лицо и въ запасъ, разобраннаго нами съ указаніемъ средствъ, какъ можно разумнѣе увеличить наличное число и запасное,—сочинители новаго устава причиною его выставляютъ, что уже замѣчено выше, облагороженіе войска. Мы представили наши возраженія, что облагороженіе предположенною мѣрою достигнуто быть не можетъ;

теперь мы должны, по принятому плану, указать на дѣйствительныя средства облагородить по возможности войско.

Чтобъ облагородить войско (не мѣшало бы впрочемъ облагороживаться всѣмъ намъ болѣе и болѣе), не берите солдатъ къ себѣ въ кучера, въ лакеи, въ повара, не сажайте ихъ на козлы, не становите на запятки, не заставляйте жарить вамъ жаркое, обходитесь съ ними если не такъ, какъ обходятся нынѣ съ уголовными преступниками—на «вы», а хоть оставаясь на «ты», не позволяйте себѣ давать имъ ни тычковь, ни пощочинъ, не обсыпайте крѣпкими словами. Дѣйствія этого рода хоть не находятся въ спискѣ тѣлесныхъ наказаній, но все-таки унижаютъ сильно человѣческое достоинство, особенно падая въ продолженіе многихъ лѣтъ на одного и того же паціента, который, теряя человѣческій образъ, нисходитъ подъ конецъ на степень животнаго.

Вы хотите облагородить солдатъ; но облагорожены ли у насъ всѣ офицеры? Полковникъ Скалозубъ списанъ вѣдь съ природы, о развѣ не осталось еще много такихъ образчиковъ? А генералъ Петрищевъ развѣ есть явленіе исключительное? Лѣстницу надобно мести съ верхней ступени, а не съ нижней. Образованные генералы, смотря на свои корпуса, какъ архіереи должны бы смотрѣть на свою паству, будутъ дѣйствовать на офицеровъ и служить имъ примѣромъ, подавая совѣты и дѣлая постановленія, какъ обращаться съ солдатами. Полковые командиры будутъ смотрѣть на полкъ какъ на свое семейство, а не какъ на дойную корову. Офицеры, въ свою очередь, находясь въ ближайшихъ отношеніяхъ съ солдатами, сдѣлаются для нихъ настоящими наставниками. Распространите грамотность, возбудите любовь къ чтенію. Прибавимъ увѣщанія полковыхъ священниковъ, которые теперь содержатся только для требъ. Пастырскія наставленія, общественныя чтенія, благородныя развлеченія и забавы—вотъ и будетъ происходить внутреннее облагороженіе повѣрнѣе того, котораго вы ожидаете отъ краткаго совмѣстнаго жительства съ ничтожнымъ количествомъ новыхъ, благородныхъ, такъ-называемыхъ, солдатъ.

Такимъ образомъ мы разсмотрѣли, по крайнему своему разумѣнію, новое предположеніе со всѣхъ сторонъ, опровергнули его основанія (мотивы) относительно увеличенія войска, наличнаго и запаснаго, равно какъ и его облагороженія, и закон-

чили, что вмѣсто задуманной ломки, разстроивающей всѣ сложившіяся вѣками отношенія, гораздо удобнѣе, легче, дешевле остаться при прежнихъ порядкахъ*), *исправивъ ихъ постепенными, сообразными мѣрами*, по практикѣ, а не по теоріи.

Всякое, даже дѣльное, преобразование имѣетъ свою хорошую и свою дурную сторону, приносить пользу, но приносить и вредъ. Надо взвѣшивать обѣ стороны: иногда онѣ бываютъ равныя, иногда наоборотъ. Новое наше преобразование, судя по первоначальной программѣ, обѣщаетъ гораздо больше вреда, чѣмъ пользы.

Далѣе нужно, чтобы предлагаемое преобразование было принято благовременно. Вотъ разительный примѣръ: вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ совершенно у насъ уничтоженіе откуповъ и удешевленіе вина—прекрасныя мѣры; но эта дешовка, пожалованная не во-время, лишила первое благодѣтельное преобразование, по крайней мѣрѣ на ближайшее время, многихъ добрыхъ слѣдствій и увеличило зло въ другихъ отношеніяхъ,

Преобразование это чего будетъ стоить, сколько милліоновъ, сколько будетъ еще украдено? Какое поле для воровской жатвы! А милліоны, которыхъ въ излишгѣ нѣтъ, намъ нужны и на народное образованіе, и на обезпеченіе духовенства, и на врачебныя пособія, и на развитіе промышленности, и на учрежденіе сельскихъ банковъ, и мало ли еще на что! Непроизводительные расходы намъ не во времени: чего ради гибель сія будетъ?

Есть еще много сторонъ, съ которыхъ можно смотрѣть на вопросъ. Россія находится въ неблагопріятныхъ условіяхъ касательно климата и почвы въ сравненіи съ прочими государствами Европы. Мы сидимъ въ заперти около полугода и не

*) Мы полагаемъ, что почтенный авторъ въ этомъ мѣстѣ употребилъ не точное выраженіе, ибо иначе буквальный смыслъ его противорѣчилъ бы заключительному выводу статьи, выраженному имъ въ словахъ: «Военная повинность распространяется на всѣ сословія и отбывается или натурою, или замѣною и выкупомъ для всѣхъ сословій». Почтенный авторъ, безъ всякаго сомнѣнія, высоко цѣнитъ нравственное величіе того акта, которымъ русскіе люди привилегированныхъ состояній заявили свое желаніе раздѣлить съ остальнымъ народомъ всѣ тяжести, которыя онъ несетъ на пользу государства, и глубоко сознаетъ, что въ этомъ сказалась русская душа. *Ред.*

можемъ иначе пользоваться чистымъ воздухомъ, какъ укутавшись въ мохнатя шубы. Морозы доходятъ у насъ до 30 градусовъ и болѣе. Лѣто у насъ короткое, пужны тяжелыя труды, чтобъ извлечь плоды изъ земли; надо много страдать, какъ говорится на выразительномъ языкѣ нашемъ, чтобы въ короткій срокъ обратиться со всѣми полевыми работами—сѣнокосомъ, жатвою, пашнею, посѣвомъ. Огромное пространство мѣшаетъ нашимъ сообщеніямъ и отнимаетъ у насъ много времени. Присоедините неудобства, лишенія и тягости, нравственныя и гражданскія—произведенія тѣхъ же обстоятельствъ!

За всѣ эти неудобства, лишенія и тягости не должны ли обитатели Русскаго государства получать возмездіе по крайней мѣрѣ съ другихъ сторонъ? Вотъ именно военная-то повинность и занимаетъ здѣсь первое мѣсто: мы можемъ быть избавлены, соразмѣрно, отъ воинской повинности, которую несли и несутъ до сихъ поръ западныя государства, открытыя со всѣхъ сторонъ и во всякое время года. А нести, безъ западныхъ льготъ, вещественныхъ и нравственныхъ, нести ихъ тягости и идти въ солдаты, какъ теперь предполагается, ноголовно,—это несправедливо!

Насъ 80 милліоновъ; у насъ земли неизмѣримое пространство: есть города, до которыхъ, по выраженію Гоголя, и не доѣдешь, тѣмъ болѣе, что и дороги къ нимъ находятся еще въ первобытномъ состояніи. Съ трехъ сторонъ и границы у насъ неприступныя: съ сѣвера—Сѣверный океанъ и острова, берега, съ бѣлыми медвѣдями; съ востока—Тихое море съ алеутами и курильцами, которыхъ мы уступили сами недавно американцамъ; къ югу—Китайская стѣна, горы и пустыни, откуда не идетъ къ намъ никто, и куда мы сами только-что начали пробираться; остается одна западная граница съ Нѣманомъ, Бугомъ, Прутомъ, и за ними развѣ вѣтряныя мельницы Донъ-Вихота! Кого же намъ бояться, и кому охота идти на насъ?! Карлъ XII, Фридрихъ II, Наполеонъ I не пожали вѣдь много лавровъ въ войнахъ съ Россією, а получили урокъ порядочный, понятный для Европы, если не для нашихъ борзыхъ фельетонистовъ.

Изъ чего намъ беспокоиться, мучиться, отказываться отъ разныхъ удовольствій, и даже отъ спокойствія, изувѣчивать свою жизнь, преграждать нравственное развитіе, думая и заботясь о войнѣ, болѣя чужими болѣзнями?

А крымская война, скажутъ, развѣ не доказываетъ возмож-

ность европейской коалиціи противъ Россіи, для нея ненавистной и страшной?

По-моему, крымская война доказала намъ въ-очію несостоятельность прежней нашей системы, въ свое время необходимой, полезной, но отжившей свой вѣкъ, обветшавшей,—и вотъ наступила у насъ новая эра—съ освобожденіемъ крестьянъ, гласностію судопроизводства, съ земскими учреждениями и облегченіями печати. Съ этою системою, если она пойдетъ безостановочно, намъ бояться некого и нечего, и никакая коалиція намъ не страшна. Да и прежняя коалиція не могла бы состояться, еслибы даже были у насъ только дороги и тогдашніе министры поняли бы лучше отношенія наши къ австрійскимъ славянамъ, и еслибъ императоръ Николай, благородный въ душѣ рыцарь, рѣшился клигнуть кличь угнетеннымъ національностямямъ!

Соря иногда деньгами, мы не имѣемъ ихъ на крайнія свои пужды. Приведутся въ порядокъ наши внутреннія дѣла, возбудятся всѣ сокровенныя наши силы, распространится образованіе во всѣхъ сферахъ — и никто на насъ тронуться не подумаетъ.

Есть затрудненія. — Остзейскія губерніи; но о нихъ говорить тогда не стоитъ труда. Тсъ—вотъ и все!

Польша?... Систематическій образъ дѣйствій, покровительство языка, литературы, промышленности, съ перспективою всѣхъ гражданскихъ правъ и сохраненія національности въ случаѣ искренняго раскаянія и отступленія отъ мечтаній, — и Польша должна будетъ, наконецъ, образумиться и соединиться съ Россією, сдружиться къ обоюдной пользѣ или слиться неволью. У насъ есть соотвѣтствующая пословица въ Тульской губерніи о рѣкѣ Шатѣ: «какъ Шатъ ни шаталъ, а Упѣ въ ...ротъ попалъ». Такъ станется и съ Польшею. Кажется, мысль о примиреніи, о соединеніи, начинаетъ появляться между поляками. Но надо, чтобы мы дѣйствовали постоянно и не давали никакой поблажки въ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, гдѣ поляковъ, какъ поляковъ, существовать не должно.

Бисмаркъ не признаетъ ихъ въ политическомъ смыслѣ въ Познани, чисто-русской странѣ, а мы не только признаемъ, терпимъ, но позволяемъ еще господствовать съ ихъ злымъ католичествомъ въ чисто-русскихъ губерніяхъ, разоренныхъ, оскотиленныхъ ими: пагубное ослѣпленіе! — И находятся иногда ревнители такого порядка, или безпорядка, вещей даже въ высшемъ

к р у г у, даже между начальниками! Думать или желать обрусенія поляковъ—обороны Богъ; но обороны Богъ также отъ ополяченія и окатоличенія русскихъ, что было въ западныхъ губерніяхъ.

На что нужно намъ еще войско?... Чтобъ имѣть вліяніе на Европу,—Богъ съ нею: мы имѣли это вліяніе на Европу лѣтъ сорокъ, и работали для нея въ ущербъ своихъ выгодъ, а кромѣ ненависти не приобрѣли ничего за всѣ свои благодѣянія. Вліяніе на Европу нужно намъ только для содѣйствія благосостоянію родственныхъ славянскихъ племенъ, во исполненіе естественной нравственной обязанности; но когда Европа увидитъ насъ, 80 милліоновъ, пользующихся на свободѣ и располагающихъ разумно всѣми нашими силами, то она сама, хоть бы мы не пошевелили пальцемъ, сочтетъ необходимымъ исполнить наши законныя, безкорыстныя желанія.

А если что случится въ нашу пользу безъ всякаго со стороны нашей исканія, по историческому ходу вещей, то отъ этого отъказываться никто заставить насъ не можетъ. Пусть будетъ что угодно Богу!

Въ нашемъ военномъ преобразованіи есть еще множество подробностей, частныхъ, на которыя однакоже надо обращать вниманіе.

Четверть народонаселенія подвергается по жребію повинности, а три четверти отъ нея освобождаются, т. е. учреждается государственная лотерея, въ которой вынимается одинъ жребій несчастный, а три счастливыхъ. Четвертая часть въ эту минуту плачь, а три части пейте, ѣшьте и веселитесь! У меня одинъ сынъ, говоритъ отецъ, онъ идетъ въ солдаты, и я лишаюсь послѣдней подпоры, а у сосѣда трое, и всѣ остаются въ семействѣ: гдѣ же тутъ справедливость уравненія? Или, наоборотъ, всѣ трое должны идти на службу!

Странное дѣло: у насъ боятся часто слова о равенствѣ въ какой-нибудь статейкѣ, а стараются сами ввести равенство въ жизнь, и даже насильственнымъ образомъ: этого равенства нельзя произвести никакому правительству и никакой революціи. И какая же выгода въ общемъ итогѣ, если въ одномъ вѣдомствѣ будетъ господствовать мнимое равенство, а въ другомъ, рядомъ съ нимъ,—полное рабство и тяжелое иго?!

Брестьянину позволяется теперь ставить за себя рекрута, а

дворянину, купцу не хотять позволить этого: развѣ это справедливо? Позвольте исправлять эту повинность всѣмъ одинаково, то-есть кому какъ угодно и удобно.

Едва ли не треть купеческихъ капиталовъ, говорятъ, объ-являются теперь съ величайшими усиліями, единственно съ цѣ-лію избавиться отъ рекрутства.

Тогда всѣ эти купцы возвратятся въ мѣщанство, и казна въ добавокъ къ расходамъ потеряетъ много изъ своихъ до-ходовъ.

Итакъ, изъ-за какого-то призрака воздушнаго, изъ-за отвлечен-наго понятія, недоступнаго большинству, непригоднаго для мень-шинства, безъ всякой прибыли вещественной, то-есть не умно-жая войска, не увеличивая запасовъ, не облагороживая никого (это все можетъ быть снискано другими средствами),—изъ-за ненужнаго подражанія, изъ-за мнимыхъ дальнихъ опасностей—тратить деньги, которыхъ нѣтъ въ запасѣ, останавливать, задер-живать удовлетвореніе прочихъ государственныхъ нуждъ, пред-принимать такое огромное, сложное преобразованіе, которое ста-вить многое въ верхъ дномъ, умножать безъ пользы неудоволь-ствіе въ народѣ, которое бываетъ вредно для всякаго правитель-ства, —никакъ нельзя назвать дѣломъ цѣлесообразнымъ. Россія— не Франція, не Англія, не Германія; она находится совершенно въ иныхъ обстоятельствахъ, данныхъ исторіей, географіей, поли-тикой, народнымъ характеромъ и даже нынѣшними европейскими отношеніями.

Общая военная повинность живьемъ (натурою), можетъ-быть, сдѣлается возможною для Россіи когда-нибудь, но къ тому времени люди авось поумнѣютъ и перестанутъ задориться и драться!

Вмѣсто всѣхъ разсужденій по введенію вышеупомянутыхъ улучшеній въ военной службѣ, довольно, кажется, сказать:

Военная повинность распространяется на всѣ сословія и от-бывается или натурою, или замѣною, и выкупъ для всѣхъ со-словій одинаковъ.

Срокъ службы прежній, если нельзя долѣе. Всякій чинъ имѣ-

еть свои преимущества, а при окончаніи службы обеспечивается поземельнымъ надѣломъ, смотря по заслугамъ и по времени отправления службы.

Въ заключеніе, съ полнымъ безпристрастіемъ подниму я руку на себя и скажу откровенно: кажется, все это такъ, когда разсуждаешь у себя дома, за письменнымъ столомъ, а на дѣлѣ можетъ выйдти совершенно иначе, благодаря устройству русской печи, которая печетъ все по-своему: обрекаемые вновь на военную службу не примутъ къ сердцу новой повинности; учащаяся молодежь не увидитъ здѣсь большой тягости, а прилежной противная перспектива не помѣшаетъ учиться; крестьяне-солдаты не соблазнятся жизнію дворянъ-солдатъ; всѣ затрудненія какъ-нибудь обойдутся, всякія лазейки отыщутся,—и все пойдетъ своимъ какимъ-то особеннымъ порядкомъ или безпорядкомъ, и нашимъ внукамъ останется восхлигнуть: Тебя (русскаго) Бога хвалимъ!

М. Погодинъ.

ИЗЪ РОБЕРТА ПРУТЦА.

Объ одномъ скорблю я, и скорблю безмѣрно,
Отчего по волѣ рока прихотливой
Я рожденъ не туркомъ. Вотъ народъ примѣрный,
Похвалы достойный, мудрый и счастливый!
Что въ культурѣ нашей?—Радость не большая
На вопросы вѣжа сердцемъ отзываться
И неправды всюду торжество встрѣчая,
Злиться понапрасну, даромъ волноваться!
На вино, пожалуй, нѣтъ у насъ запрету,
Но въ духовныхъ благахъ терпимъ мы стѣсненье;
Жаждемъ мы свободы, а свободы нѣту.
Туркамъ, право, лучше. Чужды имъ стремленья,
Что мѣшаютъ жить намъ, портятъ наслажденья.
Еслибъ туркомъ былъ я, полонъ сладкой лѣни,
Все кальянъ тянулъ бы, развѣлся въ палаткѣ;
Преде мной рабыня, ставши на колѣни,
Улыбаясь нѣжно, мнѣ часала-бъ пятки.
Или, освѣженный брызгами фонтана,
Смокву бы я кушалъ, да порой, секретно
Отъ домашнихъ, фляжку вынувъ изъ кармана,
Упивался-бъ жадно влагою запретной.
Иногда, пожалуй, я, для развлеченья,
Сказку бы прослушалъ изъ Шехеразеды,
Иль призвать гюра далъ бы повелѣнье
И надъ нимъ ругался-бъ вволю, безъ пощады.
Еслибъ самому мнѣ вышіе, порою,
Дали палокъ двадцать, я не сокрушался-бъ,
Но удары эти вымѣстить съ лихвою
На рабахъ и женахъ тотчасъ постарался-бъ.
Такъ бы жилъ себѣ я смирно, безмятежно,

Не волнуясь, что бы ни было со мною,
 Утѣшаясь тѣмъ, что это неизбѣжно,
 Что ужь такъ заранѣ суждено судьбою.
 Смерть жены была бы небольшою невзгодой,
 Вѣдь жену другую могъ купить легко я,
 И слова пустыя: право и свобода—
 Мнѣ не отравляли-бъ счастья и покоя.

* *

Грезится мнѣ часто, будто на порогѣ
 Своего жилища я, на склонѣ лѣтъ,
 Счастливъ, недоступенъ никакой тревогѣ,
 Возсѣдаю, свѣжій кушая шербетъ.
 Вдругъ (Аллаха воля неисповѣдима!)
 Я узрѣлъ султана,—проходилъ онъ мимо,—
 И во прахъ повергся я передъ владыкой,
 Слѣдъ его лобзая въ радости великой.
 На животъ мой круглый, щеки безъ морщинъ,
 Обращаетъ ясный взоръ свой солнца сынъ
 И съ усмѣшкой молвитъ: «Вижу, рабъ рабовъ,
 Что животъ твой полонъ и лицо румяно,—
 Значить, и кошель твой долженъ быть здоровъ:
 Подѣлился богатствомъ ты съ казною султана,
 Какъ всегда дѣлились и другіе съ ней.
 Дай мнѣ половину, остальной владѣй;
 Милостивъ безмѣрно я къ рабамъ своимъ:
 Будешь ты за это визиремъ моимъ».
 Молвилъ—и ногою, въ знакъ благоволенья,
 Мнѣ пинка изволилъ небольшого дать.
 Поспѣшилъ исполнить я его велѣнья, —
 На ступени трона поспѣшилъ я стать.

* *

Спрóсите вы, какъ бы я дѣлами правилъ? —
 Такъ же, какъ и ваши визири, друзья.
 Какъ они бы, много висѣлецъ наставлялъ,
 Какъ они, налоги-бъ увеличилъ я.
 Все молчалъ бы, съ видомъ строго-величавымъ
 И въ Диванѣ могъ бы мудрецомъ прослыть.
 А судить пришлось бы: виноватымъ, правымъ —
 Всѣмъ бы по сту палокъ я рѣшалъ влѣпить.
 Еслибъ былъ житейской занесенъ волною

Съ Запада поэтъ къ намъ, мучимый тоскою,
 Съ блѣдными чертами и съ огнемъ во взорѣ,
 Съ мыслью о свободѣ и подобномъ вздорѣ, —
 Я его не гналъ бы, не сажалъ въ тюрьму,
 Полную бы волю пѣть я далъ ему,
 Не страшась вліянья принциповъ гуманныхъ:
 Турки не читаютъ книжекъ иностранныхъ,
 А когда-бъ иные даже и читали,
 То либерализмомъ ихъ проймешь едва ли.
 Я пошелъ бы дальше: своего гарема
 Радикаламъ этимъ отперъ бы я дверь,
 Чтобъ ихъ пѣсенъ вредныхъ измѣнилась тема,
 Чтобъ они забыли, что твердятъ теперь, —
 Чтобъ въ объятыхъ страстныхъ юной одалиски
 Сдѣлались по мыслямъ скоро туркамъ близки.

* *

Впрочемъ, о правленьи думалъ бы я мало.
 Еслибы порою денегъ не достало,
 Могъ бы призанять я, или просто взять.
 А случись, что нашу бы побили рать....
 Что-жь?!.. Аллаха воля; кто съ ней спорить станеть?—
 Самъ, какъ будетъ нужно, на враговъ онъ грянетъ.
 Но возможно также, что за управленье
 На себя султана гнѣвъ бы я навлекъ,
 И прислалъ бы мнѣ онъ шелковый шнурокъ.
 (Выражу свое здѣсь, кстати, удивленье,
 Что обычай этотъ всюду не введенъ:
 Пенсіей очень много сберегаетъ онъ).
 Какъ всегда, покоренъ волѣ той священной,
 Я бы свой послѣдній совершилъ намазъ,
 И вокругъ жирной шеи, даръ обвинивъ безцѣнный,
 Въ дивный садъ Аллаха проскользнулъ какъ разъ.
 Какъ все тамъ прекрасно! Сколько наслажденья:
 Всякіе напитки.... гурій оболщенья!
 Ахъ! зачѣмъ не туркомъ, — нѣмцемъ я рожденъ,
 Благъ земныхъ и неба—я всего лишонъ!

А. Плещеевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБЗРѢНІЕ.

ИЗЪ ИСТОРИИ ВЯТСКАГО ЗЕМСТВА.

28 ноября 1870 г., открывая четвертую очередную сессию вятскаго губернскаго собранія, въ новомъ составѣ гласныхъ *), вятскій губернаторъ въ пространной рѣчи говорилъ между прочимъ: «Вообще дѣятельность вятскихъ земскихъ учреждений съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развивается, принося народу ту пользу, для которой она Монаршею милостію вызвана. По произведеннымъ нынѣ выборамъ видно, что изъ старыхъ земскихъ дѣятелей осталось на второе трехлѣтіе незначительное число лицъ; такъ: изъ 20^х гласныхъ прежнихъ на новое трехлѣтіе выбрано только 40, изъ 11 предсѣдателей управъ—только 3, въ число 30 членовъ управъ выбрано старыхъ только 4; но изъ этого никакъ нельзя выводить того заключенія, что избиратели, будто бы, не сочувственно отнеслись къ земскимъ дѣятелямъ перваго трехлѣтія, такъ какъ справедливость требуетъ сказать, что первые земскіе дѣятели всегда займутъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ исторіи развитія Вятской губерніи. Если же въ первое трехлѣтіе и были нѣкоторыя упущенія и безпорядки, то они происходили, какъ я убѣдился, находясь болѣе 1½ года въ постоянныхъ сношеніяхъ съ управами, не столько отъ злоупотребленій (за немногими исключеніями), сколько отъ недостаточной опытности нѣкоторыхъ членовъ управъ въ столь трудномъ и многосложномъ новомъ дѣлѣ.

Въ заключеніе губернаторъ указалъ, что «правительство достойно опѣняетъ полезную дѣятельность земскихъ собраній и призываетъ ихъ къ участію въ обсужденіи различныхъ государственныхъ вопросовъ: это указываетъ на особія милости Государя Императора къ зем-

*) Въ составѣ собранія гласные распредѣлялись между собою слѣдующимъ образомъ: землевладѣльцевъ 5, участковыхъ мировыхъ судей 6, купцовъ 12, мѣщанинъ 1, крестьянъ 2, священниковъ 3 и чиновниковъ 8.

ству, а потому *намъ* (т. е. губернатору и земству) остается только такое высокое довѣріе оправдать *единственными дѣйствіями администраціи и земства на пользу народнаго благосостоянія*.

Но на другой же день произошло въ собраніи обстоятельство, побавшее, что заявленное такъ торжественно единодушіе со стороны администраціи было только на словахъ, а не на дѣлѣ. Въ день открытія собранія, губернская управа просила вятское губернское казначейство выдать члену управы г. Короваеву ящикъ съ денежными земскими суммами, но казначейство отказало, по той причинѣ, что *«сею числа въ губернскомъ собраніи будетъ собрана ревизіонная коммиссія для ревизіи суммъ и отчетности управы»*. Должность предсѣдателя собранія, по назначенію отъ правительства, исполнялъ управляющій казенною палатою, г. Воскресенскій. Къ нему обратилась управа съ жалобой на дѣйствія казначейства, находя *«отказъ послѣдняго противозаконнымъ арестованіемъ денежных суммъ, принадлежащихъ земству, и крайнимъ оскорбленіемъ официального достоинства земскихъ учрежденій»*. Г. Воскресенскій отвѣтилъ бумагою, что запрещеніе на выдачу денежнаго сундука непосредственно губернской управѣ, съ 28 сего ноября, т. е. со дня открытія губернскаго земскаго собранія, дано было имъ, какъ предсѣдателемъ губернскаго земскаго собранія, по тому уваженію, что въ день открытія собранія должна была образоваться ревизіонная коммиссія, въ числѣ обязанностей которой, при ревизіи денежной отчетности управы, входитъ и свидѣтельство денежных суммъ, состоящихъ по день открытія собранія въ кассѣ управы наличностію. Кромѣ этой бумаги въ управу, предсѣдатель предъявилъ самому собранію отношеніе управы о невыдачѣ денежнаго ящика и при этомъ высказалъ, что, *по праву направлять дѣйствія собранія*, онъ далъ приказаніе не выдавать ящика, впредь до освидѣтельствованія его ревизіонною коммиссіей. Предсѣдатель управы г. Синцовъ возразилъ, что предсѣдатель собранія не имѣлъ на это право, но г. Воскресенскій на это отвѣчалъ предложеніемъ предсѣдателю управы, если послѣдній находитъ дѣйствія его незаконными, — *жаловаться сенату*. Обстоятельство это не требуетъ поясненія: если предсѣдатели земскихъ собраній, присвоивая себѣ какое-то не предоставленное имъ закономъ право *направлять дѣйствія собранія* вообще и по своему собственному произволу, не будутъ ограничены ничѣмъ въ своихъ дѣйствіяхъ, кромѣ собственнаго усмотрѣнія, тогда собранія обратятся въ невозможную и смѣшную комедію, до роли которой правительство никогда не желало низвести земство, предоставивъ ему полную самостоятельность въ кругу своего ховяйства и оградивъ его отъ произвола высшей мѣстной администраціи узаконеніями очень ясными и не допускающими подобныхъ толкованій. Объ этомъ неслыханномъ поступкѣ г. Воскресенскаго разсуждало собраніе въ концѣ сессіи (17 декабря), по заявленію гласнаго г. Юнусова. Г. Воскресенскій, въ качествѣ

предсѣдателя, поставилъ самъ о себѣ вопросъ въ слѣдующемъ видѣ: «въ день открытія губернскаго собранія, прежде объявленія его открытымъ, слѣдуетъ ли предсѣдателю собранія дѣлать распоряженія о невыдачѣ въ губернскомъ казначействѣ денежнаго сундука члену губернской управы, командированному для вклада денегъ?» При этомъ гласный г. Вельяшевъ (уполномоченный отъ удѣльнаго вѣдомства) возбудилъ вопросъ: обязательно ли бы было для казначея такое распоряженіе предсѣдателя губернскаго собранія, еслибъ онъ не былъ въ то же время управляющимъ казенною палатою? Собраніе, разумѣется, рѣшило, что предсѣдатель не имѣетъ на это никакого права. При этомъ надобно замѣтить, что поводомъ къ такому поступку г. Воскресенскаго, какъ очевидно изъ бумаги его въ собраніе отъ 30 ноября 1870 г., за № 128, было желаніе уличить управу въ какомъ-то злоупотребленіи по храненію земскихъ суммъ, для чего онъ предлагалъ собранію вмѣнить въ обязанность ревизіонной комиссіи обратить вниманіе на порядокъ записки суммъ въ кладовую книгу управы и такимъ образомъ опредѣлить, въ какой срокъ полученныя денежныя суммы вносятся въ ящикъ, хранящійся въ казначействѣ, и не остаются ли онѣ на рукахъ у самихъ членовъ управы. Но, во-первыхъ, подобная обязанность и безъ напоминанія г. предсѣдателя входила въ число самыхъ существенныхъ дѣйствій ревизіонной комиссіи и вѣроятно было ей извѣстно; 2) если управа удерживала значительныя суммы на рукахъ своихъ членовъ и въ самой управѣ, то это могло быть повѣрено,—безъ такого противозаконнаго распоряженія со стороны предсѣдателя,—сравненіемъ мѣсячныхъ свидѣтельствъ по книгамъ управы съ денежными документами по поступленію суммъ въ управу и съ временемъ ихъ записки въ кассовый журналъ управы и ея кладовую книгу; 3) подозрѣнія г. Воскресенскаго были неосновательны, какъ это видно изъ доклада ревизіонной комиссіи, которая нашла, что приходъ съ расходомъ вѣренъ, денежное счетоводство вообще ведется въ порядкѣ, въ ящикѣ управы оказалась вся та сумма, которая по перечню быть должна (1.030.061 р.) и при томъ бумажныя цѣнности найдены въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ присланы учрежденіями, доставившими ихъ въ управу. При этомъ комиссія, обращая вниманіе на обстоятельство о вложеніи членомъ управы, г. Бораваевымъ, въ денежный ящикъ, въ присутствіи губернскаго казначея, 28-го ноября завернутой пачки кредитныхъ билетовъ неизвѣстной цѣнности, нашла невозможнымъ выяснитъ это обстоятельство *).

*) Когда казначейство отказало выдать ящикъ, члены управы просили предсѣдателя собранія разрѣшить, не вынимая ящика изъ казначейства, вложить тамъ принятыя управою съ почты деньги, что и было дозволено. Казначей донесъ предсѣдателю, что, вслѣдствіе того, въ день открытія собранія членъ управы г. Бораваевъ вложилъ завернутую пачку кредитныхъ билетовъ неизвѣстной цѣнности.

рить, что при вскрытіи ящика управы она не могла опредѣлить, которая пачка вложена была г. Бороваемымъ, ибо таковыхъ было четыре, при чемъ *самая большая* изъ нихъ заключала 10.000 руб.; кладовой же книги, изъ которой можно было бы видѣть, когда и сколько вложено и вынуто, въ ящикѣ не оказалось. Ее замѣняетъ черновая дневная вѣдомость и *кладовая книга, исходящая въ управу*, въ которую деньги записываются вдругъ, за нѣсколько дней, а потому провѣрить правильность вложенія и вынутія суммъ, согласно съ тѣми числами, въ которыя былъ принимаемъ ящикъ изъ вятскаго казначейства, *нѣтъ возможности*, хотя таковыхъ требованій въ теченіе 1870 года, со включеніемъ 1-го декабря, было 38. При этомъ комиссія нашла, что отказъ въ выдачѣ ящика въ день открытія собранія казначействомъ, по приказанію управляющаго казенною палатою, *не представляется предосудительнымъ*. Между тѣмъ 1-го декабря ящикъ управы былъ сданъ комиссіи и *всѣ суммы оказались на-лицо*. Чего же добивалась комиссія и почему она *не хотѣла* повѣрить правильность вложенія суммъ? Во-первыхъ, разности въ кладовой, хранящейся въ управѣ и въ сундукѣ казначейства, нѣтъ никакой, если кладовая ведется въ обоихъ случаяхъ одной и тою же управой, безъ всякаго дальнѣйшаго контроля внѣ собранія, такъ что управа можетъ во всякое время взять ящикъ и возвратитъ его запертымъ, при чемъ останется не извѣстнымъ, находится ли тамъ кладовая. Изъ этого ясно, что запираніе кладовой въ ящикѣ не есть гарантія и храненіе ея въ управѣ не есть преступленіе. Во-вторыхъ, по кладовой и по послѣднему мѣсячному свидѣтельству комиссія могла повѣрить наличность суммъ въ ящикѣ ко дню ближайшаго его истребованія, а затѣмъ, видя изъ дневной вѣдомости и кассоваго журнала, сколько поступило суммъ въ управу со времени послѣдняго полученія ею денежнаго сундука, комиссія могла повѣрить правильность вложенія, имѣя въ виду, что вложено было пачкою и что 4 пачки оказались на-лицо. Я говорю: комиссія *не хотѣла*, ибо отношенія комиссіи къ управѣ съ перваго раза были поставлены очень странно, и такъ какъ эти отношенія объясняютъ многое въ послѣдующемъ, то на нихъ нельзя не остановиться. Въ самомъ началѣ собранія (4 декабря), членъ комиссіи, гласный г. Молдавскій, сдѣлалъ предложеніе, не угодно ли собранію, для повѣрки счетныхъ книгъ управы, въ помощь ревизіонной комиссіи пригласить кого-либо изъ чиновниковъ контрольной палаты или казначейства. Г. Молдавскаго поддерживали члены комиссіи, уполномоченный отъ горнаго вѣдомства г. Тучемскій, отъ вѣдомства государственныхъ имуществъ г. Юзефовичъ и гласный г. Юусовъ. Послѣ продолжительныхъ преній, собраніе большинствомъ 14 голосовъ (въ томъ числѣ и предсѣдатель) противъ 10 поручило пригласить счетчиковъ г. Тучемскому. При этомъ гласные гг. Шиллегодскій, Платуновъ, Красовскій и Хвостовъ заявили, что приглашать постороннихъ счетчиковъ для учета управы

они не считаютъ совмѣстнымъ съ избраніемъ ихъ въ члены комиссіи, такъ какъ работа, переданная ей, должна быть исполнена не посторонними лицами, которыя могутъ и указать и скрыть ошибки, а самими членами комиссіи, не имѣющими права передавать уполномочіе, полученное ими при выборѣ ихъ въ губернскіе гласные, кому бы то ни было, а тѣмъ болѣе лицамъ наемнымъ, вслѣдствіе чего и отказываются отъ исполненія обязанности членовъ ревизіонной комиссіи.

Такимъ образомъ изъ 11 членовъ комиссіи трое отказались и въ ней остались чиновники гг. Тучемскій и Юзефовичъ, гласные гг. Молдавскій и Домелунксенъ, сами подвергавшіеся баллотированію въ председатели губернской управы, Колотовъ, протестовавшій вмѣстѣ съ другими противъ счетчиковъ, Калининъ, Сметанинъ и Соломинъ. На мѣсто выбывшихъ избраны двое новыхъ (гг. Лебедевъ и Антошевскій, оба лѣсничіе, подчиненные г. Юзефовича). Такимъ образомъ ревизіонная комиссія заключала въ себѣ 4 чиновниковъ, 2 гласныхъ, видимо непріязненныхъ прежней управѣ, и 4 лицъ, составлявшихъ меньшинство. Что поименованные чиновники и претенденты были дѣйствительно непріязненны управѣ и что это не одно только предположеніе,—въ этомъ удостовѣриться можно изъ дѣйствій ихъ, занесенныхъ въ журналы собранія. Непріязнь выражалась при каждомъ удобномъ случаѣ; но на бѣду заинтересованныхъ лицъ, не имѣя противъ управы важныхъ фактическихъ обвиненій, они должны были хвататься за самыя ничтожныя предлоги, распадавшіеся при первомъ возраженіи со стороны управы и потому не уваженные собраніемъ. Такъ въ ревизіонной комиссіи, при повѣрѣхъ счетоводства управы, г. Тучемскій замѣтилъ, что управа несвоевременно получала проценты по серіямъ, въ которыя обращена была часть земскихъ суммъ, вслѣдствіе чего произошли потери,—разсчитывая, что полученные своевременно серіи обращались бы изъ 3% въ вятскомъ банкѣ,—на 114 р. 9 к. Но г. Тучемскій не остановился на этомъ и вычислилъ, что тѣ же суммы принесли бы 174 р. 99 к. % и увеличили бы земскіе капиталы на 567 р., еслибъ управа своевременно купила на наличныя деньги (5.382 р. 70 к.) по февральскому курсу 90½ за 100 государственныя банковыя билеты 1-го выпуска. Такимъ образомъ для г. Тучемскаго покупка бумагъ, стоящихъ ниже пари, представляется *увеличеніемъ* капитала, и слѣдовательно чѣмъ ниже стояли бы бумаги, выбранныя управою для объѣма на наличныя земскія деньги, тѣмъ г. Тучемскому было бы пріятнѣе, потому что тѣмъ болѣе увеличился бы земскій капиталъ, который онъ разсчитываетъ по нарицательной цѣнѣ приобрѣтенныхъ бумагъ!!? Какъ ни страненъ подобный финансовый взглядъ, но онъ, какъ видно, очень понравился ревизіонной комиссіи, вспомнившей басню о «Парашѣ и кринѣ молока»: комиссія провѣрила полученіе процентовъ съ бумажныхъ цѣнностей за 1868 и 1869 годы ж. разсчитывая на всѣ таковыя проценты немедленное приобрѣтеніе би-

летовъ государственнаго казначейства, по разсчету полученія сложныхъ процентовъ, вывела убытковъ отъ потери $\frac{1}{2}\%$ на 64.377 р. 27 к. и вслѣдствіе *потери увеличенія капитала отъ курса* на 180.350 р. Когда собранію предъявлены были подобныя заключенія комиссіи, то предсѣдатель управы, г. Синцовъ, доложилъ собранію, что «купоны, какъ наличныя деньги, постоянно имѣющіяся при управѣ, есть не что иное какъ наличный капиталъ; а капиталами распоряжается не управа, а губернское собраніе, какъ показываетъ ст. 68 Положенія. Но такъ какъ со стороны собранія, въ виду учрежденія земскаго банка, не было никакого постановленія относительно капиталовъ, то управа ни въ какомъ случаѣ не могла распоряжаться наличными капиталами даже и въ такомъ случаѣ, еслибы необращеніе оныхъ въ процентныя бумаги влекло за собою ущербъ для земства. Что же касается до пріобрѣтенія $\frac{3}{4}\%$ билетовъ 1-го выпуска, которые дали бы земству значительное приращеніе капитала, какъ заявилъ г. Тучемскій, то управа никогда и ни въ какомъ случаѣ не позволяла бы себѣ опасную биржевую игру земскимъ капиталомъ». Собраніе большинствомъ голосовъ постановило: «принимая во вниманіе справедливое и основательное объясненіе г. Синцова, винить губернскую управу въ этомъ случаѣ нельзя».

Въ какихъ отношеніяхъ стоялъ къ г. Синцову членъ комиссіи г. Молдавскій, видно изъ слѣдующаго. Слѣдствіе о дѣйствіяхъ котельнической управы по увольненію земскаго врача, г. Гридина, поручено было губернскимъ собраніемъ особой комиссіи изъ своихъ членовъ: гг. Синцова, Соломина, Молдавскаго и Семякина. Комиссіа условилась съѣхаться 15 мая 1870 г., но г. Синцовъ, бывший тогда на избирательномъ съѣздѣ въ Глазовѣ, не могъ явиться и послѣ того просилъ съѣхаться въ Котельничѣ на 9 іюня, но на этотъ срокъ, кромѣ самого г. Синцова, не прибыло уже никого изъ членовъ комиссіи. Когда слушалось окончательно настоящее дѣло по протесту губернатора (18 декабря), г. Молдавскій, самъ приводя причины неприбытія г. Синцова, которыхъ нельзя не признать уважительными, просилъ собраніе о *преданіи г. Синцова за неяку въ комиссію судебному преслѣдованію*, на что г. Молдавскому замѣчено было гласными, что «его заявленіе къ дѣлу не относится». При такомъ настроеніи большинства членовъ комиссіи не трудно отгадать, на чью сторону становилась комиссіа при возникшихъ пререканіяхъ между губернаторомъ и губернскою управою.

Нападки на губернскую управу со стороны начальника губерніи начались съ самаго открытія собранія (28 ноября) въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Декабря 1-го собраніе разсматривало отношеніе вятскаго губернатора отъ 30 ноября за № 9533, гдѣ губернаторъ излагалъ, что котельническій исправникъ, видя безпрестанныя безпорядки на перевозѣ черезъ р. Малошу, призвалъ необходимымъ *убѣдиться, въ какой степени на-*

рушается содержателемъ этого перевоза заключенный съ земствомъ контрактъ, и потому просилъ у котельнической управы копию съ этого контракта. Котельническая управа отозвалась, что подлинныя контракты хранятся въ губернской земской управѣ, а послѣдняя на требованіе исправника отвѣтила, что нѣтъ никакой надобности имѣть г. исправнику просимыя имъ копии, такъ какъ наблюденіе за исправнымъ выполненіемъ контрактовъ, заключаемыхъ земствомъ, не относится до полиціи, а прямо относится къ вѣдѣнію земства, *и не дѣло полиціи вмѣшиваться въ подобныя дѣла*. Отвѣтъ управы нельзя не считать правильнымъ, ибо полиція имѣетъ обязанность наблюдать не за точнымъ исполненіемъ контрактовъ, заключенныхъ земствомъ, а только за случаями безпорядковъ и неисправности въ содержаніи путей сообщенія, находящихся въ завѣдываніи земства; объ этихъ случаяхъ полиція обязана извѣщать управы, для принятія необходимыхъ мѣръ, а въ случаѣ уклоненія управъ отъ приведенія въ порядокъ путей сообщенія, губернаторъ (но не полиція), и то съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, можетъ распоряжаться приведеніемъ въ порядокъ путей сообщенія помимо и на счетъ земства. Поэтому требованіе котельническаго исправника не подлежало удовлетворенію со стороны земскихъ учреждений; но не такого мнѣнія былъ вятскій губернаторъ: онъ полагалъ, что полиціи (въ данномъ случаѣ исправнику) предоставлено право, помимо земскихъ управъ, *самостоятельно* распоряжаться возстановленіемъ нарушеннаго сообщенія (чего впрочемъ здѣсь не было, а были только, какъ самъ онъ выражается, *безпорядки*) и что безпорядки могутъ прекратиться только при строгомъ исполненіи контрактовъ, *чего можно достигнуть лишь тогда, когда полиція за исполненіемъ ихъ будетъ наблюдать*. Поэтому губернаторъ призналъ отказъ губернской управы въ выдачѣ копій съ контракта *противозаконнымъ* и просилъ собраніе обязать управу во всѣхъ случаяхъ и при новыхъ подрядахъ присылать копій съ контрактовъ по содержанію перевозовъ въ полицію; при этомъ губернаторъ просилъ собраніе обратить вниманіе на неумѣстный отвѣтъ управы, находя, что выраженіе: «не дѣло полиціи вмѣшиваться въ подобное дѣло» — имѣетъ характеръ *замѣчній полиціи, рѣзкаго и несоотвѣтственнаго должности г. исправника*. Собраніе, большинствомъ 16 голосовъ противъ 5, нашло неумѣстнымъ обязывать управу сообщеніемъ полиціи копій съ контрактовъ, для наблюденія за ихъ исполненіемъ. Казалось бы, довольно; но губернаторъ, 3 декабря, за № 5677, нашелъ, что собраніе, отвѣчая на первый пунктъ его отношенія, т. е. признавъ не подлежащимъ исполненію его требованіе о присылкѣ копій съ контрактовъ въ полицію, не постановило никакого заключенія о неумѣстности выраженій, допущенныхъ губернской управою въ отношеніи ея къ котельническому исправнику. Собраніе разсуждало объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ въ двухъ засѣданіяхъ, 3 и 10 декабря, при чемъ нѣкоторые изъ гласныхъ

въ выраженіяхъ, употребленныхъ управою, не находили ничего особеннаго. Изъ затруднительнаго положенія вывелъ собраніе самъ предсѣдатель управы, г. Синцовъ, сдѣлавшій предложеніе — «спросить губернскую управу въ сношеніяхъ своихъ съ правительственными учрежденіями быть осмотрытельнѣе», и принятіемъ этого предложенія удовольствовались какъ собраніе, такъ и губернаторъ.

2. Въ то же засѣданіе поступило весьма длинное отношеніе вятскаго губернатора (28 ноября, за № 9329) по поводу неправильной раздачи ссуды въ 10.000 р., отпущенной въ пособіе на продовольствіе и по сѣвъ крестьянамъ Даровской волости, Котельническаго уѣзда, членомъ мѣстной управы, крестьяниномъ Чемодановымъ. По заявленію губернатора, крестьянинъ Чемодановъ безъ всякаго освѣдомленія вызывалъ крестьянъ, просящихъ пособіе, и раздавалъ имъ деньги безъ соблюденія формальностей, установленныхъ закономъ, вслѣдствіе чего пособіемъ воспользовались, въ числѣ другихъ, и нѣкоторые лица, которыя могли бы безъ него обойтись. Губернаторъ нашель, что, вслѣдствіе подобной раздачи, крестьяне прямо отправились въ кабакъ, а въ народѣ распространилась молва, что пособіе выдается не отъ земства, а какъ милость Государя. Котельническій исправникъ донесъ губернатору, что крестьяне, вслѣдствіе такой молвы, оставляя свои работы, толпами являются въ волостныя правленія и даже въ городъ, и съ шумомъ требуютъ поголовной выдачи денегъ; что волненіе крестьянъ вынудило мѣстныя власти (т. е. исправника?) арестовать зачинщиковъ беспорядковъ, а мировыхъ посредниковъ (жаль, что они *до арестовъ* не догадались объ этомъ!) *разяснить* крестьянамъ порядокъ выдачи ссудъ, — *и всѣ эти мѣры предупредили дальнѣйшіе беспорядки*. Губернаторъ просилъ губернскую управу для дознанія о дѣйствительно нуждающихся командировать въ Котельническій уѣздъ своего члена и, независимо отъ того, поручилъ котельническому исправнику и мировымъ посредникамъ (хорошо это сопоставленіе исправника съ посредниками!?) собрать по этому предмету вѣрнѣйшія свѣдѣнія. Исправникъ и посредники донесли губернатору, что пособія выдавались безъ соблюденія установленныхъ правилъ и иногда попадали въ руки лицъ, въ нихъ вовсе не нуждавшихся; а командированный въ Котельническій уѣздъ губернскою управою членъ ея, г. Пекенъ, объяснилъ, что онъ не нашель тамъ неправильной раздачи продовольственнаго капитала и отступленія отъ закона со стороны котельнической управы. Губернаторъ просилъ собраніе поручить сдѣлать строгій учетъ суммамъ продовольственнаго капитала, розданнымъ въ 1870 году по Котельническому уѣзду, и если нѣкоторая часть этихъ суммъ израсходована неправильно или *не вполне обезпечена* (?!), то взыскать съ виновныхъ, участвовавшихъ въ повѣртіи приговоровъ и въ раздачѣ суммъ, а въ предупрежденіе подобныхъ беспорядковъ составить подробныя правила раздачи ссудъ. При этомъ губернаторъ обращалъ вниманіе собра-

нія на дѣйствія губернской управы, «которая *рѣшилась защищать* котельническую, допустившую такія неправильныя дѣйствія, которыя могли служить поводомъ къ волненію и беспорядкамъ между крестьянами не только въ Котельническомъ уѣздѣ, но и во всей губерніи, объяснивъ въ представленіи мнѣ (т. е. губернатору) отъ 10 апрѣля, за № 1612, что безпокойство между крестьянами Котельническаго уѣзда произвела, по ея мнѣнію, не самая выдача ссудъ въ волостяхъ Казаковской, Петровской и другихъ, а распространившаяся отъ злонамѣренныхъ людей молва, что ссуда эта выдается не земствомъ, а какъ даръ Государя Императора, тогда какъ эта молва и распространилась вслѣдствіе щедрой и *небывалой* выдачи котельнической управой денежной ссуды, доходившей до 30 р. на семейство».

Собраніе для разбора этого дѣла въ томъ же засѣданіи 1 декабря избрало особую комиссію изъ 4 гласныхъ. Комиссія эта, въ засѣданіи 16 декабря, внесла свой докладъ, изъ котораго обстоятельства о раздачѣ ссудъ по Котельническому уѣзду представляются совѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Губернаторъ самъ обратилъ вниманіе собранія предыдущей сессіи на то, что осенью 1869 года червь истребилъ въ волостяхъ Петровской и Спасопреображенской ржаной хлѣбъ, а яровой лѣтомъ побилъ градъ, такъ что крестьяне не имѣютъ никакихъ средствъ къ уплатѣ податей и даже не знаютъ, какъ прокормить свои семейства. Вслѣдствіе этого, губернское собраніе ассигновало денежную ссуду изъ продовольственнаго капитала, а котельническая управа заявила, что въ Спасопреображенской волости въ запасныхъ магазинахъ нѣтъ ни зерна хлѣба, а въ другихъ волостяхъ очень мало, и что крестьяне начали питаться хлѣбомъ на половину съ древесною корой. «Первая причина обѣдненія крестьянъ,—говорила котельническая управа своему уѣздному собранію,—есть постепенное, за отсутствіемъ навоза, истощеніе почвы; главною же причиною обѣдненія—преждевременный сборъ податей и повинностей за вторую половину года и безмилосердное отбираніе отъ крестьянъ полицейскою властію, за первую половину податей, въ началѣ лѣта, сѣменнаго жита, послѣдняго холста и прочаго, — причина, дѣйствительно быстрыми шагами разоряющая уѣздъ». Собраніе, съ цѣлью ослабить такое вредное вліяніе на уѣздъ существующаго порядка взысканія податей, поручило управѣ ходатайствовать предъ начальствомъ губерніи объ измѣненіи срока и способа сбора податей и налоговъ, согласно предположенію управы; но на это ходатайство никакого отвѣта не послѣдовало. Что касается до дѣйствій котельнической управы по выдачѣ ссудъ, то повѣрка приговоровъ и выдача ссудъ членами и предсѣдателемъ управы, начиная съ 1869 и въ началѣ 1870 года, исполнялись, на сколько было возможно поспѣшить это дѣло, своевременно; но потомъ, какъ объяснили члены управы, зажиточные крестьяне волостей, обыкновенно исключаемые членами управы изъ приговоровъ при повѣр-

кѣ, желая воспользоваться изъ интересовъ ссудой, распустили по уѣзду ложный слухъ, что приговоры повѣрять не слѣдуетъ; что денежное пособіе нужно выдавать всѣмъ, поголовно, безъ исключенія и зажиточныхъ крестьянъ, что деньги эти ЦАРЬ пожаловалъ и т. п., и повѣрять приговоры становилось болѣе и болѣе невозможно: крестьяне не стали указывать зажиточныхъ крестьянъ, и отсюда неминуемо явилась медленность въ повѣркѣ слѣдующихъ приговоровъ; приговоры начали поступать въ управу поголовные, отъ цѣлыхъ волостей, почему явилась невозможность повѣрки приговоровъ чрезъ постороннихъ, не участвующихъ въ приговорѣ, крестьянъ; наконецъ крестьяне отказали даже въ дачѣ присяжныхъ повѣренныхъ, согласно 72 ст. XIII т. Св. зак., для повѣрки приговоровъ, и повѣрка приговоровъ сдѣлалась совсѣмъ невозможною и, при настроеніи умовъ крестьянъ, даже опасною. Повѣрять приговоры лично, чрезъ осмотръ членами управы имущества всѣхъ крестьянъ, въ виду приближающагося сѣва сѣмянъ, было невозможно. Управа съ своей стороны, какъ скоро получила извѣстіе о вышесказанномъ ложномъ слухѣ между крестьянами въ уѣздѣ, затруднилась въ истинной повѣркѣ приговоровъ и немедленно обратилась съ просьбой къ гг. мировымъ посредникамъ и просила ихъ оказать управѣ содѣйствіе въ разубѣжденіи крестьянъ въ справедливости распространеннаго между ними ложнаго слуха; но *дѣлали ли что-нибудь по этому предмету и. мировые посредники, управѣ неизвѣстно.* только въ народѣ ложная молва нисколько не утихла. Потомъ управа вновь просила содѣйствія гг. мировыхъ посредниковъ и просила г. уѣзднаго исправника обратить вниманіе на начинающееся волненіе въ народѣ и о преслѣдованіи возмутителей. Но главнымъ образомъ, кажется, возмутило крестьянъ и укрѣпило въ ложномъ слухѣ то обстоятельство, что, во-первыхъ, какъ слышно, часть выданной бѣднякамъ суммы отбиралась въ уплату податей и, во-вторыхъ, почему-то *въ волостныхъ правленіяхъ*, въ полѣднее время, *очень долго не составляли, по требованію крестьянъ, приговоровъ о ссудѣ* и народъ доведенъ былъ этимъ обстоятельствомъ до того, что цѣлыми массами,—о которыхъ исправникъ доносилъ губернатору,—ежедневно началъ являться въ городъ въ управу, оттуда къ исправнику и, наконецъ, къ мировымъ посредникамъ, настоятельно требуя *приказать подлежащему волостному правленію о составленіи приговора.* Въ нѣкоторыхъ волостныхъ правленіяхъ, за отказы въ составленіи приговоровъ, народъ, собравшись въ правленія толпами, вытаскивалъ оттуда волостныхъ старшинъ и своею властью отрѣшалъ отъ службы. Замѣтивъ такое волненіе и безуспѣшность своихъ дѣйствій, управа приглашала исправника и мировыхъ посредниковъ въ свои засѣданія для общаго совѣщанія. 20 апрѣля 1870 года состоялось такое совѣщаніе, гдѣ «всѣ пришли къ общему заключенію о необходимости содѣйствія управѣ со стороны исправника и мировыхъ посред-

никовъ и, распредѣливъ волости уѣзда, для спѣшности дѣла, между всѣми членами управы, рѣшили назначить волостные сходы и сдѣлать разъясненіе и убѣжденіе крестьянъ и повѣрку приговоровъ, при участіи уѣзднаго исправника или командированнаго имъ вмѣсто себя чиновника и подлежащаго мирового посредника; каждый взялъ себѣ выписку, въ какія числа и въ какое волостное правленіе должны прибыть, и уговорились немедленно начать дѣло. Но на дѣлѣ вышло совсѣмъ противное. На другой же день управою получены письменныя увѣдомленія отъ гг. уѣзднаго исправника и тѣхъ мировыхъ посредниковъ, которымъ нужно было ѣхать, что они отказываются отъ всякаго содѣйствія управѣ въ разъясненіи народу заблужденія и въ предупрежденіи могущаго быть бунта».

Членъ котельнической управы, крестьянинъ Чемодановъ, котораго губернаторъ выставялъ главнымъ виновникомъ въ опрометчивой раздачѣ ссудъ по Даровской волости, былъ вполне оправданъ комиссіею: огазалось, что приговоры, которыхъ г. Чемодановъ обязанъ былъ держаться при раздачѣ ссуды безусловно, повѣрялъ не онъ, а членъ управы и лѣсничій г. Дурасовъ. Слѣдовательно, если приговоры были составлены невѣрно, т. е. если въ нихъ были включены лица, не нуждающіяся въ ссудѣ, то въ этомъ виноватъ не г. Чемодановъ, а прежде всего волостное правленіе, составлявшее приговоры, а затѣмъ г. Дурасовъ, повѣрившій ихъ. Хотя же г. Чемодановъ и взялъ на себя обязанность спрашивать крестьянъ, при самой выдачѣ ссуды, о томъ, дѣйствительно ли они нуждаются въ пособіи, но дѣлалъ это добровольно, единственно чтобъ еще разъ убѣдиться въ дѣйствительной нуждѣ каждаго и предупредить ошибки, возможныя со стороны волостнаго правленія, составлявшаго приговоры, и со стороны члена г. Дурасова, повѣрившаго эти приговоры. И дѣйствительно, г. Чемодановъ достигъ того, что изъ числа 9.738 руб., разрѣшенныхъ на Даровскую волость, сберегъ и возвратилъ въ уѣздную управу 327 руб., т. е. слишкомъ 3% всей назначенной суммы.

Губернская управа также очищена была комиссіею отъ нареканія, взведеннаго на нее губернаторомъ, и комиссія, подробно изложивъ въ докладѣ мѣры, своевременно принятыя губернскою управою по указанію губернатора, пришла къ заключенію, что послѣдняя «съ своей стороны принимала всѣ зависящія отъ нея средства къ скорѣйшему и правильнѣйшему производству продовольственныхъ операций, и ни одно губернаторское предложеніе не оставлено безъ соотвѣтствующаго распоряженія».

Такимъ образомъ укоръ, сдѣланный губернаторомъ, что губернская управа *рѣшилась защищать неправильныя опѣствія котельнической управы, грозившія волненіемъ цѣлой губерніи*, не подтвердился.

3. Декабря 2 поступило въ собраніе отношеніе вятскаго губернатора

отъ 30 ноября, за № 9373,—самое замѣчательное изъ всѣхъ пререканій губернатора съ управой. Губернаторъ въ своемъ отношеніи пишетъ, что, *по дошедшимъ до него слухамъ* о несвоевременномъ и неаккуратномъ посѣщеніи земскими врачами больницы, онъ поручилъ въ декабрь 1869 г. губернскому врачебному инспектору обревизовать больницу. Инспекторъ нашелъ, что *одинъ изъ ординаторовъ* больницы хотя каждый день посѣщаетъ ее, но дѣлаетъ очень короткіе визиты больнымъ и, пріѣзжая въ больницу въ 10 часу утра, остается до 11 и рѣдко до $1\frac{1}{2}$ 12 часа. На этомъ основаніи губернаторъ предложилъ губернской земской управѣ внушить ординатору, чтобъ онъ исполнялъ свои обязанности точаѣе и аккуратиѣе; но управа отозвалась, что, кромѣ глубочайшей благодарности, она не имѣетъ ничего заявить ординатору за его дѣятельность. Отказъ управы въ этомъ случаѣ не лишенъ очень серьезнаго основанія. Губернская управа, оцѣнивая дѣйствія земскихъ врачей по собственному наблюденію, не имѣетъ обязанности передавать имъ выговоры отъ лица начальника губерніи, обязаннаго, на сколько ему предоставлено закономъ, подвергать взыскаціямъ служащихъ по земству врачей или непосредственно, или чрезъ врачебное отдѣленіе губернскаго правленія, а не чрезъ губернскую управу, которая вовсе не представляетъ въ этомъ случаѣ исполнительнѣйшей инстанціи для губернаторскихъ распоряженій. Такова формальная сторона дѣла; но и по самому его существу, какъ видно изъ дальнѣйшихъ объясненій управы, дѣятельность медицинскаго персонала, въ общемъ его составѣ, была совершенно удовлетворительною: утренніе визиты врачей начинались съ 9 часовъ, а вечернія визитаціи дѣлались ординаторами по мѣрѣ надобности, иногда даже и ночью; кромѣ того живущій въ зданіи больницы старшій врачъ обходилъ по вечерамъ постоянно всѣхъ больныхъ и этимъ замѣнялъ визитаціи ординаторовъ. Управа при этомъ указывала, какъ на самое вѣрное доказательство усердія врачей, на незначительность смертности въ больницѣ (8‰); но это обстоятельство губернаторъ отказался принять въ соображеніе, вслѣдствіе объясненія инспектора г. Іонина, что *«незначительный процентъ смертности въ больницахъ объясняется отсутствіемъ эпидеміи»*. Съ этой размовки, относительно оцѣнки дѣятельности одного изъ ординаторовъ, начались постоянныя замѣчанія губернатора по земской больницѣ. Въ маѣ 1870 года губернаторъ узналъ, что въ больницѣ служатъ 12 человекъ ссыльныхъ, и потребовалъ отъ управы или смотрителя письменнаго ручательства въ ихъ благонадежности: за троиухъ предсѣдатель управы поручился, а 9 остальныхъ управа общаю по степени увольнять. Между тѣмъ присутствію ссыльныхъ губернаторъ приписывалъ всѣ случаи безпорядковъ: такъ, напримѣръ, будто бы ссыльный Цугольцъ принесть водку двумъ арестантамъ, изъ которыхъ одинъ ударилъ рядоваго, тогда какъ, по дознанію управы, въ этомъ

безпорядкѣ оказался виновнымъ военный караулъ. Наконецъ, губернаторъ узнавъ, «что ходять слухи въ городѣ о неудовлетворительности земской больницы», и на этомъ основаніи въ ноябрѣ назначилъ новую подробную ревизію земской больницы, поручивъ ее тому же инспектору, г. Юнину, и помощнику его, г. Михайлову, давно уже желавшему занять мѣсто ординатора въ больницѣ и подавшему о томъ прошеніе въ разсматриваемую нами сессію губернскаго собранія.

Осмотръ заслуживаетъ по-настоящему подробнаго разсмотрѣнія, и только боясь утомлять вниманіе читателя слишкомъ большою статьею, я ограничусь болѣе выводами. «При общемъ бѣгломъ взглядѣ», такъ начинается отчетъ объ осмотрѣ, «больница представляется какъ бы въ удовлетворительномъ состояніи (оригинальное выраженіе при осмотрѣ больныхъ) по наружности, чистотѣ половъ и *порядку*; но при подробномъ обследованіи найдены слѣдующія болѣе или менѣе важныя упущенія противъ устава лечебныхъ заведеній». Упущеній этихъ перечислено 23, но ни одного изъ нихъ не оказалось зависящимъ отъ управы, нѣкоторыя просто изобрѣтены слишкомъ усерднымъ обследованіемъ ревизовавшихъ лицъ, а большинство поражаютъ своею мелочностью: напр., что столы у больныхъ покрыты не клеенкой, а салфеткой; нѣтъ въ каждой палатѣ рамокъ съ описью вещей, на ярыкахъ, пришитыхъ къ одеждѣ больныхъ, хранящейся въ аммуничникѣ, проставлены имена и фамиліи, а нѣтъ №; въ рецептахъ количество медикаментовъ прописывается знаками, а не прописью; въ надписяхъ на доскахъ у кроватей больныхъ попадаются ошибки, и пр. Замѣтивши въ арестантской палатѣ, что двѣ койки составлены вмѣстѣ, ревизоры указываютъ на это какъ на общее правило, противное 21 ст. уст. о лечеб. зав., а на повѣрку выходитъ, что койки были составлены вмѣстѣ на одинъ разъ, чтобы помѣстить трудно-больнаго. Далѣе, ревизоры нашли, что во всѣхъ палатахъ больницы имѣется только по одному тюфяку, и то довольно тощому, набитому мочалой, тогда какъ статью 23 уст. требуется 2 тюфяка; но ревизіонная комиссія приводитъ отзывъ самихъ больныхъ, что одного тюфяка достаточно, если дадутъ всѣмъ вновь заготовленные тюфяки, *толстые* и *мягкіе*. Однимъ словомъ, ревизіонная комиссія, которую, какъ мы видѣли, нельзя заподозрить въ пристрастіи къ губернской управѣ, при осмотрѣ нашла, что больница вообще находится въ порядкѣ и чистотѣ и воздухъ хорошъ, за исключеніемъ ретирадныхъ мѣстъ, что пища хороша и ею довольны, за исключеніемъ шей, которыя очень жидки; а производа изслѣдованія о несправивностяхъ, замѣченныхъ ревизіею гг. Юнина съ Михайловымъ, комиссія ни по одному изъ нихъ не признала управу заслуживающею нареканія, а большинство замѣчаній ревизоровъ нашла или бесполезными, или неудобноисполнимыми, или несправедливыми. Въ числѣ разъясненій комиссіи есть очень любопытныя: такъ, ревизоры обвиняли земскую.

больницу въ содержаніи неизлечимыхъ больныхъ, а оказалось, что неизлечимые больные, выписанные изъ больницы, возвращаются назадъ при предписаніи вятскаго губернскаго правленія: ревизоры замѣтили отсутствіе въ приемной комнатѣ шкафа съ бѣльемъ и обувью, но онъ стоялъ за перегородкой, вслѣдствіе чего они его и не видали, и т. д. Такимъ образомъ осмотръ гг. Ионина и Михайлова, несмотря на свою мелочность и на попытки къ преувеличенію, не подтвердившіяся по обследованію ревизіонной комиссіи, не давалъ никакого повода отнести особенно строго въ управѣ и обвинять ее въ допущеніи крупныхъ безпорядковъ и небрежномъ наблюденіи за земскою больницей. Послѣ всего этого, заключеніе губернатора, въ вышеприведенномъ сообщеніи собранію, приводимъ съ дословною точностью, какъ рѣдкій обращеніе, показывающій, до какой степени трудно сохранять хладнокровіе въ собственномъ дѣлѣ:

«Покорнѣйше прошу собраніе: 1) принять мѣры къ приведенію больницы въ должный порядокъ, съ тѣмъ чтобы предписанныя уставомъ лечебныхъ заведеній правила исполнялись со всею точностью, и обязать управу, дабы она, со дня закрытія собранія до дня открытія, безъ промедленія, съ должною аккуратностію исполняла всѣ законныя требованія какъ губернатора, такъ и врачебнаго инспектора, что обязательно для управы на основаніи 87 ст. врем. прав. для зем. учрежд., 538 ст. 2 т. общ. губ. и 280 ст. уст. леч. завед., *и тѣмъ предостератить необходимость примѣнять дѣйствіе 10 ст. Пол. о зем. учрежд.*; 2) сдѣлать распоряженіе о безотлагательномъ переводѣ изъ мужской арестантской всѣхъ арестантовъ въ женскую половину больницы; 3) обратить вниманіе на допущеніе губернскою управою безпорядковъ и отступленій отъ требованія закона по земской больницѣ, а также на неисполненіе моего законнаго требованія управою, которая вмѣсто того, чтобы обязать, по моему предложенію, ординатора больницы исполнять свою должность точно и аккуратно, изъявила ему свою глубочайшую благодарность, *чѣмъ выразила явное неуваженіе къ законному требованію губернатора*, несмотря на то, что, по ст. 381 т. 2 учр. губ. по прод. 1868 г., всѣ служащія въ губерніи лица, даже не подчиненныя въ служебномъ отношеніи губернатору, обязаны подчиняться его законнымъ требованіямъ и оказывать ему должное уваженіе, на которое онъ, какъ представитель высшей въ губерніи власти, имѣетъ неотъемлемое право. А также этотъ отзывъ управы выражаетъ явное пренебреженіе къ замѣчаніямъ по ревизіи губернскаго врачебнаго инспектора, тоже, по ст. 280 уст. леч. заведеній, непосредственнаго ревизора и наблюдателя за больницей.

«За симъ имѣю честь просить губернское собраніе вышеизложенныя дѣйствія губернской управы, заключающіяся: во 1-хъ, *въ неисполненіи законныхъ требованій губернатора*, основанныхъ на 87 ст. врем. прав. для зем. учрежд. и 538 ст. 2 т. общ. губ. учрежд., во 2-хъ, *въ неумѣстномъ распоряженіи въ противорѣчіе предложенію губернатора, выражающемъ явное къ нему неуваженіе*, въ 3-хъ, въ пренебреженіи къ ревизіи и замѣчаніямъ губернскаго врачебнаго инспектора и, въ 4-хъ, въ допущеніи безпорядковъ по больницѣ, что предусмотрено въ 151, 338, 339 и 341 ст. улож. о наказ.,—на основаніи 114 ст. Пол. о зем. учрежд., передать на распоряженіе судебнаго мѣста».

Въ собраніи того же 2-го декабря возникли продолжительныя пренія и окончились тѣмъ, что предсѣдатель поставилъ къ рѣшенію закрытою баллотировкой вопросъ: «слѣдуетъ ли передать на распоряженіе судебного мѣста неумѣстное *распоряженіе* вятской губернской управы въ противорѣчіе предложенія г. губернатора, *выражающее къ нему явное неуваженіе*». Я уже не говорю о самой постановкѣ вопроса прямо о преданіи суду, прежде чѣмъ рѣшенъ былъ возбужденный въ собраніи споръ о степени оскорбительности для губернатора употребленныхъ управою выраженій; но странно, что вопросъ этотъ разсматривался прежде, чѣмъ ревизіонная коммиссія внесла свой докладъ, гдѣ излагались ея заключенія относительно безпорядковъ, въ допущеніи которыхъ губернаторъ обвинялъ управу нераздѣльно съ нанесеніемъ достоинству его оскорбленій. Какъ бы то ни было, большинствомъ 14 противъ 9 шаровъ преданіе суду членовъ управы, подписавшихъ отношеніе къ губернатору, было отвергнуто. Но дѣло этимъ далеко не кончилось. Ревизіонная коммиссія, въ сущности оправдавшая управу, внесла слѣдующее заключеніе: «убѣдясь чрезъ повѣрку по смѣтѣ, что многія изъ требованій губернатора могли быть исполнены управою немедленно. напримѣръ: отдѣлить женщинъ отъ мужчинъ, устроить въ корридорѣ вентиляціи, исправить отхожія мѣста, на что значительнаго расхода не требовалось, а онъ могъ быть покрытъ изъ смѣтнаго назначенія,—коммиссія, согласно съ предложеніемъ г. губернатора, полагаетъ обязать управу *прекратить пререканія* и на будущее время исполнять всѣ законныя требованія администраціи по богоугоднымъ заведеніямъ, если только они не будутъ требовать расходовъ сверхъ средствъ, предоставленныхъ собраніемъ въ распоряженіе управы». Это заключеніе коммиссіи утверждено было собраніемъ, принявшимъ въ полномъ составѣ докладъ о больницѣ. Итакъ, собраніе не только признало управу не на столько виновною, чтобы предавать ее суду, но, разобравъ ея дѣйствія, устранила возможность повторенія пререканій на будущее время. Казалось бы, невозможно было слѣдовать по этому направленію далѣе, но ниже мы увидимъ, что возможно многое и самое неожиданное....

4. Декабря 5-го поступило отношеніе начальника губерніи (3 декабря, за № 9659) относительно дома умалишенныхъ, гдѣ также производилась ревизія, по порученію губернатора, помощникомъ врачевнаго инспектора, г. Михайловымъ. Изъ доклада управы и заявленія въ самомъ собраніи ея предсѣдателя видно, что въ этомъ случаѣ мнѣнія губернатора и управы въ сущности не расходились, и какъ тотъ, такъ и другая признавали одинаково необходимость переустройства дома умалишенныхъ; все дѣло состояло въ томъ, что губернаторъ требовалъ приступить къ этому немедленно, а управа отзывалась неимѣніемъ на это уполномочія собранія. Въ концѣ своего отношенія, губернаторъ снова

просилъ собраніе обязать губернскую управу *прекратить* всякія пререканія съ администраціею; а предсѣдатель управы, г. Синцовъ, когда разсматривался въ собраніи докладъ ревизіонной комиссіи по дому умалишенныхъ, заявилъ, что управа, согласно замѣчаніямъ губернатора, исправила все, что могла и на что нельзя было издержать большой суммы; все же, что комиссіи при осмотрѣ нашла неустроеннымъ, управа не могла сдѣлать безъ разрѣшенія собранія и не имѣла на это уполномочія, почему, въ виду важности дѣла и близкаго открытія собранія, отложила исполненіе работъ, требующихъ значительной суммы, до разрѣшенія ихъ собраніемъ. Во время преній по этому предмету, гласные гг. Красовскій и Волковъ заявили, что изъ обзора дѣйствій управы они не замѣчаютъ пререканій съ губернаторомъ; но ихъ поддержали всего 5 гласныхъ.

5. Въ то же засѣданіе поступило отношеніе губернатора (30-го ноября, за № 9514) о дурномъ содержаніи воспитанниковъ вятскаго земскаго сиротскаго дома и о жестокомъ съ ними обращеніи. Изъ отношенія видно, что въ концѣ октября (т. е. за мѣсяць до открытія собранія) губернаторъ получилъ свѣдѣнія о крайне дурной обуви у воспитанниковъ сиротскаго дома и о жестокомъ съ ними обращеніи надзирателя, г. Лопатина. На этомъ основаніи губернаторъ поручилъ *конфиденціально* (?) губернскому врачебному инспектору, г. Іонину, произвести осмотръ этого учрежденія. При ревизіи подтвердилось, что обувь въ крайне дурномъ положеніи, воспитанники ходятъ въ сапогахъ безъ подошвъ и семь изъ нихъ заявили жалобу на жестокое обращеніе г. Лопатина, причемъ у нѣкоторыхъ найдены слѣды подобнаго обращенія. Управа въ этомъ случаѣ была неправа и дѣйствительно ограничилась отпискою, защищая г. Лопатина, несмотря на то, что она сама убѣдилась въ томъ, что онъ билъ воспитанниковъ палкой. Даже въ собраніи, когда внесено было отношеніе губернатора, предсѣдатель г. Синцовъ выразился, что онъ положеніе дѣтей въ сиротскомъ домѣ находитъ удовлетворительнымъ, а обращеніе г. Лопатина съ дѣтьми не жестокимъ. При этомъ г. Синцовъ заявилъ, что «ревизіи благотворительныхъ заведеній, произведенной гг. Іонинимъ и Михайловымъ, онъ не можетъ вполне довѣрить и находитъ всѣ недостатки, изложенные въ актѣ, составленномъ ревизорами, весьма преувеличенными, что и сообщено г. губернатору; при томъ же, во 1-хъ, ревизія произведена была безъ участія кого-либо изъ членовъ управы, а въ 2-хъ, одинъ изъ ревизоровъ, именно г. Михайловъ, въ недавнее время уволенъ отъ постоянныхъ занятій по больницѣ». Въ это время въ засѣданіи собранія присутствовали, *съ правомъ голоса*, гг. Іонинъ и Михайловъ, которые тотчасъ же заявили, что г. Синцовъ своимъ недоувѣріемъ къ ихъ ревизіи нанесъ имъ тяжкую обиду. Собраніе на это заявленіе не обратило вниманія. Тогда г. Іонинъ подалъ начальнику губерніи рапортъ, въ которомъ, принося губернатору жалобу за выраженія г. Син-

цова въ собраніи, *«брошенные прямо въ глаза ему, Ионину, предъ лицомъ собранія и публики»*, заключилъ свою бумагу слѣдующими словами: «ни мои убѣжденія, ни мои дѣйствія, какъ по прежней, такъ и по настоящей моей службѣ не подають повода къ подобному оскорбленію, которое я считаю личнымъ, ибо г. Синцовъ не могъ оскорбить меня какъ человѣка, ибо мы не имѣли другъ къ другу никакихъ близкихъ отношеній и столкновеній, да еслибъ это и случилось, то я нашелъ бы другой путь къ преслѣдованію оскорбителя; а какъ это оскорбленіе по службѣ и дышетъ порицаніемъ моей служебной дѣятельности, то я покорнѣйше прошу ваше превосходительство подвергнуть г. Синцова законному преслѣдованію за оскорбленіе моей служебной чести и тѣмъ оградить меня на будущее время отъ подобныхъ, не заслуженныхъ оскорбленій». Губернаторъ жалобы гг. Ионина и Михайлова препроводилъ на разсмотрѣніе собранія. По выслушаніи этихъ жалобъ, гл. Стайбевъ нашелъ, что губернское собраніе не имѣетъ права разсматривать жалобъ, касающихся личнаго оскорбленія, такъ какъ на это существуютъ особыя судебныя установленія. Гл. Красовскій сказалъ, что не слѣдовало бы допускать и самое чтеніе подобныхъ жалобъ, какъ не относящихся къ вѣдѣнію губернскаго собранія, чѣмъ отнимается время для обязательныхъ занятій губернскаго собранія. Предсѣдатель собранія заявилъ, *что чтеніе сказанныхъ жалобъ допущено единственно вслѣдствіе предложенія ихъ 1. начальникомъ губерніи.*

Собраніе оставило эти жалобы безъ послѣдствій. Самое дѣло о безпорядкахъ по сиротскому дому поручено было обслѣдованію ревизіонной комиссіи. Комиссія нашла, что сиротскій домъ содержится чисто, въ порядкѣ, и воздухъ хорошъ, что пища оказалась хорошею и воспитанники ею довольны; но обувь найдена непрочною, воспитанники жалуются, что иногда вовсе не бываетъ калошъ или сапогъ, ножей и вилокъ приходится по одной парѣ на двоихъ и даже трохъ, такъ что мясо ѣдятъ руками. Относительно жестокаго обращенія, воспитанники, спрошенные сначала всѣ вмѣстѣ, показали, что они надзирателемъ довольны; но это не подтвердилось при одиночномъ распросѣ и оказалось, что воспитанники были застрашены. Г. Лопатинъ, какъ дознано комиссіей, билъ палкой, толщиной въ 2 пальца, воспитанниковъ Зубарева 9 лѣтъ и Столова, дралъ за уши и ставилъ на колѣни трехъ другихъ, билъ большимъ ключомъ отъ дверей двухъ воспитанниковъ, поставилъ четырехъ воспитанниковъ на дворѣ на колѣни, во время грома и молніи, подъ дождемъ и держалъ ихъ два часа. Воспитанники, вакъ видно, жаловались предсѣдателю и членамъ управы, но они ничего не сдѣлали, находя, какъ они объяснили, жалобы воспитанниковъ несправедливыми. Въ такомъ положеніи представлялось дѣло; но губернаторъ въ своемъ отношеніи, не ограничился заявленіемъ фактовъ предъ собраніемъ, а просилъ предсѣдателя и членовъ управы *за ихъ бездѣйствіе по управленію сиротскимиъ домами* и г. Лопатина за

жестокое обращеніе съ дѣтьми предать суду. Ревизіонная комиссія, въ вечернемъ засѣданіи 17 декабря, предлагала о дѣйствіяхъ г. Лопатина произвести формальное слѣдствіе, но собраніе съ этимъ не согласилось и постановило только его немедленно уволить. Такимъ образомъ, по настоящему вопросу, само собраніе не нашло управу не только подлежащую суду, но и какому-либо замѣчанію со стороны собранія.

6. Въ засѣданіе 10 декабря губернаторъ внесъ отношеніе (3 декабря. за № 9658), гдѣ онъ указываетъ на несоблюденіе губернской управой 112 ст. Зем. Пол., по которой смѣты, раскладки и годовые отчеты управъ должны печататься въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и кромѣ того рассылаться членамъ собранія до открытія засѣданій. На основаніи несоблюденія этого правила губернской управой, губернаторъ называетъ всѣ предыдущія ревизіи *поверхностными* и требуетъ учрежденія постоянной ревизіонной комиссіи изъ членовъ собранія. Предсѣдатель управы объяснял неисполненіе этихъ указаній существующимъ порядкомъ созыва губернскаго и уѣздныхъ собраній и доказывалъ, что, при созывѣ уѣздныхъ собраній во второй половинѣ сентября, заблаговременное печатаніе отчетовъ невозможно.

Вѣрно то, продолжалъ г. Синцовъ, что 7 ноября управа могла бы сдать въ отпечатку кассовый отчетъ, но напечатаніе его требовало времени, по самой меньшей мѣрѣ до 2 недѣль, и было бы кончено не ранѣе, какъ въ 22 ноября. Послѣ отпечатанія отчетовъ до открытія собранія оставалось, такимъ образомъ, 5 дней. Неужели въ теченіе 5 дней возможно было разослать отчетъ гласнымъ, разбросаннымъ по всей обширной Вятской губерніи? Положимъ, продолжалъ г. Синцовъ, управа отпечатала бы отчетъ, разослала его гласнымъ, но развѣ гласные, въ особенности сарапульскіе, елабужскіе и малмыжскіе, на 500 верстъ живущіе отъ губернскаго города и имѣвшіе 25 или 26 ноября выѣхать изъ домовъ своихъ, чтобы быть при открытіи собранія,—могли какимъ-нибудь образомъ заблаговременно получить отпечатанные отчеты? Въ этихъ ясныхъ до очевидности расчетахъ, управа, стѣсненная временемъ, нашла нераціональнымъ платить тройную типографщикамъ, пользующимся стѣсненными обстоятельствами, плату и не дозволила себѣ сдѣлать тройную затрату денегъ, ни въ какомъ случаѣ не могущую достигнуть преслѣдуемой 112 статьей цѣли. Собраніе передало этотъ вопросъ на обсужденіе ревизіонной комиссіи. Комиссія не признала этого разъясненія правильнымъ по слѣдующимъ основаніямъ: недооставленіе уѣздными земствами нѣкоторыхъ свѣдѣній не можетъ оставивать управу, такъ какъ она и нынѣ отдаетъ собранію отчетъ, не получивъ всѣхъ свѣдѣній, а составляетъ его по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія получены. Это не можетъ служить препятствіемъ, тѣмъ болѣе, что управа связана отчетностію съ уѣздными земствами лишь по нѣкоторымъ немногимъ предметамъ, какъ напримѣръ: о работахъ по до-

рожной повинности, которыми завѣдуютъ уѣздныя управы, но и теперь полной отчетности собранію не отдается и не можетъ быть отдано по неокончанію полного года; отчетность по дорожнымъ сооружеціямъ окончательно поступаетъ на утвержденіе собраній лишь на другой годъ; слѣдовательно, управѣ ничто не мѣшаетъ составлять отчетность и рассылать гласнымъ за текущій годъ по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія у нея имѣются въ день составленія отчетности. Но если и принять объясненіе управы по тѣмъ частямъ, которыя зависятъ отъ уѣздныхъ земствъ, то почему же управа не исполняла закона и не рассылала гласнымъ отчетныхъ докладовъ о такихъ предметахъ, которые находятся въ прямомъ ея распоряженіи, напримѣръ: о движеніи запаснаго капитала продовольственнаго и вообще о дѣйствіяхъ своихъ? Въ виду неоспоримой важности для земскаго дѣла своевременнаго полученія гласными отчетовъ управы, коммиссія предложила собранію, не принимая отъ управы никакихъ объясненій, обязать ее рассылать гласнымъ, за мѣсяць до собранія, смѣты, раскладки, отчеты и всѣ важные доклады, подъ опасеніемъ, за неисполненіе, законной отвѣтственности; кромѣ того коммиссія согласилась съ предложеніемъ губернатора объ избраніи постоянной ревизіонной коммиссіи, для наблюденія за дѣйствіями управы въ теченіе года. Собраніе согласилось (въ засѣданіи вечеромъ 17 декабря) съ такимъ заключеніемъ ревизіонной коммиссіи и въ предпоследнемъ своемъ засѣданіи (19 декабря) избрало членовъ постоянной ревизіонной коммиссіи, поручивъ имъ, вмѣстѣ съ управою, представить въ маѣ экстренному собранію проектъ инструкціи для этой коммиссіи.

Такова была исторія пререканій губернатора съ губернской управою, наполнившихъ всю четвертую сессію вятскаго губернскаго собранія. Никто, конечно, ни въ словѣ закона, ни въ принципѣ не ожидаетъ и не желаетъ совершеннаго устраненія всякаго надзора мѣстной администраціи надъ дѣйствіями управъ и права начальника губерніи предлагать свои наблюденія и соображенія на обсужденіе земскихъ собраній; но Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ ограничило предѣлъ этого надзора и указало путь, которымъ онъ долженъ совершаться. Остался ли вятскій губернаторъ въ предѣлахъ закона, сохранилъ ли онъ самостоятельность земскихъ учреждений, установленную Положеніемъ и охраняемую правительствомъ?—Оказывается, что взглядъ его на земство приравниваетъ послѣднее къ разряду непосредственно подчиненныхъ ему полицейскихъ учреждений; что онъ не только желаетъ указывать на неисправности, допущенныя земствомъ, но даже желаетъ лишить земство право выбора должностныхъ лицъ.

Изъ отношенія губернатора собранію 14 декабря, за № 4592, видно, что какъ скоро старшій врачъ земской больницы, г. Песковъ, уволенъ былъ управой въ отпускъ на 28 дней, такъ врачебный инспекторъ г. Юнинъ

донесъ губернатору, что ординаторъ г. Арбузовъ, которому управа поручила на это время исправленіе должности г. Пескова, *какъ недавно начинавшій медицинское поприще, не можетъ съ успѣхомъ управлять губернской больницею*. Только на этомъ основаніи губернаторъ тотчасъ же предложилъ собранію поручить исправленіе должности г. Пескова кому-либо *изъ наиболее опытнѣйшихъ врачей* въ г. Вяткѣ (т. е. Юнину или помощнику его Михайлову?!); а на мѣсто г. Пескова прислать доктора медицины, ссылаясь на циркуляръ мин. вн. дѣлъ 20 сентября 1861 г., за № 116 (т. е. до введенія земскихъ учрежденій), по которому въ старшіе врачи больницы велѣно опредѣлять преимущественно изъ ординаторовъ больницы или городскихъ и уѣздныхъ врачей. Собраніе исполненіе такого предложенія губернатора предоставило усмотрѣнію губернской управы. Какъ согласить такія дѣйствія губернатора съ его начальною рѣчью, гдѣ онъ призывалъ оправдать высокое Монаршее довѣріе единодушными дѣйствіями администраціи и земства на пользу народнаго благосостоянія? Губернаторъ заявилъ, что онъ въ теченіе полуторагодичныхъ постоянныхъ сношеній съ управами убѣдился, что нѣкоторыя опущенія и безпорядки происходили не столько отъ злоупотребленій, сколько отъ недостаточной опытности нѣкоторыхъ членовъ управъ; а между тѣмъ самъ же *четыре раза* предлагалъ предать суду губернскую управу, хотя по статьѣ 114 инициатива по преданію суду членовъ управы принадлежитъ самому собранію, а губернатору, наравнѣ съ другими правительственными мѣстами и лицами, по общему смыслу статей Положенія, предоставлено только право заявлять собранію о замѣченныхъ безпорядкахъ и неисправностяхъ. Вообще до единодушія между земствомъ и администраціей въ Вятской губерніи далеко: напротивъ, оба учрежденія, какъ это видно изъ обстоятельствъ, приведенныхъ выше относительно раздачи ссудъ въ Котельническомъ уѣздѣ, — пришли въ такое натянутое и неестественное положеніе, при которомъ нѣтъ мѣсто настоящему дѣлу, растутъ и поглощаютъ всѣ труды обоихъ учрежденій личныя дряги и ожесточенная, страстная борьба, о *народномъ же благосостояніи* нѣтъ и помину. Какъ я ни далеко отъ желанія обратить земскія собранія въ дворянскія и тѣмъ или другимъ способомъ закрѣпить здѣсь преобладающее помѣщичье вліяніе; но приходится убѣдиться, что въ губерніяхъ, гдѣ не живутъ помѣщики, слишкомъ распространенное вліяніе высшей мѣстной администраціи на земскія учрежденія лишаетъ ихъ предоставленной имъ по закону самостоятельности и окончательно тормозитъ земское дѣло.

18 декабря, когда всѣ доклады ревизіонной комиссіи уже были заслушаны, предсѣдатель, неожиданно, въ началѣ засѣданія, внесъ слѣдующее предложеніе:

«Въ предложеніяхъ своихъ, начальникъ губерніи, указывая, что со стороны губернской управы было допущено совершенное равнодушіе и отсутствіе вни-

манія къ участию призрѣваемыхъ, бездѣйствіе власти, неисполненіе законныхъ требованій г. губернатора, основанныхъ на 87 ст. врем. прав. для зем. учр., и наконецъ неумѣстное распоряженіе въ противорѣчіе предложенію г. губернатора— по дѣлу объ ординаторѣ больницы, выражающее явное къ нему неуваженіе, предложилъ губернскому собранію передать все это на разсмотрѣніе судебного мѣста.— Вслѣдствіе чего имѣю честь просить собраніе высказать свое мнѣніе: виновны ли предсѣдатель и члены губернской земской управы въ обнаруженныхъ ревизіонною комиссіею беспорядкахъ и въ какой степени каждый изъ нихъ по ввѣренной ему части для наблюденія?»

Вопросъ въ этомъ видѣ, т. е. съ раздѣленіемъ отвѣтственности между членами управы, не состоялся, и поэтому вновь предложенъ въ общемъ видѣ, т. е. о виновности вообще всего состава губернской управы. Собраніе большинствомъ 15 голосовъ противъ 13 признало губернскую управу виновною. Тогда предсѣдатель предложилъ рѣшить закрытою баллотировкой неизбежно представлявшійся слѣдующій вопросъ: «если виновна губернская управа, то необходимо ли дѣйствія ея передать на разсмотрѣніе судебного мѣста?» Преданіе суду управы было отвергнуто большинствомъ 18 шаровъ противъ 10.—Разумѣется, губернаторъ протестовалъ противъ такого рѣшенія собранія (отношеніе 19 декабря, за № 10157). Указавъ на допущенное губернскимъ собраніемъ противорѣчіе въ томъ, что собраніе сначала нашло управу виновною въ допущеніи беспорядковъ и неправильныхъ дѣйствій, а затѣмъ отказалось отъ передачи дѣйствій ея на разсмотрѣніе судебной власти, губернаторъ напомнелъ, что «собраніе тѣмъ самымъ приняло, какъ бы на себя, въ противность признанія виновности управы, освобожденіе ея отъ узаконенной отвѣтственности, что принадлежитъ единственно судебному мѣсту». Поэтому губернаторъ, на основаніи 114 ст. Пол. зем. учр., требовалъ отъ собранія постановленія о преданіи суду губернской управы. По выслушаніи этого предложенія, гласный г. Шиллегодскій заявилъ, что рѣшеніе о преданіи суду членовъ земскихъ учрежденій производится закрытою подачею голосовъ, т. е. на основаніи собственнаго убѣжденія, полученнаго при разсмотрѣніи обстоятельствъ, подавшихъ поводъ къ данному вопросу, и по совѣсти, и поэтому онъ, съ своей стороны, находитъ невозможнымъ согласиться съ предложеніемъ начальника губерніи.

Собраніе большинствомъ 23 голосовъ противъ 9 отвергло новое предложеніе губернатора. Губернаторъ перенесъ дѣло въ сенатъ, но и тамъ его проигралъ.

Въ тотъ же день (19 декабря), въ послѣднемъ засѣданіи, приступлено было къ выборамъ. Большинствомъ 19 шаровъ противъ 13 предсѣдателемъ вновь избранъ былъ старый предсѣдатель, г. Синцовъ, и собраніе нашло нужнымъ выразить ему искреннюю благодарность *за справедливое и направленное къ интересамъ земства веденіе дѣлъ*; прочіе кандидаты дѣдатели (гг. Домелунксенъ, Юнусовъ и Молдавскій) были забаллот-

рованы. Вечеромъ въ тотъ же день предсѣдатель собранія, г. Воскресенскій, отправился къ губернатору доложить ему объ окончаніи всѣхъ засѣданій собранія. Личный характеръ отношенія земства къ губернатору, какъ видно, достигъ до крайнихъ предѣловъ, такъ что губернаторъ самъ рѣшился подать примѣръ неисполненія закона. Предсѣдатель по возвращеніи объявилъ, что губернаторъ, по случаю нездоровья, закрыть собраніе лично не можетъ, а поручилъ ему, предсѣдателю (который въ то время не исполнялъ должности губернатора и не имѣлъ права закрывать собранія), прочесть *слѣдующее письменное отношеніе губернатора* (19 декабря, за № 10138): «вятское губернское земское собраніе IV очередной сессіи окончило всѣ свои занятія, а потому, на основаніи 81 ст. Полож. о зем. учр., объявляется это собраніе закрытымъ».

На этомъ оканчивается печатный рассказъ, заимствованный изъ сборника постановленій вятскаго губернскаго собранія, затѣмъ начинаются событія, не повѣренныя печати, теряющіяся въ разсказахъ, которыя передавать неудобно, въ предположеніяхъ, которыя носятъ характеръ преувеличенныхъ, ни на чемъ не основанныхъ извращеній истины. Извѣстенъ только окончательный результатъ: г. Синцовъ не былъ утвержденъ въ должности предсѣдателя губернской земской управы и на экстренномъ собраніи выбранъ вновь г. Колотовъ, а нѣсколько секретарей вятскихъ уѣздныхъ управъ административно сосланы въ отдаленные уѣзды Костромской губерніи.

Н. Колупановъ.

ОБЩЕСТВО РАСПРОСТРАНЕНІЯ СВ. ПИСАНІЯ ВЪ РОССИИ.

НА МОСКОВСКОЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКѢ.

Второй книгоноша—членъ-сотрудница, старушка Ф—ва, Синилітія Петровна, а попросту «Петровна», или «старушка съ книгами», какъ прозвали ее въ Петербургѣ, 80-ти лѣтъ, съ увѣчною (правою) рукою, но бодрая и неутомимая, всегда довольная и веселая: «Пальтишко подпояшу, проказницу свою (большую руку) за пазуху—и пошла себѣ (съ книгами; нѣтъ жизни радостнѣй моей) *). На Смоленскомъ кладбищѣ одна дама хотѣла подать ей милостыню: «вы бѣдная?»—«Нѣтъ же, душа есть, такъ не бѣдная,—бѣдные на столѣ вонъ лежатъ», отвѣчаетъ Петровна.—Продаетъ она по улицамъ, по рынкамъ, площадямъ, у церквей, на заводахъ, но самый вѣрный сбытъ у нея по трактирамъ и питейнымъ домамъ.

*) Весь рассказъ о Ф—вой составленъ изъ ея еженедѣльныхъ отчетовъ и, по возможности, ея собственными словами.

Гдѣ разъ была, зовутъ ее въ другой разъ и бранятъ, если долго не приходитъ. «Идешь мимо кабака, если въ дверяхъ кто стоитъ, такъ говорить: старуха, старуха, что къ намъ не зайдешь? А то такъ въ окошко: стукъ, стукъ,—ну, и зайдешь». Особенно полюбилась она въ знаменитомъ Г. кабакѣ. «Вотъ какъ дѣти родныя примутъ мать свою: «бабушка! матушка!» говорятъ мнѣ. Посадятъ, сбитнемъ напоятъ. Тотъ, что у выручки, тотчасъ посылаетъ мальчика: пойди, сбѣгай къ такому-то, что книги хотѣлъ купить.—Глядь,—приведетъ двухъ-трехъ мужиковъ: «Вотъ мы, бабушка, хотимъ книжки у тебя купить». И покупать. Такъ въ два часа легко продашь двадцать книгъ».

Не смѣялись ли когда въ кабакахъ надъ евангелиемъ? спрашиваютъ ее.—«Никогда,—вотъ сколько лѣтъ ужъ хожу. Приду, бывало, обступятъ, смотрятъ на книгу, переглядываются,—значитъ, денегъ нѣтъ. Такъ вѣдь займетъ у одного 10 к., у другаго 14, а одну копѣйку, говорить, подожди, видитъ Богъ, отдамъ. И отдастъ». Разъ показалось ей, что сидѣлецъ въ Г. кабакѣ обчиталъ ее на 30 к.; она попрекнула его. Тотъ хотѣлъ-было выдать ей еще 30 к. Но Ф. не приняла; возвратясь домой, она нашла недостававшія деньги у себя въ перчаткѣ: «сгорѣла отъ стыда,—на другой день пошла въ Г. кабакѣ извиниться» (версть шесть). Ну, какъ пьяницы покупаютъ? спрашиваютъ ее.—«Да вотъ какъ: подойду и покажу книжку. «Да нѣтъ, мнѣ не надо».—«Какъ не надо? Ты купи евангеліе, помолись, и Господь помилуетъ тебя и семейство».—«Да и безъ того скучно».—«Господь дастъ тебѣ радость». Такъ разговорись,—и купить. И многіе такъ покупаютъ». Видъ пьяницы возбуждаетъ въ ней глубокое участіе, которое не ограничивается безплоднымъ сожалѣніемъ, но немедленно переходитъ въ дѣло. Она подсядетъ къ такому, заговоритъ съ нимъ, начнетъ его усовѣщивать, дастъ почитать евангеліе, убѣдитъ приобрѣсть его и потомъ слѣдитъ за нимъ, навѣщаетъ его и поддерживаетъ его своимъ ласковымъ, разумнымъ словомъ, пока не броситъ вовсе пить и не пріучится вновь къ порядочной жизни. И ея истинно-евангельское милосердіе не остается безъ плодовъ. Объ этихъ дѣлахъ своихъ она обыкновенно молчитъ, но разъ «къ слову пришлось», такъ припомнила, что *человѣкъ десять пьяницъ, купивъ у нея евангеліе, перестали пить*. Встрѣчаясь съ нею, «вспоминаютъ, благодарятъ, за руку возьмутъ, поцѣлуютъ, чаемъ напоятъ». Первый такой бывшій пьяница (съ опухлымъ лицомъ) года три тому назадъ, раскрывъ евангеліе, сказалъ: «Исусе сладчайшій, помилуй меня!»—«Онъ былъ тогда пьянъ, весь оборванъ, а теперь его узнать нельзя». Другой пьяница не хотѣлъ купить, потому что денегъ не было: «Пьемъ на-пропалую!» пояснилъ онъ. Она въ долгъ ему дала. Потомъ онъ пересталъ пить и деньги отдалъ. Разъ лѣтомъ, на Сѣнной, встрѣчаетъ молодую женщину лѣтъ двадцати, безпутнаго поведенія, пьяную. Подсѣла къ ней, разговорилась: узнавъ, что она грамотная, дала евангеліе почитать, да такъ и

просидѣла съ немъ съ 10 часовъ утра до вечера: «И плакала-то она, и опять разговаривала со мною. Съ тѣхъ поръ я ее ужъ не встрѣчала нигдѣ, хотя прежде часто видѣла, какъ она толкалась на рынкѣ около кабаковъ». Иной, прижавъ евангеліе къ груди, говорилъ: «Дай Богъ тому много лѣтъ здравствовать, который ублагодворилъ насъ этою книгою; въ прежнее время этой книги достать нельзя было бѣдному. Это мнѣ и дѣтямъ моимъ будетъ». Одинъ пьяница бросилъ жену и дѣтей, совсѣмъ спился. Купивъ евангеліе, пересталъ пить, сталъ жить съ семьей опять и теперь живетъ хорошо (вертитъ сигары). Ф. ходитъ къ нимъ въ гости, и они называютъ ее бабкою-лекаркою. «А у меня какое лекарство? Одно только лекарство, известно, евангеліе». Одинъ сбитеньщикъ жилъ богато съ семьей. Вдругъ сталъ пить. Все пропилъ и бросилъ семью. Ф. встрѣтила его въ кабаѣ: «какъ увижу такихъ, такъ и прилѣплюсь къ нимъ». Стала спрашивать, кто, да откуда. «Онъ сначала и такъ и этакъ (все лгалъ, выхваляя себя), а тутъ я стала ему толковать, что нѣтъ хуже пьянства,—собошьешься, безъ покаянья въ гробъ положить, пропадешь». Слово за слово: читать умѣешь?—Умѣю.—Вотъ, возьми евангеліе, почитай. Такъ съ тѣхъ поръ и пересталъ пить. Опять поправился и сталъ жить съ семьей». Ф. у нихъ дорогая гостья (бабка-лекарка): «примутъ, накормятъ, на мягкую постель спать положить». Одинъ апраксинскій торговецъ, бывший крѣпостной, самъ выкупился и родныхъ выкупилъ, жилъ хорошо; потомъ вдругъ сталъ пить, пилъ двѣнадцать лѣтъ, все пропилъ.... Ф. подарила *) ему евангеліе и стала уговаривать бросить пить: «вѣдь дѣтей пошлешь по міру». Поплачу бывало съ женою. Мало-по-малу пересталъ пить, и вотъ два года уже ничего не пьетъ. Въ послѣднее время, какъ онъ пилъ, въ пьяномъ видѣ, оскорбилъ городского,—началось дѣло, тянулось два года, теперь вышло рѣшеніе: заплатить городскому за безчестье 50 руб., а у него и 5 рубъ нѣтъ. Жена плачетъ, проситъ: поди, назовись его матерью, попроси, чтобы простили штрафъ. «Нечего дѣлать, пошла, назвалась матерью, стала просить городского, кланяться. Что-жь, вѣдь спустилъ съ 50 руб. на пять!»

Все это она случайно рассказала: «съ слову пришлось, а то я не люблю рассказывать». Послѣдній же рассказъ былъ у нея, такъ сказать, вынужденъ настоятельною просьбою поразсказать о своихъ пьяницахъ.

Случилось, что въ это же время въ ноябрѣ завязалась у нея новая исторія съ пьяницею, что дало возможность прослѣдить ея развитіе, такъ сказать, шагъ за шагомъ. Вотъ ея рассказъ:

«Ходила на Выборгскую, обошла всѣ заводы, продала на 1 р. 50 к. Возвращаясь оттуда, въ 8-мъ часу вечера, иду мимо Александровскаго

*) На свой счетъ.

парка, вижу кабачокъ, въ которомъ еще не была. Вхожу. Прошу позволенія отдохнуть.—«Отдохни, бабушка, отвѣчаетъ цѣловальникъ,—издалека ли?»—«Нѣтъ, не очень».—«Что это у тебя?»—«Книги». Смотритъ и покупаетъ себѣ одинъ Новый Завѣтъ, другой—мальчику-прислужнику. Двое бывшихъ въ кабакъ тоже купили себѣ по евангелію. Немного спустя входятъ двое, полупьяные, одинъ постарше, другой помоложе. Который постарше, входя, крикнулъ: «Горе, гдѣ ты?»—«Здѣсь», отозвался кто-то въ кабакъ. Вновь вошедшій принялъ-было его за своего знакомаго, котораго искалъ, но увидя незнакомаго, сказалъ только: «ну, счастье, что не онъ, а то я, кажется, убилъ бы его». Подойдя къ Ф., проситъ позволенія присѣсть. Она отодвигается, а затѣмъ вступаетъ съ нимъ въ разговоръ и уговариваетъ его бросить пить. «Что это у тебя?» спрашиваетъ ее, указывая на сумку съ книгами, и, раскрывъ евангеліе, начинаетъ чигать: «Блаженны плачущіе» и проч. (именно на этомъ раскрылось). Это будитъ его совѣсть. «Вотъ уже шесть лѣтъ, какъ я пью», начинаетъ онъ свою исповѣдь, «да не только пью, но и ворую, что гдѣ плохо лежитъ. Въ прошломъ году такую же книжку купилъ сыну, а потомъ укралъ ее и пропилъ». Затѣмъ, обратясь къ молодому своему товарищу, проситъ его заложить свои сапоги, чтобы выпить; тотъ подходитъ къ сидѣльцу у выручки и шепчется съ нимъ, потомъ, подойдя къ товарищу, говоритъ на ухо, чтобы Ф. не слыхала: «30 коп. и опорки даетъ». Но Ф. услышала и стала стыдить ихъ. Они ушли, не выпивъ. Потомъ не разъ заходила она въ этотъ кабачокъ, слѣдя за тѣмъ человѣкомъ, узнала, что его зовутъ Андреемъ, что онъ семейный и гдѣ онъ живетъ.

Наканунѣ Рождества походила и продала рубли на три; часу въ седьмомъ вечера ей стало скучно: думаю,—пойду домой. Приходить. Ей говорятъ, что были отъ купца Л. и принесли подарокъ: 14 арш. миткалю, 10 фунт. солонины и большой хлѣбъ. Попросивъ отрѣзать ей 10 арш. миткалю, полхлѣба и половину солонины, отправилась съ этимъ грузомъ (уже часу въ 9 мѣ вечера) въ тотъ кабакъ, гдѣ встрѣтила Андрея. «Былъ здѣсь Андрей?» спрашиваетъ.—«Былъ, да сейчасъ ушелъ».—«Ну, думаю себѣ, ничего, я знаю его квартиру». Посидѣла немного, поговорила, глядь—входитъ Андрей. Она къ нему: «проводи меня къ себѣ,—здѣсь мѣста опасныя». Онъ пошелъ вмѣстѣ съ нею. Жены не было дома; были только трое дѣтей въ рубищахъ. Ф. оставила принесенные съѣстные припасы и миткаль на рубашки, сказавъ: я приду опять,—смотри же, чтобы на нихъ рубашки были сшиты. Андрей проводилъ ее обратно домой. Было уже поздно; пока переодѣлась, стали къ заутренѣ благовѣстить, пошла къ заутренѣ, отслушала и обѣдню, вернулась домой часовъ въ 10 утра. Немного спустя входитъ человѣкъ,—знакомое лицо. «Здѣсь ли живетъ Катерина Филипповна?» спрашиваетъ онъ. «Нѣтъ».—Начинаются переговоры. «Я Синклиткиа Петров-

на Ф.,—вы ошибкой сюда зашли».—«Нѣтъ, это, вѣрно, не такъ мнѣ ваше имя сказали, я помню ваше лицо. Вѣдь вы ходите къ г-жѣ П.?»—«Хожу».—«А какъ ее зовутъ?»—«А... И...»—Ну, вотъ видите, это вы самыя».—«Нѣтъ, вы ошибкой сюда попали». Съ тѣмъ онъ и вышелъ. Ф. съ другими жилицами такъ и думали, что этотъ человѣкъ попалъ къ нимъ по ошибкѣ. Немного спустя, онъ опять входитъ, таща огромную корзину. Тамъ было ватное пальто, 2 сорочки, 2 пары сапогъ, 2 индѣйки, пирогъ и 12 бут. пива. «Ну, вотъ по пиву и видно, что это не ко мнѣ,—я пива не пью», замѣтила Ф. и никакъ не хотѣла принять принесенныхъ вещей до тѣхъ поръ, пока на другой день человѣкъ, принесшій ихъ, снова не пришелъ и не подтвердилъ, что вещи назначены ей. Тогда она попросила опять разрѣзать одну индѣйку пополамъ и отрѣзать большой кусокъ пирога, и понесла это семейству Андрея. Она застала дѣтей уже въ чистыхъ рубашкахъ, сшитыхъ матерью изъ подареннаго миткала. Ф. подала пирогъ и индѣйку и стала ласково разговаривать съ Андреемъ. Онъ залился горькими слезами. «О чемъ плачешь?» спрашиваетъ его Ф. ласково. Молчитъ. «Можетъ о томъ, что водки сегодня не пилъ?» продолжаетъ она шуточно,—«пойдемъ, я тебѣ куплю водки; или на вотъ тебѣ пять копѣекъ на водку».—«Ахъ, поди ты съ своей водкой!»—«Не хочешь ли пива? У меня есть».—«Не хочу» Такъ и не сказавъ, о чемъ плакалъ, прибавила Ф. Жена Андрея (порядочная женщина, по-видимому) сказала Ф.—ой, что съ мѣсяць тому назадъ мужъ ея то дровъ (т. е. щепокъ) принесетъ, то воды, чего онъ прежде не дѣлалъ,—«начинаетъ привыкать, словно, къ работѣ». Ф. и объдать съ ними осталась. Возвратясь домой, она взяла другую половину индѣйки, кусокъ пирога, одну сорочку, пару сапогъ и 4 арш. миткала и снесла внизъ къ женщинѣ съ двумя дѣтьми уродцами. Дѣвочка со старенькимъ лицомъ, съ ручками и ножками вывернутыми, и мальчикъ двухъ лѣтъ, тоже съ неправильно развитыми ручками и ножками. Мать, уходя на работу, посадить дѣвочку у люльки и запретъ дверь на ключъ. Дѣвочка сидитъ и качаетъ братца; иногда только слышится ея плачь, потомъ опять притихнетъ,—такая тихая, послушливая. Мужъ этой женщины бродяжничаетъ. Несказанно обрадовалась бѣдная женщина принесеннымъ подаркамъ. Остальными съѣстными припасами Ф. угостила своихъ квартирныхъ сожителей.

«Ну, что Андрей?» спрашиваютъ Ф. нѣсколько дней спустя, — «видали-ль вы его?»—«Андрея моего опредѣлила я къ мѣсту. Вѣдь трое дѣтей, жаль! Что съ ними дѣлать, думаю. Пошла къ знакому биржевому подрядчику М. Вланыюсъ, прошу: «сдѣлайте, что я попрошу».—«Да что такое, скажи?»—«Нѣтъ, прежде общайте, что сдѣлаете». Тотъ общаетъ. Тогда она проситъ опредѣлить Андрея къ мѣсту, ради дѣтей его.

Г. М. приказываетъ привести его на другой день. Походя еще съ книгами, Ф. вечеромъ заходитъ къ Андрею и велитъ ему прийти къ ней

завтра пораньше. А между тѣмъ она припасла ему полушубокъ, занявъ его у извозника, и сапоги, чтобы было въ чемъ явиться: «вѣдь весь оборванный, а прежде лавки свои имѣлъ». Такъ пристроила она своего Андрея къ мѣсту, по временамъ заходитъ посмотрѣть на его работу (очистка дворовъ отъ снѣга). Работаетъ бѣдняга усердно, хозяинъ имъ доволенъ, обѣщалъ къ веснѣ дать лучшее мѣсто. Съ тѣхъ поръ онъ не пьетъ, но осторожная Ф. проситъ хозяина не давать еще ему денегъ на руки, а отдавать женѣ, которой она между тѣмъ помогаетъ платить за ея квартиру, и что получить отъ кого, хлѣбъ или другое что, дѣлится съ этою семьею: «что дѣлать, вѣдь нельзя же, — дѣти!»

Кромѣ Петербурга Ф. продавала также въ Шлиссельбургѣ, Ладогѣ, с. Ильяшахъ (на ярмаркѣ), въ Гатчинѣ, въ с. Жильцахъ (по Варшавской желѣзной дорогѣ). Въ Гатчину сходила пѣшкомъ: «вѣдь всего 38 верстъ!» Въ с. Жильцахъ продала мужикамъ около 50 экз. Новаго Завѣта. Назадъ вернулась въ вагонѣ съ *телятами*, — «такъ дешевле съ — 40 коп., а въ томъ вагонѣ, гдѣ четверо садятся, — 96 коп.»

Въ 1869 г. старушка Ф.—ва продала 1.922 экз.

Въ 1870 г. она продолжала свои труды. Работая по своей службѣ, она не забывала «спасенныхъ». Андрей, котораго она спасла отъ пьянства, а семью — отъ конечной гибели, продолжалъ быть предметомъ ея заботливости: она продолжала за нимъ слѣдить, поддерживая его на новомъ пути своимъ разумнымъ словомъ и теплымъ участіемъ, не переставая заботиться и объ улучшеніи его матеріальнаго благосостоянія. Пить онъ вовсе пересталъ, «далъ заклятіе не пить, а то совсѣмъ было до того дожилъ, что хотѣлъ руки на себя наложить. Работаетъ усердно: пять разъ къ обѣду позовутъ, пока онъ оставитъ работу», рассказываетъ о немъ Ф.; хозяинъ имъ доволенъ и хвалитъ его: «мужигъ усердный, старательный», говорить, «спустъ на зиму еще протрясется, а тамъ на мѣсто его поставлю, гдѣ рублей двадцать получать будетъ». Выпросивъ у хозяина 3 руб. пособія Андрею, купила ему кое-какую одежду, да женѣ и дѣтямъ $\frac{1}{2}$ четверика крупы гречневой и $\frac{1}{2}$ четверика крупы ячневой, «а то вѣдь дать на руки (женѣ) — истратить: женская трата извѣстно какая — на кофей! Нельзя, можно обойтись», замѣчаетъ Ф. Потомъ пошла она къ одному фабриканту и достала женѣ Андрея работу — бѣлье шить, по 10 коп. за штуку. «Какъ хорошо сошьеть, будетъ имѣть много работы». Благодарный Андрей, получивъ отъ хозяина на праздникъ 1 руб., купилъ за 60 коп. курочку и подарилъ Ф. «Такая хорошенькая, желтенькая, — ужъ 6 яичекъ снесла», съ удовольствіемъ рассказываетъ Ф. По ходатайству ея Андрей въ маѣ получилъ лучшее мѣсто, приставленъ былъ «къ вѣсамъ» и вмѣсто 10 сталъ получать 20 руб. въ мѣсяцъ. «Такимъ нужно прежде дать построже и потяжелее мѣсто», рассуждаетъ она, «а тамъ и лучше», а если сразу дать хорошее, можетъ избаловаться, станетъ тогда думать, чѣмъ другимъ

еще заняться; а какъ потяжеле, тогда сознаеть грѣхъ свой и покаяется».

«Что вашъ Андрей?» спрашиваютъ ее.—«Слава Богу, живетъ хорошо». — «Гдѣ же онъ?»—«На биржѣ; 25 руб. въ мѣсяцъ получаетъ. Купцы его любятъ: кто рубль, кто три подарить ему и въ праздникъ и въ будни».

Созналась однажды, что немного спустя послѣ того, какъ встрѣтила Андрея, нашла еще одного пьяницу Ивана. Бое-какъ выпрошенъ у нея былъ слѣдующій разсказъ. Въ Ямской зашла она въ кабакъ, увидала пьяницу (Ивана) и подѣла къ нему. Завязался разговоръ. «Ты, старуха, откуда?»—«И сама не знаю, откуда» *).—Подбиваетъ ее водкою. Она отказывается. Слово за слово, разсказываетъ все о себѣ, что онъ былъ прикащикомъ на Калашниковской пристани, потомъ сталъ пить съ товарищами, мѣста лишился, сталъ милостыню просить, онъ и вся семья его (жена и четверо дѣтей), два раза былъ въ нищенскомъ комитетѣ. Ф. стала его поправлять и усовѣщивать: «Зачѣмъ говоришь, что товарищи виноваты,—у самого умъ есть свой, не сѣтуй на другихъ». — «Какъ же быть мнѣ?»—«Молись; Господь помилуетъ тебя». Такъ съ мѣсяцъ она за нимъ слѣдила, потомъ дала ему евангеліе взаймы, стала навѣщать его и семью его, къ мѣсту его опредѣлила (на кузницу мѣхи дуть), сына его отдала сначала въ наборщики, а потомъ къ переплетчику, а дочь—въ швейную. «А то на улицѣ милостыню просили,—сохрани Богъ!» прибавила она. «Ужъ гдѣ я не была, хлопотала о нихъ; всѣмъ надоѣла своимъ попрошайствомъ: придешь, кланяешься и просишь: пожалуйте! Знаю, что надоѣла», заключила Ф. Нѣсколько мѣсяцевъ Иванъ не пилъ и усердно трудился на кузницѣ; тогда Ф. прискала ему мѣсто на желѣзной дорогѣ съ порядочнымъ жалованьемъ.

Не Ивана только и Андрея спасла «Петровна», распространяя слово Божіе и помогая ближнему. У нея человекъ семь такихъ: Андрей, двое Ивановъ, Яковъ, Степанъ, Тарасъ, Малофѣй—все бывшіе пьяницы, которыхъ она пристроила къ мѣсту. «Переставъ пить», говоритъ она, «многіе молятся потомъ какъ! Рады, что перестали пить. А видно, что трудно отстать». Отъ купившихъ у нея евангеліе въ питейныхъ домахъ часто слышится выраженія благодарности: «Дай Богъ тому доброе здоровье, кто это выдумалъ, что это книгу (Новый Завѣтъ въ 32-ю д.) такъ дешево можно купить!» Огорчили ее однажды ея обычные покупатели. Случилось такъ, что одно время не было у нея Новыхъ Завѣтовъ въ 25 коп., а были въ 28 коп., въ лучшемъ переплетѣ. Стали корить ее, что дороже беретъ за книги. Она сослалась на лучшей переплетъ ихъ.—«Дорого слово Божіе», отвѣтили ей, «а переплетъ все равно; богатые у тебя не купятъ, богатые пойдутъ въ магазинъ покупать, а мы все — у тебя: гдѣ наша

*) Она дѣйствительно не знаетъ своего происхожденія, оставшись ребенкомъ по смерти отца и матери.

старуха, что божественныя книги носить? — и всё бѣдныя идемъ къ тебѣ, а ты накладываешь на книгу».

Ф. замѣчаетъ, что прошло уже года три-четыре, какъ народъ гораздо меньше сталъ пить. «Прежде, бывало, вездѣ валяются пьяные, у кабаковъ подъ заборами, или смотришь: городской въ часть везеть,—водка что ли дешева была; а теперь пьяные рѣдко встрѣчаются. Пьютъ и теперь, но не такъ,—четвертой части того нѣтъ, что прежде».

Дождливая погода ей очень ужъ досаждаеть: какъ измокнетъ, такъ больная рука начинаетъ сильно болѣть. «Приду», говоритъ, «усталая, измокшая, вечеромъ,—не пойду завтра съ книгами! Утромъ часа въ 4 и ужъ опять встала. Жильцы смѣются, говорятъ: что такъ рано поднялась,—вѣдь не пойдешь съ книгами; тебѣ бы отдохнуть дня три».— «Да я въ лавочку». Кто-нибудь тутъ скажетъ: «Я схожу, возьму, что надо».— «Нѣтъ, я сама пойду».— «А сумку зачѣмъ съ собой берешь?»— Все смѣются. Выйдешь часу въ 10-мъ, пойдешь по трактирамъ: извозчики въ это время чай пьютъ,—ну, и продашь имъ сколько-нибудь».

Разъ мужичокъ догналъ ее на мосту, взялъ Новый Заветъ въ 25 к., далъ 50 коп. и не взялъ сдачи, потому что сынъ купилъ въ прошломъ году св. книгу и поправился. Онъ давно хотѣлъ купить себѣ Новый Заветъ, да все не встрѣчалъ Ф. «Бабушка», говорилъ онъ, «помолись за меня».

Гдѣ торговали? спрашиваютъ ее разъ.—«По уголкамъ: тамъ газовая фабрика, здѣсь бумажная; становишь у входа и предлагаешь проходящимъ на фабрику. Кто купить,—попросишь его съ поклономъ, чтобы другому сказалъ; глядишь, выйдетъ другой. А если такъ по улицамъ молча предлагать, такъ не много продашь».

Въ концѣ августа отправилась Ф. въ с. Ижору *), по приглашенію одного изъ членовъ, жившаго тамъ на дачѣ, для продажи св. книгъ на сосѣднихъ кирпичныхъ заводахъ и баркахъ, останавливающихся у Ижорской пристани, по пути въ Петербургъ. Радужно встрѣченная хозяйкою дома, отдохнувъ и обсохнувъ (дорогою сильно измочила ее дождь), наша Ф., часу во второмъ дня, отправилась «прогуляться», какъ она выразилась, взявъ конечно и сумку съ книгами,—«савось что-нибудь продамъ». Ходъ барокъ уже прекратился и она направилась къ кирпичнымъ заводамъ вверхъ по Невѣ. Пошла бодро берегомъ, не замѣчая пути и не чувствуя усталости, и дошла до Шлиссельбурга. Но и здѣсь не продала ни одной книги; пошла дальше, прошла кирпичные заводы, пороги, колоніи. Между тѣмъ совсѣмъ стемнѣло, начинается дождь накрашивать; подходитъ къ какой-то деревнѣ, видитъ на берегу—дѣти. Подсѣла къ нимъ и разговорилась; она думала здѣсь переночевать, но замѣтивъ, что дѣти—чухонцы и, слѣдовательно, деревня чухонская, не

*) На берегу Невы, на полпути между С.-Петербургомъ и Шлиссельбургомъ.

рѣшилась остаться. «Куда-жь мнѣ теперь?» думаетъ.—«Пойду назадъ». И пошла. Попадается на встрѣчу высокій мужчина: «Куда Богъ несетъ тебя, бабушка?» спрашиваетъ.—«Куда Богъ принесетъ».—«Ну, иди съ Богомъ». Немного дальше встрѣчаетъ дѣвочку лѣтъ четырнадцати: «Куда идешь, бабушка?» спрашиваетъ и та.—«Въ Шлиссельбургъ».—«Колоніями ты пройдеши свободно, а заводами тебѣ не пройти,—опасно; пойдемъ къ намъ ночевать». И повела ее. Пришли въ бѣдную-пребѣдную избушку. «Много я видѣла, а еще такой бѣдности не видала», замѣтила Ф. Въ избушкѣ нашла она старика-отца, отставнаго солдата, и еще троихъ малыхъ дѣтей, двухъ дѣвочекъ и мальчика. Старикъ разговаривалъ о походахъ своихъ. Въ избѣ темно. Ф. спрашиваетъ дѣвочку, которая привела ее, что-жь они не зажгутъ огня.—«Да нечего зажечь», отвѣчаетъ та.—«А можно ли купить здѣсь?»—«Можно, у еврея».—«Пойдемъ купимъ». Еврей уже спалъ; разбудили его: онъ далъ керасину на 5 коп. въ горшечекъ. Зажегши ночникъ, сварили картофелю, подчуютъ Ф. Она отказывается, говорить, что ей не хочется ѣсть. Старикъ улегся спать. Ф. говоритъ дѣтямъ: «раздѣвайтесь же и вы и ложитесь».—«Да мы такъ спимъ».—«Какъ такъ?»—«Да у насъ рубашекъ нѣтъ». Ф. выходитъ въ сѣни, снимаетъ съ себя рубашку и даетъ старшей сестрѣ сшить тутъ же младшимъ ея сестрамъ по рубахѣ. Дала имъ денегъ, какія были съ нею (60 коп.). Между тѣмъ разсвѣло. Ф. отправилась далѣе и къ полудню прибыла обратно въ Ижору, пройдивъ такимъ образомъ цѣлыя сутки. Между тѣмъ ее тамъ всюду искали, безинокились,—не заблудилась ли старуха. Встрѣтили ее конечно съ радостью, но и съ выговоромъ за ея выходку: «стыдно стало», замѣтила Ф., покраснѣвъ. Деревня, гдѣ она ночевала, называется Маслово, въ 30 верстахъ еще за Шлиссельбургомъ. «Удивляюсь я, право, что никакъ не могу устать», говоритъ она; «сожалѣла только, что за весь походъ не продала и 10 книгъ».

Этотъ и подобные драгоцѣнные рассказы наскоро набрасываются на бумагу со словъ Ф., пока она говоритъ, приходи давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, нисколько не подозрѣвая, что слова ея попадутъ цѣкогда въ печать; въ противномъ случаѣ, едва ли что можно было бы отъ нея выпытать.

Вотъ еще одно изъ ея похужденій, въ концѣ сентября и началѣ октября. «Я пострадала вѣдь», рассказывала она. «Я ушедши была,—грѣхи-то меня унесли изъ Петербурга. Пошла на Ульяновку, пришла,—нитки сухой не осталось. Вся измокла, а въ сумгѣ сухо», прибавила она съ самодовольствіемъ. «Погода вѣдь какая была,—нечего дѣлать, надо идти,—сапоги совсѣмъ сносила, пока пришла туда, не могла слова выговорить отъ холода,—такъ чаемъ напоили, согрѣли, платье пережѣнили, такъ что и на печку не пошла. Пробыла 3 дни въ Ульяновкѣ и продала на 16 рублей. «Кому же столько?» спрашиваютъ ее.—«Да вѣдь

сколько тамъ огородниковъ! Лѣнива только стала, да и дѣла-то много другаго. Опоздала вѣдь изъ дому-то выйти; хотя встала въ 4 часа, а вышла въ 8». — «Что-жь такъ?» спрашиваютъ ее. — «По обстоятельствамъ», отвѣчаетъ она неохотно. «Вставши въ 4 часа, пошла куръ *) посмотрѣть: такихъ во всей Болтовской нѣтъ!» прибавила она съ самодовольствіемъ. «Потомъ вышла въ калитку и встрѣтила тамъ молодую дѣвочку, спустившуюся отъ пьнства почти до помѣшательства. «Всѣ ее ругаютъ, мальчишки грязью кидаютъ на нее, камнями, ѣздятъ на ней, уши оборвутъ, водой обольютъ, оплеуху дадутъ. Бывало подойдетъ къ окну, кричить, просится въ комнату: «вотъ паспортъ чистый у меня!» Не пускаютъ. «Пустите меня, пустите меня!» кричить тоненькимъ голосомъ, а ее въ шею. Жалуется Ф—ой, все хотѣла, чтобы Ф. приняла ее къ себѣ, и нѣсколько разъ ночевала на ея дворѣ подъ дровами. Но Ф., по ея собственному сознанию, сурово отталкивала ее отъ себя, негодую на нее за то, что она не хотѣла исправиться. Такъ и теперь, встрѣти ее въ калиткѣ, Ф. хотѣла пройти мимо. та останавливаетъ ее: «Матушка, обуи меня». Ф. стала ей выговаривать за ея безпутную жизнь. Та плачетъ и все твердитъ: «Обуи меня, мнѣ холодно»... — «У самой нѣтъ!» отвѣтила Ф. рѣзко. — «Хоть какія-нибудь башмаки дай», продолжала та жалобно просить. — «Нѣтъ! И не ходи за мной!» — Ф. вернулась въ комнату, сѣла, да и не могла уже встать, — у нея ноги отнялись, — повидимому, отъ сильнаго душевнаго потрясенія. Такъ просидѣла она до 9-го часа; потомъ встала, немного обошлась, — и пошла къ Сергію. «А только эту женщину мнѣ надо опять увидѣть», сказала она про себя. «Она грамотная и собою не дурна»: это та самая дѣвушка, съ которою, года два тому назадъ, она сидѣла на Сѣнной, читала съ нею евангеліе и разговаривала. «Съ того времени она очень похудѣла, голось едва слышный, — жалко смотрѣть».

«Въ среду (30 сентября) весь день хороводилась съ Прасковьею (такъ зовутъ ту несчастную дѣвушку): оскорбила ее, такъ надо было что-нибудь сдѣлать. Послала отыскивать ее; отыскала, свела въ баню, одѣла, обула, дала свое старое пальто, потомъ думаю: какъ бы пристроить ее? Есть бѣдные чиновники, которые за 1½—за 2 рубля (въ мѣсяцъ) нанимаютъ. Повела къ одному, у котораго 11 человекъ дѣтей, — приняли за 2 рубля. «Я сама не рада вину», говорила несчастная дѣвушка, «да что дѣлать, не могу удержаться; заработаю деньги, — думаю: то и то себѣ сдѣлаю, — увижу кабакъ, пойду и всѣ пропью». Весь день тотъ возилась съ ней Ф. Ее все совѣсть упрекала, что такъ строго обошлась съ нею въ первый разъ. всю ночь наканунѣ думала, какъ ей помочь. «Сразу ей нельзя отстать отъ вина, — умереть. Я буду каждый день приходить, приносить тебѣ немного вина, пока не

*) Происшедшихъ отъ той курицы, которую подарилъ ей Андрей.

отстанешь», говорила она Прасковья. Но дни несчастной дѣвушки были уже сосчитаны; и двухъ недѣль не прожила она на новомъ своемъ мѣстѣ, заболѣла и слегла въ постель. 6 октября Ф. отъ заутрени пригласила къ ней священника. Послѣ исповѣди и причастія Прасковья повеселѣла,—какъ будто горе отъ сердца отлегло. Походивъ потомъ немного съ книгами, Ф. поторопилась къ больной и нашла ее при смерти. Всю ночь просидѣла съ нею. Прасковья вспомнила о прежней своей жизни съ раскаяніемъ, всю ночь проговорила, ласкалась къ Ф.—й, упраскивала ее прилечь головою къ ея изголовью и утромъ часу въ 4-мъ тихо скончалась. Ф. похоронила ее на Смоленскомъ кладбищѣ и тутъ же продала 4 экземпляра Новаго Завѣта.

Въ томъ же году случилось съ Ф. несчастіе. Однажды, пройдя Николаевскій мостъ, хотѣла она перейти улицу; въ это время какой-то прохожій, безъ всякаго повода съ ея стороны, ударилъ ее въ спину такъ сильно, что она упала и раздробила себѣ колѣно. Съ мѣсяць пролежала бѣдная старуха: «по грѣхамъ моимъ тяжкимъ это случилось», говорить. Вспомнила по этому случаю, сколько она вытерпѣла на своемъ вѣку: на Сѣнной разѣ лошадь укусила ее за плечо; разбойникъ за волосы таскалъ такъ, что клочки волосъ летѣли, лицо въ кровь разбилъ, правую руку изувѣчилъ; на улицѣ разѣ палкою попалъ ей въ голову мужикъ, такъ что она безъ чувствъ упала, и т. п. Все это рассказывала она веселымъ тономъ и горевала только, что не можетъ еще ходить; надѣялась впрочемъ, что будетъ еще ходить: «вѣдь вотъ же лѣвою рукою научилась владѣть,—все дѣлаетъ!» Употребленія правой руки лишилась она года три тому назадъ. Въ началѣ осени 1868 г. отправилась она подъ Нарву, на богомолье, взявъ съ собою около 300 экз. Новаго Завѣта. Воспользовавшись тѣмъ, что одинъ человекъ отправлялся въ Нарву на конной подводѣ, она уговорилась съ нимъ, чтобъ онъ взялъ ее съ собою и притомъ везъ бы ее ночью, а днемъ стоялъ бы, чтобъ она могла днемъ продавать свои книги въ томъ селеніи, гдѣ они останутся на ночлегъ. Такъ добралась она до Нарвы; отсюда отправилась съ своими книгами по Новгородской губерніи тѣмъ же способомъ, нанимая себѣ мѣсто въ телѣгѣ у попутчиковъ. Продавала преимущественно по деревнямъ, причемъ крестьяне встрѣчали ее съ радостью: «бывало приду измоченная дождемъ,—примуть, обсушатъ, на печку посадятъ, накормятъ, купятъ Новый Завѣтъ и проводятъ съ благодарностью». Такъ распродала она всѣ почти свои книги и пробралась уже было въ Т. губернію. Узнавъ, что уже и до Москвы не далеко, она вздумала побывать въ Троице-Сергіевской лаврѣ—Богу помолиться; но вмѣсто того, чтобы поѣхать по желѣзной дорогѣ (у нея же и книгъ почти не оставалось), она продолжала свое путешествіе прежнимъ способомъ—гдѣ пѣшкомъ, а гдѣ на телѣгѣ съ попутчиками: «такъ дешевле», пояснила она. Разъ, по дорогѣ, нагоняетъ ее въ те-

лѣтъ какой-то человѣкъ среднихъ лѣтъ. Она къ нему, спрашиваетъ его, далеко ли до Т. и сколько возьметъ подвезти ее. «Садись, лишняго не возьму», отвѣчаетъ тотъ. Ф. помѣстилась въ телѣгу (это было часу въ 3-мъ дня) и по обыкновенію начала разговоръ о «божественномъ». «Такъ хорошо проговорили часа два», рассказывала она; онъ все поддакивалъ, потомъ вдругъ сталъ противорѣчить и произносить страшныя богохульства. Ф. умолила; ей стало страшно. Она хотѣла бы теперь переѣхать къ кому другому, да никого не было, — глухая степь. Между тѣмъ совсѣмъ стемнѣло, дождикъ пошелъ. Нѣкоторое время ѣхали они молча; потомъ везшій ее человѣкъ вдругъ оглянулся на нее, не сказавъ ни слова; немного погодя, опять оглянулся, потомъ и въ третій разъ и остановилъ телѣгу: «слѣзай съ телѣги!» крикнулъ онъ на Ф. Бѣдная старуха, съ перепугу, какъ была, такъ и выкинулась изъ телѣги и, падая, сильно ушибла бокомъ объ ось, такъ что уже и подняться не могла. «Давай деньги!» крикнулъ разбойникъ и сталъ рвать на ней платье въ клочки, ища денегъ, при чемъ билъ ее безъ милосердія и кулаками, и ногою, и кнутомъ, — въ кровь ее всю избилъ. Ф. все твердила ему: «ты можешь меня убить, только помни, что убійцы прокляты». Это повидимому еще болѣе его ожесточило. «Да отойди отъ меня, окаянный», говорила ему Ф., отводя его рукою; тогда онъ какъ звѣрь кинулся на нее и сталъ ее кусать, вырывая зубами куски тѣла. Полумертвую наконецъ оставилъ онъ ее. Спустя немного слышитъ бѣдная Ф. стукъ колесъ: «вотъ, думаетъ, кто-нибудь ѣдетъ, — возьметъ меня». А это былъ онъ же. Вспомня, что изъ телѣги выпалъ какой-то узелокъ, который былъ у Ф., онъ вернулся за нимъ. Поднявъ узелокъ (тамъ были ея книги), онъ подошелъ къ ней, молча ударилъ ее нѣсколько разъ этою связкою книгъ, хлеснулъ еще кнутомъ и, наконецъ, уѣхалъ. Всю ночь пролежала бѣдная старуха на полѣ, облитая кровью, подъ сильнымъ дождемъ. На утро ѣдутъ проѣзжіе, подходятъ къ ней, спрашиваютъ, что съ нею, и, узнавъ, что ее избилъ и ограбилъ разбойникъ, говорятъ: «вотъ сзади насъ другіе ѣдутъ, такъ возьмутъ тебя», — и ѣдутъ дальше. Другіе поступаютъ точно такъ же, очевидно боясь быть привлеченными къ слѣдствію. Проходитъ такимъ образомъ съ полдня. «Что мнѣ дѣлать?» думаетъ наша бѣдная Ф. «Надобно что-нибудь выдумать, а то пропадешь». Ѣдутъ опять мужички, останавливаются, подходятъ къ Ф., съ участіемъ спрашиваютъ ее, что съ нею. — «Да вотъ была вчера въ гостяхъ», отвѣчаетъ Ф., «да выпила лишнее, упала и расшиблась, а теперь и встать не могу». Тогда взяли ее, посадили на телѣгу, прикрыли ея оврававленное, полуобнаженное тѣло рогожею и привезли въ деревню. Затѣмъ одинъ изъ мужичковъ, которому надобно было ѣхать въ Петербургъ, взялъ ее съ собою и привезъ домой. Долго болѣла бѣдная старуха; раны ея мало-по-малу зажили, но она лишилась употребленія правой руки, — разбой-

никъ перекусилъ ей плечевыя мускулы. Теперь же она почти лишилась и употребленія лѣвой ноги: она неправильно срослась, стала значительно короче и сильно болить въ ступнѣ. Но она не унываетъ, и ровно черезъ мѣсяцъ послѣ несчастія съ ногою она попробовала выйти изъ дому, да еще съ сумкою книгъ. Она отправилась на Сѣнную, въ церковь—Богу помолиться сначала. Долго она шла на больной своей ногѣ, доплелась кое-какъ, вошла въ церковь, постояла немного и опустилась почти безъ чувствъ на землю; очнувшись и отдохнувъ немного на паперти, она пошла въ Синодъ (трактиръ) и продала книгъ на 4 р. «Все бранить», жалуется она, «что рѣдко хожу»; вотъ я и побранилась съ ними: иной разъ иду мимо и не смотрю, — такъ вѣдь выбѣжить кто-нибудь, догонитъ, отниметъ сумку и поведетъ съ собою. Ну, и начнутъ опять бранить: «не хочешь, говорятъ, посидѣть нисколько».

Одна госпожа приглашала Ф. къ себѣ въ деревню на покой.—не соглашается. «Не хочу», говоритъ, «даромъ хлѣбъ ѣсть! Нѣтъ хлѣба,—сегодня не поѣмъ, завтра не поѣмъ, на третій день погожу, а на четвертый огонь потушу».

Несмотря на свою болѣзнь и увѣчье, Ф. распространила въ 1870 г.—2.480 экз. слова Божія, почти исключительно въ Петербургѣ. Въ 1871 г. ею же распространилось 1.378 экз.

Третья книгоноша, В — ва, ходила съ книгами тоже въ Петербургѣ, продавая ихъ по улицамъ, рынкамъ, лавкамъ, питейнымъ домамъ и т. п. Она вдвое моложе Ф—ой; руки и ноги у нея, правда, цѣлы, но однимъ глазомъ она ничего не видитъ, а другимъ немного только видитъ, и представляетъ собою новый примѣръ того, что человекъ хотя и немощный, но съ доброю волею, много можетъ сдѣлать добра ближнимъ; глубокое религиозное чувство составляетъ отличительную ея черту. Оно укрѣпляетъ, утѣшаетъ ее, придаетъ ей бодрость, предпримчивость, находчивость, которой она сама удивляется. «Иному предложишь евангеліе», говорятъ она, «такъ начнетъ торговаться, не покупаетъ, пойдетъ прочь.—«Вѣрно нѣтъ въ тебѣ благодати Божіей», скажешь ему,—такъ вѣдь воротится, купитъ; а за нимъ и другой. А если такъ предлагать, не сказавъ какого «споразительнаго слова», такъ не купятъ, словно сѣтка какая на глазахъ. «Да некогда читать!» скажетъ иной.—«А какъ умирать придется, тоже скажешь *некогда?*—тотъ и глаза раскроетъ, и купитъ св. книгу. Иной слово какое оскорбительное скажетъ, а я ему тихо, съ благоговѣніемъ скажу *слово*, — онъ и купитъ. Еще замѣчаю, какъ не помолишься усердно, такъ и нѣтъ успѣха». Сидѣлецъ свѣчной лавки долго торговалъ у нея слав.-русск. Нов. Завѣтъ. В. стала ему говорить, что это Божье слово; что кто читаетъ его, тотъ становится лучше. «Ну, нечего дѣлать, куплю!» сказалъ тотъ; «хотѣлъ фуражку купить, да ужъ куплю евангеліе». Подобнымъ образомъ столяръ въ трактирѣ купилъ у нея Нов. Завѣтъ, занявъ деньги у сидѣльца. В.

стала рассказывать о евангеліи, тогда сидѣвшій тутъ же подмастерье. вставъ, подошелъ къ ней и тоже купилъ себѣ Нов. Завѣтъ. «Иной скажетъ: «я все знаю». — «А расскажи-ка мнѣ что-нибудь изъ Дѣяній Апостоловъ?» спрошу его. — «Расскажи ты», скажетъ. — «Да вѣдь ты все знаешь, а я ничего не знаю!» — Вотъ и расскажу ему, что вспомню: какъ ехидна обвилась объ руку апостола Павла, когда онъ ѣхалъ въ Римъ и пр. Это слово и «поразить», — ну и купить».

Зашла она въ пріичную лавку на Н. рынкѣ: «Не надо ли евангелія?» предлагаетъ. — «Нѣтъ, не надо», отвѣчаетъ лавочникъ, а потомъ: «а дай-ка посмотрѣть». Раскрывъ, почиталъ: «А что, матушка, стоятъ?» — «25 коп. — «Отдай деньги!» говоритъ сидѣльцу; «мнѣ бы и въ вѣкъ не купить евангеліе!» прибавилъ онъ, обратясь къ В. «Только надо дать почитать», замѣчаетъ она, «такъ и купить». Другой лавочникъ, купивъ тоже евангеліе, сказалъ: «Какъ бы не принесла, такъ и не купилъ бы: а вотъ какъ почиталъ, увидѣлъ, что хорошая книга, — и разгорѣлось сердце купить!» На водочномъ заводѣ предлагаетъ Новый Завѣтъ молодому конторщику: «не надо, не надо!» говоритъ; «а вотъ тамъ работникъ хотѣлъ купить», прибавляетъ онъ. В. стала раскладывать книги: двое работниковъ купили; тогда подошелъ и конторщикъ тотъ, раскрылъ евангеліе, сталъ читать и купилъ не торгуясь, сказавъ: «Вотъ бы мнѣ въ вѣкъ не пришло на умъ купить эту книгу!» и, съ радостью показавъ ее вошедшему знакомому, убѣдилъ и его купить св. книгу. «На что мнѣ», скажетъ иной, потомъ, раскрывъ евангеліе, почитаетъ — и купить». Иной нехотя возьметъ въ руки Новый Завѣтъ и раскроетъ его, — а ты тутъ молишься о немъ; глядишь — почитаетъ что въ евангеліи и купить, не торгуясь».

Разъ на М. кладбищѣ, гдѣ было много народа и гдѣ она продала до 30 экз. Нов. Зав., окружила ее толпа мастеровыхъ, нѣсколько подвыпившихъ и мало уже имѣвшихъ денегъ. Они упрасивали ее уступить, показывая, что у нихъ нѣтъ больше денегъ, причемъ одинъ сказалъ: «ты вотъ жалѣешь 10 коп., а я, можетъ-быть, и спасся бы; меня Богъ, можетъ-быть, остановилъ бы отъ пьянства, — на тебѣ будетъ вина!» «Такъ какъ же тутъ не уступить!» прибавала В. Одному солдату, бѣдно одѣтому, шедшему въ домовый отпускъ, уступила она на экземпляръ Нов. Завѣта 10 коп., по усиленной его просьбѣ, потому что у него не было почти денегъ. «Что я тебѣ дамъ», говорилъ онъ, — «какое наше жалованье!... Отдашь, такъ благодарить буду, а не отдашь, такъ Господь съ тобою!» Прохожіе тоже убѣждали уступить бѣдному солдату.

Разъ, видя, что продажа шла плохо, отправилась она съ своими книгами по Варшавской желѣзной дорогѣ. Пріѣхавъ на большую станцію, она останавливалась, ночевала тамъ, продавая пассажирамъ поѣздовъ и вокзальной прислугѣ; потомъ отправлялась далѣе. Всего ѣздила 6 дней. Служители на станціяхъ съ радостью покупали св. книги;

*

одинъ только изъ нихъ сталъ смѣяться: «нѣтъ ли пѣсенниковъ или картъ?» спрашивалъ ее насмѣшливо. В. стала его усовѣщивать: «развѣ можно карты продавать вмѣстѣ съ евангеліемъ?», и стала ему говорить, что это за книга.—«А дай-ка посмотрѣть». Раскрывъ, онъ сталъ читать и хвалить книгу, и кончилъ тѣмъ, что купилъ ее.

Съ нѣкотораго времени книгоношамъ розданы для книгъ кожаныя сумки съ надписью на мѣдной доскѣ: «отъ Общества для распростра-ненія св. Писанія въ Россіи». Надпись помогаетъ распространенію книгъ, обращая вниманіе на то, что содержится въ сумкѣ, возбуждаетъ любопытство и распросы объ обществѣ, сочувственные отзывы о немъ и вмѣстѣ внушаетъ довѣріе къ книгоношамъ, удостовѣряя, что они продаютъ книги не изъ барыша,—а потому книги покупаютъ даже не торгуясь, благодаря, что общество приняло на себя трудъ, чрезъ книгоношъ, *приносить* имъ св. книгу. В., равно какъ и другіе наши книгоноши, испытываетъ это постоянно; В—ва особенно любитъ ходить по трущобамъ.

Въ одной трущобѣ нашла она женщину, у которой мужъ безъ ногъ и дѣти есть. Она купила евангеліе со слезами радости и благословила имъ дѣтей. Иной не знаетъ, что такое за книга Новый Завѣтъ, и сначала не хочетъ покупать, «а какъ почитаетъ что изъ евангелія, притчу какую, то и не отстанеть, купить!» И потому она предлагаетъ почитать въ евангеліи тѣмъ, которые не хотятъ купить сразу. Прямѣрь также много дѣйствуетъ. Если одинъ мужикъ купитъ (напр. въ питейномъ домѣ), то и другіе обступятъ, спрашиваютъ, вѣрно ли все въ книгѣ, нѣтъ ли обмана.—«Нѣтъ», отвѣчаетъ другой.—«А хорошо ли?»—«Хорошо; какъ же,—слова Божьи!» Затѣмъ начинаютъ торговаться; а сторговавшись, отдають деньги съ радостью и просятъ прощенья, что много наговорили. «Съ такою книгою ходишь ты по кабакамъ!» замѣтилъ ей однажды насмѣшливо кабатчикъ.—«Въ такихъ-то мѣстахъ грязныхъ и надобно искать людей», отвѣтила она.

Самыми усердными покупателями В. были солдаты, хотя средства ихъ не всегда соотвѣтствовали ихъ усердію. Одинъ изъ нихъ, взявъ славянскій Новый Завѣтъ въ 45 коп., просилъ уступить ему за 40 коп., говоря, что больше денегъ нѣтъ, причемъ опорожнилъ свой кошелекъ: дѣйствительно было только 40 коп. «Вотъ смотри, только пуговка одна осталась!» В. уступила и хотѣла еще подарить ему отъ себя 5 коп., но онъ не принялъ: «Я радъ, что евангеліе получилъ», сказалъ онъ. У иного солдата вовсе нѣтъ денегъ, а евангеліе хочется имѣть. В. предлагаетъ дать книгу въ долгъ,—не беретъ; «вѣдь *грѣхъ*», говорить солдатъ, «неравно не встрѣтима,—книга такъ останется, словно краденая; вѣдь грѣхъ такъ эту книгу взять!» В. замѣчаетъ, что въ казармахъ у нея *ни одна книга никогда не пропадала*, сколько бы она ихъ ни выложила (изъ сумки); одинъ купитъ, понесетъ къ товарищамъ,

и тѣ покупать. Иной не хочетъ купить, а какъ раскроетъ и почитаетъ, такъ непремѣнно купить: «такъ слово Божіе *поражаетъ!*» замѣтила В. Въ одной казармѣ слѣдомъ за нею ходилъ солдатъ неграмотный и съ жадностью слушалъ, что она говорила о евангеліи; потомъ вынимаетъ 3 коп. и даетъ ей, не умѣя лучше выразить ей свою благодарность. . . В. отказывается, но онъ не хочетъ взять обратно свою монету (В. потомъ поставила на эти 3 коп. свѣчку). Когда другіе торговались, онъ уговаривалъ не торговаться и предложилъ за одного заплатить своихъ 5 коп., чтобы только тотъ купилъ св. книгу. Уходя, В. просила прочихъ солдатъ, грамотныхъ, почитать ему евангеліе. Особенно много продавала она св. книгъ въ М. казармахъ, гдѣ собираемы были безсрочно-отпускные предъ отправкою ихъ, по желѣзной дорогѣ, на родину. На-расхватъ разбирались здѣсь ея книги, такъ что иной день ей приходилось два-три раза вернуться домой, чтобы вновь наполнить свою сумку: каждый хотѣлъ принести евангеліе своимъ роднымъ, въ свое родное село; иные, не успѣвшіе купить евангеліе своевременно, просили В. принести имъ его рано утромъ на желѣзную дорогу въ вагоны. И такимъ образомъ не въ одно, быть-можетъ, темное захоlustье проникла святая книга, разливая вокругъ себя свѣтъ и жизнь. . . Одинъ изъ вновь прибывшихъ рекрутъ рассказывалъ В., что въ ихъ деревню (Вологодской губерніи) въ прошломъ году прибылъ безсрочно-отпускной солдатъ изъ Питера съ евангеліемъ, купленнымъ у В. же, и какъ народъ толпою собирался къ нему послушать Евангеліе, которое онъ читалъ по праздникамъ, или вечеромъ, послѣ работы, когда сходились «на посѣдки» (парни — плестъ лапти, а женщины — прясль) — и такъ всю ночь, бывало, прослушаютъ: «такое хорошее чтеніе о Спасителѣ, о Его страданіяхъ!» — «Да развѣ у васъ не было этой книги?» спрашиваетъ В. — «*Нѣтъ, и неслыхали о ней!*»

Одинъ очень набожный солдатъ купилъ у В., не торгуясь, Новый Заветъ, Псалтирь и книги Ветхаго Завета на русскомъ языкѣ. Потомъ товарищи его говорили ей, что онъ всѣ ночи на-пролетъ читалъ эти книги, а къ утру былъ готовъ на службу, какъ ни въ чемъ ни бывало. Онъ и другихъ побуждаетъ купить св. книги, и если у кого нѣтъ денегъ, то даетъ своихъ взаймы.

Посѣщая казармы, В. не разъ имѣла случай наблюдать, какъ солдаты, имѣющіе евангеліе, убѣждаютъ и другихъ приобрести его, если кто грамотенъ. Въ свободное время, послѣ обѣда, В. часто находила солдатъ за чтеніемъ евангелія. Иной читаетъ вслухъ, а другіе, обступя, слушаютъ.

Статья наша была бы слишкомъ длинна, еслибы мы етаи подробно излагать труды всѣхъ шести книгоношъ общества распр. св. Писанія *).

*) Въ 1871 г. ими распространено 19.337 экз. Распространеніе св. Писанія съ каждымъ годомъ быстро увеличивается: напримѣръ, въ 1870 г. распространено 42.841 экз., а въ 1871 г. — 72.876 экз.

Какъ ни интересны они, но мы должны предоставить желающимъ самимъ прочесть прекрасные отчеты общества, которое издаетъ ихъ ежегодно и бесплатно распространяетъ ихъ въ публикѣ. Мы хотѣли только охарактеризовать дѣятельность общества, его стремленія, цѣль и намѣренія, и указать тотъ высоко-честный характеръ безкорыстнаго служенія святому дѣлу, которымъ проникнуты труды его «книгоношъ». Нельзя отнестись безъ глубокаго уваженія и искренняго сочувствія къ такимъ лицамъ, какъ «Петровна», Антонъ Богдановичъ и другіе сотрудники ихъ. Антона Богдановича мы впервые встрѣтили въ Москвѣ: это личность, видомъ своимъ прямо внушающая къ себѣ довѣріе и симпатію; честное служеніе святому дѣлу отражало на лицѣ его свои черты. Только такія лица и могутъ поддержать миссію общества на высотѣ истинно-просвѣтительнаго его вліянія на народныя массы.

Нельзя не поблагодарить общества за ту осторожность, съ какою она избираетъ труженниковъ святаго дѣла. Располагая небольшими сравнительно средствами, общество со времени своего основанія по 1872 годъ, дѣйствуя черезъ своихъ книгоношъ и сотрудниковъ, распространило 220.879 экз. св. Писанія. Нужно полагать, что много книгъ было распродано и на политехнической выставкѣ въ Москвѣ. Но рядомъ съ этою заслугою лежитъ и другая. Общество вызвало живыя силы къ дѣятельности; представители его, лица съ широкимъ чистосравнительнымъ вліяніемъ, могутъ быть названы въ самомъ серьезномъ смыслѣ просвѣтителями, друзьями народа. Чтеніе отчетовъ о дѣятельности общества достаточно сильно фактически подтверждаетъ эту мысль. Добавимъ, что не одни книгоноши трудятся для цѣлей общества: члены-сотрудники принимаютъ не менѣе живое участіе въ распространеніи св. книги, при чемъ дѣло это ведутъ многія лица образованнаго класса. Въ отчетѣ за 1871 г. замѣчается, что появленіе въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ лицъ образованнаго класса, продающихъ отъ общества св. книги и собирающихъ на этотъ предметъ пожертвованія, оказываетъ весьма сильное впечатлѣніе на публику. Такъ г-жа С. не только предлагала св. книги пассажирамъ, но и собирала въ кружку пожертвованія для общества, при чемъ крестьяне опускали свои копѣчки въ кружку, набожно крестясь; въ вагонахъ же первыхъ двухъ классахъ вали серебро и ассигнаціи. Одинъ французъ, не понимавшій ни слова по-русски, просилъ перевести ему надпись на кружкѣ и, узнавъ въ чемъ дѣло, опустилъ въ кружку двѣ серебряныхъ монеты. Въ виду высокой цѣли общества, безкорыстнаго его служенія дѣлу, а въ то же время далеко не обильныхъ средствъ, нельзя не выразить желанія, чтобы наше общество, наше земство, особенно наше духовенство—поддержали дѣятельность общества и дали ему возможность развить свои операціи до тѣхъ громаднхъ размѣровъ, какіе имѣютъ подобныя общества за границею. Обществу можно помогать различно: а) пожертвованіями денегъ, б) при-

нати́емъ участія въ распространеніи св. книги, с) приѣмомъ добровольныхъ пожертвованій по книжкамъ, d) распространіемъ о немъ свѣдѣній въ массахъ и содѣйствіемъ его книгоношамъ въ мѣстахъ ихъ дѣятельности и, наконецъ, e) открытіемъ складовъ книгъ, что особенно было бы желательно видѣть при церквахъ, гдѣ въ праздничные дни всѣ проходящіе въ храмъ могли бы видѣть и покупать св. книги. Всѣ пожертвованія обществу можно адресовать такъ: «Въ С.-Петербургъ, на Васильевскомъ острову, по 5-й линіи, въ д. № 30-й, въ Правленіе Общества распротр. св. Писанія».

«Мы можемъ только радоваться успѣху нашего, общества», говорится въ отчетѣ. «Много разъ требованія превышали даже наши средства, не позволявшія намъ всегда имѣть на-готовѣ достаточный запасъ книгъ всѣхъ номеровъ, и мы съ сожалѣніемъ должны были или сокращать количество требуемыхъ книгъ, или и вовсе откладывать исполненіе заказа до возобновленія въ складѣ недостающаго нумера. Кромѣ того общество, съ цѣлью облегчить распространіе св. книгъ, отпускаетъ ихъ своимъ членамъ въ кредитъ, что требуетъ затраты, на продолжительное время, значительнаго капитала, между тѣмъ какъ расходъ на одинъ переплетъ книгъ въ настоящее время доходитъ еженедѣльно до 200 руб. Для того, чтобы дѣятельность общества могла развиваться въ уровень съ ожидаемымъ возрастаніемъ требованія на св. книги, необходимо, чтобы и средства общества возрастали соразмѣрно, такъ чтобы, независимо отъ покрытія текущихъ и безвозвратныхъ расходовъ на содержаніе управленія, помѣщенія, книгоношъ и пр.,—могъ бы еще образоваться хотя небольшой оборотный капиталъ для своевременнаго заготовленія запаса переплетенныхъ книгъ, достаточнаго для удовлетворенія всѣмъ требованіямъ». Намъ кажется, что уважаемое общество съ полнымъ правомъ можетъ рассчитывать на содѣйствіе и помощь отъ всѣхъ, кому дорого просвѣщеніе народныхъ массъ.

Такъ какъ общество распространія св. Писанія преслѣдуетъ чисто-практическую цѣль, то оно выработало уже нѣсколько взятыхъ изъ опыта правилъ, которымъ слѣдуетъ въ своей дѣятельности. Приводимъ ихъ здѣсь:

- а) Общество отпускаетъ только книги переплетенныя.
- б) Пересылку св. книгъ общество принимаетъ на свой счетъ, дабы онѣ всюду могли быть продаваемы по одинаковымъ, означеннымъ въ его каталогѣ, цѣнамъ; но такъ какъ средства общества, составляющіяся изъ добровольныхъ пожертвованій, въ настоящее время еще весьма ограничены, то оно будетъ очень благодарно тѣмъ мѣстамъ и лицамъ, кои, выписывая книги, желаютъ принять пересылку ихъ на свой счетъ, въ видѣ пожертванія на пользу дѣла распространія св. Писанія.
- в) Полученныя отъ общества книги должны быть продаваемы *не дороже* назначенныхъ обществомъ цѣвъ.
- г) Такъ какъ общество распространяетъ св. книги хотя и одного наименованія, но разныхъ цѣвъ, смотря по переплетамъ, то иногда можетъ случить-

ся, что много № изъ числа потребованныхъ книгъ нѣтъ въ наличности, и потому общество просить, при требованіяхъ, упоминать, дозволяется ли замѣнить недостающіе №№ ближайшими по цѣнамъ, или слѣдуетъ отложить исполненіе заказа до возобновленія въ складѣ недостающаго №.

д) На основаніи § 1 своего устава, общество доставляетъ только св. Писаніе, т. е. книги Вѣтхаго и Новаго Завѣта, синодальнаго изданія.

Для тѣхъ же лицъ, которыя желали бы дѣятельно участвовать въ достиженіи цѣлей общества, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь «записку для членовъ-сотрудниковъ» его, которая можетъ служить руководствомъ и для корреспондентовъ общества распротр. св. Писанія:

1. Общество даетъ своимъ членамъ книги въ кредитъ по мѣрѣ средствъ и на срокъ не свыше 10 мѣсяцевъ, со дня получения книгъ.

2. Книги должны быть продаваемы по назначенной въ счетѣ цѣнѣ.

3. При отправкѣ денегъ за книги по счету, слѣдуетъ упомянуть номеръ счета.

4. Почтовые расходы по пересылкѣ вырученныхъ за книги денегъ общество готово принять на свой счетъ, такъ какъ конечно, при ограниченныхъ въ настоящее время средствахъ общества и при постоянно возрастающихъ, по мѣрѣ развитія дѣла, расходахъ, всякое пожертвованіе, въ какой бы то ни было формѣ, облегчаетъ достиженіе благой цѣли общества.

5. Если чрезъ 10 мѣсяцевъ со дня полученія книгъ останутся еще не проданныя книги и въ виду не имѣется продать ихъ въ скорости, то слѣдуетъ входить въ сношеніе съ правленіемъ общества о томъ, что съ ними дѣлать.

6. Пересылку книгъ общество принимаетъ на свой счетъ, пока средства то позволяютъ.

7. По сборнымъ книжкамъ и кружкамъ деньги доставляются въ правленіе общества: живущими въ С.-Петербургѣ—каждые три мѣсяца, а прочими—дважды въ годъ или по крайней мѣрѣ однажды въ концѣ года.

8. Согласно § 8 устава, всѣ члены общества дѣлаютъ ежегодный взносъ, но размѣръ его предоставленъ доброй волѣ cadaго. Желательно также, чтобы члены брали на себя трудъ, для усиленія средствъ общества, собирать пожертвованія по книжкамъ и въ кружки, согласно § 2 устава; таковыя книжки и кружки высылаются правленіемъ общества, по заявленному требованію, съ разрѣшенія общаго собранія, согласно § 8 устава.

9. При собранныхъ по книжкѣ деньгахъ представляется и самая книжка. Кружки выдаются за печатью общества и въ этомъ видѣ виѣстѣ съ деньгами доставляются въ правленіе общества или лично, или чрезъ довѣренныхъ лицъ.

10. Каждый членъ получаетъ даромъ всѣ отчеты и прочія, печатаемыя обществомъ, свѣдѣнія.

11. Каждый членъ-сотрудникъ или сотрудница можетъ рекомендовать другихъ лицъ въ члены-сотрудники или сотрудницы.

12. Независимо отъ того, могутъ быть приняты въ члены-сотрудники по непосредственному заявленію о желаніи ихъ вступить въ общество, сдѣланному въ правленіе онаго: 1) всѣ священнослужители, 2) всѣ состоящіе на государственной или общественной службѣ и, наконецъ, 3) тѣ, которые представятъ письменную рекомендацію мѣстнаго приходскаго священника.

13. Слѣдуетъ распространять свѣдѣнія объ обществѣ, приглашая и другихъ лицъ содѣйствовать распространенію св. книгъ; съ этою цѣлью слѣдуетъ распространять отчеты и другія печатаемыя о дѣятельности общества свѣдѣнія, которыя и можно требовать отъ правленія общества въ извѣстномъ количествѣ.

14. Желательно, чтобы къ концу года всѣми, по возможности, членами присылался отчеты о ихъ дѣятельности за истекшій годъ. Въ отчетѣ помѣщаются:

а) Сколько распространено св. книгъ и какихъ именно, если возможно.

б) Наблюденія при распространеніи св. Писанія: 1) какими способами и въ какомъ преимущественно сословіи распространялись св. книги, 2) какія лица тому содѣйствовали, 3) и особенно замѣчательные случаи, какіе могли встрѣтиться, напр. выраженіе сильной радости по поводу приобрѣтенія св. книги, вліяніе чтенія евангелія, и т. п.

в) Всѣ замѣчанія и заявленія, какія найдено будетъ нужнымъ сдѣлать.

15. Для лучшаго распространенія св. книгъ, слѣдуетъ: 1) держать ихъ на видномъ мѣстѣ и предлагать посетителямъ; 2) выходя изъ дому, если возможно, брать съ собою одинъ или два экземпляра, чтобы предложить ихъ при случаѣ; 3) предлагая Новый Завѣтъ простолюдину, иногда нужно пояснить ему, какая это книга, причемъ полезно дать ему прочесть нѣсколько строкъ.

16. По правилу общества, книги продаются—дешево, но *продаются*, такъ какъ приобрѣтенная на собственныи средства книга больше цѣнится и уважается.

17. Въ больницы, богадѣльни, тюрьмы можно дарить (на счетъ общества) небольшое количество св. книгъ для чтенія, въ качествѣ инвентаря, но не прежде, какъ удостовѣрившись, что въ томъ или другомъ изъ означенныхъ заведеній есть благонадежное лицо, которое взяло бы на себя трудъ позаботиться не только о цѣлости книгъ, но и о томъ, чтобы заключенные, призрѣваемые или больные дѣйствительно пользовались ими. Предварительно такому пожертвованію, собравъ необходимыи свѣдѣнія, слѣдуетъ снести съ правленіемъ общества.

Въ заключеніе общество указываетъ на общее единство всѣхъ его членовъ въ достиженіи цѣлей его, на сохраненіе его достоинства, чтобы ничто нечистое не примѣшалось къ святому дѣлу и чтобы оно процвѣтало и развивалось на благо нашему любезному отечеству.

И. Кирилловъ.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ.

ЖЕГУЛИ И УСОЛЬЕ НА ВОЛГѢ.

(Наброски путемъ-дорогой).

Волга рѣчишка бурлива, говорятъ,
Подъ Самарою разбойнички шалить.
(Изъ разб. пѣсни)

Жегули и вообще Самарская лука давно возбуждали страхъ однихъ и любопытство другихъ. Сначала проѣзжавшими по ВолгѢ съ XVI вѣка испытывался преимущественно страхъ; любопытство же усилилось позже, когда главныя походы вольницы перешли въ преданія народа, а по рѣкѢ съ половины нынѣшняго вѣка стали ходить пароходы и развозить туристовъ. До этого, рѣдкаго человѣка закидывало въ Жегули изъ Петербурга или Москвы. Такого рода исключеніями являлись какіе-нибудь люди науки, для которыхъ посѣщеніе неизвѣданнаго уголка Русской земли представляло свой спеціальный интересъ. Весь матеріалъ разсказовъ, преданій, пѣсенъ лежалъ еще въ народѣ. Красивыя мѣста не были занесены на бумагу или холстъ,—надо было собирать, записывать, срисовывать. По мѣрѣ улучшенія средствъ сообщенія стала усиливаться и любознательность ко всему русскому. Въ 40 годахъ появилась Кукольниковская иллюстрація, дававшая на своихъ столбцахъ мѣсто изображеніямъ изъ русской жизни и русской природы. Въ началѣ сороковыхъ же годовъ проѣхали Волгой братья Чернецовы—художники и набросали въ свои альбомы до 500 видовъ съ береговъ. Одинъ изъ этихъ набросковъ былъ для образца помѣщенъ въ русской иллюстраціи за первый годъ ея существованія. Онъ изображалъ Петра, вырѣзывающаго свое имя на одной изъ жегулевскихъ скалъ.

Въ журналахъ стали показываться небольшіе очерки жегулевскихъ красотъ и небольшія статьи болѣе серьезнаго содержанія, преимущественно по органамъ разныхъ министерствъ. Въ большинствѣ случаевъ, когда дѣло касалось подробнаго описанія мѣстности, оно ограничивалось точнымъ донесеніемъ Палласа; легкія статейки остальныхъ журналовъ довольствовались одними отрывочными разсказами о разбойникахъ и владахъ; мѣстныя «Губернскія Вѣдомости» наполнялись преимущественно официальнымъ отдѣломъ и велись небрежно до крайности. Только позже, когда яснѣе созналась польза статистики и сталъ работать комитетъ, на столбцахъ «Симбирскихъ Вѣдомостей» и въ отдѣль-

ныхъ сборникахъ можно было отыскать кое-какія свѣдѣнія о Жегуляхъ и Самарской лукѣ. Въ разныхъ извѣстіяхъ «Спб. Вѣдомостей» за 1865 г. говорится, напр., что Жегулевскія горы *очень живописны и почти необитаемы*, что внутренность ихъ *даже мало извѣстна*, что, по всей вѣроятности, относительно флоры и фауны есть въ нихъ то и то. Заявляется сожалѣніе, что горы *вовсе не изслѣдованы*. Дальше передаются слухи самаго смутнаго свойства: «говорятъ, что есть сѣрный колчеданъ; говорятъ, что изъ ключей добываютъ соль; говорятъ, что въ горахъ есть отшельники» и пр. Въ одной изъ книжекъ «Симб. Сборника» за 1868 г., послѣ нѣсколькихъ дѣльныхъ справокъ о Жегуляхъ, ихъ высотѣ, минеральныхъ богатствахъ и пр., авторъ сводитъ на живописность мѣста и дописывается до слѣдующаго: *великолѣпные ландшафты, всюду встрѣчающіеся по лукѣ, могутъ поспорить съ живописными красотами Кавказа и Крыма, хотя и уступаютъ имъ громадностью горъ* (!) (стр. 12). Какъ видно, открытіе Жегулей совершилось недавно, и авторъ восторженно радуется своей находкѣ. Въ томъ же 1868 году, въ одной изъ статей журнала «Вокругъ Свѣта» Жегулевскія горы величались *Жегулевскими*; попадались и еще рассказы въ какомъ-то романтическомъ духѣ, съ луннымъ свѣтомъ, свистомъ, разбойниками и сѣдыми пустынножителями. Предлагаемый мною очеркъ заключаетъ въ себѣ и собственные путевыя наблюденія, и сводъ того, что извѣстно о Жегуляхъ и Самарской лукѣ, и преимущественно съ исторической стороны.

Исторія этого небольшого клочка земли, игравшаго свою роль въ жизни русскаго народа, не должна, по моему, обходиться молчаніемъ и не можетъ имѣть интересъ лишь мѣстный.

I.

Въ первую поѣздку изъ Симбирска до Самары, куда я ѣхалъ за нѣкоторыми предварительными справками, мнѣ удалось видѣть только наружность Жегулевскихъ горъ, и потому начну съ нея. Раннее утро. Пароходъ въ какой-нибудь сотнѣ верстѣ отъ Самары, и вся привлекательная панорама нагорнаго берега, достигающаго здѣсь до 800 фут. высоты, развертывается и проходитъ направо. Тянутся высокие зеленые холмы довольно суровой наружности—закругленныхъ и конусообразныхъ формъ. Въ одномъ мѣстѣ они подходятъ къ самой Волгѣ и круто въ нее обрываются; въ другомъ отступаютъ въ глубь какого-нибудь дола или буерака, постепенно возрастая до сто-саженной высоты надъ узкимъ *бечевникомъ* (берегомъ) и затѣмъ расходясь невысокими лѣсистыми буграми до слѣдующей *шишки* какого-нибудь выдающагося кургана. Вершины усажены преимущественно сосной, которая рѣдкими рядами каймитъ очертаніе Жегулей, уступая мѣсто листовнымъ поро-

дамъ. Ограскѣ послѣднихъ принадлежитъ почти весь колоритъ горъ. Зеленъ мѣстами постепенно переходитъ пзъ темной хвойной въ пѣжную и свѣжую зелень побережнаго тальника, доходя до песчанаго берега. усѣяннаго цвѣтными мелкими голышами, а не то сползая и къ самой Волгѣ. Рѣдко гдѣ увидишь на верху обнаженный утесъ, за то достаточно *лысыхъ горъ* (Это общее названіе не покрытаго растительностью склона). Того, что составляетъ особенною красоту скалъ—ихъ отвѣсъ—надо искать да искать въ Жегуляхъ туристу-художнику. Известковый камень легче поддается времени и непогодѣ, чѣмъ гранитъ или другая вулканическая порода. Вода, вѣтеръ и человекъ изо дня въ день искрашиваютъ эти горы, потому въ нихъ нечего искать тѣхъ страшныхъ скользкихъ утесовъ, которые играютъ такую роль въ адскихъ иллюстраціяхъ Доре. Собразно своей формѣ, жегулевскія скалы носятъ особыя довольно характерныя названія. Такъ какъ господствуютъ закругленныя очертанія, то выпуклости эти—все *куртаны, шишки, лы, лбища* и пр.; *крутцы* встрѣчаются рѣже. Жегулевскія горы нарушаютъ однообразіе русской плоскости, и не даромъ Палласъ, проѣхавшись по нашей равнинѣ, назвалъ Жегули *превысокими* горами. Наружность послѣднихъ однообразна и, вслѣдствіе этого, скоро надоѣдаетъ. Обогнувъ выступъ хребта, густо заросшій мелколѣсьемъ, надѣешься встрѣтить что-нибудь новое, бросающееся въ глаза, и, вмѣсто ожидаемаго, видишь опять убѣгающіе и волнующіеся верхи однообразныхъ возвышенностей. Покажется долъ, вытянется небольшая деревенская улица, зажелтѣетъ поле, забѣлѣетъ каменоломня, а на заднемъ планѣ точно крадутся въ обходъ къ самому берегу тѣ же лѣсистыя горы. Какъ за то пріятно бросается въ глаза всякое отступленіе отъ успѣвшаго надоѣсть контура! Въ иномъ мѣстѣ выступить на самомъ верху нѣчто въ родѣ стѣны старой, растрескавшейся—хорошее мѣсто для орловъ-бѣлохвостиковъ; зачернѣетъ щель въ массѣ голаго известняка; покажется размытая водой пещерка, или точнѣе каменный навѣсъ, осыпанный кругомъ мелкой и крупной опоккой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по горамъ видны лѣсныя просѣки и запутанная сѣть узенькихъ тропъ, проторенныхъ мѣстными полѣсовщиками. Жизни въ горахъ мало, если глядѣть съ парохода: всего два-три селенія до самой Самары, на протяженіи 70 или 80 верстъ. На узкой полосѣ песчанаго берега разставлены кое-гдѣ рыболовныя снасти и на скорую руку подѣланы шалаши, какая-нибудь лодка съ одиночнымъ гребцомъ.... На выбѣгающихъ въ Волгу песчаныхъ отмеляхъ и косахъ сидятъ сѣренькія *мартышки*—рыболовы, какъ ихъ зовутъ волжане. Надъ тихою заводью вьются онѣ, какъ мотыльки, и вдругъ замираютъ въ воздухѣ, увидавъ свою мелкую добычу, быстро падаютъ на воду и летятъ куда-нибудь дальше за новою поживой. Рѣзкій пискъ ихъ едва ли не одинъ нарушаетъ тишину этихъ мѣстъ. Попадающіеся по дорогѣ селенія какъ-то не оживляютъ суровую природу Жегулей.

Русскія сѣрья избенки не красятъ тѣ долины, по которымъ онѣ раскиданы. Такова теперешняя наружность горъ и такую же была она почти стои и болѣе лѣтъ назадъ. Дѣло въ томъ, что селиться въ Жегуляхъ больше негдѣ. Волга въ разливъ опаласкиваетъ подножіе этихъ зеленыхъ холмовъ и забирается въ инныя ущелья, отъ чего видъ, понятно, много выигрываетъ, а жителямъ или приходится терпѣть отъ наводненій, или переселяться выше, на такъ-называемую степь. Это общее названіе всей середины Самарской луки. На *степи*, какъ увидимъ, другое неудобство: тамъ недостатокъ въ водѣ. Все сказанное относится къ сѣверной стѣнѣ Самарской луки, или «*клюки*», по не менѣе удачному народному выраженію. Жегули, составляющіе это естественное укрѣпленіе, стали здѣсь въ упоръ теченію Волги громадной известковою платиной. Рѣкѣ приходилось или пробиться сквозь нее, или своротить въ сторону отъ прежняго направленія, обѣжать выдвинутый изъ земли отпрыскъ дальнихъ Уральскихъ горъ. Она выбрала послѣднее, образовавъ крутой изгибъ, верстъ въ 200 длиною. Полуостровъ, вырѣзанный Волгой почти на самой половинѣ пройденнаго пути, можетъ по всей справедливости назваться Жегулевскимъ, хотя принято всеми означать его именемъ самой луки. Онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ, какъ я уже упоминалъ, не одной рѣкѣ, а главнымъ образомъ подземнымъ силамъ. рельефу Жегулей, небольшая гряда которыхъ подняла этотъ клочокъ земли надъ остальною равниною. Хорошія географическія карты, представляющія въ миниатюрѣ оро-и гидрографію извѣстной мѣстности, позволяютъ каждому видѣть ее на плоскости, à vol d'oiseau; но, къ несчастію, у насъ еще нѣтъ большихъ картъ нашихъ многочисленныхъ провинцій, не только отдѣльныхъ изображеній каждаго изъ уѣздовъ. Карта Симбирской губерніи, которой чуть ли не лучшую часть составляетъ Самарская лука (востокъ Сызранскаго уѣзда), очень небольшого формата и такъ испещрена названіями селъ и деревень, что общій характеръ какой-нибудь мѣстности нѣтъ возможности схватить. Придавая, какъ увидитъ читатель, большое значеніе физономіи Жегулевскаго полуострова, я попытаюсь начертить въ его воображеніи всѣ тѣ естественныя условія, которыя имѣли и еще имѣютъ вліяніе на судьбу этого уголка Русской земли. Съ верстовой высоты наблюдателю представилась бы картина такого рода. На западѣ небольшая рѣчка Уса отрѣзываетъ своимъ теченіемъ полуостровъ отъ остальной части Сызранскаго уѣзда, впадая на сѣверѣ. Крутой изгибъ ея въ одномъ мѣстѣ очень близко подходитъ къ Волгѣ; долина рѣчки служитъ раздѣломъ между Жегулевскими горами, идущими отъ Усинскаго устья на востокъ, и Усольскими, отброшенными за Усу, на западъ. Отъ Молодецкаго кургана, самой выдающейся западной точки Жегулей, — гряда дикихъ и поросшихъ лѣсомъ скалъ до крайняго сѣверовосточнаго пункта Сѣрной горы, Молодецкій курганъ или камень вышиной слишкомъ во

сто сажень; Сѣрная гора еще выше (110). Размѣры лѣса, который покрываетъ сѣверную стѣну горъ, увеличиваются по мѣрѣ приближенія къ востоку. Здѣсь самая высокая точка Жегулей, мѣстами — остатки прежнихъ непроходимыхъ трущобъ; сюда оттѣсненъ и бурый медвѣдь — жегулевскій старожилъ. Отъ этихъ глухихъ мѣстъ горы сходятъ къ южному берегу Волги невысокими Шелехметскими холмами, оставляя на юго-востокѣ полуострова небольшую низменность, покрытую озерами. Дойдя до Волги, горы теряютъ совершенно свой прежній лѣсной характеръ, постепенно понижаются и наконецъ сливаются съ равниной. Холмы носятъ разныя названія: *Печорскихъ*, *Камнурскихъ* и проч. Внутри полуострова, длина котораго не превышаетъ ста верстъ. — неровная, взволнованная мѣстность съ очень незначительными клочками зелени — это такъ-называемая *стенъ*. Всѣ окаймляющія ее горы, особенно на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, прорѣзаны глубокими ущельями или буераками. Иныя изъ нихъ тянутся глубоко внутрь небольшого материка, на нѣсколько верстъ, проросли лѣсомъ и хранятъ въ тѣни своихъ деревь родники ледяной воды. Вешніе потоки еще больше размываютъ ихъ известковые бока и сильно шумятъ, несаясь въ Волгу. Съ вершинъ Жегулей нерѣдко сносятся водой, особенно когда идутъ проливные дожди, цѣлыя каменные глыбы, раздробленные куски которыхъ видны мѣстами по берегу. Овраговъ, или *бараконъ*, какъ ихъ зоветъ мѣстный житель, не одинъ десятокъ. Они мельчаютъ и исчезаютъ совершенно по дорогѣ изъ Самары въ Сызрань, и большая часть ихъ идетъ параллельно другъ другу; но когда какой-нибудь *баракъ* расширяется до размѣровъ дола (трубы), то въ него впадаютъ еще другіе, боковые овраги, Жуковъ, Овечій, Яблошный, Задѣльный, Шелудякъ, Удобный, Бахилловскій, Отважный, Воровской, Молебный, Соленый, Ширяевскій, Сѣрный, Холодный и пр. — все прозванія жегулевскихъ ущелій. Прихотливый изгибъ Усы, берущей начало на сѣверѣ, въ Сенгилеевскомъ уѣздѣ, достоинъ вниманія. Въ большіе разливы Волга очень близко подходитъ къ этой рѣчкѣ; раздѣломъ служить какая-нибудь верста земли или того меньше. Уса образуетъ тоже небольшую луку и потомъ повертывается опять на сѣверъ, чтобы слиться съ Волгой. Рѣчка служитъ какъ бы хордой, стягивающею большую Самарскую дугу. Село Переволки или Переваловка получило свое названіе отъ возможности въ этомъ мѣстѣ переволакивать лодки сухимъ путемъ съ Усы въ Волгу и обратно.

Всѣ эти условія разомъ бросаются въ глаза всякому хоть немного знакомому съ исторіей этого края; многое становится яснымъ. Не будь ихъ, — не было бы тѣхъ удивительныхъ разсказовъ про Жегулевскія горы, которые слышишь, проѣзжая по Волгѣ, — разсказы, съ которыми связаны вся извѣстность Жегулей и вся ихъ старая слава. Нигдѣ вліяніе мѣстныхъ условій на обстановку, на дѣятельность человѣка такъ ра-

зительно не бросается въ глаза. Взглянувъ на нынѣшнія горы, на нынѣшній лѣсъ сѣверной части Самарской луки, каждый пойметъ, что разбойникамъ и бѣглымъ людямъ было гдѣ раскинуть свой станъ, было гдѣ спрятаться. Про старое время и старыя условія русской жизни нечего и говорить. Страшны были Жегули въ свое время; лѣсъ на нихъ какую-нибудь сотню лѣтъ тому назадъ былъ не то, что теперь. Мало осталось представителей этихъ прекрасныхъ деревьевъ, но образчики нѣкоторыхъ мнѣ все-таки удалось видѣть въ Усолий. Дубы были заурядъ по 20 и больше вершковъ въ отрубѣ, сосны въ 22 вершка, липы въ 18 и больше. Росли непроходимые дремучіе лѣса, полные ягодъ, орѣховъ и дикихъ звѣрей. Сама природа какъ бы назначила Жегулямъ стать знаменитымъ притономъ. Начиная съ XVI вѣка, по всей Волгѣ не было мѣста страшнѣе ихъ. Еще раньше этого Волга привлекала на свои берега разныхъ удалцовъ; но когда Казань и Астрахань потеряли свою самостоятельность, она приобрѣла для Россіи значеніе торговаго воднаго пути. Надежда на легкую поживу привлекла на Волгу казаковъ съ Дона и Яика, ставшихъ первыми ея разбойниками. Они *разбивали* проходившія суда съ товаромъ, пользуясь нерѣдко помощью татаръ, а впослѣдствіи бѣглыхъ отъ закрѣпощенія. Эти бѣглые стали здѣсь первыми осѣдлыми поселенцами славянскаго племени. Къ XVIII столѣтію прибавились еще, спасавшіеся въ дебряхъ, раскольники и сектанты. Вотъ какіе элементы складывали худую славу Жегулей и, въ смутное время, они заслужили ее недаромъ. Едва ли не каждый оврагъ и бугоръ связанъ съ воспоминаніемъ о томъ времени, когда по всей Волгѣ, и особенно *въ Жегуляхъ*, были открыты разбой, когда централизирующая сила была слаба и вольница волжская дѣлала, что хотѣла. Про здѣшнія дебри упоминаетъ еще Олеарій, проѣзжавшій этими мѣстами въ концѣ лѣта 1636 г. «Густота лѣсовъ, говоритъ онъ, и высота горъ, съ вершины которыхъ разбойники видятъ проѣзжающихъ на очень далекое разстояніе, дѣлаютъ дорогу очень опасною. Казаки, хорошо знающіе эти мѣста и привыкшіе шататься здѣсь, умѣютъ извлекать пользу изъ своего знанія. Еще не прошло года, какъ они захватили большое судно съ товаромъ, принадлежавшее одному изъ богатѣйшихъ нижегородскихъ купцовъ». Слишкомъ двѣсти лѣтъ спустя послѣ Олеарія, проѣзжающіе мимо Жегулей не всегда разсчитывали на благополучный путь. Много вѣковъ Волга была не однимъ торговымъ, но и разбойнымъ путемъ. На этой большой водной дорогѣ каждый, мало-мальски непривѣтный, берегъ, заросшій лѣсомъ, каждый островокъ, затонъ—были страхомъ торговаго человѣка. Въ горахъ каждый заросшій оврагъ, ущелье, лѣсистая вершина, береговые кусты, даже просто разсѣлина въ известковой скалѣ—могли обратиться въ засаду или укрѣпленіе въ рукахъ человѣка предприимчиваго. А такихъ на Волгѣ было много. Рѣчка Уса, около Переволоки, въ половодье подходящая къ Волгѣ, служила сокра-

щенною дорогой для разбойниковъ, желавшихъ нагрянуть на суда, благополучно миновавшія коренные Жегули. Теперь, говорятъ, только рыбаки пользуются этимъ природнымъ удобствомъ. Притокъ казаковъ и бѣглыхъ въ эти привольныя и пустынные мѣста начался еще при Іоаннѣ IV, усилившись во время Годунова; но недовольство народа, высказывавшееся въ разбояхъ и всякаго рода удалствѣ, достигло высшей степени при Алексѣѣ Михайловичѣ. Появился Стенька, и около него группируются самыя старыя преданія и рассказы на Самарской дукѣ. Послѣдніе годы XVII столѣтія были самыми непокойными годами въ Жегуляхъ и вообще на Волгѣ. Народъ говоритъ, что въ знаменитыхъ горахъ удалецъ и колдунъ Разинъ живаль иногда подолгу. Много бугровъ съ его именемъ разбросано по рѣкѣ, много разныхъ городковъ носитъ прозваніе Стенькиныхъ. Кака-нибудь большая пещера (что въ Жегуляхъ не рѣдкость)—непремѣнно Стенькина. Если вамъ рассказываютъ про длинный подкопъ или подземный ходъ къ Волгѣ, то знайте напередъ, что его копаль все тотъ же Стенька. Онъ до такой степени живъ въ народной памяти и удалство его было изъ такихъ крупныхъ и блестящихъ, что народъ думаетъ о Разинѣ какъ о живомъ еще человѣкѣ, не будучи въ состояніи помириться съ мыслию, что такой богатырь могъ умереть. Здѣсь у мѣста рассказать о немъ одно интересное преданіе, имѣющее прямую связь съ Жегулевскими горами. Я услышалъ его нечаянно въ день отъѣзда. Оно было когда-то записано все въ тетрадку, потомъ ходило по рукамъ, затерялось, и подробности улетучились изъ памяти рассказчика. Тѣмъ не менѣе основа уцѣлѣла. Преданіе говоритъ такъ:

Когда на Волгѣ были ходовыя суда, ссадилъ хозяинъ въ Жегуляхъ одного больного бурлака (таковъ былъ, дѣйствительно, безчеловѣчный обычай прежняго времени), и пошелъ онъ, хворый, по тропѣ въ лѣсъ. Долго ли, мало ли шелъ, только попалъ бурлакъ въ страшную трущобу. Дѣло было къ вечеру; усталъ, а пріютиться негдѣ. Призадумался, бѣднякъ, и застала его въ дорогѣ темная ночь. Вдругъ впереди, изъ заросшаго оврага, сверкнулъ огонекъ. Собравшись съ послѣдними силами, путникъ пошелъ на него и увидалъ землянку въ непроходимой чащѣ. Постучался въ нее и сотворилъ молитву. Вышелъ старый старикъ, волосами инда весь обросъ, такой высокій.

— Дѣдъ, укрой меня отъ темной ночи.

— Ступай своею дорогой, грубо молвилъ старикъ, — нечего тебѣ здѣсь дѣлать; или ты страху не видалъ?

— Чего мнѣ бояться, отвѣчалъ бурлакъ:—я хворый, усталъ, взять у меня нечего.

Онъ думалъ, что пустынный про разбойниковъ говоритъ,—въ ту пору по Жегулямъ сильно пошаливали.

— Ну, пожалуй, коли не страшно, такъ переночуй, сказалъ старикъ и пустилъ бурлака въ землянку.

Вошелъ онъ, видитъ, что келья большая и старикъ въ ней одинъ,—никого больше нѣтъ. «Вѣрно спастись удалился сюда какой святой человекъ», подумалъ бурлакъ, легъ въ уголокъ и заснулъ, съ устатка, крѣпкимъ сномъ. Только около полуночи просыпается отъ страшнаго шума; кругомъ лѣсъ трещитъ отъ сильнаго вѣтра, по лѣсу гамъ идетъ, крикъ около землянки, свистъ. У старика огонь теплится; сидитъ старикъ, дожидаетъ чего-то. И налетѣла вдругъ въ землянку всякая нечисть. Начала темная сила тискать и рвать старика, что есть мочи. А у него груди, словно у бабы, большія. Двое чертей давай эти груди мять, припали къ нимъ, сосутъ. Бурлакъ все время лежалъ ни живъ, ни мертвъ отъ страха. Вся хворь пропала. Чуть не до самаго свѣта тискали нечистые старика, потомъ вылетѣли изъ землянки. Только передъ разсвѣтомъ дѣдъ проохнулъ, духъ перевелъ и говоритъ бурлаку: «Знаешь ли кто я, и за что они меня въ этихъ горахъ мучаютъ?... Я—Степанъ Разинъ; это все за свой грѣхъ я покою и смерти себѣ не знаю. Смерть моя—въ ружьѣ, заряженномъ *спрызг-травой*». И далъ Степанъ бурлаку записку о кладѣ въ селѣ Шатрашанахъ, Симбирской губерніи. Значилось въ записи: «40 *малёнокъ* (пудовокъ) золота, многое множество сундуковъ съ жемчугами. На всѣ деньги, которыя въ кладѣ, можно всю губернію сорокъ разъ выжечь и сорокъ разъ обстроить лучше прежняго. Вотъ сколько денегъ. Ни пропить, говорить, ихъ, ни проѣсть всей губерніи Симбирской. Какъ дороешься до желѣзной двери и войдешь черезъ нее, то не бросайся ни на золото, ни на серебро, ни на самоцвѣтные камни, а бери икону Божіей Матери. Тутъ же стоять и заступъ, и лопаты, и ружье, заряженное *спрызг-травой*. 40.000, награбленныхъ у одного купца, раздай по сорока церквамъ. Пять рублей мѣди, брата моего Ивана, раздѣли между нищею братіей. Возьми ружье и, выстрѣливъ изъ него, скажи три раза: «Степану Разину вѣчная память!» Тогда я умру и кончатся мои жестокия муки». Взялъ бурлакъ записку и выбрался изъ Жегулевскихъ горъ. Былъ онъ, конечно, неграмотный и отдалъ бумагу мельнику, а тотъ на ней табакъ нюхательный сѣялъ. Воспользовались прохожіе-грамотники и стали рыть кладъ. Въ записи говорилось, что при рытьѣ ударитъ 12 громовъ, явится всякое войско, и конное, и пѣшее; только бояться этого ненадо. Долго рыли; бывало, какъ праздникъ, такъ и роютъ. Осыпался валъ и осѣла дверь. Выходъ былъ выкладенъ женеными дубовыми досками. Можетъ и дорылись бы, да сплоснали въ одномъ словѣ,—кладъ-то и не дался. Подходить, это разъ, служивый.

— Что, ребята, роете?

Тѣ и отвѣтили:

— Петровъ крестъ *).

*) Растеніе (*Iathraea squamaria*).

Все въ ту же минуту и пропало. Такъ Степѣна и по сю пору мучается.

На первый взглядъ въ этомъ преданіи есть, пожалуй, нѣкоторое сходство съ мукѣми Прометея, хлопотавшаго достать бѣднымъ людямъ огня. Декорации самаго дѣйствія схожи: и тотъ и другой — въ горахъ; оба переносятъ свои мученія сдержанно и гордо. Въмѣсто летающей хищной птицы преданіе говоритъ о крылатой нечистой силѣ. Не трудно замѣтить, что расколъ придалъ свой оттѣнокъ всему разсказу, особенно въ тѣхъ отрывкахъ изъ записей, гдѣ говорится о распредѣленіи денегъ и о молитвѣ за грѣшную душу. Взглядъ на Разина, какъ на страшнаго грѣшника, вовсе не общій взглядъ всего народа. Преданіе, сложенное по всей вѣроятности волжскими бурлаками старыхъ временъ, прошло черезъ руки людей набожныхъ; а такъ какъ главный процентъ ихъ въ расколѣ, то вліяніемъ послѣдняго и объясняется такой односторонній взглядъ русскаго человѣка на Стеньку. Кромѣ разсказовъ о себѣ и своихъ подвигахъ послѣдній оставилъ на Самарской лукѣ слѣды другого рода. Извѣстно, что на дорогѣ къ роковому Симбирску Разинъ побывалъ и погулялъ въ Жегуляхъ. Село Рязань или Рѣзань, находящееся въ юго-западной части луки, было его любимымъ мѣстопребываніемъ. Онъ подолгу, говоритъ народъ, жывалъ въ немъ. Еще недавно въ лѣсу были видны остатки Разина городка, того мѣста, гдѣ было Стенькино логово. Слѣды какого-то укрѣпленія на берегу Волги приписываютъ тоже ему. Когда я ѣхалъ въ Жегули, то слышалъ много разсказовъ про большую пещеру, въ которой скрывался Разинъ и до которой дойти очень мудро, потому что кругомъ чаща. Все оказалось вздоромъ. Въ самыхъ Жегуляхъ пещеръ много, но онѣ малы и вообще не совсѣмъ удобны даже для временнаго пребыванія. Болѣе значительныя углубленія встрѣчаются въ Сокольихъ горахъ на лѣвомъ берегу Волги. Мѣстные крестьяне недоумѣвали даже, когда я ихъ спрашивалъ про Стенькину пещеру (печѳру). Ходитъ слухъ въ народѣ, что около упомянутой выше Рязани есть подземный ходъ въ нѣсколько верстъ, до самыхъ Жегулей; что ходъ этотъ задуманъ Разинимъ съ цѣлью имѣть возможность неожиданно появляться въ двухъ совершенно противоположныхъ пунктахъ Волги. Уса въ этомъ случаѣ, пожалуй, предупредила Стеньку. Въ 1840-мъ году былъ еще живъ въ Рязани крестьянинъ, однофамилецъ знаменитаго атамана. Отличался онъ здоровьемъ, мужественнымъ видомъ и высокимъ ростомъ. Крестьянинъ этотъ утверждалъ, что предки его были сродни Стенькѣ. Еще не такъ давно братья Разины были чуть ли не первыми кулачными бойцами описываемыхъ мѣстъ. Кулачные бои съ гатарами смѣнили прежнее удайство. Во время сильныхъ разбоевъ, шайки, говорятъ старожилы, проживали въ Рязани, а грабить выплывали изъ Жегулевскихъ горъ. Рязань служила только отводомъ. Не даромъ же жители этого небольшого села слывуть за *рѣзанцевъ*, — ясный

намежь на прежнее ремесло.—Почему эти горы Жегулями зовуть? спросилъ я въ селѣ Жегулихѣ одного семидесятилѣтняго старика.—«А кто ихъ знаетъ», отвѣчалъ онъ. «Въ прежнее время, слышь, въ этихъ мѣстахъ людей жгли, съ той поры вотъ насъ и дразнятъ этимъ: жегулевцы да жегулевцы». Оказывалось по распросамъ, что людей дѣйствительно жгли, или вѣрнѣе поджаривали. Это была своего рода разбойничья расправа и пытка. Человѣка, у котораго надѣялись найти деньги, раздѣвали, въ случаѣ его заpiresательства, до-нагà и сѣкли зажженными вѣниками, пока не скажетъ, гдѣ спрятано добро. Подобная операція въ Жегуляхъ носила общее названіе: «*жечь на вѣникахъ*». Въ народѣ еще остались слѣды этого жестокаго обыкновенія. Такъ, когда кто-нибудь запирается и жметъ, то ему говорятъ: «на вѣники бы тебя!» Послѣ Разинскаго погрома въ Жегулевскихъ горахъ проживалъ нѣкоторое время и разбойничалъ Ѳедька Шелудякъ съ 2.000-ми разинцевъ-гоговорѣзовъ. До сихъ поръ въ горахъ есть баракъ съ его кличкой. За этою послѣдней вспышкой подавленнаго возстанія шла въ Жегулевскихъ горахъ постоянные разбой множества шаекъ, атаманы которыхъ частью памятны народу, частью занесены со всѣми своими подвигами въ губернскіе и уѣздные архивы. Помнятся имена Булавина, потомъ Заметаева и многихъ другихъ. Приемы разбойниковъ и средства вездѣ были одни и тѣ же. Завидѣвъ съ какаго-нибудь кургана приближающееся судно, удалые сходили къ густымъ береговымъ кустамъ, отвязывали лодки и ждали. Вооружены они были кто чѣмъ попало. Въ первое время нападали и среди бѣлаго дня, а потомъ, когда правительство стало усиливаться, — преимущественно ночью, зажигая своимъ товарищамъ сигнальные маяки, какъ знакъ дружнаго нападенія на караванъ судовъ. Легкіе, нерѣдко расписанные струги (лодки) выплывали изъ-за кустовъ на середину рѣки, и разбойники безъ всякаго опасенія лѣзли на палубу. Сопротивленія не было. Жегули собирали изстари заведенную дань. «Сарынь на кичку!» производило удивительное дѣйствіе. Всѣ бурлаки, тянувшіе въ то время нагруженные суда, падали ничкомъ на носовой части судна (кичка — носъ) и позволяли гостямъ дѣлать съ хозяевами, что вздумается. Хозяйская водка, раздаваемая лямочникамъ въ виду Жегулей, мало заобривала дешево нанятый рабочій людъ. Хозяинъ соблюдалъ только свои личные интересы, забиралъ въ бурлаки самый неимущій народъ, назначая ничтожную плату, и этимъ самымъ не гарантировалъ себя и свою *посуду* отъ разбоевъ. Бурлаки блюли свои интересы. Случалось, что члены какой-нибудь отчаянной шайки нанимались въ бурлаки на богатое судно, переодѣваясь изъ богатаго платья въ простые *чапаны*. Проѣзжая разбойными горами, они выдавали хозяина головой и снова присоединялись къ своей шайкѣ въ качествѣ усердныхъ грабителей. Понятно, что ничего бы этого не было, еслибы судовщикъ спрашивалъ у нанмавашагося какой-нибудь письменный видъ. Послѣдняго, пожалуй, у половины бур-

лаковъ не оказывалось, благодаря чему на судно могъ наняться всякій. Бурлаки часто дѣйствовали за-одно съ разбойниками Жегулевскихъ горъ. На это у нихъ были свои причины: вольница никогда ихъ не обижала, какъ всегда покорныхъ первому приказанію ложиться ничкомъ на палубу. Непослушаніе въ прежнее время встрѣчалось очень рѣдко. Желая еще болѣе расположить къ себѣ рабочій народъ, вольница даже заступалась за него, взыскивала съ того хозяина, или лоцмана, который былъ нелюбъ бурлакамъ, и расправлялась съ виновными по-своему. Судъ былъ скорый, и бурлаки предпочитали его жалобамъ суду водяному, гдѣ дѣло могло затянуться. «*Сарынь*» кричали не всѣмъ; нѣкоторымъ только запрещали *работать*. Заранѣе подговоренные рабочіе садились въ лодки и плыли къ горамъ, оставляя судно на произволъ судьбы. По рассказамъ стариковъ, бурлачившихъ на Волгѣ, на береговомъ пескѣ, въ Жегуляхъ, происходила не разъ жестокая экзекуція: драли немилосердно какого-нибудь водолива или прикащика за прошлыя провинности, при общемъ хохотѣ довольныхъ бурлаковъ. Последніе, въ случаѣ дурной расплаты хозяина получали часто вдвое, противъ слѣдуемаго, отъ разбойниковъ. Палочная расправа съ обирающими бѣдный народъ была, нѣ котораго рода, заключительнымъ и увеселительнымъ зрѣлищемъ. Большой караванъ судовъ, вышедшихъ почти одновременно изъ какой-нибудь пристани, еще плотнѣе сплывался по мѣрѣ приближенія къ суровымъ горамъ. Далеко виднѣлись надутые вѣтромъ паруса, шедшіе до этого какъ понало, въ разсыпную. Горячо молились хозяева, чтобы Богъ пронесъ. Если случалось, что недалеко грабили че-нибудь судно, остальные судохозяева не обращали на это вниманія, радуясь, что хоть не ихъ обираютъ. Одинъ усольскій крестьянинъ, когда я спросилъ его о разбояхъ на Волгѣ, замѣтилъ: «какъ въ старые годы было не разбойничать,—*одни только дураки не разбойничали*. На шестьдесятъ человекъ одинъ шелъ, не боялся. Оружія въ рукахъ ни у кого не было.... Сунься-ка, добавилъ онъ, теперь». Въ этихъ словахъ ярко рисуется безпомощное положеніе русской администраціи того времени и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы говорится, что темнымъ людямъ, обладавшимъ мало-мальски сознаниемъ и энергіей, представлялись на выборъ—или зависимость, или свободное ремесло разбоя. Въ расчетъ при этомъ бралась прямая личная польза, и понятно, къ чему клонился выборъ у такого рода людей. Люди эти, искавшіе золотой воли, которую понимали по-своему, были все-таки активною частью русскаго народа. Ихъ стремленія, выказывавшіяся въ грубой формѣ, были общечеловѣческими стремленіями. Послѣ двухъ крупныхъ и болѣе сознательныхъ волненій и въ промежуточное столѣтіе тянулись на Волгѣ постоянные разбой чуть не до самаго освобожденія крестьянъ. Если принимать эти разбой за отголоски старины XVI-го вѣка, то придется согласиться съ тою мыслью, что смутное время нашего государства шло гораздо дольше, чѣмъ мы

думаемъ, и прорывалось то тамъ, то здѣсь сквозь новые порядки жизни. Населеніе Самарской луки, какъ увидимъ, состояло изъ такихъ элементовъ, которые еще не совѣтъ гармонировали съ заводящимися порядками. Жители, занимавшіеся мирными промыслами и, такъ-сказать, болѣе пришитые къ мѣсту, смотрѣли на хозяйничанье удалцовъ сквозь пальцы по двумъ причинамъ: 1) они видѣли въ разбойникахъ представителей своихъ давнихъ подавленныхъ желаній; 2) они боялись ихъ гнѣва, могущаго превратить въ головешки и пепель все нажитое трудомъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Отсюда прямое слѣдствіе—пристанодержательство. Мы увидимъ, что позже, подъ вліяніемъ многихъ экономическихъ причинъ, взглядъ простолюдина на разбой много измѣнился. Отношеніе бурлаковъ—*«тянуть лямку»*—не даромъ обратилось въ фигурное выраженіе тяжелой, непосильной работы. На 1.000 пудовъ груза обыкновенно полагалось 4 человѣка, а нерѣдко и меньше. Судно приходилось тащить снизу, натирая плечи, съ болѣзненнымъ припѣвомъ. Бурлачество, олицетворявшее въ себѣ бѣдность и горе русскаго народа, сталкивалось на Волгѣ съ шайками людей, имѣвшихъ бѣшенныя деньги—съ вольницей. Что могло удерживать бурлака отъ перехода къ ней, или пассивнаго лежанья на носу остановленнаго судна? Хозяинъ смотрѣлъ на него какъ на машину, которая, въ случаѣ негодности, можетъ убираться куда хочетъ; однихъ рассчитывали какъ должно, другихъ—нѣтъ; кормили какъ не надо быть хуже. Поневолѣ возьметъ бурлака зависть, и пойдетъ онъ въ лѣсъ, въ Жегули. Положеніе какого нибудь водолива было конечно лучше, но до него не у всякаго хватало терпѣнья дослужиться. На сколько обезпеченъ былъ водоливъ и подобные ему въ прежнее время, можно видѣть изъ небольшого разсказа слѣдующаго рода: «На большое торговое судно въ Жегулевскихъ горахъ напали недобрые люди. На посудинѣ оказался всего одинъ водоливъ. Прикащикъ куда-то спрятался. Было это, надо думать, въ то время, когда разбойники были сговорчивѣе и не такъ требовательны, и можно было откупаться небольшою суммой. Прикащикъ передалъ водоливу пять золотыхъ и велѣлъ ихъ отдать грабителямъ, когда тѣ станутъ просить кромѣ провіанса еще денегъ. Водоливу, получившему золотые, не хотѣлось дѣлиться ими съ разбойниками. На вопросъ: «давай деньги!» онъ отвѣчалъ, что у него нѣтъ ни гроша, что хозяинъ куда-то уѣхалъ и оставилъ на расходъ самую малость. «Врешь, говорили воры, подавай все что есть, а не то добромъ не раздѣлаемся!» Схватили мужика и давай ему въ рожу ножами тыкать—всю истыкали; не вытерпѣлъ водоливъ, раскошелился, досталъ имъ три золотыхъ, а два все-таки утаилъ для себя». Можно сказать, что деньги достались ему не даромъ. Вотъ каково было матеріальное положеніе болѣе состоятельныхъ изъ того рабочаго люда, который по закону долженъ былъ защищать судно отъ нападений разбойниковъ. вмѣстѣ съ преданіями о подвигахъ разнородной вольницы, подвизавшейся въ Жегуляхъ и дру-

гихъ мѣстахъ по Волгѣ, бурлачество сохранило и передало своимъ внукамъ рассказы о многочисленныхъ кладахъ, о зарытомъ въ землю добрѣ всякаго рода. Благодаря мѣстнымъ условіямъ, Симбирская губернія особенно богата кладами. Послѣдніе обставлены въ народной фантазіи тяжелыми заклятіями и приписываютъ ихъ чуть ли не всѣмъ разбойникамъ, не знавшимъ куда дѣвать свои деньги. Клады опять прямое слѣдствіе дурнаго экономическаго состоянія края.—такого состоянія, которое не позволяло пускать деньги въ оборотъ, употреблять на какое-нибудь дѣло. Боязнь за цѣлость своего имущества заставляла людей, свыкшихся съ осѣдлостью и накопившихъ деньги, прятать послѣднія куда-нибудь съ глазъ долой, про «черный день». Разбойники, награбивъ разныхъ вещей и не зная, куда дѣться съ ними, зарывали часть тоже въ землю. и жегулевскія трущобы, вслѣдствіе этихъ двухъ обстоятельствъ, представляли для кладоискателей много интереснаго. Не такъ давно, рассказы вали мнѣ крестьяне села Морквашъ, въ Яблонномъ баракѣ отмыло Волгой что-то такое въ родѣ лодки и въ ней нашли много серебряной монеты (временъ Алексѣя Михайловича). Денегъ прежде въ Жегуляхъ, что называется, куры не клевали. Купцы проѣзжіе долгое время акуратно выплачивали свои подати и натурой и деньгами. Жегули имѣли прямое сношеніе съ Самарой, и нѣкоторые торговцы, заручившись пропускомъ въ этомъ городѣ—заплативъ известную сумму, могли безбоязненно идти мимо Жегулевскихъ горъ. Пропускнымъ паролемъ служили заплаченные деньги. Куда-нибудь да дѣвались же эти деньги. Легко можно предположить и въ нѣкоторыхъ изъ занимавшихся разбоемъ наклонность къ скопленію денегъ на будущее время. Не даромъ многіе изъ попавшихся въ острогъ передъ смертью открываютъ собратьямъ тайну о зарытомъ кладѣ, и такихъ рассказовъ много до сихъ поръ. Нельзя же предполагать, что разбойникъ воровалъ и грабилъ изъ одного удалства и наклонности къ кутежу. Народъ понимаетъ это и приписываетъ той же вольницѣ огромные запасы ржи въ Жегулевскихъ горахъ, принимая за ея зерна мелкія окаменѣлости, находимыя въ известнякѣ (фузулины). Такъ какъ разбойничьи атаманъ были, по преданію, люди знавшіеся съ чортомъ, то отсюда пошли и страшныя заклятія на зарываемые клады. Зарывались они обыкновенно или въ лѣсу, или въ такомъ мѣстѣ, гдѣ была известная примѣта, иногда незначительная, но все-таки могущая броситься въ глаза при нѣкоторой наблюдательности. Жегули хранили свои сокровища въ густыхъ лѣсахъ.

Разъ шли Жегулевскими горами какіе-то рабочіе люди и вышли къ нимъ на встрѣчу разбойники, а ужъ ночь подошла. Повели они прохожихъ въ свой станъ, а въ стану огонь разложенъ и кругомъ удалые сидятъ. Струсили рабочіе люди; не знаютъ, худа ли, добра ли себѣ ждать. Одинъ побоялся видно, чтобы послѣднее не отняли, взялъ да и суетъ подъ пенежъ три золотыхъ, что въ котлѣ были. Разбойникъ, должно-быть атаманъ, увидалъ, да какъ закричить: «ты чего хороишь?»

А у того бѣднаго руки трясутся и не знаетъ, что отвѣтить.

— Что, деньги? Показывай!

Взялъ мужикъ, отдалъ ему свои деньги. Атаманъ повертѣлъ, повѣртѣлъ ихъ на лодони, засмѣялся да и говоритъ:

— Или ты думаешь, что мы позаримся на такое добро?... Взялъ да и бросилъ золотые въ траву.—Пойдемъ, говоритъ, за мной.

Пошли рабочіе—ни живы, ни мертвы. И привелъ онъ ихъ въ такое мѣсто, гдѣ, значитъ, все богатство въ груду свалено: золота, серебра, камней самоцвѣтныхъ, платья—всего вдосталь.

— На, говоритъ, бери сколько хочешь и иди съ Богомъ.

Разбогатѣли послѣ того мужики, работать перестали.—Жегули съ своими кое-гдѣ уцѣлѣвшими дебрями подстрекаютъ на подобные рассказы.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія разбой на Волгѣ около Самарской луки стали тише и не имѣли уже прежняго значенія. Кромѣ того, что силы государства поправились, мирное населеніе Жегулевскаго полуострова стало гораздо гуще. Разбойники являлись на какой-нибудь пчельникъ требовать хлѣба и меда, или чего-нибудь изъ платья, встрѣчали полѣсовщика и переодѣвались въ его лапти, уступая свои сапоги, или наоборотъ обмѣнивали свои лохмотья на что-нибудь болѣе крѣпкое. Встрѣчнымъ крестьянамъ говорили, грозясь: «молчите, а то худо будетъ!» Однимъ словомъ—уже не чувствовали они себя какъ дома, на что, какъ мы увидимъ, были причины. При разборѣ усольскаго архива меня, конечно, интересовали дѣла о разбойникахъ. Бывшія на-лицо бумаги не оправдали моихъ большихъ ожиданій. Всѣ онѣ относились къ началу нынѣшняго столѣтія и не отличались интересомъ. Въ одномъ дѣлѣ, напр., говорилось, что къ березовскимъ крестьянамъ приходили изъ горъ, на ватагу, *разбойники 5 человекъ и взяли осетра да шеврису. тутъ же на пчельникъ и варили.* Пчелинецъ сказалъ имъ, что на ватагѣ находится и самъ прикащикъ, послѣ чего они пошли о немъ спрашивать. Прикащикъ же переѣхалъ на ту сторону и вернулся только въ ночь. Разбойники спрашивались о немъ у рыбаковъ, но тѣ не выдали, сказавъ, что вѣрно домой ушелъ. Боясь, не поѣхалъ ли онъ объявлять въ Ставрополь, шайка отграничила отъ берега въ верхъ. Одѣты были разбойники разно. одинъ солдатъ въ плащѣ бѣломъ, въ шароварахъ, съ саблей и линькомъ; другой въ синемъ камзолѣ, въ бѣлыхъ шароварахъ, съ ружьемъ; третій въ сѣромъ чапанѣ и т. д. Про другихъ рапортомъ изъ села Жегулей извѣщалось, что вышли 8 человекъ и были они вооружены исправно, *«по виду—росту большаю и люди посредственныхъ лѣтъ»*. Попадались крестьянамъ и такіе, которые спрашивали про дорогу, очевидно, пробираясь куда-нибудь. Всѣ они были скорѣе бродяги, чѣмъ разбойники, даже мало чѣмъ напоминали послѣднихъ. Въ старыя времена какая-нибудь шайка приставала у села, среди бѣлаго дня, выходила на берегъ и съ пѣснями, въ красныхъ шелковыхъ рубашкахъ, шлялась по улицѣ,

заигрывая съ бабами и раскидывая ребятишкамъ мѣдныя деньги. Въ сельцѣ Марквашахъ, напр., разбойники отдавали бабамъ куски цѣнныхъ матерій, съ тѣмъ чтобы тѣ къ извѣстному сроку нашивали имъ шаровары и рубашекъ. Заказы принимались и исполнялись аккуратно. Никому изъ сельчанъ, какъ видно, и въ голову не приходило объявлять по начальству. Даже позже, въ нынѣшнемъ столѣтіи, крестьяне объявляли неохотно. Благодаря лучшему экономическому положенію русскихъ крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (особенно плодородныхъ), грабежи и разбои получили характеръ частнаго протеста, стали не зауряднымъ порядкомъ вещей, какъ прежде, а нѣсколько выходящимъ изъ общаго строя мирной жизни. Они становились на одну доску съ обыкновенными преступленіями. Хотя правительственныя мѣры противъ разбоевъ на Волгѣ предпринимались чуть не до 60-хъ годовъ, но онѣ не имѣли большаго вліянія на искорененіе зла, которое нашло себѣ врага именно въ осѣдлости жителей и ихъ привычкѣ къ мирному земледѣльческому труду. Разростающаяся гражданственность тѣснила не желавшихъ ужиться съ ней, и непосѣдное населеніе Самарской луки мало-по-малу, въ силу разныхъ стѣсняющихъ обстоятельствъ, осѣдало, встрѣчая непріязненно мелкихъ воровъ, которые выродились изъ разбойниковъ прежняго времени, и бѣглыхъ людей, посягавшихъ на ихъ собственность. Не мѣшаетъ хоть поверхностно прослѣдить исторію тѣхъ мѣръ и узаконеній, которыя направлены были противъ постоянныхъ разбоевъ на Волгѣ и особенно въ Жегулевскихъ горахъ. Давно были жалобы на то, что тамъ сильно обижаютъ. Приносили эти жалобы преимущественно купцы, которымъ было что терять. Такъ въ одномъ актѣ XVII-го вѣка армяне жалуются, что имъ разбойники ходу не даютъ, разбиваютъ суда, мечутъ съ берега стрѣлы (последнія позже были сплошь замѣнены огнестрѣльнымъ снарядомъ). Въ первые годы царствованія Михаила Феодоровича, когда Россія только-что оправлялась отъ разгрома, изъ Казани были присланы на Самарскую луку двое стрѣлцкихъ головъ: Сунгуръ Соковинъ и Гордѣй Пальчиковъ, для устройства волѣтъ Усянскаго устья и Переволоки городковъ. Устье и узкая полоса земли между Усой и Волгой были двумя такими пунктами, гдѣ разбойниковъ можно было опасаться всего вѣрнѣе, такъ какъ Уса была ихъ короткою водною дорогой съ юга. Саковину было предписано ѣхать до нынѣшняго села Переволоки, откуда перетаскиваютъ лодки въ Усу, и, *«разсмотрѣвъ крѣпкаго мѣста, поставити острожокъ и въ острожокѣ укрѣпиться, а укрѣпясь стояти съ великимъ береженьемъ, чтобы воровскіе люди безвѣстно откуда не пришли и дурна котораго не учинили, да и рыбныя ловцевъ оберегати, чтобы ихъ воровскіе люди не погромили»*. Въ послѣдней половинѣ XVII-го столѣтія, при Алексѣѣ Михайловичѣ, опредѣлена была казнь не только разбойникамъ и бѣглымъ, но и пристанодержателямъ. Имъ рѣзали члены, истязали всяче-

ски. Все это было за нѣсколько лѣтъ до Разинскаго бунта. При Петрѣ, его наслѣдникахъ и особенно при Екатеринѣ II-й указы противъ разбоевъ шли—увеличиваясь въ количествѣ. Правительство главнымъ образомъ старалось искоренить становщиковъ и пристанодержателей, число которыхъ выросло до большой цифры. Пойманшему пристанодержателя владось 50 руб. награды, за атамана—30 руб., за простаго разбойника—10 руб. Деньги эти возвращались въ казну черезъ продажу имущества подсудимаго. Носылались на Волгу особые сыщики съ командой, разыгрывались цѣлыя сраженія съ разбойниками. Такъ во второй половинѣ прошла вѣка (1756 г.) занесена была въ архивныя бумаги жаркая битва между вольницей и сыщиками. Последніе были разбиты наголову. Они потеряли 27 человекъ, а воры только 6. Простыя мѣры преслѣдованія преступниковъ на Волгѣ долго не помогали; ея береговые жители еще помнили старое время, когда земли и лѣсу было много и стѣсненій никакихъ.—когда Волга была еще пограничною рѣкой Русскаго государства. Отзывалась старая любовь къ переходамъ. Наступило девятнадцатое столѣтіе, на *вороскихъ людей* устраивались облавы, на проселкахъ и большихъ дорогахъ разставлялись пикеты, на пчельникахъ запрещалось держать съѣстные припасы; приказано было спать на нихъ нѣсколькимъ людямъ вмѣстѣ. На большихъ судахъ имѣлись мѣдныя пушки, но пользы отъ нихъ было мало, потому что, какъ было сказано выше, экипажъ, состоявшій изъ рабочихъ, рѣдко сопротивлялся нападающимъ. 300 человекъ, бывшіе на иной посудинѣ, не значили ничего: они складывали руки. Вторая четверть нынѣшняго столѣтія началась крестьянскими смутами: ходили слухи про волю, и Волга была не покойна. Указомъ отъ 12-го марта 1826 года велѣно было крестьянамъ не слушать злоумышленныхъ расказчиковъ про волю и повиноваться властямъ. Многіе, не желавшіе этого, шли въ лѣса. Жегули на Волгѣ опять играли роль. Указомъ 21 октября 1829 года назначень былъ для охраненія плавающихъ по Волгѣ полубатальонъ военно-рабочаго № 9-й батальона. Черезъ девять лѣтъ онъ преобразился въ гардноутный экипажъ главнаго управленія путей сообщенія. Въ немъ было съ небольшимъ 300 человекъ. По крайней мѣрѣ одна восьмая обязана была знать артиллерійское дѣло. Флотилія состояла изъ 28 шлюпокъ, вооруженныхъ пушками. Дѣлилась она на три эскадры. Зимовки лодокъ были въ Нижнемъ, Симбирскѣ и Саратовѣ (или Царицынѣ) *). Въ помощь гардноутамъ даны были впоследствии еще лодки. Онѣ были извѣстной формы и окраски. Такъ видѣнное мною изображеніе лодки села Рязани имѣло слѣдующую наружность: желтая въ серединѣ, носъ и корма зеленые; на носу выставленъ нумеръ, на кормѣ изображенъ треугольникъ. Не столько красиво, сколько замысловато. Лодки разныхъ

*) «Энциклопедическіѣ Лексиконъ», т. XI.

селеній отличались различными фигурами: на одной изображался кругъ, на другой четырехугольникъ и пр. Зеленый цвѣтъ лодокъ принадлежалъ Симбирской губерніи. Надежды правительства на развѣзжаніе по Волгѣ гардноуты не оправдались. Команда судохозяевамъ была страшнѣе разбойниковъ. Она придиралась, спрашивала паспорта рабочихъ, искала, нѣтъ ли бродягъ въ числѣ нанятыхъ бурлаковъ; но все это было лишь предлогомъ. Лихоимство пошло на Волгѣ рука объ руку съ грабежомъ и нерѣдко даже переходило въ настоящій разбой. Судохозяева откупались известными суммами, чтобы не затянулось какого дѣла, въ случаѣ нахождения безпаспортныхъ (а послѣднихъ было очень много). Гардноутный экипажъ разгуливалъ мимо Жегулей, останавливался у какого-нибудь деревенскаго кабака и, напившись, палилъ изъ пушекъ. Совершались по деревнямъ безобразія всякаго рода. Правительство нашло нужнымъ увеличить число гардноутовъ и дать имъ болѣе благонадежныхъ офицеровъ. За пойманную разбойничью лодку выдавалась награда, одна треть которой шла командиру, а остальное—экипажу. Понятно, что доходы иного рода были выгоднѣе; они къ тому же могли получаться подъ прикрытіемъ закона. Земская полиція въ свою очередь старалась преслѣдовать жегулевскихъ воровъ; исправники, при помощи вооруженной силы, проникали въ горы, дѣйствуя гораздо успѣшнѣе водяной команды. Совершалось нѣчто въ родѣ охоты за людьми: развѣдывалось, гдѣ разбойники, какъ къ нимъ пройти, когда застать на известномъ мѣстѣ. Все это узнавалось отъ крестьянъ. Въ с. Жегулихъ мнѣ удалось услышать отъ одного старика исторію поимки исправникомъ Хардинымъ разбойника, кажется Алешки (полнаго имени онъ не помнилъ), гдѣ самъ рассказчикъ былъ дѣйствующимъ лицомъ. Дѣло было, надо думать, лѣтъ 50 назадъ, если не больше. «Собралось это насъ много, говорилъ онъ, я еще тогда былъ молодой парень; взяли съ собой казаковъ, переодѣли ихъ въ мужицкую одежду, въ чапаны; чтобы оружія не видно было, и пошли это вдоль бечевы. Исправникъ съ нами; человекъ еще съ нимъ; въ лодкѣ оба плывутъ слѣдомъ. А ужъ ночь пришла; темно таково. Вотъ мы и крадемся; думаемъ, вотъ изъ-за кустовъ ахнуть. Ну, только ничего.... Лодку чью-то увидали, подошли, — нѣту никого, и пошли дальше; лѣсомъ маленько забирать стали. Вдругъ заблѣлось въ кустахъ. «Ребята, стой!» Должно, думаемъ, спятъ, кошмой накрылись эти самые разбойники. Шепчемъ промежь себя, а впередъ-то никто не суется, потому темъ, страшно. «Давай, говорю, ребята, чего смотрѣть, бросимся всѣ сколько насъ ни есть на кошму, всю шайку передадимъ. Съ Богомъ». Только кинулись и-и—зашумѣло подъ нами.... Крестная сила! Никакой и кошмы нѣтъ; просто лыки надраны да и сложены въ кучу. Сколь смѣху послѣ было! Надо быть къ утру устигли шайку,—всѣхъ почитай съ десятокъ было, и Алешка съ ними. Шайка увидала, что насъ много, что казаки съ нами,—драла въ лѣсъ, а мы было за ней. Только откуда

ни возмись этотъ Алешка, ихній атаманъ. золь должно на исправника очень былъ, бѣжить назадъ къ берегу, да съ бугра-то въ исправника изъ ружья и мѣтится. Долго мѣтилъ, все видно на берегу-то никакъ не приладится, а исправникъ-то взялъ да и закатилъ ему въ рожу дробью. Ружье у Алешки выпало. Самъ навзничъ и слова не молвилъ. Подошли это мы къ нему, а онъ и не кричить, а только дрожить весь, то-есть какъ листъ дрожить, а самъ рыломъ въ песокъ уткнулся. Взяли мы его, связали, а онъ все дрожить, слова отъ него нѣтъ. Исправникъ подошелъ. «Нате, говорить, хоть платкомъ завяжите ему рожу то!» Кровищи много вытекло. Ну, мы завязали, положили Алешку въ лодку и повезли. Какъ сейчасъ помню: видный, здоровый такой парень, въ красной рубахѣ, въ смазныхъ сапогахъ. Ну, слышь, награда исправнику-то вышла опосля этого». Въ разсказѣ старика слышалось и сожалѣніе о пропавшемъ парнѣ и какъ бы оправданіе своего поступка съ Алешкой тѣмъ, что ихъ начальство отрядило изловить разбойника. Сами бы они, пожалуй, рукъ на него не наложили: только насъ не трогай, а то гуляй въ Жегуляхъ, сколько хочешь.

Въ другомъ случаѣ сказывались озлобленіе и месть. Я съ ужасомъ слушалъ разсказъ о томъ, какъ въ Жегулихѣ, еще этому не больше двухъ лѣтъ, былъ звѣрски убитъ односельцами крупный мошенникъ, разбойникъ, по прозванію Подмарьковъ, человѣкъ отпѣтый. Онъ воровалъ преимущественно лошадей самымъ смѣлымъ и наглýmъ образомъ. На селѣ знали всѣ его продѣлки и молча точили зубы. Житья отъ него не было. Сколько разъ ѣздилъ онъ на слѣдствіе съ своей неизмѣнною любовницей, сколько разъ сидѣлъ въ острогѣ. Наконецъ, сложилъ-таки буйную голову: его разъ подстерегли гдѣ-то въ горахъ, чѣмъ-то оглушили и покончили. Всѣ диву дались, куда вдругъ дѣвался Подмарьковъ. Мужики, считая его за колдуна и узнавъ, что съ нимъ порѣшили своимъ судомъ, вырыли, говорятъ, обезображенное тѣло и подрѣзали убитому пятки, чтобы не бѣгалъ. Этимъ однако они не удовлетворились. Боясь новыхъ ночныхъ походовъ, они рѣшили его искрошить—и искрошили. Все это мнѣ разсказывали просто, какъ самую обыкновенную вещь.— «Ужъ на него больно всѣ злы были» говорили мнѣ. Это небольшой образчикъ жегулевской расправы и понятій жителей живописнаго полуострова. Въ 1845-мъ году выстроенъ былъ на Волгѣ голландскимъ инженеромъ Рендченомъ первый желѣзный пароходъ: «*Волга*». Это нанесло послѣдній ударъ разбоямъ и жегулевскимъ шалостямъ. Пароходъ этотъ не могъ бояться ничьихъ нападеній,—воры не могли ему ничего противопоставить. На Волгѣ, въ Жегулевскомъ гвѣздѣ стало тихо, такъ что «прекращеніе разбоевъ въ нихъ совпадаетъ» съ появленіемъ пароходства. Факты совершенно подтверждаютъ выше сказанное. Такъ въ 1847-мъ году въ горахъ ограблено всего семь росшивъ и двѣ тихвинки; вооруженные грабители брали только деньги, не касаясь влады.

Въ 1848-мъ убѣжища бродягъ были уничтожены. сами бродяги переловлены и наступила такая тишина, что во весь годъ не было ни одного случая, *чему дотолъ не было примѣра*, говорится въ министерскомъ отчетѣ. Преслѣдованія стали направляться исключительно на бродягъ и бѣглыхъ всякаго рода. Ихъ было всегда много, особенно съ тѣхъ поръ, какъ завелась поговорка про Юрьевъ день да Никонъ вздумалъ исправлять церковныя книги. Появились въ Жегуляхъ пустыnnики, люди не желавшіе спастись на міру, забравшіеся въ глухія мѣста, въ такія, гдѣ иногда влалось впоследствии основаніе какой-нибудь пустыни, монастыря. Въ жегулевскихъ тущобахъ человѣку, ищущему уединенія для благочестивыхъ цѣлей, не трудно было стяжать славу Божьяго *труженника*; но физіономія Жегулей была такова, что впоследствии послужила поводомъ считать прозывавшихъ себя пустыnnиками за *шатуновъ*. Въ первомъ случаѣ народъ полагалъ, что благочестивымъ людямъ старой вѣры лучше не найти мѣста для спасенія, какъ Жегули; во второмъ—начальство судило иначе: оно знало, что именемъ *труженника* легко могъ прикрываться всякій шатающійся и при случаѣ воровавшій людъ. Какъ для раскольника, такъ и для престога бѣлаго лѣсная чаща, овраги, закрытые кустами, и горы были одинаково пригодны для разныхъ цѣлей. На человѣка, попадающагося на глаза среди такой грозной и вовсе непривѣтной обстановки, всякій смотрѣлъ какъ на подозрительную личность, потому что какаѣ причина заставляла его при встрѣчѣ сворачивать съ дороги въ лѣсъ? Если человѣкъ этотъ былъ старъ, съ сѣдою бородой и лицо его не было извѣстно никому въ околѣтѣ,—народъ видѣлъ, что это жегулевскій *старецъ*; при видѣ молодого или среднихъ лѣтъ человѣка соображенія были другія. Пещеры и самодѣльные землянки давали пріютъ и старцамъ и людямъ искавшимъ не спасенія, а поживы. Разказы, которые ходятъ про жегулевскихъ *труженниковъ*, очень многочисленны и подчасъ невѣроятны. Такъ мнѣ говорили, на примѣръ, что въ горахъ еще недавно были живы представители этой потайной колонизаціи. Одинъ изъ нихъ, надо думать, много лѣтъ провелъ въ уединеніи. На немъ были какіе-то лоскутки вмѣсто одежды, лицо чуть не заросло волосами, изо рта вырывались невнятные звуки. Старецъ выходилъ по утрамъ на деревню, за хлѣбомъ, который ему охотно давали. На правой рукѣ его, отъ ладони до сгиба, былъ прикрѣпленъ ивовый крестъ. Поздно вечеромъ, или рано утромъ выходилъ онъ изъ своей пещеры и какъ дикій звѣрь прятался, слышавъ человѣческіе шаги. Пищу ему клали на извѣстное мѣсто, чтобы не пугать, не беспокоить. Все это, понятно, сильно преувеличено народною фантазіей; но *тружельники*, какъ зоветъ ихъ народъ, есть въ Жегуляхъ и теперь; только они выродились и уменьшились въ числѣ, какъ и все въ здѣшнихъ горахъ. Прегніе удалые разбойники превратились въ простыхъ воровъ и затѣмъ покончили свою дѣятельность; пустыnnики стали не

то молебщиками, не то *шатунами*; медвѣди стали чуть не рѣдкостью, потому что человекъ размежевалъ лѣса, нарубилъ изъ нихъ много избъ, сталъ гоняться за звѣремъ съ ружьемъ.... Не много лѣтъ назадъ, какихъ-нибудь шесть-восемь, можно было слышать чуть не въ каждый пароходный рейсъ, что въ Жегуляхъ выходятъ на берегъ какіе-то люди, плачутся и потомъ удаляются въ лѣсъ. «Это изъ горъ старцы выходятъ, хлѣбца просятъ», говорилъ народъ. Прежде нерѣдко спускали лодку и отвозили на песокъ что-нибудь съѣстное, или клали нѣсколько копѣекъ на разостланный у воды платокъ. Горькій опытъ скоро отучилъ отъ такой благотворительности. Случалось не разъ, что приставшіе къ берегу имѣли удовольствіе видѣть за кустами человекъ пять мужиковъ съ дубьемъ. Благочестивою цѣлью стали злоупотреблять. Жегули опять напомнили про себя, что они Жегули. Крестьяне села Морквашъ говорили мнѣ, что на Могутовскихъ горахъ, лежащихъ отдѣльнымъ краемъ, около упомянутаго села, выходилъ не задолго до моего пріѣзда какой-то сѣдой старикъ и его всѣ принимали за труженика. Мнѣ указывали на одну избу, гдѣ прежде по вечерамъ происходило монотонное чтеніе духовныхъ книгъ и пѣніе: это молились вышедшіе къ ночи изъ горъ раскольники. Обыватели ихъ прикрывали, не объявляли по начальству, какъ о бѣглыхъ. И разбой и расколъ, какъ вышедшіе изъ народного сознанія, естественно находили у него защиту себѣ. Везшій меня ямщикъ рассказывалъ, что разъ встрѣтилъ въ лѣсу какую-то дѣвку въ длинной, волосяной рубашкѣ. Она вышла на самую дорогу и онъ поспѣшилъ ее предупредить, что «этагъ молъ можно начальству на глаза показаться. Уйди подальше». Расколъ, занесенный въ Сызранскій уѣздъ съ Иргиза, строго преслѣдовался мѣстными духовными лицами. Разъ поймали въ Жегуляхъ какого то труженика, Алексѣя. Священникъ сталъ его допрашивать, кто онъ такой, зачѣмъ скрывается въ горахъ и пр. Алексѣй утверждалъ, что онъ спасаетъ въ нихъ свою душу. Дѣло было весной; ледъ еще не растаялъ, только сталъ воздреватымъ отъ тепла и сбѣгающихъ снѣговыхъ ключей. Поставили Алексѣя на этотъ ледъ и по приказанію ревностнаго священника вылили на бѣдняка *38 ведеръ воды*. Пытка была такая, что Алексѣй сознался и показалъ себя бѣглымъ солдатомъ. На немъ нашли тяжелыя вериги. Эта такой же самосудъ, какъ рассказанный нами выше случай съ Подмарьковымъ. Еще вопросъ: который изъ нихъ гуманнѣе. Шатуны, проживавъ въ какой-нибудь землянкѣ, слыли за богомолковъ. Раскольники не рѣдко принимали участіе въ бѣглецахъ и укрывали ихъ въ своихъ незатѣйливыхъ жилищахъ. Какъ образецъ одного изъ нихъ, я приведу здѣсь довольно подробное описаніе такой землянки изъ давно рѣшеннаго разбойнаго дѣла: «Въ Тюряномъ врагѣ вырыта землянка въ горѣ, въ длину и ширину полторы сажени, которая сдѣлана изъ поставленныхъ въ землю столбовъ, стѣны же утверждены въ нихъ заборникомъ съ потолкомъ. При

входѣ въ нее, въ родѣ сѣней, сдѣланъ небольшой корридоръ съ потолкомъ же и какъ у онаго, такъ и у землянки двери; въ ней одно въ стѣнѣ окошко безъ окончины, печь складеная изъ дикихъ камней, подлѣ нея изъ земли сдѣлана лежанка, выведены двѣ деревянныя трубы, къ стѣнамъ пакладены вмѣсто лавокъ тонкія жерди и тутъ же найденъ образъ такой ветхости, что разсмотрѣть нельзя». Иной разъ окно бывало и въ потолкѣ. Находимые въ землянкахъ люди отзывались, что пришли молиться. Просили хлѣба, и имъ его давали изъ жалости. Нерѣдко холодъ загонялъ ихъ въ дома. Правительство распоряжалось истреблять землянки, и теперь въ Жегуляхъ остались отъ нихъ лишь осыпавшіяся ямы. На пчельникахъ и по рытымъ норамъ ютились и расколъ и разбой. Первые служили сборищемъ для сектантовъ и моленной, а для воровскихъ людей—складомъ провизіи; вторыя—укрывательствомъ отъ усилившейся полиціи и мірскихъ людей. Иныя землянки устраивались и похитрѣ вышеописанной. Напр. въ одной ходъ былъ сдѣланъ въ уровень съ землей въ видѣ западни, съ сѣнями. Жилые были перегорожены на-двое, съ печью, изъ-подъ которой былъ сдѣланъ ходъ въ другую половину. Богомоламъ крестьяне носили съѣстное и холстъ за то, чтобъ они помолились за упокой души ихъ родныхъ. Случалось, что у этихъ богомолковъ крестьяне заставляли людей и иного рода. Богомоль читалъ большую божественную книгу, а рядомъ за столомъ сидѣли бѣглецы и слушали. Бабы, приносившія обыкновенно подаваніе, получали отъ нихъ нерѣдко запросъ такого рода: «нельзя ли намъ у васъ пожить, не солдатки ли вы?». Любовь и склоненіе на связь много помогали бѣглымъ. Послѣдніе, не стѣсняясь, объявляли бабамъ и прочимъ, что они подлѣ судомъ за кражи, но что душегубства за ними нѣтъ. Еслибы было оно, то они навѣрное бы обратили его первое дѣло на своего помѣщика, который такъ мучалъ ихъ. Шатуны часто обращались къ полѣсовщикамъ съ просьбою дозволить имъ жить въ лѣсу для богомолья. На бѣглыхъ и раскольниковъ устраивались цѣлыя и большія охоты; жегулевскіе труженики попали въ число преслѣдуемыхъ дикихъ звѣрей. Благодаря крестьянамъ, ихъ положеніе было все-таки немного лучше. Жегулевцы и теперь не говорятъ про тѣ мѣста, гдѣ кроются послѣдніе остатки прежнихъ богомольныхъ тружениковъ. Проводники не берутся указывать мѣста. Говорятъ, что еще есть, а кто ихъ знаетъ, только гдѣ. Въ Жегуляхъ, говоритъ народъ, въ старыя годы въ одномъ мѣстѣ грѣшили, а въ другомъ передъ Богомъ замаливали. Былъ грѣхъ, было и спасеніе. Теперь все это невозвратно миновало, хотя про жегулевскіе грѣхи осталось надолго воспоминаніе, по преданію. Когда я собирался въ эти горы, меня предостерегали быть оемтрительнѣе во время переѣздовъ по лугѣ,—говорили, конечно, по невѣдѣвію; но все это доказываетъ лишь одно, что Жегули были чѣмъ-то страшнымъ. Много знаютъ о нихъ и многое могли бы пропѣть и поразсказать старыя вол-

жане-бурлаки, исходившіе всю матушку Волгу. Но ихъ теперь очень немного и даже оставшееся небольшое количество разбѣяно по разнымъ мѣстамъ, далеко отъ знакомой рѣки, и масса бурлацкихъ пѣсенъ, отличавшихся и грустью и удалствомъ, умерла вмѣстѣ съ самимъ ремесломъ. Мнѣ рассказывали про одного стараго бурлака, которому перешло чуть ли не за сотню лѣтъ. Онъ до смерти любилъ пѣть свои пѣсни, тоскуя по временамъ о работѣ и вспоминая о Волгѣ, «про славныя горы *Жегулевскія*»; онъ дома захлестывалъ ляжку за что придется, перекидывалъ ее черезъ плечо и пѣлъ свои пѣсни, одну за другой, пока не истощался весь запасъ. Въ воображеніи его вставали зеленныя горы и широкое рѣчное приволье..

Вотъ очеркъ того темнаго прошлаго, благодаря которому многіе знаютъ про Жегули, какъ и про знаменитые когда-то Муромскіе лѣса. Ключи смутнаго времени Россіи долго гнѣздились въ Жегуляхъ, и время это прорывалось изъ нихъ чуть не вплоть до манифеста объ освобоженіи крестьянъ. Посмотримъ теперь, не представлялъ ли Жегулевскій полуостровъ другаго интереса: посмотримъ, какъ онъ заселенъ мирными людьми, земскою силой выздоравливающаго государства, и что привлекало этихъ людей въ такія непривѣтныя и опасныя мѣста.

Д. Садовниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НОВЫЯ КНИГИ.

Исторія русской и всеобщей словесности. Библиографическіе матеріалы, расположенные въ систематическомъ порядкѣ и касающіеся литературъ: русской и другихъ славянскихъ нарѣчій, западно-европейскихъ, сѣверо-америк., классической и восточной и т. д. Составилъ *В. И. Межовъ*. Спб. 1872.

Новый библиографическій трудъ г. Межова, обнимающій собою все сочиненія и статьи по русской и иностранной словесности, появившіеся съ 1855 до 1870 года, былъ бы неоцѣненнымъ пособіемъ для людей науки, еслибы не страдалъ обычными недостатками всехъ трудовъ г. Межова, недостаточною систематичностью и какою-то поспѣшностью, скороспѣлостью составленія. Обстоятельнѣйшіе указатели статей и книгъ по нѣкоторымъ отдѣламъ какъ-то странно сопоставляются съ другими, гдѣ пропуски и недосмотры встрѣчаются на каждомъ шагу; изъ одной рубрики въ другую статьи переносятся произвольно и притомъ такъ, что человѣку, нуждающемуся въ справкѣ, иногда въ голову не придетъ отыскивать требуемое сочиненіе въ той графѣ, куда помѣстилъ его составитель. Замѣчанія г. Межова, помѣщенные подъ нѣкоторыми названіями, хотя и берутся иногда объяснять содержаніе книги или статьи, но исполняютъ это не совсѣмъ вѣрно. Наконецъ, статьи и иностранныхъ изданій, являющіяся такимъ образомъ неожиданныю, но желанною роскошью въ подобномъ перечнѣ русскихъ произведеній, приводятся безъ всякой системы: или г. Межовъ могъ повторить здѣсь приведенныя имъ въ весьма большомъ количествѣ подобныя статьи изъ своей же собственной *систематической росписи* и добавить ихъ новыми указаніями, — или не приводитъ совсѣмъ. Иначе не понятна польза, какую можетъ извлечь кто-либо, узнавъ, что о томъ или другомъ со-

чиненіи помѣщена была одна какая-нибудь статейка въ «Illustrirte Zeitung» или французской «Polybiblion». Чтобы наши замѣчанія, вызванныя лишь желаніемъ улучшенія справочной книги, и въ настоящемъ ея видѣ весьма полезной, не казались голословными, мы приведемъ нѣсколько пропусковъ или недостатковъ, сожальѣя, что мѣсто не позволяетъ намъ войти въ большія подробности. Беремъ примѣръ на удачу. Въ отдѣлѣ классической словесности опущена прекрасная статья Н. Погребова объ Еврипидѣ, помѣщенная въ «Энциклопед. Словарѣ» 1863 г. на букву *E*; кромѣ того изданная безъ буквъ *ъ* и *и*: «Филоктитъ, трагедія Софокла с греческова перевод і замѣчаніямъ объяснил. Н. Т.» Спб. 1856. Письмо графа Бегкендорфа къ Полевому въ «Русск. Арх.» 1866 года (катал. № 13152) относится вовсе не къ брошюрѣ, трактующей о комедіи «Горе отъ ума», а къ брошюрѣ, носящей названіе: «Горе отъ ума философическаго» и т. д. Въ числѣ многого множества историческихкихъ сочиненій, помѣщенныхъ почему-то въ каталогѣ, мы не нашли книги г. Герье и статьи г. Куторги, затрогивающихъ важный вопросъ о развитіи исторической науки. Если приводились другія работы, не для чего было удалять оба названныя сочиненія.—Отдѣлъ въ высшей степени любопытный, впервые появляющійся и посвященный обзору литературной полемики *), былъ бы несравненно полнѣе, еслибъ относящіяся сюда статьи не находились въ другихъ отдѣлахъ, какъ напр. чисто-полемицескія, а не критическія статьи №№ 2018, 1955, 1971, 9152, 9155 и т. д., и т. д. То же замѣчается и въ другихъ отдѣлахъ; напр. статья О. Θ. Миллера «Монтанъ и его взглядъ на народную словесность» отнесена не къ отдѣлу французской литературы, а къ исторіи чисто-народной русской словесности; старинныя драматическія произведенія значатся и на стр. 75 и на стр. 240 (мистеріи и комедіи іеромонаха Довгалева, представленія объ Аникѣ). Въ отдѣлѣ театральныхъ воспоминаній пропущены «воспоминанія русской артистки», напечатанныя въ «Театральномъ и Музыкальномъ Вѣстникѣ» 1857 года, представляющія большой интересъ для исторіи театра начала нынѣшняго столѣтія и во всякомъ случаѣ болѣе достойныя помѣщенія въ каталогѣ, чѣмъ наприм. статьи о графѣ Борхѣ (№ 8936), бывшемъ директорѣ императорскихъ театровъ, не согрѣшившемъ ни одною печатною строкой. Приведенныхъ краткихъ замѣчаній достаточно, чтобы указать, какими не-

*) Этотъ обзоръ могъ бы дать много матеріаловъ для исторіи журнальной брани, еслибы вышелъ человекъ охочій до занятія подобнымъ дѣломъ, который представилъ бы развитіе литературныхъ поединковъ отъ времени Бугарина и Брамбеуса до нашихъ дней. Одно собраніе заглавій полемицескихъ статей не лишено своей выразительности. Возьмемъ для примѣра нѣсколько: «Перестаньте бить и драться, гг. литераторы»; «Музыкальные луны»; «Клоуны въ журналистикѣ»; «Благосвѣтловская палка»; «Сказаніе о дураковой плѣши» и проч.

достатками страдает новый каталогъ г. Межова. Но, указывая ихъ, мы не можемъ не отнестись сочувственно къ особой полнотѣ и обстоятельности многихъ отдѣловъ; эта обстоятельность доходитъ иногда до небывалой роскоши: такъ, напр., приводя названіе какихъ-нибудь мемуаровъ, составитель каталога указываетъ, гдѣ и на какой страницѣ можно встрѣтить упоминанія или свѣдѣнія о важнѣйшихъ русскихъ писателяхъ или историческихъ лицахъ. Такою же полнотою отличается и азбучный указатель именъ и предметовъ, помѣщенный въ концѣ книги. Многие отдѣлы являются въ такомъ систематическомъ сводѣ впервые, какъ, напр., библиографія крестьянскаго вопроса, вопроса о цензурѣ и книжной торговлѣ, литературной полемикѣ; такимъ образомъ трудъ г. Межова будетъ во всякомъ случаѣ полезнымъ обогащеніемъ небогатой нашей литературы справочныхъ свѣдѣній.

Исторія сербско-хорватской литературы. Сочиненіе *В. Ягича*. Переводъ съ сербско-хорватскаго (Древній періодъ). Казань. 1871.

Для ближайшаго ознакомленія нашей публики съ ходомъ развитія отдѣльныхъ славянскихъ литературъ, давно было желательно появленіе переводовъ лучшихъ историко-литературныхъ обзоровъ съ славянскихъ языковъ. Такъ относительно высоко-любопытной для насъ польской литературы мы должны до сихъ поръ пробавляться переводомъ не конечной исторіи польской литературы Кондратовича (Сырокомли),—произведенія изящно написаннаго, но во всякомъ случаѣ дилетантскаго; по чешской литературѣ у насъ могутъ еще появляться переводы такихъ сухихъ перечней литературныхъ произведеній, какъ извлеченный изъ чешскаго энциклопедическаго словаря обзоръ чешской литературы, изданной по-русски года два тому назадъ въ Воронежѣ. Что же касается прочихъ славянскихъ литературъ, то переводы спеціальныхъ сочиненій о нихъ вовсе отсутствуютъ, и людямъ, интересующимся славянствомъ, приходится обращаться къ обзору славянскихъ литературъ гг. Пыпина и Спасовича, какъ къ единственному источнику всякаго знанія. Въ виду этого нельзя не встрѣтить сочувственно намѣреніе профессора Петровскаго представить русскій переводъ классическаго сочиненія Ягича о сербо-хорватской литературѣ. Первый томъ этого перевода печатался въ приложеніи къ «Учебнымъ Запискамъ» казанскаго университета за прошлый годъ и нынѣ вышелъ отдѣльно. Замѣчательный специалистъ по древней литературѣ и въ особенности въ области старинныхъ народныхъ сказаній и апокрифовъ, Ягичъ посвятилъ первый и единственный вышедшій пока томъ своего труда пространному обзорѣню памятниковъ старинной литературы вплоть до конца XIV вѣка. Вслѣдствіе этого онъ съ особымъ вниманіемъ останавливается на раннемъ періодѣ

зарожденія письменности, на трудахъ Кирилла и Меѳодія и на произведеніяхъ древне-болгарской литературы; затѣмъ касается любопытнаго, до сихъ поръ не разъясненнаго и разнообразно толкуемаго вопроса о богомилахъ и порожденной ими литературѣ, и сравнительно меньше времени посвящаетъ слѣдующему затѣмъ періоду сербской литературы, которому онъ даетъ названіе монастырскаго, такъ какъ главнымъ образомъ литературная дѣятельность въ теченіи его сосредоточивается въ иноческой сферѣ. Въ слѣдующемъ томѣ, съ выходомъ котораго можно будетъ составить болѣе ясное понятіе о цѣломъ трудѣ, автору предстоитъ перейти къ тому любопытному періоду далматинско-хорватской литературы, когда она подпадаетъ обаятельному вліянію итальянской письменности и долго поддерживаетъ съ нею духовное общеніе; матеріалы для оцѣнки этой поры умножены въ последнее время цѣлымъ рядомъ изданій памятниковъ и отдѣльными изслѣдованіями хорватскихъ ученыхъ. Изложенію историческихъ фактовъ Ягичъ предпосылаетъ введеніе, гдѣ съ большою подробностью знакомитъ съ распредѣленіемъ сербо-хорватской народности по различнымъ областямъ, касается численности ея и приводитъ массу статистическихъ данныхъ относительно распредѣленія населенія по вѣроисповѣданіямъ, числоваго отношенія къ другимъ національностямъ, и т. д. Показавъ этимъ путемъ, «какъ великъ еще просторъ для развитія сербско-хорватскаго народа въ его настоящемъ отечествѣ и какъ далеко онъ можетъ идти впередъ вмѣстѣ съ удаленіемъ тѣхъ препятствій, которыя и теперь еще со всѣхъ сторонъ задерживаютъ его», онъ приступаетъ уже къ обзорѣ тѣхъ путей, которыми съ давнихъ поръ шло развитіе письменности на этомъ обширномъ пространствѣ. Переводъ слѣланъ удачно и легко читается.

Исторія русской женщины въ послѣдовательномъ развитіи ея литературныхъ типовъ. Публичныя лекціи, читанныя въ Орлѣ.
Н. А. Чудинова. Воронежъ. 1871.

Какъ явленіе, во всякомъ случаѣ рѣдкое и отрадное въ провинціальной жизни, книга г. Чудинова, составленная къ тому же изъ публичныхъ лекцій, читанныхъ имъ въ Орлѣ, производитъ вообще благопріятное впечатлѣніе. Авторъ принадлежитъ къ тому небольшому трудолюбивому кружку провинціальныхъ ученыхъ, который группируется вокругъ мало еще оцѣненныхъ у насъ воронежскихъ *Филологическихъ Записокъ* г. Хованскаго; онъ составилъ уже себѣ нѣкоторую извѣстность, какъ переводчикъ филологическихъ трудовъ Макса Мюллера и Ренана и эстетическихъ сочиненій Тэна и какъ авторъ нѣсколькихъ сочиненій по языковеденію. Но не всякій ученый специалистъ обладаетъ

умѣнемъ популяризовать знаніе, и г. Чудиновъ очевидно подпалъ тому же недостатку. Правда, онъ имѣлъ передъ собою провинціальную аудиторію, уровень познаній которой, очевидно, по наблюденіямъ лектора, весьма низокъ; но онъ не нашелъ той грани, до которой можетъ спускаться популяризація, и часто впадаетъ либо въ пространное и иногда повторяющееся разъясненіе однихъ и тѣхъ же первичныхъ понятій, либо въ уснащиваніе своей рѣчи вычурными выраженіями или же прибаутками; все это не могло не придать иногда его доброму намѣренію видъ попытки увеселительнаго, развлекающаго чтенія. Задача, выставленная авторомъ въ самомъ заглавіи, вовсе не оправдывается самимъ содержаніемъ книги: если онъ хотѣлъ обозрѣть исторію русской женщины во всё вѣка, не ограничиваясь лишь тѣсными рамками литературныхъ ея типовъ, но изучая съ одинаковымъ вниманіемъ положеніе ея по всѣмъ историческимъ, юридическимъ, народнымъ памятникамъ, рассказамъ путешественниковъ и т. д.,—для этого потребовалось бы больше матеріаловъ и больше времени, чѣмъ сколько давали ему коротенькія шесть лекцій, прочитанныхъ имъ; съ другой стороны, задаваясь цѣлю изученія однихъ литературныхъ типовъ, онъ могъ бы, не увлекаясь количествомъ вскользь указанныхъ характеровъ, которому не соответствуетъ ихъ разнообразіе, отдаться гораздо болѣе благодарной работѣ воссозданія по главнѣйшимъ типамъ главнѣйшихъ же переходовъ въ историческомъ развитіи русской женщины. Вмѣсто этой ясности задачи, мы встрѣчаемъ въ лекціяхъ г. Чудинова смѣшеніе двухъ указанныхъ цѣлей, что, разумѣется, вредно сказывается и на конечномъ результатѣ. Анализъ извѣстнаго типа, который могъ бы дать любопытнѣйшіе выводы, вдругъ суживается, чтобы дать больше мѣста подробностямъ чисто-побочнымъ, историческимъ и литературнымъ обзорамъ, не идущимъ къ дѣлу. Сравнительный методъ, это драгоценное пособіе для изслѣдователя, когда ему дано настоящее примѣненіе, точно также вторгается часто не вполне умѣстно, сбивая, вѣроятно, слушателя и не отвѣчая его запросамъ. Вслѣдствіе всего этого мы постоянно отступаемъ отъ основной темы: то пространно говорятъ намъ о началѣ русскаго театра, то о Новиковѣ, масонахъ и Радищевѣ, не имѣющихъ ничего общаго съ женскими литературными типами; то передаютъ содержаніе повѣсти о «Горѣ-Злосчастіи», доведшемъ *молодца* во иноческій санъ; то изображается характеръ Екатерины II, какъ будто и это тоже литературный типъ; то, переходя отъ описанія петровскаго времени къ вѣку Екатерины, толкуютъ намъ о греческихъ республикахъ, Аристотелѣ, трубадурахъ, псевдо-классицизмѣ, Людовикѣ XIV и Нинонѣ де-Лавльо, что, можетъ-быть, и не безцѣльно, но во всякомъ случаѣ не систематично. Въ то же время многія эпохи остаются не описанными; такъ, наприимѣръ, авторъ, не находя достаточно сильныхъ словъ для выраженія всей пагубы язычества, носящаго здѣсь иногда

название «скотскаго неистовства» и т. д., и выказывая при этомъ такое рвеніе, какъ будто бы мы жили въ переходную эпоху отъ язычества къ христіанству,—въ то же время далеко не исчерпываетъ тѣхъ данныхъ, которыя даютъ народныя пѣсни для воссозданія типа русской женщины — язычницы. Всѣхъ полнѣе и обстоятельнѣе та часть его труда, которая посвящена литературѣ новаго времени, въ обзорѣ которой онъ не забываетъ и романа «*Кто виноватъ*» съ потрясающею правдивостію его характеровъ и драматическихъ положеній. Но и въ этомъ отдѣлѣ мы встрѣчаемъ крупныя недосмотры; такъ, авторъ находитъ возможнымъ назвать «мошною русской Гонериллей» героиню одного изъ наименѣе удачныхъ произведеній послѣдняго тургеневскаго періода, повѣсти «*Степной король Лиръ*», которое, по словамъ лектора, создано свѣтлымъ вдохновеніемъ поэта; такъ онъ ошибочно думаетъ, что Тургеневъ въ героинѣ *Вешкиахъ водъ* желалъ указать крайность женской эмансипаціи, что С. Аксаковъ въ *Семейной Хроникѣ* сочувствуетъ тѣмъ принципамъ, которыхъ представителями служатъ его Багровы и Куролесовы; такъ онъ напрасно причисляетъ чисто-восточные характеры Заремы, Земфиры и т. д. въ поэмахъ Пушкина къ *русскимъ* литературнымъ типамъ, а приступая къ изложенію литературы александровскаго времени, начинаетъ его съ повѣстей Карамзина, появившихся въ прошломъ вѣкѣ. Но этихъ примѣровъ довольно. Укажемъ лишь въ завершеніе на образцы тѣхъ вычурныхъ фразъ, мода на которыя очевидно еще не прошла въ провинціи; авторъ, осмѣивая существующее еще воззрѣніе на женщину какъ на существо, созданное для забавы, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ это воззрѣніе: «женщина, какъ *мебельная принадлежность разврата* (стр. 44), лакомая конфетка, достойная питаться нектаромъ изъ росы и благоуханной амброзіей цвѣтовъ (конфетка, питающаяся нектаромъ!), *изящная шифоньерка*, созданная для забавы и наслажденія мужчинъ» (стр. 49). Иногда это многоглаголаніе доводитъ автора до заявленія такихъ мнѣній, которыя врядъ ли онъ серьезно раздѣляетъ. Такъ отталкивающее впечатлѣніе производитъ фраза: «легко срывается и у современнаго читателя выраженіе презрѣнія къ жалкой вѣшалкѣ различныхъ тряпокъ, *имлющей претензію на званіе человека*»..... Неужели же есть какая-нибудь гуманность, какой-нибудь либерализмъ въ томъ воззрѣніи, которое какъ бы обзываетъ несчастную кисейную барышню отребьемъ общества, лишая ее человѣческаго достоинства и какъ бы санкціонируя въ этомъ случаѣ и безъ того уже узкое отношеніе большинства къ женщинѣ и ея правамъ. И какое основаніе имѣемъ мы декламировать о презрѣніи нашемъ къ кисейной барышнѣ, когда до послѣднихъ лѣтъ мы не сдѣлали ничего, чтобы вывести изъ этого состоянія нашихъ дочерей и сестеръ, ожидая, что отсутствіе воспитанія должно зародить въ нихъ высшія и серьезныя стремленія?! Весьма прискорбно указывать на по-

добные промахи въ трудѣ, во всякомъ случаѣ и при всѣхъ недостаткахъ представляющемъ пріятное явленіе въ провинціальномъ затишьѣ. Цѣль лектора была добрая, и многіе его взгляды весьма вѣрны, но популяризація, очевидно, ему не съ руки.

А. В.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Ueber nationale Erziehung. Vom Verfasser der «Briefe über berliner Erziehung». Leipzig. 1872.

Книга неизвѣстнаго нѣмецкаго педагога, принадлежащаго, очевидно, къ числу передовыхъ дѣятелей нѣмецкаго педагогическаго міра, задающаяся цѣлью указать начала новаго, чисто-національнаго воспитанія, которое могло бы поднять народъ до уровня того призванія, которое будто бы ему сулитъ исторія,—представляетъ сама по себѣ большой интересъ. Онъ еще увеличивается при видѣ той оживленной полемики, которая возгорѣлась вслѣдъ за ея появленіемъ, и того живаго впечатлѣнія, которое она несомнѣнно произвела на массу. Авторъ поставилъ задачей идеально-національнаго воспитанія—«сосредоточеніе, ясность и энергію самосознанія и развитіе индивидуальности, индивидуальнаго характера въ національномъ духѣ», и предлагаетъ рядъ реформъ въ существующей системѣ воспитанія, которыя бы содѣйствовали выполнению этой задачи. Съ этой стороны книга его имѣетъ большое сходство съ сочиненіемъ Мишеля Бреала о воспитаніи во Франціи, указаннымъ нами въ свое время; она отличается такимъ же честнымъ отношеніемъ къ дѣлу и стремленіемъ отбросить многое изъ того, что чуть не со среднихъ вѣковъ непроницаемою коройросло на нѣмецкой педагогикѣ, не уступая никакимъ требованіямъ времени. Авторъ часто ссылается на личный опытъ, вспоминая не только свою учительскую и профессорскую дѣятельность, но и собственные школьные годы. Этотъ-то характеръ исповѣди придаетъ особую искренность его картинѣ недостатковъ воспитанія въ Германіи. По убѣжденію сторонникъ классической системы, хотя не изъ крайнихъ ея приверженцевъ, онъ допускаетъ высокое развивающее дѣйствіе естественныхъ наукъ, и не только даетъ имъ обширный обьемъ въ программѣ такъ-называемыхъ имъ *Mittelschulen*, должствующихъ смѣнить собой прежнія реальныя гимназіи, но дѣлаетъ естественныя науки обязательнымъ предметомъ и въ общемъ гимназическомъ курсѣ, и притомъ не въ видѣ контрабанды, какъ это дѣлается въ нашихъ гимназіяхъ, а удѣляя имъ съ низшаго класса до послѣдняго по четыре часа въ недѣлю, т. е. даже болѣе, чѣмъ назначено у него на

занятіе нѣмецкимъ языкомъ. Оставляя однако въ сторонѣ его разъясненія педагогической важности древнихъ языковъ, которыя могли бы вовлечь въ новое повтореніе извѣстныхъ уже доводовъ объ односторонности подобныхъ взглядовъ, остановимся предпочтительно на частностяхъ предлагаемыхъ авторомъ реформъ. Онъ энергически возстаетъ противъ въ высшей степени пагубнаго неуваженія родителями и воспитателями личности дѣтей, на которыхъ обыкновенно смотрятъ точно какъ на послушное орудіе всевозможныхъ педагогическихъ экспериментовъ, заставляя повиноваться однимъ лишь повелѣніямъ и рѣдко прибѣгая къ нравственному вліянію на молодой умъ; замѣна обыкновеннаго въ нѣмецкихъ школахъ грубаго *ты* на *вы* является, по словамъ автора, также далеко еще не достигнутымъ идеаломъ. Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній, процвѣтающихъ еще всюду во всей силѣ, и въ особенности въ южной Германіи, гдѣ, какъ говоритъ авторъ, все держится палкой, настоятельно необходимо для устраненія въ воспитаніи всякаго характера дрессировки. Но только-что вы успѣли согласиться съ авторомъ относительно настоятельности этой реформы, какъ онъ повергаетъ васъ въ изумленіе неожиданной оговоркой: «я не хочу, однако, говоритъ онъ, одобрять той щекотливости и предубѣжденія, которыя существуютъ въ Пруссіи относительно пощечинъ, даваемыхъ за грубую ложь или пахальство....» И тутъ мы встрѣчаемъ даже въ такомъ мыслящемъ человѣкѣ отраженіе того варварскаго предрасудка, который неограниченно царитъ еще въ Германіи и нѣмецкими выписными педагогами заносится и къ намъ на Русь. Быть-можетъ, многіе еще помнятъ споръ, возникшій, лѣтъ десять тому назадъ, въ нашей литературѣ по поводу педагогическаго сочиненія нѣкоего г. Миллеръ-Красовскаго, педагога изъ Гатчины, который развивалъ въ немъ цѣлую систему о нравственномъ вліяніи мгновенныхъ сотрясеній, совѣтуя въ особенности давать по три пощечины.... Чуть ли не въ самомъ этомъ числѣ «сотрясеній» заключалась особенная, таинственная сила ихъ. Каррикутуры, юмористическія статьи посыпались тогда на творца новой системы, и съ тѣхъ поръ, сколько мы знаемъ, не раздавалось болѣе въ печати ни одного голоса въ защиту пощечинъ. Это вовсе не значитъ, чтобъ онѣ не существовали на практикѣ въ школахъ. Мы знаемъ, напр., достоверно, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ частныхъ нѣмецкихъ заведеній въ Москвѣ едва затушено было скандальное дѣло въ этомъ родѣ, грозившее дойти до суда. И на этотъ разъ участвовавшій былъ заграничный нѣмецъ.

Пусть извинятъ намъ это невольное отступленіе, вызванное воспоминаніемъ о многомъ видѣнномъ и слышанномъ, возбуждающемъ чувство глубокаго омерзѣнія. Но возвратимся къ разбираемой книгѣ. Переходя къ подробнымъ указаніямъ лучшихъ методовъ преподаванія учебныхъ предметовъ, авторъ повсюду настаиваетъ на расширеніи самостоятельности учениковъ, на изысканіи всевозможныхъ способовъ изоцирить

самостоятельность ихъ мысли. Онъ возстаетъ противъ глубоко-укоренившагося въ школахъ сѣверной Германіи возрѣнія на задачу школы, какъ на искуснѣйшее накопленіе въ умахъ учениковъ возможно большаго запаса свѣдѣній, механически запоминаемыхъ. Его приводитъ въ справедливый ужасъ мысль, что должно сдѣлаться изъ мыслительныхъ способностей человѣка, который двѣнадцать или тринадцать лѣтъ сряду убиваетъ на подобный туповатый трудъ. Это возрѣніе имѣетъ болѣе опасныя послѣдствія, чѣмъ обыкновенно думаютъ; во многихъ нѣмецкихъ государствахъ, говоритъ онъ, неспособность или нежеланіе дать соотвѣтствующее дѣло и ходъ молодымъ талантамъ сдѣлалось обычнымъ правиломъ государственной и административной практики.

Все, что можетъ вредить указанной уже главной цѣли реформы, авторъ предлагаетъ радикально устранить. Такъ, напр., въ преподаваніи латинскаго языка онъ считаетъ положительно безполезнымъ принужденіе учениковъ къ массѣ письменныхъ работъ на латинскомъ языкѣ, и еще рѣшительнѣе возстаетъ противъ экзаменовъ, производящихся по-латыни; преподаванію исторіи онъ приписываетъ высокое значеніе и желаетъ ему обширнѣйшихъ размѣровъ. Понятна причина этого, заключающаяся въ усиленіи національнаго чувства и всей нравственной стороны въ ученикѣ созерцаніемъ славнаго прошлаго его страны и героическихъ подвиговъ въ исторіи прочихъ народовъ. Авторъ, не сознаваясь въ этомъ, не прочь бы, повидимому, отъ тенденціозности въ преподаваніи исторіи примѣнительно къ политическимъ нѣмецкимъ цѣлямъ. Противно существовавшему прежде въ Германіи, а по сю пору и у насъ мнѣнію въ необходимости сократить курсъ новѣйшей исторіи и прервать его какъ можно раньше, авторъ высказываетъ желаніе наибольшаго развитія программы исторіи послѣднихъ трехъ столѣтій, желая, чтобы молодому уму было легче представить себѣ сущность современныхъ реальныхъ отношеній. Въ преподаваніи нѣмецкаго языка и литературы онъ желалъ бы болѣе жизни и менѣе педантическихъ тонкостей, дѣлающихъ самое чтеніе лучшихъ писателей сухимъ и механическимъ, — на что жалуется во Франціи и Бреалѣ. Наряду съ письменными упражненіями онъ хотѣлъ бы болѣе простора живому слову самихъ учениковъ, да и въ выборѣ темъ для классныхъ сочиненій совѣтуетъ избѣгать по возможности отвлеченныхъ вопросовъ, составить ясное мнѣніе о которыхъ въ короткое время урока для ученика буквально немыслимо. Въ послѣднемъ классѣ онъ совѣтуетъ заняться высшей, философскою грамматикой, которая должна заимѣнить формальную логику и психологію, которая и въ нѣмецкихъ, какъ и въ русскихъ, школахъ, излагаясь туманно и непонятно для ранняго возраста, служитъ лишь лишнею мукой для дѣтей. Мы уже говорили о роли естественныхъ наукъ въ проектируемой программѣ; не нужно прибавлять, что въ преподаваніи ихъ авторъ желаетъ еще боль-

шей наглядности, обстановки всевозможными пособіями и самостоятельной работы учениковъ. Что касается выпускныхъ экзаменовъ, то, по его мнѣнію, письменный экзаменъ могъ бы быть съ успѣхомъ замѣненъ большими сочиненіями по источникамъ, задаваемыми въ послѣднемъ классѣ и исполняемыми подъ наблюденіемъ преподавателя, который по этой работѣ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ по наскоро написанному въ классѣ отвѣту, можетъ судить о степени зрѣлости ученика. Правда, что авторъ для выполненія всѣхъ условій его обширной программы, которой мы коснулись лишь слегка, проектируетъ несообразно растянутый гимназическій курсъ, именно десятилѣтній, но и въ нѣсколько сокращенныхъ размѣрахъ курса многія изъ указываемыхъ улучшеній могутъ быть вполне приимѣнимы. Отъ гимназической программы авторъ переходитъ къ указанію нѣкоторыхъ улучшеній въ университетскомъ преподаваніи. Онъ порицаетъ людей, желающихъ подражанія англійскимъ университетамъ, представляющимъ простое продолженіе гимназій, и требуетъ, чтобы высшія научныя цѣли, которыми посвятили себя издавна нѣмецкіе университеты, не были покинуты ради этого кажущагося прогресса. Излагая, предметъ за предметомъ, тѣ улучшенія, которыми можно было бы сдѣлать преподаваніе болѣе плодотворнымъ, авторъ всюду приходитъ къ необходимости приложенія въ болѣе или меньшихъ размѣрахъ одного и того же средства, а именно—возможно-большой замѣны связанныхъ лекцій, раздающихся съ кафедръ, такъ-называемыми семинаріями, т. е. занятіями профессора непосредственно съ самими слушателями, которыя основаны были бы на изслѣдованіи и объясненіи въ самой же лекціи самихъ памятниконъ или текстовъ, выводѣ научныхъ законовъ, формулъ и т. д., въ чемъ слушатели участвовали бы наравнѣ съ преподавателемъ, приучаясь здѣсь, еще больше чѣмъ въ гимназіяхъ, къ самостоятельной работѣ и пытливости. Самую слабую часть настоящей книги является краткій обзоръ состоянія женскаго воспитанія въ Германіи; здѣсь мы встрѣчаемъ, напр., нападки на женскія гимназіи, и не за то, что въ нихъ учатъ дурно, но за то, что *много* учатъ; соображенія автора объ основахъ особаго курса для дѣвочекъ отзываются поразительной узкостью взглядовъ, неприятно поражающею въ такомъ, очевидно много думавшемъ и честно относящемся къ дѣлу, мыслителѣ. Но и не такіе люди, какъ онъ, выказывали эту узкость взглядовъ, когда рѣчь заходила о женскомъ воспитаніи и женскомъ движеніи!

La Pologne et la Russie dans la Slavie. Par Charles Mikoszewski.
Genève. 1872 г.

Обозрѣвая неоднократно разнообразныя проявленія примирительнаго настроенія въ польской литературѣ по отношенію къ Россіи, мы имѣли уже случай упомянуть о рѣчи, произнесенной въ Женевѣ, въ годовщину

последняго польскаго возстанія, однимъ изъ членовъ бывшаго революціоннаго правительства, г. Микошевскимъ. Рѣчь эта напечатана теперь отдѣльною брошюрой и распространяется повсюду какъ призывъ всѣхъ, сочувствующихъ дѣлу примиренія, слиться въ одну партію и начать дружную агитацію. Рѣчь сама по себѣ не представляетъ никакихъ особенно выдающихся мыслей и главнѣйшимъ образомъ основана на естественномъ представляющемся въ настоящую тяжелую пору всякому польскому патриоту сравненіи выгодъ и ущерба, который можетъ проистечь для польскаго дѣла изъ сближенія съ одною изъ трехъ сосѣднихъ великихъ державъ, — сравненіи, изъ котораго вытекаетъ перевѣсъ на сторонѣ сближенія съ Россіей, еслибъ она захотѣла пойти на встрѣчу зараждающимся симпатіямъ. Ораторъ откровенно сознается, что на долгое время польская революція стала невысказанно, что возобновленіе какихъ-либо вспышекъ было бы чрезвычайно пагубно для страны, что Польша при данныхъ обстоятельствахъ не можетъ возвратити себѣ независимость, и ограничивается заявленіемъ надежды на дарованіе областной автономіи, свободы совѣсти, льготъ, выработанныхъ прогрессомъ, и амнистіи. При этихъ условіяхъ онъ предрекаетъ полное умиротвореніе, укрѣпленіе силы Россіи, забвеніе всѣхъ раздоровъ и окончаніе всѣхъ старыхъ счетовъ. Чтобы придать нѣкоторое единство и организацію разбросаннымъ элементамъ нарастающей примирительной партіи, авторъ проектируетъ основаніе въ Женевѣ журнала на французскомъ языкѣ, подъ названіемъ «La Slavie», который долженъ служить распространенію идеи примиренія на основаніи славянской взаимности. Кажется, однако, что понятія автора объ этой взаимности нѣсколько неясны и что ему грезится какая-то невысказанная, громадная славянская федеративная имперія. Но эта утопическая часть программы не отнимаетъ своего значенія у общаго ея примирительнаго характера. Брошюра заканчивается призывомъ къ подпискѣ на составленіе фонда, необходимаго для основанія будущаго журнала, первоначальныя издержки по изданію котораго исчислены въ шесть тысячъ франковъ.

L'Allemagne contemporaine, par Edgar Bourloton, ex-engagé volontaire de 1870 aux zouaves de la garde. Paris. 1872.

Этотъ легко и метко набросанный очеркъ современнаго положенія Германіи, принадлежащій перу человека, принимавшаго личное участіе въ послѣдней войнѣ съ нею, производитъ весьма пріятное впечатлѣніе замѣчательнымъ безпристрастіемъ, въ отсутствіи котораго обыкновенно упрекаютъ французовъ. Отнесясь къ своему предмету съ полной искренностью, авторъ сумѣлъ обратити вниманіе на тѣ стороны жизни новѣйшей Германіи, которыя дѣйствительно наиболѣе характеристичны и заслуживаютъ этого вниманія. Онъ знакомитъ читателя со всѣми меха-

низмом администраціи и торговли, съ сложнымъ устройствомъ арміи, интересующимъ его и какъ военнаго человѣка и какъ изслѣдователя причинъ необычайныхъ успѣховъ нѣмецкаго оружія. Чуждый старой брезгливости французовъ къ внутренней нѣмецкой жизни, онъ изучалъ также бытъ и нравы, семейные и общественные, въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи и, безъ сомнѣнія, говоритъ много новаго и нежданнаго о нихъ своимъ соотечественникамъ. Не довольствуясь книжными свѣдѣніями, онъ желаетъ судить о многомъ собственными глазами и подтверждаетъ излагаемыя имъ положенія цѣннымъ свидѣтельствомъ очевидца. Если иногда свѣдѣнія его оказываются неполными и онъ опускаетъ изъ виду цѣлыя области умственной дѣятельности нѣмцевъ, то это опущеніе въ значительной степени извиняется длившимся по сю пору крайнимъ незнакомствомъ французскаго народа съ жизнью его зарейнскихъ сосѣдей, переходъ отъ котораго къ полному уразумѣнію ея не такъ-то легокъ. Во всякомъ случаѣ можно пожелать появленія и съ нѣмецкой стороны такихъ же безпристрастныхъ опытовъ изученія французской жизни, какъ книга г. Бурлотона: пора покончить съ фразами о божественномъ призваніи нѣмецкаго народа къ водворенію истинной цивилизаціи и присмотрѣться, не найдется ли что-нибудь и доброе въ томъ новомъ Вавилонѣ, котораго, не уставая, громить еще цѣломудренныя нѣмецкіе патриоты.

Literatur und Gesellschaft in Frankreich zur Zeit der Revolution 1789—1794. Zur Culturgeschichte des achtzehnt. Jahrhunderts, von Ferdinand Letteisen. Wien. 1872.

Сочиненіе Летеизена о литературѣ и обществѣ временъ первой революціи, появившееся впрочемъ въ Вѣнѣ, служитъ отраднымъ явленіемъ среди господства политической тенденціозности, проникающей въ настоящее время и въ ученые работы въ Германіи. Авторъ видимо овладѣлъ своимъ предметомъ и вжилъ въ ту среду, которую описываетъ. Большинство источниковъ, могшихъ дать ему какія-либо вѣрныя свѣдѣнія, тщательно исчерпано, въ особенности что касается литературы временъ революціи. Для изложенія онъ предпочелъ форму отдѣльныхъ законченныхъ очерковъ связному разсказу. Очерки эти, нерѣдко мастерски написанные, живо воссоздаютъ черты эпохи и характеры главнѣйшихъ ея дѣятелей. Наилучшимъ изъ этихъ этюдовъ является посвященный Андре Шенье; столь же интереса имѣетъ глава, обзорѣвающая первое проникновеніе шекспировской драмы во Францію, отзвуки новаго направленія въ произведеніяхъ Вольтера и другихъ драматурговъ, готовящіе постепенный переворотъ во всемъ строѣ французскаго театра. Живо очерченъ также контрастъ театра въ эпоху, предшествовавшую рево-

люди, и театра революціоннаго, живо охваченнаго горячимъ напоромъ всѣхъ страстей и волненій минуты. Въ упрекъ автору можно поставить, что, задаваясь иногда слишкомъ широкими, общими цѣлями, онъ не выполняетъ предположеннаго въ иныхъ этюдахъ. Такъ, напр., въ этюдѣ, посвященномъ женщинамъ революціи, обрисованъ лишь характеръ одной г-жи Роланъ, а прочія выдающіяся личности даже не названы. Вообще сравнительно съ очерками литературы несравненно слабѣе выступаютъ очерки самого общества, выполняющіе вторую главную цѣль всего труда. Французская критика уже указала автору нѣсколько пробѣловъ въ этой части его книги,—пробѣловъ, частью вызванныхъ упущеніемъ изъ виду иныхъ источниковъ, частью нѣкоторой односторонностью общаго взгляда, вообще чрезвычайно сочувственнаго революціонному движенію, но въ то же время увлекающаго автора до не исполнѣнія справедливой оцѣнки характеровъ, нравовъ и положеній изъ противоположной сферы развитія. При всемъ томъ нельзя не отдать ему справедливости въ рѣдкомъ сочувствіи къ французской литературѣ и искреннемъ сожалѣніи его о невѣдѣніи истинныхъ достоинствъ ея въ Германіи, о смѣломъ осужденіи ея, которое основывается, по его же собственнымъ словамъ, на мелкихъ, незначущихъ произведеніяхъ, романахъ средней руки и т. д., которыхъ никто не долженъ бы считать представителями направленія, общаго всей литературѣ.

Rad jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Knjiga XVIII, XIX XX. U Zagrebu. 1872.

Мы познакомили уже читателя съ дѣятельностью югославянской академіи въ Загребѣ, съ направленіемъ и достоинствами ея повременнаго органа, «Rad'a». Передъ нами три новѣйшія книжки этого журнала, отличающіяся такою же полнотой и разносторонностью содержанія, какъ разобранныя нами прежде. Въ нихъ приняди дружное участіе всѣ отдѣленія академіи, и изслѣдованія изъ области естественныхъ наукъ встрѣчаются здѣсь съ трудами по исторіи и языку хорватскому, съ иностранными критическими статьями о явленіяхъ прочихъ славянскихъ литературъ. Вукотиновичъ сообщаетъ здѣсь свои наблюденія надъ флорой хорватской; Брузина обнаруживаетъ начало обширнаго труда о фаунѣ сѣверо-восточнаго берега Адриатическаго моря, который представляетъ подробный отчетъ о предпринятомъ имъ съ этою цѣлью въ 1868 году путешествіи вдоль береговъ Адриатики, отъ Венеціи до Ботора; извѣстный статистикъ и географъ Матковичъ сообщаетъ небольшую статью, составленную на основаніи лучшихъ сочиненій и картъ, изданныхъ въ Австріи, объ орографіи хорватской и въ особенности о южно-хорватской возвышенности. Изъ статей филологическаго и историческаго содержанія обращаютъ на себя особое вниманіе работы академика Курельца и

въ особенности изслѣдованіе о вліяніи итальянскаго языка на хорватскій и о тѣхъ итальянскихъ словахъ, которыя съ теченіемъ времени акклиматизировались въ хорватской рѣчи. Это заимствованіе, неизбежное при всякомъ тѣсномъ сосѣдствѣ народовъ, ведетъ свое начало отъ того періода въ исторіи хорватской литературы, когда она всецѣло подпала вліянію итальянизма, поведшему къ массѣ превращенія хорватскихъ писателей въ чисто-итальянскихъ литературныхъ дѣятелей, писавшихъ преимущественно по-итальянски (это впрочемъ не вывелось и по наше время; врядъ ли многіе знаютъ, напр., что извѣстный сподвижникъ Манина по венеціанской революціи 1848 года, Никколо Томмасео, составившій себѣ почетную извѣстность въ итальянской литературѣ, есть на дѣлѣ хорватъ Томашичъ, въ свое время написавшій нѣсколько произведеній на родномъ своемъ языкѣ). Статья Курельца переполнена указаніемъ словъ, введенныхъ въ хорватскую рѣчь этими итальянофилами 16 и 17 вѣка; ея цѣнность возвышаютъ многочисленныя примѣры этихъ заимствованныхъ реченій, приведенныя изъ произведеній Марулича, Ветранича, Гундулича и друг., и даже изъ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсень. Столь же цѣннымъ, хотя еще болѣе специальнымъ трудомъ является статья Даничича, представляющая массу матеріаловъ для «исторіи акцентуаціи въ сербскомъ и хорватскомъ языкѣ»; она точно также состоитъ вся изъ ссылокъ на употребленіе тѣхъ или другихъ формъ у различныхъ писателей и въ различныхъ рукописяхъ, выказывая рѣдкую и самоотверженно-кропотливую эрудицію автора. Къ области исторіи относятся статьи о Хорватіи при банѣ Бериславичѣ, Месича, замѣтки о древней хорватской исторіи Рачскаго, хронологическія соображенія о времени царствованія царя Душана, Руварца: послѣдняя вся, въ видѣ опыта, напечатана кириллицей и, вѣроятно, служитъ попыткой постепенно приучить хорватскую публику къ употребленію этого шрифта, такъ какъ разница въ азбукѣ между сербской и хорватскою письменностью служитъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ однимъ изъ чувствительнѣйшихъ препятствій сближенію обоихъ народовъ. Статья престарѣлаго польскаго ученаго Мацѣвскаго, почетнаго члена югославянской академіи, о Полистахъ или Полянахъ, относится къ сферѣ гипотезъ о первоначальномъ расселеніи народовъ въ Европѣ,—въ родѣ той, которая пущена была въ ходъ послѣднею книгою чешскаго профессора Шемберы, «Zapadni Slované v pravěku». По мнѣнію Мацѣвскаго, поляне содѣйствовали въ значительной степени цивилизаціи западной Европы и въ особенности Германіи, соединившись съ отраслью тевтоновъ и получивъ общее имя свевовъ.—Въ отдѣлѣ критики и библиографіи видное мѣсто занимаетъ статья извѣстнаго историка хорватской литературы, Ягича, о книгѣ г. Безсонова: «Католическій священникъ сербъ Юрій Брижаничъ» и т. д. М. 1869—1870. Отзываясь очень сочувственно объ этомъ трудѣ, Ягичъ находитъ въ немъ нѣкоторыя пробѣлы и вообще указываетъ

на недостаточную объективность въ сужденіяхъ автора о Крижаничѣ его политической программѣ и общемъ складѣ воззрѣній. Такъ, напр. критикъ находитъ возможнымъ не согласиться съ г. Безсоновымъ въ томъ, что панславянскія убѣжденія зародились въ Крижаничѣ еще въ ранніе годы и что его горячая натура увлекла его за предѣлы тѣсной родной обстановки. По мнѣнію критика, г. Безсоновъ въ молодомъ человѣкѣ видитъ уже «русскаго Крижанича», т. е. того, каковыя его сдѣлали позднѣйшія обстоятельства и размышленія. Статья Рачскаго о помѣщенномъ въ «Запискахъ петербургской академіи наукъ» обзорѣ итальянскихъ архивовъ и хранящихся въ нихъ матеріалахъ для славянской исторіи, г. Макушева, и объ обзорѣніи новыхъ данныхъ для болгарской исторіи, заключающихся въ тѣхъ же архивахъ, изданныхъ г. Дриновымъ въ 1870. въ Бразилѣ,—интересна потому, что обзорѣватель прибавилъ къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ обоими путешественниками, данныя, лично имъ собранныя о славянскихъ рукописяхъ и прочихъ документахъ для исторіи славянства, находящихся въ различныхъ библіотекахъ Рима. Наши историки найдутъ въ этихъ свѣдѣніяхъ не мало любопытныхъ указаній матеріаловъ по исторіи Россіи и Польши.

А. В.

Zeitgenössische Berichte zur Geschichte Russlands. Russland unter Peter dem Grossen, Herausgeg. v. Ernst Herrmann.

Э. Геррманнъ, нѣмецкій профессоръ (нынѣ онъ преподаетъ въ Марбургѣ), извѣстный своей «Исторіей Русскаго государства», въ послѣднее время занимается собраніемъ матеріаловъ для новѣйшей русской исторіи. Уже послѣдніе томы его сочиненія о Россіи, особенно VI-й, посвященный внѣшней политикѣ Екатерины за 1775—1792 годы, похожи на собраніе отрывковъ и дипломатическихъ документовъ. И этимъ Геррманнъ былъ обязанъ, при почти полномъ отсутствіи разработки второй половины прошлаго вѣка въ нашей исторіи, — былъ обязанъ архивамъ соксонскому, берлинскому и англійскому, которые были открыты ему частью съ 40-хъ, частью съ 50-хъ годовъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ VI-го тома «Исторіи Русскаго государства», въ 1866 году, появился уже не слѣдующій томъ ея, а собраніе дипломатическихъ корреспонденцій изъ революціонной эпохи (1791—1797 гг.). Въ нынѣшнемъ году Геррманнъ принялъ участіе въ лейпцигскомъ изданіи: «Свидѣтельства современниковъ о русской исторіи». Припоминая 200-лѣтній юбилей Петра Великаго, котораго онъ ставитъ весьма высоко, Геррманнъ издалъ небольшую, но весьма интересную книжку, подъ названіемъ: «Россія при Петрѣ Великомъ». Это—опять собраніе документовъ, которые не были извѣстны почтенному ученому, когда онъ писалъ о Петрѣ I. Оно состоитъ изъ записокъ секретаря прусскаго посольства въ Петербургѣ,

Вокеродта, и австрійскаго агента, Плейера. Докладъ послѣдняго не великъ и лишень первостепеннаго интереса. Но записки Вокеродта весьма любопытны, и, по нашему мнѣнію, въ нихъ все значеніе новаго изданія Германна. Вокеродтъ долго жилъ въ Россіи и вполнѣ владѣлъ русскимъ языкомъ. Онъ составилъ свои записки о Россіи черезъ 12 лѣтъ послѣ смерти Петра Великаго. Въ нихъ авторъ разбираетъ различныя реформы Петра I: церковныя, административныя, военныя, торговыя. Затѣмъ рассматриваются построенныя тогда общественныя зданія и новые пути сообщенія, колоніи и учебныя заведенія. Наконецъ, изслѣдуются вопросы: много ли измѣнились русскіе въ своихъ одеждахъ, нравахъ, обычаяхъ и склонностяхъ? Болѣе ли населенною стала Россія, чѣмъ прежде? Сколько въ ней жителей и священниковъ? Сколько денегъ? Но любопытнѣе всѣхъ первый вопросъ, съ котораго начинаются записки: «Правда ли, что встарину русскіе были такими дикими и звѣроподобными, какъ прокричали о нихъ?» Вотъ какъ отвѣчаетъ Вокеродтъ на этотъ вопросъ. Сравнительно съ Западомъ, русскіе, до Петра, были варвары, «болѣе чѣмъ какой-либо другой народъ въ Европѣ, а пожалуй и въ Азіи», хотя въ сношеніяхъ между собой они, подобно китайцамъ, были крайне церемонны. Но это варварство было привитое. «Русскіе заимствовали нравы у татаръ точно такъ же, какъ всѣ свои придворныя, правительственныя и военныя учрежденія». Отсюда же и тотъ образъ жизни, который казался иностранцамъ «сварварскимъ и звѣрскимъ». Его «отвратительность увеличилась еще тѣмъ, что русскіе, при неслѣпнѣмъ убѣжденіи въ превосходствѣ своего царя надъ другими монархами, презрительно и высокоумно обращались съ иностранными посланниками». Но самъ по себѣ русскій вовсе не таковъ. «Тамъ, гдѣ его не сковываютъ предразсудки его отечества или религіи, онъ выказываетъ естественный истинно-здравый смыслъ и мѣткость сужденій. Сверхъ того, онъ обладаетъ необыкновенною способностью пониманія, талантомъ изыскивать хорошія средства для своихъ цѣлей и выгодно пользоваться обстоятельствами. Русскіе по большей части одарены врожденнымъ краснорѣчіемъ и умѣютъ выставить свое дѣло въ хорошемъ свѣтѣ, разумно оцѣнить, что имъ выгодно или вредно. И всѣмъ этимъ они обладаютъ въ гораздо большей степени, чѣмъ нѣмецъ или кто-нибудь другой... Въ дѣлахъ съ чужеземцами русскій имѣетъ въ виду только свои выгоды: ему и гора мало до того, что подумаютъ объ его особѣ. Оттого обыкновенно онъ подходитъ къ иностранцу весьма осторожно, съ простымъ, чуть не глуповатымъ видомъ, а самъ старается, пользуясь этою маскою, проникнуть въ глубину его души и мастерски пользуется малѣйшею ею слабостью, какъ скоро уловить ее. А такъ какъ вообще глупца не очень опасаются, то сплошь и рядомъ иностранецъ бываетъ побѣжденъ... Вотъ почему многіе иностранцы, проѣхавшіе по Россіи и судившіе о ней à vue de рауз, очень невыгодно отзываются объ умѣ русскихъ; напротивъ, тѣ,

которые никогда не бывали на Руси и знают русскихъ только по ихъ дѣйствіямъ и дѣламъ (какъ напр. Пуффендорфъ въ «Жизни Карла Густава» и др.), не отказываютъ въ заслуженной похвалѣ ихъ здравому смыслу и остроумію, хотя они и негодуютъ на ихъ вѣроломство и интриганство».

А. Т.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

9-го ноября.

(Сессія сеймовъ въ Цислейтаніи. — Столкновеніе правительства съ тирольскимъ сеймомъ и закрытіе его. — Значеніе положенія тирольцевъ для судьбы конституціи. — Волненія въ Далмаціи и побѣдка эрцгерцога Альбрехта. — Положеніе дѣлъ въ галицкомъ сеймѣ. — Разладъ между поляками и русскими депутатами. — Вопросъ о прямыхъ выборахъ. — Чехи берутъ назадъ свое воздержаніе отъ участія въ школьномъ надзорѣ. — Послѣдній съѣздъ федералистовъ и программа новой партіи народныхъ правъ. — Примирительное настроеніе словаковъ и румыновъ. — Вѣсти о соглашеніи хорватскомъ. — Подробности программы хорватовъ. — Неприложимость идеи соглашенія къ Австріи и мнѣніе Палацкаго. — Бурсы русскаго языка для австрійскихъ офицеровъ. — Подобное же извѣстіе, полученное нами изъ Германіи. — Вопросъ объ окружномъ уставѣ въ Пруссіи. — Правительство, карая на словахъ, принуждено уступить. — Тьеръ, бросающій перчатку собранію. — Пренія о рѣчахъ Гамбетты. — Угроза обращеніемъ къ народу. — Успѣхи внѣшней политики; заключеніе трактата съ Англіей. — Новые выборы въ Швейцаріи. — Нѣчто о политической индифферентности. — Опасность усиленія Германіи для будущности Швейцаріи. — *Битва при Бернѣ*).

Открытіе сессіи цислейтанскихъ сеймовъ внесло разомъ оживленіе въ монотонную политическую жизнь Цислейтаніи за послѣдніе мѣсяцы. Все, что таилось въ сокровеннѣйшихъ вѣдрахъ различныхъ партій, всѣ элементы готовящихся переворотовъ и комбинацій выступаютъ теперь снова одинъ за другимъ наружу. Хотя эта сессія, по всему вѣроятію, будетъ очень непродолжительна, но она не останется безъ вліянія на положеніе дѣлъ, безъ того уже представляющее весьма серьезную опасность для настоящаго министерства и всей нѣмецко-централистской партіи. Недавнія сцены въ делегаціяхъ, гдѣ люди, изъ среды которыхъ вышло цислейтанское министерство, — люди, до той поры душою и тѣломъ преданные его политикѣ, встали въ рѣшительную, яростную оппозицію противъ него и сдѣлали возможнымъ тотъ ненормальный фактъ, что настоящая оппозиція, слышущая обыкновенно подъ презрительными именами феодаловъ, клерикаловъ и т. д., явилась неожиданною поддержкой каби-

нета,—эти сцены ясно показали, что въ самой средѣ нѣмецкой партіи произошелъ сильный разладъ и что министерскій кризисъ далеко не невозможенъ. Ходили уже слухи о различныхъ проектахъ составленія новаго кабинета изъ новыхъ же элементовъ, болѣе примирительно настроеннаго; главою его называли бывшего намѣстника Далмаціи, барона Филипповича. Еще не успѣли затихнуть эти слухи, какъ вслѣдъ за извѣстіемъ объ открытіи областныхъ сеймовъ телеграммы принесли вѣсть о серьезномъ столкновеніи правительства съ тирольскимъ сеймомъ, и тогда о паденіи министерства снова возбудились повсюду. Причина столкновенія въ Инспрукѣ является во всякомъ случаѣ далеко не перво-степенно-важною, и въ другое время недоразумѣніе было бы безъ особаго труда улажено. Тотъ фактъ, что министерство, желая показать свою власть, обошло богословскій факультетъ инспрукскаго университета (связанный съ сеймомъ какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и нравственно, составляя центръ его клерикальнаго и федералистскаго большинства) и назначило отъ себя ректора, могъ раздражить общественное мнѣніе, какъ новый примѣръ правительственнаго самоуправства; но очевидно, что этотъ фактъ былъ выбранъ только предлогомъ для открытаго заявленія вражды къ правительству, давно накопившейся и ждавшей исхода. Бросая какъ бы перчатку министерству, тирольскій сеймъ заявилъ, что даетъ ему восьми-дневный срокъ для объясненія его образа дѣйствій въ этомъ случаѣ, предваряя, что, въ случаѣ неисполненія требованія этого, сеймъ прекратитъ свои занятія. Замѣтимъ, что и до этого заявленія весьма значительная доля общаго числа его членовъ, именно представители южнаго, итальянскаго Тироля, демонстративно не явились на сеймъ, протестуя тѣмъ противъ неудовлетворенія правительствомъ высказанныхъ ими не разъ желаній полнаго раздѣла Тироля на двѣ территоріи, по національностямъ. Можно легко представить себѣ, какую бурю негодованія вызвала манифестация сейма въ нѣмецкой партіи и въ преданныхъ ей газетахъ Цислейтаніи и Германіи. Матадоры германизма, казалось, оцѣпенѣли при видѣ этого *нѣмецкаго* сейма, ведущаго такіа вызывающія рѣчи противъ соплеменныхъ ему государственныхъ людей, служащихъ такъ неліце-мѣрно нѣмецкому дѣлу. Выраженное въ эту пору въ тирольскихъ оппозиціонныхъ газетахъ мнѣніе, что въ настоящее время Тироль держитъ въ своихъ рукахъ судьбу Цислейтаніи, не должно казаться одною похвалой безъ всякаго внутренняго основанія. Дѣйствительно, отъ настроенія сейма и тѣхъ представителей, которыхъ онъ вышлетъ въ имперскую думу, будетъ зависеть исходъ настоящей сессіи думы. Если тирольскіе депутаты рѣшатся выступить изъ нея, то за ними несомнѣнно послѣдуютъ и остальные представители федералистской оппозиціи, словенцы изъ Краины, Штирии, Триеста, далматинцы и т. д., удерживаемые въ думѣ лишь присутствіемъ болѣе многочисленныхъ тироль-

снихъ своихъ собратій. Тогда останутся опорой министерства одни поляки.... Но въ этомъ странномъ, изолированномъ положеніи и они не захотятъ остаться, и такимъ образомъ status quo сдѣлается немыслимымъ, невозможнымъ.

Въ настоящую минуту тирольское дѣло еще не возбудило тѣхъ важныхъ послѣдствій, которыхъ отъ него ожидали. Министерство еще держитъ власть въ своихъ рукахъ, хотя положеніе его продолжаетъ оставаться шаткимъ; графъ Таафе, намѣстникъ Тироля, не смѣненъ, потому что нѣкогда былъ товарищемъ дѣтскихъ игръ нынѣшняго императора; ему сдѣлано однако должное внушеніе относительно ревности и усердія, выходящаго изъ границъ благоразумія. Сейму долго грозили распушеніемъ и назначеніемъ новыхъ выборовъ, не приводя этой угрозы въ исполненіе; словомъ, желали еще нѣсколько времени продолжать съ чисто-австрійскимъ умѣньемъ лавировать, колебаться между обѣими сторонами, выжидая, высматривая и надѣясь, что этимъ маневромъ можно продержаться еще нѣсколько времени. Но сеймъ остался неустрашимъ, и новѣйшія извѣстія сообщаютъ, что закрытіе его уже произнесено. Но Австрія—блаженное государство, въ которомъ столько запаса неудовольствій и недоразумѣній, что въ каждое мгновеніе можетъ разгорѣться въ любомъ уголкѣ государства пѣлая буря народныхъ волненій или конституціонныхъ столкновеній. Такъ еще недавно возвратился изъ своей поѣздки въ Далмацію эрцгерцогъ Альбрехтъ, поспѣшавшій личнымъ присутствіемъ, вліяніемъ своей открытой и лояльной природы и популярностью предотвратить начинавшееся тамъ повтореніе недавняго народнаго возстанія. Обѣщанія, данныя-было австрійцами вслѣдъ за окончаніемъ кровавой, утомительной борьбы, подъ вліяніемъ еще не разсѣявшейся боязни,—обѣщанія различныхъ измѣненій въ уставѣ ландвера (послужившемъ главнымъ поводомъ къ неудовольствію которскаго населенія, издавна вооруженнаго поголовно и ревниво охранявшаго это драгоцѣнное свое право), въ мѣстной администраціи, судопроизводствѣ и земскихъ учрежденіяхъ, были забыты, когда за возстаніемъ наступило временное успокоеніе умовъ; это успокоеніе показало признакомъ окончательнаго усыпленія неудовольствія, и ненавистныя народу мѣры снова начали втихомолку вводиться въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ и до возстанія. Снова раздражился весь народъ, снова вспыхнули беспорядки, и еслибы не вмѣшательство эрцгерцога, сумѣвшаго во время поѣздки вдоль и поперекъ южной Далмаціи успокоить народъ положительнымъ обѣщаніемъ вторичной отміны начатыхъ реформъ и выказавшаго дружественныя отношенія къ черногорскому князю, свиданія съ которымъ онъ искалъ,—могла бы возобновиться безцѣльная рѣзня 1869 года во имя усмиренія очевидно неусмиряемаго племени.

Изъ прочихъ цислейтанскихъ сеймовъ наиболее выдается сеймъ га-

лицій. не столько важностью его дѣятельности, сколько прискорбнымъ упорствомъ его большинства въ послѣдовательномъ непризнаніи народной равноправности. Никакая опасность повидимому не можетъ побудить это большинство измѣнить свою политику. Съ первыхъ же минутъ по открытіи настоящей сессіи обнаружилось старое стремленіе устранить по возможности отъ дѣлъ представителей русскаго населенія. Они не были выбраны ни въ одну изъ комиссій для разсмотрѣнія различныхъ законопроектовъ и петицій. Только въ одну изъ нихъ случайно попалъ новый перемышльскій епископъ Ступницкій, русскій родомъ. по чуждый своей національности и возведенный въ санъ епископа вслѣдствіе польско-католическихъ вліяній. Принимая русскихъ депутатовъ, просившихъ его стоять за интересы своей народности, онъ уклончиво отвѣчалъ, что, какъ человекъ новый, онъ *еще не успѣлъ приглядѣться* къ политической жизни Галиціи. Такихъ только ренегатовъ допускаютъ къ нѣскольکو-самостоятельной дѣятельности въ сеймѣ. А между тѣмъ, въ числѣ внесенныхъ въ него проектовъ есть нѣкоторые первой важности какъ для края вообще, такъ и для русскаго народа въ особенности. Такова напр. проектируемая реформа общиннаго или громадскаго устройства, составляющаго одну изъ немногихъ драгоцѣнныхъ льготъ Галиціи, — реформа, имѣющая въ виду, по свѣдѣніямъ «Слова», сдѣлать эту льготу призрачною и обманчивою. — Вопросъ о прямыхъ выборахъ въ имперскую думу послужилъ еще сильнѣйшимъ средствомъ къ разьединенію обѣихъ національныхъ партій. Этому вопросу вообще суждено играть въ Цислейтаніи самую странную роль, объясняемую лишь хаотическимъ состояніемъ всѣхъ національныхъ отношеній: въ то время, какъ чехи возстаютъ противъ насильственно-навязываемыхъ имъ прямыхъ, непосредственныхъ выборовъ въ думу, при которыхъ опасаются сильнаго вліянія нѣмцевъ-помѣщиковъ, фабрикантовъ и чиновниковъ на настроеніе избирателей, а галиціе поляки, вторя въ этомъ случаѣ чехамъ, возстаютъ противъ этихъ выборовъ, опасаясь прибытія въ думу цѣлой массы русскихъ депутатовъ, прямо выставленныхъ землею, — галицкіе русскіе, основа движенія которыхъ находится именно въ сельскомъ населеніи, надѣются, обойдя предпочтительно польскій сеймъ въ Львовѣ, прямо заявить, при новомъ порядкѣ вещей, устами цѣлаго ряда своихъ представителей въ Вѣнѣ о нуждахъ и притѣсненіяхъ своей національности. Столкновеніе обѣихъ партій въ сеймѣ по этому вопросу привело къ новому и весьма чувствительному для русскихъ пораженію; въ засѣданіи сейма 16-го ноября предложеніе русскихъ депутатовъ было отвергнуто подавляющимъ большинствомъ 101 голоса противъ 19. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ адресѣ, составивъ который сеймъ все-таки рѣшился, несмотря на высказанное первоначальное желаніе воздержаться отъ этого заявленія, будутъ снова повторены требованія, выраженные въ извѣстной сеймовой резолюціи, совершенно соответствующія естественнымъ стрем-

леніямъ поляковъ къ самоуправленію, но непростительно игнорирующія такія же стремленія русскаго народа, вмѣщающаго столь же неоспоримое право на управленіе своею судьбой. Трудно предвидѣть, какое стеченіе обстоятельствъ заставитъ наконецъ поляковъ отступить отъ этой пагубной и ничѣмъ не оправдываемой политики. Такіе вкоренившіеся предразсудки, какъ вѣра въ возможность возстановленія *старыхъ* границъ Польши или убѣжденіе, что въ Галиціи должна быть одна національность, съ трудомъ уступаютъ внушеніямъ здравыхъ политическихъ соображеній. Это болѣе чѣмъ прискорбно, такъ какъ сильно затрудняетъ и замедляетъ ходъ примиренія съ русскимъ народомъ, вмѣстѣ взятымъ, составляющаго съ нѣкотораго времени предметъ серьезныхъ помысловъ многихъ польскихъ патріотовъ.

Въ Чехіи и Моравіи положеніе дѣлъ не измѣнилось ни на волосъ. Національная партія, какъ и всегда, отказалась явиться въ сеймъ, печать подвергается прежнимъ гоненіямъ, редакторы продолжаютъ вкушать удовольствіе предварительнаго заключенія, ддящагося для нѣкоторыхъ уже нѣсколько мѣсяцевъ; это заключеніе продолжается для одного изъ молодыхъ литераторовъ даже и послѣ того, какъ его постигло сумасшествіе, естественное слѣдствіе гуманной австрійской тюремной системы.... Вожди чешскаго народа рѣшились въ послѣднее время поступиться одною изъ главныхъ основъ своей программы, побуждаемые къ тому чисто-практическими соображеніями. Какъ извѣстно, они не признали произведенной еще министерствомъ Гаснера реформы надзора за школами, и какъ въ Прагѣ, такъ и по всѣмъ провинціямъ никто не шелъ въ такъ-называемые училищные совѣты, образованные въ силу новаго устава. Прошло два года, и опасныя слѣдствія этого воздержанія чеховъ отъ участія въ завѣдываніи народнымъ образованіемъ не замедлили выказаться: училищные совѣты наполнились всякаго рода темными личностями, носителями особаго, нѣмецко-еврейскаго просвѣщенія; въ школы пробрались мало-по-малу различныя креатуры этихъ людей, выгнанные чиновники, отставные военные, прикащики безъ мѣстъ, которымъ не было дѣла до серьезнаго обученія молодежи, но которые видѣли только одну прибыльность мѣстъ своихъ и вводили въ школу такіе приемы, которые могли довести ее до наденія и тѣмъ сильнѣе унижить ея нравственное значеніе; въ ней ученикамъ внушалось презрѣніе къ своей національности—единственное дѣйствіе, въ которомъ всѣ эти лже-педагоги выказали единодушіе и рвеніе. Въ виду этого представилась незабѣжность измѣненія прежней тактики. «Народные Листы» откровенно высказались въ пользу его и мотивировали необходимость принять участіе въ чешскомъ учебномъ надзорѣ потребностью во-время спасти погибающую народную школу. Какъ бы ни представлялось подобное рѣшеніе непослѣдовательнымъ, слишкомъ уступчивымъ, нельзя однако не отнестись сочувственно къ людямъ, которые, сознавъ разъ

сдѣланную ошибку, не жертвуютъ чувству гордости охраненіемъ высшихъ народныхъ интересовъ.

Въ послѣдніе годы все чаще и чаще стали повторяться періодическіе частныя сѣзды членовъ федералистской партіи изъ различныхъ мѣстностей Цислейтаніи для обсужденія общей программы дѣйствій. Одинъ изъ этихъ сѣздовъ, происходившій недавно въ Прагѣ, имѣлъ важнымъ послѣдствіемъ установленіе ясно опредѣленной программы этой партіи, которая принимаетъ въ настоящее время на себя отличительное названіе партіи сторонниковъ народныхъ правъ (Rechtspartei). Когда издающаяся въ Градцѣ нѣмецкая «Tagespost», добывъ какъ-то случайно этотъ документъ, напечатала его съ искаженіями, федералистскія газеты, хотя и сѣтуютъ на совершенную ею нескромность, нашлись вынужденными напечатать эту программу въ ея полномъ видѣ. Она скрѣпляетъ еще разъ всѣ, въ разное время заявленныя, требованія областной автономіи, широкой законодательной дѣятельности сеймовъ, свободы народнаго образованія, признанія вполнѣ равноправными всѣхъ національностей, и т. д. Слѣдствія достигнутаго соглашенія уже видны: тирольскій сеймъ не отважился бы на прямой вызовъ правительству, еслибы не зналъ, что въ этомъ его поддержитъ вся федералистская партія. Тѣмъ важнѣе явилась и его оппозиція въ глазахъ министерства, которое видѣло въ ней, не безъ основанія, не одиночную вспышку своеволія, а лишь начало новой борьбы на всей линіи.

Какъ бы такое соглашеніе ни было еще ново и потому недостаточно прочно, но уже отраднымъ фактомъ можетъ служить, что оно могло состояться и выразиться осязательно. Въ иномъ бы свѣтѣ представились дѣла Транслейтаніи, еслибы между различными отдѣлками оппозиціи возможно было хотя такое единеніе; поэтому-то всѣ стремленія мадыарскаго министерства и были всегда направлены къ раздробленію оппозиціонныхъ силъ и склоненію отдѣльныхъ партій разнаго рода общаніями къ примиренію. Эта тактика болѣе, чѣмъ когда-либо, прилагается къ дѣлу въ настоящую минуту. Такъ завязаны были частныя переговоры съ нѣкоторыми представителями словаковъ, и вслѣдъ затѣмъ состоялась въ Пештѣ конференція ихъ, на которой съ рѣдкою довѣрчивостію они обѣщали признать австро-венгерское соглашеніе 1867 года, если имъ гарантирована будетъ равноправность словацкаго языка во всѣхъ официальныхъ сношеніяхъ, судахъ и т. д. съ мадыарскимъ языкомъ и учрежденіе чисто-словацкихъ школъ и гимназій. Въ то же время подобныя же попытки были сдѣланы относительно трансильванскихъ румыновъ, чуть ли не наиболѣе упорныхъ противниковъ настоящаго режима. Въ Германштэдтѣ точно также произошелъ сѣздъ румынскихъ депутатовъ, которые, не давая прямыхъ обѣщаній, выразили желаніе отступить отъ своей прежней политики и принять участіе въ избирательной агитаціи на румынскій церковно-народ-

ный конгрессъ. Хотя и въ томъ и въ другомъ случаѣ примиряющіяся фракціи еще не представляютъ всей интеллигенціи обоихъ племенъ, но сближеніе это должно быть принято за симптомъ поворота въ отношеніяхъ оппозиціи къ господствующей партіи,—поворота, который однако далеко не радикаленъ и весьма далеко отъ полнаго умиротворенія всѣхъ страстей. Какъ бы ни сближались словаки или румыны съ мадьярами, остается стойкимъ и неустрашимымъ сербское населеніе Воеводины и Баната; для сокрушенія его отпора посланъ въ Новый-Садъ королевскій комиссаръ Майтени, снабженный неограниченными полномочіями и ознаменовавшій свое вступленіе во власть цѣлымъ рядомъ самоуправствъ, касающихся какъ крупныхъ сторонъ народной жизни, такъ и мелкихъ (таково было, напр., распущеніе новосадскаго *приходскаго* попечительства), а за сербами стоитъ многочисленное хорватское племя, о компромиссѣ съ которымъ давно уже идутъ толки, тогда какъ соглашенія все-таки не достигается. Долго не проникало въ печать никакихъ извѣстій о ходѣ занятій обѣихъ сеймовыхъ депутацій, мадьярской и хорватской, которыя выбраны были для выработки основаній примиренія. Въ настоящее время сдѣлался уже извѣстнымъ проектъ хорватскихъ представителей, одновременно съ появленіемъ котораго поднялись въ мадьярскихъ газетахъ раздраженные толки о невыполнимости и чересмѣрности предлагаемыхъ условій,—словомъ, толки, предвѣщающіе, что и въ этотъ разъ никакого сближенія не состоится. Вотъ основанія хорватскаго проекта: Далмація, Хорватія и Славонія получаютъ названіе королевства далматско-хорватско-славонскаго, представляютъ собою государственное цѣлое, имѣющее общую связь съ Венгрією и «прочими землями его величества». Кромѣ дѣлъ и вопросовъ, общихъ какъ венгерскимъ, такъ и цислейтанскимъ землямъ, признается существованіе вопросовъ, общихъ тремъ областямъ, входящимъ въ составъ новаго королевства, и законодательство по этимъ вопросамъ присвоается хорватскому сейму; мѣстная администрація должна быть совершенно независима отъ обще-мадьярскаго правительства, и главой ея долженъ быть назначенный прямо императоромъ, безъ вмѣшательства мадьярскаго министра-президента, банъ королевства; въ общемъ министерствѣ долженъ быть министръ безъ портфеля по хорватскимъ дѣламъ; число депутатовъ, высылаемыхъ хорватами въ пештскій сеймъ, должно быть увеличено до 34-хъ; хорватское королевство принимаетъ на себя участіе въ мадьярскомъ государственномъ долгѣ, но взамѣнъ этого процентное участіе его въ общихъ мадьярскихъ расходахъ должно быть уменьшено съ $3\frac{1}{100}$ на $2\frac{87}{100}$ процента; долженъ быть учрежденъ особый высшій государственный судъ, вѣдѣнію котораго должны подлежать всѣ недоразумѣнія, вытекающія изъ новыхъ международныхъ отношеній мадьяръ къ хорватамъ. Какъ видимъ, этотъ проектъ, изъ котораго мы извлекли лишь главнѣйшія черты, имѣетъ сильное сходство съ тѣми

«фундаментальными статьями», которыя выработаны были чехами въ пору министерства Гогенварта, и во всякомъ случаѣ обнаруживаетъ любопытный примѣръ, какъ чисто-федеративныя формы представляются нынѣ наиболѣе приложимыми и спасительными и для разноплеменной Транслейтаніи. Понятно то неудовольствіе, съ которымъ мадьярскія газеты, и во главѣ ихъ «Пештскій Ллойдъ», встрѣтили этотъ проектъ; при сильной еще вѣрѣ мадьяръ въ несокрушимость своей власти, вѣроятно, что это неудовольствіе поведетъ за собой непріятіе и этого проекта, какъ и прежнихъ и, быть можетъ, въ недалекомъ будущемъ новое повтореніе этой, по-истинѣ сизифовой, работы со стороны хорватовъ.

Идея соглашенія, стремленіе найти въ немъ опору и скрѣпленіе разшатывающегося государственнаго зданія положительно не прививаются въ Австріи; вглядываясь въ ходъ быстро смѣняющихся примирительныхъ экспериментовъ, можно даже подумать, что она вовсе не приложима къ ней. Мало-по-малу слабѣютъ и исчезаютъ надежды на выполненіе примирительнаго призванія ея въ тѣхъ людяхъ, которые нѣкогда видѣли въ самомъ ея существованіи нѣчто въ родѣ историческаго компромисса, созданнаго судьбой для скрѣпленія разноплеменнаго ея состава. Грозенъ тотъ вѣщій приговоръ надъ злосчастной Австріей, который произнесъ маститый Палацкій, сходя съ своего политическаго поприща, въ завѣтѣ, оставляемомъ имъ своимъ послѣдователямъ *), и звучитъ онъ такимъ же послѣднимъ предвѣщаньемъ, какъ огненные буквы на пиру Валтазара, но онъ глубоко правдивъ. Австріи, постепенно подпадающей подъ полное владычество мадьяръ и горсти нѣмецкихъ спекуляторовъ и искателей приключеній, осталось не долго жить. Мы присутствуемъ при послѣднихъ ея трепетаніяхъ, и развязка тѣмъ рѣшительнѣе ускорится, чѣмъ сумасброднѣе будутъ планы, въ которые вовлечется одряхлѣвшее государство; что оно способно на это, доказываетъ множество фактовъ. Новѣйшимъ изъ нихъ и произведшимъ глубокое впечатлѣніе было распоряженіе австрійскаго генеральнаго штаба, предписывающее офицерамъ, принадлежащимъ къ этой части войскъ, изучить русскій языкъ и учреждающее при центральномъ управленіи особые курсы для этого изученія. Понятно, что гг. офицеры изучать нашъ языкъ не для того, чтобы наслаждаться гармоніей пушкинскаго стиха или чтобъ одолѣть десятокъ-другой сочиненій, составляющихъ всю нашу тактическую литературу, но чтобы лингвистическія свѣдѣнія пригодились имъ, когда случайности войны заведутъ ихъ въ глубь той самой страны, съ которою теперь ведется притворная дружба.... Такъ какъ мы уже коснулись этого щекотливаго вопроса, то можемъ встать передать сообщенныя

*) Въ слѣдующей книгѣ мы приведемъ полный переводъ этого замѣчательнаго произведенія, что дастъ намъ поводъ долѣе остановиться на немъ.

намъ однимъ изъ передовыхъ дѣятелей лужицкой народности (въ Саксоніи) подобныя же свѣдѣнія. Къ этому лицу, превосходно владѣющему русскимъ языкомъ, недавно являлось нѣсколько саксонскихъ офицеровъ (принадлежащихъ отнынѣ къ единой и нераздѣльной германской арміи) съ просьбой прочесть имъ курсъ русскаго языка, намекая, что это знаніе вѣроятно имъ вскорѣ понадобится. Разумѣется, для такой цѣли упомянутое лицо не согласилось давать уроковъ, но во всякомъ случаѣ этотъ частный случай можетъ служить новою иллюстраціей къ дружественнымъ увѣреніямъ, произносимымъ чуть ли не одновременно съ оттачиваніемъ штыка....

Столкновеніе прусскаго правительства съ палатой господъ по поводу новаго устава объ окружномъ устройствѣ показало еще разъ, на какомъ скудельномъ основаніи покоится зданіе новой имперіи. Оказалось, что перваго повода было достаточно, чтобъ обнаружить, какъ мало правительство можетъ рассчитывать на поддержку даже того элемента, который обыкновенно считался одной изъ его опоръ. Въ свое время мы указали, что новый окружный уставъ, какъ ни либераленъ онъ кажется съ виду, уничтожая вотчинную полицію и давая нѣкоторый просторъ самоуправленію округовъ, оставилъ все-таки нѣсколько льготъ крупнымъ собственникамъ и дворянству. Было несомнѣнно, что по введеніи устава практика снова покажетъ, что власть осталась почти въ тѣхъ же рукахъ, изъ которыхъ ее хотѣли извлечь. Какъ видно, этихъ льготъ показалось мало почтеннымъ феодаламъ; они пожелали сохранить всю власть, не дѣлясь ею ни съ кѣмъ, и бросили правительству смѣлый вызовъ, заявляя устами г. Влейстъ-Ретцова, что не дорожатъ сохраненіемъ его. И что же? Послѣ грома упрековъ и чуть не проклятій, посылавшихся на верхнюю палату въ печати и обществѣ, послѣ тронной рѣчи, которою возобновлена была сеймовая сессія, послѣ прямаго заявленія императора, что онъ не отступитъ ни передъ какими средствами, чтобы провести важную реформу, оказывается, что окружный уставъ подвергается новому пересмотру, причемъ будутъ приняты во вниманіе замѣчанія, высказанныя палатой господъ. Стало-быть, этой палатѣ будетъ вторично представленъ не тотъ же самый проектъ, а измѣненный по возможности такъ, какъ этого желала она. Иными словами, это все-таки уступка, все-таки сознаніе въ слабости тѣхъ же лицъ, которые готовы будто бы не уступать ни передъ какими средствами, и т. д. Правительство Бисмарка сдѣлало очевидно ошибку, раздраживъ противъ себя своихъ же клеветовъ. Какъ Тьеру постоянно напоминаютъ объ обѣщаніи, данномъ въ Бордо, такъ и канцлеру нѣмецкой имперіи его старые друзья могли бы напомнить многія рѣчи и дѣянія прежняго времени, идущія въ разрѣзъ съ теперешнимъ лже-либерализмомъ. И въ самомъ дѣлѣ, этотъ либерализмъ является несомнѣнно лишь желаніемъ заручиться расположеніемъ извѣстной партіи, въ которой наряду съ

реакціонными стремленіями не вымерло еще нѣкоторое нравственное чутье, воздерживающее ее отъ крайностей ретрограднаго движенія. Въ сущности же, какое дѣло этому архи-феодалу до либеральныхъ реформъ! Самое сопоставленіе его имени съ ними дѣйствуетъ какъ-то странно. Что ему Гекуба?

Въ то время, когда разрывъ правительства съ феодалами въ Пруссіи является призракнымъ и далекимъ отъ осуществленія, во Франціи происходитъ сродное явленіе, грозящее имѣть гораздо серьезнѣйшія послѣдствія. Уже толки о различныхъ проектахъ конституціонныхъ реформъ, приписываемыхъ президенту, возбудили по разнымъ причинамъ неудовольствіе консервативно-монархической партіи. Слухи о предполагаемомъ учрежденіи второй палаты, которая будетъ въ состояніи произнести распушеніе національнаго собранія, о несогласіи Тьера на принятіе принципа пожизненности власти президента (принципа, сильно улыбающагося монархистамъ, которые, въ случаѣ избранія въ президенты члена одной изъ низложенныхъ династій, могутъ, при помощи этой пожизненности, подготовить удобный переходъ къ монархіи) показывали, что Тьеръ не расположенъ отречься отъ новѣйшей диверсїи, совершаемой имъ нынѣ въ сторону республиканской партіи, и что распушеніе національнаго собранія вовсе не невозможно. Быть-можетъ, для устрашенія правительства и показанія своей собственной силы, были устроены монархическія демонстраціи, въ родѣ банкета въ Бордо и военной вечеринки въ Ла-Фэрѣ, преисполненныхъ вызывающими рѣчами и выраженіями сочувствія къ павшей системѣ. Тѣ самые люди, которые громко требовали карательныхъ мѣръ по поводу недавней поѣздки Гамбетты въ Гренобль и Савойю, предоставляли себѣ какъ бы неограниченное право безпрепятственно пользоваться тѣмъ же средствомъ агитаціи для цѣлей своей партіи. За то именно во время преній въ національномъ собраніи, возбужденныхъ запросомъ Шангарнье по поводу рѣчей Гамбетты, и пришлось консерваторамъ снова убѣдиться въ ослабленіи ихъ значенія. Не вдаваясь даже въ подробное обсужденіе предосудительности или безобидности дѣйствій Гамбетты, Тьеръ не задумался порицать ту уловку консерваторовъ, которая рѣчамъ бывшаго диктатора приписываетъ громадное значеніе, избирая ихъ поводомъ къ нападкамъ на правительство. Онъ потребовалъ выраженія довѣрія къ правительству, настаивалъ на томъ, что порицатели шаткости его должны его укрѣпить,—словомъ, требовалъ покорности,—и достигъ этого. Еще разъ сила вещей повліяла на мятежное большинство и оно приняло такой мотивированный переходъ къ очереднымъ дѣламъ, какого хотѣлъ президентъ. Для всякаго ясно, что увеличивающаяся рѣшительность Тьера въ отношеніи большинства должна служить предвѣстіемъ близкой катастрофы. Время отъ времени у осторожнаго и увертливаго президента прорываются выраженія, прямо намекающія на это. Такъ, во время преній, возбужденныхъ предложе-

ніемъ Кердреля объ отвѣтѣ собранія на посланіе президента, придирчивость членовъ большинства къ мелочамъ формы отвѣта, выведя изъ терпѣнія Тьера, заставила его напомнить, что онъ можетъ обратиться къ *настоящему большинству*, т. е. къ французскому народу, что равносильно было угрозѣ распушенія собранія. Эта фраза, конечно, была тотчасъ же искусно замята, но впечатлѣніе, произведенное ею, не могло такъ быстро изгладиться и должно, вмѣстѣ съ заявленіемъ президента по поводу запроса Шангарнье, быть сочтено немаловажнымъ признакомъ времени. Успѣхи внѣшней политики правительства очевидно способствуютъ усиленію его рѣшительности во внутреннихъ столкновенияхъ. Очищеніе нѣмецкими войсками департаментовъ Марны и Верхней Марны и заключеніе торговаго трактата съ Англіей, въ текстѣ котораго англійское правительство не разъ и съ особеннымъ удареніемъ упоминаетъ о дружественныхъ отношеніяхъ своихъ къ Франціи и о желаніи содѣйствовать ея благосостоянію,—эти успѣхи служатъ опорой политики министерства. Если справедливъ слухъ, что Тьеръ ожидаетъ полного очищенія территоріи отъ непріятельскихъ войскъ для распушенія собранія и прямаго обращенія къ народу съ объясненіемъ положенія дѣлъ и дальнѣйшихъ правительственныхъ видовъ, то время этой катастрофы очевидно уже не за горами.

Недавніе выборы въ національный совѣтъ въ Швейцаріи представили странное зрѣлище. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ пересмотръ союзной конституціи, предложенный правительствомъ и составленный въ интересахъ скрѣпленія центральной власти и въ ущербъ кантональному самоуправленію, былъ отвергнутъ при подачѣ голосовъ самимъ народомъ, и притомъ громаднымъ большинствомъ. Въ настоящее время выборы въ національный совѣтъ обнаружили, что избиратели сохранили ненарушимо свое довѣріе къ тѣмъ самымъ лицамъ, чью реформу они такъ недавно отвергли, снова избрали ихъ и тѣмъ сдѣлали возможнымъ новое возбужденіе вопроса о централистскомъ исправленіи конституціи.... Такой результатъ можетъ быть объясненъ лишь поразительной индифферентностью массы къ ближайшимъ своимъ интересамъ,—индифферентностью, на которую въ послѣднее время все чаще жалуются лучшіе люди швейцарскаго народа. Бываетъ пора и въ исторіи свободнѣйшихъ народовъ, когда эта индифферентность подготавливаетъ полное одряхлѣніе государства, паденіе политическаго сознанія, и открываетъ просторъ интригамъ и посползновеніямъ враждебныхъ государствъ. А Швейцаріи есть чего опасаться отъ двухъ грозныхъ ея сосѣдей, тѣсно облегающихъ ее и слѣдующихъ отнынѣ, послѣ берлинскаго съѣзда, одинаковой политикѣ. Вспомнимъ, какъ пересмотръ швейцарской конституціи возбуждалъ общее вниманіе въ Германіи, какъ швейцарскіе централисты пользуются поддержкой нѣмецкихъ ихъ единомышленниковъ, какъ будто подготавливая водвореніе Гогенцоллернскаго владычества и въ нѣмецкихъ кантонахъ,

родинѣ швейцарской свободы и независимости, — и мы поймемъ давнія опасенія швейцарцевъ, выраженные еще недавно въ талантливомъ памфлетѣ *Битва при Бернѣ* (составляющемъ швейцарское переложеніе извѣстной нашимъ читателямъ *Битвы при Доркилѣ*), которые предчувствуютъ неизбежность борьбы за существованіе съ широко-разбрасывающимся нѣмецкимъ государствомъ.

Редакторъ-издатель С. А. Юрьевъ.

